

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

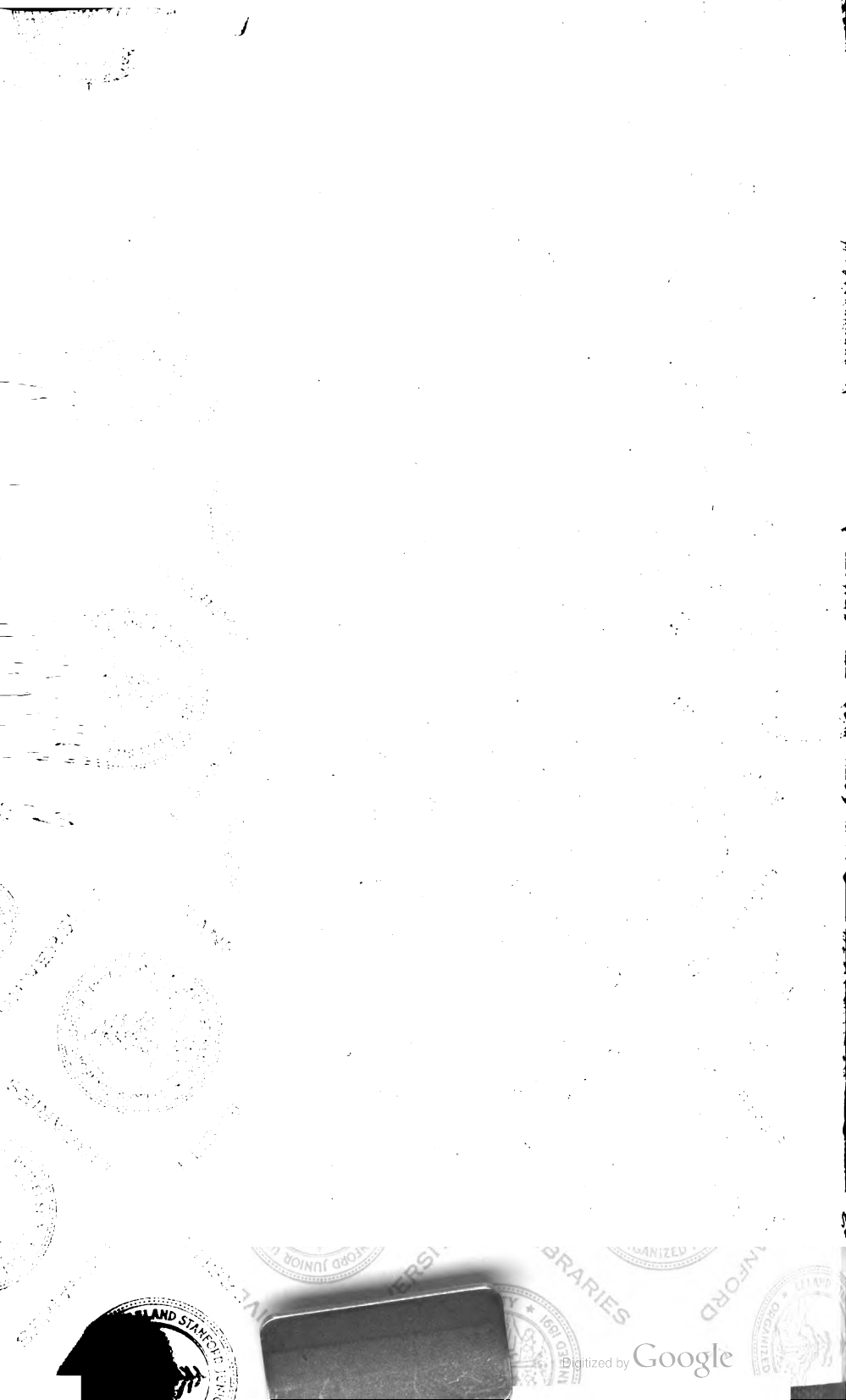
О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Stanford University Libraries

3 6105 210 176 215

BRARIES

IN FORD

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕБНЫЙ,

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ XVIII. АПРѢЛЬ. 1899 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТРАН.
I. Чужая душа—потемки. (Изъ записокъ Инакова). Н. Θ. Баммина	7
II. Валтасаръ. (Изъ «Книги пѣсенъ», Г. Гейне). Стихотвореніе К. В. Иванова	60
III. Объ условіяхъ торговли виноградными винами въ Россіи и о мѣрахъ къ развитію этой торговли. Я. Л.	62
IV. Изъ дневника. Стихотвореніе Л. Афанасьева	70
V. Бѣглый. (Дорожный эскизъ). Бахмача	71
VI. Наши судебные порядки предъ судомъ присяжнаго засѣдателя. Д. Орлова	92
VII. Весенній лучъ. Стихотвореніе С. Киснемскаго	112
VIII. Желѣзный канцлеръ древняго Египта. Романъ въ 2-хъ частяхъ. В. И. Крыжановской (Рочестеръ)	113
IX. Гдѣ спасеніе? (Изъ Привисливья). Г. П. Ц—ова. (Оконч.).	189
X. Вечеръ. (Изъ Сюлли Прюдома). Стихотвореніе А. Мейснера.	208
XI. Актриса. («Голубая герцогиня»). Романъ Поля Буржэ (Оконч.)	210
XII. Провинціальная жизнь. X.	307
XIII. Страхъ. Стихотвореніе Г. Арищенки	337
XIV. Изъ моего прошлаго. (Литературныя и общественныя воспоминанія). А. П. Пятковскаго	338
XV. Мечта. Стихотвореніе Р.	352

(См. на оборотѣ).

№ 4 „Наблюдателя“ вышелъ 15 апрѣля 1899 года.

XVI. Политическая хроника 1

Вліяніе циркуляра 12 августа объ уменьшеніи воору-
женій и третейскій миръ.—Банкеты и паломничества
Циркулярная депеша отъ 11 марта 1889 г.—Приглашен-
ію въ Гаагу.—Внутреннія волненія во Франціи.—Из-
Стремленіе національной партіи во Франціи къ усиленію
власти.—Арестъ Деруляда.—Коренной недостатокъ
режима.—«Арифметическое большинство» и его вліяніе
республики.—Безвластіе французскаго президента.—Ц-
гущіе со своего поста.—Выгодное положеніе президен-
канскихъ Штатовъ сравнительно съ безвластіемъ пре-
цузской республики.—Гибельная роль «дрейфусіады».—
антисемитизмъ во Франціи и Австріи.—Итальянскія
Китай.—Борьба норвежцевъ со шведами.

й.—«Добрыя
узой мира—
на конферен-
ніе Лубэ.—
центральной
ламентскаго
з президента
иденты, бѣ-
Сѣв.-Амери-
цента фран-
звивающійся
вантюры въ

XVII. Новыя книги: 1) *К. Скальковскій*. Въ театральномъ мірѣ. На-
блюденія, воспоминанія и разсужденія. Спб. 1899 г. 2) *Ж. Губеръ*.
Иезуиты. Ихъ исторія, ученіе, организація и практическая дѣя-
тельность въ сферѣ общественной жизни, политикі и религіи.
Переводъ *В. Н. Писаревой*. 3) *Д-ръ Жакъ Бертильонъ*. Выми-
раніе французскаго народа (Finis Galliae). Пер. *Ө. Латернера*.
С.-Петербургъ. 1899 г. 17

XVIII. Наши внутреннія дѣла 24

Рѣчь-программа министра финансовъ.—Россія есть по преимуществу
земледѣльческая страна.—Огношеніе земледѣлія къ торговлѣ и про-
мышленности.—Роль и значеніе покровительственныхъ пошлинъ.—
Излишнія претензіи фабрикантовъ.—Новый законъ, разочаровавшій
евреевъ.—Любопытное рѣшеніе сената, не согласующееся съ основнымъ
закономъ о приобрѣтеніи дворянства евреями.—Потуги финляндцевъ.—
Высочайшая инициатива въ рѣшеніи внутреннихъ вопросовъ.—На-
значеніе генераль-адъютанта П. С. Ванновскаго для разслѣдованія
студенческихъ беспорядковъ.—Правительственное сообщеніе о томъ же
предметѣ.—Финаль процесса Бѣлякевича.—Мнимыя гоненія на
католицизмъ и дѣйствительныя гоненія, идущія со стороны самого
католицизма.—Фанатизмъ иезуитовъ и жидовъ.

XIX. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). 1) **И смѣхъ, и горе** (Ли-
тературныя и общественныя замѣтки). *Херемъ*, налагаемый на
русскія періодическія изданія и на русскіхъ людей, неугодныхъ ка-
галу.—Средства къ ожидовленію русскоі прессы: заугиваніе и ли-
шеніе кредита.—«Войкотированіе» русскіхъ издателей.—Имѣетъ ли что
нибудь общее еврейская тенденція съ «прогрессомъ», «свободою» и
«культурою»?—Упраздненіе всякаго другаго націонализма, кромѣ жи-
довскаго, и всякой другой религіи, кромѣ талмудизма.—Изувѣръ мрач-
ныхъ временъ подъ маскою «свободнаго мыслителя».—Требованія отъ
журналиста, приваивающаго нравственное «обртзаніе».—Измѣна прави-
тельству и измѣна народу.—Необходимость государственнаго кредита
для національной печати.—Современный парламентскій режимъ, какъ
наиболѣе удобный путь для еврейскихъ захватовъ.—Расшатываніе силь-
ной государственной власти.—Подкопы и подкупы.—Жиды, «считающіе
безъ хозяина».—Новый законъ о первоилдѣйныхъ купцахъ-евреяхъ.—
Сохраненіе прежняго взгляда на зловредность талмудизма.—«Прямо-
линейность» и вліяніе въ еврейскомъ вопросѣ.—Выходка «Южнаго
Края».—Малороссы, идущіе, въ честь Шевченки, подъ жидовское
ярмо.—Quousque tandem?—**Ефима Простосердова** 42

2) Стихотвореніе **Хмураго Барда** 53

XX. Объявленія

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕБНЫЙ

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ПРОВЕРЕНО
Книгохранилищ

№ 4. А П Р Ъ Л Ъ. 1885 г.

БИБЛИОТЕКА

15-АВГ-1918

№ 116: 139
[24x16]

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Редакция и Главная Контора помѣщаются въ Пушкинской улицѣ, № д. 14.
(противъ сквера).

1889.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

STACKS

FEB 20 1974

AP50

N33

V.18:4

1899

ПРОДАЕТСЯ ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ:

„УКАЗАТЕЛЬ“

статей, напечатанныхъ въ журналѣ
„Наблюдатель“ за 12 лѣтъ, съ 1882 по
1894-й годъ (по фамиліямъ авторовъ).

ЦѢНА: безъ пересылки 25 коп.; съ пере-
сылкой 30 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА, НА 1899 Г., НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ГОДЪ XVIII | „НАБЛЮДАТЕЛЬ“ | ГОДЪ XVIII

Выходитъ ежемѣсячно, безъ предварительной цензуры, книгами отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ, въ объемъ и форматъ самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, съ иллюстраціями.

Вступивъ въ 18-й годъ своего существованія, журналъ издается въ томъ же твердо установившемся направленіи, съ которымъ хорошо знакомы наши постоянные читатели. «НАБЛЮДАТЕЛЬ», прежде всего, стремился быть *журналомъ* въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимали это слово лучшіе дѣятели нашей журналистики, и рядъ статей, въ немъ появлявшихся, не представляетъ собою сброда разныхъ направленій, пріютившихся подъ одну обложку, но проникнутъ и связанъ общностью одного опредѣленнаго міросозерцанія¹⁾. Общее же направленіе нашего журнала, — насколько намъ удалось выдержать его по всѣмъ выдающимся вопросамъ внутренней и внѣшней политики, — мы имѣемъ право назвать *прогрессивно-національнымъ*.

Въ 1896 г., для подписчиковъ нѣкоторыхъ категорій, была сдѣлана скидка въ размѣрѣ 2 р. съ годовой платы. Въ слѣдующемъ же году редація нашла возможнымъ — *сбавить подписную цѣну для всѣхъ подписчиковъ безъ различія и приложить къ журналу иллюстраціи*.

¹⁾ «Указатель» статей, напечатанныхъ въ нашемъ журналѣ за двѣнадцать лѣтъ (съ 1882 по 1894 годъ), былъ приложенъ къ декабрьской книгѣ 1894 года, а затѣмъ вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ (см. на оборотѣ титульной страницы).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ. На полгода. На три мѣс

Съ доставкою въ С.-Петер-
бургъ и съ пересылкою

въ другія мѣста Россіи.	12 руб.	6 руб.	3 руб.
» пересылкою за границу.	14 »	7 »	4 »

Книгопродавцамъ — 50 коп. уступки съ годового экземпляра журнала (гербовый сборъ не включается въ уступку). При подпискѣ полугодовой, уступки не полагается. Гг. служащимъ—разсрочка за поручительствомъ казначеевъ.

Подписка съ разсрочкою адресуется *исключительно* въ Главную Контору журнала.

Въ книгахъ журнала за прошлый годъ, къ тексту приложены портреты: *Н. В. Муравьева* (мин. юстиціи), *А. С. Ермолова* (мин. земледѣлія), *С. Ю. Витте* (мин. финансовъ), *П. С. Ванновскаго* (бывш. военного министра), графа *Н. П. Игнатьева* (бывш. министра внутреннихъ дѣлъ) и *И. П. Корнилова* (почетнаго опекуна, бывшаго попечителя виленскаго учебнаго округа).

Подписка на текущій годъ продолжается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ—въ Главной Конторѣ Редакціи (Пушкинская ул., близъ Невскаго пр., № 14), въ конторѣ «Новаго Времени» (Невскій пр., № 40); въ конторѣ Березовскаго (Поварской пер., № 2), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ; въ Москвѣ — въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи), въ книжномъ магазинѣ Карбасникова (Моховая, противъ Университета) и въ отдѣленіи конторы «Нов. Времени»; въ Одессѣ—въ книжн. магазинахъ Распопова и «Нов. Времени»; въ Кіевѣ — въ книжн. магазинахъ Оглоблина, Литова и Идзиковскаго; въ Харьковѣ и Саратовѣ — въ книжн. магазинахъ «Нов. Времени»; въ Казани — въ книжн. магазинѣ Дубровиной; въ Варшавѣ — въ книжн. магазинѣ Карбасникова. Редакція отвѣчаетъ только за подписку, принятую въ Главной Конторѣ журнала.

Адресъ для телеграммъ: Петербургъ, Редакція «Наблюдателя». Телефонъ № 2237.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1899 Г. ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ:

ГОДЪ Ш. „ГЛАСНОСТЬ“ ГОДЪ Ш.

Программа «ГЛАСНОСТИ» обнимаетъ собой нижеслѣдующіе отдѣлы:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Политика внутренняя. Передовыя статьи по вопросамъ общественной жизни, городского, земскаго и сельскаго самоуправления. Дѣятельность частныхъ обществъ. 3) Отдѣлы: литературно-художественный (беллетристика во всѣхъ ея видахъ), критическій, научный (по всѣмъ отраслямъ знанія), судебно-юридическій (съ печатаніемъ процессовъ и обсужденіемъ судебныхъ рѣшеній), военный, церковный, торгово-промышленный, финансовый, экономическій. сельско-хозяйственный, театральный; обзоръ искусствъ. 4) Политика внѣшняя. Передовыя статьи. Телеграммы внѣшнія, доставляемыя агентствами, и свои собственныя. 5) Хроника внутренней и заграничной жизни. Событія дня. Русскія и иностранныя корреспонденціи. Внутреннія телеграммы. Письма въ редакцію и стороннія сообщенія. 6) Фельетоны изъ общественной и литературной жизни. Дневникъ печати и библиографія. 7) Биржа. Курсовая таблица. 8) Смѣсь. Разныя извѣстія. Справочныя свѣдѣнія. 9) Иллюстраціи. 10) Объявленія.

Кромѣ текущихъ извѣстій и передовыхъ статей по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ внѣшней политики и нашей внутренней жизни, въ газетѣ печатались постоянно: «Парижскія письма», «Съ береговъ Темзы», «Петербургскіе наброски», «Московскія замѣтки», «Вопросы дня», «Замѣтки кстати», «Отголоски» и пр. Отдѣламъ:

«Дневникъ печати» и «Наши внутреннія дѣла» придано особенное развитіе, такъ что они представляютъ полный обзоръ всѣхъ выдающихся мнѣній прессы и всѣхъ крупнѣйшихъ событій провинціальной жизни. Въ текстѣ помѣщены портреты: бывшаго военнаго министра гр. *Д. А. Милютина*, бывшаго министра нар. просвѣщенія гр. *И. Д. Делянова*, ст.-секретаря *И. Н. Дурново*, и бывшаго редактора «Новороссійскаго Телеграфа» *М. П. Озмидова*.

По обстоятельствамъ, отъ Редакціи не зависящимъ, *возобновленіе газеты отлагается*. (Эти обстоятельства выяснены въ январьской книгѣ «Наблюдателя», въ отдѣлѣ «Фонографа»). Подписчики могутъ по желанію: 1) или перенести свои взносы на «НАБЛЮДАТЕЛЬ» (причемъ они пользуются *скидкой 2 р. съ годовой цѣны*); или 2) получать газету «Русскій Листокъ» съ приложеніями; или 3) взять обратно деньги изъ Главной Конторы.

Редакторъ-Издатель А. П. Пятковскій.

ЧУЖАЯ ДУША — ПОТЕМКИ.

(Изъ записокъ Инакова).

VII.

Въ этотъ день Олимпіада Ивановна и Ливнева обѣдали у насъ. Обѣдъ прошелъ весело для всѣхъ, кромѣ меня. Почти все время происходило настоящее судебное слѣдствіе по поводу того, — купались сегодня сестры или не купались. Производился формальный допросъ, отбирались свидѣтельскія показанія, между прочимъ, и показаніе Ливневой, которой сестры сказали, что купаться сегодня нельзя, потому что вода слишкомъ холодна... Одни обвиняли, другія вывертывались, насколько могли; всѣ шумѣли, хохотали. Не было весело только мнѣ, да, можетъ быть, еще мамѣ, хотя и она казалась на этотъ разъ довольно оживленной. Меня сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, тяготила застѣвая мнѣ въ голову мысль, что я — лишній въ дружномъ кружкѣ, собравшемся за этимъ столомъ. Олимпіада Ивановна, мама, Ливнева — всѣ вмѣстѣ — не обмѣнялись со мной во время обѣда и шестью словами. Братъ, сестры, бабушка, обращались ко мнѣ съ какимъ нибудь вопросомъ или замѣчаніемъ только изрѣдка, словно по прежней привычкѣ, отъ которой они еще не успѣли отстать...

Когда вышли изъ-за стола и стали пить кофе, я поспѣшилъ уйти. Еслибы не вчерашняя просьба или, вѣрнѣе, не вчерашнее приказаніе мамы, чтобы я сидѣлъ сегодня дома, я немедленно ушелъ бы опять куда нибудь на дальнія озера и пробылъ бы тамъ, съ Хватомъ или безъ Хвата, дня три, четыре. Но теперь я совсѣмъ не зналъ, что дѣлать и куда дѣваться: не то идти въ мезонинъ и попробовать почитать, если

будеть читаться, не то лечь спать, не то опять сѣсть въ лодку или приняться за ужение. Я стоялъ на берегу, около лѣстницы въ купальню, курилъ папиросу и хмуро прислушивался къ веселому смѣху и говору, шедшему у насъ въ квартирѣ, какъ вдругъ кто-то слегка сжалъ мою руку повыше локтя. Обернувшись, я увидѣлъ передъ собой Оборина. Также тщательно одѣтый, какъ всегда, онъ стоялъ передо мной и съ дружеской улыбкой смотрѣлъ на меня.

— Когда вы воротились съ вашей ры... рыбалки?—спросилъ онъ.

Я сказалъ, что только вчера вечеромъ.

— Сегодня я видѣлъ съ того берега, вы рыбачили тутъ,—сказалъ онъ, указывая внизъ, на рѣку.—А теперь, вѣроятно, подумываете опять приняться за то же?..

— Нѣтъ, не знаю... Здѣсь безпрестанно мѣшаютъ... ходять, смотреть... я не люблю,—сказалъ я.

Онъ какъ-то особенно мягко,—такъ что я почти не замѣтилъ этого,—взялъ меня подъ руку и повелъ по берегу, говоря въ то же время:

— Если не знаете, то пойдите лучше ко мнѣ. Сегодня я—совсѣмъ сиротой въ домѣ. Родственники мои съ утра уѣхали въ Павловскъ и вернутся, вѣроятно, не раньше ночи. Пойдете... я покажу вамъ лодку, поиграемъ въ кегли, если хотите, а то просто посидимъ, покуримъ, поговоримъ о чемънибудь...

Въ его лицѣ, голосѣ, во всемъ обращеніи со мной чувствовалось такое дружеское, давно не виданное мной, расположеніе, что онъ, такъ сказать, купилъ меня. Я пошелъ бы за нимъ куда угодно,—пошелъ бы даже не сегодня, когда я и безъ того только думалъ о томъ, чтобы уйти подальше отъ дома. Наша дача была выстроена въ такъ называемомъ «Новомъ углу», на высококомъ берегу Сосвы, на которомъ еще нѣсколько лѣтъ назадъ шумѣлъ почти сплошной лѣсъ, а домъ Вентеревыхъ былъ на другой сторонѣ рѣки, на старыхъ мѣстахъ, гдѣ находилась, такъ сказать, основная часть села. Мы прошли по нашему берегу, перешли по мосту на другую сторону, прошли мимо церкви. Передъ дачей Вентеревыхъ былъ устроенъ на самомъ берегу рѣки легкій досчатый навѣсъ, и подъ нимъ стояли на особыхъ деревянныхъ подставкахъ двѣ

лодки, покрытыя брезентами. Я тотчасъ же подошелъ къ байдаркѣ Оборина.

— Славная, славная вещь!—сказалъ я, любуясь ею, какъ изящной игрушкой.

— Эта?!—произнесъ Оборинъ, и по всему его лицу словно расплзлась добродушно-насмѣшливая улыбка. Онъ взглянулъ кругомъ, чтобы убѣдиться, что по близости нѣтъ никакихъ постороннихъ ушей, и, все таки понизивъ, на всякій случай, голосъ, сказалъ: — Старый хламъ... Гниль!.. Давно не стѣбитъ краски, которая на нее идетъ... Каждый разъ, какъ мнѣ случается поѣхать на ней куда нибудь, я стараюсь глядѣть во всѣ глаза, чтобы не натолкнуться на какое нибудь полѣно тяжелой... Хорошаго полѣна—и того достаточно, чтобы проломить ея старые бока. Если я держу ея, то просто для того... ну, просто, для декораціи... Вотъ вы сказали же о ней, что она—«славная вещь»... Ну, пусть люди думаютъ, что у меня есть «славныя вещи»!..

Онъ засмѣялся, лукаво подмигнувъ мнѣ однимъ глазомъ и указавъ на другую лодку.

— Вотъ эта—другое дѣло!.. Дядя купилъ ее уже подержанной и заплатилъ за нее что-то около четырехсотъ рублей... Не дорого... Не обидно было бы заплатить и подороже... Теперь тетушка облѣнилась и не прогуливается больше на лодкѣ. Но года два назадъ, когда она изрѣдка еще каталась на ней, она приходила сюда вдвоемъ, съ горничной: горничная брала лодку за одинъ конецъ, Александра Алексѣевна за другой, и вдвоемъ, безъ всякихъ усилій, поднимали ее и ставили на воду. А въ ней—три сажени... Легка замѣчательно!.. Она сдѣлана изъ какой-то шотландской сосны... Руль—изъ какого-то другаго дерева, онъ толщиной въ обыкновенный хорошій картонъ.

— «Щука», — прочиталъ я названіе лодки, написанное у нея на носу.

— Это окрестилъ ее дядя. Онъ охотится на ней за щуками. Можетъ быть, вы видали его иногда, когда онъ ѣдетъ на ней?.. Сидитъ всегда на кормѣ, около руля; пиджакъ застегнутъ непременно на верхнюю пуговицу, подъ самое горло; шляпа у него на затылкѣ, въ зубахъ сигара, въ одной рукѣ—шнурокъ отъ руля, въ другой—бичевка его рыболовнаго сна-

ряда. Онъ, вѣдь, тоже вашего полку, — рыбакъ. Только онъ ловить не на удочку, а... какъ это называется?.. на такую искусственную рыбку...

— «Блесна», — сказалъ я. — Иначе называется еще «дорожкой».

— Вотъ именно... Онъ такъ и выражается, что «ѣздить съ дорожкой»... Выраженіе довольно странное для нерыбачкаго уха... Однако, надо ему отдать справедливость, онъ «ѣздить» по большей части удачно и привозитъ шукъ въ аршинъ и болѣе... Самъ же и ѣстъ ихъ въ маринованномъ видѣ. Впрочемъ, для него, должно быть, вкусны шуки только его собственнаго улова. По крайней мѣрѣ, насколько я могу припомнить, эти маринованныя шуки появляются у нихъ за столомъ только тогда, когда онъ самъ ихъ наловитъ...

Разсказывая это, онъ велъ меня подъ руку въ ворота вентеревскаго дома, въ просторный дворъ, отдѣленный зеленой рѣшеткой отъ тѣнистаго сада, на крыльцо съ затѣйливо обдѣланными деревянными столбами и, наконецъ, ввелъ въ свою комнату. Комната оказалась просторною, высокою, съ двумя окнами и со стеклянною дверью, выходящими въ садъ. На одной стѣнѣ висѣла цѣлая коллекція разныхъ ятагановъ, сабель, кинжаловъ, пистолетовъ; на другой, надъ недлиннымъ, но очень широкимъ диваномъ, виднѣлась какая-то большая картина, обтянутая, вмѣстѣ со своей массивной позолоченной рамой, бѣлой кисеей. Въ глубинѣ комнаты былъ каминъ, обдѣланный мраморомъ. У стѣны, около одного окна, стоялъ большой письменный столъ на шкафикахъ; у стѣны, около другаго окна, помѣщалось пианино изъ чернаго дерева. Вездѣ блестяли различныя вещи изъ желтой бронзы: массивные и высокіе часы на каминѣ, подсвѣчники на пианино, подсвѣчники и письменные приборы на письменномъ столѣ, пепельницы на маленькихъ столикахъ, большая лампа на низенькой этажеркѣ въ углу.

Оборинъ, какъ-то странно усмѣхаясь, поглядѣлъ на меня, когда я окинулъ глазами эту порядочно пеструю, но, во всякомъ случаѣ, богатую обстановку.

— А знаете, для кого предназначалось это помѣщеніе?— спросилъ онъ.— Для *настоящаго* племянника... Вотъ для кого... Я, вѣдь, не настоящій,—всего только двоюродный. А то есть

настоящій... родной, любимый... Тетушка специально для него и обставила это помещеніе, на тотъ случай, если «Павушка» вдругъ прїѣдетъ и захочетъ пожить съ ними... Горе только въ томъ, что Павушка совсѣмъ и не думаетъ объ этомъ. За послѣдніе четыре года онъ провелъ въ этомъ помещеніи всего только одну ночь, да и то случайно... потому что простудилъ себѣ желудокъ и не рискнулъ въ такомъ состояніи ѣхать ночевать въ Петербургъ.

Оборинъ опять усмѣхнулся, скрививъ губы, и продолжалъ:

— Исторія, видите ли, такая, что у этого Павушки есть свое, довольно хорошее состояніе, да года три назадъ онъ женился и получилъ за супругой еще другое, такое же. Конечно, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ отказался отъ третьяго, которое со временемъ можетъ достаться ему отъ тетушки. Но дѣло въ томъ, что онъ человѣкъ еще молодой, живетъ себѣ въ своемъ Кіевѣ весело, къ тому же служить (въ военной службѣ), слѣдовательно, занятъ... Гдѣ жь ему посѣщать еще тетушку?.. Будетъ съ нея и того, если онъ изрѣдка, — эдакъ, разъ въ три мѣсяца, — напишетъ ей небольшое, но хорошее письмо и поцѣлуетъ ей ручки черезъ почтальона... Будетъ... вполне достаточно! Иногда мнѣ приходитъ въ голову, что не слишкомъ ли часто балуетъ онъ Александру Алексѣевну своими письмами? Пожалуй, одного письма въ годъ было бы за глаза довольно. Очень можетъ быть, что тетушка любила бы его еще больше, еслибы онъ вспоминалъ о ней еще рѣже. Вѣдь для того, чтобы сохранить ея любовь, ему совершенно достаточно того, что онъ нисколько не нуждается въ ней. Вотъ еслибы онъ какимъ нибудь образомъ разорился и сталъ нуждаться въ деньгахъ, ну, тогда—извините... Тогда я не рѣшился бы держать пари даже «на булку», — какъ водилось у насъ въ корпусѣ,—что ему удастся сохранить за собой привязанность Александры Алексѣевны... А покуда онъ богатъ, онъ можетъ быть спокоенъ, что ея теплыя чувства къ нему не охладѣютъ... Боже мой!.. Да еслибы я выигралъ тысячу семьдесятъ пять или какимъ нибудь другимъ манеромъ устроился такъ, что могъ бы жить да поживать, не заботясь о завтрашнемъ днѣ и не нуждаясь ни въ чемъ благоволеніи... вѣдь, тогда тетушка немедленно прониклась бы самыми теплыми

чувствами ко мнѣ... Если считать, что температура ея тепершняго благорасположенія ко мнѣ равна, приблизительно, нулю, то тогда она сейчасъ же поднялась бы, по меньшей мѣрѣ, градусовъ до пятнадцати. Обязательно!

Онъ пододвинулъ мнѣ коробку съ папиросами, спички, пепельницу, и спросилъ: не хочу ли я чаю, или, можетъ быть, пива?..

— Пиво есть хорошее, прямо съ завода. Я самъ привезъ его на дняхъ въ моей байдаркѣ,—значить, рискуя жизнью,—сказалъ онъ, посмѣиваясь.

Мы курили, говорили, бродили по комнатамъ, рассматривая оружіе, развѣшанное на стѣнѣ, ходили по саду, сыграли партію въ кегли и пошли въ другой конецъ сада.

— Скажите мнѣ, пожалуйста,—сказалъ вдругъ Оборинъ:—какая это таинственная, прелестная особа появилась у васъ въ башнѣ?

— Въ башнѣ?! — съ недоумѣніемъ переспросилъ я; удивленно смотря на него.

— А развѣ вы не знаете, что живете въ башнѣ?—спросилъ онъ и, снова взявъ меня подъ руку, повелъ обратно, потомъ въ боковую аллею и, наконецъ, въ бесѣдку, изъ которой открывался довольно обширный видъ на окрестности.

— Смотрите, — сказалъ онъ, указывая протянутой рукой на противоположный берегъ.

Я посмотрѣлъ туда и увидѣлъ, что нашъ домъ, — высокій, несоразмѣрно короткий, словно обрубленный сзади, да къ тому же стоявшій на холмѣ,—казался, рядомъ съ сосѣдними обыкновенными домами, дѣйствительно, какой-то башней.

— Въ самомъ дѣлѣ,—невольно согласился я.

— Башня, — повторилъ Оборинъ и, возвращаясь къ тому предмету, съ котораго начался этотъ разговоръ, продолжалъ:— Ну, такъ вотъ... дня два назадъ я ѣхалъ изъ города домой и увидѣлъ эту таинственную особу. Таинственною я называю ее потому, что все время, покуда ей приходилось быть на пристани, она пряталась и подъ вуаль, и подъ зонтикъ... такъ что я разглядѣлъ ее основательно только уже потомъ, когда она поѣхала въ лодкѣ черезъ Неву и, думая, что теперь ее ужъ никто не видитъ, перестала прятаться... Средняго роста... богатые темные волосы... темные же, прелестные глаза... пух-

ленькая нижняя губка... Признаться, я, хоть на самомъ почти-тельномъ отдаленіи, а все таки прослѣдилъ за нею и узнать, что она прошла къ вамъ. Видѣлъ, что сегодня она тоже у васъ...

Очевидно, онъ говорилъ о Ливневой.

— Несовсѣмъ у насъ, — сказала я. — Это гостья той старушки, нашей жилицы, что живетъ во второмъ этажѣ...

— Интересно: кто она такая?.. То есть, въ подобныхъ случаяхъ, я всегда интересуюсь прежде всего: дама или дѣвица? Потому что если дѣвица, то, какъ бы то ни было тягостно моему сердцу, я тотчасъ же почтительно ретируюсь и стараюсь даже не смотрѣть въ ту сторону, гдѣ могу увидѣть ее... Я ихъ боюсь, этихъ дѣвицъ... ужасно! — прибавилъ онъ такимъ страннымъ тономъ, что я невольно пріостановился и посмотрѣлъ на него, не зная, — смѣяться ли мнѣ, или только покачать плечами.

— Боюсь! — повторилъ онъ, кивнувъ головой и даже выставивъ передъ собою руку, какъ будто защищался отъ грозившаго ему нападенія. — Года три назадъ, со мной была неприятная исторія, которая, должно быть, еще долго будетъ вспоминаться мнѣ. Я познакомился тогда съ однимъ семействомъ. Въ числѣ его членовъ была дѣвушка... очень милая. Она мнѣ понравилась съ перваго взгляда. Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего особеннаго, потому что мнѣ всегда нравились очень многія дѣвушки — точно также съ перваго взгляда. Особенное вышло въ томъ, что эта дѣвушка мнѣ нравилась все больше, больше... безъ конца... Этого со мной еще никогда не бывало... А въ довершеніе всего сказалось, что и она привязывается ко мнѣ все сильнѣе и сильнѣе. Вотъ это-то и было хуже всего, потому что выходило что-то очень серьезное... Что мнѣ было дѣлать?.. Обманывать ее я не хотѣлъ, да, по правдѣ сказать, и не могъ бы... Жениться на ней... но какъ бы мы стали жить, когда мое теперешнее финансовое положеніе, какъ оно ни скверно, все же во сто разъ лучше, чѣмъ былó тогда. Теперь у меня хоть не такъ много долговъ, а тогда я весь увязъ въ нихъ и увязалъ все глубже и глубже, потому что ѣлъ въ долгъ, курилъ въ долгъ, жилъ на квартирѣ въ долгъ, — все въ долгъ... а какія деньги получалъ, почти всѣ онѣ уходили на проценты и на вексельную бумагу... Ка-

жется, я уже говорилъ вамъ, что я игрокъ?.. Ну, прежде всего я, разумѣется, пробоваль выиграть денегъ... Не выигралъ, а проигрался и, значить, запутался еще больше... Однако, ничего, — у меня оставался еще одинъ шансъ все устроить. Я пришелъ вотъ сюда, къ тетущкѣ Александрѣ Алексѣевнѣ, и описаль ей все мое матеріальное и душевное положеніе... такъ сказать, исповѣдался... Именно, исповѣдался!..

Онъ усмѣхнулся, немного отвернулъ лицо въ сторону и отмахнулся рукой, какъ будто теперь ему было даже смѣшно и стыдно вспомнить объ этой своей «исповѣди».

— Я даваль ей самыя торжественныя обѣщанія, что не буду больше брать въ руки картъ, не буду больше беспокоить ее никакими просьбами... перемѣнюсь, исправлюсь, сдѣлаюсь совсѣмъ другимъ человѣкомъ... Пусть она только поможетъ мнѣ теперь: поможетъ развязаться съ долгами и попросить мужа найти мнѣ мѣсто съ такимъ жалованіемъ, — ну, хоть рублей на сто въ первое время, — чтобы я могъ кое-какъ существовать съ женой... Ну, разумѣется, изъ этого не вышло ничего. Александра Алексѣевна сдѣлала серьезное лицо и сказала, что я слишкомъ молодъ, чтобы можно было придавать значеніе моимъ намѣреніямъ остепениться... что жениться мнѣ еще рано... и что, если ужъ жениться, то нужно, по крайней мѣрѣ, найти жену со средствами... На этомъ все и кончилось... Что же мнѣ еще оставалось дѣлать? Все и лопнуло, какъ мыльный пузырь... Я сталъ бывать въ этомъ знакомомъ семействѣ рѣже и рѣже. Потомъ отца этой дѣвушки перевели на службу въ провинцію, и всѣ они уѣхали отсюда. Съ тѣхъ поръ я такъ и не знаю ровно ничего объ этой дѣвушкѣ. Правда, еще недавно, всего недѣли двѣ назадъ, мнѣ представился хорошій случай узнать, какъ она устроилась, да, говоря по правдѣ, у меня не повернулся языкъ спросить о ней. Престранное это дѣло! Когда она мнѣ вспоминается, никакъ я не могу отдѣлаться отъ такого неприятнаго чувства, точно чѣмъ-то очень обидѣлъ ее и въ чемъ-то жестоко виновать передъ нею... Мнѣ все кажется, какъ будто я вижу ея глаза, и смотрятъ они на меня такъ печально, съ такимъ упрекомъ... А чѣмъ я обидѣлъ ее и въ чемъ я виновать передъ нею?.. Ей-богу, не знаю!..

Онъ опять махнулъ рукой, должно быть, отмахиваясь отъ

всѣхъ этихъ тяжелыхъ мыслей, потомъ сорвалъ съ клумбы пунцовую гвоздику; понюхалъ ее и вдѣлъ въ петлю своего бѣлаго пиджака.

— Нѣтъ, гостя нашей жилицы—замужняя,—сказала я. Только она не живетъ съ мужемъ.

— А, вотъ это другое дѣло... Не знаете ли ея фамилію?

— Ливнева... Катерина Михайловна...

— Знакомая фамилія... У меня былъ въ полку товарищъ Ливневъ. Онъ потомъ уѣхалъ въ провинцію и, говорятъ, женился тамъ... Не слышали, изъ какой она губерніи?..

— Этого не знаю. Но слышалъ, что прежде ея мужъ постоянно жилъ въ Петербургѣ и служилъ въ военной службѣ.

— Очень, очень можетъ быть, что это и есть супруга того самаго Юрія Петровича Ливнева, котораго я такъ хорошо знавалъ. И она, вы говорите, уѣхала отъ мужа?.. Что же... если героемъ этой семейной исторіи является, въ самомъ дѣлѣ, Юрій Петровичъ, то, пожалуй, нѣтъ ничего неожиданнаго въ такой развязкѣ. Хотя онъ—бывшій мой товарищъ, но все таки нельзя же не сказать правду: вздорный и, кромѣ того, еще заносчивый господинъ. Онъ что-то очень много воображалъ о себѣ, въ особенности о своемъ умѣ, а на самомъ дѣлѣ былъ порядочно-таки безтолковый малый, назойливый, какъ муха передъ дождемъ... Встрѣчаться съ нимъ изрѣдка и не на долгое время, пожалуй, можно было безъ особеннаго вреда для нервъ, но жить въ его обществѣ постоянно, изо дня въ день... для этого нужно обладать какой нибудь особой комплекціей или ангельскимъ терпѣніемъ...

Изъ саду Оборинъ повелъ меня пить чай. Послѣ чаю онъ предложилъ мнѣ воспользоваться хорошимъ вечеромъ и прокатиться на «Щукѣ». Разумѣется, для меня было чрезвычайно интересно поѣхать на такой особенной лодкѣ. Мы пошли къ берегу, спустили «Щуку» на воду; Оборинъ—какъ онъ выразился—«съ искреннѣйшимъ удовольствіемъ» предоставилъ мнѣ сѣсть въ весла, а самъ помѣстился у руля.

— Съ искреннѣйшимъ удовольствіемъ, — повторилъ онъ, когда мы отчалили отъ мостковъ и лодка пошла вдоль берега.—Прежде я, дѣйствительно, любилъ всѣ эти мускульныя упражненія, а теперь—прошло время. Ъзжу иногда... для того,

чтобы не запускать себя и не давать себѣ одрябнуть, а удовольствіи въ этомъ маханіи руками не нахожу больше.

«Щука» шла, въ самомъ дѣлѣ, необыкновенно легко, плавно, какъ будто вода почти совсѣмъ не представляла для нея препятствія, которое нужно было преодолевать. Малѣйшаго болѣе сильнаго нажима на то или другое весло, самаго легкаго движенія руля было достаточно, чтобы она тотчасъ же послушно перемѣняла направленіе, словно сама понимала, чего отъ нея хотѣли и куда намѣревались ее направить. Я былъ въ восхищеніи отъ нея и, по крайней мѣрѣ, разъ пять воскликнулъ: «Это прелесть что такое! Это какое-то живое существо»!.. Оборинъ со снисходительной усмѣшкой выслушивалъ эти восклицанія.

— Вы гребете сильно,—сказалъ онъ, наблюдая, какъ я управляюсь съ веслами.—Силы у васъ, должно быть, больше, чѣмъ у меня. Но ваша метода грести—извините за откровенность—никуда не годится. Вы гребете почти однѣми только руками, а нужно раскладывать работу на все туловище или, вѣрнѣе, даже на все тѣло... На однѣхъ рукахъ вы далеко не уѣдете, потому что скорехонько выбьетесь изъ силъ. Въ греблѣ главная работа должна лежать не на ручныхъ, а на спинныхъ и поясныхъ мускулахъ... Пустите свободно руки, двигайте весла больше тяжестью корпуса... Вотъ такъ!.. Потому вы загребаете веслами слишкомъ снизу вверхъ и даромъ тратите силу... даже и не даромъ, а еще замедлите этимъ движеніе лодки. Посмотрите, какъ, при каждомъ ударѣ веслами, она осѣдаетъ носомъ въ воду и уже потомъ выныриваетъ изъ нея. Весла должны идти въ водѣ почти параллельно ея поверхности... немного даже вглубь... и выходить изъ нея ребромъ— вотъ такъ... Вотъ это другое дѣло! Пріятно учить такого способнаго ученика, какъ вы...

Изъ Сосвы мы выѣхали въ Неву и стали подниматься по ней вверхъ противъ теченія, не торопясь, иногда даже складывая весла, закуривая папирсы и предоставляя «Щукѣ» идти, какъ она хочетъ, обратно, вмѣстѣ съ подхватывавшей ее водой. Солнце уже собиралось садиться. На окраинѣ неба протянулись розовыя облака; добрая сотня оконъ какой-то громадной пятиэтажной фабрики на берегу озарилась яркимъ краснымъ свѣтомъ, словно за ними бушевало пламя; вспугнутая тѣмъ-то,

огромная стая голубей взвилась высоко въ воздухѣ и заперстрѣла въ лучахъ заката золотисто-сизыми, золотисто-бѣлыми, золотисто-желтыми пятнами. Мимо насъ безпрестанно проходили то большія палубныя лодки съ озера, безшумно скользившія по водѣ, подъ своими бѣлыми парусами; то буксирные пароходы, наполнявшіе окрестность стукомъ своихъ машинъ, словно барабаннымъ боемъ; то ялики, напоминавшіе однообразнымъ стукомъ весель въ деревянныхъ уключинахъ тотъ стукъ, который производитъ безногій калѣка, торопливо ковыляющій на своихъ костыляхъ... Тѣни отъ барокъ, стоявшихъ на якоряхъ, становились все длиннѣе, чернѣе; кресты и куполы церквей блестяли все ярче. И вдругъ, въ одну минуту, и черныя тѣни исчезли, и вершины церквей померкли; повсюду разлился одинаковый сѣрый полусвѣтъ: солнце зашло за выплывавшую изъ-за горизонта темную тучу.

— А какое на васъ произвела впечатлѣніе эта Ливнева?— вдругъ спросилъ Оборинъ, говорившій о чемъ-то совсѣмъ другому, не имѣвшемъ никакого отношенія къ гостѣ Олимпиады Ивановны.

— Ливнева?—переспросилъ я, думая, что, можетъ быть, ослышался. — Конечно, она красива... Кто же этого не видитъ?.. но...

— Но она вамъ не нравится. Вамъ несравненно больше нравится «Щука»,—сказалъ онъ, усмѣхнувшись и постучавъ рукой по борту лодки. — Вижу это... Нѣтъ, я всегда былъ слабъ передъ женщинами... И знаете, что я вамъ скажу? Теперь эта Ливнева какъ-то вдругъ перестала интересоваться меня. (Со мной это часто случается: то увлечешься и, кажется, сильно; то вдругъ, ни съ того, ни съ сего, остынешь, и этого увлеченія какъ будто и не было). Но сначала она такъ заинтересовала меня, что вчера я совсѣмъ было собрался идти къ вамъ. Серьезно!.. Составилъ себѣ цѣлый планъ, въ томъ родѣ, что, если вы еще не воротились домой, то я постараюсь увидѣть вашего брата, спрошу его о васъ и постараюсь разговориться и познакомиться съ нимъ. Я даже пошелъ было къ вамъ и только ужъ на половинѣ дороги остановился... Я вѣдь знаю въ лицо все ваше семейство. Ваша матушка—съ этимъ ея трауромъ, съ этой постоянной складочкой между бровями и съ какимъ-то холодкомъ въ глазахъ—

постоянно производить на меня, знаете ли, какое впечатлѣніе, когда я встрѣчаюсь съ нею на улицѣ? Такое, что каждый разъ я начинаю идти чуть ли не на цыпочкахъ, словно опасаясь потревожить ея мысли, въ которыя она всегда такъ погружена... Потому эта ваша жилища, которую я почему-то привыкъ считать членомъ вашего семейства,—тоже особа такого рода, что къ ней чувствуешь какое-то невольное почтеніе... И вотъ, какъ только я вспомнилъ о нихъ обѣихъ, въ особенности о вашей матушкѣ, ноги у меня стали двигаться все медленнѣе и медленнѣе. Затѣмъ я остановился, закурилъ папирску, соорилъ видъ, что просто прогуливаюсь безъ всякой цѣли, и пошелъ обратно... Теперь вижу, что отлично сдѣлалъ...

Туча, за которую сѣло солнце, медленно выплывала изъ-за горизонта и, словно расплываясь во всѣ стороны, успѣла охватить уже половину неба. Становилось темно, дѣлалось не прохладнѣе, какъ всегда съ наступленіемъ ночи, а, напротивъ, еще теплѣе. Видимо, приближалась гроза. Выплывавшія изъ-за горизонта, все новыя и новыя тучи освѣщались по временамъ вспышками молній, но грома еще не было слышно. Мы давно уже ѣхали домой. Я по прежнему гребъ веслами, Оборинъ покуривалъ у руля папиросу и спрашивалъ меня о моихъ сестрахъ, о матери, о братѣ, о нашихъ семейныхъ дѣлахъ и порядкахъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не останавливайтесь,—сказалъ онъ, когда я, увидѣвъ, что мы приближаемся къ вентеревской дачѣ, сталъ гребти тише. — Мнѣ хочется довести васъ до вашего дома и сказать еще кое-что...

Мы двинулись дальше и черезъ нѣсколько минутъ приблизились къ нашей купальнѣ, выдѣлявшейся тусклымъ бѣлымъ пятномъ среди окружавшаго ее мрака. Темень стояла уже такая, что трудно было что нибудь различить въ десяти шагахъ передъ собою; однако, приближаясь къ купальнѣ, мы оба замѣтили, что вверху, на лѣстницѣ, и на скамейкѣ около лѣстницы есть люди, чуть ли не цѣлое общество. Слышался тихій говоръ, выдѣлялись изъ мрака, продолговатыми бѣлесоватыми полосами, женскія платья, мерцалъ огонекъ папирсоы. Оборинъ вдругъ замолчалъ. Я положилъ весла и, протянувъ руку, по-дождалъ, чтобы «Щука» подошла ближе къ плоту, а потомъ

схватился за его перила и притянулъ ее къ нему. Еще прежде, когда мы проѣзжали мимо дачи Вентеревыхъ, я поблагодарилъ Оборина за доставленное мнѣ этой прогулкой удовольствіе, и теперь, выдя изъ лодки, сказалъ только:

— До свиданья...

— До свиданья,—отвѣчалъ онъ.

Не вставая съ мѣста, онъ взялъ къ себѣ на корму одно изъ весель, погрузилъ его въ воду и почти сейчасъ же безшумно исчезъ въ окружавшемъ его мракѣ. Стуча когтями по ступенямъ лѣстницы и по досчатой настилкѣ плота, ко мнѣ сбѣжалъ сверху, обрадованный моимъ появленіемъ, Хвать. Онъ попрыгалъ передо мной, колотя меня по ногамъ своимъ хвостомъ, потомъ прыгнулъ такъ, что уперся передними лапами мнѣ въ грудь, и непременно свалилъ бы меня въ воду, еслибы я не зналъ его привычекъ и не приготовился заранѣе къ этому толчку. То предшествуемый, то сопровождаемый Хватомъ, я пошелъ дальше и, ступивъ на первыя ступени лѣстницы, увидѣлъ, что вверху ея, дѣйствительно, собралось чуть ли не все населеніе нашей дачи. Двѣ фигурки въ свѣтлыхъ платьяхъ,—конечно, сестры,—сидѣли на верхней ступенькѣ лѣстницы; братъ, съ папирсой въ рукахъ, стоялъ у периль; повыше ихъ, на самомъ берегу, виднѣлись на скамейкѣ темные силуэты еще трехъ фигуръ,—конечно, мамы, Олимпиады Ивановны и Ливневой. Всѣ молчали. Порядочно одичавшій за послѣднее время, я былъ смущенъ уже и тѣмъ однимъ, что все это общество смотритъ теперь именно на меня и мнѣ нужно пройти мимо него, какъ сквозь строй. Но это странное молчаніе смущало меня еще больше. Не могъ же я пройти, тоже не говоря ни слова. Необходимо было сказать хоть чтонибудь, а между тѣмъ это, казавшееся мнѣ зловѣщимъ, молчаніе до такой степени подавляло меня, что я не могъ найти ни одного подходящаго слова, хотя, кажется, нетрудно было сказать нѣчто въ родѣ того, что: «Будетъ гроза!» или: «Какая темень»!.. Какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, меня выручилъ братъ.

— Далеко ѣздили?—спросилъ онъ также просто, какъ говорилъ обыкновенно.

— Нѣтъ, не очень. Впрочемъ, выѣзжали на Неву,—сказалъ я, остановившись подлѣ него у периль и тоже закуривая папиросу.

— Это на знаменитой «Шукъ»? Въ самомъ дѣлѣ, она такъ легко ходитъ, какъ говорить?

— Легко... удивительно легко!.. Послушная, устойчивая... Чудесная лодка! — тихо отвѣчалъ я среди продолжавшагося молчанія всѣхъ остальныхъ.

Братъ какъ-то особенно энергично швырнулъ въ воду окурокъ своей папиросы.

— Въ первый же разъ, какъ поѣду въ городъ, — разорюсь, куплю распашныя весла для нашей «Краснуши»! Съ длинными веслами и она будетъ ходить не хуже всякой другой лодки, — сказалъ онъ и, взявъ меня за руку, повелъ наверхъ къ дому, какъ будто хотѣлъ поговорить со мной о чемъ-то наединѣ.

— Что онѣ всѣ молчатъ? — спросилъ я, когда мы вошли во дворъ. — Похоже на то, что разговоръ шель обо мнѣ... Что еще?..

— Я нарочно увелъ тебя, чтобы онѣ не вздумали заговорить объ этомъ. Мама и Олимпиада Ивановна очень недовольны твоей, — какъ онѣ выражаются, — «дружбой» съ Оборинымъ.

У меня лицо точно вспыхнуло отъ прилившей къ нему крови.

— Да какое дѣло этой... Олимпиадѣ Ивановнѣ?! — вскричалъ я.

Братъ пожалъ плечами.

— Я такъ и зналъ, что ты вспылишь. Онѣ говорятъ, что Оборинъ просто хлыщъ, да къ тому же еще игрокъ. Я имъ сказалъ, что если онъ только хлыщъ и игрокъ, то ты самъ сейчасъ же увидишь, что между вами нѣтъ ничего общаго, и никакой «дружбы» у тебя съ нимъ не будетъ...

— Что же онѣ? — спросилъ я, сдерживаясь и стараясь говорить хладнокровнѣе.

Мы были въ это время уже въ нашемъ мезонинѣ. Сидя у стола, я зажигалъ лампу, но въ комнатѣ дулъ легкій сквознякъ изъ открытой балконной двери въ незатворенную наружную; притомъ же, отъ овладѣвшаго мной волненія у меня дрожали руки, и спички, одна за другою, то гасли, то ломались о коробку.

— Что же онѣ? — повторилъ братъ, пожавъ плечами, — Онѣ

говорять только, что у тебя характеръ и безъ того дѣлается все хуже да хуже.

— А кто же мнѣ его портить? Кто чуть не каждый день раздражаетъ меня всякими придирками?!—опять почти закричалъ я, хотя изо всѣхъ силъ старался сдержаться.

Мнѣ удалось, наконецъ, зажечь лампу. Я отодвинулъ ее въ сторону и легъ на свою постель, заложивъ руки подъ голову и угрюмо смотря передъ собою.

— Развѣ я не знаю... развѣ я не вижу?—съ горечью проговорилъ братъ и хотѣлъ сказать еще что-то, но въ это время съ берега послышался зовъ которой-то изъ сестеръ:

— Кос-тя-я!..

— Кос-тя-я! Иди сюда!—еще громче, вслѣдъ за первую, позвала и другая.

— Сейчас!—откликнулся братъ въ балконную дверь и, обратившись опять ко мнѣ, повторилъ:—Развѣ же я не вижу?.. Это какое-то стеченіе обстоятельствъ... Одна—больна, больна нравственно... Ты только не замѣчаешь, потому что мало сидишь дома, но вѣдь она придирается не къ одному тебѣ, а ко всѣмъ: ко мнѣ, къ сестрамъ... Иногда, право, можно подумать, что мы всѣ опротивѣли ей... У другой, у Олимпиады Ивановны, какое-то непонятное предубѣжденіе противъ тебя. Она очень привязана къ мамѣ, очень бережетъ ее и, кажется, съ чего-то взяла, что это ты больше всего беспокоишь и раздражаешь ее. Наконецъ, ты... ты настолько чувствителенъ и обидчивъ, что не можешь переносить всѣхъ этихъ придирокъ и несправедливостей... Ты раздражаешься...

— Кос-тя-я!.. Да иди же!—опять раздался нетерпѣливый зовъ съ берега.

— Кто у нихъ тамъ тонетъ или горитъ?—съ легкой досадой проговорилъ брата и послушно пошелъ внизъ.

Я продолжалъ неподвижно лежать на постели, глядѣть въ стѣну, и лицо у меня по прежнему горѣло. «Ты раздражаешься»... Но развѣ возможно живому и что нибудь чувствующему человѣку оставаться спокойнымъ, когда къ нему относятся подобнымъ образомъ?.. Въ кои-то вѣки встрѣтился, наконецъ, человѣкъ, который отнесся ко мнѣ такъ дружелюбно, тепло, искренно, что мое сердце тоже невольно потянулось къ нему... И вотъ онѣ уже «недовольны» этой моей дружбой...

Вѣдь это же дѣлается, наконецъ, невыносимымъ и прямо ведетъ къ тому, что мнѣ, дѣйствительно, останется только уйти отъ нихъ и поселиться отдѣльно.

VIII.

Полежавъ съ четверть часа, я всталъ, раздѣлся, потомъ опять улегся въ постель уже на всю ночь, и скоро заснулъ. Черезъ нѣсколько времени я проснулся, скорѣе почувствовавъ, чѣмъ услышавъ, что кто-то подошелъ къ моей кровати. Оказалось, что приходилъ братъ, но въ то время, когда я открылъ глаза, онъ уже уходилъ тихонько изъ комнаты, увидѣвъ, что я раздѣлся и сплю. Съ минуту я прислушивался къ его тихимъ шагамъ по лѣстницѣ, къ доносившемуся снизу неясному говору, передвиганью стульевъ, брянчанью посуды. Я сожалѣлъ, что сестры звали брата, должно быть, затѣмъ, чтобы, подъ его охраной, побродить по берегу; потомъ вздумали, послѣ этой прогулки, выпить въ неурочное время чаю и закусить. Вѣроятно, братъ приходилъ сейчасъ сюда, чтобы позвать меня пить чай съ ними... Вотъ теперь онъ входитъ къ нимъ въ комнату и говоритъ обо мнѣ, что «братъ уже спитъ». Мама, вѣроятно, еще больше нахмурить свои тонкія брови, и то почти всегда нахмуренныя; Олимпиада Ивановна, сестры, Ливнева, украдкой посмотрятъ на нее, и у всѣхъ въ одно время пройдетъ одна и та же мысль, — что я упрямо избѣгаю ихъ общества и вѣчно омрачаю и безъ того невеселое настроеніе мамы... Подумаешь, что мнѣ въ самомъ дѣлѣ большая радость быть постоянно одному да одному и издали слышать, что они тамъ—всѣ вмѣстѣ, тѣснымъ дружескимъ кружкомъ, въ которомъ мнѣ нѣтъ мѣста!..

Скоро я опять заснулъ и проснулся только утромъ, въ четыре часа. Прежде всего я поднялъ голову съ подушки и взглянулъ на окна. Еще вчера, ложась спать, я говорилъ самому себѣ, что если утро будетъ хоть сколько нибудь сносное, то я опять уйду на нѣсколько дней на рыбную ловлю. Къ моему удовольствію, въ окно смотрѣло безоблачное голубое небо, все золотое отъ солнечнаго свѣта. Стараясь двигаться какъ можно тише, нарочно не одѣвая сапогъ, я одѣлся въ свое старенькое «походное» платье, собралъ нужныя вещи, словно

украдкой выкурилъ папирску и уже послѣ этого, натянувъ на ноги свои длинные сапоги, тихонько выбрался изъ комнаты. Спокойно спавшій братъ даже не пошевелился.

Все также осторожно переступая со ступеньки на ступеньку, я спустился съ лѣстницы, тихонько отворилъ дверь на черное крыльцо и невольно вздрогнулъ. Точно также, какъ я, крадучись, осторожно притворяя за собой калитку, выходила изъ сада наша кухарка, Лукерья, и тоже вся встрепенулась, когда увидѣла меня.

— Ой... чтой-то какъ вы меня напужали!—тихо проговорила она.—Въ какую рань сегодня встали... Мы-то—рабочіе люди, мы чуть не всегда встаемъ въ это время. Я вотъ собираюсь ужъ чай пить, набрала себѣ къ чаю немножко клубники,—прибавила она, замѣтивъ, что я смотрю на глиняную плошку, которую она несла въ рукѣ и сначала прикрыла было фартукомъ, а потомъ сочла за лучшее открыть.

Очевидно, она отъ того и кралась изъ сада, боясь стукнуть калиткой, отъ того и «напужалась» при видѣ меня, что набрала эту клубнику—будто бы себѣ къ чаю, а на самомъ дѣлѣ, разумѣется, для того, чтобы продать. Однако, я, по обыкновенію, не сталъ разговаривать съ нею и молча пошелъ дальше въ сарай за рыболовными снарядами. Я не могъ переносить эту женщину. Немного косенькая, бѣлобрысенькая, съ большими серебряными кольцами въ ушахъ, съ двумя нитками желтыхъ бусъ на шеѣ, всегда довольно чисто одѣтая, съ мягкимъ и сладковатымъ голосомъ, она была, пожалуй, недурна собою, но въ самой ея красивенькой наружности было для меня что-то отталкивающее. Я давно замѣчалъ, что она постоянно таскаетъ у насъ куски сахару, щепотки чаю, конфекты, папирсы, однимъ словомъ—все, что можно утащить незамѣтно, и одно уже это дѣлало ее въ моихъ глазахъ омерзительной. Потомъ,—можетъ быть, именно вслѣдствіе того, что мнѣ было противно говорить съ нею и, всякій разъ, когда она заговаривала со мной, я старался только поскорѣе отвязаться отъ нея,—она при каждомъ подходящемъ случаѣ кланчила у меня то одно, то другое, то третье. Что бы ни видѣла она у меня въ рукахъ: стальные перья, почтовую или писчую бумагу, конверты для писемъ, вату для папирсѣ, старый галстукъ, истрепанный шнурокъ отъ часовъ, порвавшійся поясной

ремень,—ей все было нужно, она все выпрашивала себѣ. Если я скармливалъ у нея на глазахъ свою булку проголодавшемуся Хвату, она тихонько ворчала,—сдѣлавъ злые глаза,—что вотъ булочка-то пригодилась бы иному бѣдному рабочему, а собака должна питаться крошками со стола господь... Если я покупалъ себѣ, для прикормки рыбы, мѣшокъ отрубей или пуда два конопляныхъ выжимокъ, она вполголоса причитала себѣ подъ носъ, что эдакое-то добро пойдетъ «бросомъ» въ воду, а у инаго бѣднаго человѣка тѣлочка съ какой бы охоткой покупала этихъ самыхъ отрубей и выжимокъ... Въ этой ненасытной жадности было что-то невыносимо противное для меня. Мнѣ казалось, что такая жадная, завистливая, безсовѣстная женщина способна изъ-за какого нибудь лишняго рубля или полтинника пойти на самую послѣднюю мерзость и даже не почувствовать въ послѣдствіи, что сдѣлала мерзость.

Минуты черезъ двѣ, Лукерья, ушедшая было къ себѣ въ кухню, опять появилась и стала у растворенной двери сарая.

— И надолго вы потащитесь опять изъ теплаго-то дома въ болото? — меланхолически спросила она, посматривая на мои удочки, на кожаную сумку, на мѣшокъ съ прикормкой, на корзину и, вѣроятно, съ сокрушеніемъ размышляя,—какъ быгодились какому нибудь «бѣдному человѣку», въ родѣ нея, тѣ деньги, которыя я трачу на такую пустую забаву.

— Не знаю... Какъ придется, — сквозь зубы отвѣчалъ я, проходя мимо нея во дворъ.

Она еще что-то бормотала себѣ подъ носъ, но я уже не слушалъ ея, поглядывая по сторонамъ и прислушиваясь,—не покажется ли откуда нибудь бѣлая съ чернымъ морда Хвата или не дастъ ли онъ знать о себѣ изъ сѣней тихимъ повизгиваньемъ и царапаньемъ въ дверь. Но онъ либо ушелъ со двора по какимъ нибудь своимъ дѣламъ, либо слишкомъ крѣпко спалъ въ которой нибудь изъ дальнихъ комнатъ и не слышалъ, что я ухожу.

Я пошелъ опять на Старицкія озера и просидѣлъ на нихъ два дня. Въ концѣ втораго изъ этихъ дней ко мнѣ присоединился еще одинъ рыбоводъ, старичокъ, отставной чиновникъ, съ которымъ я немножко познакомился еще прошлымъ лѣ-

томъ, и тоже на рыбной ловлѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что зашелъ сюда только мимоходомъ, а пробирается собственно дальше, еще версть за восемь, на Горѣлову мельницу, у которой, говорятъ, нынче необыкновенно хорошо ловится рыба. Дѣло кончилось тѣмъ, что къ ночи, когда перестала клевать рыба, я пошелъ съ нимъ на эту Горѣлову мельницу и просидѣлъ въ ея окрестностяхъ еще три дня. Я пробылъ бы тамъ и дольше, еслибы во мнѣ не стало все сильнѣе и сильнѣе подниматься какое-то необъяснимо-тревожное и почти тоскливое чувство. И наяву, и во снѣ мнѣ казалось, что меня ждуть, ищутъ, даже зовутъ; что дома у насъ происходитъ что-то нехорошее, что мнѣ нужно скорѣе возвратиться туда... Наконецъ, подъ вечеръ третьяго дня, часовъ около пяти, въ самый разгаръ отличной рыбной ловли, я бросилъ ее, наскоро собралъ вещи и зашагалъ домой. Я шелъ часа четыре подъ рядъ, ни на минуту не останавливаясь, и вдругъ, въ какой нибудь верстѣ отъ Рябиновки, увидѣлъ брата, сестеръ, Ливневу, совершенно беззаботно прогуливающихся, съ букетами полевыхъ цвѣтовъ въ рукахъ, по дорогѣ, окаймленной съ обѣихъ сторонъ рядами старыхъ деревьевъ. Я чуть ли даже не приостановился, какъ будто сами мои ноги возмутились, что ихъ заставили попусту продѣлывать такую чрезвычайную работу. Значить, дома все благополучно... Изъ-за чего же я тревожился, бросилъ такую счастливую рыбную ловлю, какая рѣдко бываетъ, — изъ-за чего такъ гналъ себя больше пятнадцати верстъ?..

Сестры еще издали увидѣли меня и съ какими-то неясными восклицаніями указали на меня брату и Ливневой.

— На что онъ сталъ похожъ! — говорила Маня, когда мы все ближе и ближе подходили другъ къ другу. — Точно его поджаривали на угольяхъ...

— И мѣстами подожгли, — прибавила Лиза; но обѣ онѣ смотрѣли и высказывали свои замѣчанія скорѣе сухо и насмѣшливо, чѣмъ дружелюбно.

Наконецъ, мы сошлись и остановились.

— А я подумывалъ было уже идти разыскивать тебя... Только не зналъ, гдѣ искать, — сказалъ братъ, тоже какъ будто нѣсколько холодновато.

— Развѣ я былъ зачѣмъ нибудь нуженъ? — спросилъ я насмѣшливо.

— Не нуженъ... а мама очень беспокоилась о тебѣ...

— Странно! Съ чего же она могла беспокоиться?..

— Ну, положимъ, не очень странно—возразилъ онъ:— ты еще никогда не пропадалъ такъ долго, а у нея, ты самъ знаешь, и безъ того разстроены нервы...

— Главное, нервы... Больше всего насъ разстроилъ Хватъ, — сказала Лиза, перебирая цвѣты въ собранномъ ею букетѣ.

Я перевелъ глаза на нее, но такъ какъ,—обыкновенно не-словоохотливая,—она и теперь не выказала никакого желанія прибавить что нибудь къ сказаннымъ ею словамъ, то за нее продолжала Маня.

— Твой Хватъ совсѣмъ сошелъ съ ума,—сказала она.— То есть сначала, дня два, онъ велъ себя, какъ слѣдуетъ: совсѣмъ не беспокоился о томъ, что ты ушелъ куда-то. Но потомъ вдругъ... не то увидѣлъ, что въ сараѣ нѣтъ твоихъ рыболовныхъ жердей, не то какъ нибудь иначе сообразилъ, что ты ушелъ не въ Петербургъ и не въ гости, а на рыбную ловлю,—только онъ вдругъ спятилъ съ ума. Заметался, какъ полоумный, по улицѣ, то въ одну сторону, то въ другую... уткнувшись носомъ въ землю. И началась исторія!.. Убѣжить, прибѣжить, пристанеть къ намъ, точно допытывается, куда мы тебя спрятали... опять убѣжить... Пропадеть чуть не на весь день, прибѣжить весь въ грязи, съ подведенными боками, поѣсть на скорую руку и тутъ же свалится спать... Спать, спать, потомъ вдругъ вскочить, взвояетъ такъ, что мы чуть не попадаемъ со страху, и опять побѣжить въ поле... Просто измучилъ!..

Я съ усмѣшкой махнулъ рукой и, предоставивъ имъ идти своей дорогой, отправился своей.

— Гдѣ же онъ теперь?—на ходу спросилъ я, полуобернувшись къ нимъ.

— Мы-то почему знаемъ?.. Опять гдѣ-то бѣгаетъ, разыскиваетъ тебя!—отвѣчала Маня, на секунду оглянувшись черезъ плечо.

Было очевидно, что всѣ онѣ,—кто больше, кто меньше,—сердятся на меня за то, что, отчасти по моей милости, отчасти по милости дѣйствительно беспокоившагося обо мнѣ дурака Хвата, имъ пришлось провести дня два въ несовсѣмъ спокой-

номъ настроеніи. Я не имѣлъ рѣшительно ничего противъ того, что онѣ сердились на меня. Теперь я самъ сердился на себя и, безъ всякаго спора съ самимъ собою, сознавался, что, прежде чѣмъ идти на Горѣлову мельницу, мнѣ слѣдовало зайти домой и сказать, что я ухожу далеко и могу засидѣться тамъ довольно долго. Онѣ были вправѣ сердиться. Мнѣ вспоминалось только, что прежде онѣ и сердились на меня иначе: сильнѣе, горячѣе, порывистѣе,—засыпали меня упреками, всякими жалкими словами, а затѣмъ скорѣхонько все завершалось какой нибудь шуткой, неволью прорвавшимся смѣхомъ и—примиреніемъ. А теперь отъ нихъ вѣяло такимъ же холодкомъ, какъ отъ холоднаго октябрьскаго дня, не общающаго и впереди ничего, кромѣ холода и холода...

Мама и Олимпиада Ивановна сидѣли на крыльцѣ, положивъ на колѣни вязанье, которымъ онѣ обыкновенно занимались большую часть дня, и тихо разговаривали о чемъ-то. Увидѣвъ меня, мама вдругъ замолчала, шире раскрыла глаза и, какъ мнѣ показалось, перекрестилась быстрымъ маленькимъ крестомъ. Олимпиада Ивановна посмотрѣла на меня своими суровыми глазами, чуть замѣтно наклонила голову въ отвѣтъ на мой поклонъ и, слегка сдвинувъ брови, стала смотрѣть куда-то въ сторону. Отъ нея вѣяло уже не холодкомъ, а прямо морозомъ.

— Явился!—проговорила мама съ какой-то горечью.

Я началъ было говорить, что, дѣйствительно, виновать,—увлекся, забрелъ слишкомъ далеко отъ дома и заставилъ ихъ беспокоиться обо мнѣ... Но она, кажется, даже не слушала меня. Она уже вся волновалась и кипѣла; на нее нашель одинъ изъ тѣхъ припадковъ гнѣвной раздражительности, которые овладѣвали ею все чаще и чаще за послѣднее время. Блѣдное лицо ея поблѣднѣло еще больше, ноздри раздувались, словно ей стало трудно дышать.

— Я не понимаю только одного... одного! — вскричала она.—Если тебѣ вездѣ, гдѣ угодно и съ кѣмъ угодно, лучше, чѣмъ дома съ нами... то зачѣмъ ты приходишь сюда?.. Зачѣмъ приходишь?.. Кто тебя здѣсь держитъ или станетъ удерживать? Уходи, сдѣлай милость!

Обожженное солнцемъ, обвѣтрившееся, искусанное комарами, лицо мое все время горѣло; но теперь оно, должно

быть, тоже вдруг поблѣднѣло: я почувствовалъ, что кожа на немъ сразу точно озябла. Сердце у меня застучало въ груди.

— Мнѣ и самому кажется, что я здѣсь лишній, — глухо, но твердо сказалъ я. — Пожалуй, мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, лучше уйти, чтобы никому не мѣшать и никого не разстраивать... Я уже думалъ объ этомъ...

Случайно взглянувъ на Олимпиаду Ивановну, я увидѣлъ, что она видѣ себя, почти съ угрозой, показываетъ мнѣ глазами и движеніемъ головы, чтобы я уходилъ прочь. Мама, кажется, вся дрожала отъ волненія и гнѣва, собираясь сказать что-то... Но въ эту минуту, позади меня, послышался восторженный собачій визгъ; неплотно притворенная мной калитка стукнула, распахнувшись настежь, и на сцену явился или, вѣрнѣе, влетѣлъ Хватъ. Словно ополоумѣвши отъ радости, онъ едва не сшибъ меня съ ногъ, кинувшись ко мнѣ, потомъ метнулся на Олимпиаду Ивановну, на маму, опять на меня и отъ меня снова на нихъ.

— Да убирайся же! — закричала мама, отпихивая его обѣими руками. — Что это за дурацкая собака!.. Рехнулась... Онъ колотить ее, какъ полѣно, а она сходить по немъ съ ума... Отважись ты, ради Христа... Ты меня всю вымажешь...

— Хватъ, пойдемъ! — крикнулъ я ему, увидѣвъ, что Олимпиада Ивановна еще настойчивѣе показываетъ мнѣ знаками, чтобы я пользовался минутой и скорѣе убирался.

Я ушелъ въ мезонинъ, вымылся, переодѣлся и, вскипятивъ на спирту воду, заварилъ себѣ чаю. Потомъ, съ чаемъ, папиросами и спичками подъ руками, я устроился на балконѣ и, облокотившись на его перила, хмуро смотрѣлъ внизъ. Передъ моими глазами были дачи съ ихъ дворами и садами, поля, болотистые луга, дороги; въ одиночку разбросанные вокругъ нихъ домишки огородниковъ; рѣка, тянувшаяся извилистой лентой къ темнѣвшему въ отдаленіи лѣсу и, наконецъ, терявшаяся въ немъ. Но на что бы я ни смотрѣлъ, во мнѣ оставалась все одна и та же мысль: что прежняя моя жизнь, кажется, подошла къ концу, и теперь пойдетъ новая. Надо будетъ уходить отсюда и устраиваться одному... Нанять себѣ маленькую каморку, подыскать какое нибудь занятіе или, еще проще, два, три урока, тѣмъ болѣе, что на уроки мнѣ везло

особенное счастье: они сами подвергались мнѣ каждый разъ, какъ только я собирался искать ихъ. Я говорилъ себѣ, что устроиться можно будетъ довольно недурно,—что даже самыя мои отношенія къ мамѣ, сестрамъ и брату сдѣлаются несравненно лучше, когда буду видѣться съ ними только изрѣдка, да и то въ качествѣ гостя. Все будетъ прекрасно... И, однако же, не смотря на всѣ эти разсужденія, на душѣ у меня становилось все тяжелѣе и печальнѣе, словно и ее окутывалъ сумракъ приближавшейся ночи, что опускался на всю равнину, разстилавшуюся у меня передъ глазами. Вѣдь впереди было все то же или даже еще большее отчужденіе и одиночество, которое подавляло меня и теперь!

Внизу прошли домою по улицѣ сестры, братъ и Ливнева, теперь уже не съ букетами, а чуть не съ цѣлыми снопами цвѣтовъ и травъ. Ихъ голоса слышались сначала на дворѣ, потомъ глухо доносились до меня изъ комнатъ нижняго этажа, потомъ совсѣмъ замолкли; но черезъ нѣсколько времени слышались опять, гдѣ-то очень близко отъ меня,—должно быть, на балконѣ Олимпіады Ивановны или у открытыхъ оконъ ея квартиры.

— Уйти?.. Какъ уйти?!—услышалъ я восклицанія какой-то изъ сестеръ или, можетъ быть, обѣихъ вмѣстѣ.

— Такъ и уйти... совсѣмъ!—съ сердцемъ отвѣчала Олимпіада Ивановна. — Онъ не можетъ сказать съ нею и двухъ словъ безъ того, чтобы не вывести ее изъ себя.

Я съ досадою ушелъ съ балкона, зажегъ лампу и, улегшись на постель, принялся разсѣянно разсматривать газету. Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ братъ.

— Какія еще... извини, пожалуйста... глупости ты забралъ себѣ въ голову?—спросилъ онъ, поставивъ стулъ передъ моею кроватью и усѣвшись на него верхомъ, такъ что спинка стула приходилась у него подъ подбородкомъ.

— Какія именно?—спросилъ я съ глубочайшимъ спокойствіемъ, такъ какъ былъ вполне увѣренъ, что въ головѣ у меня сидѣли однѣ только разумныя мысли.

— Олимпіада Ивановна говоритъ, будто ты объявилъ мамѣ, что думаешь уйти отъ насъ... и думаешь объ этомъ уже давно...

— Зачѣмъ же я буду сидѣть здѣсь, когда мнѣ говорятъ

русскимъ языкомъ, чтобы я убирался съ Богомъ?—сказаль я еще спокойнѣе, если возможно.

Братъ высоко вздернулъ плечами.

— Ну, вотъ и разсуждайте съ нимъ, какъ знаете!—проговориль онъ, обращаясь къ самому себѣ, а затѣмъ уже обратился и ко мнѣ: — Да развѣ мама говорила тебѣ... чтобы ты убирался?..

— То самое,—отвѣчалъ я, смотря въ газету.

— Совсѣмъ не то самое... Она говорила тебѣ или, вѣрнѣе, хотѣла выразить, что ей обидно, больно видѣть, что ты давно уже, а за послѣднее время въ особенности, какъ-то сторонисься ото всѣхъ насъ, стараешься какъ можно меньше бывать дома... И это правда!.. Мы всѣ это видимъ, и всѣмъ намъ это тоже тяжело и больно... Смыслъ ея словъ былъ тотъ, что ее мучить это твое отчужденіе... Только она выразила это нѣсколько жестоко и раздражительно, а ты тоже вспылиль и бухнулъ, что въ такомъ случаѣ уйдешь совсѣмъ... Конечно, ты не уйдешь,—это само собою разумѣется,—но тѣмъ болѣе не слѣдовало этого говорить, потому что это слишкомъ жестоко...

— Почему же ты думаешь, что я не уйду?—спросиль я, по прежнему глядя въ газету.

— Да уже по одному тому, что это былъ бы такой ударъ для всѣхъ насъ, а въ особенности для мамы, что онъ слишкомъ тяжело отозвался бы и на ея здоровьѣ, и на ея настроеніи... Ты самъ долженъ понимать это, и, насколько я знаю тебя, никогда ты не нанесешь ей такого жестокаго удара!.. Никогда!.. Оба вы — горячки, немного сумашедшіе и способны наговорить самыхъ убійственныхъ вещей... Но когда приходится перейти отъ словъ къ дѣлу... не можете же вы не опомниться и не прийти въ себя... потому что въ сущности вѣдь вы совсѣмъ не злые и не жестокіе люди.

Вышло какъ-то такъ, что нѣсколько времени я не зналъ, что сказать. Я хотѣлъ было сказать, что никакого особеннаго «удара» не нанесу мамѣ, если уйду; но въ глубинѣ моего сердца я чувствовалъ теперь, что это, дѣйствительно, должно подѣйствовать на мать очень тяжело, и мой языкъ не поворачивался сказать завѣдомую неправду. Я собрался было сказать, что лучше мирно разойтись въ разныя стороны, чѣмъ

жить вмѣстѣ и портить себѣ кровь и нервы безпрестанными непріятностями, но теперь мнѣ и самому казалось уже, что придуманное мною лѣкарство отъ этихъ непріятностей выходило хуже самой болѣзни... Въ концѣ концовъ, братъ успѣлъ встать со стула, взять со стола папиросу и закурить ее, а я все еще молча смотрѣлъ въ газету. Наконецъ, я отложилъ ее въ сторону, всталъ съ кровати, прошелся по комнатѣ и, оставившись передъ братомъ, сказалъ безъ всякаго напускнаго равнодушія, а совершенно просто и искренно:

— Развѣ я не понимаю, что уйти было бы нехорошо?.. Конечно, понимаю. Но и оставаться здѣсь, когда постоянно выходятъ разныя непріятныя столкновенія, тоже тяжело и даже очень. Согласенъ ты съ этимъ?

— Странно было бы не согласиться, — отвѣчалъ онъ также просто и искренно. — Но остаться все таки лучше, чѣмъ уйти. Вѣдь это въ сущности какая-то одна цѣпь недоразумѣній — и больше ничего. Мама разстроена, очень раздражительна... она бываетъ придирчива и несправедлива. Ты обижаешься ея болѣзненными выходками и стараешься поменьше бывать дома. А она видитъ, что ты сторонисься отъ насъ, и волнуется еще больше... Выходить одна только путаница...

— Что жъ съ этимъ дѣлать? — спросилъ я.

Братъ пожалъ плечами и какъ-то особенно посмотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Мнѣ кажется, быть снисходительнѣе къ больной и очень несчастной женщинѣ... быть потерпѣливѣе съ нею, — выразительно сказалъ онъ и, помолчавъ, прибавилъ: — Вотъ, для перваго начала, тебѣ недурно было бы пойти теперь внизъ и посидѣть немного съ нами... хоть бы для того, чтобы мама не думала, что ты опять злишься, опять сидишь одинъ и сторонисься ото всѣхъ... Пойдемъ... Тамъ нанесли цѣлый возъ цвѣтовъ и дѣлаютъ теперь букеты. А потомъ будемъ пить чай...

Я молча воротился къ своей постели, опять улегся на нее и развернулъ передъ собой газету.

— Не хочешь? — не безъ горечи спросилъ братъ.

— Нѣтъ, я не пойду, — рѣшительно отвѣчалъ я. — Я усталъ, не спалъ всю ночь... сейчасъ прошелъ чуть не двадцать верстъ. Причина достаточно уважительная, чтобы не вставать съ по-

стели. А главное—я теперь совсѣмъ не въ такомъ настроеніи, чтобы сидѣть тамъ.

— Ну, по крайней мѣрѣ, я объясню тамъ, что ничего особеннаго не произошло... Самая обыкновенная у насъ путаница... Мама воображаетъ, что ты собираешься бѣжать отъ насъ, а ты вообразилъ, будто она гонить тебя. Все идетъ заведеннымъ порядкомъ, — пошутилъ братъ, махнувъ рукой, — должно быть, на этотъ самый, установившійся у насъ, «порядокъ».

IX.

Утро прошло тоже «заведеннымъ порядкомъ». Я пошелъ внизъ, къ утреннему чаю, — конечно, далеко не съ легкимъ сердцемъ, — ожидая, что мама, можетъ быть, опять вернется ко вчерашнему разговору и къ моему намѣренію уйти отъ нихъ, опять вспылить и наскажетъ мнѣ такихъ вещей, которыя меня придавятъ, какъ камнемъ. Сестры, очевидно, тоже ожидали чего нибудь въ этомъ родѣ, потому что сидѣли, какъ нахохлившіяся птицы, предчувствующія дурную погоду, и поглядывали на меня далеко не дружелюбными глазами. Даже братъ былъ видимо не спокоенъ, въ особенности сначала. Однако, все прошло сравнительно благополучно. Мама вышла изъ своей комнаты несовсѣмъ здоровая; руки у нея были холодныя, подъ глазами виднѣлись синеватыя полосы. Она сказала вскользь, что у нея немного «сверлитъ високъ», то есть, говоря другими словами, начинается мигрень. Конечно, я сейчасъ же подумалъ, что ей нездоровится именно оттого, что я вчера разстроилъ ее; въ то же время сестры посматривали на меня суровыми глазами, ясно говорившими, что онѣ думаютъ то же самое. Потомъ мама заговорила съ бабушкой о письмѣ, пришедшемъ отъ какой-то двоюродной сестры Сони, — и у нихъ на все время чая пошелъ вполголоса отдѣльный разговоръ объ этой двоюродной сестрѣ, ея мужѣ, дѣтяхъ и о другихъ людяхъ, которыхъ мы совсѣмъ не знали. На насъ мама даже и не смотрѣла.

Послѣ чаю я несовсѣмъ увѣренно всталъ, ожидая со стѣсненнымъ сердцемъ, что, можетъ быть, вотъ именно теперь мама остановитъ меня и скажетъ, что ей надо поговорить со мной.

Но она даже не взглянула ни на меня и ни на кого изъ насъ. Я вышелъ за ворота и, закуривъ папиросу, сѣлъ на скамейку около лѣстницы въ купальню. Вслѣдъ за мной туда пришелъ и братъ.

— Ну, что?.. весело проходятъ по моей милости наши семейныя собранія?—сказалъ я.

— А развѣ, ты думаешь, они стали бы веселѣе, еслибы ты ушелъ отъ насъ?—спросилъ онъ, забравъ въ руку ухо присосѣдившагося къ намъ Хвата.

Я молча долженъ былъ согласиться, что врядъ ли стало бы веселѣе, въ особенности на первое время.

Къ намъ подошли сестры.

— Твой Оборинъ соскучился по тебѣ. Онъ, бѣдный, каждый день, раза по три, проходилъ тамъ и все высматривалъ, не видно ли тебя гдѣ нибудь,—сказала Лиза, указывая на противоположный берегъ.

— Почему жъ ты думаешь, что онъ высматривалъ меня, а не кого нибудь другаго?—насмѣшливо спросилъ я.

— Очень просто — потому что онъ справлялся о тебѣ. Дня два тому назадъ, онъ присылалъ какую-то женщину спросить у Лукерьи: воротился ли ты домой?

Увидѣвъ вышедшихъ на балконъ Олимпиаду Ивановну и Ливневу, сестры пошли къ нимъ. Вслѣдъ за ними ушелъ и братъ. Я посидѣлъ на скамейкѣ еще нѣсколько минутъ, усталый, словно разбитый тѣлесно и душевно послѣ моихъ рыболовческихъ скитаній и послѣ домашнихъ неприятностей. Мнѣ было скучно. Потомъ мнѣ показалось, что на балконѣ у Олимпиады Ивановны разговоръ зашелъ обо мнѣ, потому что всѣ вдругъ понизили свои голоса и заговорили чуть не шопотомъ. Я съ досадою всталъ, пошелъ по улицѣ, дальше отъ дома, и, наконецъ, рѣшилъ, что лучше всего пойду къ Оборину.

Онъ былъ дома, но не одинъ. У него оказался гость, — какой-то довольно молодой господинъ, средняго роста, очень худощавый, съ блѣднымъ лицомъ, со впалыми сѣрыми глазами, съ темной, коротко подстриженной, бородкой. Одѣтый въ черный длиннополый сюртукъ, въ темносѣрыя панталоны, въ остроконечныхъ башмакахъ-лыжахъ, онъ почти безшумно ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и, увидѣвъ меня, остановился въ глубинѣ ея, съ заложенными за спину руками.

— А!.. Наконецъ-то!.. Давно ли воротились?—сказаль Оборинъ, слѣзая съ широкаго дивана, на которомъ сидѣлъ съ ногами, и такъ крѣпко сжимая мнѣ руку, такъ привѣтливо заглядывая мнѣ въ глаза, какъ будто онъ и въ самомъ дѣлѣ соскучился обо мнѣ.

— Вотъ рекомендую... единственный человѣкъ изъ всѣхъ здѣшнихъ мужчинъ и женщинъ, къ которому я, дѣйствительно, чувствую искреннее влеченіе,—сказаль онъ своему гостю, очевидно продолжая какой-то, шедшій между ними, разговоръ.— Позвольте васъ познакомить... Николай Степанычъ Инаковъ... Юрій Петровичъ Ливневъ...

Я невольно взглянулъ на Оборина, какъ будто хотѣлъ спросить его: мужъ ли это нашей Ливневой, гостыи Олимпіады Ивановны, или чужой для нея человѣкъ? Но Оборинъ не замѣтилъ моего вопросительнаго взгляда. Онъ пододвигалъ мнѣ стулъ и, указывая глазами на столъ съ разными закусками, спрашивалъ: не съѣмъ ли я ветчины, или яицъ въ смятку, или хоть редиски съ масломъ, и не выпью ли вина, водки, пива?..

— Товарищество—вотъ это я понимаю,—заговорилъ онъ, видимо возвращаясь къ прежнему разговору, прерванному моимъ появленіемъ.—Имѣть хоть одного порядочнаго человѣка, съ которымъ всегда можно поговорить обо всемъ, что есть на душѣ или что взбредетъ въ голову,—вотъ это, дѣйствительно, большое утѣшеніе. Онъ не побѣжитъ сейчасъ же, послѣ откровеннаго разговора, къ сосѣдямъ и не станетъ имъ раззванивать: вотъ и вотъ какія глупости говорилъ мнѣ этотъ дуракъ Оборинъ! Не насплетничаетъ... не заваритъ своимъ языкомъ такую кашу, которую потомъ не скоро и расхлебаешь... На добраго товарища можно положиться... А эти женскія привязанности... Знаю я ихъ!.. Сегодня у нихъ любовь и пламень, и клятвы, и восторги... а завтра, глядишь, какая нибудь неожиданная гадость: обманъ, сплетня, самая глупая ревность, нелѣпныя подозрѣнія... сцены, слезы... Чортъ знаетъ что! и даже самъ чортъ не знаетъ—изъ-за чего... Все равно, какъ сфабрикованное мошенникомъ вино, которое съ вечера кажется вкуснымъ, а на утро даетъ знать о себѣ омерзительной головной болью и разстройствомъ желудка...

Ливневъ, продолжавшій шмыгать взадъ и впередъ по ком-

натѣ, усмѣхался снисходительной улыбкой человѣка, сознающаго свое превосходство надъ собесѣдникомъ.

— Да, да, — сказалъ онъ, кивая головой. — По большей части такъ и бываетъ. Но это происходитъ оттого, что только очень немногіе умѣютъ поставить себя съ женщинами. Почти для всѣхъ, особенно въ ранней молодости, женщина—какое-то особенное, высшее существо, царица, божество, кумиръ... Передъ нею надо стоять на колѣняхъ. «Повелѣвай, распоряджайся!».. Ну, она, разумѣется, принимается распоряджаться, и выходитъ вотъ то самое, что вы сейчасъ изобразили... Въ этомъ-то и заключается вся ошибка. Царица она—царица, это пусть такъ и остается за нею, но она должна, какъ конституціонная королева, только царствовать, а не управлять. И на престолъ ее можно посадить, и окружить всякимъ почетомъ, и предоставить ей возможность устраивать разные парадные выходы. Но что касается до управленія дѣлами, то,— пусть она не прогнѣвается,—это не ея вѣдомство... Конечно, не каждая согласится на это безпрекословно... Но мало ли что!.. Поставьте вашу жену съ самаго же начала на ея надлежащее мѣсто, постоянно держите ее въ мягкой, но твердой рукѣ, не давайте воли разнымъ ея фантазіямъ, не дѣлайте никакихъ поблажекъ, никакихъ уступокъ... И понемногу, понемногу вы воспитаєте ее и приобретете въ ней вотъ именно такого товарища, о какомъ сейчасъ говорили... Товарища на всю жизнь и на всякій часъ...

По лицу Оборина бродила скептическая усмѣшка.

— Чего на свѣтѣ не бываетъ! — проговорилъ онъ и, наливая пива въ опустѣвшій стаканъ, прибавилъ:—Кстати, совсѣмъ было забылъ... скажите, пожалуйста: какая здѣсь есть, — однофамилица или родственница ваша, — Ливнева, Катерина... Михайловна?..

Ливневъ вдругъ остановился и смотрѣлъ на него во всѣ глаза.

— То есть, въ Петербургѣ? — спросилъ онъ какъ-то не сразу, видимо соображая что-то.

— Не въ Петербургѣ, а здѣсь, въ Рябиновкѣ... вотъ у нихъ на дачѣ...

Ливневъ, видимо пораженный, машинально повернулъ ко мнѣ свое лицо, и я увидѣлъ, какъ на его блѣдныхъ ще-

какъ появились и постепенно словно разгорались розовыя пятна.

— Здѣсь... Катерина Михайловна... Что за чудеса!.. Неужели же это моя жена?!—проговорилъ онъ.

— Какъ жена?!—воскликнулъ Оборинъ, невольно засмѣявшись.—Я заключилъ изъ вашихъ словъ, что вы умудрились создать себѣ изъ вашей супруги вѣрнаго товарища «на всю жизнь и на каждый часъ». А оказывается...

— Не торопитесь, не торопитесь съ вашими заключеніями, — досадливо прервалъ его Ливневъ, отправляясь еще поспѣшнѣе шмыгать взадъ и впередъ по комнатѣ. — Вы сейчасъ вообразили себѣ какой нибудь пошлый романъ: надоѣвшій мужъ, счастливый возлюбленный... и такъ далѣе, по извѣстному шаблону. Не воображайте—ничего подобнаго не было. Дѣйствительно, жена уѣхала отъ меня...

— Давно?—спросилъ Оборинъ съ усмѣшкой.

— Но вовсе не отъ того, чтобы у нея завязалась какая нибудь вульгарная любовная исторія,—продолжалъ Ливневъ, не отвѣчая на вопросъ.—Ничего подобнаго... Было одно только, простительное въ ея годы, непониманіе практической жизни. Были разныя вздорныя фантазіи, тоже извинительныя для молодой женщины, которая давно лишилась матери и проживала съ однимъ только старикомъ-отцомъ, читая все, что ни попадалось ей на глаза... Она мечтала,—извольте ли видѣть, — о какой-то особенной «дѣятельности», о какомъ-то «трудѣ», чуть ли даже не о «подвигахъ»... Ха-ха!.. Чего же вы хотите?.. Естественно, что она не захотѣла удовольствоваться тою ролью, которую я отводилъ ей въ нашей жизни. Она хотѣла устроить эту жизнь по своему, совсѣмъ иначе. А такъ какъ я не имѣю чести принадлежать къ числу тѣхъ людей, которыми командуютъ ихъ жены, то, разумѣется, между нами стали возникать разныя...

— Не... неудовольствія,—подсказалъ Оборинъ, кивнувъ головою, въ знакъ того, что онъ и такъ хорошо понимаетъ, что именно должно было происходить между ними.

— Да... какъ же: «дѣятельность», «трудъ», «нравственная независимость» и еще что-то въ подобномъ же родѣ! — со сдержаннымъ раздраженіемъ продолжалъ Ливневъ. — Въ Петербургѣ, какъ оказалось, она устроила было какую-то ар-

тельную мастерскую, которая, конечно, не пошла, а только унесла у нея чуть ли не послѣднія деньги. Потому она служила въ какой-то грязнѣйшей, какъ печная труба, типографіи: завѣдывала въ ней хозяйственной частью, что ли... закупала бумагу, краску, керосинъ, дрова... Превосходно! Пусть, пусть получше познакомится со всею этою грязью. Тогда живо улетятъ всѣ ея фантазіи, а еще черезъ нѣсколько времени между нами не останется, вѣроятно, уже никакихъ недоразумѣній и неудовольствій.

— Однако, значить, вы даже не переписывались съ нею, если не знали, гдѣ она,—замѣтилъ Оборинъ.

— Н-нѣтъ, не то... но въ послѣднее время я, дѣйствительно, не получалъ о ней никакихъ извѣстій,—неопредѣленно отвѣчалъ Ливневъ и, остановившись въ задумчивости, съ опущенной головой и сложенными руками, повторилъ:—Неужто же это въ самомъ дѣлѣ она?.. Очень еще молодая брюнетка... красивая?..

— Даже очень красивая, для того чтобы служить по хозяйственной части въ типографіи,—подтвердилъ Оборинъ.

— Право, даже съ трудомъ вѣрится. Это было бы какимъ-то необыкновеннымъ поворотомъ счастья,—сказалъ Ливневъ.—А то я потерялъ было всякую надежду... Я пріѣзжаю въ Петербургъ именно за тѣмъ, чтобы повидаться съ нею... Иду на ея квартиру, — мнѣ говорятъ, что она уѣхала. — «Куда?» — «Не знаемъ... чуть ли не въ Москву»... — Хожу по разнымъ ея знакомымъ, навожу справки въ этой типографіи, въ адресномъ столѣ — и нигдѣ не могу добиться никакого толку. — «Уѣхала... отмѣтилась за городъ» — и все тутъ. Исчезла!.. А, между тѣмъ, мнѣ было рѣшительно необходимо увидѣться и поговорить съ нею объ одномъ очень, очень важномъ для насъ обоихъ, дѣлѣ чисто денежномъ...

— А-га! — словно встрепенувшись при этомъ словѣ, сказалъ Оборинъ.

— Да... большомъ, серьезномъ дѣлѣ.

— Такъ что, если оно теперь устроится, то, пожалуй, чтонибудь перепадетъ и на мою долю? — въ видѣ шутки спросилъ Оборинъ.

— Если оно устроится, то вы получите даже и не двѣсти пятьдесятъ, а четыреста рублей, и не на полгода, а на годъ,—

совсѣмъ серьезно и даже нѣсколько важно отвѣчалъ Ливневъ.

Оборинъ низко наклонилъ голову и прищелкнулъ подъ столомъ каблукъ, въ знакъ своей глубокой благодарности; а Ливневъ опять задумался и, опустивъ глаза, покручивалъ концами пальцевъ усы.

— Что же, она нанимаетъ у васъ дачу?—спросилъ онъ, обратившись ко мнѣ.

— Нѣтъ, просто гостить у нашей жилицы...

— Давно?..

— Она пріѣхала въ первый разъ, должно быть, съ недѣлю назадъ. Прожила дня три и уѣхала. А вчера пріѣхала опять...

Онъ немного помолчалъ, соображая что-то, потомъ проговорилъ:

— По крайней мѣрѣ, не знаю ли я ту особу, у которой она гостить? Кто это такая?

— Зубилова... Олимпиада Ивановна...

Ливневъ подумалъ и молча покачалъ головой. Очевидно, и фамилія, и имя оказывались совершенно незнакомыми ему. Помолчавъ съ минуту, онъ собирался спросить еще что-то, но въ это время въ комнату вошелъ новый гость,—господинъ около тридцати лѣтъ, сухощавый, прямой, какъ столбъ, съ коротко остриженными волосами на головѣ, съ выбритыми щеками и подбородкомъ, съ довольно длинными, закрученными на концахъ, усами. Очевидно, онъ уже былъ здѣсь и только уходилъ ненадолго, потому что теперь, взглянувъ мелькомъ на Оборина, на Ливнева, и нѣсколько пристальнѣе на меня, онъ никому даже не кивнулъ головой, а бросилъ на стулъ пальто и шляпу, подошелъ къ столу и молча налилъ себѣ стаканъ пива.

— Что-то скоро,—замѣтилъ Оборинъ, глядя на него.

— Нѣтъ его. Уѣхалъ... Чортъ его унесъ зачѣмъ-то въ Варшаву,—отвѣчалъ гость.

Онъ стоялъ всего шагахъ въ двухъ отъ меня и, отпивая глотками пиво, посматривалъ на меня изъ-за краевъ стакана такъ спокойно и безцеремонно, какъ будто я былъ не живой, совсѣмъ незнакомый ему человѣкъ, а болѣе или менѣе искусно сдѣланный манкенъ. Взбѣшенный этою безцеремонностью, я тоже принялся разсматривать его хорошо спитое, но уже по-

рядочно потертое платье, туго накрахмаленный обшлагъ его рубашки, испещренный какими-то коричневыми брызгами; его закрученные усы, словно искусственно составленные изъ разношерстныхъ волосъ, и рыжеватыхъ, и темнокаштановыхъ, и свѣтло-русыхъ...

— Какая-то у него тамъ баба... Намазанная и по десяти колець на каждомъ пальцѣ... Жена, что ли?—продолжалъ онъ.

— Жена, кажется,—сказалъ Оборинъ.

— Говорять, что воротится онъ, можетъ быть, дня черезъ три, а, можетъ быть, и черезъ недѣлю.

Посмотрѣвъ на меня еще немного, онъ повернулся ко мнѣ спиной и со стаканомъ въ рукѣ отошелъ отъ стола. Ливневъ присоединился къ нему. Идя нога въ ногу и тихо переговариваясь о чемъ-то, они дошли до двери въ садъ, приостановились въ ней, потомъ прошли и за нее, на террасу. Я воспользовался этой удобной минутой и, взявъ шляпу, поспѣшилъ уйти.

— Какая досада! Такъ и не пришлось сегодня поговорить съ вами, а завтра вы, пожалуй, опять уйдете куда нибудь?—сказалъ Оборинъ, по прежнему дружелюбно заглядывая мнѣ въ глаза, но видимо интересуясь теперь совсѣмъ не мной, а тѣмъ тихимъ разговоромъ, который шелъ въ это время на террасѣ между Ливневымъ и господиномъ съ разношерстными усами.

X.

Я шелъ, задумавшись такъ, что прошелъ мимо моста, черезъ который мнѣ нужно было перейти на нашу сторону рѣки, и вспомнилъ о немъ только тогда, когда онъ былъ уже чуть не съ четверть версты у меня за спиной. Но всему, что я узналъ теперь и мелькомъ слышалъ о Ливневой прежде, выходило вѣчто очень похожее на то, что она скрывалась отъ своего супруга. И вотъ, благодаря стеченію обстоятельствъ, онъ, неожиданно для самого себя, нашелъ ее или, по крайней мѣрѣ, открылъ ея теперешнее мѣстопробываніе.

«Теперь пойдетъ исторія... Теперь пойдетъ комедія!»—мысленно повторялъ я.

Мое нерасположеніе къ Олимпіадѣ Ивановнѣ и къ Лив-

невой было настолько велико, что я, кажется, даже усмѣхался себѣ подъ носъ, думая о томъ, какимъ образомъ можетъ начаться эта «исторія» и какія у нихъ обѣихъ сдѣлаются физиономіи, когда онѣ очутятся лицомъ къ лицу съ этимъ неожиданнымъ гостемъ... Тихо отворится запиравшаяся только на ночь дверь въ ихъ квартиру и, поднявъ глаза, онѣ увидятъ передъ собой блѣднаго господина, незнакомаго одной изъ нихъ, но зато слишкомъ хорошо знакомаго другой... Или—онѣ безопасно выдутъ за ворота, прогуляться по улицѣ, и.. и станутъ, какъ вкопанныя, очутившись лицомъ къ лицу съ этимъ блѣднымъ господиномъ. Преинтересная картина! Я даже пошелъ скорѣе, какъ будто опасаясь, чтобы Ливневъ не пришелъ раньше меня и чтобы эта интересная встрѣча не произошла въ мое отсутствіе.

Дойдя до нашего дома, я опять сѣлъ на скамейку около лѣстницы въ купальню и закурилъ папиросу. Внизу, на плоту, братъ хлопоталъ около нашей «Краснуши», навѣшивая на нее руль и вставляя желѣзныя уключины. Вверху, въ домѣ,—это было видно въ раскрытыя окна,—сестры надѣвали шляпки и, конечно, разыскивали свои зонтики, имѣвшіе у нихъ какое-то особенное свойство запропасться неизвѣстно куда всякій разъ, когда они были нужны. Я посмотрѣлъ еще выше и увидѣлъ на балконѣ втораго этажа Ливневу, тоже одѣвавшуюся: она накинула себѣ на плечи коротенькую сѣрую мантилью и застегивала ее подъ горломъ. Очевидно, они собирались ѣхать куда-то на лодкѣ.

— Куда?—спросилъ я брата.

— Такъ... прокатиться куда нибудь. Кстати, нужно купить сахару,—отвѣчалъ онъ.—Поѣдемъ съ нами...

Я только помоталъ отрицательно головой, но не сказалъ ни слова. У меня даже нѣсколько сильнѣе забилось сердце. Если нужно купить сахару, то они поѣдутъ внизъ, по теченію, мимо дачи Вентеревыхъ, и когда поравняются съ нею, то тутъ-то, по всей вѣроятности, и поджидаетъ ихъ сюрпризъ, который разстроитъ ихъ, конечно, посильнѣе, чѣмъ могъ бы разстроитъ самый жестокий дождь, неожиданно хлынувшій на нихъ изъ этихъ безобидныхъ облачковъ, прогуливающихъ по небу. Я невольно посмотрѣлъ въ даль, на выкрашенный въ свѣтло-сѣрую краску обширный домъ Вентеревыхъ, на ихъ

большой садъ, высоко поднимавшійся своею зеленью, на бѣлѣвшую среди этой зелени бесѣдку, изъ которой Оборинъ, съ недѣлю назадъ, показывалъ мнѣ на нашу «башню». Мнѣ думалось, что, можетъ быть, въ эту самую минуту всѣ трое, — Оборинъ, Ливневъ и ихъ противный пріятель съ разношерстными усами,—смотреть изъ этой бесѣдки на насъ; пожалуй, видятъ даже здѣшніе сборы куда-то и ждутъ, какъ въ засадѣ.

— Право, поѣдемъ,—сказалъ братъ, подходя ко мнѣ.— Ты напрасно не хочешь познакомиться поближе съ Катериной Михайловной. Она только смотритъ иногда такой гордой и непривѣтливой. Это только такъ кажется... оттого, должно быть, что ея жизнь сложилась очень несчастливо... А на самомъ дѣлѣ она совсѣмъ простая, милая и очень добрая...

Наскоро закуривъ папиросу и видя, что я даже не собираюсь сказать ему хоть одно слово въ отвѣтъ, братъ пошелъ дальше къ дому. Онъ даже подошелъ къ калиткѣ, отворилъ ее, какъ вдругъ я, почти неожиданно для самого себя, остановилъ его.

— Костя!—позвалъ я его.

Онъ оглянулся, но видя, что я не двигаюсь съ мѣста и не говорю больше ничего, а молча смотрю на него, затворилъ калитку и съ недоумѣніемъ во взглядѣ воротился ко мнѣ.

— Послушай, — вполголоса сказалъ я.—Я не знаю ровно ничего, что у васъ тутъ дѣлается. Мнѣ ничего не говорили. Я только мелькомъ слышалъ кое что... Но, мнѣ кажется, не лишнее предупредить Катерину Михайловну... Ея мужъ здѣсь; я сейчасъ видѣлъ его у Оборина.

— Ахъ, чортъ возьми! — съ беспокойствомъ проговорилъ братъ.

— Но это еще не все,—прибавилъ я.—Съ недѣлю назадъ Оборинъ спрашивалъ меня о Катеринѣ Михайловнѣ, я сказалъ ему ея фамилію и имя. А сегодня онъ спросилъ о ней Ливнева: родственница она ему, или только однофамилица?.. Ну, однимъ словомъ, Ливневъ теперь знаетъ, что она у насъ...

— Ахъ, чортъ возьми!.. Ахъ, чортъ бы его побралъ! — съ возрастающимъ беспокойствомъ повторилъ братъ.

Онъ сѣлъ было на скамейку подлѣ меня, но сейчасъ же всталъ и, пробормотавъ, что «нужно будетъ сказать», ушелъ въ комнаты. Теперь мнѣ казалось уже, что я поступилъ именно

такъ, какъ долженъ былъ поступить. Если Катерина Михайловна ничего не имѣеть противъ того, чтобы увидѣться со своимъ мужемъ, то она, конечно, и увидится съ нимъ, но если она, почему бы то ни было, не хочетъ встрѣчаться съ нимъ, то съ какой же стати я сталъ бы чѣмъ-то въ родѣ сообщника этого господина и не предупредилъ бы, что ей угрожаетъ довольно большая неприятность?.. Почему я знаю, какія у этого Ливнева намѣренія относительно нея?.. Его блѣдная физиономія нравится мнѣ развѣ немножко побольше, чѣмъ физиономія его пріятеля съ разношерстными усами.

Пришелъ Хвать; я занялся съ нимъ минуту-другую, бросая въ кусты свою кожаную папиросницу и посылая его разыскивать ее и приносить ко мнѣ. Потомъ явились сестры, уже безъ шляпокъ, но подъ зонтиками, хотя солнце почти не показывалось изъ-за свѣтлыхъ—словно перламутровыхъ—облаковъ, сплошною сѣтью затянувшихъ все небо. Обѣ онѣ смотрѣли на меня округлившимися глазами, въ которыхъ виднѣлось и великое любопытство, и нѣкоторое безпокойство.

— Что такое случилось?—тихо спросила Маня.

— Гдѣ?—насмѣшливо спросилъ я, посмотрѣвъ по сторонамъ.—Я же замѣтилъ, чтобы что нибудь случилось.

— Отчего Катерина Михайловна вдругъ отказалась ѣхать?

— А развѣ она собиралась куда нибудь ѣхать? — спросилъ я вмѣсто отвѣта.

Мнѣ показалось по выраженію ихъ лицъ, что онѣ, пожалуй, съ большимъ удовольствіемъ поколотили бы меня, но въ это время братъ позвалъ меня изъ окна нашей квартиры. Я пошелъ въ комнаты. Братъ съ задумчивымъ видомъ похаживалъ съ мѣста на мѣсто въ болѣе свободномъ углу; мама, Олимпиада Ивановна, Ливнева сидѣли хмурья, видимо разстроенныя и озабоченныя.

— Очень нужно было болтать... рассказывать всякому встрѣчному, кто у насъ есть и что дѣлается, — ворчливо сказала Олимпиада Ивановна, какъ бы въ отвѣтъ на мой поклонъ.

Это была уже такая явно-нелѣпная придирка съ ея стороны ко мнѣ, что я весь словно вспыхнулъ и навѣрно сказалъ бы ей что нибудь очень рѣзкое, еслибы меня не остановила Ливнева.

— Нѣтъ, нѣтъ!—вскричала она, пожавъ мнѣ руку и удерживая.

живая ее въ своей рукѣ, какъ будто брала меня подъ свою защиту. — Это мое счастье, что такъ вышло. Иначе я легко могла бы встрѣтиться съ тѣмъ.. и тогда волей-неволей пришлось бы разговаривать и объясняться. Тогда Богъ знаетъ, что могло бы выйти!..

— Все же было бы лучше совсѣмъ не знаться съ такими людьми, какъ разные Оборины,—хмуро замѣтила мама и сухо, строго, какъ судебный слѣдователь, стала не спрашивать, а скорѣе допрашивать меня: что говорилъ Ливневъ?..

Я сказала, что, по его словамъ, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ именно за тѣмъ, чтобы увидѣться съ Катериной Михайловной, вездѣ разыскивалъ ее, не могъ найти, а, между тѣмъ, ему необходимо переговорить съ нею по поводу какого-то очень важнаго денежнаго дѣла.

— Ну, да! Ну, да!.. Конечно! — почти въ одинъ голосъ, насмѣшливо и съ видимымъ негодованіемъ, сказали Олимпіада Ивановна и Ливнева, взглянувъ одна на другую.

— Ну, хорошо, — также сухо сказала мама, задавъ мнѣ еще два-три вопроса.—Теперь... если ты встрѣтишься сегодня съ кѣмъ нибудь изъ нихъ и они заговорятъ о Катеринѣ Михайловнѣ, изволь говорить, что она уѣхала... Куда? Не знаешь... Слышишь?

На минуту наступило молчаніе.

— Я слышу... Въ этомъ-то случаѣ, я, слава богу, знаю теперь, что мнѣ слѣдуетъ говорить, — довольно угрюмо отвѣчала я.—Но... все таки...

— А во всѣхъ другихъ случаяхъ,—я уже сказала тебѣ,— всего лучше не заводить знакомствъ на улицѣ и вовсе не разговаривать со всякими встрѣчными,—прервала меня мама, нѣсколько возвысивъ голосъ и начиная раздражаться.

Я только пожалъ плечами и ушелъ изъ комнаты.

XI.

Отчасти отъ скуки и съ досады, отчасти потому, что мнѣ въ самомъ дѣлѣ нужно было купить кое-что изъ рыболовныхъ снарядовъ, я пошелъ въ городъ и воротился домой только къ обѣду.

— А вѣдь Ливневъ приходилъ... черезъ какія нибудь де-

сять минут послѣ того, какъ ты ушелъ, — сказалъ братъ, встрѣтившійся мнѣ на дворѣ.

— Ну, и что же? — хмуро спросилъ я, даже не остановившись.

— Спросилъ Катерину Михайловну, — ему сказали, что она уже уѣхала; спросилъ Олимпіаду Ивановну, — сказали, что и она отправилась въ городъ; спросилъ, наконецъ, тебя...

— Даже и я ему понадобился! — съ досадою сказалъ я.

— Да. Но такъ какъ и тебя не оказалось дома, то ему оставалось только состроить кислую гримасу и удалиться... Нужно ему отдать справедливость, фізіономія у него пренепрятная...

— Ну, я радъ, что онъ не засталъ меня, — сказалъ я. — Вся эта исторія мнѣ надоѣла. Откровенно говоря, я даже раскаиваюсь, что вмѣшался въ нее и предупредилъ васъ, что Ливневъ здѣсь... Какая мнѣ была надобность вмѣшиваться въ чужія дѣла и нарываться на то, что меня обозвали болтуномъ, да еще сдѣлали лишній выговоръ за то, что я завожу дрянныя знакомства? Глупо! Молчалъ бы и смотрѣлъ бы себѣ со стороны, что тутъ будетъ дѣлаться... Было бы, по крайней мѣрѣ, интересно... а теперь вышло просто глупо!.. Завтра же, чѣмъ свѣтъ, если не будетъ большого дождя, уйду опять за двадцать верстъ, на Горѣловскую мельницу, и засяду тамъ на цѣлую недѣлю...

Братъ качнулъ головой.

— Напрасно раскаиваешься, — сказалъ онъ. — Конечно, Олимпіада Ивановна сболтнула глупость; мама тоже несовсѣмъ права... Но все же ты раскаивался бы потомъ еще сильнѣе, еслибы вздумалъ промолчать и не предупредить о Ливневѣ. Пойдемъ обѣдать...

Оказалось, что Олимпіада Ивановна и Ливнева обѣдали въ этотъ день тоже у насъ. Когда мы спустились изъ мезонина внизъ, въ нашу квартиру, тамъ были уже въ сборѣ всѣ, кромѣ Олимпіады Ивановны. Ливнева подошла ко мнѣ и тихо сказала:

— Не сердитесь на меня?.. Благодаря вамъ, я избѣжала можетъ быть, большой опасности... А между тѣмъ, вмѣсто благодарности, вамъ достались однѣ только непрятности...

Утромъ я до того растерялась, что даже не поблагодарила васъ. Простите!—повторяла она, смотря на меня снизу вверхъ своими блестящими темными глазами, которые показались мнѣ въ эту минуту не только удивительно красивыми, но, кромѣ того, еще необыкновенно добрыми и милыми.

Я, кажется, весь покраснѣлъ отъ удовольствія. Пожалуй, мнѣ и не нужно было ничего больше, кромѣ признанія, что я былъ правъ и что со мной поступили несправедливо. Теперь я былъ готовъ идти для Ливневой не только на какія нибудь домашнія неприятности, но, кажется, на что угодно.

— Ничего, — пошутилъ я полупопотомъ. — Теперь я, по крайней мѣрѣ, знаю, какъ мнѣ отвѣчать, когда меня будутъ о чемъ нибудь спрашивать. Если меня спросятъ объ Олимпіадѣ Ивановнѣ:—«кто у васъ живетъ во второмъ этажѣ»?—я имъ скажу, что не знаю, или, отвѣчу, что у насъ тамъ никто не живетъ, либо назову ее вымышленной фамиліей. Тогда ужь, вѣроятно, никто не обвинитъ меня въ томъ, что я болтаю лишнее...

Она засмѣялась и погрозила пальцемъ, предостерегая, чтобы я не нарвался на новыя неприятности. Сестры, мама, Олимпіада Ивановна, входившая въ эту минуту въ комнату, съ удивленіемъ посмотрѣли на нее и на меня, видимо недоумѣвая, какимъ образомъ могло такъ скоро образоваться между нами что-то чуть ли не въ родѣ дружбы... Но въ это время подали супъ; всѣ стали усаживаться за столъ на свои обычные мѣста, и я опять превратился въ того равнодушнаго ко всему молчальника, какимъ давно привыкъ держать себя въ присутствіи мамы и Олимпіады Ивановны.

Послѣ обѣда я ушелъ въ мезонинъ и занялся приведеніемъ въ порядокъ моихъ рыболовныхъ снарядовъ. Черезъ нѣсколько времени ко мнѣ заглянулъ братъ.

— Послушай, — сказалъ я ему:—ты думаешь, Ливневъ такъ и повѣрилъ, что Катерина Михайловна уѣхала отсюда?

— Что же въ этомъ невѣроятнаго? — спросилъ онъ. — Ливневъ и самъ долженъ былъ ожидать, что она тотчасъ же поспѣшитъ уѣхать отсюда, какъ только узнаетъ, что онъ явился сюда.

— Дѣло, видишь ли, въ томъ, — сказалъ я, — что, когда я давеча пришелъ домой, изъ нашей кухни выходила женщина,

которая живетъ у Вентеревыхъ и постоянно прислуживаетъ Обориному... Зачѣмъ она приходила? Ты не знаешь?.. Ну, а я почти увѣренъ, что Ливневу отлично извѣстно, что и Катерина Михайловна не думала никуда уѣзжать, и Олимпиада Ивановна была весь день дома...

Братъ недовѣрчиво качнулъ головой.

— Ты слишкомъ сквернаго мнѣнія о Лукерьѣ, — сказалъ онъ. — А она живетъ у насъ, кажется, уже лѣтъ шесть. Съ чего же ей выдавать насъ?

— Самаго мерзкаго мнѣнія, — подтвердилъ я. — Насъ здѣсь въ домѣ, считая съ Хватомъ и старухой-кухаркой Олимпиады Ивановны, кажется, всего ровно десять душъ... Ну, такъ всѣ эти десять душъ ваша вѣрная Лукерья съ готовностью продастъ за рубль, а если поторговаться, то и за полтинникъ. Вотъ какого я о ней мнѣнія!

Братъ, видимо, думалъ о ней иначе, однако, не сталъ спорить со мной, хотя, и безъ того задумчивый, сдѣлался какъ будто еще задумчивѣе.

— Ну, все равно. А погода дѣлается все пасмурнѣе и пасмурнѣе, — сказалъ онъ, остановившись у растворенной двери на балконѣ и посматривая на потемнѣвшее небо, на которое выплывали изъ-за горизонта все новыя и новыя облака и тучки. — Ночь, должно быть, будетъ темная. Пожалуй, еще соберется дождь.

— Ничего нѣтъ мудренаго, — подтвердилъ я. — Завтра, кажется, новолуніе, а, по рыбацкимъ примѣтамъ, новорожденному мѣсяцу даже полагается омыться дождями. Чего добраго, мнѣ не придется идти на рыбалку.

Братъ отошелъ отъ двери и, сѣвъ какъ можно ближе ко мнѣ, сказалъ тихо:

— Мнѣ только бы ночь была потемнѣе... У насъ условлено, что попозднѣ вечеромъ я отвезу сегодня Катерину Михайловну... на лодкѣ... къ ея хорошимъ знакомымъ...

Онъ понизилъ голосъ до чуть слышнаго шопота и прибавилъ:

— Въ Рыбацкое...

— Что же, это, пожалуй, хорошо, — сказалъ я, немного подумавъ. — Эдакъ всего больше шансовъ на то, что она ни съ кѣмъ не встрѣтится и никто посторонній не будетъ знать, куда она уѣхала отъ насъ...

Братъ помолчалъ съ минуту, можетъ быть, ожидая, что я спрошу его: почему Ливнева не хочетъ увидѣться со своимъ мужемъ?—но у меня уже вошло почти въ привычку не вмѣшиваться въ ихъ дѣла и ни о чемъ не спрашивать. Я возился со своими рыболовными крючками, лесами, «поводками» и молчалъ.

— Возмутительная исторія!—сказалъ онъ, наконецъ. Ты ничего не знаешь о немъ?—Кое-что слышалъ,—отвѣчалъ я и вкратцѣ передалъ ему то, что рассказывала Лизѣ всевѣдущая Маня.

— Но и этого, оказывается, мало ему. Теперь онъ затѣялъ еще новую исторію,—сказалъ братъ.—Дѣло въ томъ, что тѣ деньги, какія ему удалось взять съ нея, конечно, уже давно прожиты, и его дѣла теперь чуть ли еще не хуже, чѣмъ въ то время, когда онъ женился на ней. Съ нея самой ему, разумѣется, уже нечего взять. Онъ всю ее обобралъ. Въ последнее время она служила въ типографіи, получала сорокъ рублей жалованья, — вотъ и всѣ ея ресурсы. Больше у нея ничего нѣтъ. Но у нея есть сестра, старшая. Та еще раньше ея вышла замужъ за какого-то губернскаго дѣльца, чиновника, который не только не растратилъ ея приданого, но еще приумножилъ его, такъ что теперь она, можно сказать, богатая женщина. И вотъ Ливневъ задумалъ попользоваться и ея капиталами. Сначала онъ просто сталъ просить у нея тысячъ восемь на какое-то, будто бы совершенно вѣрное и безпримѣрно выгодное, дѣло; но когда увидѣлъ, что она не вѣритъ ни въ это вѣрное дѣло, ни ему самому, то заговорилъ иначе. Онъ повелъ рѣчь о Катеринѣ Михайловнѣ... сталъ говорить, что напрасно отпустилъ ее отъ себя, что на дняхъ поѣдетъ въ Петербургъ нарочно, чтобы серьезно поговорить съ нею, и какъ нельзя яснѣе намекнулъ, что можетъ надѣлать ей большихъ непріятностей...

— Скотина!—проворчалъ я сквозь зубы.

— Не скотина... Какая же скотина можетъ сдѣлать такую мерзость? На нее способенъ только человѣкъ-мерзавецъ!—отвѣчалъ братъ внезапно задрожавшимъ голосомъ и съ нѣсколько поблѣднѣвшимъ лицомъ.

Онъ закурилъ папиросу, причемъ сломалъ одну спичку и обжегъ себѣ пальцы другой. Потомъ, затаившись цѣлымъ облакомъ дыма, но, кажется, нисколько не успокоившись отъ этого, продолжалъ:

— Что же было дѣлать сестрѣ Катерины Михайловны? Не давать денегъ этому мерзавцу,—онъ въ самомъ дѣлѣ, могъ отобрать паспортъ у Катерины Михайловны... пожалуй, могъ даже потребовать ее къ себѣ по этапу. Все могъ... Дать ему эти деньги, — тоже было бы бесполезно. Черезъ нѣсколько времени онъ просадилъ бы ихъ и потребовалъ бы еще, еще и еще. Въ этомъ отношеніи онъ — бездонная бочка... Поломавъ себѣ голову надъ этимъ вопросомъ, она написала Катеринѣ Михайловнѣ: «Что дѣлать»?.. Катерина Михайловна отвѣтила ей, чтобы она ни въ какомъ случаѣ не давала ему денегъ. Понятно, она не могла допустить, чтобы этотъ мерзавецъ, обобравъ ее, сталъ обирать еще и ея сестру. И вотъ, недѣли двѣ назадъ, Катерина Михайловна получила отъ сестры телеграмму, что онъ выѣхалъ въ Петербургъ... Ну... она тотчасъ же отказалась отъ мѣста, бросила квартиру, отдала куда-то на храненіе свои вещи, оставила себѣ только самое необходимое и, чтобы нигдѣ не прописываться, живетъ дня два-три у однихъ знакомыхъ, потомъ переѣзжаетъ къ другимъ, къ третьимъ. Живетъ безъ дома, безъ своего угла, въ постоянной тревогѣ, ото всѣхъ прячась... Однимъ словомъ, я, кажется, не задумался бы свернуть шею этому мерзавцу!—совершенно неожиданно и несовсѣмъ послѣдовательно закончилъ братъ, ударивъ рукой по столу и вскочивъ со стула.

— Надо же было ухитриться—придумать такое средство для добыванія денегъ... Новый промыселъ! Устроить себѣ охоту, какъ на зайца, на женщину, которая была настолько довѣрчива, что отдалась въ его подлые руки! — беспорядочно восклицалъ онъ, шагая взадъ и впередъ мимо стола, за которымъ я возился съ моими крючками и лесами.

— Развѣ она не можетъ какъ нибудь устроиться безъ его паспорта... выхлопотать себѣ видъ на отдѣльное жительство?—спросилъ я.

— Кто же это знаетъ?.. Можетъ быть, и можно, а, можетъ быть,—какъ только она сунется хлопотать объ этомъ,—тутъ-то у нея и отберутъ даже тотъ паспортъ, какой есть теперь. Кто же знаетъ, какія пружины онъ уже пустилъ въ ходъ, чтобы забрать ее въ свои мерзкія руки!.. Отъ такого человѣка можно ожидать чего угодно. Прежде Катерина Михайловна рассчитывала прожить по своимъ знакомымъ недѣли

полторы, двѣ, покуда онъ не уѣдетъ изъ Петербурга, а потомъ опять поступить на свое прежнее мѣсто въ типографію. Ей обѣщали, что это мѣсто останется за нею. Но теперь она уже не рѣшается на это. Она боится, что онъ поручитъ кому нибудь слѣдить за нею и, какъ только она перестанетъ скрываться,—явится сейчасъ же опять. Теперь она думаетъ, что ей остается только уѣхать подальше отсюда, въ какой нибудь такой городъ, въ которомъ ее никто не знаетъ. А такъ какъ всѣ наши города такіе, что люди въ нихъ, съ тоски и скуки, только тѣмъ и заняты, что стараются раскопать всю подноготную каждаго новаго человѣка,—то черезъ нѣсколько времени ей, конечно, придется опять бѣжать, опять скрываться...

Послѣднія его слова я слушалъ, такъ сказать, однимъ ухомъ. Мнѣ слышалось, что по лѣстницѣ въ нашъ мезонинъ кто-то поднимается—тихо, очень тихо, словно старикъ съ больными ногами или воръ, при каждомъ своемъ шагѣ опасующійся, что у него подъ ногой заскрипитъ неплотно пригнанная ступень. Поднявшись со стула, я быстро подошелъ къ двери и еще быстрѣе отворилъ ее. Передо мной оказалась Лукерья, видимо не ожидавшая, что передъ нею такъ предупредительно распахнется дверь, и нѣсколько оторопѣвшая...

— Это вы... Я думалъ, что Хватъ трется около двери,—сказалъ я, возвращаясь на свое мѣсто.

Взявшись обѣими руками за свои желтыя бусы, висѣвшія у нея на шеѣ, и растерянно шныряя глазами во всѣ стороны, она надумалась, наконецъ, сказать, что потеряла гдѣ-то фартукъ и никакъ не можетъ найти его.

— Думала, не обронила ли я его здѣсь, когда подметала полъ.

Она обошла кругомъ всю комнату, не полѣнилась заглянуть во всѣ углы, даже сдвигала съ мѣста стулья,—которыхъ, казалось бы, не представлялось никакой надобности трогать, потому что и такъ было видно, что подъ ними не лежитъ никакого фартука, — и, наконецъ, ушла, разводя руками и повторяя, что не «приложить ума»: куда могла затеряться такая, кажется, «не махонькая» вещь.

Я молча посмотрѣлъ на брата. Онъ понялъ мой взглядъ и только пожалъ плечами, очевидно, не зная, что ему думать.

— Во всякомъ случаѣ,—сказаль я, удостовѣрившись, что Лукерья дѣйствительно ушла, а не осталась за дверью, — во всякомъ случаѣ, отъ этого никому не будетъ вреда, если вы поддержите въ секретѣ, — *когда* и, главное, *куда* собираетесь ѣхать.

— Мы и такъ никому не рассказываемъ,—отвѣчалъ онъ.— Знаютъ только мама и Олимпіада Ивановна, да вотъ теперъ я сказаль еще тебѣ... А *когда* намъ удобнѣе будетъ ѣхать?— этого мы и сами еще не знаемъ. Если ночь будетъ обыкновенная, «бѣлая», — пожалуй, будетъ лучше ѣхать пораньше утромъ... такъ, часа въ три, съ восходомъ солнца, покуда еще всѣ спять.

ХІІ.

Однако, ночь наступала если и несовсѣмъ черная, то далеко не «бѣлая». Тучъ наплывало на небо все больше и больше; онѣ опускались все ниже и ниже. Раза два принимался накрапывать дождь. Становилось туманно, сыро, и къ десяти часамъ сдѣлалось уже настолько темно и скверно, что, вѣроятно, даже всѣ собаки, если не сидѣли по домамъ, то, по крайней мѣрѣ, старались попасть куда нибудь подъ крышу.

У насъ все шло своимъ заведеннымъ порядкомъ. Въ обычное время стали пить чай. Олимпіада Ивановна и Ливнева пили его вмѣстѣ съ нами. Ливнева была въ томъ же платьѣ, въ которомъ ходила весь этотъ день. Разговоры за чаемъ шли тоже самые обыкновенные, и, вообще, не было рѣшительно никакого признака, по которому посторонній человекъ могъ бы догадаться, что одинъ изъ сидѣвшихъ за этимъ чайнымъ столомъ собирается послѣ чаю уѣхать, самъ не зная куда,—можетъ быть, такъ далеко и такъ надолго, что ему уже не придется увидѣться съ людьми, окружающими его теперъ. Только Катерина Михайловна была какъ будто блѣднѣе и задумчивѣе, чѣмъ обыкновенно, да братъ видимо не могъ сидѣть спокойно и безпрестанно прислушивался, чуть только деревья на берегу и въ саду начинали шумѣть нѣсколько посильнѣе или двѣ-три капли дождя падали на оконныя стекла.

Вскорѣ послѣ чаю онъ ушелъ изъ комнатъ ровно на

столько времени, сколько было нужно, чтобы снести въ лодку руль, багоръ, уключины и весла, приготовленные имъ еще чуть ли не до обѣда и сложенные въ купальнѣ. Воротившись, онъ только посмотрѣлъ на Катерину Михайловну и чуть замѣтно кивнулъ ей головой. Она тотчасъ же встала и ушла наверхъ.

— Сейчасъ?—шопотомъ спросилъ я брата, когда онъ подошелъ ближе ко мнѣ.

— Сейчасъ,—отвѣчалъ онъ также тихо.

Черезъ нѣсколько минутъ Катерина Михайловна прошла обратно, переодѣтая въ другое платье, съ большимъ байковымъ платкомъ на плечахъ, съ саквояжемъ въ одной рукѣ и съ зонтикомъ въ другой. Тотчасъ же братъ накинулъ себѣ на плечи пальто, надѣлъ шляпу и, взявъ у Катерины Михайловны саквояжъ, пошелъ изъ комнаты. Катерина Михайловна начала прощаться.

— Ъхать? Какъ ѡхать?! Теперь? Въ такую ночь?! — восклицали пораженные неожиданностью сестры, растерянно взглядывая то другъ на друга, то на всѣхъ другихъ поочередно и видимо отчаиваясь понять, что такое дѣлается сегодня вокругъ нихъ.

Въ это время вошла Лукерья. Она пріостановилась, словно наткнувшись на какое-то невидимое препятствіе, раскрыла шире глаза, разинула даже ротъ и изобразила всей своей фигурой живую статую величайшаго изумленія.

— Барыня! Да вѣдь на дворѣ собирается дождь... Ужъ каплетъ!—вскричала она, повѣривъ, наконецъ, своимъ глазамъ, что Ливнева сейчасъ уѣзжаетъ.

Катерина Михайловна подошла проститься со мной, и когда, всего черезъ нѣсколько секундъ, я вспомнилъ о Лукерьѣ, ея уже не было въ комнатѣ. На дворѣ, на улицѣ—за воротами, на лѣстницѣ въ купальню, на плоту около лодки,—нигдѣ я не видѣлъ ея. Мной стало овладѣвать безпокойство. Было совершенно невѣроятно, чтобы, безъ какихъ нибудь особенныхъ причинъ, баба отказала себѣ въ удовольствіи присоединиться къ цѣлой полудюжинѣ другихъ женщинъ, провожающихъ седьмую женщину, которая, къ тому же, уѣзжала при несомнѣнныхъ обыкновенныхъ обстоятельствахъ,—ночью, въ темень, въ скверную погоду, когда надъ головами нависли

черныя дождевыя тучи. Но какія же у нея могли быть особенныя причины, если не тѣ, что она побѣжала на вентеревскую дачу сказать, кому слѣдуетъ, что Катерина Михайловна уѣзжаетъ?.. У меня даже начало сильнѣе биться сердце.

Какъ нарочно, женскія прощанья, — почти всегда утомительно долгія, — на этотъ разъ угрожали затянуться чуть не до разсвѣта. Прощались и цѣловались въ комнатахъ, прощались и лобызались на плоту, около лодки, собирались прощаться и хотъ еще разикъ пожать руку Катеринѣ Михайловнѣ, когда она уже сѣла въ лодку и, накинувъ себѣ на голову платокъ, закуталась въ него такъ, что у нея виднѣлись изъ-подъ него только одни глаза. Но я, кусая губы отъ нетерпѣнія, взявъ лодку за бортъ, провелъ ее вдоль края плота и безъ церемоніи оттолкнулъ отъ него по направленію къ срединѣ рѣки.

— Поѣзжай, Костя, поскорѣе! — предостерегающимъ тономъ сказалъ я брату.

Кажется, онъ отвѣтилъ мнѣ что-то, но я уже не слышалъ его, и не хотѣлъ слушать. Я взбѣжалъ по лѣстницѣ на берегъ и тоже чуть не бѣгомъ, обгоняя лодку, направился къ вентеревской дачѣ. Ненадолго принялся опять моросить мелкій, чисто осенній дождикъ, воздухъ еще больше наполнился сыростью, но мнѣ было жарко, такъ жарко, что я даже снялъ съ себя пальто, продолжая торопливо идти и всматриваться въ противоположный берегъ, — тихій, окутанный мракомъ, изъ котораго только и виднѣлись, какъ свѣтляки на деревьяхъ, освѣщенные окна дачъ. Наконецъ, я разглядѣлъ во тьмѣ смутныя очертанія дачи Вентеревыхъ и пріостановился, пытливо всматриваясь въ нее. Виднѣлись четыре освѣщенные окна въ верхнемъ ея этажѣ, два — въ нижнемъ, возвышался надъ краемъ забора фонарь, горѣвшій на дворѣ; у подъѣзда чернѣлъ около самой рѣки навѣсъ, подъ которымъ хранились лодки, и больше не было ничего ни видно, ни слышно. Около нея было также безлюдно, тихо, какъ и около другихъ дачъ, въ которыхъ люди, загнанные дурной погодой по домамъ, спокойно играли въ карты, ужинали и собирались спать. Я началъ успокаиваться. Мнѣ сдѣлалось даже нѣсколько совѣстно передъ Лукерьей, что я такъ поспѣшно заподозрилъ ее въ предательствѣ.

Прошла минута, другая. Послышался стукъ весель на нашей приближавшейся «Краснушѣ» и съ каждой секундой раздавался все явственнѣе и явственнѣе. Вотъ и сама она' показалась чернымъ пятномъ на болѣе свѣтлой полосѣ воды около середины рѣчки,—быстро, очень быстро подходила ко мнѣ, поровнялась со мной, прошла мимо меня, прошла мимо вентеревской дачи, а на томъ берегу продолжала стоять почти ничѣмъ ненарушаемая тишина. Всѣ мои опасенія покинули меня. Я хотѣлъ было даже окликнуть Костю, когда «Краснуша» проходила мимо; меня остановило только то, что въ это время тихо стукнула отворившаяся и затворившаяся калитка вентеревского дома и, какъ мнѣ показалось, кто-то вышелъ изъ нея и сталъ передъ нею. «Краснуша» уходила все дальше и дальше, скрылась во мракѣ изъ виду; мѣрный стукъ ея весель доносился до меня все глуше и глуше. Я докурить закуренную мной папиросу и хотѣлъ уже уходить домой, какъ вдругъ на вентеревской дачѣ поднялось движеніе. Захлопали какія-то двери, послышались голоса, отрывистыя и торопливыя восклицанія, поспѣшные шаги; отворяли и заворяли калитку. Потомъ я увидѣлъ, что какіе-то люди-тѣни скорѣе бѣжали, чѣмъ шли, отъ калитки къ берегу, къ навѣсу, подъ которымъ стояли лодки. Я слышалъ, какъ сдернули брезентъ со «Шуки» и бросили его на полъ, какъ Оборинъ отрывисто распорядился, чтобы брали лодку «за тотъ конецъ», — какъ ее подняли съ подставокъ, понесли и скорѣе сбросили, чѣмъ спустили на воду.

— Сейчасъ только проѣхали... сію минуту... Скоро такъ! — послышался чей-то женскій голосъ.

— Далеко не уѣдутъ, — проворчалъ сквозь зубы кто-то, кажется, Оборинъ.

«Вотъ оно!.. Значить, не ошибся», подумалъ я, и сердце у меня колотилось все сильнѣе и сильнѣе. Стучали веслами, складывая ихъ съ берега въ лодку, топотали ногами, возаясь въ ней,—навѣшивая руль, вставляя въ гнѣзда уключины.

— Ахъ, чортъ!.. Уключина упала въ воду, — вскричалъ кто-то.

— Тьфу!.. Ну, и поѣзжайте на одной, если умѣете! — съ бѣшенствомъ воскликнулъ Оборинъ; однако, тотчасъ же выскочилъ однимъ прыжкомъ на берегъ и бѣгомъ бросился къ дому за запасной уключиной.

Скоро онъ воротился также бѣгомъ, еще на ходу ворча, что за это время они успѣли бы проѣхать чуть не полверсты. Я не сталъ дожидаться, покуда онъ сядетъ въ лодку, а повернулся спиной къ рѣкѣ и скорѣе побѣжалъ, чѣмъ пошелъ, черезъ небольшой переулокъ между дачами, на дорогу, которая шла отъ Рябиновки и приблизительно въ верстѣ отъ нея подходила опять почти къ самому берегу рѣки. Мнѣ не было надобности особенно торопиться: дорога къ намѣченному мной мѣсту, у котораго я рассчитывалъ догнать «Краснушу», шла совсѣмъ прямой линіей, тогда какъ рѣка, прежде чѣмъ добраться до него, выписывала довольно большія «мыслете», такъ что мнѣ предстояло пройти разстояніе чуть не втрое меньше того, какое брату нужно было проѣхать на лодкѣ. Однако, ни идти, ни разсуждать спокойно я не былъ въ состояніи. Мнѣ стало казаться, что я дѣлаю глупость, идя этой прямой дорогой, на перерѣзъ «Краснушѣ», потому что она можетъ и не дойти до того мѣста, къ которому я иду. Мало ли какія могутъ быть случайности, когда приходится ѣхать на лодкѣ, да еще въ такую темную и туманную ночь... Можно наскочить съ разбѣга на какой нибудь плотъ, незамѣченный въ темнотѣ, и проломить дно у лодки; можно сломать весло, потерять уключину, какъ сейчасъ потеряли тѣ... «Глупо, глупо!.. Нужно было не идти на перерѣзъ «Краснушѣ», а просто догонять ее, идя по берегу, слѣдомъ за нею!» говорилъ я себѣ и, нагнувъ покрѣпче шляпу на голову, пустился бѣжать дальше, насколько могъ быстро. Черезъ нѣсколько минутъ, показавшихся мнѣ за добрые полчаса, я добѣжалъ до рѣки, остановился, перевелъ дыханіе и, поворачивая голову то направо, то налево, сталъ прислушиваться. Гдѣ-то порядочно далеко слышалось что-то похожее на мѣрный стукъ весель въ желѣзныхъ уключинахъ, но слышался такъ слабо, что я не могъ рѣшить,—дѣйствительно ли слышу этотъ стукъ, или онъ мнѣ чудится. Я пошелъ по берегу, вверхъ по теченію рѣки, навстрѣчу этому неопредѣленному звуку, прошелъ съ четверть версты по мокрой травѣ, черезъ кусты, рытвины, и остановился: стукъ весель слышался все явственнѣе, и, наконецъ, я уже не сомнѣвался больше, что это идетъ «Краснуша», идетъ еще быстрѣе, чѣмъ проходила мимо вентеревской дачи. Еще черезъ нѣсколько времени я началъ

уже различать ея темныя очертанія на болѣе свѣтломъ фонѣ воды.

— Костя!—позвалъ я, обождавъ еще немного.

Братъ тотчасъ же пересталъ грести.

— Это ты, братъ?—отозвался онъ.

— Я... Погребѣ еще немного... Здѣсь грязно... неудобно выйти,—сказалъ я и, идя по берегу, вслѣдъ за двинувшеюся опять впередъ «Краснушей», объявилъ: — Они гонятся.. Поскакали, какъ лягушки, всѣ трое въ лодку и ѣдутъ за вами...

И онъ, и Ливнева, какъ видно, были порядочно поражены этимъ извѣстіемъ, потому что нѣсколько времени не могли произнести ни слова.

— Это что-то невѣроятное! — воскликнулъ, наконецъ, братъ. — И чего, чего хочеть онъ добиться этимъ?.. Неужели же мы не успѣемъ выѣхать въ Неву раньше ихъ?..

— Не знаю... врядъ ли...

— Нѣтъ, нѣтъ!—вскричала Катерина Михайловна.—Лучше не рисковать... Лучше мнѣ выйти здѣсь и воротиться къ вамъ на дачу...

— Вотъ здѣсь, кажется, всего удобнѣе пристать,—сказалъ я Костѣ, и когда «Краснуша» остановилась, приткнувшись къ песчаному берегу, вытащилъ ее подальше на песокъ и помогъ выйти изъ нея Катеринѣ Михайловнѣ.

— А по моему, — сказалъ я, — зачѣмъ вамъ возвращаться въ такое непріятное сосѣдство? Всего лучше и безопаснѣе: идти по этой дорогѣ къ Часовенному перевозу, взять тамъ яличника и ѣхать себѣ дальше...

— Пожалуй, это, въ самомъ дѣлѣ, будетъ хорошо, — тотчасъ же согласился братъ.—А ты сядешь въ лодку...

— А я сяду въ лодку и поѣду дальше. Пусть гонятся, за мной. Вотъ-то обрадуются, когда догонять! — сказалъ я, невольно засмѣявшись. — Ну, однако, незачѣмъ терять время. Чѣмъ дальше я ихъ уведу отсюда, тѣмъ веселѣе будетъ... Прощайте еще разъ...

Катерина Михайловна крѣпко сжала мнѣ руку своей нѣсколько дрожащей и холодной рукой, но не говорила ничего и смотрѣла не на меня, а куда-то вдаль, на рѣку, выдѣлявшуюся блѣдною полоской изъ разстлавшагося мрака.

— Неужели это уже они?—спросила она такимъ голосомъ, который заставилъ меня подумать съ невольною жалостью, что у нея и сердце бьется, должно быть, также тревожно и неровно, какъ неровень и тревоженъ ея голосъ.—Слышите?.. Ъдутъ...

Мы съ братомъ тоже повернули головы въ ту сторону, куда смотрѣла она, и, не шевелясь, прислушивались. Дѣйствительно, въ отдаленіи опять слышался стукъ весель. Но мы съ Костей тотчасъ же различили, что гребли въ этой лодкѣ, что называется, «по бабы»,—часто, такъ часто, какъ можно грести только короткими веслами, а не такими длинными, на какихъ ходила «Щука».

— Нѣтъ, это не они, — сказали мы почти въ одинъ голосъ.—Покуда еще не они,—прибавилъ я, сдвинувъ «Краснушу» съ берега и усаживаясь въ нее. — Ну, прощайте. Я ъду...

— Прощайте, голубчикъ... Спасибо... Я кругомъ въ долгу передъ вами,—сказала Катерина Михайловна тихимъ голосомъ, прозвучавшимъ въ моихъ ушахъ, какъ самая пріятная музыка, которую я когда либо слышалъ.

Послѣ бѣготни по грязной дорогѣ и по мокрой травѣ, я съ удовольствіемъ вытянулъ ноги, уперся ими въ подножку и пустилъ теперь въ работу руки. Нѣсколькими сильными взмахами весель я разогналъ «Краснушу» такъ, что подъ ея носомъ зашумѣлъ какъ будто маленькій водометъ. Минуть пять, шесть я гребъ изо всѣхъ силъ, стараясь наверстать то время, которое было потеряно на остановку у берега. Потомъ, усмѣхнувшись пришедшей мнѣ въ голову школьнической мысли, я оставилъ весла, быстро перебрался на корму, сдернулъ съ крючковъ руль, поставилъ его стоймя около задней скамейки и набросилъ на него мое пальто. Для темной ночи получилось настолько удовлетворительное подобіе человѣческой фигуры, сидящей на кормѣ, что врядъ ли даже въ десяти шагахъ отъ моей лодки можно было различить, что это не живой человѣкъ. Очень довольный этой выдумкой, я снова взялся за весла и гребъ, уже не останавливаясь, какъ заведенная машина, однообразно раскачиваясь туловищемъ впередъ и назадъ и черезъ каждые два-три взмаха веслами взглядывая себѣ черезъ плечо, чтобы осмотрѣть дорогу. Слышавшійся за

мною частый, «бабий» стукъ веслами становился слабѣе и, наконецъ, пересталъ слышаться. Нѣсколько времени можно было думать, что на всей рѣкѣ, до самой Невы, остался только я одинъ. Но вотъ, оттуда же, гдѣ только что замолкъ этотъ «бабий» стукъ веслами, чуть слышно началъ доноситься до меня новый стукъ веселъ, только стукъ уже совсѣмъ другаго характера, — съ долгими промежутками между каждымъ ударомъ, глухой, мощный, — словно гдѣ-то очень далеко забивали механическимъ копромъ сваю, или рота солдатъ маршировала стариннымъ «тихимъ шагомъ», усиленно отбивая носками темпъ. Это уже несомнѣнно шла «Щука». Я сталъ грести еще сильнѣе, но, не смотря на то, что «Краснуша» шла такъ быстро, какъ, вѣроятно, ей еще никогда не приходилось ходить, все таки стукъ веселъ на «Щукѣ» становился съ каждой минутой слышнѣе и слышнѣе. Очевидно, она нагоняла меня. Еще черезъ четверть часа мнѣ стало казаться, что я начинаю уже различать ея темную массу, словно всплывающую все выше и выше на туманно-сѣрой поверхности воды. Но, оглянувшись въ это время назадъ, я увидѣлъ съ радостнымъ изумленіемъ, что всего какихъ нибудь въ двадцати шагахъ за мною виситъ въ воздухѣ темнымъ навѣсомъ мостъ черезъ Сосву, отъ котораго остается до Невы уже не болѣе сотни сажень. На такомъ короткомъ разстояніи «Щука» уже, конечно, не могла догнать меня, и я даже тихонько свиснулъ отъ удовольствія, рассчитывая, что на Невѣ, между барками и другими лодками, мнѣ, можетъ быть, удастся ускользнуть отъ моихъ преслѣдователей и оставить ихъ въ полномъ смущеніи. Еще нѣсколько минутъ я изъ послѣднихъ силъ работалъ веслами, и вотъ «Краснушу» подхватила набѣжавшая волна, приподняла немного вверхъ, тихо опустила и снова подняла еще выше... Это были уже невскія волны!.. Почти не переставая теперь смотрѣть черезъ плечо назадъ, я обошелъ широкимъ полукругомъ пристань, у которой качались на водѣ десятка два пустыхъ яликовъ, хотѣлъ было пристать за нею къ темному берегу, но вдоль его почти сплошной стѣной стоялъ рядъ барокъ. Нѣсколько растерявшись, я направилъ было «Краснушу» къ срединѣ рѣки, но сейчасъ же увидалъ, что «Щука» ни на минуту не теряетъ меня изъ виду и была всего въ какихъ нибудь сорока шагахъ отъ меня. Тогда я

оставилъ весла, досталъ изъ кармана портсигаръ и закурилъ папиросу. На «Щукѣ» тоже перестали грести. Показываясь на волнахъ, она подошла почти вплотъ къ «Краснушѣ» и тихо поплыла рядомъ съ нею по теченію.

— Да это вы?!—вскричалъ пораженный изумленіемъ Оборинъ, вглядываясь въ меня и въ мое пальто, продолжавшее изображать собою другаго человѣка, сидѣвшаго на кормѣ.

— А это вы?—насмѣшливо спросилъ я въ свою очередь.

— Изъ-за какого же чорта вы гнали, какъ сумашедшій?.. Я ужъ началъ бояться подъ конецъ, что мнѣ сведеть су... судорогами и руки, и ноги... Куда вы гнали?

— А вы зачѣмъ гнали?.. Я терпѣть не могу, чтобы другія лодки обгоняли меня,—насмѣшливо отвѣчалъ я.

— Вотъ такъ штука!—проговорилъ Оборинъ, посмотрѣвъ на своихъ спутниковъ, и пожалъ плечами.—По крайней мѣрѣ, голубчикъ, дайте мнѣ папироску. Курить давно хочется, а я не успѣлъ ничего захватить съ собой.

Ливневъ и третій ихъ спутникъ, господинъ съ разношерстными усами, сидѣли рядомъ на задней скамейкѣ, потупившись и отрывисто перешептываясь о чемъ-то. Кто-то изъ нихъ, не переставая, постукивалъ, словно барабанилъ, ногами по дну лодки.

— Намъ сказали, что Катерина Михайловна, моя жена, поѣхала съ вами,—обратился ко мнѣ Ливневъ такъ подозрительно, словно онъ начиналъ думать, что я выбросилъ его жену въ рѣку или, по крайней мѣрѣ, спряталъ ее гдѣ нибудь въ кустахъ на берегу.

— Катерина Михайловна не ѣздила со мной... Она уѣхала,—сухо сказалъ я.

— Мнѣ еще утромъ говорили, что уѣхала; однако, оказалось, что и не думала уѣзжать... Можетъ быть, она и теперь уѣхала также далеко?

— Не знаю, чтò вамъ говорили утромъ, но я вамъ говорю, что она уѣхала,—тѣмъ же тономъ повторилъ я.

— Куда? «Въ Москву»?—насмѣшливо спросилъ онъ.

— Ну, этого-то я ужъ не могу сказать вамъ...

— То есть, въ какомъ же это смыслѣ «не можете»?—вмѣшался Оборинъ:

— Понятно, если ваша жена не хочетъ видѣться съ вами,

то она вамъ не скажетъ, куда уѣхала. За этими-то справками вамъ придется обратиться уже къ комунибудь другому,—сказалъ онъ какъ будто нѣсколько гадливо и сразу воротилъ себѣ мои симпатіи, начавшія было остывать съ сегодняшняго утра.

Стукъ ногами по дну лодки, прекратившійся было на время этого короткаго разговора, возобновился съ удвоенной силой.

— Однако,—сказалъ господинъ съ разношерстными усами,—Оборину хорошо. Онъ такъ разогрѣлся за веслами, что, пожалуй, не прочь и выкупаться. А у меня даже кишки начали забнуть. Нужно будетъ зайти куданибудь погрѣться.

— Я знаю напередъ, что буду завтра боленъ,—сквозь зубы проговорилъ Ливневъ такимъ тономъ, какъ будто его насильно вытащили изъ дому въ эту скверную погоду и, вотъ, добились того, что простудили.

Оборинъ лѣниво взялся рукой за одно изъ весель.

— До свиданья, голубчикъ,—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ. — Еслибы я зналъ, что вы ѣдете въ этомъ красномъ яйцѣ, ей-богу, не сталъ бы гнаться за вами... кто бы ни ѣхалъ на мѣстѣ вашего пальто... Надѣньте его; въ самомъ дѣлѣ, сыро и холодно...

Онъ повернулъ свою лодку и сталъ грести къ пристани. Докуривъ папиросу, я тоже отправился обратно домой...

Н. Бажинъ.

(Продолженіе будетъ).

Валтасаръ.

(Изъ «Книги пѣсенъ» Г. Гейне).

Ужь близилась полночь; во мглу погружень,
Нѣмой и усталый дремалъ Вавилонъ.
И только въ высокихъ чертогахъ владыки
Гремятъ, не стихая, веселые крики.
Огнями чертогъ исполинскій залитъ;
Въ вѣнцѣ и порфирѣ владыка сидитъ.
Вокругъ, за бокаломъ бокаль осушая,
Ликуеть клеветовъ толпа золотая.
Ликують клеветы, бокалы звенять,
Блуждаетъ царя упоеннаго взглядъ...
И вдругъ онъ встаетъ, загорѣлося око,
И, нагло чело поднимая высоко,
Безумецъ, въ порывѣ гордыни слѣпой,
Егову поносить презрѣнной хулой!
Пылаютъ ланиты и сердце трепещеть,
Онъ мечетъ проклятья—толпа рукоплещеть...
Ужé онъ рабу приказаніе далъ:
И рабъ удалился, и въ праздничный залъ
Принесъ драгоценные кубки литые—
Изъ храма Еговы сосуды святыя!
Тогда Валтасаръ дерзновенной рукой
Схватилъ освященной фіалъ золотой,
Наполнилъ его искромётною влагой,
До дна осушилъ и воскликнулъ съ отвагой:
«Егова! Я власти не знаю твоей—
«Я царь Вавилона, всѣхъ выше царей»!..
Сказалъ... запатался,—и въ ужасѣ дикомъ
Сосудъ драгоценный онъ выронилъ съ крикомъ...
Смѣшались безбожники; въ сонмищѣ ихъ
Кощунственный хохотъ мгновенно затихъ;

И видятъ развратныя слуги Ваала:
 Рука передъ ними, рука засіяла—
 И пишеть, и чѣртить на бѣлой стѣнѣ,
 А буквы встають и сверкають въ огнѣ!..
 Глядѣль нечестивецъ—и облакомъ тѣни
 Чело одѣвалось, дрожали колѣни;
 Клевретовъ уста шевелились безъ словъ,
 Ихъ лица мертвѣли и стынула кровь.
 Волхвы собралися, но грозныя строки
 Прочестъ не могли Вавилона пророки;
 Когда жъ занялася на небѣ заря—
 Рабы издѣвались надъ трупомъ царя.

Конст. Ивановъ.

Объ условіяхъ торговли виноградными винами въ Россіи и о мѣрахъ къ развитію этой торговли.

I.

Обсуждать вопросы, касающіеся торговли русскими виноградными винами, и стремиться къ широкому развитію этой торговли—одно и то же, что трактовать о виноградно-винодѣльной промышленности; иными словами: успѣшная постановка торговли русскими виноградными винами влечетъ за собой процвѣтаніе виноградарства и винодѣлія, и обратно—тяжелое положеніе торговли этими продуктами, задерживая собою расширеніе и улучшеніе виноградной культуры. Отсюда проистекаетъ серьезное значеніе вопросовъ торговли и существенная необходимость подвергнуть ихъ болѣе глубокому изслѣдованію. Совершенно излишне доказывать, какое государственное значеніе имѣетъ виноградная культура для нашего отечества, располагающаго громаднымъ количествомъ земли, вполне пригодной для разведенія виноградниковъ. Излишне также говорить о томъ, насколько необходимы для этой промышленности низшія, среднія и высшія спеціальныя школы, опытыя станціи, систематическія изслѣдованія въ области произрастанія винограднаго куста, винодѣлія и погребнаго хозяйства; всѣ эти вопросы уже признаны, какъ настоятельно нужные, и по поводу ихъ не разъ составлялись доклады, писались статьи. Остается только пожелать, чтобы соотвѣствующія провительственныя учрежденія стремились поскорѣе осуществить прозеты въ дѣйствительной жизни. Но, при выдвиганіи на очередь этихъ столь важныхъ вопросовъ, къ сожалѣнію, оставалась въ тѣни торговля русскими виноградными винами, и казалось, что это крупное дѣло предоставлено самому себѣ, что оно найдетъ себѣ правильную дорогу и само себя благоустроить. И если въ послѣднее время возбужденъ въ министерствѣ финансовъ вопросъ объ акцизномъ обложеніи винограднаго вина, то совершенно напрасно эта мѣра мотивируется, какъ средство для упорядоченія торговли; это послужитъ лишь къ усиленію тяжелыхъ условий, тяжестью новаго налога и формальностей, изъ него вытекающихъ. Весьма возможно, съ одной стороны, что торговля винограднымъ виномъ, при отсутствіи крупныхъ препятствій къ ея развитію, въ

концѣ концовъ стала бы на правильный путь, расширилась и внесла бы въ культуру винограда живую и энергичную дѣятельность; но обстоятельства сложились такъ, что препятствія, или по своему характеру, или по своимъ размѣрамъ, не могли быть устранены дѣятельностью самихъ представительей торговли.

Но, можетъ быть, найдутся скептики, которые станутъ прямо отрицать замѣшательство и неблагоприятныя условія въ торговлѣ виномъ. Лучшимъ симптомомъ состоянія торговли служатъ слѣдующіе признаки: 1) увеличеніе производительности предмета торговли, 2) увеличеніе его вывоза, 3) открытіе новыхъ рынковъ, 4) уменьшеніе привоза изъ иностранныхъ государствъ даннаго предмета торговли и 5) пониженіе цѣны предмета торговли. Разберемъ эти пункты по отношенію къ виноградному вину отечественнаго производства. Несомнѣнно, что расширеніе торговли виномъ, увеличеніе сдѣлокъ съ нимъ, вызываютъ къ большей и большей дѣятельности виноградарей, обнаруживающейся въ увеличеніи числа садовъ, въ количествѣ собраннаго и переработаннаго винограда. Какъ ни скудны наши статистическія свѣдѣнія о виноградарствѣ и винодѣліи, а все таки остается фактомъ, что приростъ новыхъ насажденій винограда, съ промышленной цѣлью, у насъ ничтожный. Съ 1886 года по 1896 годъ площадь виноградниковъ въ Бессарабіи увеличилась всего на 10,000 десятинъ, въ таврической губерніи увеличеніе не достигло и этой цифры, а на Дону и Кавказѣ еще меньше. Нѣкоторое оживленіе появилось въ херсонской и екатеринославской губерніи, и то только въ самое послѣднее время. Что же касается вывоза винограднаго вина, то какъ не существовало его прежде, такъ онъ и теперь не существуетъ, а если и прозябаетъ, то въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ. Между тѣмъ, русское виноградное вино вполне можетъ и должно было бы быть предметомъ экспортной торговли. Но никакихъ новыхъ рынковъ русское вино не нашло себѣ и, что еще важнѣе, не ослабило привоза иностраннаго вина: съ 1892 года привозъ иностраннаго вина къ намъ сталъ даже увеличиваться, въ чемъ каждый можетъ убѣдиться, просматривая «Обзоры вѣшной торговли Россіи» (изд. таможеннаго департамента). Цѣна русскаго винограднаго вина стоитъ выше, чѣмъ въ другихъ винодѣльныхъ странахъ для внутренняго употребленія. Весь торговый расходъ русскаго винограднаго вина не достигаетъ 30.000,000 ведеръ, т. е. 0,24 ведра на душу.

Едва ли можно признать подобное состояніе винной торговли — цвѣтущимъ.

За послѣднія десять лѣтъ (съ 1886 по 1896 гг.) нельзя насчитать и десятка новыхъ крупныхъ хозяйствъ, снабженныхъ благоустроенными и обширными подвалами. Какъ десять лѣтъ тому назадъ отовсюду, изъ винодѣльныхъ областей, слышались жалобы на отсутствіе подваловъ для выдержки молодаго вина, т. е. на тотъ крупный недочетъ винодѣльной промышленности, который и побуждаетъ нашихъ садовладѣльцевъ спѣшить съ продажей вина изъ-подъ пресса, въ виду возможной потери его отъ грибныхъ заболѣваній,—такъ и въ настоящее время положеніе дѣла не измѣ-

нилось къ лучшему. Неупроченное современное положеніе торговли русскимъ винограднымъ виномъ видно еще изъ того, что до сихъ поръ русское винодѣліе не выработало даже своей характерной номенклатуры, а довольствуется въ этомъ отношеніи или полнымъ отсутствіемъ названій (ибо названіе: «русское столовое красное» или «бѣлое» — ничего не выражаютъ); или же подражательными названіями; существованіе же названій винъ болѣе или менѣе рациональныхъ, соответствующихъ мѣстности и природѣ вина, принадлежитъ не къ общему явленію, а къ исключительнымъ случаямъ. Обращаясь теперь къ тѣмъ главнымъ причинамъ, которыя вредно отражаются на развитіи торговли, прежде всего нужно остановиться на слѣдующихъ: 1) коринкѣ, 2) фальсификаціи, 3) вліяніи на торговлю дѣятельности удѣльнаго вѣдомства, 4) на общественныхъ и экономическихъ лавкахъ и 5) на контрабандной торговлѣ виномъ.

II.

Съ 1894 года сталъ быстро возрастать ввозъ коринки въ Россію и достигъ въ 1895 г. 1.000,000 пудовъ. Коринка производится главнымъ образомъ въ порты Чернаго моря и распространяется по Бессарабіи, а также по наиболѣе крупнымъ торговымъ городамъ.

Потребность въ коринкѣ, примѣнявшейся раньше въ кулинарномъ и кондитерскомъ дѣлѣ, столь незначительна, что этой потребностью нельзя объяснить громадный привозъ греческаго сухаго винограда. Въ послѣднее время коринка нашла себѣ болѣе выгодное примѣненіе, которое и привело въ движеніе не два - три отдѣльныхъ общества, а цѣлую Бессарабію съ миллионнымъ населеніемъ, и тревога эта въ послѣдствіи отразилась и въ другихъ винодѣльныхъ районахъ. Иными словами: изъ коринки стали дѣлать вино, и вино это поступаетъ уже на рынокъ подъ обычной маркой винограднаго вина, т. е. въ лицѣ коринки, — привознаго и иноземнаго матеріала, — явился сильный конкурентъ русскому винодѣлію. Вопросъ этотъ достаточно извѣстенъ и правительству, и обществу. Касаясь лишь тѣхъ сторонъ, которыя, можетъ быть, остались незамѣченными, или имъ не придано должнаго значенія, можно указать на слѣдующее. Опыты съ коринкой дали такіе выводы: 1) изъ пуда коринки, при броженіи, можно получить 3 ведра свѣтло-желтаго легкаго вина, крѣпостью въ 9,6 ‰; 2) анализъ коринковаго вина далъ обычныя цифры и по составу это вино ничѣмъ особенно не отличается отъ свѣжаго винограднаго вина, такъ какъ нѣсколько повышенное число калиевыхъ солей можетъ быть легко поляризовано купажемъ или спиртованіемъ; 3) коринковое вино прекрасно смѣшивается съ русскими и иностранными винами, и опредѣлить эту примѣсь при данныхъ методахъ не представляется возможности; 4) коринка съ прибавкой 16 ‰ сахара, послѣ броженія, даетъ вино крѣпостью 16,8 ‰ и такое вино представляетъ прекрасный матеріалъ для фабрикаціи хереса, портвейна, мадеры и т. д. Выводы эти имѣютъ существенное значеніе. Не лишнее замѣтить, направляясь, что въ Бессарабіи производство коринковаго вина устанавливается кустар-

нымъ путемъ, раздачею коринки мѣстному крестьянскому населенію, занимающемуся винодѣліемъ, и, повидимому, эта система, какъ наиболѣе удобная, вполнѣ упрочится. Вредъ, причиняемый торговлѣ русскимъ виномъ,—а значитъ и русскому винодѣлію,—производствомъ коринкового вина, признанъ и правительствомъ за несомнѣнный фактъ, доказательствомъ чего и служить новый законъ 4 марта 1896 года о мѣрахъ къ ограниченію производства изюмнаго вина.

Къ сожалѣнію, законъ этотъ совершенно безсиленъ, и пагубное вліяніе коринки на все русское винодѣліе остается въ прежней силѣ. Чтобы доказать несостоятельность этого закона въ его основной задачѣ, нѣтъ надобности разбирать всѣ его статьи, а достаточно указать, что въ законѣ подразумѣвается, что понятіе о коринковомъ винѣ строго установлено, что коринковое вино имѣетъ свои отличительные признаки и свойства. Между тѣмъ, ни наука, ни практика не установили признаковъ, по которымъ опредѣляется коринковое вино, какъ отдѣльно, такъ и въ смѣси съ другимъ виномъ. Тѣмъ не менѣе законъ 4 марта 1896 года требуетъ, чтобы на бутылкахъ съ коринковымъ виномъ была надпись: «изюмное вино».

Вопросъ о вредѣ фальсификаціи вина общепризнанъ и не требуетъ уже въ данное время никакихъ доказательствъ. Можно съ увѣренностью сказать, что если у насъ не будетъ никакихъ законодательныхъ мѣръ противъ фальсификаціи вина, то всякія другія мѣропріятія, направленные для улучшенія торговли виномъ,—а значитъ и для поднятія отечественнаго винодѣлія,—не принесутъ никакой пользы. Фальсификація задерживаетъ сбытъ чистаго вина, обезцѣниваетъ его, устанавливаетъ для садовладѣльца и виноторговца невозможныя условія для добросовѣстной конкуренціи, основанной на качествѣ товара и сравнительно низкой цѣнѣ его. Однимъ словомъ, фальсификація вина—крупный фактъ, влекущій за собой разореніе предпринимателей въ области винодѣльной промышленности! И въ данное время настоящая потребность заключается въ томъ, чтобы стремиться къ возможно скорѣйшему разсмотрѣнію въ законодательномъ порядкѣ вопроса о фальсификаціи вина. Торгово-промышленный съѣздъ оказалъ бы дѣйствительную и общезелательную пользу возбужденіемъ этого вопроса въ высшихъ сферахъ, причемъ желательно было бы не ограничиваться однимъ возбужденіемъ вопроса, а привести дѣло къ концу, къ положительнымъ результатамъ. Общепризнано, что соревнованіе, на какомъ бы поприщѣ оно ни проявлялось, влечетъ за собой усиленную дѣятельность ума, всевозможныя улучшенія и упрощенія съ экономическими цѣлями, что въ совокупности и порождаетъ прогрессивное развитіе той или другой отрасли человѣческаго труда. Когда соревнующія между собой стороны равноправны, такъ сказать, съ нравственной стороны, не имѣютъ,—въ глазахъ той части общества, которая является потребителемъ,—особаго спеціальнаго значенія и важности, вытекающихъ не изъ сущности дѣла, а изъ посторонняго начала, то побѣда бываетъ на той сторонѣ, которая обладаетъ большими знаніями, вкладываетъ въ конкуренцію больше духовныхъ и матеріальныхъ силъ, направляетъ толково и дѣльно свои способности на упрощеніе и удешевленіе производства, на улучшеніе качества

товара. Нечего и говорить о томъ, что, при такихъ элементахъ, конкуренція благоприятно отражается на общей торговлѣ, обуславливаетъ ростъ и развитіе промышленности, увеличиваетъ производительныя силы народа и способствуетъ скорѣйшему обмѣну цѣнностей.

Но дѣло совершенно измѣняется, если въ данной области торговли и промышленности выступаетъ такая единица, которая уже сама по себѣ, безъ всякаго отношенія къ своей дѣятельности, а просто силой вещей и обстоятельствомъ, пользуется среди общества особымъ вниманіемъ и производитъ на это общество особое впечатлѣніе; когда положеніе этой единицы настолько высоко, что достаточно одного простаго заявленія, чтобы внушить безграничное довѣріе. Тогда, конечно, всѣ условія выше намѣченной конкуренціи нарушаются. Если же присоединить къ такой единицѣ неопредѣленно-громадный капиталъ, который можетъ быть вложенъ въ данное дѣло, то значеніе подобнаго факта для торговли и промышленности сдѣлается понятно каждому, когда либо разсуждавшему объ экономическихъ вопросахъ. Вотъ какъ разъ подобную единицу и представляетъ въ торговлѣ винограднымъ виномъ удѣльное вѣдомство, выступившее въ послѣднее время въ качествѣ обычнаго виноторговца, т. е. скупающаго вино изъ различныхъ мѣстъ большими партиями и производящаго бутылочную, розничную торговлю.

Дѣятельность удѣльнаго вѣдомства въ роли розничнаго виноторговца, при наличности совершенно особыхъ условій, недоступныхъ для обыкновеннаго виноторговца, — какимъ бы капиталомъ онъ ни располагалъ, — вносить въ общую торговлю виномъ несомнѣнное замѣшательство ¹⁾. Между тѣмъ, то же вѣдомство, располагая всѣми наличными средствами для совершенно иной дѣятельности, могло бы быть распространителемъ истиннаго знанія виноградарства и винодѣлія, т. е. могло бы дать нашей виноградо-винодѣльной промышленности то, чего ей недостаетъ. Въ своихъ прекрасныхъ, обширныхъ и образцовыхъ виноградникахъ удѣльное вѣдомство могло бы организовать практическія школы виноградарства, а въ своихъ винодѣльныхъ и подвалахъ — практическія школы винодѣлія и погребнаго хозяйства; могло бы устроить станціи для всевозможныхъ наблюденій въ области виноградарства и винодѣлія; могло бы устроить питомники для продажи лучшихъ лозъ, — однимъ словомъ, могло бы занять достойное и высокое положеніе въ отечественной винодѣльной промышленности, имѣя достаточный доходъ со своихъ виноградниковъ, но не выступая въ качествѣ розничнаго виноторговца. Не только у насъ, но и въ другихъ странахъ существуютъ виноградники въ положеніи, равносильномъ удѣльному вѣдомству. Такъ, въ Германіи и Австріи такихъ виноградниковъ извѣстно значительное число, но эксплуатация ихъ не сведена къ роли розничнаго виноторговца. Тамъ на излишки вина этихъ виноградниковъ назначаются время отъ времени

¹⁾ Но, съ другой стороны, удѣльное вѣдомство, чуждое всякихъ подозрѣній въ фальсификаціи вина, вносить въ эту торговлю и несомнѣнную добропорядочность.

публичные аукціоны, причѣмъ вино продается цѣлыми партіями купцамъ-виноторговцамъ, и уже эти послѣдніе сбываютъ вино въ розницу, но безъ указанія, изъ какихъ виноградниковъ произошло это вино. Такое отношеніе не вноситъ въ торговлю виномъ неравноправныхъ элементовъ и сохраняетъ принципъ свободной конкуренціи.

Надо полагать, что путь, по которому въ настоящее время идетъ удѣльное вѣдомство, скупая вина съ различныхъ мѣстъ и выработывая купажемъ вино для бутылочной продажи, т. е. поступаая въ этой части также, какъ всѣ виноторговцы, не могущіе по своему обороту удовлетвориться виномъ съ своего сада, — путь чисто временный, обусловленный невѣрно понятымъ значеніемъ для отечественнаго винодѣлія того метода, котораго слѣдуетъ по существу дѣла ожидать отъ столь богатаго вѣдомства. Еслибы удѣльное вѣдомство задалось почтенной цѣлью—оказывать на винный рынокъ культурное влияніе, то, въ такомъ случаѣ, ему прежде всего слѣдовало бы отказаться отъ случайныхъ сдѣлокъ, отъ покупокъ случайныхъ винъ, а, слѣдовательно, прійти на помощь садовладѣльцамъ въ томъ, въ чемъ они всего болѣе нуждаются. Между тѣмъ, при настоящихъ условіяхъ, слѣдовало бы именно усилить *культурное воздѣйствіе* удѣльнаго вѣдомства въ области виноградо-винодѣльной промышленности, и еслибы это воздѣйствіе замѣчалось въ достаточной мѣрѣ, то можно было бы помириться и съ тѣми привилегированными условіями, въ которыхъ несомнѣнно находится торговля виномъ подъ фирмою этого вѣдомства. Будемъ надѣяться, что удѣльное вѣдомство подниметъ наше виноградарство и принесетъ нашему отечеству существенную пользу. Не можетъ быть, чтобы всегда преобладали въ немъ однѣ комерческія цѣли, а не просвѣтительно-культурная дѣятельность

III.

Коми-воажеры, агенты, агенты-комисіонеры существуютъ двухъ типовъ: одни имѣютъ постоянныя конторы, ведутъ свои операціи съ оплатой ихъ соотвѣтствующими сборами, другіе же дѣйствуютъ на иныхъ началахъ или, лучше сказать, безъ всякихъ началъ и безъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ той странѣ, въ которой работаютъ. Первые, конечно, не вносятъ собой неравноправнаго элемента въ торговлю виномъ. Дѣятельность же многочисленной арміи этихъ, такъ сказать, свободныхъ агентовъ неувидима до тѣхъ поръ, пока не будетъ соотвѣтствующихъ законодательныхъ мѣръ. Эта дѣятельность неувидима въ смыслѣ констатированія факта частной сдѣлки, но она въ высшей степени чувствувается въ общемъ торговомъ оборотѣ. Надо имѣть въ виду, что подобныя агенты пользуются всякимъ случаемъ совершенія сдѣлокъ, причѣмъ успѣху агентовъ много способствуетъ невѣдніе профессиональныхъ виноторговцевъ.

Помимо дѣятельности этихъ коми-воажеровъ, вносящихъ въ торговлю винограднымъ виномъ немалый вредъ, таковой же причиняютъ, такъ называемые, частные купоры, выписывающіе себѣ де-

шевые сорта винъ изъ-за границы, обыкновенно на чужое имя, и разливающіе это вино въ частныхъ домахъ. При этомъ подобныя купоры выставляютъ на видъ, что вино получено прямо изъ извѣстнаго заграничнаго виноградника, что такого нигдѣ нельзя достать и пр., а на дѣлѣ оказывается, что у насъ еще много—слишкомъ даже много—легковѣрныхъ людей, поддающихся вліянію этихъ толковъ. Такими путями совершаются крупныя сдѣлки съ виномъ, причемъ ни государство, ни города и общества не имѣютъ никакого, закономъ установленнаго, дохода. Вопросъ этотъ также надлежитъ обсужденію. Къ категоріи такихъ же агентовъ слѣдуетъ отнести особенно развившуюся въ послѣднее время частную выписку моремъ иностраннаго вина, имѣющую въ себѣ всѣ элементы торговли, но производящуюся безъ всякихъ формальностей и обязательствъ, которыми связанъ, такъ сказать, законный торговецъ. Дѣятельность потребительныхъ и экономическихъ обществъ, несомнѣнно симпатичная въ своей сущности, является, однако, на практикѣ разительнымъ примѣромъ неравноправныхъ условій въ торговлѣ виномъ. Когда такія общества оперируютъ только въ средѣ своихъ членовъ, тогда, конечно, они не вносятъ въ общую торговлю никакой неравноправности. Но всѣмъ извѣстно, что и кругъ дѣятельности такихъ обществъ — неопредѣленнаго радіуса, и поэтому совершенно справедливо требовать, чтобы подобныя общества не пользовались даже самыми мелочными льготами, а рассматривались, какъ торговая единица, на одинаковыхъ правахъ съ виноторговцами во всѣхъ детальныя отношеніяхъ. Въ каждомъ городѣ нарождаются подобныя общества, а поэтому представляется безотлагательно необходимымъ точная регламентація ихъ. Сохраняя послѣдовательность, нетрудно дойти, при существованіи такихъ обществъ, до законности образованія небольшихъ и крупныхъ синдикатовъ въ области различныхъ продуктовъ. Не касаясь по отношенію къ этимъ обществамъ вопросовъ о торговой несостоятельности, о кредитѣ вообще, о торговомъ правѣ, нельзя не предвидѣть, что практика жизни вызоветъ эти вопросы—и тогда представятся немалыя затрудненія для законодательной власти.

Помимо выше разобранныхъ неблагоприятныхъ условій для широкаго развитія торговли виномъ, тормозомъ для нея служатъ въ значительной степени: 1) отсутствіе отопляемыхъ вагоновъ для зимняго передвиженія вина, 2) отсутствіе правильно организованной статистики винодѣльныхъ областей и 3) неустойчивость въ правительственныхъ мѣропріятіяхъ въ области правилъ для торговли виноградными винами. Въ настоящее время, у насъ пока ничего не сдѣлано для облегченія передвиженія вина въ зимніе мѣсяцы; въ обычныхъ товарныхъ вагонахъ вино мерзнетъ, что дѣлаетъ невозможнымъ отправку его въ морозное время. Войлочная укупорка, значительно удорожающая товаръ, предохраняетъ вино отъ замерзанія только во время умѣренныхъ холодовъ не свыше 10°, и то при отправкахъ на недалекое разстояніе. Эти неудобства въ передвиженіи вина задерживаютъ торговлю, такъ какъ въ отдаленные пункты имперіи столовое виноградное вино не можетъ отпра-

ляться въ теченіе пяти мѣсяцевъ. Статистика винодѣлія дала бы возможность судить о происхожденіи вина, особливо, еслибы статистическія свѣдѣнія публиковались ежемѣсячно; она облегчила бы сдѣлки съ виномъ и служила бы прочной основой для опредѣленія размѣровъ фабрикаціи поддѣльныхъ винъ.

Наконецъ, частыя перемѣны въ правилахъ и различныхъ положеніяхъ, касающихся торговли виномъ, вселяютъ недовѣріе капитала къ винограду дѣлу, удерживаютъ отъ возникновенія крупныхъ товариществъ, крупныхъ предпріятій въ этой области, что, несомнѣнно, не выгодно для общей экономіи. Если же принять во вниманіе, что, задолго до введенія той или другой мѣры, торговый міръ приводится въ тревожное состояніе одними слухами о нихъ,—то будетъ вполне понятно, что торговля виномъ не можетъ идти нормально при такихъ условіяхъ.

Выше указаннаго обстоятельства не могутъ дать въ результатъ благоприятныхъ условій для развитія торговли винограднымъ виномъ, не могутъ способствовать открытію новыхъ рынковъ для русскаго вина и, значить, русское виноградарство и винодѣліе не могутъ расширяться и улучшаться, ибо между состояніемъ торговли виномъ и виноградо-винодѣльной промышленностью имѣется неразрывная связь. Если съ 200,000 десятинъ виноградниковъ получается всего лишь 27.000,000 ведеръ вина, то такое хозяйство еще нельзя назвать правильно развившимся. Остается въ заключеніе выразить горячее желаніе, чтобы удѣльное вѣдомство возможно скорѣе стало въ роль *культурнаго дѣятеля*, распространяющаго свѣтъ и знаніе среди такой прекрасной промышленности, какъ виноградо-винодѣльная, которая будетъ же когда нибудь составлять славу своей родины, и которая должна завоевать себѣ почетное мѣсто не только на внутреннемъ, но и на ви́шнемъ рынкѣ. И пусть удѣльное вѣдомство на своихъ могучихъ плечахъ выдвинетъ впередъ дорогую для насъ отрасль чело́вѣческаго труда.

Я. Л.

Изъ дневника.

I.

Мракъ побѣждаетъ свѣтъ; томительный недугъ
Врачуютъ тайны силъ,—такъ черныя сомѣнья
Сгоняетъ лучъ надеждъ; такъ боль тяжелыхъ мукъ
Смѣняють, возродясь, восторги наслажденья...

II.

Межъ небомъ и землею незримая есть связь,
Когда опустить мракъ на землю покрывало
И искры яркихъ звѣздъ, въ живой узоръ сплетаясь,
Глядятся въ гладь рѣки, какъ въ темное зеркало;
Когда холодный ликъ серебряной луны
Сверкающимъ столбомъ дрожить на влагѣ сонной,
И воздухъ голубой, сіяньемъ напоенный,
Передаетъ землѣ небесъ живые сны!

III.

И въ одиночествѣ есть доля наслажденья,
И въ ядѣ горькихъ слезъ—восторговъ глубина,
Какъ въ жгучихъ боляхъ мукъ—живомъ вѣнцѣ страданья—
Вся сладостная мощь любви заключена!

Л. Афанасьевъ.

Б Ъ Г Л Ы И.

(Дорожный эскизъ).

I.

Я ѣхалъ въ небольшой уѣздный городишка N-скъ отъ ближайшей къ нему станціи желѣзной дороги. Почтовая тройка, съ отчаянно заливающимися колокольчиками, дружно вынесла неуклюжую таратайку изъ огромнаго села, окружающаго станцію, на широкій шляхъ. Свѣжій воздухъ, напоенный запахомъ расцвѣтающей ржи, сразу охватилъ меня. Безпредѣльными поля тонули въ сгустившихся сумеркахъ тихаго лѣтнаго вечера, а бѣловатая полоса пыльной укатанной дороги тонкой змѣйкой уходила въ темнѣющую даль. Солнце давно уже скрылось за горизонтомъ, а все увеличивающаяся прохлада и легкій вѣтерокъ нагоняли на меня пріятную дремоту послѣ долгихъ часовъ; проведенныхъ безъ сна, въ душномъ и темномъ вагонѣ. Маленькія, лохматыя лошадки, изрѣдка понукаемыя покрикиваньемъ ямщика, быстро бѣжали, обгоняя по временамъ длинныя вереницы скрипучихъ обозовъ. Черезъ полчаса такой однообразной убаюкивающей ѣзды, сладкая дремота окончательно овладѣла мною. Рѣзкій звонъ колокольчиковъ все чаще и чаще раздавался однимъ сплошнымъ гудящимъ тономъ. Тогда убѣгающая назадъ дорога, темный горизонтъ, сливающійся съ небомъ, фигуры лошадей и высоко сидящаго передо мною ямщика вмѣстѣ съ частымъ покачиваніемъ телѣги, будили во мнѣ одно смутное, неопредѣленное ощущеніе, а образы давно прошедшаго въ какомъ-то хаотическомъ безпорядкѣ проносились передъ моими глазами. Они безконечнымъ рядомъ появлялись и исчезали, не давая возможности сосредоточиться на какой нибудь отдѣльной мысли, и поддерживали во мнѣ то бессознательно-напряженное состояніе, которое является обыкновенно на границѣ полнаго забытья. Я не зналъ, сколько времени мы ѣхали, и какое разстояніе оставалось до цѣли моей поѣздки: представленіе о времени и мѣстѣ посте-

пенно утрачивалось. Я окончательно засыпалъ. Какъ вдругъ точно туго натянута струна оборвалась во мнѣ: звонъ колокольчиковъ и подпрыгиванье телеги прекратились; ко мнѣ возвратилось сознание дѣйствительности. Я приподнялся. Отъ неловкаго положенія, принятаго мною во время сна, я чувствовалъ въ боку тупую ноющую боль. Ямщика на козлахъ не было: онъ поправлялъ сбрую на правой пристяжной, а коренникъ, пригнувъ свою лохматую морду къ самой дугѣ, смотрѣлъ на хозяина, какъ бы выжидая, что будетъ дальше. Я оглянулся кругомъ. Рѣдкія точки выплывали неопредѣленными контурами въ темнотѣ. Сзади тянулася длинная черная полоса. Она пересѣкала дорогу и расплывалась направо въ такую же темную, огромную массу со слабо выдѣлявшимися силуэтами отдѣльных деревьевъ. Я догадался, что это былъ только что пройханный нами лѣсъ. А впереди, за небольшой ложиной, свѣтился огонекъ въ одной изъ крайнихъ хатъ придорожнаго поселка. Оттуда доносились запахъ навоза, хриплый, глухой лай собаки и тихое, съ промежутками, побрякиванье колокольцевъ. Я посмотрѣлъ на своего ямщика. Въ темнотѣ я не могъ хорошо разобрать его лица, но мнѣ казалось, что оно было безъ бороды и безъ усовъ, а вся фигура отличалась отсутствіемъ обычнаго въ крестьянской средѣ развихляйства. Онъ закурилъ «цыгарку», поправилъ на рукѣ кнутъ и полѣлъ опять на козлы.

— Кажись, дождь собирается,—проговорилъ онъ и тронулъ лошадей. Я взглянулъ на небо. Было пасмурно. Только на горизонтѣ,—тамъ, гдѣ еще оставалась бѣловатая полоса потухавшей зари,—мигали двѣ одинокія звѣздочки, какъ бы сопротивляясь одолювавшему ихъ мраку.

— А что намъ, братецъ, долго еще ѣхать?—спросилъ я кучера.

— Намъ-то? — вдругъ, оборачиваясь ко мнѣ всѣмъ корпусомъ, проговорилъ ямщикъ веселымъ, молодымъ голосомъ:—да поди еще и десяти верстъ не пройхали. — Этотъ косвенный отвѣтъ служилъ мнѣ какъ бы упрекомъ въ моей дорожной неопытности. Я зажегъ спичку и посмотрѣлъ на часы. Мы ѣхали, дѣйствительно, не больше часу.

— А сколько же считается верстъ до N-ска?—снова спросилъ я ямщика.

— Кто его знаетъ, барчукъ. По шляху-то, говорятъ, верстъ сорокъ будетъ; а коли на свертокъ, да на Становой колодезь ѣхать, тогда ближе будетъ,—потому тутъ дорога прямая.

— А мы по какой дорогѣ поѣдемъ? — Ямщикъ мой не сразу отвѣтилъ: онъ видимо что-то обдумывалъ.

— Намъ-то, барчукъ, все одно, гдѣ ни ѣхать: дѣло привычное,

а только если по шляху, такъ оно, скажемъ, покойнѣе вамъ будетъ: дорога-то тутъ гладкая. А на свертокъ — тамъ колчевато: растрясетъ васъ.

Мнѣ казалось, что парень, совѣтуя мнѣ ѣхать по большой дорогѣ, имѣлъ какую-то заднюю мысль, и попросилъ его ѣхать по самому короткому пути. Въ это время мы вѣхали въ село. По обѣимъ сторонамъ широкой улицы тянулись темными массами избы. Тепловатый воздухъ былъ пропитанъ дымкомъ и характернымъ запахомъ гнилой соломы. Огни были вездѣ погашены; только въ одной большой хатѣ въ три окна замѣтно было особенное оживленіе. Около крыльца стоялъ какой-то экипажъ; я догадался, что побрякиванье колокольцевъ доносилось именно отсюда. За экипажемъ стояла лошадь, запряженная, какъ мнѣ показалось, въ бѣговныя дрожки. На крылечкѣ и сбоку, на заваленкѣ, сидѣло нѣсколько темныхъ фигуръ, а въ маленькихъ окнахъ маячились такія же темныя тѣни и слышался сдержанный, подавленный разговоръ. Все это казалось мнѣ очень, очень страннымъ въ глухой деревушкѣ, гдѣ сонное царство настаеъ чуть ли не съ заходомъ солнца. Я спросилъ ямщика: что могло бы значить это чрезвычайное событіе? Зоркій глазъ моего возницы и знакомство его съ мѣстными порядками сразу открыли, въ чемъ дѣло.

— Да это становой съ урядникомъ. Должно, бѣлаго ловить будутъ. Вѣгльи, значить, острожникъ тутъ во ржахъ залегъ.

Я ничего не понималъ: какой острожникъ залегъ и въ какихъ это ржахъ? Но ясно было, что недаромъ съѣхались сюда деревенскія власти въ столь поздній часъ. Мнѣ хотѣлось узнать подробности загадочнаго событія и я приказалъ ямщику подъѣхать къ освѣщенной хатѣ. Лишь только я вылѣзъ изъ таратайки и вошелъ на крыльцо, какъ на черномъ фонѣ двернаго отверстія вдругъ появилась высокая фигура въ бѣломъ кителѣ и, замѣтивши меня, почтительно отшатнулась въ сторону. Такое вниманіе къ себѣ со стороны урядника я могъ объяснить только кокардой на моей фуражкѣ.

— Скажите, пожалуйста,—обратился я къ нему,—что случилось?

— А это, видите ли, приказъ такой полученъ: изловить его немедленно-съ и представить въ N-ское полицейское правленіе.— Урядникъ говорилъ запинаясь, какъ будто читалъ по складамъ. Я видѣлъ, что отъ него толку не добьешься; а онъ, какъ бы угадывая мою мысль, проговорилъ:

— Пожалуйте-съ; господинъ становой приставъ чай кушаютъ.

Движимый любопытствомъ, я вошелъ въ сѣни и, оттуда, сквозь настежь отворенную дверь, заглянулъ въ избу. За широкимъ сто-

ломъ, подъ образами, сидѣлъ становой въ поношенномъ военномъ мундирѣ. Передъ нимъ стоялъ самоваръ, и онъ, видимо стѣша, прихлебывалъ съ блюдечка чай. Лицо его, потное и красное, съ оттопыренными сѣдыми усами, походило на извѣстные рисунки, изображающіе ката-мурлыку. А по стѣнамъ и около печки стояло нѣсколько осанистыхъ мужиковъ-бородачей. Призванные сюда не въ урочное время, они поминутно зѣвали и производили впечатлѣніе людей, которымъ совершенно неизвѣстно, зачѣмъ они тутъ, и что ихъ ожидаетъ въ будущемъ. Та же печать сомнѣнія и неизвѣстности лежала, какъ мнѣ показалось, и на становомъ. Это, повидимому, его страшно сердило, и онъ старческимъ дрожащимъ голосомъ, не обращаясь ни къ кому въ особенности, выкрикивалъ:

— Ну, что я теперь съ вами буду дѣлать? А? Кабы вы, черти эдакіе, да не пьянствовали, а пользу свою соблюдали, давно бы разбойника этого поймали. А теперь, гдѣ мы его искать-то будемъ, когда хлѣба во-какіе! У нихъ бѣглый по огородамъ и днюетъ, и ночуетъ, а имъ и горя мало. Точно не я ихъ начальникъ, а они не мои жители. Свиныи сиволапыя!—Онъ нѣсколько помолчалъ и посмотрѣлъ на высокаго, согнутаго мужика съ растерянно-бѣгающими глазами.

— Вѣдь у тебя, Егорка, этотъ острожникъ чуть-что въ печку не залѣзъ; отчего ты старостѣ не донесъ? А? А потомъ что случится,—я за васъ и отвѣчай?

Егорка потупился, приподнялъ руку съ картузомъ, переложилъ его въ другую и уставился глазами куда-то въ уголь.

— Это точно, ваше благородіе. Пошла это, значить, моя баба бѣлье полоскать на рѣчку. Подошла, значить, къ конюямъ, а онъ оттедова какъ шарахнетъ, да въ осинникъ, значить; а-грома-ад-нѣйшій!..

— То-то, оттедова! А я теперь ѣзди въ полночь къ вамъ, да народъ собирай. Не разорваться же мнѣ, и туда я, и сюда я, все объ васъ, шельмы вы эдакіе, хлопочу. Хлѣба вы сами себѣ въ ротъ не положите. Черти!

Становой съ ожесточеніемъ допилъ послѣдній стаканъ, вышелъ изъ-за стола и уже болѣе спокойнымъ тономъ проговорилъ:

— Урядникъ тутъ переночуетъ, а завтра, чуть свѣтъ, чтобъ всѣ тридцать душъ шли къ Иванихиной роцѣ, а тамъ къ Волчьему логу. Больше ему и быть-то негдѣ; прямо важи его и ко мнѣ: приказано немедленно доставить.

Въ послѣднихъ словахъ старика становаго слышалась какая-то затаенная мольба. Ему *приказывали*. Приказаніе это во что бы то ни стало нужно было исполнить, а между тѣмъ, не только мѣсто-

пробываніе бѣглаго не было извѣстно, но даже и присутствіе его въ этихъ мѣстахъ являлось весьма проблематичнымъ.

Хозяинъ избы,—русый мужикъ въ бѣлой, чистой рубахѣ,—сталъ убирать чайную посуду, а сердитое начальство, опираясь на косякъ, направилось къ двери. Миѣ окончательно хотѣлось узнать причину всего происходившаго передъ моими глазами, и я поспѣшилъ къ становому на встрѣчу. Замѣтивши меня, тотъ нѣсколько опѣшилъ отъ неожиданности, но я сейчасъ же сообщилъ ему, что, состоя корреспондентомъ мѣстной газеты, я считалъ бы не лишнимъ ознакомиться съ подробностями дѣла о побѣгѣ разбойника изъ городской тюрьмы и о мѣрахъ, принятыхъ къ его поимкѣ. Но каково же было мое удивленіе, когда становой, потоптавшись нерѣшительно на одномъ мѣстѣ, пробормоталъ что-то въ формѣ извиненія и быстро исчезъ въ дверяхъ. Миѣ оставалось послѣдовать его примѣру, и я вышелъ на крыльцо. Два мужика бросились подсаживать начальство въ тарантасъ и, когда лошади уже тронулись, изъ глубины экипажа опять послышалось сердитое ворчаніе:—Ну, и народецъ!.. Эхъ, кабы не жена, да не дѣти... — Зазвенѣли колокольчики, назойливо оглашая сонную деревню, и тарантасъ становаго быстро скрылся за ближайшимъ поворотомъ дороги. Когда я подходилъ къ своей таратайкѣ, какой-то сѣденькій старичокъ спрашивалъ ямщика, куда онъ везетъ барина, и, растягивая слова, нараспѣвъ говорилъ:—Съ опаской конѣ народъ ѣздитъ! потому, въ ночное время, сподручнѣй ему... того и гляди...-

— Скажи, дѣдушка,—обратился я къ нему:—что у васъ тутъ бѣглый убилъ кого или обокралъ?

— Нѣтъ, ваше благородіе, у насъ вотъ ужъ сколько годовъ ничего такого не слышать... Господь милуетъ...

— Почему же вы думаете, что бѣглый тутъ скрывается?

— Да кто его знаетъ?.. извѣстно, народъ гуторить. Начальство, быдто для порядка, прикажутъ; а мы, милый, ничего этого не знаемъ.

Я устроился поудобнѣй въ широкомъ кузовѣ своей таратайки, а черезъ нѣсколько минутъ и деревенскія постройки, и неизбѣжныя осиновые и ракитовыя рощи, окружающія деревню, слабо видѣлись позади, какъ бы расплываясь въ темнотѣ тихой лѣтней ночи. Вдругъ ямщикъ обернулся ко мнѣ:

— Что жъ, барчукъ, все таки на свертокъ ѣхать?—Въ голосѣ его ясно слышалась безпокойная нотка. Этотъ здоровенный парень, можетъ быть, уже десятокъ лѣтъ колесившій съ дѣтства по знакомой ему мѣстности и въ зимнія вьюги, и въ осеннія темныя ночи съ невылазной грязью, когда, что называется, «ни зги не

видать» — теперь обнаруживалъ плохо скрываемую робость. По всей вѣроятности, такіа слова, какъ «острожникъ», «бѣглый», «словить и представить по начальству», а также и само начальство, только что видѣнное имъ, слились въ его головѣ въ одно представленіе чего-то страшнаго, чего нужно было во всякомъ случаѣ избѣгать. Я засмѣялся и сказалъ, что мнѣ нужно пораньше прѣхать въ городъ, а потому и выбирать самый короткій путь. Мы проѣхали еще нѣкоторое время по большой дорогѣ. Потомъ лошади круто повернули налѣво, и мы очутились въ узкомъ проходѣ, между двумя буграми высоко поднимавшейся ржи. Дорога была хорошо наѣзжена, но настолько узка, что по временамъ постромки пристяжныхъ задѣвали высокую стѣну росшаго по крайнѣ бурьяна. Тогда холодныя брызги уже спустившейся на землю росы летѣли мнѣ въ лицо и возбуждали во всемъ тѣлѣ неприятную дрожь. До разсвѣта было еще далеко. Мнѣ предстояло нѣсколько часовъ утомительной дороги по совершенно незнакомой мѣстности. Ко сну меня уже не тянуло, а мысль о «бѣгломъ», на котораго устраивалась облава, часто приходила въ голову.

II.

Свѣжесть все увеличивалась, по мѣрѣ того какъ мы спускались въ глубокой логъ съ чуть замѣтно блестящей полосой небольшой рѣчки. Сначала спускъ былъ довольно отлогій, и лошади, понуривъ головы, спокойно подвигались впередъ шагомъ. Но у самаго конца, недалеко отъ рѣки, дорога сразу поворачивала вправо и довольно круто сбывалась къ мосту. Пристяжныя какъ-то быстро встрепетнулись и натянули постромки. Ямщикъ, на этотъ разъ немного задремавшій, схватился за возжи, но было уже поздно. Страшно подпрыгивая по глубоко вырѣзаннымъ колеямъ, таратайка быстро скатилась внизъ. Вдругъ, уже у самаго моста, раздался слабый трескъ; повозка наклонилась на бокъ, и тройка сразу остановилась. Передняя ось была переломлена, и мы не могли продвинуться дальше ни на шагъ. Возница мой, съ досады, очень выразительно выругался и сталъ отпрягать лошадей, а я ходилъ взадъ и впередъ около таратайки, разминая отеки за дорогу члены.

— Вотъ что, барчукъ; сейчасъ надо верхомъ скакать, осью разживаться. Тутъ версты три будетъ до мельницы.—И парень вопросительно посмотрѣлъ на меня.

— Хорошо, ступай; да скорѣе возвращайся, чтобы проволочки большой не вышло. А я тутъ лошадей покормлю.

Ямщикъ привязалъ коренника и одну пристяжную къ козламъ;

вытащилъ имъ сѣна изъ-подъ сидѣнья и, торопливо вскочивъ на третью лошадь, крупной рысью поѣхалъ въ гору. Сначала подковы отчетливо стучали по бревенчатому мосту. Потомъ я еще нѣкоторое время слышалъ усиленный лошадиный топотъ. Онъ постепенно ослабѣвалъ и, наконецъ, совсѣмъ замеръ гдѣ-то за пригоркомъ. Я не имѣлъ возможности, въ темнотѣ, даже приблизительно ознакомиться съ окружающей меня мѣстностью. Было тихо. Только издалека доносилось переливчатое журчанье рѣки по камышовымъ зарослямъ, да изрѣдка въ темныхъ кустахъ раздавалось громкое криканье коростеля. Гдѣ-то далеко, далеко послышался крикъ пѣтуха и повторился два раза. Должно быть, на мельницѣ, подумалъ я. Часть неба очистилась теперь отъ облаковъ, и я могъ различить очертанія рытвинъ и промоинъ противоположнаго ската оврага. Я находился въ глубокой впадинѣ и потому не могъ замѣтить первыхъ проблесковъ начинающагося разсвѣта. Было два часа. Я предполагалъ, что ямщикъ возвратится черезъ часъ. Предутренній холодъ давалъ себя чувствовать. Я закутался поплотнѣе въ пальто и прилегъ на повозку. Лошади лѣниво жевали сѣно, изрѣдка похрапывая и посматривая по сторонамъ. Мнѣ не хотѣлось спать, и я, закрывъ глаза, сталъ перебирать въ памяти давно забытыя происшествія и впечатлѣнія. Такъ прошло еще съ четверть часа. Вдругъ мнѣ послышался какой-то шелестъ и шлепанье со стороны проѣханнаго уже нами бугра. Я подождалъ нѣсколько мгновений... Шлепанье усиливалось, и въ немъ легко уже можно было различить человѣческіе шаги. Странное чувство шевельнулось во мнѣ, и все слышанное о бѣгломъ острожникѣ представилось съ особенною ясностью. «Убѣтъ и ограбить!» промелькнуло у меня въ головѣ; но я постарался прогнать эту мысль, приподнялся и посмотрѣлъ на дорогу. На фонѣ освѣтлѣвшаго неба отчетливо былъ виденъ силуэтъ человѣка, медленно подвигавшагося къ спуску въ оврагъ. Прошло еще нѣсколько томительныхъ минутъ... Я никакъ не могъ преодолѣть въ себѣ какого-то ноющаго, безпокойнаго ощущенія. Вдругъ шаги смолкли. «Должно быть, лошадей замѣтилъ», подумалъ я. Но черезъ нѣсколько секундъ я уже отчетливо могъ слышать шлепанье лаптей о сухую колчеватую дорогу. Теперь можно было рассмотреть и фигуру приближающагося ко мнѣ человѣка. Онъ шелъ медленно, раскачиваясь всѣмъ туловищемъ и какъ-то странно выворачивая ноги. Въ тотъ моментъ, когда онъ былъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, мнѣ почудилось въ его походкѣ что-то машинальное, что-то похожее на автомата, подталкиваемого вѣншей силой. Я ждалъ, чтó будетъ дальше. Тайственный путникъ подошелъ къ таратайкѣ съ той стороны, гдѣ не было лошадей,

и остановился. Я слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ. Онъ престолялъ неподвижно нѣкоторое время передъ валявшимся на дорогѣ железомъ съ обломкомъ оси и, не поворачивая ко мнѣ головы, слабымъ, подавленнымъ голосомъ произнесъ:

— Нѣтъ ли, господинъ, сѣричка—закурить?

Я подалъ ему коробку и, при свѣтѣ ярко вспыхнувшей спички, замѣтилъ рябоватое, испитое лицо съ рѣдкой растрепанной бороденкой. Онъ съ наслажденіемъ затынулся изъ неуклюжей деревянной трубки и присѣлъ на лежавшее колесо. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Гдѣ-то далеко по рѣкѣ раздался плескъ. Лошади насторожились и посмотрѣли въ ту сторону. Мягко шурша крыльями, пролетѣла сова и скрылась въ темной низинѣ. А востокъ теперь ясно выдѣлялся свѣтлымъ пятномъ. Это пятно все больше и больше расплзалось въ стороны и въ вышину, поглощая меркнувшія звѣзды и предвѣщая близкій разсвѣтъ. Высоко, гдѣ-то въ пространствѣ, запѣлъ жаворонокъ, за нимъ другой, третій... и сонныя поля ожили. Я взглянулъ на неподвижно сидящаго противъ меня человѣка. Онъ напряженно смотрѣлъ куда-то въ сторону и изрѣдка, вынимая изо рта трубку, сплевывалъ. Вдругъ молчаливый человѣкъ обернулся ко мнѣ.

— Далекое, господинъ, ѣдете? — Я сказалъ, откуда и куда направлялся.

— Малаго-то, видно, за осью послали?

— Да, поѣхалъ на мельницу; говорилъ, что недалеко отсюда. А ты, братецъ, куда путь держишь? — Этотъ вопросъ неожиданно вывелъ молчаливаго человѣка изъ глубокой задумчивости. По страннымъ подергиваніямъ головы и рукъ можно было догадаться, что онъ испытывалъ сильное душевное волненіе. Онъ снялъ съ головы изорванный картузишка, сосредоточенно почесалъ въ затылкѣ и опять надѣлъ. Видно было, что этотъ странный человѣкъ собирался съ мыслями. Наконецъ, онъ откашлялся и рѣшительнымъ голосомъ проговорилъ:

— Вотъ что скажу я тебѣ, господинъ. Можетъ, ты и начальство какое, Богъ тебя вѣдаетъ; для меня это все единственно, потому жисть моя теперь, скажу я тебѣ, хуже самыхъ смѣртныхъ грѣховъ. Коли охота будетъ, слухай; расскажу я тебѣ все съ самаго съ изначала,—все, значить, какъ было, какъ это со мною все приключилось... Охъ! болить у меня, господинъ; душенька изныла вся.

Странный человѣкъ выбилъ золу изъ трубки, спряталъ ее за пазуху и посмотрѣлъ на алую полоску нарождавшейся зари. Едва замѣтные лучи разсѣяннаго свѣта тихо скользнули по его измож-

денному лицу и зажгли въ глубоко впавшихъ глазахъ двѣ искорки. Этотъ жалкій человѣческій обликъ теперь напряженно думалъ, и глубокое чувство сказывалось въ каждой складкѣ его морщинистаго лица.

— Что же съ тобою приключилось?—разскажи, я послушаю.

— Изъ острога сбѣжалъ я, еще до Троицы, да, видно, Господь разгнѣвался: надумалъ я опять объявиться; не въ моготу мнѣ такъ-то маяться...

— За что жъ тебя посадили въ острогъ?

— За убійство, господинъ; за самое что ни на есть смѣртное убійство.

Я былъ до нѣкоторой степени удивленъ: неужели же этотъ маленький, слабый человѣкъ могъ когонибудь убить? А «убійца» тяжело вздохнулъ и медленно заговорилъ.

— Вотъ до чего дошелъ я теперь: ночь ли будь, день ли—для меня это все одно. Хоть съ тобою вотъ такъ-то буду разговаривать, али съ другимъ какимъ добрымъ человѣкомъ,—лишь бы душу-то отвести мнѣ, значить: ноеть она у меня, господинъ; вѣрогу лютому и тому не дай Богъ такую-то жисть!..

Прохожій нѣсколько помолчалъ и пристально посмотрѣлъ на меня. Подъ наплывомъ воспоминаній онъ оживился.

— Село «Корчевое» знавалъ, ай нѣтъ? Огромнѣйшее село; три церкви тамъ; лавокъ видимо-невидимо, что твоя губернія! Еще покойникъ-батюшка кузню тамъ держалъ; да померъ онъ скоро. Остались мы у него два сына... Младшаго-то брата ту жъ осень въ солдаты угнали. Кузни у насъ въ ту пору уже не было, всего-то хозяйства: ведѣрка да курица. Дай, думаю, женюсь. Туда-сюда, значить, сватовъ подсылаю; нѣтъ! хоть бы одна дѣвка пошла. Онъ, говорятъ, хоть бы себя-то прокормилъ; а то ни кола, ни двора, а туда же лѣзаетъ! Только прѣзжаетъ ко мнѣ объ Рождествѣ грузевскій мужикъ изъ сусѣдской деревни.—Бери, говоритъ, мою Наташку: во дворъ приму.—А мужикъ-то онъ исправный былъ. Одна у него дочка всего и была, а только съ измалства не путевая; потому никто ея и не бралъ.—Ладно, говорю; не вѣкъ же мнѣ одному жисть каратать да по чужимъ людямъ батракомъ ходить.—Такъ и такъ, поладили, а въ мясоѣдъ и свадьбу сыграли. И что жъ ты, господинъ, думаешь? Два года мы съ ей прожили душа въ душу; т. е. ужъ такая баба задалась, на всѣ руки; ажъ я диву дался.— По лицу расказчика пробѣжала счастливая, мимолетная улыбка.

— Хорошо мы въ тѣ поры жили. Дѣтей у насъ не было; коли что, бывало, истратишь, все на себя. Хлѣбъ, бывало, завсегда про-

давали. Лошади х-о-рошія были. За мерина одного шестьдесятъ дѣлковыхъ отдалъ; эхъ, да и крѣпокъ былъ конь! хошь въ грязь, хошь въ снѣгъ, все, бывало, вывезетъ. Жилъ я себѣ хозяиномъ и горюшка мнѣ никакого не было. Только случись тутъ въ самые Петровки заболѣтъ моей Натальѣ. Ходила въ больницу; давалъ ей фельдшеръ мази тамъ какой-то, боекъ, значить, растирать. Все на бокъ жаловалась. Либо тяжелое чтó подняла, либо наговоръ какой— Господь ее вѣдаетъ. Прохворала она всѣ Петровки, а въ самое розговѣнье и отдала Богу душу; видно, на роду ей такъ написано было. Тяжело мнѣ тогда было. И Наталью-то жалко: свыклись мы съ ней за два года. Ну, да супротивъ Бога не пойдешь; обтерпѣлся бъ я тогда, да съизнова женился,—безъ дѣтей-то за вдовца всякая пошла бы. Только случись тутъ такое дѣло. Пригласулась тестю моему одна дѣвка на селѣ; старый былъ хрычъ, а здоровъ, какъ быкъ, и давай онъ жениться. А какъ женился онъ, плохое мое стало житье. И то сказать: ну, какой я имъ былъ сродственникъ? Терпѣли, значить, чтобъ со двора не выгнать, да людямъ чтобъ зазорно не было. Промыкался я такъ-то годъ и все мнѣ не мило стало: за что ни возьмусь—все чужое. А тутъ еще помыкають тобой: жена-то тестева съ х-а-ракторомъ была! другому батраку, и то лучше живется. А уходить мнѣ все жъ таки не хотѣлось: попривыкъ я здорово ко двору; да и отъ тестя когда услышишь ласковое слово, словно полегчаетъ на сердцѣ. Только сижу я эдакъ-то на заваленкѣ,—на Оуминой какъ разъ недѣлѣ, только что съ овсомъ отсѣялись, — смотрю, бѣжить ко мнѣ Митька, парнишка сусѣдскій, и кричитъ: — Степанъ! иди брата сустрѣчать: у Живухина, сказывали, съ товарищами сидитъ! — А Живухинъ кабакъ у насъ держалъ по тотъ бокъ села. Обрадовался я тутъ, какъ малый ребенокъ: потому ужъ и не думалъ я свидѣться съ братомъ. А братъ-то мой, еще какъ махонькимъ былъ, все съ покойнымъ батюшкой въ кузнѣ работалъ; а подростъ — хорошимъ ковалемъ сталъ. Рука у него легкая была: хотъ какого коня приведи, только огляннешься, а ужъ онъ всѣ четыре подковы приладилъ. Вотъ, какъ въ солдаты его взяли, такъ и записали, значить, что кузнечному мастерству наученъ. А на мѣсто пришелъ, побылъ въ строю три мѣсяца, его приставили къ ротнымъ кузнямъ. Писалъ онъ мнѣ въ тѣ поры, что, молъ, по слесарной части работишка перепадаетъ; копѣйку, говоритъ, зашибу. А малый онъ былъ бережливый, не пьющій; еще батюшка-покойникъ говорилъ про него:—У меня Никаноръ не пропадетъ.—А послѣ-то стороной все говорили, что, молъ, придетъ Никаноръ дѣвкамъ на радость, потому женихъ съ капиталцемъ. Да и самъ я подумывалъ, куда ему эти дѣньги дѣ-

вать, коли на казенныхъ харчахъ живетъ онъ? Только услышалъ я, что пришелъ Никаноръ, да бѣгомъ къ Живухину. А тамъ ужъ наши ребята деревенскіе сошлись, разговариваютъ, смѣются. Заглянулъ я въ лавку, смотрю — сидитъ Никаноръ около прилавка, сбоку шапка солдатская лежитъ, да бутылка, а насупротивъ — другой солдатикъ, только не изъ нашего села; не угадалъ я тогда, чей онъ былъ. Поздоровались мы съ братомъ, обнялись, расцѣловались; а онъ мнѣ и говорить: — ну, какъ, братецъ, живете, можете? — Оглядѣлъ я его всего; вижу: одѣлся парень хоть куда. Рубаха кумачевая, пинжакъ; сапоги, какъ жестъ, блестятъ. Сидитъ онъ и усы себѣ покручиваетъ. Я рассказалъ ему все: какъ жену похоронилъ, какъ тестя женился. «Такъ-съ, говорить; это очень вѣрно, что плохое твое житье! А позвольте-ка, говорить, намъ бутылку очищенной». — Тутъ еще ребята поставили штофъ, выпили мы, значить, всё на радостяхъ. А послѣ того еще два дня гуляли. А въ тѣ поры, какъ разъ за селомъ у насъ, господу выгонъ межевали. Вотъ Никаноръ и задумалъ землю подъ бакшу нанять. — «Дѣло это, говорить, акуратное; коли уродится, — барышъ здоровенный будетъ!» Не сказывалъ тогда онъ, сколько денегъ принесъ, а только что и за землю отвалилъ сто сорокъ цѣлковыхъ, и плугарей нанялъ, и сѣмянъ закупилъ. Одно слово; — все справилъ, какъ слѣдовало быть. И вѣдь уродилась бакша-то. Сначала все огурецъ пошелъ. Бывало, придетъ подсобить Никанору, либо огурцы собирать, либо на возы ссыпать, а онъ только посмѣивается. — Погоди, говорить, каунъ поспѣеть, еще и не то будетъ. — Вотъ разъ передъ самымъ Ильинымъ днемъ Никаноръ и говорить мнѣ: — Степанъ, а Степанъ! братъ ты мнѣ родной, ай нѣтъ? — Поглядѣлъ я на него: — какъ же, говорю, единоутробные мы съ тобою братья!

«— Вотъ видишь, говорить; чего-жъ ты живешь у этого стараго хрыча, ай тебя молодайка облюбовала? Нанимайся-ка ты, Степанъ, ко мнѣ бакшу караулить. Я тебя не обижу, самъ ты знаешь. Анъ и мнѣ сподручнѣй будетъ: свой то братъ не обманеть, да и тебѣ-то лучше будетъ, чѣмъ по чужимъ людямъ жить. — Думалъ, думалъ я, какъ мнѣ быть, да и перетащилъ все свое добро въ курень къ Никанору. Сначала все тошно какъ-то было нѣтъ, нѣтъ, да и предтавится Наталья-покойница. А послѣ того бойкая пошла торговля. Каунъ уродился страшенный, и дорога проѣзжая была близко. Ночью, бывало, и то спать некогда. Наѣдетъ обозъ; мужички-то все голодные съ дороги, шибко каунъ разбираютъ. Только пришелъ престольный нашъ праздникъ, и случилось мнѣ тутъ отлучиться. Пошелъ я тестя провѣдать; гляжу, а у него родня понаѣхала и четверть припасена. — Погоди, говорить,

выпьемъ съ тобой, зятюшка!—А самъ, вижу, ужъ навеселѣ. Просидѣлъ я у него и самъ не знаю сколько; только спохватился послѣ, да на бакшу скорѣй. Иду, а самого такъ и качаетъ, и въ головѣ словно бы застилаетъ чѣмъ.

«Только подхожу къ куреню, а Никаноръ и набросился на меня.—Что-жь ты, говоритъ, такой сякой, дѣлаешь со мною? день теперь праздничный, самая торговля идетъ, а ты пьянствуешь?—И нехорошо эдакъ посмотрѣлъ на меня:—да еще, кто тебя знаетъ,—говорить,—чьи ты денежки-то пропиваешь! — Позеленѣло у меня тутъ въ глазахъ: отъ роднаго брата, да эдакое услышать, — хоть на кого доведись, обидно. Выругался я тутъ чернымъ словомъ, легъ подъ плетень и лежу.—Повертись моль, думаю, коли я твои деньги пропиваю.—Лежу я такъ-то и вижу, подъѣзжаетъ къ намъ повозка, а на повозкѣ трое сидятъ, въ родѣ какъ мастеровые. Подѣхали, остановились. Двое на повозкѣ остались, а третій, мужикъ здоровый, да черный весь, подошелъ сперва къ одному вороху, постукалъ, потомъ къ другому, да какъ закричить:—Эй, вы, бакшевники облизаны! нешто христіанамъ можно таковскіе кауны продавать!—Схватилъ одинъ каунъ, да другой, да какъ пустить швыркомъ объ дорогу. Взяла меня тутъ злость. Вижу, что пьяный челоуѣкъ, а такъ бы по шеѣ и накламъ. А Никаноръ сидитъ, хоть бы глазомъ сморгнулъ. — Если вамъ, говоритъ, почтенный, наши кауны не нравятся, можете по добру, по здорову убираться, а за тѣ два пожалуйте гривенникъ.—Стоитъ черный мужикъ, качается, словно сонный; а тѣ два, что на повозкѣ были, слѣзать стали; одинъ лошадь повелъ привязывать, а другой къ ворохамъ подошелъ, вынулъ гаманъ¹⁾, должно, хотѣлъ деньги Никанору отдать. А черный запримѣтилъ меня и сталъ подходить. Вижу: глаза у него, какъ у быка, словно кровью налились: должно, съ перепоею.—Ахъ ты такой, да эдакій ты бакшевникъ! — и схватилъ меня за воротъ. Обозлился я тутъ, страсть какъ; размахнулся да въ душу ему кулакомъ и саданулъ. А онъ-то, видно, здоровъ былъ; ничего, значить, не подался, только схватилъ меня за плечо да объ земь и грохнулъ. Посыпались у меня искры изъ глазъ; ажъ темно все стало. Только скоро я опаматовался; поднялся съ земи, гляжу, а Никаноръ въ курень заперся, да изъ дверецъ оглоблей тычетъ. А черный, да еще одинъ (послѣ сказывали: сапожникъ изъ Верхотурья) все къ дверямъ норовятъ; выломать, значить. Третьяго тутъ я и не запримѣтилъ. Вижу я, что не сдобровать намъ, и давай «разбой» кричать. А тутъ, отъ выгона какъ разъ, мужики барину за водку

¹⁾ Кожаный мѣшокъ съ деньгами.

просо на гумно возили. Услыхали, какъ я закричалъ, и бѣгутъ: должно, человекъ десять ихъ было; все лошадей побросали. Проѣзжіе-то наши видятъ: дѣло плохо; двое сейчасъ къ лошади, да на повозку; а черныи, словно чумной какой, все къ куреню норовить, руками махаетъ. И сдѣлался я тогда звѣрремъ лютымъ. Подскочилъ къ черному, схватилъ его за волосы, да такъ и повисъ на нихъ; а тутъ ребята подоспѣли. Повалили мы его наземъ и давай охорапивать, кто чѣмъ попало. Сбѣжался народъ изъ деревни; бабы, ребятишки пицать. Одинъ парнишка все обротью махалъ: тоже бить норовилъ. И что тутъ только было, господинъ, не дай Богъ; ажъ и теперь страшно дѣлается! Черныи-то все кригль съ перваго, разу. А послѣ того пересталъ; только вытянулся весь, руки распласталъ; тутъ только и бросили его бить...

Нѣсколько времени Степанъ не могъ говорить, подъ напывомъ страшныхъ воспоминаній. Но потомъ, нѣсколько оправившись, продолжалъ:

«— Посмотрѣлъ я на подводу. Вижу, сидятъ на ней проѣзжіе, крѣпко за грядки держатся. Одинъ все кровью перхааетъ, а у другаго ни носа, ни глазъ не разберешь: все, значить, вздулось, и на дорогѣ кровь видна. А сбоку народъ стоитъ, гадить; нѣтъ, нѣтъ, да и подскочить кто нибудь, либо въ голову, либо въ загривокъ саданетъ. А тѣ сидятъ, словно опалѣлые,—съ побоевъ, должно быть. А одинъ все старостѣ кричить:—Нешто такъ-то по закону можно? отвѣчать будешь!—А староста тутъ что подѣлаетъ? Небось, самъ кулаками почище другихъ махалъ. Пріѣхалъ скоро урядникъ; велѣлъ чернаго-то накрыть, а самъ все свидѣтелей собиралъ. Подъ вечеръ становой приставъ пріѣхалъ, а съ нимъ еще какіе-то господа. Цѣлую ночь всю деревню пытали. Къ утру насъ, шесть человекъ, въ холодную посадили, а тамъ въ острогъ отвезли. Четыре мѣсяца дожидали мы, пока судъ соберется; а потомъ вышелъ мнѣ, значить, приговоръ: въ арестантскихъ ротахъ три года сидѣть, а послѣ того—церковное покаянье...

— А что же съ Никаноромъ сдѣлали?—спросилъ я Степана.

— Не видалъ я его съ той поры. Сказывали, что и его было прикрутили, потому у чернаго-то на виску каблукъ кованый такъ и выложился; а свѣрять стали, — какъ разъ никаноровъ сапогъ и пришелся. Да откупился онъ; ужъ не знаю, какъ тамъ: свидѣтелей ли подставилъ, значить, али другое что умудрилъ. Вся бакша его пошла на это! При одномъ пинжакѣ остался. Слыхалъ я, будто на Донъ ушелъ. А, можетъ, кузнецомъ гдѣ работаетъ, не знаю, господинъ; не слышать было...

«Убійца» тяжело вздохнулъ, досталъ кисетъ съ табакомъ и на-

чалъ набивать трубку. Стало совсѣмъ свѣтло. Небо было ясно и предвѣщало жаркій день, а на западѣ, какъ бы согнанныя туда разливающимся свѣтомъ, длинной грядой темнѣли облака.

III.

— А какъ же слѣдователь узналъ, кто билъ? — обратился я къ Степану. Онъ нѣсколько времени что-то соображалъ.

— Видишь ты, господинъ; сперва-то мы было отпираться стали. Кто говорить, что, молъ, знать не знаю, вѣдать не вѣдаю; а кто скажетъ: «вдарилъ-де разъ, потому всѣ били». Вертѣлся, вертѣлся съ нами слѣдователь, видитъ: ничего не подѣлаешь. А тутъ случилось такъ, что земскій начальникъ, значить, селомъ нашимъ проѣзжалъ. Услыхалъ про это дѣло, да прямо на съѣзжую. Сначала насъ все по одиночкѣ пытали; а послѣ того всѣхъ въ разъ пригнали. Стоимъ это мы, душъ двадцать насъ было, а за столомъ все какъ есть начальство сидитъ: и становой, и земскій. А слѣдователь-то съ земскимъ все промежъ собой разговариваютъ, на насъ показываютъ. Вотъ и подходитъ къ намъ земскій; да такъ это глядитъ, словно бы слопалъ всѣхъ. Глазищи-то у него черные, значить, на выкатѣ; какъ закричалъ онъ на насъ: — Выходи, говорить, сейчасъ. Кто чернаго билъ? не признаетесь, всѣ до одного на каторгѣ погніете!—И вѣдь, что жъ ты думаешь, господинъ?—здорово насъ тутъ-то земскій напужалъ... И впрямь, думаемъ, можетъ, какіе ребята и вовсе не причастны къ этой бѣдѣ; что жъ имъ на каторгу-то эту идти; статочное ли дѣло, думаемъ? Взяли тутъ-то, да и объявились. Будь, думаемъ, что будетъ; Господь не безъ милости. Шесть насъ человекъ прямо такъ и бухнули слѣдователю: «Отъ насъ, говоримъ, этотъ смертнѣйшій бой произошелъ, ни отъ кого больше!» Такъ-то, значить, господинъ...

Въ это время послышался учащенный топотъ, и скоро на поворотѣ дороги показался ямщикъ. Онъ быстро погонялъ лошадь и черезъ минуту подѣхалъ къ намъ.

— Ну, барчукъ, да и наморился же я съ этою осью: насилу добудился; мельника дома не было, а ребята, говорятъ: себѣ ось-то, молъ, нужна; цѣлый полтинникъ и отдалъ! — Свѣжее утро и быстрая ѣзда придали парню возбужденный, безсознательно-веселый видъ.

— Ну-ка, дяденька, подооби!—крикнулъ онъ Степану и полѣзъ подъ таратайку. Степанъ докуривъ трубку; медленно, не торопясь, выбилъ золу и началъ возиться съ ямщикомъ около некстати сломавшагося экипажа. Тутъ мнѣ больше нечего было дѣлать, и я отпра-

вился черезъ мостъ въ гору. Подъемъ былъ довольно крутой, но отъ долгаго сидѣнья я чувствовалъ въ себѣ такой избытокъ энергии, что въ три минуты былъ уже на вершинѣ косогора. Нѣсколько грачей при моемъ неожиданномъ появленіи, тяжело размахивая крыльями, медленно поднялись съ ободранной и давно высохшей ракиты. Ея рогатый силуэтъ одиноко высился на сѣромъ фонѣ утренняго неба, среди пустыннаго, далеко уходящаго изъ глазъ, поля. И трава, и тихо волнующіеся хлѣба побѣлѣли отъ обильной росы; гдѣ-то близко, захлебываясь, кричалъ перепелъ, да тихо и вятно шелестѣла колосившаяся рожь. Я направился впередъ по узкой полевой дорогѣ. Извиваясь и исчезая по болотамъ, она длинной лентой тянулась къ синѣющему горизонту. Беспредѣльный просторъ и какая-то томительная тишина, точно съ напряженіемъ ожидающая солнца, вызывали во мнѣ тоскливое, безотчетное чувство. Вдругъ, со стороны лога, тихо брякнули колокольцы. Они глухо и отрывисто звенѣли, пока лошади шагомъ поднимались въ гору; потомъ сразу отчаянно залились, и черезъ нѣсколько минутъ таратайка была уже около меня. На козлахъ, вмѣстѣ съ ямщикомъ, точно боясь каждую минуту упасть, какъ-то бокомъ сидѣлъ Степанъ и крѣпко держался за желѣзный пруть кузова. Я сѣлъ, а ямщикъ быстро обратился ко мнѣ:

— Дяденьку-то, барчукъ, можно подвезть? Въ пригородную, говорить, ему надо, да присталъ больно?—Я попросилъ Степана пересѣсть ко мнѣ въ таратайку и рассказать о своей дальнѣйшей судьбѣ. Онъ не сразу началъ; его теперь какъ будто что-то стѣсняло.

— Ну, господинъ, и сдѣлался я такъ-то арестантомъ. Помнится, на судѣ про меня сказывали, что, молъ, хоть и въ пьяномъ видѣ, и въ ссорѣ убійство случилось, но все жъ таки наказанье, значить, ему слѣдуетъ опредѣлить. А ужъ хоть въ пьяномъ, хоть не въ пьяномъ тамъ видѣ, а истинно тебѣ говорю: звѣремъ я въ тѣ поры былъ. Я и самъ думаю теперь, откуда это напасть на меня такая взялась? Что жъ грѣха таить: озвѣрѣлъ я тогда пуще волка го лоднаго.

Я постарался представить себѣ этого тщедушнаго мужика въ моментъ изступленнаго бѣшенства. Но въ фигурѣ Степана положительно не было ничего такого, что могло бы ему служить хоть отдаленнымъ намекомъ на возможность такого состоянія. Помолчавъ немного, онъ продолжалъ:

— Эхъ, тошно мнѣ было сперва-то въ острогѣ. Одно дѣло, что ужъ прямо ты не человѣкомъ сталъ: держать тебя, значить, какъ скотину. Только, бывало, и отойдетъ душа, какъ на работы пого-

нять. И солнышко тутъ-то увидишь, и людей. Сперва и на работахъ, бывало, стоишь, и все думается, что глядятъ на тебя: «арестантъ, моль, это», ажъ жутко сдѣлается. А послѣ того привыкъ,— свыкся, значить, съ казематами съ этими, и съ работами. Протянулъ такъ-то всю зиму, а тамъ и объ Воскресеньѣ Христовомъ стали поговаривать. И погода теплая стала. Бывало, глядишь въ фортку, а на поляхъ снѣгъ потаялъ, только по канавкамъ кой-гдѣ бѣлѣтъ. И напала тутъ на меня смертная тоска: по ночамъ не спится, все нивѣсть что въ башку лѣзетъ. Вотъ лежу я разъ такъ-то на нарахъ; огни потушены; спать, значить, время было; а мнѣ словно и не до сна. Ночь-то мѣсячная была, свѣтлая, что твой день, и рѣшетки эти желѣзныя такъ тѣнью и ложатся на нары, али на полъ. Лежу я и думаю: вотъ теперь стерегутъ меня за этими за рѣшетками, изводятъ на меня харчъ казенный, а зачѣмъ это все? На что я имъ, думаю, нуженъ? Нешто я самъ хозяиномъ не былъ, да податей не справлялъ? Нешто я воръ какой, ай разбойникъ? И словно мутится у меня въ головѣ... То мнѣ чудится, что я чернаго прикончилъ, то, будто, и не виновать я вовсе, потому съ однихъ-то моихъ побоевъ не померъ бы онъ! И взяла меня тутъ злость; такъ бы все, какъ есть, и пораспхвирять. Поднялся съ наръ, подошелъ къ окну, а у самого такъ за сердце и сосетъ. Посмотрѣлъ, а городъ весь въ огняхъ, церкви на мѣсяцѣ свѣтятся, и рѣчка, какъ стекло, переливается. Схватился я, какъ чумной, за рѣшетку, да и давай ее раскачивать; самъ себя не помню. Только слышу я на нарѣ, что насупротивъ меня заворочался арестантъ. А это у насъ пересыльнаго держали: дожидался, значить, партіи: въ ссылку его гнать хотѣли. Здоровый былъ мужикъ, крѣпкій; глаза, какъ у волка, горять; одно слово: бродяга. Все молчить, бывало; рѣдко когда выругается:—Эхъ, вы, сиволашы!—скажетъ:—то-то дѣловъ понадѣлали, что тухнете тутъ!—и сплюнетъ съ досады. Вотъ заворочался онъ на своей нарѣ, да и говорить:—Ай на вольную волюшку захотѣлось?—Молчу я; и злость будто проходить стала. Подошелъ къ своей койкѣ, сѣлъ и смотрю. А ссыльный тоже поднялся, нагнулся ко мнѣ, да и спрашиваетъ:—Сбѣжать хочешь изъ острога? — Какъ сказалъ онъ это, словно кольнуло меня что подъ сердце.—А куда я убѣгу-то, — говорю, — али про насъ гдѣ мѣсто такое припасено?—Вижу, говорить, что и впрямь ты сиволашный.—Легъ опять, молчить. Слышу: колотушникъ подходит; громко трещетка стучить; вдарила раза три подъ самымъ окномъ и стихать стала. Опять у меня на душѣ словно заскребло что. И вижу я, будто собираемся мы въ Натальей-покойницею на ярмарку ѣхать. Запрѣгъ я кобылку молодую; сосуну колоколець

подвизалъ. Вышла баба изъ хаты—посмотрѣть любо. Самая ядреная да статная. Кафтавъ надѣла новый, а платокъ, какъ жаръ, горитъ. Поѣхали мы по селу; народъ отъ обѣдни идетъ.—Поглянь-ка, говорятъ, Тирухина молодайка ѣдетъ!—Что жъ ты думаешь, господинъ? вѣдь слеза меня тутъ-то прошибла; такъ бы рѣвмя и заревѣлъ.—Голосъ «убійцы» въ эту минуту сильно дрожалъ и, за стукомъ таратайки, я едва слышалъ его послѣднія слова. Онъ перевелъ духъ и рѣзкимъ надтреснутымъ голосомъ продолжалъ:

— И стало мнѣ съ тѣхъ поръ совсѣмъ не въ моготу ночи наши арестантскія коротать. Задумалъ я сбѣжать. По крайности, думаю, съ тестемъ повижусь, про Никанора разубаю; а самому все представляется: можетъ, думаю, пришелъ Никаноръ. А хуже этого, думаю, все одно не будетъ. Сказалъ я такъ-то бродягѣ.—«Ладно, говорить, время такое надо приспособлять, чтобы половчѣе, значить, обдѣлать».—Недѣля проходитъ, другая. Уже трава выросла, деревья давно развернулись; а я еще маюсь; никакъ не дождусь—на волюшку вырваться. Только сталъ я примѣчать, что у бродяги табакерка завелась. Иной разъ откроетъ: «да, говорить, понюхай», а самъ посмѣивается. А въ тѣ поры черезъ городъ губернаторъ проѣзжать собирался. Вотъ и погнали насъ, душъ пятнадцать, должно, дорогу около мосту заравнивать. Два солдатика насъ повели; одинъ впереди все идетъ, а другой сзади. Пришли мы на дорогу и начали капать, какъ разъ насупротивъ питейнаго заведенія. Одинъ солдатикъ и прилегъ около канавки, какъ разъ на солнцѣ; жарко было, а ему, видно, еще погрѣться захотѣлось. А другой подошелъ къ нему и говоритъ:—Ты, Терентьевъ, посмотри, а я живымъ манеромъ сбѣгаю. — Да въ шинокъ прямо и наладился. Подошелъ ко мнѣ бродяга и говоритъ: «смотри теперъ во всѣ глаза, не зѣвай!» А самъ бросилъ лопатку, вытеръ потъ, будто уморился ужъ очень, и подошелъ къ солдатику. Слышу, говорить съ нимъ что-то потихоньку, а послѣ вынулъ табатерку, затянулъ носомъ и солдатику подаетъ.—Не хотите ли, служивый, говорить, чихнуть раза два?—Вижу, смѣется солдатикъ; взялъ табакъ на руку, да въ носъ. Чихнулъ разъ, потомъ закашлялся. А бродяга ему:—Это ничего, говорить; живымъ манеромъ пройдетъ.—А самъ нехорошо эдакъ посмѣивается и за лопатку опять взялся. И стало у меня сердце стучать, словно выскочить хочетъ. Поглядѣлъ на караульнаго, а тотъ лежитъ и все на насъ смотреть, и ружье сбоку наготовѣ держать. Растянулись мы по дорогѣ, кто гдѣ ковыряеть. Я съ одного краю, а бродяга, гляжу, отошелъ на другой конецъ и тоже, вижу, лопаткой махаетъ, ажъ пылъ стелется. Только посмотрѣлъ я съизнова на солдатика, а онъ словно бы задремалъ: голову свѣсилъ

и шапка на бокъ съѣхала. Копнулъ я еще раза три, глянулъ на тотъ конецъ, а бродяги и слѣдъ простылъ. Кинуло меня сперва въ жаръ, а потомъ дрожь пробрала. Бросилъ я лопату, да со всѣхъ ногъ, что было только мочи моей, черезъ плетень. Попалъ сперва на огородъ чей-то, а потомъ выбрался черезъ гуменикъ на поле и бѣгу, самъ не знаю куда, словно и ногъ у меня не стало. Эхъ, господинъ, что я тутъ натерпѣлся и рассказать-то всего не расскажешь. Прибѣжалъ я къ болоту; болото страшное, ивнякомъ все заросло, а кой-гдѣ камышъ. Выбралъ я мѣсто, гдѣ посуше, и залегъ тамъ. Изморившись я былъ страсть какъ! Прислушался: тихо; видно, дорога далеко была. Пролежалъ я, эдакъ, ужъ и не знаю сколько времени, и заснулъ. Да такъ, значить, заснулъ, что и самъ послѣ диву дался. Проснулся,—ночь на дворѣ. Темно, а небо все какъ есть звѣздами усыпано. Вышелъ на берегъ; посмотрѣлъ кругомъ, а за пашней далеко-далеко будто деревья темнѣются. Пошелъ туда, а самъ все оглядываюсь; нѣтъ, нѣтъ да оторопь и возьметъ. Подошелъ поближе, вижу, и въ правду ракетникъ двумя порядками по рву идетъ; а за рвомъ будто посеяно что. Приглядѣлся я получше и вижу насупротивъ, какъ бы человѣкъ стоитъ. Страшно мнѣ стало, а все таки думаю, зачѣмъ ему тутъ быть? Пригнулся я къ самой землѣ, а человѣкъ этотъ на небѣ такъ и выложился; и вижу я, что не человѣкъ это, а пугало; и зипунъ на колъ надѣтъ, и картузь,—все, какъ слѣдуетъ быть. Скинулъ я съ себя все тутъ арестантское, да руками и зарылъ во рву. А самъ надѣлъ этотъ зипунъ да картузь и пошелъ, куда глаза глядятъ. Должно, версть тридцать тутъ-то за ночь пробѣгъ. Къ утру подошелъ къ самому шляху и залегъ въ кустахъ дубовыхъ, значить; весь день пролежалъ. Пить, мочи нѣтъ, къ вечеру захотѣлось, а все лежу. Только, какъ опять стемнѣло, пошелъ я прямо къ пруду; мѣста-то эти призналъ. Отощалъ за два дня, страсть! Переночевалъ въ стогу,—еще прошлогодній остался тамъ,—да утромъ давай свербигузъ собирать. И налопался я этого свербигузу до того, что ажъ животъ расперло; а ѣсть все хочется, и подъ ложечкой словно давить что. Залегъ опять въ рожь на ночь, а утромъ, чуть свѣтъ, слышу: люди промежъ собой говорятъ. Схоронился я во ржи; а рожь тогда еще не выметалась—низкая была—и слушаю. А это бабы, значить, овесъ пришли полоть. Лежу я такъ-то, а солнышко все поднимается. Жарко стало мнѣ, а въ животѣ словно поестъ что съ голодухи. Только слышу я: на полдень ушли бабы. Поднялся изъ ржи, глянь, а одна осталась и сидитъ на межѣ, словно, какъ хлѣбъ рѣжетъ. Выбрался я потихоньку на межу и пошелъ къ ней. Такъ мнѣ хлѣбный духъ и представляется, ажъ въ глазахъ потемнѣло.

Подожелъ я къ бабѣ; а она, гляжу, хлѣбъ жуесть, сбоку цѣлая коврига лежитъ и сала кусокъ. Стою я, смотрю на нее, а у самого такъ подь сердцемъ и мутить. Посмотрѣла она на меня, и словно опаска ее взяла.—Дай, говорю, родимая, хлѣбца: проголодался ужь оченно.—Я бѣ, говорить, отрѣзала тебѣ ломоть, да сейчасъ мужики придуть, не хватить на всѣхъ. Да, что ты, говорить, ровно бездомовникъ какой неприкаянный? — Посмотрѣлъ я съ пригорка, а подь самымъ березнякомъ и вправду мужики изъ сохъ лошадей выпрягаютъ. Ну, думаю, была не была; схватилъ хлѣбъ обѣими руками. А баба видитъ это, уцѣпилась за полу.—Безстыжій, говорить, мы и то съ самой Оминой хлѣбомъ да рѣдкѣй пробавляемся; что жь мы-то жрать будемъ теперь? — Отпихнулъ я бабу, да въ рожь. А баба, слышу, заголосила:—разбой, кричить, рѣжутъ! Спряталъ я хлѣбъ за пазуху, да что ни есть мочи ползкомъ къ болоту наладился. Слышалъ я потомъ: мужики прибѣжали; все по ржи шаркали. А я промежъ кочекъ схоронился; не запримѣтили меня... Хорошо я тутъ наѣлся! лежу, а самъ все хлѣбъ жую; словно бы цѣлый вѣкъ не ѣлъ. И сталъ я тутъ домой подаваться. Можетъ, думаю, и поймають тамъ, а все жь таки у своихъ, у сродниковъ, побуду. Кромѣ тестя-то, да Никанора, никого у меня на всемъ бѣломъ свѣтѣ изъ родни не было. Пришелъ я къ нашему селу уже подь вечеръ. Скотину прогнали. Мужики, съ сохами, съ поля проѣхали. А я все за селомъ во рву хоронюсь. Вижу: Карпъ, сотскій нашъ, ѣдетъ; подпояска на немъ новая, сапоги: должно, изъ волости, думаю. Такъ бы и окликнулъ его; про брата спросилъ бы, про тестя... Лежу я въ своемъ селѣ, а ровно какъ проходимецъ, али воръ хоронюсь. Ну, думаю, переночую у тестя, а тамъ что Богъ дастъ. Только вижу, идетъ дѣвочка махонькая, будто съ нашего конца. Вышелъ я на дорогу, остановилъ ее и спрашиваю. Не слыхала ли, дѣвонька, про Никанора Тирюхина чего?—Подняла она голову, посмотрѣла на меня.—Слыхала, говорить, дяденька; сказывали: д-а-лече онъ теперь; не помню игдѣ... Ну, думаю, ничего не подѣлаешь; видно, на роду такъ написано. Обошелъ я огородами да прямо къ тестю на дворъ. Вижу: огонь въ хатѣ; знать, ужинають. Вошелъ въ сѣни: услышали, видно: Отворила молодайка дверь изъ хаты и спрашиваетъ:—Ктой-то тутъ?—А я прямо и шагнулъ на свѣтъ. Увидала она меня, да вдругъ закричить, какъ пересѣченная, и захлопнула дверь. Слышу, загомонились въ избѣ, дверь стали заваливать. А я стою впотьмахъ. — Ефимъ, кричу, это я. Ай зятя не призналъ?—А тесть, слышу, молитву читаетъ: «Святъ, святъ! съ нами крестная сила!» И почудилось мнѣ тутъ, что валюсь я въ огромнѣйшую яму, а на краю тесть стоитъ, усмѣхается.

Захолонуло у меня сердце. Хочу кричать—мочи моей нѣтъ; горло словно перехватило тѣмъ. А потъ такой прошибъ, что рубаха сразу стала мокрая. Постоялъ я около двери, да ужъ и самъ не помню, какъ выбрался опять задворками на поле, да такъ и повалился въ межу. Какъ я тутъ не померь, и самъ не знаю. Очунѣлъ я только подъ утро, и словно бы другимъ человѣкомъ сталъ: хоть рѣжь меня, хоть сажай куда—все мнѣ единственно. И пошелъ я прямо по дорогѣ; ничего мнѣ не страшно стало. Вышелъ на шляхъ. Вижу, торгашъ лошадей подъ ракитой распрягъ, обѣдъ себѣ варить собирается. Накормилъ онъ меня, табаку далъ; видно, на добраго человѣка попалъ. Да анамедни, какъ отъ Некручева отошелъ, пастухи картохъ вареныхъ надавали. «Бери, говорятъ, сколько хошь: потому картошка эта краденая». Смѣются сами.—«Убійца» замолчалъ и отвернулся. Ямщикъ, внимательно слѣдившій подъ конецъ за разказомъ Степана, тяжело вздохнулъ и какъ-то досадливо сталъ понукать лошадей. Не проснулось ли въ его простой душѣ смутное опасеніе за свою молодую жизнь? Кто могъ бы поручиться, что до конца дней не разобьетъ ее ни голодъ, ни невѣжество, ни безжалостный формализмъ общественной машины?!

Величественнымъ краснымъ шаромъ выкатывалось солнце изъ-за горизонта, когда мы подъѣзжали къ городу. Въ большомъ пригородномъ селѣ жизнь только начинала входить въ рамки обыденной суеты. Мычали выгоняемыя на пастбище коровы. Скрипѣли бадьи у колодцевъ. А на крыльцѣ большого питейнаго заведенія, пріютившагося между большими съѣстными лавками, распоясанный, съ разстегнутымъ воротомъ, стоялъ хозяинъ. Онъ продолжительно зѣвалъ и какъ-то хищнически поглядывалъ въ нашу сторону. Я взглянулъ на Степана. Обычное спокойствіе и даже апатія теперь покинули его. Онъ безпокойно ѣрзалъ, какъ бы собираясь выскочить изъ таратайки. Я велѣлъ остановить лошадей. Степанъ слѣзъ на дорогу и робко, нерѣшительно и заискивающе, посмотрѣлъ на меня.—Эхъ, господинъ, выпить, сейчасъ, страсть хочется. Хоть бы напоследокъ-то погулялъ я; вѣкъ за васъ Богу молить буду...—Я подаль ему рублевую бумажку; онъ жадно схватилъ ее дрожащей рукою и поспѣшно, выворачивая ноги, направился къ заведенію.

— А не кончитъ добромъ этотъ Степанъ, — въ раздумьѣ проговорилъ ямщикъ.

— Почему?—спросилъ я его.

— Потому душа у него теперь осатанѣла...!

Черезъ нѣсколько минутъ мы подъѣхали къ большому деревянному мосту. Широкая рѣка съ зеркальной неподвижной поверх-

ностью, подернутая вблизи молочной дымкой, все больше и больше окутывалась густыми массами бѣлаго тумана. Онъ поднимался вверхъ и въ то же время огромными клубами расплывался надъ широкимъ лугомъ. И когда легкій вѣтерокъ относилъ его наискось къ лѣсу, изъ туманной мглы отчетливо выдѣлялись силуэты пасущихся лошадей. Солнце еще не показывалось изъ-за большой возвышенности, на которѣ стоялъ Н-скъ; только его первые робкіе лучи съ красноватымъ отливомъ слабо золотили кресты и купола немногочисленныхъ городскихъ церквей.

Бахмачъ.

Наши судебные порядки передъ судомъ присяжнаго засѣдателя.

I.

Въ виду усиленныхъ занятій образованной при министерствѣ юстиціи комисіи по пересмотру законоположеній, всякій литературный трудъ, касающійся «судебнаго міра», въ настоящее время является болѣе, чѣмъ кстати.

А потому и г. Н. Н. О., автору «Замѣтокъ», въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (№№ 10 и 11 1898 г.), пожелавшему ближе познакомить публику съ тѣми душевными волненіями и скрытыми размышленіями, которыя переживаютъ присяжными засѣдателями во время судебныхъ процессовъ,—кромѣ благодарности, засвидѣтельствовать ничего инаго нельзя. Спасибо ему и за тѣ наблюденія, которыя онъ успѣлъ сдѣлать за время проведенныхъ имъ трехъ сессій надъ взаимными отношеніями присяжныхъ засѣдателей другъ къ другу, къ судебному слѣдствію, и... къ тѣмъ «случайностямъ», которыя такъ или иначе оказали вліяніе на ихъ приговоръ.

Я вполне согласенъ съ авторомъ, что «присяжничество» въ судѣ имѣетъ громадное воспитательное значеніе: оно, дѣйствительно, такъ велико, а институтъ присяжныхъ засѣдателей пустилъ столь глубокіе корни, что вышеупоминаемая комисія, состоящая изъ лицъ высоко-образованныхъ, богатыхъ судейскою практикою и жизненнымъ опытомъ, единогласно признала судебные уставы императора Александра II за основной базисъ въ дѣлѣ дальнѣйшаго преобразования судебной части въ имперіи, а потому одно уже это авторитетное признаніе исключаетъ всякую возможность сомнѣнія въ пользѣ института присяжныхъ засѣдателей.

Состоя около десяти лѣтъ судебнымъ слѣдователемъ и во то же время почетнымъ мировымъ судьей, я успѣлъ, такъ сказать, сродниться съ судебными уставами и наглядно изучить въ частности

уголовный процессъ, отъ момента его возникновенія и до момента прекращенія его произнесеніемъ приговора.

Цѣль моего возраженія автору «Замѣтокъ» двоякая: во 1-хъ, указать на ошибочность дѣлаемыхъ имъ выводовъ и обобщеній объ уголовномъ процессѣ, а, во-2-хъ, сказать нѣсколько словъ въ защиту участвующихъ въ процессѣ лицъ судебного вѣдомства, на которыхъ онъ такъ сильно нападаетъ. Авторъ «Замѣтокъ», иллюстрируя свои соображенія нѣсколькими дѣлами, разбиравшимися въ тѣ сессіи, когда онъ былъ присяжнымъ засѣдателемъ, всюду подготавливаетъ выводъ, заранѣе для него желательный. Отсюда односторонность и пристрастіе проходятъ красною нитью черезъ всё его «Замѣтки». Очевидно, что не разсматриваемыя дѣла создали его взгляды и разсужденія, а эти послѣдніе послужили *новодоомъ* къ возникновенію его «Замѣтокъ»; вполне ясно, что изъ этихъ дѣлъ авторомъ выхвачено только то, что казалось въ его глазахъ подходящимъ къ сложившимся уже много ранѣе его мнѣніямъ, и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что авторъ, въ первый же день первой сессіи, пришелъ въ залу суда съ предвзятыми идеями, подтвержденія которымъ такъ пытливо искалъ и подбиралъ въ разсматриваемыхъ дѣлахъ...

По мнѣнію автора, во всемъ уголовномъ процессѣ хороши только одни присяжные засѣдатели, да «защита», въ лицѣ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ (?), а остальные, — т. е. коронные судьи, предсѣдательствующіе, прокуроры, ихъ товарищи, а особенно слѣдователи, — всё поголовно никуда не годны, а самый процессъ не только плохъ и требуетъ коренной передѣлки, но даже и *комиченъ* — тѣмъ, что допускаетъ въ публичномъ засѣданіи обрядъ примирительнаго разбирательства (209—210 стр.) и дѣла о «выѣденныхъ яйцахъ» (650 стр.). Если въ «Замѣткахъ» авторъ и упоминаетъ, въ видѣ «счастливаго исключенія», про «идеальныхъ» предсѣдателя и товарища прокурора, то какъ-то мимоходомъ, просто съ цѣлью подчеркнуть обычный въ его глазахъ, и такъ рѣзко отступающій отъ идеальнаго, плохой типъ судебного персонала. Таковъ односторонній приемъ, хотя и старый, избитый, но зато испытанный и вѣрный: — наряду съ чернымъ представлять бѣлое; разумѣется, черное будетъ отъ этого казаться еще чернѣе!..

Однако, мы въ своемъ изложеніи не будемъ прибѣгать къ этому приему, а постараемся вполне корректно и объективно разобратъ въ представленномъ намъ сыромъ матеріалѣ, разобранномъ у автора въ 25-ти главахъ его «Замѣтокъ»; только укажемъ, въ общихъ чертахъ, его заблужденія и ошибки.

Что касается приводимыхъ имъ, въ подкрѣпленіе своихъ заклю-

чений, судебных дѣлъ,—то, во избѣжаніе повтореній, мы будемъ ссылаться на тѣ изъ нихъ, которыя и въ глазахъ автора кажутся главными по разнообразію случаевъ, обусловленныхъ закономъ— «правдою формальною»—и несогласныхъ «до комизма», по его мнѣнію, съ «правдою житейской».

II.

Осуждая публичность засѣданія, авторъ «Замѣтокъ» рекомендуетъ нѣкоторыя дѣла разбирать «по семейному» и считаетъ очень крупнымъ недостаткомъ въ нашемъ процессѣ: «излишнюю торжественность и нарочитую помпѣзность судоворенія»; порядокъ предложенія вопросовъ присяжными засѣдателями участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ чрезъ предсѣдательствующаго онъ называетъ удивительно-вздорнымъ и нелѣпымъ, потому что такой порядокъ не даетъ возможности «захватить подсудимаго или свидѣтеля врасплохъ, вырвать у него какое нибудь признаніе» и т. д.

Такое заключеніе автора равносильно отрицанію самихъ судебныхъ уставовъ. Авторъ, очевидно, забылъ самое главное въ нихъ, а именно: что публичность и торжественность судоправленія даютъ возможность видѣть обществу, какъ отправляется правосудіе, и служатъ вѣрнымъ ручательствомъ того, что истина будетъ открыта и виновный потерпитъ должное наказаніе; судовореніе же—ближайшій другъ и помощникъ этого ручательства.

«По семейному» авторъ предлагаетъ разбирать такія дѣла, гдѣ совершается обрядъ примирительнаго разбирательства, такъ какъ, по мнѣнію автора, этотъ обрядъ есть—какое-то «фальшивое комедійное дѣло», долженствующее стѣснять и конфузить предсѣдателя (209—210 стр.).

Мы позволимъ себѣ остановить вниманіе читателя на этихъ, такъ называемыхъ, дѣлахъ въ порядкѣ «частнаго обвиненія», гдѣ необходимъ обрядъ примирительнаго разбирательства, и попробуемъ разуверить, что тутъ ровно нѣтъ никакой «комедіи», а, наоборотъ, драма,—и драма самая ужасная. Такія дѣла возникаютъ только по жалобамъ потерпѣвшихъ лицъ. Судебные слѣдователи по всякой такой жалобѣ обязаны прежде всего исполнить обрядъ примирительнаго разбирательства. Предумышленно слѣдователи отдаютъ день вызова сторонъ на долгій срокъ, предполагая, что съ теченіемъ времени интенсивность оскорбленнаго чувства ослабнетъ и страсти улягутся. Наконецъ, этотъ день настаетъ; стороны являются... и вотъ въ камерѣ слѣдователя начинается вершиться—*склоненіе къ миру*. Хоть бы разъ авторъ «Замѣтокъ» посмотрѣлъ

и убѣдился воочію, сколько труда, времени и нравственныхъ усилій тратится слѣдователемъ на то, чтобы примирить эти двѣ враждующія стороны и не доводить дѣла до суда.

Авторъ приводитъ дѣло по жалобѣ матери въ нанесеніи ей оскорбленій сыномъ, и мы будемъ придерживаться того же образца.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, въ такихъ дѣлахъ жалобы составляютъ только поводъ, а причина кроется глубже, и объ этой причинѣ стороны иногда умалчиваютъ, не желая посвящать въ семейную тайну посторонняго человѣка, даже слѣдователя; если же когда и рѣшаются высказать, то лишь въ самомъ крайнемъ случаѣ и представляютъ эту причину, какъ послѣдній доводъ, противъ котораго и возразить ничего нельзя.

Иногда причины эти такъ мрачны и тяжелы по своей природѣ, что и самого слѣдователя онѣ приводятъ въ уныніе. Онъ забываетъ, что онъ у себя въ камерѣ, отрѣшается отъ дѣйствительности и, какъ бы вмѣстѣ со сторонами, переживаетъ всѣ ихъ волненія. Особенно, если корень семейнаго зла лежитъ больше въ обиженномъ, чѣмъ въ обидчикѣ! Въ такихъ случаяхъ слѣдователь съ еще большею энергіей начинаетъ уговаривать мать простить сына, дабы не доводить дѣла до суда, гдѣ, разумѣется, публичность и торжественность обстановки должны стѣснять стороны и онѣ не выскажутъ всего того, чтѣ накипѣло у нихъ на душѣ и чтѣ, можетъ быть, такъ желательно для правосудія, но не желательно лично для нихъ!.. Фактъ остается фактомъ; оскорбленіе нанесено; виновный не отрицаетъ; значитъ, наказаніе — и довольно серьезное — неизбѣжно.

Можно на это возразить, что присяжные разсудятъ правильно, и если обвиняемый есть жертва семейнаго горя, то они не поставятъ ему въ вину оскорбленія матери и — оправдаютъ!.. Да, это вѣрно! Но вотъ бѣда: если стороны такъ неохотно высказываютъ главную, освѣщающую все дѣло, причину въ камерѣ слѣдователя, то послѣдній естественно опасается, что на судѣ и подавно стороны умышленно умолчатъ про эту причину. Тогда что?.. Поверхностный, бѣглый обзоръ семейныхъ отношеній по судебному слѣдствію, не отрицаемый самимъ подсудимымъ фактъ оскорбленія, вопросный листъ и — приговоръ, хотя и милостивый, но все таки условно-справедливый.

Какъ бы сынъ ни былъ виновенъ по данному дѣлу, но заклеить его позорнымъ пятномъ, искалѣчить всю его молодую жизнь — жестоко, и врядъ ли самый милостивый приговоръ будетъ тутъ исполнѣнъ справедливъ. Чтѣ дѣлать слѣдователю, когда онъ, видя всю эту картину, не можетъ никакъ уговорить мать — простить сына, когда

никакія убѣжденія не дѣйствуютъ на обиженного, требующаго непременно удовлетворенія, въ видѣ наказанія?.. Остается одно—занести эту, такъ сказать, «причину всѣхъ причинъ» въ протоколъ, но стороны обыкновенно заявляютъ ходатайство объ исключеніи изъ ихъ показаній про эту семейную тайну, такъ какъ онѣ не желаютъ, чтобы ее знали посторонніе, и даже предупреждаютъ, что на судѣ онѣ «этого» не покажутъ ни въ какомъ случаѣ, а если даже и спросятъ ихъ, то онѣ отвѣтятъ, что «этого» никогда не было и нѣтъ, и что про «это» слѣдователю не говорили...

Волей-неволей приходится приступать къ производству слѣдствія, которое по такимъ дѣламъ бываетъ самое ординарное. Да и что тутъ разслѣдывать? Оскорбленія сынъ не отрицаетъ: — «ударилъ»... «толкнулъ»... мать... и пр.; изъ постороннихъ никого, конечно, не было... «свои люди—сочтемся!» Но и допрашивать ихъ тяжело да и бесполезно, ибо они дадутъ уклончивые отвѣты. — Чтобы какъ нибудь пополнить слѣдствіе данными, могущими лучше освѣтить картину семейной неурядицы, слѣдователь вызываетъ постороннихъ лицъ, хорошо знающихъ эту семью, но эти лица дадутъ еще болѣе уклончивыя показанія... И вотъ въ такомъ-то видѣ дѣло поступаетъ на судъ присяжныхъ засѣдателей!

Коронному суду прекрасно извѣстна суть дѣла. Можетъ ли быть названо «комичнымъ» желаніе (и въ то же время обязанность) предсѣдателя: въ публичномъ засѣданіи еще разъ попытаться, до разбора дѣла, склонить стороны къ миру? Въ чемъ тутъ стыдиться и краснѣть предсѣдателю? чтó тутъ нелѣпаго и фальшиваго въ его послѣднемъ предложеніи, когда начинается приближаться великій моментъ,—моментъ произнесенія приговора?..

По такимъ дѣламъ судъ *неизбѣжно* и *жестoko* разитъ своимъ приговоромъ *ту* или *другую* сторону, и было бы не только не справедливо, но и безчеловѣчно, со стороны короннаго суда, не сдѣлать послѣдней попытки къ умиротворенію сторонъ и не повліять всею силою своихъ убѣжденій на спасеніе и матери, и сына!.. Это ли «комедія»?..

III.

Теперь перейдемъ къ дѣламъ въ порядкѣ «публичнаго обвиненія», т. е. съ участіемъ лицъ прокурорскаго надзора, и посмотримъ, какія именно аномаліи авторъ нашелъ въ уголовномъ процессѣ?

Къ сожалѣнію, я долженъ немного уклониться въ сторону и предварительно познакомить автора съ существующимъ порядкомъ, предписываемымъ судебными уставами, о производствѣ предвари-

тельнаго слѣдствія и о его дальнѣйшей судьбѣ до момента открытія по дѣлу судебного засѣданія.

Окружнымъ судомъ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, вѣдаются лишь такія дѣла, по которымъ наказаніе угрожаетъ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія; а потому вполне естественно, что дѣла эти подвергаются особенно тщательному контролю и, притомъ, неоднократно и всестороннему.

Глумиться же надъ Ѳемидой, которая, по выраженію автора, «не въ силахъ уловить смыслъ и точку житейской правды»... (663 стр.), по меньшей мѣрѣ неумѣстно, еслибы даже ей пришлось имѣть дѣло и съ «пустымъ» (по степени матеріальнаго ущерба) вопросомъ, но весьма серьезнымъ по своимъ послѣдствіямъ для подсудимаго. Такъ напр., какая нибудь копѣчная кража, совершенная привилегированнымъ лицомъ, безусловно должна быть предложена суду общественной совѣсти, ибо наказаніе соединено съ ограниченіемъ правъ. Осуждать легко, но судить—трудно! Ѳемида больше всего нуждается въ житейской правдѣ именно по такимъ «пустымъ» дѣламъ. Наша жизнь состоитъ преимущественно изъ мелочей,—а вѣдь эти-то мелочи и создаютъ «житейскую правду».

Мы хотимъ сказать, что нѣтъ основанія исключать изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ нѣкоторыя житейскія дѣла, могущія повлечь за собою очень тяжелыя послѣдствія для человѣка, запутавшагося въ мелочахъ жизни. Слѣдовательно, на судъ общественной совѣсти попадаютъ и должны попадать дѣла, кажущіяся автору ничтожными, пустыми... дѣлами «о выѣденныхъ яйцахъ».

По всякому дѣлу, по которому приглашаются присяжные засѣдатели, обязательно предварительное слѣдствіе. Это значитъ, что слѣдователь обязанъ по горячимъ слѣдамъ собрать весь матеріалъ настолько, чтобы судьямъ можно было разрѣшить не только: совершено ли извѣстное преступное дѣяніе и кто виновный, но и вообще—дѣйствительно ли онъ виноватъ и насколько виноватъ. Въ силу 265 ст. Уст. уг. судопр. слѣдователь обязанъ съ полнымъ безпристрастіемъ выяснитъ всё, и уличающія, и оправдывающія виновнаго обстоятельства. За ходомъ cadaго слѣдствія слѣдитъ участковый товарищъ прокурора, который отлично знаетъ и существо дѣла, и значеніе добытыхъ уликъ, и вообще все положеніе дѣла, которое онъ можетъ дополнить своими предположеніями. Отъ слѣдователя дѣло переходитъ къ товарищу прокурора, отъ него къ прокурору, а отъ прокурора—въ судебную палату. Каждая инстанція, если найдетъ слѣдствіе неполнымъ, возвращаетъ его къ дослѣдованію, съ указаніемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, требующихъ ббльшаго разслѣдованія. Такимъ образомъ слѣдствіе, что называется, фильтруется.

Только послѣ такой всесторонней оцѣнки людьми вполне компетентными и правомочными во всякое время дополнить слѣдствіе, дѣло всплываетъ на судъ присяжныхъ засѣдателей.. и вдругъ... присяжные находятъ слѣдствіе возмутительно-небрежнымъ, а слѣдователей прямо таки недобросовѣстными, ибо они, по выраженію автора, выводятъ на судъ «фактивныхъ преступниковъ» (662 стр.) и представляютъ имъ, присяжнымъ, судить «не тѣхъ, кого нужно» (ibidem). Авторъ такъ возмущенъ постановкою предварительнаго слѣдствія, что взываетъ къ обществу и восклицаетъ: «найдется ли такой могучій прокуроръ, который, пройдя по всей Россіи и посмотрѣвъ протоколы всѣхъ слѣдователей, хотя бы за одинъ годъ, съумѣлъ бы составить обвинительный актъ противъ всей небрежности и неумѣлости слѣдователей!» (ibidem). По мнѣнію автора, слѣдователи мало того, что небрежны и не вдумчивы, но и прямо слѣпы и недобросовѣстны:—кого надо не «улавливать», а кого не надо, сажать на скамью подсудимыхъ, привлекая перваго встрѣчнаго-поперечнаго, неизвѣстно «въ чемъ и почему подозрѣваемаго» (ibidem).

Въ цѣляхъ упрядоченія института слѣдователей авторъ рекомендуетъ «нѣмудренное и давно предлагаемое средство — допустить къ предварительному слѣдствію защитниковъ подслѣдственныхъ лицъ». «Такіе защитники, какъ «свѣжіе люди», свободные отъ *профессіональных* увлеченій и *слѣпоты* слѣдователя, получаютъ возможность разрушать всѣ нелѣпости фальшивыхъ разслѣдованій и направить слѣпаго слѣдователя на настоящую дорогу».

На такую массу обвиненій мы даже теряемся: что сказать и съ чего начать!.. Затрудняемся даже сообразить: что это дѣйствительность или же иллюзія, сонъ?

Единственно, чѣмъ, думается, можно объяснить все это обвиненіе на слѣдователей, это, во-1-хъ, полнымъ отсутствіемъ всякаго опыта въ судебной практикѣ у автора; а, во-2-хъ, совершеннымъ незнаніемъ не только судебныхъ уставовъ вообще и уголовного процесса въ частности, но даже и непониманіемъ духа великаго царствованія императора Александра II. Не сталъ бы авторъ рекомендовать различныя ухищренія, «улавливанія» преступниковъ, еслибы прочиталъ 405, 406, 611, 612, 613 и др. ст. Уст. угол. судопр., а отсюда узналъ бы, что личность подсудимаго уважается судомъ наравнѣ со всеми участвующими въ процессѣ лицами, не исключая и самихъ присяжныхъ засѣдателей, и ясно убѣдился, что всякія ухищренія, подкупы, «улавливанія» врасплохъ, вырыванія признаній и пр. даже у обвиняемаго (а не то, что у свидѣтелей), судебными уставами осуждаются и отвергаются, какъ способы вредныя для правосудія и унижительныя для суда.

По поводу рекомендуемаго авторомъ средства—вести въ уголовный процессъ особыхъ защитниковъ подсѣдственныхъ лицъ, не мѣшаетъ замѣтить, что средство это давнымъ давно уже признано несогласнымъ съ духомъ судебныхъ уставовъ именно потому, что у обвиняемыхъ имѣется вѣрный защитникъ—это самъ слѣдователь, особенно по тѣмъ дѣламъ, гдѣ слѣдователи бываютъ вынуждены подвергать обвиняемыхъ предварительному заключенію ¹⁾).

Это разъ, а, во-вторыхъ, — какъ прикажетъ авторъ поступать слѣдователямъ въ такихъ дѣлахъ, гдѣ нѣтъ ни обвиняемыхъ, ни даже подозрѣваемыхъ? Или въ такихъ случаяхъ для слѣдователя посторонняя помощь въ лицѣ защитниковъ — помощниковъ, избавляющихъ слѣдователей отъ слѣпоты,—ужь будетъ не нужна?.. Но, по нашему крайнему разумѣнію, если и допускать подобныхъ помощниковъ, то именно въ такихъ «безнадежныхъ» дѣлахъ, гдѣ невольно дѣлается совѣстно направлять дѣло на прекращеніе «за необнаруженіемъ виновныхъ», когда видишь, что преступленіе совершено и есть потерпѣвшіе, но нѣтъ... виновнаго.

Затѣмъ, въ своихъ нападкахъ на слѣдователей, авторъ самъ впалъ въ явное противорѣчіе: то онъ навязываетъ слѣдователямъ такихъ помощниковъ, которые получили бы возможность вмѣшиваться въ слѣдствіе и управлять ходомъ его (662 стр.), то самъ же осуждаетъ тѣхъ слѣдователей, которые работаютъ не самостоятельно, давая возможность «натравливать» себя (646 стр.), и «водить на помочахъ» (647 стр.). Авторъ «Замѣтокъ» рисуетъ слѣдователя въ одномъ мѣстѣ—какимъ-то охотникомъ, долженствующимъ «ударивать», преступниковъ, словно какую дичь, разными ухищреніями,—а въ другомъ—лютымъ звѣремъ, отъ котораго слѣдуетъ защищать и ограждать лицъ, совершившихъ преступленіе, особыми защитниками. Какому же взгляду автора слѣдуетъ вѣрить?

Но авторъ никакъ не хочетъ понять и не допускаетъ того, что никто такъ не пожалѣетъ впаваго въ преступленіе несчастнаго и не войдетъ въ его положеніе, какъ самъ слѣдователь: — онъ его первый помощникъ и защитникъ.

IV.

Теперь вернемся къ частностямъ,—т. е. къ указаннымъ въ «Замѣткахъ» дѣламъ, и рассмотримъ обобщенія, сдѣланныя по нимъ авторомъ.

¹⁾ Справедливость требуетъ замѣтить, однако, что слѣдователи далеко не всегда исполняютъ въ этихъ случаяхъ роль «защитника» подсудимаго, и ставятъ пожалѣть объ отсутствіи противоясія ихъ обвинительнымъ наклонностямъ.

Начнемъ и мы хоть съ дѣла по обвиненію кучера въ кражѣ серій на 15 тысячъ руб., или, по выраженію автора, съ дѣла «о кучерѣ-альфонсѣ» (639—642 стр.).

Богатая купчиха, имѣя стараго мужа, влюбилась въ своего молодого кучера и вступила съ нимъ въ связь. Мужъ умеръ и оставилъ женѣ громадное наслѣдство. При мужѣ кучеръ былъ только кучеръ, а послѣ смерти его сдѣлался полухозяиномъ, обѣдалъ съ барыней за однимъ столомъ и пр. Когда, спустя мѣсяцъ послѣ смерти мужа, вдова получила наслѣдственное имущество, то обнаружила кражу серій изъ несгораемаго сундука на 15 тыс. руб. Купчиха заподозрила кучера и подала на него жалобу. У кучера произвели обыскъ, нашли 4 серіи и посадили въ тюрьму.

Черезъ нѣкоторое время кучеръ вызываетъ къ себѣ вдову, та ѣдетъ въ тюрьму вмѣстѣ съ своей нянькой, въ присутствіи которой кучеръ проситъ барыню освободить его изъ тюрьмы, обѣщая возратить ей 15 тыс. рублей. Купчиха подала заявленіе слѣдователю, что серіи нашлись, и кучеръ былъ освобожденъ. Спустя нѣсколько времени, вдова подала вторичное заявленіе, что она-де повѣрила увѣреніямъ кучера, что онъ отдастъ ей деньги, но что онъ не отдалъ, и потому она вновь настаиваетъ на обвиненіи его въ кражѣ 15,000 руб. Съ этими данными дѣло и было поставлено на судъ присяжныхъ. Послѣдніе вынесли кучеру обвинительный вердиктъ.

Авторъ «Замѣтокъ» называетъ предварительное слѣдствіе по этому дѣлу «возмутительно-неполнымъ и небрежнымъ» потому, что слѣдователь не разслѣдовалъ: кучеръ ли надоѣлъ купчихѣ, или же она ему (642 стр.).

По характеру и мотивамъ осужденія предварительнаго слѣдствія, авторъ приводитъ другое подходящее дѣло—о покушеніи на ограбленіе богомолки или, выражаясь его словами, «о покушеніи на ограбленіе стараго дыряваго носоваго платка, цѣною въ 35 коп.» (652 стр.).

Дѣло это состоитъ въ слѣдующемъ: солдатъ, увидя въ сумерки на городскомъ бульварѣ пьяную женщину, сталъ къ ней приставать. Это ей не понравилось и она обратилась къ защитѣ прохожихъ, которые позвали городского. Женщина, назвавпаяся богомолкой, заявила, что «кавалеръ» сперва просилъ у нея милостыни, а послѣ отказа сталъ тащить съ нея платокъ. На судъ потерпѣвшая не явилась. Присяжные оправдали солдата.

Авторъ возмущенъ: почему слѣдователь, производя слѣдствіе о покушеніи на ограбленіе, не произвелъ попутно слѣдствія и о томъ,—«не принадлежала ли *бульварная богомолка*», какъ угодно

ему назвать потерпѣвшую, «къ тѣмъ ночнымъ феямъ низшаго разбора, которыя занимаются своимъ ремесломъ тайно отъ полицейскаго надвора»...

Авторъ, очевидно, никакъ не хочетъ понять, что главная обязанность слѣдователя—открыть истину и собрать всё относящееся къ преступному дѣянію обстоятельства настолько ясно, чтобы судьи могли, по совѣсти и по правдѣ, произнести свой приговоръ. Еслибы авторъ понималъ гуманныя требованія судебныхъ уставовъ, то, разумѣется, не рекомендовалъ бы слѣдователямъ какое-то глумленіе надъ личностью, да еще кого? потерпѣвшихъ отъ преступления лицъ!..

Отъ одной только мысли становится страшно, что можетъ произойти и въ частной, и въ общественной жизни, когда слѣдователи, производя слѣдствіе по преступленіямъ, еще будутъ заниматься разслѣдованіемъ о потерпѣвшихъ личностяхъ, объ интимныхъ сторонахъ ихъ жизни и пр.?

Вѣдь тогда уже это будетъ не слѣдователь, а какой-то инквизиторъ, а камера его—не камера, а застѣнокъ, гдѣ потерпѣвшіе, и безъ того уже удрученные причинившимъ имъ ущербъ преступнымъ дѣяніемъ, будутъ подвергаться всевозможнымъ нравственнымъ мукамъ, степень и выборъ которыхъ будутъ зависѣть отъ произвола слѣдователя, отуманеннаго празднымъ любопытствомъ присяжныхъ засѣдателей.

Да и что авторъ хочетъ сказать всѣмъ этимъ? Не то ли, что если богатая купчиха вступила въ связь со своимъ кучеромъ, то послѣднему позволительно все дѣлать и даже воровать по 15,000 р.? Или: что женщина, занимающаяся тайною проституціею, уже не женщина, не человѣкъ, и надъ нею можно учинять безнаказанно всякія насилія? Но вѣдь такое смѣшеніе права съ безправіемъ, дозволеннаго съ запрещеннымъ, такое глумленіе и попраніе личности человѣка произведетъ не только полную деморализацію общества, но начнетъ подтачивать и устой государственнаго строя!

Какъ по описаннымъ въ предъидущей главѣ двумъ дѣламъ, такъ равно и по всѣмъ остальнымъ, указаннымъ въ «Замѣткахъ»,—въ способѣ передачи авторомъ фактической стороны событій и въ дѣлѣ критики уголовного процесса нельзя не замѣтить одной, такъ сказать, индивидуальной особенности автора.

Всему тому, что происходитъ передъ его глазами, онъ не только не вѣритъ, но непремѣнно предполагаетъ обратное и увѣренъ, что все то, что онъ видѣлъ и слышалъ, въ дѣйствительности происходило совсѣмъ иначе, какъ будто за спиною каждаго свидѣтеля и обвиняемаго обязательно существуетъ другой свидѣтель, другой обви-

няемый, которыхъ судебная власть... ну, хоть въ силу простой небрежности, *скрыла* отъ присяжныхъ засѣдателей.

Авторъ всюду заключаетъ, что обвиняемые—«фигтивные» преступники, а тѣхъ, кого нужно судить, судебная власть не изловила; что свидѣтели чуть ли не сами прикосновенны къ преступникамъ, и при этомъ стѣдуетъ, что законъ «своимъ вздорнымъ и нелѣпнымъ правиломъ — предлагать вопросы чрезъ предсѣдательствующаго — лишаетъ возможности присяжныхъ не только у обвиняемыхъ, но даже у свидѣтелей: вырывать врасплохъ хоть какое нибудь признаніе и тѣмъ разъяснить что нибудь темное, запутанное въ дѣлѣ»... (663 стр.).

Группировка судебныхъ дѣлъ въ извѣстномъ тонѣ, подтасовка отдѣльно выхваченныхъ изъ нихъ явленій, односторонне-ложное ихъ освѣщеніе, недосказы и въ то же время пересказы или добавленія романическаго характера — все это для автора служить поводомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, средствомъ бросить лишній комъ грязи въ несимпатичныхъ ему «судейскихъ».

V.

Перейдемъ теперь къ дѣламъ, именуемымъ авторомъ «дѣлами о выѣденныхъ яйцахъ».

Остановимся хоть на дѣлѣ,—какъ онъ выражается,—«о дырявомъ самоварѣ». Оно заинтересовало насъ больше другихъ дѣлъ этой категоріи: во-первыхъ, тѣмъ, что по такому «пустому» дѣлу обвиняемый просидѣлъ въ тюрьмѣ семь мѣсяцевъ; а, во-вторыхъ, еще и потому, что въ этомъ дѣлѣ довольно рельефно обрисовалась индивидуальность автора: полное недовѣріе ко всему слышанному и видѣнному имъ, и страсть придавать сухому судебному дѣлу романическіе оттѣнки.

Вотъ это дѣло въ изложеніи автора:

«Отставной солдатъ проживалъ въ нашемъ городѣ (замѣтимъ, кстати, отъ себя, что въ этомъ городѣ функционируетъ корпусъ сыскной полиціи), занимаясь какимъ-то ремесломъ, чѣмъ содержалъ «незаконную» жену и 4 дѣтей. Этотъ бракъ былъ *почетнѣе* инаге законнаго, но что-то мѣшало солдату обвѣнчаться съ любимой женщиной. Изрѣдка солдатъ не прочь былъ покутить и однажды, выпившись послѣ кутежа, пошелъ онъ на рѣку купаться, гдѣ встрѣтилъ двухъ купающихся мужчинъ. Недалеко отъ ихъ платья онъ увидѣлъ мѣшокъ, чѣмъ-то наполненный. Одѣвшись, двое купальщиковъ [стали уходить, не беря мѣшка. На замѣчаніе солдата они отвѣтили, что мѣшокъ не имъ принадлежитъ. Раскрывши мѣшокъ,

онъ увидѣлъ старый самоваръ, разбитую лампу и бутылку съ масломъ. Выкупавшись, солдатъ захватилъ мѣшокъ, какъ свою находку, и понесъ продавать старьевщику. Но дорогою попадаетъ городской, спросившій о мѣшкѣ; солдатъ замаялся и былъ отведенъ въ участокъ. А тамъ уже знали, что въ эту ночь произведена кража со взломомъ въ кладовой священника городской больницы. Священникъ призналъ самоваръ и лампу своими, украденными изъ кладовой. Послѣдняя запиралась старымъ замкомъ, чуть державшимся на распатанныхъ кольцахъ, которыя легко было вынуть. Словомъ, «взломъ» здѣсь былъ развѣ только въ прокурорской фантазіи (653 стр.). Солдатъ просидѣлъ въ предварительномъ заключеніи 7 мѣсяцевъ. Подсудимый такъ убѣдительно и горячо доказывалъ, что онъ только воспользовался находкою, что мы охотно ему повѣрили... Притомъ же и самъ подсудимый, и присутствовавшая въ судѣ его жена съ милымъ ребенкомъ производили впечатлѣніе порядочныхъ людей... Подсудимый былъ человѣкъ пожилой, прямой и съ сильнымъ характеромъ: семимѣсячное пребываніе въ острогѣ не могло его испортить, и мы смѣло вернули его семьѣ... Съ какою глубокою и трогательною благодарностью взглянули на насъ и подсудимый, и его жена» (ibidem).

Дѣло это нами передано in extenso. Съ какимъ задушевнымъ тономъ и теплымъ чувствомъ описано авторомъ это сухое судебное дѣло! У читателя невольно должно остаться одно только впечатлѣніе: какое это было милое и счастливое сожительство и какъ сурово отнеслась къ нему судебная власть... При такомъ способѣ описанія дѣла, авторъ не приминуть уколоть и бросить нѣсколько обвиненій по адресу «судейскихъ». — Плохой запоръ на кладовой священника далъ возможность автору вскользь задѣть прокурора, что взломъ есть-де плодъ его «прокурорской фантазіи»; семимѣсячное заключеніе нѣ тюремѣ обвиняемаго (разумѣется, по постановленію слѣдователя, утвержденному судебною палатою) послужило поводомъ подчеркнуть жестокосердіе и злоупотребленіе властью со стороны судебного слѣдователя даже и по дѣлу о дырявомъ самоварѣ...

Однако, дѣло—дѣломъ. Какъ не какъ, а солдатъ просидѣлъ въ тюрьмѣ 7 мѣсяцевъ!..

Разберемся же въ подробностяхъ этого дѣла. Начнемъ съ того, что священникъ призналъ за свои только самоваръ и лампу, а кому оказались принадлежащими бутылка и мѣшокъ?.. Положимъ, про бутылку надо думать, что и ее священникъ призналъ, ибо виѣсть съ самоваромъ и лампою была похищена и бутылка, что видно изъ самаго заголовка дѣла, и, вѣроятно, авторъ только «не

досказалъ... ну, а мѣшокъ-то чей?.. Что это, тоже недосказъ со стороны автора?..

Неужели ни слѣдователь, ни прокурорскій надзоръ, ни тѣмъ болѣе судебная палата не обратили никакого вниманія на это обстоятельство первостепенной важности?

Боюсь предпринять, но мнѣ думается, что не принадлежалъ ли мѣшокъ обвиняемому?

Затѣмъ спрашивается: *когда* солдатъ далъ объясненіе, что онъ воспользовался лишь только находкой и ни въ чемъ больше не повиненъ? *Тотчасъ же*, какъ городовою его задержалъ съ мѣшкомъ, или уже *на судъ*, куда предсталъ послѣ семимѣсячнаго пребыванія въ тюрьмѣ? Хотя авторъ и характеризуетъ подсудимаго, какъ человѣка прямого и съ сильнымъ характеромъ, и увѣряетъ, что острогъ не могъ его испортить; но мнѣ думается, что подобное объясненіе подсудимый впервые далъ *на судъ* (иначе оно не осталось бы безъ провѣрки), а на предварительномъ слѣдствіи онъ по всей вѣроятности давалъ какое либо иное показаніе, чему отчасти можно видѣть подтвержденіе и въ томъ обстоятельстве, что солдатъ съ мѣшкомъ, при встрѣчѣ съ городовымъ, почему-то *замаялся*... Трудно допустить, чтобы человѣкъ съ «сильнымъ, прямымъ характеромъ» потерялся при такихъ пустякахъ. Чего ему было особенно бояться и теряться, даже и въ томъ случаѣ, когда бы онъ, дѣйствительно, былъ уличенъ въ намѣреніи воспользоваться находкой, — напримѣръ, еслибы городовою его засталъ въ моментъ сбыта вещей старьевщику?..

Самое худшее, что его могло ожидать — это обвиненіе въ покушеніи на присвоеніе находки и судимость у мирового судьи, но никакъ не въ окружномъ судѣ, да еще съ присяжными засѣдателями!.. А при *тлхъ* обстоятельствахъ, какъ онъ рассказываетъ, ему весьма легко было избѣжать и этого обвиненія: — укажи онъ только, опиши примѣты, одежду и пр. двоихъ купальщиковъ, которые тутъ были, — и въ городѣ, гдѣ есть агенты сыскаго полиціи, не могли остаться не разысканными эти лица. Странно, что при задержаніи и въ участкѣ обвиняемый забылъ про этихъ купальщиковъ, а затѣмъ, спустя 7 мѣсяцевъ, припомнилъ ихъ на судѣ!

Наконецъ, нельзя въ этомъ дѣлѣ не отмѣтить еще одной крупной несообразности: — какъ это слѣдователь по такому «пустому» дѣлу, «гдѣ похищенному, — какъ выражается авторъ, — цѣна — ломаный грошъ» (653 стр.), рѣшился прибѣгнуть къ столь крутой мѣрѣ, какъ заключеніе подъ стражу, противъ человѣка, имѣющаго постоянное мѣсто жительства въ томъ же городѣ и опредѣленный родъ занятій, составляющихъ единственное обезпеченіе его самого

и его большой семьи! Да вѣдь наблюдающій за слѣдствіемъ участковый товарищъ прокурора предложилъ бы слѣдователю немедленно же замѣнить мѣру пресѣченія на болѣе легкую, и такое предложеніе безусловно обязательно для слѣдователя подѣ страхомъ громадной отвѣтственности. Если же авторъ приписываетъ такую суровость и слѣдователю, и товарищу прокурора, то прокуроръ не оставилъ бы этой мѣры безъ возраженія и представилъ бы свое заключеніе объ измѣненіи ея въ судебную палату, а судебная палата, — заранѣе можно увѣрить автора, — ни подѣ какимъ видомъ по *такому* дѣлу и при *такихъ* обстоятельствахъ не оставила бы солдата подѣ стражей и немедленно измѣнила бы мѣру предупрежденія, даже еслибы и не было о томъ заключенія лицъ прокурорскаго надзора.

Въ заключеніе, не можетъ скрыть своего удивленія по поводу воззрѣній автора на взломъ: если съ цѣлью кражи сломанъ-де *старый* замокъ на *расшатанныхъ* кольцахъ, то это уже не взломъ. Такое воззрѣніе — по нашему мнѣнію — легкомысленно. Опять какое-то смѣшеніе права съ безправіемъ! Потому-то и приглашаются судьи общественной совѣсти: — ихъ дѣло «вмѣнить» или не вмѣнить въ вину, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, дѣяніе, которое само по себѣ преступно.

VI.

Въ «Замѣткахъ» приводится и еще нѣсколько дѣлъ, но способъ изложенія ихъ, преднамѣренность выводовъ и обобщеній, съ цѣлью осужденія лицъ судебного вѣдомства, а также ложное пониманіе задачъ уголовного процесса — всюду одни и тѣ же, что и въ предыдущихъ дѣлахъ.

Мы совсѣмъ не имѣемъ ни времени, ни тѣмъ болѣе желанія заниматься разборомъ *каждаго* дѣла, предложеннаго авторомъ вниманію читателя. Намъ хотѣлось, — чѣмъ мы и ограничиваемся, — только возразить противъ грубыхъ ошибокъ и заблужденій относительно значенія и примѣнимости къ жизни судебныхъ уставовъ вообще и уголовного процесса въ частности, а также опровергнуть обвиненіе, вводимое на лицъ судебного званія — въ неумѣлости, небрежности, безтактности, а насъ, слѣдователей, кромѣ того, и въ недобросовѣстности.

Мы не желаемъ, конечно, допустить, чтобы авторомъ руководило какое либо личное раздраженіе противъ нѣкоторыхъ лицъ изъ судебной корпораціи, и мы объясняемъ себѣ все это только незнаніемъ или плохимъ пониманіемъ судебныхъ уставовъ и задачъ уголовного процесса.

Да въ этомъ незнавіи и непониманіи авторъ и самъ признался,— очевидно, нечаянно, но, тѣмъ не менѣе, выдалъ себя, что называется, головой.

Просмотримъ описываемое имъ дѣло по обвиненію прикащика въ кражѣ платковъ на 400 руб. (646—648 стр.). По этому дѣлу авторъ, оставшійся, безъ сомнѣнія, очень недовольнымъ предварительнымъ слѣдствіемъ, рассказываетъ, что совершенно случайно въ комплектъ присяжныхъ по этому дѣлу попали лица, хорошо знавшія это дѣло еще ранѣе. Когда присяжные собрались въ совѣщательную комнату, то они *дополнили* «предварительное» (!) слѣдствіе различными слухами, не нашедшими мѣста на судебномъ слѣдствіи, и... прикащика оправдали».

Мы могли бы возразить, что слухи эти (если только таковые существовали), какъ вѣроятнѣе всего опровергнутые предварительнымъ слѣдствіемъ, разумѣется, и попасть не могли въ обвинительный актъ. Но дѣло не въ этомъ, а мы хотимъ сказать, что еслибы авторъ былъ знакомъ съ содержаніемъ 675 ст. Уст. уг. судопр., *запрещающей* присяжному засѣдателю собраніе какихъ либо свѣдѣній по дѣлу внѣ судебного засѣданія; еслибы онъ сознательно овторялъ за священникомъ въ судѣ слова присяги: «...и подамъ рѣшительный голосъ *согласно съ тѣмъ, что увижу и услышу на судѣ*»; еслибы, наконецъ, авторъ былъ внимательнѣе къ напутственному слову предсѣдательствующаго, то... конечно, постыдился бы своего признанія въ незнавіи даже самыхъ примитивныхъ обязанностей присяжнаго засѣдателя, т. е. своихъ собственныхъ. А еще онъ... взвалилъ на себя обузу обвинять «судейскихъ»!

Въ своемъ ослѣпленіи, авторъ и выраженія-то для «судейскихъ» подбираетъ вульгарныя: предсѣдатель — «породистый баринъ» (201 стр.)... предсѣдатель—«выскочилъ» (197 стр.)... «прокуророобразный» предсѣдатель, въ своемъ резюмѣ, «такъ безпоощадно громилъ» этихъ «ужасныхъ злодѣевъ»—по дѣламъ о кражѣ дырявого самовара и пр. (200 стр.); предсѣдатель любитъ «обрывать» защитниковъ, *возвышая* на нихъ *грозно* голосъ (201 стр.)... — эти и тому подобныя выраженія такъ и сыплются изъ устъ автора «Замѣтокъ».

Для прокуроровъ, которыхъ онъ называетъ «блѣдными, безцвѣтными», авторъ тоже припасъ не только насмѣшливо-унизительныя выраженія, но и прямо оскорбительныя... «Приходили они (т. е. прокуроры) — выражается авторъ—на свою... *колокольню, звонили тамъ болѣе и менѣе усердно, и уходили прочь безъ видимыхъ результатовъ*»... (201 стр.). — (Кстати, мы не можемъ догадаться—какихъ это авторъ требуетъ отъ прокуроровъ *видимыхъ* результа-

товъ? Въ чемъ эти результаты должны проявляться и для чего или для кого?—для дѣла судебного или же лично для нихъ, прокуроровъ?).

«Прокуроръ *распушилъ* защитника»; прокуроръ «ехидно намекаетъ» присяжнымъ и «вполголоса» шепчется съ ближайшими изъ нихъ къ его трибунѣ (и это въ рѣчахъ!) (204 стр.)... наконецъ... прокуроры — «*профессиональныя плакальщицы* о поруганномъ законѣ».

Испещривъ строки своихъ «Замѣтокъ» такими выраженіями, авторъ описываетъ нѣсколько безтактныхъ поступковъ со стороны председательствующаго и товарища прокурора во время судебныхъ засѣданій. Конечно, мы не беремся спорить съ авторомъ и доказывать, что этого не бывало вовсе,—уже по тому одному, что онъ выдаетъ себя за очевидца; однако, мы сильно сомнѣваемся въ ихъ правдоподобности и уже во всякомъ случаѣ полного довѣрія автору оказать не можемъ: во-1-хъ, потому, что тенденціозность его въ дѣлѣ критики суда и судей, недосказы въ передачѣ фактической стороны дѣла, преднамѣренно-ложное освѣщеніе отдѣльно выхваченныхъ изъ процесса явленій и пр... — невольно набрасываютъ тѣнь сомнѣнія и очень даже большую; а, во-2-хъ, какъ-то трудно вообще повѣрить, чтобы въ личный составъ, въ должностяхъ председателя и товарища прокурора, могли попасть не только люди «блѣдные и безцвѣтные», но даже и не понимающіе своихъ первыхъ обязанностей, прививаемыхъ съ одной стороны университетомъ и другими высшими учебными заведеніями, а съ другой — строгимъ примѣромъ послужившихъ вѣрою и правдою на судебномъ поприщѣ почтенныхъ тружениковъ.

Предоставляемъ другимъ судить — насколько можетъ авторъ рассчитывать на довѣріе къ себѣ, когда онъ старается истолковывать въ дурную, для достоинства судебного персонала, сторону даже самыя хорошія побужденія и поступки.

Припомнимъ случай съ присяжнымъ засѣдателемъ - нѣмцемъ (190 стр.). Одинъ изъ присяжныхъ, нѣмецъ, захворалъ и просилъ председателя освободить его отъ засѣданія — сначала на одинъ, а потомъ и на другой день. Председатель, конечно, уважилъ это ходатайство. Нѣтъ, авторъ и тутъ заподозрилъ чтѣ-то! Онъ называетъ это со стороны председателя «*поблажкой*» и объясняетъ ее тѣмъ, что нѣмецъ и съ нимъ, и съ товарищемъ прокурора постоянно играетъ въ карты. Другими словами: заболѣй, дѣйствительно, ктонибудь изъ присяжныхъ, не играющихъ съ председателемъ въ карты, то этой поблажки не было бы...

Въ этомъ разсказѣ авторъ проявилъ вполне свою индивидуаль-

ность—полное недоверіе ко всему и ко всѣмъ; даже своему товарищу, присяжному засѣдателю, не повѣрилъ. По его мнѣнію, нѣмецъ совсѣмъ былъ здоровъ, а только разыгралъ комедію: захотѣлось ему избѣжать возможности попасть на утомительное дѣло...

Удивительно,—какъ не хочетъ понять авторъ, что присяжный засѣдатель такой же судья, какъ и коронный, и что выказать ему публично недоверіе председатель не только никогда не рѣшится, но и права не имѣеть—ни въ силу закона, ни въ силу простой этики. Заявленіе это легло на совѣсть не нѣмца-партнера, а нѣмца-судьи!

VII.

Для приданія бѣльшаго вѣса своимъ обобщеніямъ, авторъ «Замѣтокъ» взялъ два-три кусочка изъ литературы и прикрылся авторитетами г. Кони, проф. Коркунова и Бобріщева-Пушкина.

Но тутъ онъ ужъ и совсѣмъ, что называется... провалился! Даже и тѣхъ познаній, которыя требуются для простаго диллетанта,—каковымъ мы его до сей поры считали,—и тѣхъ онъ не проявилъ. Поймавъ два сильныя и глубокія по смыслу выраженія: «правда житейская» и «правда формальная», авторъ счелъ ихъ за *два*, чуть не исключаютія одна другую, правды. «Ужъ кто поборникъ правды житейской, тотъ — противникъ правды формальной» (191 стр.). «Правда житейская»—это присяжные, а «правда формальная»—это коронный судъ и т. д. на ту же тему...

Да то ли, однако, хотѣлъ сказать образованный юристъ-практикъ А. О. Кони? Раздѣляя правду на житейскую и формальную, г. Кони отнюдь не считаетъ ихъ за двѣ *враждующія* стороны; эта правда, какъ правда, одна и та же, но разная,—если можно такъ выразиться,—по возрасту. Правда формальная—законъ писанный, правда житейская—законъ не писанный. Первая—величина постоянная, неизмѣнная, устойчивая (да инымъ законъ и быть не можетъ), а послѣдняя—величина постоянно мѣняющаяся, колеблемая требованіями времени, пространства и степенью общественнаго развитія. Всякое новое, сложившееся уже послѣ изданія закона, явленіе въ общественной или частной жизни, порожденное ея прогрессивнымъ ходомъ, укореняется мало-по-малу въ сознаніи народа и постепенно переходитъ въ обычай. Когда этотъ обычай найдетъ примѣненіе у всего общества, то онъ санкціонируется верховною властью и дѣлается «правдою формальною», или закономъ.

За этотъ періодъ времени жизнь успѣетъ уйти впередъ, создать новыя явленія, и вотъ эти-то послѣднія и составятъ «правду жи-

тейскую». Потому-то такъ дорогъ и незамѣнимъ судъ присяжныхъ, судъ общественной совѣсти, сближающій обѣ эти правды и служащій оплотомъ правильности судопроизводства въ государствѣ. Какой же антагонизмъ тутъ можетъ имѣть мѣсто между правдами: житейской и формальной?..

Цитируется авторомъ и проф. Коркуновъ. Но—странное дѣло!—единственная, приведенная авторомъ, цитата—судить людей «не по словамъ, а по разуму, по судейской совѣсти, по правдѣ»—попала совсѣмъ не туда, гдѣ бы ей слѣдовало быть, и черезъ это весьма легко можетъ ввести читателя въ большое заблужденіе.

Описавъ отношенія присяжныхъ засѣдателей къ судебному персоналу, къ предсѣдателямъ и прокурорамъ,—авторъ такъ начинаетъ X главу своихъ «Замѣтокъ» (205 стр.): «Съ удовольствіемъ (и тутъ авторъ не могъ сдержать проявленія своего неудовольствія къ судейскимъ, о которыхъ только что окончилъ свое повѣствованіе)... перехожу къ *противоположной* (?) сторонѣ—къ присяжнымъ повѣреннымъ и ихъ помощникамъ, отъ всего сердца помогавшимъ (?) присяжнымъ засѣдателямъ въ ихъ великой миссіи — судить людей «не по словамъ, а по разуму, по судейской совѣсти, по правдѣ»...

«Эта совмѣстная работа,—продолжаетъ авторъ,—преслѣдующая общую цѣль, естественно сближаетъ *обѣ* стороны—и присяжныхъ, и защитниковъ... и т. д.

Совершенно вѣрно, что защита, въ лицѣ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, есть въ процессѣ—«сторона», но что подразумѣваетъ авторъ подъ словомъ «противоположная» сторона—непонятно; да и кому или чему она «противоположна»?—это тоже не объяснено авторомъ, а своими словами, что совмѣстная работа сближаетъ *обѣ* стороны—присяжныхъ и защитниковъ, авторъ еще лишній разъ выказалъ свое заблужденіе и непониманіе уголовного процесса, если подъ «стороною» считаетъ присяжныхъ засѣдателей. Отсюда можно подуматъ, что прокуроръ въ процессѣ не сторона, что ни короннымъ судьямъ, ни прокурору судить людей «по разуму, по судейской совѣсти, по правдѣ» права не дано, и что это есть только привилегія однихъ присяжныхъ засѣдателей да еще вкуцѣ съ защитниками (къ сожалѣнію, наполовину жидами)...

Мы не станемъ распространяться о другихъ недоумѣніяхъ, порождаемыхъ словами автора, которыми онъ опуталъ цитату профессора Коркунова,—недоумѣніяхъ относительно способа и правильности рѣшеній суда по дѣламъ, разсматриваемымъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, или по дѣламъ, подсуднымъ судебной палатѣ съ сословными представителями, или даже по дѣламъ хотя

и съ присяжными засѣдателями, но въ «выѣздныхъ сессіяхъ» окружнаго суда въ уѣздныхъ городахъ, гдѣ нѣтъ ни присяжныхъ повѣренныхъ, ни ихъ помощниковъ, и гдѣ, слѣдовательно, присяжные совѣтъ безпомощны судить людей «по разуму, по судейской совѣсти, по правдѣ»...

Очевидно, авторъ забываетъ, что институтъ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ вызванъ равноправностью сторонъ—подсудимаго и обвинителя (но не присяжныхъ повѣренныхъ и присяжныхъ засѣдателей); что «защита», также какъ и «обвиненіе», служатъ одному дѣлу и способствуютъ только раскрытію истины, помогая всѣмъ судьямъ (а не однимъ только присяжнымъ засѣдателямъ) разбираться въ деталяхъ и судить «по разуму, по судейской совѣсти, по правдѣ».

Авторъ сильно заблуждается, когда думаетъ, что оправданіемъ 26 человекъ изъ 35 подсудимыхъ они, присяжные засѣдатели, привели въ «немалый ужасъ» гг. прокуроровъ (191 стр.). Единственно, гдѣ былъ для прокурора поводъ прійти въ негодованіе и возмутиться духомъ,—это въ дѣлѣ по обвиненію прикащика въ кражѣ платковъ, когда присяжные, вопреки судейской присягѣ, обосновали свой приговоръ на слухахъ, а не на данныхъ судебного слѣдствія; но и это негодованіе прошло бы очень скоро; прокуроръ махнулъ бы рукой и сказалъ бы: «это дѣло ихъ (присяжныхъ) совѣсти. Хорошо, что оправдали, а не обвинили»...

Что же касается замѣчаемыхъ авторомъ противорѣчій во взглядахъ А. М. Бобрищева-Пушкина, высказанныхъ послѣднимъ въ его трудѣ: «Эмпирическіе законы дѣятельности русскаго суда присяжныхъ», то и возражать тутъ много нечего; достаточно сказать, что авторъ «Замѣтокъ», повидимому, даже не постарался вникнуть въ смыслъ самого заглавія: «Эмпирическіе законы».

Г. Бобрищевъ-Пушкинъ, въ своемъ трудѣ, который и авторъ называетъ почтеннымъ, высказываетъ свои взгляды безъ всякой индивидуальной прикрасы, крайне осторожно, предусмотрительно въ отношеніи судебныхъ уставовъ и правды житейской; свои выводы онъ основываетъ на математически-точныхъ данныхъ, не могущихъ ни на іоту поколебаться; рекомендуетъ именно тѣ приемы въ дѣлѣ отправленія правосудія, которые болѣе цѣлесообразны и болѣе соотвѣтствуютъ требованіямъ жизни и на примѣненіе которыхъ невольно указываютъ собранныя имъ за десятки лѣтъ цифровыя данныя. За Бобрищева-Пушкина говоритъ самъ законъ—законъ большихъ чиселъ. Взгляды, выводы, совѣты его, опираются на неумолимыя цифры, исключаютъ всякое сомнѣніе въ правильности обобщеній; цифры сгруппированы въ одно стройное

цѣлое,—и это цѣлое, какъ монументъ, поставлено на гранитный пьедесталь въ видѣ картограммъ.

Это — плоды богатой наблюдательности и горячей любви къ дѣлу, скрѣпленныхъ долготѣною судебною практикою А. М. Бобрищева-Пушкина: сначала въ качествѣ слѣдователя и товарища прокурора окружнаго суда, затѣмъ прокурора, товарища предсѣдателя суда и товарища прокурора судебной палаты а нынѣ, наконецъ, предсѣдателя петербургскаго окружнаго суда.

«Эмпирическіе законы» — дѣйствительно, трудъ очень почтенный, составляющій цѣнный вкладъ въ исторію русскаго суда присяжныхъ. Если кто и можетъ возражать А. М. Бобрищеву-Пушкину, то только не авторъ «Замѣтокъ», который самъ признался, что его опытъ основанъ на трехъ сессіяхъ, проведенныхъ имъ въ качествѣ присяжнаго засѣдателя... Не слишкомъ ли это самонадѣянно и смѣло со стороны автора?

VIII.

Въ заключеніе, не могу скрыть небольшого недоумѣнія.

Авторъ «Замѣтокъ» очевидно слѣдитъ за положеніемъ судебного дѣла въ имперіи и, безъ сомнѣнія, знаетъ про существованіе комисіи по пересмотру законоположеній.

Если это такъ, то что за цѣль была у автора такъ должно истолковывать великій смыслъ судебныхъ уставовъ императора Александра II и такъ несправедливо очернить насъ—лицъ судебного званія? Рѣшительно нельзя понять!..

Если авторъ желалъ указать обществу разные дефекты въ уголовномъ процессѣ, то не лучше ли было бы ограничиться критикою существующаго порядка безпристрастно, спокойно, безъ рѣжущихъ ухо вульгарныхъ выраженій и безъ огульнаго порицанія лицъ судебного званія?

Желая оградить общество, прочитавшее «Замѣтки», отъ возможности ложнаго представленія о постановкѣ судебного дѣла въ имперіи и предостеречь отъ невѣрнаго мнѣнія о лицахъ судебного званія, я и позволилъ себѣ представить разборъ этого полу-баллетристическаго, а совсѣмъ не научнаго очерка.

Д. Орловъ.

Весенній лучъ.

Изъ-за грозно-черныхъ тучъ
Солнца спрятаннаго лучъ
Проскользнулъ къ землѣ съ привѣтомъ;
Животворенъ и могучъ,
Онъ пахнулъ тепломъ и свѣтомъ.

Запылало темя горъ,
Зашумѣлъ зеленый боръ
Сѣдовласою вершиной,
И пронесся птичекъ хоръ
Надъ ожившею долиной.

Лучъ мой садикъ освѣтилъ,
Взглядъ любовно устремилъ
Въ уголокъ, гдѣ спали розы,
И, цѣлуя ихъ, будилъ
И сушилъ ночныя слезы.

Онъ въ окошко посмотрѣлъ,
Въ колыбельку залетѣлъ,
Тихій, радостный, блестящій;
Поцѣлуй запечатлѣлъ
На лицѣ малытки спящей.

Пробужденная отъ сна,
Просыпается она,
Лучъ привѣтливо встрѣчаетъ,
Дѣтской радостью полна,
Съ нимъ ручонками играетъ...

С. Киселевскій.

ЖЕЛѢЗНЫЙ КАНЦЛЕРЪ ДРЕВНЯГО ЕГИПТА.

Романъ въ 2-хъ частяхъ.

Часть вторая.

I.

Въ первые мѣсяцы послѣ примиренія, жизнь молодыхъ текла довольно гладко, если не считать разныхъ мелкихъ стычекъ, мѣшавшихъ водвориться полной между ними гармоніи и вытекавшихъ изъ тѣхъ странныхъ, фальшивыхъ отношеній, которыя царили между супругами. Ослѣпленный страстью, которой онъ сперва отдался было очертя голову, Іосэфъ жилъ надеждой завоевать сердце жены и потому баловалъ ее всѣмъ, что было въ его власти: осыпалъ подарками, предупреждалъ ея малѣйшія желанія, далъ полную свободу и, съ покорностью влюбленнаго, подчинялся всѣмъ ея желаніямъ и капризамъ. Будь Аснатъ предоставлена самой себѣ, она, вѣроятно, отвѣтила бы полной взаимностью на любовь мужа, котораго привлекательная личность приобрѣла надъ ней свою чарующую власть. Но клятва, данная Гору, и мысль, что, поддавшись влеченію своего сердца, она неминуемо вызоветъ презрѣніе своей касты, съ самаго начала возбудили въ ней внутренній разладъ; довольно было присутствія какого нибудь жреца, таже-лый испытующій взглядъ котораго дѣйствовалъ на Аснатъ подобно ушату холодной воды, или просто воспоминанія о прежнемъ женихѣ, чтобы убить въ ней всякій порывъ нѣжности или откровенности. Въ такія минуты она, такъ сказать, застывала въ холодномъ горделивомъ презрѣніи, надменно отвѣчая на нѣжность, выказываемую Іосэфомъ, слишкомъ влюбленнымъ, чтобы скрывать свои чувства передъ кѣмъ либо.

Не смотря на минуты отчаянія, въ которое повергали его подобныя выходки, Іосефъ снова быстро поддавалъ очарованію жены; довольно было ея улыбки или поцѣлуя, чтобы окончательно обезоружить его. — Сознаніе такой власти надъ человѣкомъ, передъ которымъ дрожалъ весь Египетъ, ужасно потѣшало Аснатъ. Подъ вліяніемъ тѣхъ же смѣшанныхъ чувствъ къ мужу, она играла имъ, давая ему чувствовать, что если для всѣхъ онъ былъ могущественнымъ, грознымъ адонемъ, то для нея онъ былъ только человѣкомъ темнаго происхожденія, который долженъ былъ считать за счастье—служить игрушкой ея прихоти.

Не смотря, однако, на свое ослѣпленіе, Іосефъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понять своего положенія и не замѣтить вреднаго вліянія, оказываемаго на его жену жреческой кастой, хотя доказательствъ этого тайнаго вліянія онъ и не имѣлъ. Ненависть его къ жрецамъ и роднымъ Аснатъ еще усилилась. Наконецъ, онъ рѣшилъ побороть свою слабость и далъ почувствовать Аснатъ, что вѣчно третировать себя онъ не позволитъ и что если ласкою она можетъ добиться всего, то капризамъ ея онъ сдумѣтъ противопоставить неоспоримый авторитетъ супруга.

Поводъ къ осуществленію этого новаго метода представился мѣсяцевъ черезъ восемь послѣ его женитьбы. Дѣла, требовавшія личнаго присутствія адона, вынуждали его недѣли на три покинуть Мемфисъ; при этомъ извѣстїи Аснатъ, безъ его вѣдома, рѣшила воспользоваться отсутствіемъ мужа, для поѣздки въ Геліополь въ сопровожденіи Ранофритъ, также собравшейся навѣстить семью брата, куда Потифаръ ѣздилъ въ одно изъ своихъ отдаленныхъ имѣній осматривать опустошенія, причиненныя тамъ пожаромъ. Каково же было удивленіе Аснатъ, когда управитель почтительно объявилъ ей, что адонъ запретилъ выдавать ей нужныя на дорогу средства и избрать свиту, и что вообще въ его отсутствіе всякое путешествіе молодой женщины имъ положительно воспрещено.

Въ первую минуту Аснатъ была поражена; затѣмъ, вспыхнувъ, она нетерпѣливымъ жестомъ отпустила управителя и, какъ только онъ вышелъ, бросилась на половину мужа, гдѣ Тебизи объявилъ ей, что господинъ одинъ и работаетъ на галереѣ. Іосефъ задумчиво ходилъ взадъ и впередъ подъ сво-

дами, время отъ времени останавливаясь у стола и дѣлая замѣтки въ раскрытыхъ табличкахъ, когда увидѣлъ вбѣжавшую къ нему жену; ея пунцовыя щоки и сверкающіе гнѣвомъ глаза сейчасъ же объяснили ему, въ чемъ дѣло. Скрестивъ руки, онъ прислонился къ колоннѣ, терпѣливо готовясь перенести бурю; едва уловимая усмѣшка на его губахъ, которую тѣмъ не менѣе подмѣтила Аснатъ, привела ее окончательно въ ярость.

— Съ какихъ это поръ я здѣсь плѣнница, и какъ смѣешь ты ставить меня въ такое положеніе передъ слугами, запрещая исполнять мои приказы? — внѣ себя воскликнула она, топая ножкой. — Я хочу ѣхать въ гости къ родителямъ и посмотрю, какъ ты запретишь мнѣ это!

— Съ тѣхъ поръ какъ ты стала моей женой, я имѣю право запрещать тебѣ то, что считаю вреднымъ, и приказанія мои должны исполняться тобою, наравнѣ со всѣми въ домѣ, — отвѣтилъ спокойно Іосэфъ. — Кромѣ того, я попрошу тебя не забывать, съ кѣмъ ты говоришь; я не рабъ, на котораго можно такъ кричать. Ты не поѣдешь къ своимъ; я и безъ того достаточно чувствую вліяніе твоей касты на мою семейную жизнь. Не смѣя открыто противостать мнѣ, достопочтенные отцы внушаютъ тебѣ неповиновеніе; я нахожу излишнимъ давать тебѣ возможность лишній разъ послушать всѣ лестные эпитеты, которыми меня награждаютъ твой отецъ съ его вѣрными друзьями, а моими врагами.

Аснатъ опустила было глаза, но почти тотчасъ же гордо подняла голову и съ ироніей сказала: — Не думаешь ли ты, что всѣ обязаны проникнуться твоимъ величіемъ? Всѣ эти уважаемые люди вынуждены, правда, молчать передъ тираническимъ насиліемъ Апопи, но они никогда не унизятся до того, чтобы пресмыкаться предъ тобою.

— Еще причина, стало быть, чтобъ удалить отъ нихъ тебя; ты и такъ уже достаточно исполнена презрѣнія ко мнѣ. Вдали отъ уроковъ твоихъ наставниковъ, можно будетъ попытаться возбудить въ тебѣ должное уваженіе къ моему *величію*! А теперь я предлагаю тебѣ слѣдующее: если тебѣ скучно въ Мемфисѣ, поѣзжай со мной; ты не видала Таниса, а праздника и почести, которыми окружаютъ супругу адона, развлекутъ тебя.

Въ иное время Аснатъ приняла бы предложеніе мужа съ удовольствіемъ, такъ какъ никогда не упускала случая разыгрывать первую роль и очень любила быть окруженной почетомъ и лестью; но теперь она была слишкомъ возбуждена, чтобы оцѣнить эту попытку къ примиренію. Она покачала головой и насмѣшливо объявила:

— Благодарю за такія почести! Ты забываешь, что я египтянка и знаю, чего стоятъ онѣ самолюбію египтянь. Что касается до поклоненія «шасу», я пользуюсь имъ и здѣсь въ избыткѣ.

Тонкія ноздри адоны дрогнули и лицо нахмурилось.

— Не злоупотребляй, Аснатъ, своей силой и моимъ терпѣніемъ, — сказалъ онъ строго, сдѣлавъ къ ней шагъ. — Я знаю, что ты презираешь мое происхожденіе, подобно всей твоей кастѣ, которая руководитъ тобой, и въ этомъ отношеніи ты вольна думать и чувствовать все, что тебѣ угодно; но высказывать мнѣ это я запрещаю, понимаешь! Скрежещи зубами молча, какъ и твои дорогіе египтяне, но какъ они сгибаются передъ адономъ, который можетъ раздавить ихъ, такъ и ты должна оказывать своему мужу почтеніе и послушаніе. Теперь оставь меня, я долженъ работать! — И, повернувъ къ ней спину, онъ придвинулъ табуретъ къ столу и склонился надъ табличками.

Разсерженная Аснатъ вернулась къ себѣ, придумывая планы мщенія, и на слѣдующій день, едва уѣхалъ Іосефъ, она отправилась къ Ранофритъ, которой и передала возмутительную сцену съ мужемъ.

— Этого только недоставало, чтобы негодная собака стала надъ тобой командовать! Ѣдемъ со мной и докажи ему, что можешь обойтись и безъ его согласія, — съ глубочайшимъ презрѣніемъ прибавила жена Потифара. Аснатъ вернулась домой въ восторгѣ и черезъ день объявила управителю, что ѣдетъ со своей теткой. Но такъ какъ она не брала ни одного раба, довольствуясь кормилицей, и ни одного мула для вещей, то подвергнуть задержанію личность молодой госпожи — онъ не посмѣлъ, и Аснатъ оставила Мемфисъ въ полномъ восторгѣ, что сыграла такую штуку съ Іосефомъ.

Въ Геліополѣ обѣ онѣ воздержались сказать истину Потиферѣ, который, не подозрѣвая ослушанія дочери, былъ сча-

стливъ увидѣть ее и находилъ вполнѣ естественнымъ, что Аснатъ воспользовалась для своего путешествія отсутствіемъ мужа.

Верховный жрецъ былъ заваленъ дѣлами по возведенію разныхъ зданій въ храмъ и могъ удѣлять семьѣ очень мало времени. Майя, правда, высказывала нѣкотораго рода опасенія, когда ее посвятили въ тайну, но Аснатъ и Ранофритъ успокоились, увѣривъ, что необходимо было проучить дерзкаго.

Недѣли двѣ прошло, какъ Аснатъ жила въ Гелиополѣ, какъ вдругъ въ одно прекрасное утро неожиданно прибылъ Потифаръ; сумрачный, видимо недовольный, онъ спросилъ Потифэру и прошелъ къ нему.—Ну, это сулитъ мало хорошаго!—сказала Майя и, дѣйствительно, гость и хозяинъ скоро вышли къ женщинамъ, и Потифэра сдѣлалъ дочери строгій выговоръ не только за ослушаніе мужа, но и за утайку отъ него всѣхъ обстоятельствъ ихъ ссоры. Затѣмъ, онъ объявилъ, что черезъ два часа она выѣдетъ съ дядей въ Мемфисъ.

— Я не хочу возвращаться къ адону: онъ дурно обращается со мной, унижаетъ и всячески мучить меня!—воскликнула Аснатъ, заливаясь слезами. — Стыдись выдумывать разные пустяки; глупо такъ вести себя, когда отецъ завѣщаль тебѣ быть осторожной,—прервалъ ее съ неудовольствіемъ Потифаръ. Верховный жрецъ обнялъ дочь, насколько могъ, успокоилъ ее и передалъ, что разсерженный Іосефъ объявилъ, что если его жену задержать въ Гелиополѣ еще хоть одинъ день, онъ обложить земли храмовъ зерновой податью, которую жрецы должны будутъ вносить въ общественныя житницы; одна мысль о подобномъ насиліи противъ его касты, на которое Іосефъ былъ безъ сомнѣнія способенъ, приводила въ отчаяніе Потифэру.

Какъ ни была раздражена Аснатъ, а ѣхать все таки было надо; въ отчаяніи она едва простилась со своими, усомнившись даже въ любви отца. Напрасно старался Потифаръ вразумить ее, совѣтуя быть осторожнѣе и выясняя ей всю важность и отвѣтственность ея положенія, когда личность ея была опаснымъ орудіемъ въ рукахъ адона. Чтò ей было за дѣло въ эту минуту до политики и государственныхъ вопросовъ? Она думала и жаждала одного: поскорѣе свидѣться съ мужемъ и сдѣлать ему такую сцену, какой ему еще и не снилось.

Недалеко отъ Мемфиса ихъ встрѣтилъ гонецъ Іосѣфа, который передалъ Потифару просьбу адона отвезти его жену въ подгородное имѣнье. Это новое распоряженіе уже окончательно вывело Аснатъ изъ себя и Потифаръ оставилъ ее не безъ тревоги.

Съ нетерпѣніемъ ждала она появленія мужа, но напрасно: прошло больше двухъ часовъ, а Іосѣфъ не показывался, и Аснатъ пребывала въ одиночествѣ, никого не видя и не смѣя выходить за стѣны огромнаго сада. Она думала, что сойдетъ съ ума, но вотъ какъ-то послѣ обѣда, когда она лежала на плоской крышѣ, съ высоты которой видна была дорога въ Мемфисъ, вдаль показалось облако пыли, оказавшееся скоро колесницей, сопровождаемой всадниками, въ которыхъ она признала тѣлохранителей мужа. Все закипѣло въ ней. Пусть онъ покажется только! Но, вмѣсто адона, прибѣжалъ невольникъ сказать ей, что господинъ проситъ ее спуститься внизъ. Она закрыла глаза и не двигалась; черезъ четверть часа колесница и всадники уѣхали.

Прошло еще двѣ недѣли въ тишинѣ и одиночествѣ. Аснатъ понимала, что мужъ хочетъ проучить ее и заставить сознаться въ своей винѣ; но она готова была скорѣе умереть, чѣмъ дать ему это удовлетвореніе. Тѣмъ не менѣе открытый гнѣвъ утихъ, уступивъ мѣсто чувству затаенной злобы. Она уже больше не лежала по цѣлымъ днямъ въ раздумьѣ, а прилежно занималась въ домѣ и саду, придумывая разныя украшенія и перемѣны. Какъ-то утромъ, когда она съ двумя садовниками и нѣсколькими служанками занята была пересадкой цвѣтовъ въ клумбы и вазы, украшавшія ея любимый павильонъ, прибѣжалъ запыхавшійся невольникъ и возвѣстилъ о прибытіи адона.

Аснатъ вспыхнула; сердце забилося и чувство злобы снова проснулось въ ея душѣ. Въ ту же минуту, замѣтивъ въ концѣ длинной аллеи смоковницъ статную фигуру Іосѣфа, она приказала слугамъ удалиться, понимая, что предстоящій разговоръ не предназначался для ушей рабовъ. Съ видомъ полнѣйшаго равнодушія прислонилась она ко входу въ павильонъ; теперь-то она докажетъ «нечистой собакѣ», что если онъ и можетъ держать ее взаперти и дурно обращаться съ ней, то надъ душой ея онъ не властенъ.

Иосѣфъ быстро приближался, пылливо всматриваясь въ престное личико жены, выражавшее одно жестокое упрямство и не сулившее ничего хорошаго; глубокий вздохъ вырвался изъ его груди. Лихорадочно блестящія глаза, учащенное бѣненіе сердца подѣ тонкой виссонной туникой сказали бы болѣе внимательному наблюдателю, что спокойствіе, которымъ были проникнуты черты Иосѣфа, было только наружное; на самомъ же дѣлѣ, онъ страдалъ отъ долгой разлуки съ женой и лишь въ силу необходимости разыгрывалъ роль строгаго и безстрастнаго супруга. Послушайся онъ только голоса сердца, онъ привлекъ бы въ свои объятія обожаемую капризницу и подѣлуемъ заключилъ бы миръ; но разсудокъ шепталъ ему, что Аснатъ, настроенная противъ него врагами, будетъ злоупотреблять своимъ вліаніемъ, на каждомъ шагѣ станетъ оказывать ему неуваженіе и унижать его безъ милосердія. Только сломивъ ея гордую волю, онъ могъ надѣяться заставить уважать себя и расчистить дорогу для любви, которую она чувствовала къ нему, но противъ которой боролась изъ упрямства и страха передъ кастой. Остановившись передъ Аснатъ, превратившейся, казалось, въ статую, Иосѣфъ сказалъ спокойно:

— Такъ-то ты принимаешь своего мужа послѣ долгой разлуки, да еще оскорбивъ его своимъ ослушаніемъ? Заносчивость и упрямство—вмѣсто извиненія и добраго слова!

Аснатъ съ презрѣніемъ подняла голову и въ лазуревыхъ глазахъ ея блеснула насмѣшка.

— Фараонъ Апопи, насколько мнѣ извѣстно, еще не указывалъ, чтобы всякая жена-египтянка падала ницѣ въ присутствіи своего мужа-«шасу»; а такъ какъ видѣть тебя, адонъ, я вовсе не желала, то и не чувствую въ себѣ ни малѣйшей благодарности за твое посѣщеніе. Я такъ хорошо чувствую себя въ моемъ полномъ одиночествѣ, что лучшаго и не желаю.

По мѣрѣ того какъ она говорила, Иосѣфъ блѣднѣлъ; дрожаніе ноздрей указывало на бурю, закипавшую въ его душѣ. Онъ не тотчасъ отвѣтилъ, желая раньше овладѣть собой.

Взглядъ его разсѣянно перебѣгалъ по вазамъ, по кучамъ свѣжей земли, по наваленнымъ на траву кустамъ, и остановился на пачкѣ лежавшихъ подлѣ, на скамьѣ, тростниковыхъ

прутьевъ для подвязки цвѣтовъ. Машинально онъ взялъ пруть и согнулъ въ рукахъ; но Аснатъ заподозрила въ этомъ движеніи намѣреніе перейти отъ словъ къ дѣлу и вспыхнула, какъ порохъ.

Схвативъ маленькій топорикъ оставленный садовникомъ, она бросилась къ мужу и, замахнувшись на него, крикнула внѣ себя:—Смѣй только меня ударить и я убью тебя!

Иосэфъ, который былъ далекъ отъ мысли о чемъ нибудь подобномъ, съ удивленіемъ отступилъ.

— Вижу я, что ты сознаешь сама, чего заслуживаешь!— сказалъ онъ строго. — Но не этимъ намѣреваюсь я научить тебя вѣжливости и заставлю уважать себя не кулакомъ, а силою моей воли. А теперь брось топоръ; недостаетъ только, чтобы слуги видѣли, что ты подняла на меня руку. Сейчас брось!—нахмуривъ брови, повторилъ онъ такимъ повелительнымъ тономъ, что, послѣ минутнаго колебанія, молодая женщина повиновалась. Тогда, въ свою очередь, Иосэфъ бросилъ пруть и спокойно, но рѣшительно продолжалъ:

— Хорошо, теперь я объяснюсь съ тобой окончательно; мнѣ надоѣло выслушивать оскорбленія, на которыя ты не имѣешь права! Я шелъ къ тебѣ съ добрымъ намѣреніемъ устроить сносную для насъ обоихъ жизнь, а вовсе не для того, чтобы вымалывать твою любовь. Ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что я не могъ бы заставить тебя почувствовать мою власть, хотя ты и дочь Потифѣры? Приславъ тебя сюда, отецъ твой самъ показалъ, что не хочетъ идти противъ меня и прекрасно понимаетъ, гдѣ кончаются права отца и начинаются права мужа. Относительно меня, вольноотпущенника, ты позволяешь себѣ то, на что никогда не осмѣлилась бы, будь ты замужемъ за египтяниномъ; но, повторяю тебѣ, ты ошибаешься! Этому вольноотпущеннику, ставшему твоимъ господиномъ, ты обязана уваженіемъ и послушаніемъ, также какъ оказывала бы ихъ Гору или иному челоуѣку твоей расы, за котораго вышла бы замужъ; я не потерплю, чтобы ты открыто выказывала мнѣ свое презрѣніе. Теперь слушай мое рѣшеніе, вызванное твоимъ ослушаніемъ, и такъ какъ ты отказалась отъ дружескаго примиренія, то я дамъ тебѣ почувствовать мою суровость. Если ты,—какъ подобаетъ покорной супругѣ,—не выпросишь у меня прощенія, ты останешься здѣсь, въ этомъ

заточеніи, исключенная изъ общества, хотя бы даже на всю жизнь. Беру боговъ въ свидѣтели, — онъ поднялъ руку, — что ничья просьба не заставитъ меня измѣнить моего рѣшенія. Твоему отцу, какъ и фараону, я отвѣчу, что пользуюсь своимъ неоспоримымъ правомъ противъ непокорной жены; и если ты не уѣдешь теперь со мною и до моего отъѣзда, завтра утромъ, не придешь просить у меня прощенія, тебѣ придется идти ко мнѣ пѣшкомъ въ Мемфисъ, такъ какъ здѣсь для тебя не будетъ ни колесницы, ни носилокъ. Обдумай хорошенько, Аснатъ, послѣдствія своего упрямства и выбирай: вернуться ли завтра со мною въ Мемфисъ, или остаться здѣсь въ заточеніи? Вотъ мое послѣднее слово!

Въ отчаяніи Аснатъ бросилась на скамью и закрыла лицо руками. Иосѣфъ, уже отошедшій на нѣсколько шаговъ, обернулся и, видя судорожныя рыданія жены, вернулся поспѣшно и, склоняясь къ ней, прошепталъ: — Аснатъ, будь добра, будь справедлива! Послушай голоса сердца, а не желчи, которою отравили твою душу. Одно ласковое, привѣтливое слово, — и я забуду все, что было между нами!

Въ волненіи ждалъ онъ отвѣта; тяжело дыша, молодая женщина видимо боролась съ собой, но не прерывала молчанія. Горько улыбнувшись, Иосѣфъ отвернулся и пошелъ къ дому. Тамъ онъ велѣлъ позвать сопровождавшихъ его писцовъ, желая работой заглушить осаждавшія грустныя думы.

Аснатъ въ свою очередь заперлась у себя, запретивъ кому либо беспокоить ее; безумное отчаяніе, охватившее ее, смѣнилось затѣмъ полнымъ, близкимъ къ обмороку, изнеможениемъ. Наступленіе ночи принесло ей нѣкоторое успокоеніе. Чувствовала она себя разбитой, но мысли были ясны; присѣвъ къ открытому окну, она задумалась. Съ томительной ясностью развертывалась передъ ней картина послѣдствій ея упрямства. Иосѣфъ несомнѣнно ни въ чемъ не измѣнитъ своего рѣшенія; но несомнѣнно и то, что отецъ никогда не допустить безъ борьбы ея заточенія здѣсь, въ этой виллѣ. Какія ужасныя послѣдствія можетъ породить это столкновение? Какое униженіе будетъ нанесено въ ея лицѣ всей кастѣ, какой стыдъ для нея и ея близкихъ, если въ концѣ концовъ ей все таки придется идти пѣшкомъ въ Мемфисъ выпрашивать прощенія у бывшего раба! Разсудокъ шепталъ ей усту-

пить, дабы избѣгнуть этихъ послѣдствій, но гордость ея возмущалась противъ этой необходимости.

Глубоко вздохнувъ, Аснатъ закрыла глаза и откинулась на спинку своего кресла; какъ вдругъ она вдрогнула и стала прислушиваться: въ саду раздался крикъ ночной птицы и повторился къ ряду еще четыре раза. Аснатъ быстро встала, закуталась въ темный плащъ и сошла въ садъ; она не сомнѣвалась, что служитель храма прибылъ передать ей тайно посланіе отъ отца и условленнымъ знакомъ предупредилъ ее о своемъ присутствіи. Она вошла въ кущу деревъ и осторожно пробиралась черезъ кустарникъ, какъ вдругъ кто-то схватилъ ее за руку; неясная тѣнь отдѣлилась отъ дерева и чей-то голосъ прошепталъ надъ ухомъ: «Избѣгай всего, что можетъ повести къ столкновенію между адономъ и жрецами; приближается часъ, въ который всѣ униженія твои будутъ отомщены; иди просить прощенія у дерзкаго пса, уступи его приказу; такова воля отца твоего и да хранить тебя Ра!»

Послышался легкій шелестъ листьевъ и тѣнь исчезла въ темнотѣ; испуганная Аснатъ осталась одна. Глубоко взволнованная, вернулась она къ себѣ и не подумала противиться полученному приказанію; но какимъ образомъ могъ узнать ея отецъ то, что произошло между нею и ея мужемъ всего нѣсколько часовъ тому назадъ? Тутъ вспомнилось ей, какъ часто происшествія, никому невѣдомыя и случавшіяся гдѣнибудь далеко, становились извѣстны ея отцу; такъ, напримѣръ, въ день возвышенія Іосафа, въ Мемфисѣ, Потифѣра говорилъ объ этомъ Ракапу и она случайно слышала нѣсколько фразъ изъ ихъ разговора; вообще всѣ важныя извѣстія передавались необычайно быстро изъ храма въ храмъ, но какимъ образомъ—это оставалось для нея тайной. Въ настоящую минуту этотъ вопросъ не особенно интересовалъ ее. Мысль о неизбѣжномъ униженіи, которое предстояло ей, поглотило всецѣло ея мысли; медленно направилась она къ мужу.

По указанію невольника, она прошла черезъ комнату, гдѣ на столѣ еще стоялъ нетронутый ужинъ, и вышла на прилегающую къ ней террасу. Тамъ она увидѣла своего мужа, сидящаго на перилахъ: его тонкій, правильный профиль рѣзко выдѣлялся при красноватомъ свѣтѣ двухъ высокихъ треножниковъ, освѣщавшихъ его короткую бѣлую одежду и драго-

цѣнности, которыми были украшены шея и руки; онъ былъ страшно блѣденъ, плотно сжатые губы и все лицо его носили печать невыразимой горечи и гнѣва.

Аснатъ остановилась въ нерѣшительности и тяжело вздохнула; голова закружилась, она готова была упасть. Тяжелый вздохъ уже достигъ ушей адона; онъ обернулся, всталъ и подошелъ къ молодой женщинѣ, устремивъ на нее долгій мрачный взоръ. Наступила тишина; безмолвно, со сдвинутыми бровями, онъ ждалъ, наблюдая внутреннюю борьбу, отражавшуюся на разстроенномъ лицѣ Аснатъ.

— Прости меня, Юсэфъ, — наконецъ, прошептала она тихо.

— Хорошо; завтра ты вернешься въ Мемфисъ, — сказалъ онъ холодно. — Ты хорошо исполнила посланное тебѣ изъ храма приказаніе. Я позволю себѣ замѣтить, что та же гордость твоя, которая заглушаетъ правдивый голосъ сердца, отнюдь не мѣшаетъ тебѣ быть рабой, слѣпымъ орудіемъ жрецовъ и по ихъ приказу унижаться тамъ, гдѣ это имъ нужно.

Какъ пощечина, отозвалось въ душѣ Аснатъ ледяное, жестокое презрѣніе, звучавшее въ голосѣ Юсэфа; мысль, что ему извѣстно о приходѣ жреца, привела ее въ ужасъ. Силы окончательно оставили ее, она пошатнулась и упала бы, еслибъ Юсэфъ не успѣлъ поддержать. Видя, что она лишилась сознанія, онъ отнесъ ее на постель и сталъ приводить въ чувство; гнѣвъ его исчезъ при видѣ блѣднаго изстрадавшагося лица Аснатъ. — При мысли о виновникахъ его горя, кулаки его сжались.

— О! какъ отмстить тебѣ, гнусная каста, адской злобой своей убивающая мое счастье даже тогда, когда я держу его въ моихъ объятіяхъ?—прошептала онъ дрожащими губами.

Когда Аснатъ пришла въ себя и первый взглядъ ея упалъ на испуганное лицо склонившагося надъ ней Юсэфа, она опять закрыла глаза, затѣмъ встала и, не глядя на него, прошептала:

— Я пойду къ себѣ; теперь я чувствую себя хорошо.

— Вотъ какъ! ты чувствуешь себя хорошо и сейчасъ же хочешь уйти?? Въ тебѣ нѣтъ ни малѣйшаго желанія остаться со мной и заключить настоящій искренній миръ, забывъ на время призракъ въ бѣлыхъ одеждахъ, возстающій между нами?—шут-

ливо спросилъ Іосефъ, поднимая ея опущенную головку и страстно заглядывая въ сумрачныя глазки жены. Аснатъ покраснѣла: ласковый голосъ, улыбка и обаятельный блескъ большихъ зеленоватыхъ глазъ произвели свое обычное чарующее вліяніе. Сердце ея судорожно забилося; она уже болѣе не противилась, когда Іосефъ привлекъ ее къ себѣ и сказалъ:

— Сама повтори мнѣ слова, внушенныя тебѣ моими врагами.

— Прости меня, Іосефъ! прошептала Аснатъ. Голосъ ея былъ еще нерѣшителенъ, но улыбка заиграла уже на поблѣднѣвшихъ губахъ. Іосефъ забылъ и простилъ всѣ выходки и оскорбленія своего нѣжнаго, очаровательнаго противника и, побѣжденный, прижалъ ее къ своей груди.

Онъ сознавалъ свою слабость и страсть, поработившую его и дѣлавшую столь снисходительнымъ и миролюбивымъ,— его, гордаго и жестокаго, желѣзнаго канцлера фараона Апопи.

II.

Послѣднее столкновеніе съ мужемъ произвело на Аснатъ глубокое впечатлѣніе и вызвало замѣтную перемену въ ея характерѣ и обращеніи; она стала осторожнѣе, сдержаннѣе; избѣгала малѣйшей возможности сердить Іосефа и, не желая давать поводъ къ столкновеніямъ, подчинялась безпрекословно всѣмъ его желаніямъ. Такая сдержанность вовсе не соотвѣтствовала ея пылкой и своевольной натурѣ, и создала въ ихъ отношеніяхъ томительную натянутость и охлажденіе, заставившія Іосефа сожалѣть подчасъ о безоблачныхъ дняхъ первыхъ лѣтъ его брачной жизни. Жаловаться на оскорбительныя слова ему болѣе не приходилось, но зато равнодушная, почти боязливая покорность жены приводила его иногда въ отчаяніе.

Рожденіе сына доставило Іосефу безконечную радость; на этого ребенка онъ возлагалъ величайшія надежды, ожидая, что онъ не только примиритъ съ нимъ ненавистную, гордую жреческую касту, но что и Аснатъ, ставши матерью, забудетъ раздѣлявшіе ихъ предразсудки и перенесетъ на отца лю-

бовь, внушенную ей ребенкомъ. Но его ожиданіямъ не суждено было оправдаться.

Въ первое время Аснатъ, дѣйствительно, нѣжно привязалась къ малюткѣ, но посѣщеніе Потифѣры, бывшаго въ то время въ Мемфисѣ, сразу охладило это зарождавшееся чувство. Хотя и оправившаяся послѣ родовъ, молодая женщина не выходила еще изъ своихъ апартаментовъ, когда посѣтилъ ее верховный жрецъ.

Кормилица поспѣшила поднести къ нему маленькаго Манассѣ; но, вмѣсто того чтобы поцѣловать и благословить внука, Потифѣра разсѣяннымъ жестомъ отстранилъ его и, словно не замѣчая ребенка, направился къ дочери и, прижавъ ее къ своей груди, прошепталъ: — Ты, по прежнему, дорогая мнѣ дочь, которой я вынужденъ былъ пожертвовать и которую боги очистить, когда пробьетъ часъ освобожденія! Но сынъ этой нечистой собаки, подобно отцу его, останется презрѣннымъ, и никогда не будетъ пользоваться любовью нашей семьи.

Аснатъ поблѣднѣла и въ смущеніи опустила голову; она поняла, что ей запрещаютъ любить ребенка, какъ запретили любить отца, и съ этого дня стала еще задумчивѣе и молчаливѣе. Въ этомъ отношеніи ничего не измѣнило и рожденіе втораго сына, Эфраима; Потифѣра и его жена выказывали ледяное равнодушіе къ внукамъ. Аснатъ мало занималась дѣтьми и была также холодна къ нимъ, какъ и къ мужу; только взглядъ ея, который она подолгу не могла оторвать отъ малютокъ, да мимолетная ласка и выдавали болѣе глубокое, но скрытое къ нимъ чувство.

Вполнѣ понятно, что такое положеніе вещей становилось иногда совершенно невыносимымъ Іосѣфу: сначала оно вызвало бурныя сцены, но гнѣвъ Іосѣфа быстро остывалъ, встрѣчая пассивное сопротивленіе Аснатъ; къ тому же красота ея вновь, съ прежней силой, влекла его къ ней. Съ своей стороны, Іосѣфъ тоже сталъ тщательно скрывать свои чувства и, съ теченіемъ времени, между супругами установились холодно-вѣжливыя отношенія. Зато ненависть его къ жрецамъ и аристократіи Египта достигла своего апогея: его грызло страстное желаніе — отомстить имъ за невзгоды своей супружеской жизни.

Дѣла государства поглощали его теперь еще больше, чѣмъ

прежде, такъ какъ насталь предсказанный голодь и уже два года свирѣпствовали въ странѣ; бѣдствие сурово давало себя чувствовать всѣмъ, и кто хотѣлъ получать хлѣбъ изъ казенныхъ житницъ—долженъ былъ прибрѣтать его за наличныя деньги; въ этомъ отношеніи адонъ не зналъ снисхожденія.

Еще въ самомъ началѣ неурожая, дворъ покинулъ Мемфисъ и переселился въ Танисъ. Причины, вызвавшія этотъ переѣздъ, были непонятны народу; но высшія касты догадывались, что фараонъ и его канцлеръ предпочитали провести это тяжелое время въ центрѣ семитическихъ племень, населявшихъ дельту и, по своему происхожденію и религіи (поклонялись они Сеть-Тифону, или сирійскому Ваалу), родственныхъ гиксамъ, а потому и менѣе враждебныхъ, нежели чисто египетское населеніе страны. Кромѣ того, Танисъ былъ расположенъ ближе къ Аварису, сильной крѣпости гиксовъ, державшихъ въ этомъ укрѣпленномъ лагерѣ почти 200,000 гарнизона, что могло служить имъ прикрытіемъ на случай отступленія, создавая въ то же время операціонную базу для подавленія могущаго вспыхнуть возстанія, которое несомнѣнно найдетъ поддержку въ Таа III и жрецахъ; глухая, но упорная вражда ихъ сулила мало хорошаго. Да и на самомъ дѣлѣ жрецы настойчиво сѣяли смуту въ населеніи, проводя убѣжденіе, что засуха и голодь—наказанія, ниспосланныя богами за малодушіе народа, слишкомъ долго сносившаго иго иноземца, презирающаго божества земли Кеми и ихъ служителей, и угнетающаго покоренную страну. Іосефъ прямо таки выставлялся ими, какъ чудовище, порожденное жестокими богами «шасу», съ цѣлью помѣшать освобожденію народа и голодомъ держать его въ послушаніи и повиновеніи.

Эти рѣчи вполне подтверждались тою жестокостью, съ которой адонъ правилъ страной. Огромные запасы собраннаго въ государственныя житницы хлѣба дѣлали Іосефа, въ полномъ смыслѣ слова, властителемъ жизни и смерти голоднаго населенія, стекавшагося изъ всѣхъ областей Египта, а также Сиріи и Кенаана, и сносившаго золото, серебро, драгоценную посуду и женскія украшенія, чтобы вымѣнять ихъ на хлѣбъ насущный. Со свойственной ему энергіей и практическимъ умомъ, Іосефъ принялъ всѣ мѣры, чтобы упрочить власть и организовать правильную продажу хлѣба; весь составъ слу-

жащихъ, приставленныхъ къ житницамъ, а также охранявшіе ихъ войска, состояли исключительно изъ гиксовъ, и начальники ихъ были люди испытанной вѣрности. Вообще, къ этому времени, бѣльшая часть отвѣтственныхъ должностей страны, находившихся, въ началѣ царствованія Апопи, въ рукахъ египтянъ, незамѣтно перешла къ креатурамъ Іосѣфа, забравшаго, такимъ образомъ, въ свои желѣзныя руки всю государственную машину, управление которой слабый фараонъ, болѣе чѣмъ когда либо больной и страждущій, всецѣло предоставилъ своему любимцу.

Дворецъ адона также измѣнилъ свой видъ: большая зала, въ которой прежде онъ принималъ просителей или давалъ аудіенціи иностраннымъ посламъ до представленія ихъ фараону, теперь обращена была въ огромную контору. Окруженный писцами, сидѣвшими на раскинутыхъ по полу цыновкахъ, воссѣдалъ на возвышеніи Іосѣфъ, спокойно выторговывая, съ присущей его племени жестокостью, каждую мѣру зерна, въ обмѣнъ на золото, скоть и даже личную свободу, которую несчастные, одинъ за другимъ, предлагали ему, терпѣливо соглашаясь на всѣ тяжелыя условія, лишь бы съ голоду не умереть съ семьей. Когда условія, такимъ образомъ, были выговорены, писцы записывали ихъ, а покупатель со свидѣтелями подписывали документъ, къ которому адонъ прикладывалъ государственную печать; затѣмъ выдавалось свидѣтельство, въ силу котораго условленное количество зерна отпускалось покупателю изъ любого магазина. У входа въ залу и по прилегающимъ галереямъ стояли вѣсы, на которыхъ взвѣшивались металлы, ароматическія вещества и драгоценныя товары, а свѣдущіе люди, изъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ и прочихъ ремесленниковъ, разсматривали и оцѣнивали драгоценности, вавилонскіе ковры, финикійскія ткани и дорогое оружіе, которое сносили имъ отовсюду.

Въ этой огромной пріемной, своимъ видомъ напоминавшей современный ломбардъ, ничего не дѣлалось безъ вѣдома Іосѣфа. Несмѣтныя богатства, скопленныя здѣсь, пробудили въ немъ хищный инстинктъ семита: «первый сановникъ Египта» сталъ также и первымъ его ростовщикомъ, прототипомъ того алчнаго, безжалостнаго *жида*, который, какъ вампиръ, присасывается къ каждой странѣ, гдѣ только несчастье советъ себѣ гнѣздо,

который богатѣеть только путемъ гибели пріютившаго его народа... Иосѣфа ненавидѣли также, какъ ненавидятъ нынѣ его потомковъ, — этихъ «капиталистовъ»-хищниковъ, всегда умѣющихъ поживиться на счетъ чьего либо бѣдствія, не признающихъ иныхъ стремленій, кромѣ наживы, и презирающихъ всякій иной культъ, кромѣ культа золота ¹⁾.

Приведенныя ниже указанія достаточно убѣдятъ безпристрастнаго читателя, какой дорогой цѣной купилъ Египеть свое спасеніе отъ голода; съ другой стороны, трудно повѣрить, чтобы египтяне могли считать благодѣяніемъ—необходимость продавать все имущество, даже личную свободу, это величайшее благодѣяніе древняго міра! Тѣ же, свойственныя и человѣку нашего времени, чувства волновали эти исчезнувшія поколѣнія, въ сердцахъ которыхъ кипѣла непримиримая злоба, когда, ради спасенія жизни, имъ приходилось жертвовать всѣмъ!

Только, когда ужъ изсякали послѣднія средства къ существованію, шли они во дворецъ жестокосердаго и надменнаго адона и смуглыя исхудалыя лица ихъ искажались злобой, когда наслѣдственный виноградникъ, почетное ожерелье, выслуженное однимъ изъ предковъ, или стадо,—ихъ гордость и богатство,—однимъвзмахомъ пера равнодушнаго писца переходили въ руки неумолимаго Иосѣфа!

Въ своемъ дворцѣ, окруженный богатствомъ и почетомъ, съ женой, относительно которой онъ не могъ съ увѣренностью сказать, любить ли она его, или нѣтъ, и вся семья которой, враждебно настроенная, выказывала ему непобѣдимое презрѣніе,—онъ чувствовалъ себя одинокимъ. Чувство удовлетворенія, вызванное прибытіемъ братьевъ, быстро исчезло; онъ совсѣмъ иначе представлялъ себѣ, какъ дастъ имъ почувствовать свою власть, какъ съ торжествомъ скажетъ: «Смотрите, какимъ величіемъ, богатствомъ окруженъ тотъ, котораго вы безчеловѣчно продали!» Суровые на видъ, простые люди трепетали передъ нимъ; блестящаго, съ изысканными манерами, сановника они почти не считали уже братомъ. Они такъ про-

¹⁾ Во избѣжаніе упрека въ голословности и сомнѣнія въ правдивости обрисовки этой стороны дѣятельности Иосѣфа, авторъ считаетъ долгомъ указать на то, что сохранилось по этому поводу въ древнѣйшей еврейской хроникѣ: *Кн. Быт.*, глава XLII, ст. 15—23.

стодушно падали передъ нимъ ницъ, съ такимъ искреннимъ, наивнымъ обожаніемъ лобызали его ноги и одежды, что для Іосѣфа, привыкшаго сгибать самыя непокорныя головы въ Египтѣ, его превосходство надъ бѣдными пастухами утратило всю свою прелесть. Но онъ жаждалъ увидѣть своего отца: въ мудромъ старцѣ онъ надѣялся найти истиннаго друга, вѣрнаго и полезнаго совѣтника.

Послѣ нѣсколькихъ недѣль ожиданія, Іосѣфъ получилъ наконецъ радостное извѣстіе, что большой караванъ изъ земли Кенаанской, въ которомъ находился отецъ со всей семьей, приближался къ Танису; онъ тотчасъ же рѣшилъ выѣхать ему на встрѣчу и приказалъ Аснать приготовиться сопутствовать ему. По обыкновенію, молодая женщина не возразила и отвѣтила: «Хорошо, я буду готова, когда ты прикажешь». Но на слѣдующую же ночь она получила изъ храма категорическое запрещеніе принимать участіе во встрѣчѣ «паршиваго» пастуха, почести которому составляли лишнее надругательство надъ египтянами. Запрещеніе это и обрадовало, и встревожило Аснать; ѣхать на встрѣчу кочевникамъ у нея не было ни малѣйшаго желанія; бородатые грубые люди, которыхъ чествовалъ ея мужъ, называя ихъ братьями, внушали ей только отвращеніе. Но, съ другой стороны, явное ослушаніе приказа Іосѣфа, если даже и не вызоветъ непріятной сцены, то непременно нарушитъ мирное согласіе, которое царило въ то время между ними. Обдумавъ свое положеніе, она рѣшила прибѣгнуть къ хитрости: отдала приказаніе все приготовить, будто на самомъ дѣлѣ собиралась сопровождать мужа, и въ тотъ моментъ, когда онъ ждалъ ее, чтобы садиться въ носилки, послала извѣстить Іосѣфа, что внезапное нездоровье препятствуетъ ей ѣхать съ нимъ. Адонъ вспыхнулъ, но ни слова не сказалъ посланному жены, приказалъ убрать носилки и подать вмѣсто нихъ колесницу; - сѣлъ и уѣхалъ, не повидавъ Аснать и не освѣдомившись даже объ ея здоровьѣ, какъ это дѣлалъ всегда, когда она бывала больна.

Аснать ожидала, что по возвращеніи своемъ онъ сдѣлаетъ ей сцену, но ожиданія ея не оправдались: Іосѣфъ ограничился тѣмъ, что вовсе пересталъ заходить въ покои жены, обѣдая и ужиная одинъ на своей половинѣ.

Прошло съ недѣлю времени. Однажды вечеромъ, погру-

женная въ раздумьѣ. Аснатъ бродила по саду, какъ вдругъ, на поворотѣ одной изъ аллей, какая-то женщина выскочила изъ кустовъ и бросилась къ ногамъ ея съ крикомъ: «Попадаи!» Аснатъ съ удивленіемъ остановилась и стала ее спрашивать; но та—молодая и красивая женщина—казалось, обезумѣла отъ горя и, разразившись рыданьями, только и повторяла, что: «Спаси Нейтотепа, благородная женщина! Попроси за него адона».

Когда первый приступъ отчаянія несчастной немного улегся, Аснатъ поняла изъ ея словъ, что дѣло шло объ одномъ изъ служащихъ при государственныхъ житницахъ близъ Таниса, обвиняемомъ въ расхищеніи казеннаго добра; хотя, движимый чувствомъ челоѣколюбія, онъ роздалъ сперва бѣдному люду, а затѣмъ сталъ продавать по низкой цѣнѣ хлѣбъ роднымъ и знакомымъ.

Преступленіе было раскрыто и Нейтотепа посаженъ въ тюрьму. Иосэфъ, неумолимый къ преступленіямъ подобнаго рода, присудилъ виновнаго къ лишенію должности, тяжкому тѣлесному наказанію и ссылкѣ на работы въ одну изъ пограничныхъ крѣпостей. Обезумѣвъ отъ горя, молодая жена Нейтотепа рѣшилась просить у Аснатъ заступничества передъ адонъ и добиться, черезъ ея посредничество, если не полного помилованія, то хотя бы смягченія участи обвиняемаго, котораго на завтра ждало наказаніе, а черезъ нѣсколько дней—отправка въ ссылку.

— Отчего же ты не пришла раньше?

— О, каждый день я пыталась проникнуть къ тебѣ; но все было напрасно—ты не покидала дворца. Только сегодня вечеромъ мнѣ удалось проникнуть въ садъ, — отвѣтила жена Нейтотепа, заливаясь слезами.

Аснатъ сѣла на скамью и, откинувшись на спинку, задумалась. Ей было глубоко жаль несчастныхъ; всей душой она готова была помочь имъ, но какъ это сдѣлать? Строгость Иосѣфа къ такимъ преступникамъ была ей хорошо извѣстна; съ другой же стороны, какъ ей, никогда и ни о чемъ не просившей мужа, идти просить у него милости именно теперь, когда онъ сердится на нее? А вдругъ онъ скажетъ «нѣтъ» и униженіе будетъ напраснымъ? Вся кровь бросилась ей въ голову при этой мысли; но одинъ взглядъ на блѣдное, раз-

строенное лицо молодой женщины, по прежнему стоявшей передъ ней на колѣняхъ и не спускавшей съ нея полныхъ мольбы глазъ, снова ее обезоружилъ.

— Ты очень любишь своего мужа?—спросила она вдругъ.

— Люблю ли я его? Да десять разъ я готова пожертвовать за него жизнью! — отвѣтила бѣдная женщина, и въ голосъ ея слышалась такая любовь и преданность, что зависть тихонько сжала сердце пораженной Аснатъ. Передъ ней была глубоко несчастная, простая женщина изъ народа; но эта женщина имѣла право открыто, всей душой, любить своего мужа и, разумѣется, ни на минуту не задумалась бы просить его о чемъ бы то ни было.

— Хорошо, я постараюсь спасти Нейтотепа!—сказала рѣшительно Аснатъ.—Иди въ ту бесѣдку, Туа, и жди меня. Не падай духомъ и не пугайся, если я долго не вернусь; чтобы поговорить съ адономъ, мнѣ нужно будетъ обождать, покуда онъ останется одинъ.

— Хоть до разсвѣта я буду ждать тебя и молить боговъ, чтобы они вдохновили тебя и смягчили сердце твоего супруга,—отвѣтила Туа, цѣлуя съ благодарностью ея одежду.

Аснатъ вернулась къ себѣ, оправила свою тонкую вышитую тунику, прическу, ожерелье и браслеты, и, бросивъ послѣдній взглядъ въ металлическое зеркало, нерѣшительнымъ шагомъ направилась въ покои мужа.

— Есть кто нибудь у господина, Пибизи?—спросила она раба, по обыкновенію нестлучно находившагося при входѣ.

— Никого, благородная госпожа; писецъ Хапи только что вышелъ.

Неслышными шагами прошла Аснатъ, подняла полосатую завѣсу и вошла въ рабочую комнату адона.

Иосѣфъ сидѣлъ за столомъ, заваленнымъ папирусами и табличками, но не работалъ; облокотившись на руку, онъ, казалось, былъ погруженъ въ глубокое раздумье. Клафтъ, который онъ обыкновенно носилъ, былъ сброшенъ и лежалъ рядомъ на стулѣ; свѣтъ лампъ съ благовоннымъ масломъ кротко озарялъ его каштановые кудри и блѣдное, грустное лицо.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, Аснатъ въ нерѣшительности остановилась. Сожалѣніе о данномъ обѣщаніи, неувѣренность въ исходъ просьбы, гордость—гнали ее прочь; жалость и враж-

денная доброта побуждали ее остаться и попытаться спасти несчастных. Онъ казался печальнымъ и далеко не сердитымъ: можетъ быть, ей и удастся возбудить его жалость. Аснатъ нервно провела рукою по лбу и при этомъ движеніи зазвенѣли ея браслеты и амулеты ожерелья. Іосефъ поднялъ голову и чуть вспыхнулъ, увидавъ жену.

— Это ты, Аснатъ?

— Да, я! Прости, что я безпокою тебя,—съ усиленіемъ проговорила она.

Грустная улыбка мелькнула на лицѣ Іосефа.

— Вотъ ужъ извиненіе, которое навѣрно было бы лишнимъ у большинства супруговъ Таниса! Обыкновенно любимая супруга чувствуетъ, что ей всегда рады. — Аснатъ покраснѣла.

— Я пришла къ тебѣ съ просьбой. Ты, я знаю, этого не любишь и я боюсь, что напрасно потревожу тебя!

— Вотъ какъ! Ты сожалѣешь, даже не высказавъ, въ чемъ дѣло,—замѣтилъ онъ спокойно.—Иди, садись!—Онъ указалъ ей рядомъ съ собой на стулъ, съ котораго сбросилъ клафтъ. Видя, что она колеблется, онъ прибавилъ:

— Ты предпочитаешь, въ качествѣ просительницы, стоять у двери.

Аснатъ подошла, сѣла и опустила глаза, обдумывая, какъ лучше приступить къ дѣлу. Іосефъ залюбовался ею и сердце его забилося сильнѣе; ему чудилось, что давно онъ не видалъ ея такой обворожительной, какъ въ эту минуту, такой хрупкой, граціозной, съ выраженіемъ смущенія и робости на дѣтскомъ личикѣ. Обаяніе ея красоты снова охватило его, а его любовь, всегда сдерживаемая холодностью Аснатъ, всегда раздражаемая препятствіями и спорами, словно еще выросла и стала горячѣй.

— Итакъ,—самая рѣдкая изъ просительницъ въ этой залѣ,—скажи, къ кому обращаешься ты съ просьбой: къ адону или къ мужу?—спросилъ онъ.

Аснатъ подняла голову, но, встрѣтивъ страстный взглядъ большихъ зеленовато-карихъ глазъ его, пришла въ еще большее смущеніе; она знала, что, какъ адонъ, онъ для нея ничего не сдѣлаетъ, а отношенія ея къ нему, какъ къ мужу, были такъ странны. И снова горечь и зависть, испытанныя ею въ

разговорѣ съ Туа, кольнули ее въ сердце; нервы не выдержали, она облокотилась на столъ и зарыдала.

— Что съ тобой, Аснатъ?—спросилъ, наклоняясь къ ней, Иосэфъ.

— Ничего, ничего! — сказала она, вытирая слезы и стараясь овладѣть собой.

Чтобы избѣжать щекотливаго объясненія, она въ короткихъ словахъ изложила дѣло, по которому пришла. Адонъ внимательно слушалъ свою собесѣдницу, не спуская глазъ съ ея взволнованнаго лица и судорожно подергивавшагося рта. Когда она кончила, онъ молча взявъ два свитка папируса, написалъ на каждомъ изъ нихъ по нѣскольку строкъ, приложилъ къ нимъ свою печать и протянулъ ихъ Аснатъ.

— Что это такое?—спросила она, недоумѣвая.

— Одинъ изъ нихъ—приказъ начальнику тюрьмы освободить Нейтотепа, котораго я милую; ты можешь потомъ отослать папирусъ съ однимъ изъ дежурныхъ офицеровъ. Но я не могу его оставить на государственной службѣ и посылаю его въ наше помѣстье близъ Мемфиса, гдѣ только что, за смертью стараго Анибиса, очистилось мѣсто управляющаго. У тебя въ рукахъ его назначеніе; главноуправляющій устроить все остальное, когда твой Нейтотепъ явится къ нему.

Отъ радости Аснатъ покраснѣла и глаза ея заблестѣли.

— Благодарю тебя, Иосэфъ!—воскликнула она.

Въ эту минуту она была такъ счастлива, такъ благодарна, что, слѣдуя первому побужденію, сдѣлала движеніе броситься ему на шею, но удержалась и ограничилась тѣмъ, что протянула ему руку, повторяя: «Благодарю, благодарю»!

— Развѣ и благодарности твоей указаны предѣлы, переступать которые ты не смѣешь, даже когда сердце подсказываетъ это? Ты знаешь, что никто въ мірѣ не могъ бы принудить меня къ тому, что я только что сдѣлалъ,—замѣтилъ Иосэфъ недовольнымъ тономъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Всею душой я благодарна тебѣ, особенно въ эту минуту, когда ты на меня сердить... — сказала она, блѣднѣя.

— Сердить, за что же?

— Ты не вѣришь въ мою болѣзнь на прошлой недѣлѣ,—упавшимъ голосомъ прошептала она.

— О, напротивъ, — добродушно разсмѣялся Иосэфъ, — я очень вѣрю въ эту ужасную болѣзнь, предписанную храмомъ, и отлично знаю, — не отпирайся: — какъ ты подвержена болѣзнямъ этого рода!

Онъ взялъ ее за руку и привлекъ къ себѣ.

— Аснатъ! Твои глаза отражаютъ чистую душу и доброе, любящее сердце; можешь ли ты, глядя мнѣ прямо въ глаза, повторить, что ты была дѣйствительно больна?

Аснатъ молча опустила голову.

— Съ меня довольно! — горько усмѣхнулся Иосэфъ. — О, какъ злоупотребляетъ твоя каста моимъ терпѣнiемъ. Ихъ ненависть и ихъ презрѣнiе ко мнѣ, какъ къ иноземцу, я бы еще простилъ имъ; но ихъ вмѣшательство въ мою частную жизнь переходить всякіе предѣлы. Гнусно отнимать у меня самое близкое существо, связанное со мною священнѣйшими узами, внушить тебѣ противоестественныя чувства, убивать въ тебѣ мать, какъ они убили жену, уста которой смыкаются, когда она хочетъ сказать: «люблю». За это я имъ отомщу и буду безжалостенъ къ нимъ, также какъ и они ко мнѣ. — Голосъ его дрожаль отъ глухаго негодованiя и темные глаза гнѣвно сверкали.

— Что ты говоришь, Иосэфъ? — тревожно возразила Аснатъ.

— Правду, одну правду! и ты не можешь отрицать ея. Какія бы чувства ты ни питала ко мнѣ, ты — нѣма передъ презрѣнiемъ твоей касты, которой страшишься, и оставляешь меня одинокимъ, хотя и обѣщала быть моимъ другомъ.

Аснатъ въ смущенiи слушала его, колеблясь между страхомъ нарушить данную нѣкогда клятву и благодарностью за все, что онъ для нея сдѣлаль. Наконецъ, движимая тѣмъ страннымъ, но глубокимъ чувствомъ, которое внушаль ей Иосэфъ, она обвила руками шею мужа, прижалась головкой къ его груди и зарыдала.

Иосэфъ сжалъ ее въ своихъ объятiяхъ.

— За эти слезы они мнѣ тоже заплатятъ! — глухо пробормоталь онъ.

Аснатъ выпрямилась; смертельный ужасъ отразился на ея лицѣ.

— Иосэфъ, Иосэфъ, не выступай въ борьбу со жрецами и не бросай имъ надменно свой вызовъ, — сказала она умоляю-

щимъ голосомъ. — Борьба твоя будетъ напрасна и ты себя погубишь! Силой управляешь ты Египтомъ, а они властвуютъ надъ душами; ты одинъ, а ихъ сотни, и въ ихъ глазахъ ты — нечистый иноземецъ, какимъ всегда и будешь, а возвеличенъ ты въ адоны нечистымъ, какъ и ты, фараономъ-узурпаторомъ. Будь остороженъ, Иосефъ, сила храмовъ ужасна; ужасно и могущество этихъ людей, говорящихъ съ божествомъ и извѣдавшихъ всѣ тайны природы. Великими тайными силами полагаютъ они и уничтожать тебя!

При ея словахъ, взгляды Иосефа вспыхнули огнемъ.

— Спасибо за добрый совѣтъ, подсказанный дружбой и расположеніемъ ко мнѣ, — сказалъ онъ, цѣлуя Аснатъ. — Но между твоей кастой и мной примиреніе невозможно: — слишкомъ жестоко они меня изранили; я могу платить имъ только ненавистью за ненависть, и буду безжалостенъ. Я одинъ, это правда; но справлялся же я съ ними до сей поры и одинъ. И чѣмъ больше они будутъ оскорблять меня, тѣмъ сильнѣе я буду ихъ давить; кровавыми слезами они заплатятъ за каждый отравленный часъ моей жизни!

Иосефъ выпрямился; непоколебимая рѣшимость звучала въ его голосѣ, гордость и ненависть горѣли въ его взглядѣ. Глубоко вздохнувъ, Аснатъ опустила голову; что она могла сдѣлать, какъ не смириться и страдать, она — нѣжный цвѣтокъ, брошенный судьбою между двумя разъяренными стихіями, столкновеніе которыхъ должно потрясти до основанія древнюю страну Нила.

III.

Со времени послѣднихъ событій, между супругами установились болѣе дружескія отношенія, хотя Аснатъ не могло не удручать фальшивое положеніе, занимаемое ею между обѣими враждующими сторонами, оспаривавшими другъ у друга власть надъ Египтомъ и съ которыми она чувствовала себя одинаково связанной. Удары, взаимно наносимые обѣими партіями, заставляли ее страдать; она знала, что если Иосефъ и былъ добръ къ ней лично, то, напротивъ, къ пораженному бѣдствіемъ народу онъ былъ неумолимъ. Сердце ея обливалось кровью, когда изъ своихъ носилокъ она замѣчала вереницы

голодныхъ, изможденныхъ людей, которые плелись во дворецъ адона—вымаливать кусокъ насущнаго хлѣба взамѣнъ клочка земли или собственнаго тѣла; дрожь охватывала ее при видѣ тѣхъ мрачныхъ, полныхъ презрѣнія и ненависти, взглядовъ, которыми голодная толпа окидывала ее при этомъ. И въ такія минуты царская роскошь, которая окружала ее, драгоценности, ее покрывавшія, тяготили ее подобно желѣзнымъ цѣпямъ.

Въ это тоскливое время Аснатъ очень обрадовалась вѣсти, что ея братъ, Армаисъ, служившій въ Геліополѣ, пожелалъ перевестись къ нимъ въ Танисъ, въ тѣлохранители фараона, и что просьба эта была уважена немало удивленнымъ Іосэфомъ, для котораго плохо скрываемая къ нему ненависть молодого человѣка не была тайной. Армаисъ получилъ видную должность въ стражѣ Апопи. Нѣкогда красивый юноша сталъ теперь серьезнымъ и сдержаннымъ молодымъ человѣкомъ. Наружность его (онъ походилъ на сестру) завоевала ему сразу успѣхъ у женщинъ, тѣмъ болѣе, что Армаисъ былъ блестящей партіей; онъ былъ холостъ и, послѣ того какъ его невѣста, — дочь перваго іерограммата храма солнца въ Геліополѣ, — умерла, онъ не хотѣлъ заключать другаго союза.

По отношенію къ зятю, Армаисъ установилъ официальные отношенія: явился къ нему, какъ къ адону, а затѣмъ, если и посѣщалъ изрѣдка сестру, то тщательно избирая тѣ часы, въ которые рассчитывалъ найти ее одну, а въ остальное время являлся не иначе, какъ по особому приглашенію. Въ его поведеніи было что-то подозрительное, тѣмъ болѣе, что и цѣли перемѣны имъ мѣста служенія Іосэфъ не могъ уяснить себѣ, а потому рѣшилъ внимательно наблюдать за нимъ.

Политическія событія всецѣло поглотили адона; гигантскій планъ, предложенный имъ фараону въ первый же день своего возвышенія, началъ осуществляться; все чаще и чаще приходили къ нему изъ Верхняго Египта и еще болѣе отдаленныхъ областей закладывать свои земли; золото лилось въ руки суроваго адона, медленно, но настойчиво захватывавшаго всю страну Кеми, отъ дельты до пороговъ, невидимой, но прочной сѣтью, такъ какъ нужда и голодъ плели ея петли.

И вотъ, въ то время какъ голодъ свирѣпствовалъ во всей странѣ, а нищета и лишенія росли со дня на день,—колонія

кочевниковъ, пришедшая съ Яаковомъ и водворенная въ самой плодородной части земли Гѣшенъ, проживала въ изобиліи и богатствѣ, такъ какъ Іосэфъ въ устройствѣ своей семьи проявилъ величайшую щедрость. Вблизи Таниса, Яаковъ съ сыновьями владѣлъ обширнымъ и удобнымъ помѣстьемъ, окруженнымъ садами; хлѣбъ и другіе припасы доставлялись имъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ они могли употреблять, и лучший скотъ изъ безчисленныхъ стадъ, закладываемыхъ и продаваемыхъ Египтомъ, незамѣтно исчезалъ въ загонахъ племени Бени-Израэль. Сверхъ того, они же были назначены смотрителями стадъ фараона, что дало имъ почетное и выгодное положеніе.

Весьма понятно, что видъ этихъ сытыхъ и богатыхъ чужеземцевъ, жившихъ въ полномъ изобиліи, словно на цвѣтущемъ островкѣ, — до котораго едва доносился рокоть волнъ окружавшаго океана нищеты и отчаянія, — возбуждалъ въ сердцахъ египтянъ жестокою ненавистью и злобу, предвѣщавшихъ, въ минуту взрыва, одну изъ тѣхъ ужасныхъ народныхъ бурь, которыя, какъ ураганъ, сметають все на своемъ пути.

Іосэфъ не обращалъ вниманія на эти опасные признаки, а, можетъ быть, и не замѣчалъ ихъ. Честолюбіе наполняло его душу; гордый своей властью и могуществомъ, онъ все болѣе и болѣе жестоко третировалъ надменные и полныя предразсудковъ высшія касты.

Развѣ не былъ онъ настоящимъ фараономъ? Слабый и болѣзненный Апопи, рядомъ съ нимъ, былъ простымъ носителемъ царскаго титула, удобнымъ въ его рукахъ орудіемъ, узаконившимъ власть адона.

Преслѣдуя цѣль—обезпечить членамъ своей семьи выдающееся положеніе,—Іосэфъ взялъ къ себѣ въ домъ двухъ дѣвушекъ: одна изъ нихъ, дочь его брата Баніамина, была еще четырехлѣтнимъ ребенкомъ; другой, Серагъ, пятнадцати лѣтъ, адонъ еще не выбралъ мужа, хотя и рассчитывалъ пристроить ее за когонибудь изъ высшей аристократіи. Обѣ дѣвушки должны были пока воспитываться въ домѣ дяди и получить образованіе египтянокъ.

Аснатъ страстно противилась водворенію въ ея домѣ этихъ дикарокъ, внушавшихъ ей непреодолимое отвращеніе, и хотя должна была уступить упорству мужа, но не переставала отно-

ситься къ нимъ съ ледянымъ равнодушіемъ, предоставивъ всѣ заботы объ ихъ воспитаніи и костюмѣ наставницамъ, приставленнымъ къ нимъ Іосефомъ.

Новыя семейныя несогласія очень раздражали адона; при этой домашней неурядицѣ, единственное существо, на полную и безкорыстную привязанность котораго онъ могъ разсчитывать, былъ его отецъ, — къ нему-то, при малѣйшей возможности, и отправлялся Іосефъ отводить душу.

И вотъ однажды, особенно взбѣшенный хотя и пустымъ, но очень неприятнымъ для него случаемъ, онъ приказалъ запречь колесницу и, въ сопровожденіи нѣсколькихъ всадниковъ, отправился къ Якову.

Со вчерашняго дня все въ немъ кипѣло отъ гнѣва: на пирѣ, на которомъ была собрана вся знать Таниса, присутствовала и Серагъ; племянница властнаго канцлера была встрѣчена, какъ равная, и принята ласково. Грубая и невоспитанная дѣвушка рѣзко бросалась въ глаза своимъ безвкуснымъ туалетомъ и манерами, къ чему добавила еще нѣсколько грубыхъ промаховъ, которыхъ общество хотя и постаралось не замѣтить, но они, тѣмъ не менѣе, заставили Іосефа побагровѣть съ досады. Аснать же ни словомъ, ни жестомъ не постаралась помочь Серагъ или загладить ея неловкость. Насмѣшливый, презрительный взглядъ Армаиса, который уловилъ Іосефъ, окончательно взбѣсилъ его, — и какъ дорого стоилъ этотъ взглядъ впослѣдствіи бѣдному юношѣ!

Яковъ, какъ всегда, встрѣтилъ сына съ радостью и провель на лужайку, гдѣ, подъ тѣнью большой смоковницы, усадилъ его на скамью — положеніе, не допускающее быть подслушаннымъ.

Сильно измѣнился патріархъ съ того дня, какъ мы впервые познакомили съ нимъ читателя; теперь это былъ уже полуслѣпой, согбенный, дряхлый старецъ, жизнь котораго видимо клонилась къ концу. Одѣтъ онъ былъ въ шерстяную, богато вышитую тунику; рядомъ съ нимъ на столѣ стояла серебряная, рѣдкой работы, чаша и амфора вина изъ Пелузія.

Братья поспѣшили удалиться, встрѣтивъ Іосефа, по обыкновенію, земными поклонами, отъ которыхъ ему такъ и не удалось ихъ отучить. Въ своемъ простодушіи, они никакъ не могли поборотъ въ себѣ того недовѣрія, которое питали къ

могущественному адону, придавая мало значенія родству съ нимъ и опасаясь всегда, какъ бы братъ, съ которымъ они нѣкогда поступили предательски, не задумалъ отомстить имъ. А что онъ не забылъ причиненнаго ему зла, доказывала ихъ первая съ нимъ встрѣча.

Иосѣфъ казался печальнымъ и усталымъ; облокотившись на столъ, онъ задумался и машинально оцщипывалъ вѣтку съ ку-ста своими выхоленными пальцами въ перстняхъ.

— Сегодня ты озабоченъ чѣмъ-то, сынъ мой; неприятно-сти, что ли, у тебя по дѣламъ государства, или фараонъ обре-менилъ тебя работой?—сказалъ старецъ, прерывая молчаніе и кладя руку на плечо сына. Очнувшись отъ своего раздумья, Иосѣфъ вздрогнулъ и выпрямился.

— Нѣтъ, отецъ, нѣтъ!—сказалъ онъ, отрицательно качая головой:—не въ томъ моя забота. Работать я привыкъ; въ теченіе сколькихъ лѣтъ уже вся тяжесть управленія лежитъ на мнѣ! Нѣтъ, передо мной иная задача, которую я не могу рѣшить; это — какъ закончить, согласно моему желанію, планъ, давно задуманный мною и теперь близкій къ осу-ществленью?

— Какой же это планъ, дитя мое? Повѣдай мнѣ его и, можетъ статься, опытъ долгой жизни внушить полезный для тебя совѣтъ.

— Охотно, отецъ! Вѣдь ты же у меня одинъ. Кому я могу довѣриться безъ опасенія? Цѣль, которую я преслѣдую, состоитъ въ томъ, чтобы соединить подъ однимъ скиптеромъ Верхній и Нижній Египетъ, и такимъ образомъ, разъ на все-гда, уничтожить вѣчную опасность, грозящую намъ со сто-роны дерзкаго южнаго «хака», Таа, который вмѣстѣ со жре-цами думаетъ изгнать Апопи. Средствомъ для достиженія этой цѣли мнѣ служить голодъ, который господствуетъ въ странѣ. Дальнія области стали уже нашими данниками; годъ, много два, пройдетъ, и у Таа съ его союзниками не будетъ больше ни клочка земли; они будутъ разорены, а народъ ихъ истощенъ въ достаточной мѣрѣ, такъ что не только насту-пательная война, но даже серьезное сопротивленіе станетъ невозможнымъ. Наступитъ время занять ихъ земли нашими войсками; и вотъ, когда въ Оивахъ и во всѣхъ ихъ городахъ и крѣпостяхъ будутъ стоять гарнизоны гиксовъ, подъ началь-

ствомъ вѣрныхъ, испытанныхъ людей, — уничтожить самого Таа, а съ нимъ вмѣстѣ подчинить другихъ, менѣе опасныхъ «хаковъ», будетъ уже легко; да и жрецы лишатся самой надежной своей опоры. Имъ тогда можно будетъ просто дать понять, что ихъ дѣло — молитвы да жертвоприношенія, и что крамола приведетъ ихъ бритыя головы, какъ и всякую инуку, на плаху.

— Замыселъ великій, и если ты до конца исполнишь его, то фараонъ обязанъ будетъ тебѣ вѣчной благодарностью и хорошо наградить тебя! — сказалъ старецъ, съ любовью смотря на дышавшее гордостью и отвагой лицо сына.

— Фараонъ?... — Невыразимое презрѣнiе мелькнуло на лицѣ Иосѣфа: — что можетъ онъ мнѣ дать больше того, что уже даль? Не награда меня занимаетъ, а вопросъ: — кто унаслѣдуетъ основанное мною царство? Апопи серьезно боленъ; первый же припадокъ болѣзни, которой онъ подверженъ, можетъ внезапно убить его; царевичъ Намурадъ, послѣ своего паденья на охотѣ, не оправится никогда и тоже долго не протянетъ; а его жена, неблагополучно разрѣшившаяся мертворожденнымъ ребенкомъ, разумѣется, больше не дастъ ему дѣтей — и тронъ будетъ свободенъ! Что думаетъ объ этомъ отецъ? — Онъ нагнулся къ Якову, жадно лова отвѣтъ въ его глазахъ ¹⁾).

¹⁾ Das Ioseph thatsächlich den höchsten Rang nächst seinem Könige am Hofe bekleidete, geht vor Allem aus seiner Würde eines Adon «über ganz Aegypten» hervor. Nach den Denkmälern bezeichnet Adon so viel als das griechische Epistates, einen Vorsteher, Vorgesetzten.

Je nach dem besonderen Geschäfte desselben war der Rang ein verschiedener. Es findet sich vor ein Adon der Amonsstadt Diospolis, des Gerichtstuhles, des Königlichen Frauengemaches, der Schatzkammer, der Werkstätten Pharaos, der Bierkellereien u. s. w.

Ganz verschieden davon war die Würde Ioseph's als eines Adon «über das ganze Land» die ich nur einmal wieder in einer altägyptischen Inschrift angetroffen habe. Ehe der König Horemhib (Horus beim Manethos) des XVIII Königshauses den Thron bestieg, bekleidete er nach dem Berichte eines in Turin aufbewahrten Denkmals verschiedene sehr hohe Aemter, die ihre der Person des Königs nahe führten. Schliesslich war Pharaos so erbaut von seinen guten Diensten, dass er ihn zum Bo-hir d. i. Epitropen oder Procurator des ganzen Landes ernannte. In dieser Eigenschaft, ohne einen Genossen neben sich zu haben «worden gerufen zum Grossherrn im Königshause», und «er gab Antwort dem Könige» und «er befriedigte ihn durch die Aussagen seines Munder. In solchem Dienste war Horemhib «ein Adon des ganzen Landes während der Dauer vieler Jahre» bis er endlich zu der Würde eines Thronerben, des gesammten sandes emporstieg, un schliesslich die

— Если на то будетъ воля Элохима, онъ, вознесшій тебя на эту высоту, дастъ и корону фараона! Но не стануть ли жрецы преслѣдовать тебя, какъ узурпатора? — тревожно спросилъ старецъ.

— Есть очень простое и легкое средство расположить ихъ къ себѣ и узаконить мое положеніе. Ахъ!—онъ глубоко вдохнулъ, — еслибы Аснатъ, дочь перваго изъ нихъ, была моею союзницей, а не послушнымъ орудіемъ храмовъ, то всякое затрудненіе исчезло бы.

— Знаю, ты мнѣ говорилъ о своей семейной неурядицѣ; да, ты не можешь рассчитывать на помощь своей жены! Очень досадно, что египетскій законъ не допускаетъ многоженства, какъ у насъ; тогда ты могъ бы взять себѣ въ жоны вторую дочь Апопи и тѣмъ достигнуть своей цѣли!

Иосѣфъ вспыхнулъ.

— Жениться на Хиселатъ?—воскликнулъ онъ.—Ты правъ, отецъ: это устранило бы препятствіе. Но нѣтъ, это невозможно!—прибавилъ онъ, подумавъ немного. — Какъ бы тамъ ни было, а я люблю Аснатъ! Но я иначе воспользуюсь твоимъ совѣтомъ и буду наблюдать за тѣмъ, чтобы царевна не взяла въ супруги человѣка, который могъ бы быть мнѣ вреденъ. Однако, время проститься намъ, отецъ; у меня еще много дѣла на сегодня.

Мрачный и озабоченный вернулся Иосѣфъ въ Танисъ и, въ ту минуту, когда его колесница готовилась свернуть во дворъ его дома, онъ вдругъ натянулъ возжи и взялъ въ сторону, чтобы пропустить, выходяшія какъ разъ изъ воротъ, открытыя носилки, окруженные людьми съ опахалами.

Въ нихъ сидѣла совсѣмъ юная дѣвушка, вся въ бѣломъ; на головѣ ея былъ разукрашенный клафтъ; маленький, крайне уродливый, карликъ сидѣлъ въ ногахъ.

Иосѣфъ выскочилъ изъ колесницы и почтительно привѣтствовалъ царевну, которая, холодно взглянувъ на него, слегка кивнула головой въ отвѣтъ.

Königliche Krone auf sein Haupt zu setzen. Wir ersehendaraus, das «der Adon des ganzen Landes» eine so wichtige Stelle bekleidete, das Ioseph in der That die Bezeichnung eines Moschel oder Schallith d. h. eines Fürsten oder Regenten, wie Luther das ebräische Wort übertragen hat, über das ganze Lond verdiente.

Brugsch, «Geschichte Aegyptens unter den Pharaonen».

Царевна Хиселать, младшая дочь и любимица фараона, была очаровательна; ей только что исполнилось пятнадцать лѣтъ и нѣжныя, тонкія черты ея лица нимало не напоминали рѣзкихъ чертъ отца. Гордую красоту свою Хиселать унаслѣдовала отъ матери, азіатской царевны, которой рожденіе ея стоило жизни; Апопи, страстно любившій свою вторую жену, перенесъ это чувство на дочь. Надменная, своевольная, хотя и сдержанная по натурѣ, царевна очень привязалась къ Аснатъ и мало-по-малу между ними завязалась тѣсная дружба. Видѣлись онѣ по возможности часто, и нерѣдко, чтобы избѣжать всякой торжественности этикета, Хиселать отправлялась къ своему другу прямо черезъ царскіе сады, прилегавшіе къ садамъ дворца адона. Свиту ея въ такихъ случаяхъ составлялъ одинъ только Уна, несчастный карликъ, жестоко обезображенный какимъ-то продавцомъ уродовъ; царевна купила его у скомороха, водившаго его на показъ по улицамъ, и благодарный Уна проявлялъ къ ней чисто-собачью преданность. Послѣднее время Хиселать бывала еще чаще и дольше засиживалась въ гостяхъ у жены адона. Главнѣйшей темой бесѣдъ служили рассказы Аснатъ о своемъ дѣтствѣ, родителяхъ, о жизни въ Геліополѣ и братѣ Армаисѣ, неотлучномъ, веселомъ товарищѣ ея игры. Охваченная воспоминаніями, Аснатъ не замѣчала, что имя брата бросало въ краску блѣдное, прозрачное лицо Хиселать, а большіе черные глаза ея загорались огнемъ.

Съ поникшей головой вернулся домой Іосэфъ; встрѣча съ царевной напомнила ему слова Якова и пробудила въ душѣ какое-то смутное, непонятное ему самому, чувство. Но разбираться въ своихъ чувствахъ у него не было времени; его личный писецъ доложилъ, что уже болѣе часу его ожидаетъ гонецъ отъ фараона, требующаго его немедленно къ себѣ. Вздохнувъ съ досадой, — ему такъ страстно хотѣлось въ эту минуту отдыха и одиночества, — онъ приказалъ подать себѣ новое одѣяніе и черезъ полчаса входилъ уже въ рабочую палату фараона.

Блѣдный, съ нахмуреннымъ лицомъ, видимо взволнованный, Апопи ходилъ взадъ и впередъ по своему покою. При видѣ павшаго ницъ Іосефа, онъ остановился и сдѣлалъ ему знакъ встать.

— Наконецъ-то, ты явился, адонь!—сказаль онъ съ легкимъ неудовольствіемъ.—Ужь больше часу я жду тебя.

— Прости мнѣ, сынъ Ра, мою невольную оплошность. Я отлучился ненадолго, чтобы провѣдать старика отца, который несовсѣмъ здоровъ,—отвѣтилъ почтительно Іосэфъ.

— Опасно боленъ старикъ?

— Нѣтъ, фараонъ! По милосердію Элохима, онъ чувствуетъ себя гораздо крѣпче.

— Тѣмъ лучше. А теперь—къ дѣлу, по которому я и позваль тебя!—сказаль Апопи, садясь.—Депутація жрецовъ ходатайствуетъ объ аудіенціи—и я знаю—хочеть просить о томъ, чтобы въ виду тяжкаго положенія, въ которомъ находится народъ, хлѣбъ раздавался бѣднѣйшимъ даромъ, а отцамъ семей численностью болѣе десяти ѣдоковъ, считая тутъ же и рабовъ, отпускался по умѣреннымъ цѣнамъ. Просьба ихъ, конечно, справедлива, и я не прочь бы ее исполнить; но что ты думаешь объ этомъ?

Іосэфъ невозмутимо слушаль фараона и только гдѣ-то тамъ, въ глубинѣ его зеленоватыхъ глазъ, вспыхнулъ недобрый огонекъ.

— Твоя воля, фараонъ,—для меня законъ; но такъ какъ ты благоволишь выслушать мнѣніе твоего слуги, я долженъ выказать то, что внушаетъ моя преданность къ тебѣ. Если мы отпустимъ даромъ хоть одну мѣру зерна, никто уже не захочеть болѣе платить; этимъ мы широко распахнемъ дверь для тысячи обмановъ и увертокъ, а неизмѣримая сила, сосредоточенная въ твоихъ рукахъ, рассыплется подобно песку безъ всякой пользы для тебя, къ выгодѣ твоихъ враговъ. Теперь всѣ области Верхняго Египта отдають въ твои руки свои сокровища и земли; скоро вокругъ Таа будутъ только твои рабы; даже если у него найдутся еще золотыя кольца, такъ вѣдь металломъ солдата не накормишь! Обстоятельства предадутъ тебѣ опаснѣйшаго изъ твоихъ враговъ. Если жъ мы начнемъ раздавать даромъ хлѣбъ такъ называемымъ бѣднымъ, то наши склады истощатся быстро; подлая и уже отъ природы неблагодарная толпа живо возмутится, подстрекаемая жрецами, которые будутъ ей нашептывать, что ты даешь имъ слишкомъ мало. Почему же достопочтенные отцы зывають къ твоимъ щедротамъ, вмѣсто того чтобы самимъ

прійти на помощь голодающимъ? Вѣдь земли ихъ не только свободны отъ налоговъ, но самый хлѣбъ выдается имъ даромъ.

Апопи задумчиво выслушалъ его и, когда Иосѣфъ кончилъ, то нервно потеръ себѣ лобъ.

— Да, ты правъ, какъ всегда; а все же мнѣ ужасно тяжело, что люди мрутъ съ голоду, когда имъ можно было бы помочь. Развѣ ты не боишься, что народъ, доведенный до отчаянія, разграбить житницы?

— Пускай попробуетъ! О, будь спокоенъ, фараонъ; житницы хорошо охранены и я съумѣю заставить всюду уважать твой авторитетъ и государственное добро.

— Ну, такъ дѣлай, какъ знаешь; только я не хочу вмѣшиваться въ это дѣло. Скажусь больнымъ, а депутація велю обратиться къ тебѣ. Какъ хочешь, такъ и отвѣчай жрецамъ.

— Я постараюсь доказать имъ, что мы ихъ не боимся; уступить—значило бы выказать имъ свою слабость, —отвѣчала Иосѣфъ, откланиваясь фараону.

Когда, три дня спустя, депутація изъ наиболѣе уважаемыхъ жрецовъ страны явилась къ адону, онъ отказалъ холодно и гордо, сопровождая свою рѣчь различными насмѣшками.

За этой неудачной попыткой жрецовъ облегчить участь народа, все кругомъ смолкло снова и впало въ безмолвную апатію; каждый, казалось, думалъ только о томъ, какъ бы поддержать свое существованіе, и храмы, по мѣрѣ силъ, старались прійти на помощь населенію. Но подъ этимъ наружнымъ спокойствіемъ клокоталъ вулканъ, и въ возбужденныхъ умахъ роились смѣлые, кровавые планы—во что бы то ни стало положить конецъ невыносимому положенію и жестоко отомстить тирану, который спокойно давалъ людямъ умирать голодной смертью, въ виду неисчерпаемыхъ запасовъ хлѣба.

Ослѣпленный гордостью и всецѣло поглощенный честолюбивыми замыслами, рисовавшими ему въ виду тронъ фараона, Иосѣфъ мало беспокоился о чувствахъ своихъ будущихъ подданныхъ; зато онъ строго слѣдилъ, чтобы ни одинъ признакъ такого народнаго неудовольствія не прорывался наружу. Замѣчательно организованная имъ полиція, какъ наружная, такъ и тайная, открывала и душила малѣйшую попытку къ возстанію или заговору противъ него или особы фараона. Сверхъ

того, благодаря смутному чувству, которое разбудили въ немъ слова отца, онъ сталъ подозрительно наблюдать за Хиселать и, къ своему неудовольствію и удивленію, уловилъ въ глазахъ царевны, во время разговора ея съ Армаисомъ, такое выраженіе, которое не оставило ни малѣйшаго сомнѣнья насчетъ чувствъ, внушенныхъ дочери фараона молодымъ человѣкомъ. Сдѣлавъ это открытіе, Іосэфъ всесторонне обсудилъ его — и возможные послѣдствія этого, вовсе не входившаго въ его расчеты, обстоятельства сильно встревожили его. Вліяніе Хиселать на отца давало ей возможность добиться отъ него желаемаго, а съ другой стороны, высокое происхожденіе Армаиса дѣлало союзъ ихъ вполне осуществимымъ.

Вѣроятность подобнаго брака приводила Іосефа въ бѣшенство; сынъ верховнаго жреца Геліополя, сдѣлавшись затемъ фараона, могъ, ради политической цѣли, оказаться опаснымъ соперникомъ. Однако, по зрѣломъ обсужденіи вопроса, Іосэфъ нашелъ выходъ изъ этого положенія, — выходъ, который во всѣхъ отношеніяхъ успокоилъ его.

Нѣсколько дней спустя, онъ встрѣтилъ Армаиса при выходѣ изъ царскихъ покоевъ.

— Ты забываешь насъ, — сказалъ Іосэфъ, дружески пожмая ему руку и не обращая вниманія на видимое равнодушіе, съ которымъ тотъ выполнялъ предписанный обрядъ привѣтствія. — Еще сегодня утромъ, Аснатъ жаловалась, что не видала тебя цѣлую вѣчность. Кромѣ того, мнѣ надо переговорить съ тобой по дѣлу; приходи завтра.

— Въ которомъ часу долженъ я буду явиться? — спросилъ холодно Армаисъ.

— Буду ждать тебя послѣ совѣта.

IV.

На слѣдующій день Армаисъ, явившись во дворецъ адона за часъ до назначеннаго времени, прошелъ сначала на половину сестры. Аснатъ сидѣла въ покоѣ, примыкавшемъ къ ея рабочей комнатѣ, и была занята разборомъ груды матерій и вышитыхъ одеждъ, которыя надзирательница съ двумя рабынями подавали ей. При видѣ брата, она живо отослала женщинъ и съ улыбкой протянула ему обѣ руки.

— Наконецъ-то, я тебя вижу, Армаисъ! Почему ты избѣгаешь меня, словно не знаешь, какъ мнѣ необходимо видѣть близкое и дорогое мнѣ существо.

Сѣвъ на скамью рядомъ съ нею, Армаисъ нѣжно обнялъ ее и прошепталъ:

— Ты знаешь, что вовсе не недостатокъ любви къ тебѣ удерживаетъ меня отъ частыхъ посѣщеній; мнѣ просто претитъ переступить порогъ дома, гдѣ живетъ этотъ шакаль, угнетающій Египеть. Что-то подымается во мнѣ, когда я дышу однимъ воздухомъ съ нимъ, и мысль, что ты въ его власти, что ты его жена, разрываетъ мое сердце на части. Какъ могла бы ты быть счастлива съ...—онъ замылся.

Аснатъ вздохнула, ничего не отвѣтивъ. Послѣ нѣкотораго молчанія, замѣтивъ озабоченное выраженіе лица Армаиса, она спросила:

— У тебя какая нибудь неприятность, братъ? Ты встрѣвожень чѣмъ-то?

— Твой всевластный супругъ потребовалъ меня сегодня по дѣлу. Это не къ добру, ибо дѣлъ у меня съ нимъ нѣтъ!

— Ты опасаясь чего нибудь?

— Нѣтъ, ничего особенно. Но онъ ненавидитъ меня настолько же, насколько я его презираю; мало хорошаго, когда эта змѣя назначаетъ кому нибудь свиданіе съ глазу на глазъ.

Аснатъ поблѣднѣла.

— Будь откровенень, Армаисъ! Ты, можетъ быть, замѣшанъ въ какой нибудь заговоръ? — тревожно спросила она, заглядывая ему въ глаза.—Я знаю, что ихъ много теперь, но это все напрасныя попытки. Я угадала, скажи? А если такъ, я защищу тебя, хотя бы цѣною моей жизни. Впрочемъ, ты мой братъ, близкій родственникъ Іосѣфа, и онъ твоей головы не тронетъ!

Армаисъ отвернулся, чтобы скрыть отъ нея горькую, ироническую улыбку; но, быстро овладѣвъ собой, сказалъ:

— Не тревожь себя напрасно, сестра! Печальное положеніе отечества беспокоитъ всякаго. Общая ненависть и бѣдствіе растутъ день ото дня. Одинъ видъ этой шайки людей, утопающихъ въ довольствѣ, когда кругомъ все мретъ съ голоду, способенъ довести до отчаянія разоренный народъ. Если когда

нибудь народное негодованіе разразится бунтомъ, дражайшимъ братцамъ твоего супруга придется плохо...

— Шш!.. — перебила его Аснатъ, указывая на садъ глазами: изъ боковой аллеи шла Серагъ въ сопровожденіи своей египетской наставницы. Хороша она была — безспорно; съ матовымъ цвѣтомъ лица, съ черными, какъ смоль, косами и большими жгучими глазами, она была олицетвореніемъ настоящей восточной страстной красоты. Ярко-пестрая туника, красныя сандаліи и множество надѣтыхъ драгоценностей портили впечатлѣніе, придавая ей грубый, пошлый видъ.

— Вотъ гостя, которая, должно быть, тебѣ порядочно таки въ тягость; воспитать ее, я полагаю, не легко! — шопотомъ замѣтилъ Армаисъ.

— Я этимъ и не занимаюсь; довольно того, что я терплю эту дикарку въ своемъ домѣ. Рѣшительно не понимаю, зачѣмъ Іосэфъ непременно хотѣлъ имѣть ее при себѣ?

— Да чтобы выдать ее за когонибудь изъ нашей знати; это не подлежитъ сомнѣнію! — насмѣшливо отвѣтилъ Армаисъ.

Въ это время та, о которой шла рѣчь, подошла къ нимъ и, угловато поклонившись, принялась самымъ наивнымъ образомъ разглядывать Армаиса. Однако, его холодный взглядъ смутилъ ее; она круто повернулась и убѣжала въ садъ.

— Совсѣмъ дикарка! Отъ души сожалѣю того несчастнаго, котораго Іосэфъ наградитъ такой супругой, — прошептала Армаисъ, вставая. — До свиданья, сестра; мнѣ пора быть у адона.

— А ты зайдешь потомъ ко мнѣ? Вашъ разговоръ меня тревожить.

— Да, если онъ меня долго не задержитъ и произойдетъ, къ тому же, что нибудь важное.

Скрестивъ на груди руки, Іосэфъ ходилъ по своей рабочей комнатѣ; онъ только что отпустилъ депутацію египтянъ изъ Өивъ, приходившую за покупкой хлѣба, и казался озабоченнымъ. При входѣ Армаиса, онъ кивкомъ головы отвѣтилъ на его привѣтствіе и сѣлъ къ столу, жестомъ пригласивъ того садиться.

— Я къ твоимъ услугамъ, адонъ! Чтò пожелалъ ты сообщить мнѣ? — спросилъ Армаисъ, не сядя, а прислоняясь къ открытому окну.

Облокотясь на столъ, Иосѣфъ молча сталъ пристально разсматривать Армаиса, отъ котораго въ эту минуту вѣяло только холоднымъ, горделивымъ презрѣніемъ. Злая усмѣшка мелькнула на лицѣ адона. Какъ это величавое, спокойное презрѣніе быстро смѣнить бурный гнѣвъ и какъ эта же самая надменная спина согнется подъ его желѣзной рукой!

— Я жду, чтò ты мнѣ скажешь. Вѣдь не призвалъ же ты меня, чтобы любоваться мной? — нетерпѣливо спросилъ, наконецъ, Армаисъ.

— Именно! Я говорилъ себѣ, что человѣкъ, богато одаренный отъ природы, высокаго происхожденія, такъ хорошо поставленный въ обществѣ, долженъ бы жениться, — отвѣтилъ Иосѣфъ, придвигая къ себѣ ларецъ изъ слоновой кости и вынимая оттуда два свитка папируса и таблички. — Я напелъ тебѣ невѣсту и желаю, чтобы ты на ней женился, — прибавилъ онъ.

— Доброта твоя, по истинѣ, безгранична; но въ этомъ личномъ дѣлѣ мнѣ хотѣлось бы сдѣлать выборъ самому, — вздрогнувъ отъ негодованія, отвѣтилъ Армаисъ.

— Положимъ; пеняй же на себя, что ты раньше не сдѣлалъ этого. Теперь я за тебя рѣшилъ; тебѣ остается лишь одобрить мой вкусъ и жениться на моей племянницѣ Серагъ. Ее предназначаю я тебѣ въ супруги.

Кровь съ такой силой ударила Армаису въ голову, что онъ зашатался; потерявъ всякое самообладаніе, онъ бросился къ столу, за которымъ сидѣлъ Иосѣфъ.

— Ты, кажется, съ ума сошелъ! Какъ ты смѣешь такъ оскорблять меня? — воскликнулъ онъ съ пѣной у рта. — Мнѣ жениться на этой грязной, дикой дѣвушкѣ твоего племени? Да такой мерзкой твари я бы и въ наложницы себѣ не взялъ. Довольно ужъ стыда для моего почтеннаго семейства, что одинъ изъ его членовъ — вольноотпущенникъ! — Онъ остановился, задыхаясь.

Иосѣфъ поблѣднѣлъ; злобнымъ, ядовитымъ взглядомъ окинулъ онъ Армаиса.

— О! благородство твоей семьи мнѣ достаточно извѣстно; но спрашиваю, чтò болѣе безчестить ее: родство ли съ бывшимъ рабомъ, или съ крамольникомъ, посягающимъ на жизнь фараона? Смотри, — онъ развернулъ одинъ изъ вынутыхъ изъ

ларца папирусовъ,—и ты увидишь, что голова твоя не прочна на плечахъ и что ты, со всѣми сообщниками, можешь кончить висѣлицей.

При одномъ взглядѣ на свитокъ папируса, Армаисъ смертельно поблѣднѣлъ; голова закружилась и онъ ухватился за столикъ, чтобъ не упасть.

— Итакъ, будущій цареубійца, спесь твоя словно поубавилась? — съ презрѣніемъ замѣтилъ Юсэфъ. — Теперь скажу тебѣ одно, что ваши заговоры я презираю: это—дѣтская игра, которую я уничтожу также легко, какъ комкаю этотъ папирусъ. Я только хотѣлъ доказать тебѣ, что ты—соломенка въ моихъ рукахъ. Если ты понялъ меня и дорожишь своей головой и головами твоихъ сумасбродовъ-товарищей, то не станешь болѣе противиться браку съ молодой, красивой, невинной дѣвушкой, которую я тебѣ выбралъ въ жены.

Армаисъ закрылъ глаза; такая буря разразилась въ его душѣ, кровь такъ бушевала въ немъ, что онъ на минуту думалъ, что задохнется. Онъ сознавалъ себя мухой, попавшей въ паутину. Еслибы рѣчь шла только объ немъ, онъ не задумался бы скорѣе умереть, чѣмъ жениться на дѣвушкѣ, внушавшей ему только отвращеніе; но могъ ли онъ пожертвовать жизнью благороднѣйшей молодежи Египта, его друзей и товарищей,—обречь на горе и трауръ столько семействъ? Да, этотъ человекъ былъ правъ: заговоры, открываемые и такъ разумно имъ уничтожаемые, не могли пугать его; а, между тѣмъ, уступить ему и согласиться на его требованія — было жертвой, превышающей его силы.

Тяжелое молчаніе воцарилось въ комнатѣ; наконецъ, Армаисъ выпрямился, успѣвъ уже овладѣть собой.

— Ты правъ, адонъ: ты удивительно умѣешь защищать жизнь фараона и свою собственную,—сказалъ онъ хрипло, съ ненавистью смотря на своего врага. — Сколько уже лѣтъ униженіе и разореніе египетскаго народа, судьба котораго, къ несчастью, попала въ твои руки, служатъ тебѣ забавой! Игрушкой своей злобы ты выбралъ именно мою семью; тебѣ мало было унижить Аснатъ союзомъ съ тобой,—теперь настала моя очередь! Чтобы разбить сердце отца и обезчестить меня, осквернивъ чистую, благородную кровь, текущую въ моихъ жилахъ, кровью твоего народа, ты навязываешь мнѣ въ жены эту отврати-

тельную дѣвку! Ты отлично знаешь, что смерть отъ руки палача,—порази она только одного меня,—я предпочелъ бы подобному союзу,—такъ нѣтъ! цѣною жизни моихъ друзей, ты заставляешь меня подчиниться твоимъ требованіямъ. Но ты ошибаешься, если думаешь поднять этимъ свое значеніе въ глазахъ народа; всякій пойметъ, что я, какъ и Аснатъ, являемся жертвами твоего насилія. Для всякаго египтянина, ты останешься по прежнему нечистымъ рабомъ; а твоя семья—шайкой проходимцевъ, насыщающихся тѣмъ, что отнимается у истинныхъ сыновъ Кеми.

Иосэфъ всталъ; онъ далъ ему докончить, не прерывая; вздрагивавшія губы и сверкавшіе глаза доказывали, какая буря бушевала въ немъ.

— Кидая мнѣ въ лицо всѣ эти оскорбленія, ты черезчуръ ужъ злоупотребляешь моимъ родствомъ съ тобой,—глухо сказалъ, наконецъ, Иосэфъ.—Ты попрекаешь меня тѣмъ, что каждый день могло бы случиться и съ тобой, благодаря превратностямъ войны. Не по рожденію, а по несчастію былъ я рабомъ; я—сынъ главы племени, властелина болѣе свободнаго, чѣмъ ваши цари, платящіе, тѣмъ не менѣе, дань Апопи. Нашъ союзъ никого не позоритъ; оттого-то я и рѣшилъ смѣшать мою кровь съ вашей, что вы считаете себя какой-то высшей расой. Слушайте же теперь мое безповоротное рѣшеніе! Если завтра ты не явишься открыто просить Серагъ себѣ въ жоны, то ты и всѣ сообщники твои будете схвачены, какъ злоумышлявшіе на жизнь фараона; если же ты станешь женихомъ—я буду молчать. Теперь ступай; я даю тебѣ время до завтра оправиться и обдумать хорошенько твое положеніе.

Молча, понуривъ голову, вышелъ отъ него Армаисъ; въ ушахъ звенѣло, мысли путались. Смутное сознаніе даннаго сестрѣ обѣщанія зайти къ ней слабо мерцало въ его головѣ. Шатаясь, какъ пьяный, и не обращая вниманія на удивленные взгляды рабовъ, побрелъ онъ въ покои Аснатъ и, узнавъ, что сестра на большой террасѣ, велѣлъ провести себя туда.

У Аснатъ была гостья, царевна Хишелать; по своему обыкновенію, она пришла черезъ сады навѣстить своего друга, и супруга адона, позабывъ свою тревогу, вызванную словами брата, усѣлась со своей высокой гостьюю за маленькимъ столомъ, въ тѣни душистаго кустарника. Лакомясь сластями,

онѣ оживленно бесѣдовали о приближавшемся праздникѣ священной рѣки, къ которому готовились пышныя религиозныя церемоніи, чтобы вымолить у боговъ разлитіе Нила.

Замѣтивъ брата, который невѣрнымъ шагомъ направлялся къ нему, — блѣдный, какъ полотно, съ помутившимся взоромъ, — Аснатъ вскочила съ мѣста:

— Что съ тобой, Армаисъ? Что случилось? — вскричала она, бросаясь къ нему.

Тотъ ничего не отвѣтилъ; голова у него по прежнему кружилась и, не замѣчая Хишелать, вставшей съ удивленіемъ при видѣ его, онѣ невѣрной рукой искалъ какой нибудь опоры. Схватившись, наконецъ, за стоявшее по близости кресло, онѣ почти упалъ въ него; голова запрокинулась, и онѣ потерялъ сознание. Съ быстротой молніи, очутились около него обѣ женщины.

— Скорѣй, Аснатъ, воды и какихъ нибудь ароматовъ, — распорядилась Хишелать, поблѣднѣвъ отъ волненія и собственными руками поддерживая безпомощно-свѣсившуюся голову Армаиса. Аснатъ торопливо схватила со стола амфору съ водой и приказала стоявшей у двери негритянкѣ принести скорѣе ея ларецъ съ лѣкарствами.

— Поддержи его! — рѣшительно приказала Хишелать. Наливъ въ чашу воды, она вылила туда жидкость изъ маленькаго флакона, висѣвшаго у нея на поясѣ на золотой цѣпочкѣ, смочила платокъ и вытерла имъ лицо Армаиса. Прикосновеніе холодной воды и ароматовъ привело его въ сознание; Армаисъ вздрогнулъ и открылъ глаза. Неясный взоръ его не сразу призналъ въ склонившейся надъ нимъ молодой дѣвушкѣ дочь фараона; но, убѣдившись въ этомъ, онѣ вздрогнулъ и попытался встать. Царевна вспыхнула, выпрямилась и, положивъ ему руку на плечо, ласково сказала:

— Сиди, благородный Армаисъ, и оправься. Я ухожу и ты отдохнешь, пока Аснатъ меня проводить!

Не успѣвъ Армаисъ пробормотать слова извиненія и благодарности, какъ царевна, сдѣлавъ на прощанье граціозно-величественный знакъ рукой, повернулась и торопливо спустилась съ террасы. Какъ только Хишелать и Аснатъ остались въ аллеѣ однѣ, царевна остановилась и, подавъ руку подругѣ, сказала:

— Вернись къ брату; онъ, кажется, боленъ или страшно разстроены. А я и одна дойду до бесѣдки, гдѣ меня ждуть. Только сегодня вечеромъ, а то лучше завтра поутру, приходи ко мнѣ и, если тебѣ понадобится помощь моя у фараона, рассчитывай на меня!

Не дожидаясь отвѣта, она повернулась и, съ легкостью газели, исчезла за поворотомъ аллеи. Почти бѣгомъ вернулась Аснатъ на террасу, гдѣ въ мрачномъ отчаяніи, облокотившись обѣими руками на столъ, сидѣлъ Армаисъ.

— Говори, чтѣ случилось? Я чувствую что-то ужасное!— прошептала Аснатъ, обнимая брата и прижимаясь къ нему.

Армаисъ судорожно обнялъ ее.

— Аснатъ, Аснатъ! Стряслось такое горе, такой позоръ, что мой языкъ не поворачивается передавать тебѣ ихъ. Этотъ нечистый песь нашель, должно быть, что чаша униженія, которымъ онъ поить нашу семью, недостаточно еще горька и заставляетъ меня жениться на мерзкой дѣвкѣ своего племени,— отравъ твоего дома.

— Серагъ? Возможно ли! И ты согласился?—воскликнула внѣ себя Аснатъ.

— Я долженъ былъ согласиться,—прошепталъ Армаисъ и, наклонившись къ сестрѣ, прибавилъ тихо, такъ что она одна могла слышать:—Развѣ ты не пожертвовала собой? Еслибы я могъ отдать палачу только свою голову, я съ радостью сдѣлалъ бы это скорѣе, чѣмъ дать свое согласіе на несчастіе, равняющееся медленной смерти; но еще пятнадцать человѣкъ замѣшаны со мной (онъ быстро назвалъ нѣсколько именъ) и этотъ бракъ поставилъ онъ условіемъ ихъ спасенья.

— Негодяй! Какъ осмѣлился онъ нанести такое оскорбленіе?—сказала Аснатъ, дрожа отъ негодованія.

— Кромѣ того,—продолжалъ Армаисъ,—въ ихъ числѣ есть человѣкъ, который нѣкогда былъ тебѣ чрезвычайно дорогъ и котораго я люблю, какъ брата. Если станетъ извѣстнымъ, что онъ здѣсь, онъ погибъ.

Аснатъ поблѣднѣла.

— Какъ, онъ здѣсь? Онъ? Какимъ же образомъ?—пробормотала она.

— Для закупки хлѣба изъ Оивъ прибыли жрецы и купцы;

онъ присоединился къ нимъ, переодѣтый писцомъ, и скрывается теперь въ храмъ Изиды.

— Ахъ, еслибы я могла его увидѣть!

— Да и онъ будетъ счастливъ; по прежнему онъ любить тебя и неизмѣнно тебѣ вѣренъ. Если сегодня вечеромъ ты придешь въ храмъ, я предупрежу' его и тебя къ нему проведу.

Минуту колебалась Аснатъ, видимо борясь сама съ собой; затѣмъ она подняла голову и сказала шопотомъ:

— Предупреди его—я приду!

Когда Армаисъ ушелъ, Аснатъ удалилась къ себѣ въ спальню, приказала спустить занавѣсы у оконъ, выслала всѣхъ вонъ и бросилась на постель, стараясь привести въ порядокъ свои мысли. Невыразимый гнѣвъ кипѣлъ въ ней противъ мужа; ужасное намѣреніе его женить Армаиса,—ея дорогаго красавца Армаиса,—на этой неотесанной дѣвчонкѣ презрѣнной расы до такой степени выводило ее изъ себя, что въ этомъ раздраженіи совершенно потонуло обычное чувство,—смѣсь ненависти, любви и страсти,—которое внушала ей Іосефъ. Въ это мгновеніе она только отъ всей души ненавидѣла неумолимаго человѣка, жестоко мстившаго ея семьѣ за выказываемое ему презрѣніе.

Въ этомъ душевномъ настроеніи образъ ея бывшаго жениха всталъ передъ ней, окруженный особымъ ореоломъ. Какъ онъ былъ нѣженъ и безконечно добръ; какъ, подъ вліяніемъ его, дѣтскія вспышки ея гнѣва всегда таяли и счастливо успокоивались! Никогда не замѣчала она въ его глазахъ такого выраженія, которое заставляло ее трепетать и содрогаться, какъ подъ жгучимъ, властнымъ взглядомъ Іосефа. И какую счастливую, согласную жизнь вела бы она съ Горомъ! Ее охватило страстное желаніе увидѣть его; отдавшись своимъ воспоминаніямъ, она закрыла глаза.

Ни Аснатъ, ни Іосефъ не отдавали себѣ отчета въ томъ, что самая странность существовавшихъ между ними отношеній приковывала ихъ другъ къ другу. То ненависть, то становясь неволью подъ могучимъ обаяніемъ мужа его рабой, Аснатъ была не въ состояніи разобратъся и совершенно потерялась въ хаосъ волновавшихъ ее чувствъ: въ присутствіи мужа воспоминаніе о данной клятвѣ и о позорѣ семьи дѣлало ее

холодной и молчаливой; когда же онъ былъ далеко, ее тянуло къ нему, влекло въ его объятія, чтобы сказать: «люблю тебя» и упиваться его радостнымъ взглядомъ и страстными поцѣлуями. Съ своей стороны, Іосэфъ, подъ обаяніемъ страсти, чувствовалъ себя вѣчно оскорбленнымъ ея холодностью, которую хотъ и считалъ маской, но побѣдить которую онъ тѣмъ не менѣе не могъ. Гордость мужчины шептала ему наказать ее равнодушіемъ, пока она не смирится и не сознается откровенно въ своей любви. Эта-то глухая борьба противорѣчивыхъ чувствъ и создавала магнитъ, притягивавшій ихъ другъ къ другу и сохранившій въ ихъ отношеніяхъ, послѣ десятилѣтняго супружества, свѣжесть и силу любви медоваго мѣсяца.

Отдавшись своимъ воспоминаніямъ, Аснатъ такъ замечталась о прошломъ, что совершенно забыла дѣйствительность и не замѣтила, что въ комнату вошелъ Іосэфъ. Очнулась она только тогда, когда онъ, своимъ звучнымъ голосомъ, громко спросилъ ее:

— Ты больна, Аснатъ? Съ самаго утра лежишь ты въ темной комнатѣ.

Видъ мужа, раздвигавшаго у окна занавѣсъ, пробудилъ весь ея гнѣвъ; вспыхнувъ, она вскочила на ноги.

— И ты еще спрашиваешь, почему я бѣгу отъ свѣта?—воскликнула она, сверкая глазами.—Послѣ оскорбленій, которыя ты намъ наносишь, негодный, мстительный человекъ, не было бы удивительно, еслибы я лишила себя жизни.

Въ первый разъ, послѣ столькихъ лѣтъ, то была прежняя Аснатъ—смѣлая, вспыльчивая и своенравная. Ея оживленное лицо, пылающія щоки и нетерпѣливо топающая по цыновкѣ ножка приводили Іосэфа въ восторгъ, и ему невольно вспомнилась сцена въ бесѣдкѣ, когда она бросилась на него съ топоромъ въ рукѣ. Но, по обыкновенію, онъ подавилъ свое чувство и спокойно сказалъ:

— Я прошу тебя воздержаться отъ оскорбленій и положительно не знаю, чѣмъ я тебя обидѣлъ.

— Ахъ, ты не знаешь? какъ ты наивенъ! Достаточно, я полагаю, завлечь Армаиса въ западню, чтобы обезчестить его потомъ.

— Вовсе не я, а самъ твой братъ обезчестить себя,

вмѣшиваясь въ преступный заговоръ. Его женитьба на Серагъ можетъ быть унизительна только въ вашемъ воображеніи.

— Я не хочу въ невѣстки это животное, которое для меня хуже гадины; она противна Армаису. Иосэфъ, откажись отъ этой мысли, которую тебѣ внушила ненависть и недостойное желаніе унизить насъ!—внѣ себя воскликнула Аснатъ.

— *Моей* женѣ не слѣдовало бы говорить: *«унизить насъ»*, когда рѣчь идетъ о союзѣ съ моей семьей, — съ горечью замѣтилъ Иосэфъ.—Я вижу, что ты по прежнему стоишь на сторонѣ моихъ враговъ. Но измѣнять принятому разѣ рѣшенію — не въ моихъ правилахъ, какъ тебѣ извѣстно, и твой неотразимый Армаисъ женится на Серагъ, тѣмъ болѣе, что ни своей внѣшностью, ни своимъ приданымъ она не посрамить семьи Потифары.

— Ты хочешь дать ей приданое? Разумѣется, изъ тѣхъ земель, золота и драгоценностей, которыя ты отнялъ у голодающихъ. Тогда Армаису придется прибить къ носилкамъ надпись или глашатаями возвѣстить, что это жена его; иначе бывшіе владѣльцы драгоценностей примутъ ее за ростовщицу изъ пригорода,—насмѣшливо отвѣтила Аснатъ.

Иосэфъ вспыхнулъ и нахмурилъ брови.

— Я вижу, что раньше, чѣмъ говорить съ тобой, полезнѣе будетъ выждать, пока ты успокоишься и къ тебѣ вернется рассудокъ,—рѣзко сказалъ онъ, поворачиваясь къ выходу.

Въ гнѣвѣ Аснатъ ходила по комнатѣ, ожидая съ нетерпѣніемъ, когда наступитъ время отправиться въ храмъ. Въ эту минуту, чѣмъ больше ненавидѣла она Иосѣфа, тѣмъ больше хотѣлось ей увидѣть Гора. Да, слова любви и нѣжности, — которыхъ напрасно жаждалъ услышать адонъ и въ чемъ она упрямо ему отказывала, — она отдастъ его сопернику.

Когда наступила ночь, она приказала подать себѣ носилки и, въ сопровожденіи кормилицы, отправилась въ храмъ Изиды. Всѣмъ въ домѣ была извѣстна ея набожность и нерѣдкое посѣщеніе ночныхъ жертвоприношеній Озирису, а потому ея теперешній выѣздъ не обратилъ на себя ничего вниманія.

Оставивъ, какъ всегда, носилки и людей при самомъ входѣ въ священное мѣсто, Аснатъ вошла одна въ слабо освѣщенную одинокой лампой колоннаду; жрецъ, сторожившій у дверей,

встрѣтилъ благородную посѣтительницу и тотчасъ повелъ ее во внутрь храма. Остановившись у подножія статуи, колосальные очертанія которой терались въ полутьмѣ, жрецъ прошепталъ:

— Дозволь, благородная женщина, завязать тебѣ глаза и безъ боязни довѣрся мнѣ.

— Дѣлай, что надо,—коротко отвѣтила Аснатъ. Послѣ того какъ жрецъ завязалъ ей глаза, она почувствовала, что сильныя руки подняли ее на воздухъ и она потеряла всякую возможность ориентироваться, въ какую сторону ее несли; чувствовала она только, что они спускались внизъ по лѣстницѣ и прошли узкій коридоръ,—узкій потому, что одежда ея касалась стѣнъ. Наконецъ, несшій ее жрецъ остановился, поставилъ ее на землю и снялъ повязку.

Съ любопытствомъ и удивленіемъ оглядѣлась кругомъ Аснатъ и увидѣла, что находится въ длинной подземной залѣ, поддерживаемой низкими массивными колоннами, покрытыми сплошь, какъ и стѣны, ярко раскрашенными аллегорическими рисунками и таинственными знаками. Большой столъ, въ одномъ изъ угловъ, заваленный свитками папирусовъ и окруженный стульями, указывалъ, что зала, предназначенная въ обыкновенное время для совершенія таинствъ, теперь служила мѣстомъ для тайныхъ собраний. Множество лампъ, висѣвшихъ на потолкѣ, ярко освѣщали окружающіе предметы. Аснатъ осталась одна; проводникъ ея исчезъ. Сбросивъ на скамью свой плащъ и покрывало, она прислонилась къ колоннѣ. Чтобы обмануть свое нетерпѣніе, Аснатъ принялась машинально разсматривать причудливые рисунки на противоположной стѣнѣ, чутко прислушиваясь къ малѣйшему шороху. Вдругъ быстрые шаги, раздавшіеся на другомъ концѣ залы, заставили ее вздрогнуть; обернувшись, она встрѣтилась лицомъ къ лицу съ Горомъ, подобно ей, блѣднымъ отъ волненія.

— Горь! — едва могла произнести она взволнованнымъ голосомъ.

Горь безмолвно обнялъ ее и прижалъ къ своей груди; счастье и горе, наполнявшія его душу, сковывали уста и Аснатъ безмолвно склонилась головой на плечо своего бывшего жениха. Горь оправился первый, подвелъ ее къ скамейкѣ и усадилъ рядомъ съ собой.

— Спасибо, что пришла, моя возлюбленная! Радость свиданія съ тобой придастъ мнѣ мужества на время разлуки и ожиданія. Скажи, ты не забыла, любишь еще меня?

— Я сдержала свое слово, Горь!—прошептала Аснатъ:—ни разу еще не сказала я этому человѣку: «люблю тебя».

Горь наклонился и испытующимъ безмолвнымъ взглядомъ заглянулъ ей въ глаза.

— Благодарю тебя! Скажи же мнѣ, Аснатъ, какъ сложилась твоя семейная жизнь? Ты счастлива?

— Нѣтъ, я несчастлива,—отвѣтила она, разражаясь вдругъ рыданьями. — Я чужая въ собственномъ домѣ и живу подъ вѣчнымъ гнетомъ; Иосѣфъ ненавидитъ всѣхъ моихъ и даже безчеститъ Армаиса позорнымъ бракомъ.

При воспоминаніи о послѣдней ссорѣ съ мужемъ, ее охватила прежняя къ нему злоба, проснулось желаніе оскорбить, заставить его мучиться и, встрѣтивъ открытый, любящій взглядъ своего бывшаго жениха, ей показалось, что только онъ одинъ могъ дать ей спокойное счастье и то душевное равновѣсіе, котораго недоставало въ ея отношеніяхъ къ Иосѣфу.

— Да, Горь, тебя, и только одного тебя, люблю я. Съ тобой я утратила и свое счастье!—воскликнула она, бросаясь къ нему на шею.

Въ радости онъ прижалъ ее къ себѣ.

— Надѣйся, Аснатъ! Хотя освобожденіе и не идетъ такъ скоро, какъ бы намъ того хотѣлось, но часъ его все же приближается. Лишь только чудовище, угнетающее Египетъ, будетъ свержено, какъ ты, подобно лучу Ра, освѣтишь мой опустѣлый домъ. А теперь успокойся; слезы твои, которыхъ мнѣ не осушить, разрываютъ мое сердце.

Чтобы развлечь Аснатъ, онъ сталъ рассказывать все, что пережилъ за эти годы, пока, наконецъ, ихъ разговоръ не былъ прерванъ жрецами, собравшимися на тайное совѣщаніе и напомнившими молодой женщинѣ, что ей пора уходить, дабы своимъ долгимъ отсутствіемъ не возбудить подозрѣній. Послѣ короткаго, но теплаго прощанья, Аснатъ тѣмъ же порядкомъ проводили до носилокъ.

Это свиданіе оставило странное впечатлѣніе въ ея душѣ. Когда Аснатъ уже совсѣмъ успокоилась, то пришла къ убѣжденію, что въ ея чувствѣ къ Горю что-то измѣнилось. Она

его любила, конечно, всей душой; онъ ей казался олицетвореніемъ мирнаго счастья, но все же, къ своему ужасу, она не могла не сознаться, что въ немъ не было того невыразимаго очарованія, которое навѣвалъ на нее Іосефъ, не смотря на бури и несогласія ихъ семейной жизни.

Извѣстіе о помолвкѣ Серагъ вызвало общее удивленіе; ледяное равнодушіе Армаиса бросилось въ глаза, подтверждая носившіеся въ обществѣ слухи, что бракъ—со стороны жениха вынужденный. Потифаръ и Ранофритъ были глубоко огорчены; для Потиферы это извѣстіе было такимъ ударомъ, что, когда ему сообщили его, онъ лишился чувствъ; но обморокъ этотъ былъ единственнымъ, выказаннымъ имъ, признакомъ неудовольствія. Съ виду онъ оставался спокойнымъ, только дольше обыкновеннаго заперался въ святилищѣ и казался мрачнымъ и сосредоточеннымъ.

Іосефъ торопилъ со свадьбой, которую, видимо, хотѣлъ отпраздновать съ царской пышностью, судя по приготовленіямъ во дворцѣ и приданому, назначенному невѣстѣ.

Отношенія обрученныхъ были въ высшей степени натянуты и тяжелы. Съ внѣшней стороны, Армаисъ былъ безупреченъ, исполнялъ всѣ обязанности жениха: присылалъ цвѣты и подарки, приготовилъ свой домъ и навѣщалъ невѣсту, но старательно избѣгалъ оставаться съ ней наединѣ и никогда не переступалъ границъ холодной вѣжливости, съ трудомъ скрывая свое отвращеніе, когда она брала его за руку или обнимала его, пользуясь минутой уединенія. Напротивъ, Серагъ, страстная по натурѣ, теперь безумно влюбилась въ своего красавца-жениха, и прежде ей нравившагося. Не умѣя владѣть собой и скрывать собственныя чувства, она бѣсилась, видя холодность Армаиса и не понимая, по умственному своему убожеству, какія причины могли внушать ему отвращеніе къ ней.

Потифера пріѣхалъ наканунѣ свадьбы; оставшись съ отцомъ наединѣ, Армаисъ далъ волю своему отчаянію; предстоявшая ему жизнь, казалось, превышала его силы.

— Успокойся, сынъ мой, и не теряй надежды на милосердіе боговъ. Съ вечера до утра можетъ случиться многое!—сказалъ верховный жрецъ; сопровождая слова свои такимъ страшнымъ взглядомъ, отъ котораго Армаисъ вздрогнулъ и смутился, но не посмѣлъ его разспрашивать.

Вечеромъ пришла Аснатъ; озабоченность Потифѣры была такъ очевидна; такой мрачный, грозный огонь горѣлъ въ его глазахъ, что она уѣхала разстроенная. Въ первый разъ ей было страшно съ отцомъ. Проведя бессонную, томительную ночь, Аснатъ на утро еще ворочалась въ постели, какъ вдругъ до ея слуха донесся отдаленный шумъ. Она съ испугомъ стала прислушиваться и убѣдилась что шумъ растетъ; слышались ясно крики и вопли. Она разбудила Юсѣфа, который вскочилъ, пораженный, но успокоилъ ее, обѣщая прійти сказать ей, какъ только узнаетъ самъ, въ чемъ дѣло. Пибизи съ испугомъ объявилъ адону, что въ покояхъ благородной Серагъ творится что-то неладное; ея служанки подняли тревогу, а что у нихъ случилось,—никто не знаетъ.

Охваченный дурнымъ предчувствіемъ, Юсѣфъ пошелъ въ покои племянницы. Женщины въ разодранныхъ одеждахъ, съ помертвѣлыми отъ страха лицами, толпились у входа, испуская раздирающіе душу пронзительные вопли, разносившіеся по всему дворцу. При видѣ Юсѣфа, онѣ, какъ безумныя, кинулись къ его ногамъ, крича: «Смилуйся надъ нами, господинъ, мы не виноваты!» Сердито отстранивъ ихъ, онъ вошелъ и, не обращая вниманія на служанокъ, катавшихся съ воплями по полу, приблизился къ постели. При первомъ взглядѣ на Серагъ, неподвижно лежавшую съ выраженіемъ безумнаго ужаса на сине-багровомъ лицѣ, Юсѣфъ съ испугомъ отшатнулся; вокругъ шеи дѣвушки обвилась змѣя, и черная рана на шеѣ объясняла случившееся.

Оправившись отъ изумленія, Юсѣфъ наклонился къ лежавшей и, въ тотъ же моментъ, змѣя подняла голову и зашипѣла. Его охватила внутренняя слабость и по тѣлу пробѣжала дрожь; ему почудилось, что передъ нимъ снова ужасные глаза незримаго врага,—той таинственной змѣи, которую нѣкогда онъ побѣдилъ духомъ и плотью. Поблѣднѣвъ, какъ полотно его тунки, Юсѣфъ въ ужасѣ попытался и задыхающимся голосомъ крикнуть: «Убить чудовище»!

Словно и змѣя поняла этотъ приказъ, и раньше, чѣмъ кто либо изъ оробѣвшихъ слугъ успѣлъ приблизиться, она развернулась, проползла по остывшей груди Серагъ и исчезла въ складкахъ ея смертнаго ложа.

Мрачный и сердитый вернулся Юсѣфъ въ свою опочи-

вальню, гдѣ испуганная и разстроенная Аснатъ слушала уже несвязный разговоръ служанки.

— Правда это? Возможно ли, чтобы Серагъ умерла?—спросила она тревожно мужа.

— Да; очевидно, боги Гелиополя чрезвычайно благосклонны къ твоему брату, избавивъ его отъ немилостивой жены!—отвѣтилъ онъ насмѣшливо; затѣмъ, взявъ изъ-подъ подушки свою печать и вышелъ изъ комнаты.

Какъ только Аснатъ собралась съ духомъ, она тотчасъ написала брату, извѣщая его о случившемся. Армаисъ всю ночь не смыкалъ глазъ и утромъ снова пошелъ къ отцу; къ своему удивленію, онъ нашелъ его спящимъ и на тревожные вопросы о его здоровьѣ верховный жрецъ отвѣчалъ ему, что онъ бодрствовалъ всю ночь. Оба замолчали и Армаисъ уже собирался идти одѣваться къ печальной для него церемоніи, какъ ему принесли таблички сестры. Едва онъ заглянулъ въ нихъ, какъ, ошеломленный, опустилсѣ на стулъ.

— Серагъ скончалась!—воскликнулъ онъ.—Отецъ, въ этомъ видна рука храма,—неувѣренно прибавилъ онъ.

— Это рука божества, чашу долготерпѣнія котораго переполнили злодѣянія этого человѣка, — божества, которое захотѣло доказать ему, что если онъ воленъ назначать день свадьбы, то выполнение предназначенія человѣка зависитъ отъ власти болѣе высокой,—медленно и важно отвѣтилъ Потифѣра.

Выраженіе неумолимой жестокости, которой повѣяло отъ него, ужаснуло Армаиса; никогда ничего подобнаго не видалъ онъ въ спокойныхъ, ясныхъ глазахъ своего отца.

— Теперь иди и приготовься выразить горе, для тебя обязательное въ этомъ случаѣ; вообще погибшимъ всегда надо оказывать почести и уваженіе. Ты же навсегда избавленъ отъ ненавистной тебѣ жены. Я иду принести жертву богамъ,—прибавилъ верховный жрецъ, отпуская сына.

V.

Тяжелый день, трагически начавшійся смертью Серагъ, близился къ концу, а у Юсафа не было еще ни минуты отдыха. Весь день адонъ былъ занятъ: сначала пріемомъ именитыхъ гостей, думавшихъ попасть на пиръ, а теперь явив-

шихся выразить ему свои соболѣзнованія; затѣмъ — торжественнымъ прїѣздомъ Армаиса, явившагося въ траурѣ и съ головой, посыпанной пепломъ, отдать, по обычаю, дань похвалы и сожалѣнія покойной невѣсты; наконецъ, распорядиться о похоронахъ. Только съ наступленіемъ ночи могъ Іосефъ удалиться въ свою рабочую комнату и на досугѣ обсудить случившееся. Мрачный, нахмутивъ брови, ходилъ онъ въ волненіи по комнатѣ. Что Серагъ пала жертвою тайнаго преступленія, — это было для него внѣ всякаго сомнѣнія; но искусство, съ которымъ эта невѣдомая рука освободила Армаиса отъ брака, несравненно болѣе унижительнаго для всей жреческой касты, чѣмъ его бракъ съ Аснатъ, заставило Іосефа призадуматься. Трудно было даже подозрѣвать когонибудь; женская половина охранялась многочисленными и преданными слугами, а Серагъ прислуживали и бодрствовали около нея въ эту ночь нѣсколько ея же соплеменницъ. И никто ничего не видѣлъ и не слышалъ; никто даже не замѣтилъ, когда именно умерла она, а, между тѣмъ, судя по ужасу, написанному на лицѣ Серагъ, она должна была проснуться. Или рука, впустившая змѣю, должна была быть черезчуръ искусна, или тайная наука храмовъ давала этимъ доказательство своего всемогущества. И вспомнился ему Шебна, который говорилъ ему, что магіи доступно вызывать подобныхъ вѣстниковъ смерти, подъ видомъ змѣй, скорпіоновъ и другихъ ядовитыхъ животныхъ, которыя подползали къ назначенной жертвѣ и убивали ее навѣрняка; хотя старецъ и не сообщалъ ему секрета волшебства, но тѣмъ не менѣе Іосефъ не сомнѣвался въ возможности такого дѣла. А разъ жрецы рѣшились на подобное средство, то и его собственная жизнь виситъ на волоскѣ. И, тяжело вздохнувъ, онъ отеръ потъ съ лица. Какъ ни ненавидѣлъ онъ жрецовъ, а все таки долженъ былъ молчать. Какъ доказать, что змѣя не спряталась въ цвѣтахъ или не вползла въ комнату изъ сада? Подобные случаи бывають нерѣдко. ❧

Приходъ Пибизи, его любимаго раба, прервалъ его размышленія.

— Господинъ, — сказалъ онъ, — пришелъ человекъ, словно издалека, судя по его усталому виду. Онъ говоритъ, что знаетъ тебя и хочетъ не медля тебя видѣть.

— Съ ума онъ сошелъ что ли? Выгони его вонъ и скажи, чтобы пришелъ въ пріемный день, если у него есть до меня просьба.

— Онъ не уходитъ, господинъ! Когда мы стали гнать его прочь, онъ намъ сказалъ, что ты накажешь насъ, такъ какъ у него есть до тебя важное дѣло.

— Въ такомъ случаѣ, введи его сюда и сторожи, чтобы никто насъ не подслушалъ.

Нѣсколько минутъ спустя, человѣкъ высокаго роста, закутанный въ темный плащъ, вошелъ въ комнату и палъ ницъ передъ Іосефомъ. Пытливый взоромъ осматривалъ адонъ пыльные одежды и старыя сандалии незнакомца, какъ видно, старика, судя по его длинной сѣдой бородѣ.

— Кто ты, и что тебѣ отъ меня надо? Говори скорѣе, не теряй времени!—сказалъ онъ строго.

— Постараюсь, могущественный владыка, исполнить твой приказъ.

Іосефъ вздрогнулъ, услышавъ звучный голосъ, показавшійся ему знакомымъ, хотя онъ и не могъ припомнить, гдѣ именно и когда онъ его слышалъ. Въ эту минуту незнакомецъ сбросилъ плащъ.

— Шебна! — воскликнулъ адонъ, отступая въ испугѣ. Старикъ не измѣнился; долгіе годы прошли, не оставивъ на немъ и слѣда; юношескій огонь горѣлъ по прежнему въ его глазахъ, когда онъ поднималъ ихъ и, не вставая съ колѣнъ, сказалъ:

— Да, это я! Настала тотъ часъ, который я предсказывалъ тебѣ, мой бывший ученикъ. Ты—на вершинѣ славы, а я, протершись во прахъ у ногъ твоихъ, пришелъ просить пристанища. Голодъ и меня привелъ къ тебѣ искать спасенья.

— Ты зналъ, что здѣсь найдешь меня?—спросилъ нерѣшительно Іосефъ.

— Нѣтъ, я потерялъ тебя изъ виду; можетъ быть, даже голодъ и не изгналъ бы меня изъ мирнаго убѣжища, въ которомъ я жилъ только для науки; да и много ли мнѣ нужно:—чаша свѣжей воды, да нѣсколько кореньевъ! Божественное повелѣніе вынудило меня взяться за странническій посохъ. Я расскажу тебѣ подробно, что случилось... Но не дозво-

лишь ли мнѣ встать; въ мои годы мнѣ ужь трудно стоять на колѣняхъ.

Видя движеніе Іосѣфа рукой, онъ всталъ и прислонился къ столу.

— Какъ-то ночью, когда я работалъ, явились мнѣ три человѣка въ бѣлыхъ одеждахъ, благообразныхъ видомъ, съ печалью на челѣ.—Приди намъ на помощь,—сказали они, бросаясь на колѣни и лобызая мои ноги:—ты приобрѣлъ силу и знанія, которыхъ нѣтъ у насъ. Освободи насъ отъ змѣи, которая овладѣла нашей родиной и душитъ насъ,—змѣи, притѣсняющей невиннаго и отнимающей послѣдній кусокъ хлѣба у бѣдняка, умирающаго съ голоду.—Я имъ отвѣтилъ, что они съ миромъ могутъ идти къ себѣ домой; что я вопрошу звѣзды и, если на то будетъ соизволеніе безсмертныхъ, онѣ укажутъ мнѣ страну и вмѣстѣ средства для ея освобожденія. Въ теченіи звѣздъ написаны предначертанія судьбы и я прочелъ: *«иди, мы приведемъ тебя!»* Путившись въ путь, пришелъ я въ землю Кеми, въ которой царитъ голодъ и нищета. Придя сюда, я услышалъ въ городѣ твое имя; тутъ, вспомнивъ, что могущественный адонъ былъ нѣкогда моимъ ученикомъ, я захотѣлъ повидать тебя, отдохнуть подъ твоей кровлей и спросить тебя, знающаго всѣ сосѣднія государства: гдѣ страна, угнетаемая неумолимымъ тираномъ, и кто эта змѣя, которую меня просили истребить люди въ бѣлыхъ одеждахъ?

Онъ замолчалъ, не сводя пристальнаго взгляда со внезапно поблѣднѣвшаго лица Іосѣфа, который дрожащей рукой отиралъ со лба потъ. «Это жрецы призвали его; онъ и убилъ Серагъ», какъ молнія, мелькнуло въ головѣ Іосѣфа.

— Будто ты не знаешь, кто эти люди,—непримиримые враги мои,—и кто тотъ человѣкъ, котораго они ненавидятъ и на кого клеветуютъ, обзывая его змѣей и тираномъ?—замѣтилъ съ горькимъ упрекомъ Іосѣфъ. — Что дали они тебѣ, Шебна, за мою гибель? Во всякомъ случаѣ, за твою дружбу я дамъ втрое!

Шебна покачалъ головой.

— Ты, значитъ, забылъ мои поученія, если могъ вообразить, что мага можно подкупить, да еще на преступленіе! Тѣ уважаемые люди призывали меня на помощь во имя силъ не-

бесныхъ, во имя свободы и справедливости; они умоляли меня избавить невинныхъ отъ нищеты и голодной смерти. Ты никогда не задумывался о томъ, какую цѣну имѣетъ жизнь человѣческая у престола *Единого, Невоспѣдимаго*, имя котораго произносится съ трепетомъ. Берегись, Иосэфъ! Слезы, проклятья и мученія безвинныхъ страдальцевъ, подобно темной тучѣ, возносятся къ небу. По непреложному закону, по которому всякая тяжесть обратно падаетъ на землю, откуда брошена—ты легко можешь быть раздавленъ!

— Ты пришелъ, чтобы угрожать мнѣ?

— Нѣтъ, я пришелъ пробудить твою совѣсть и смягчить твое сердце. Пожалѣй ты страждущихъ, не давай ослѣплять себя честолюбію и вспомни, что я сказалъ тебѣ когда-то: «странная, чудная у тебя судьба, но кончину твою застигаетъ туманъ, разсѣять который мнѣ не удалось». Не забывай, что человѣкъ можетъ пользоваться, но отнюдь не употреблять во зло дары судьбы, и злоупотребленіе ими можетъ быть для него губительно. Я, научившій и вооружившій тебя на борьбу, далъ тебѣ великій талисманъ, безъ котораго ты никогда бы не достигъ той высоты, на которой стоишь теперь; я, кажется, имѣю право *такъ* говорить съ тобой!

Убийство Серагъ, служившее какъ бы предзнаменованьемъ появленія Шебны, и суровый урокъ, только что имъ выслушанный—все казалось Иосэфу зловѣщимъ и грозило неминуемой опасностью. Будетъ ли онъ въ состояніи продолжать борьбу, если оставить въ рукахъ своихъ враговъ это опасное противъ себя орудіе, которое, богъ вѣсть какъ, удалось таки добыть жрецамъ. На лицѣ Шебны мелькнула чуть замѣтная, загадочная усмѣшка, которой Иосэфъ, поглощенный своими мыслями, не замѣтилъ, какъ не видалъ и испытующаго взгляда, которымъ смотрѣлъ на него старецъ, читавшій его мысли.

— Ты правъ: отъ тебя я долженъ все выслушать и гостепріимство въ моемъ домѣ принадлежитъ тебѣ по праву, — сказалъ онъ, наконецъ. — Слѣдуй за мной; я накормлю тебя, а затѣмъ отдыхай: ты усталъ съ дороги!

Шебна молча послѣдовалъ за нимъ. Черезъ длинную галерею, внутренній дворъ и затѣмъ коридоръ со сводами, Иосэфъ привелъ своего гостя въ комнату, стѣны которой были покрыты полками со свитками папирусовъ и табличками. Кровать, столъ,

окруженный стульями, и шкафъ составляли все убранство этой каморки, освѣщенной спускавшейся съ потолка масляной лампой. Усадивъ Шебну, адонъ вынулъ изъ шкафа чашу, небольшую корзину съ печеньемъ и амфору съ виномъ, которыя и поставилъ на столъ.

— Вино превосходное и сулитъ мнѣ глубокой, здоровый сонъ!—сказаль съ улыбкой старецъ, отвѣдавъ вина.

— Пей, ѣшь и отдыхай, и да благословятъ боги сонъ твой! Завтра мы свидимся,—сказаль Иосѣфъ, прощаясь.

— Благодарю тебя за гостепрѣимство, я не забуду его,—сказаль ему вслѣдъ Шебна.

Чась спустя, Иосѣфъ вернулся — наружную дверь онъ заперъ, выходя. Все было тихо; и на ложѣ, въ глубокомъ снѣ, покоился Шебна. Развязавъ принесенный съ собою пучокъ веревокъ, онъ крѣпко, но осторожно связаль спящаго по рукамъ и по ногамъ; затѣмъ зажегъ факель и, подойдя къ стѣнѣ, нажалъ пружину. Часть пѣлокъ раздвинулась и открыла входъ въ сосѣдную комнату, откуда витая лѣстница вела въ просторное подземелье, по стѣнамъ котораго стояли сундуки съ папирусами и драгоценностями; то былъ потайный архивъ и временная сокровищница суроваго канцлера Апопи. Надѣвъ факель на крюкъ, адонъ взбѣжалъ на верхъ, взялъ на руки Шебну и спустился съ нимъ въ подземелье.

— Пусть пока побудеть здѣсь; отсюда онъ вредить мнѣ не можетъ. Посмотримъ, выведетъ ли тебя отсюда твоя наука?—пробормоталь онъ, опуская спящаго Шебну на землю.—Онъ сдѣлаль честь моему вину,—прибавиль Иосѣфъ не безъ ироніи. Въ этотъ моментъ, тяжело вздохнувъ, Шебна открыль глаза и окинулъ взоромъ вокругъ.

— Ты сажаешь меня въ подземелье, какъ преступника, чтобы помѣшать мнѣ вредить тебѣ? Слѣпой, неблагодарный человекъ! этимъ ты доказываешь только, что ты и есть та самая змѣя, о которой мнѣ говорили люди въ бѣлыхъ одеждахъ.—Голосъ мага звучаль строго; глаза его, казалось, метали молніи.

Иосѣфъ стояль пораженный; въ безмолвномъ удивленіи, онъ наблюдалъ, какъ старецъ сѣлъ, подняль къ небу связанныя руки и запѣль едва понятный священный гимнъ. Шебна зываль къ четыремъ стихіямъ и верховнымъ божествамъ

Халдеи: *Ану*—царю вселенной, небесныхъ и земныхъ духовъ. *Эа*—властителю океана, управляющему судьбами людей, *Самасу*—верховному судіѣ, и *Адаръ-Самдану*—истребителю зла ¹⁾)

По мѣрѣ того какъ голосъ Шебны звучалъ все громче и громче, по подземелью словно пронесся свистъ бури, земля задрожала, какъ отъ землетрясенія, а вокругъ заклинателя поднимались облака, окутывая его красноватымъ туманомъ. Вдругъ молнія прорѣзала воздухъ и освѣтила погребъ, раскатъ грома потрясъ стѣны и передъ испуганнымъ Иосѣфомъ предстала, нѣкогда уже являвшійся ему, сфинксъ. Выраженіе лица загадочнаго существа было строго и грозно; свѣтлые глаза его смотрѣли мрачно; вздутыя, покрытыя ранами, груди источали кровь, [голосъ его звучалъ подобно отдаленнымъ раскатамъ грома:

— Неблагодарный! Если ты не остановишься въ своемъ тщеславіи, гордости и неумолимой жестокости, — горе тебѣ! Ты во зло употребляешь мои дары; не молоко, а кровь мою сосешь ты. Берегись, чтобъ я не возсталъ на тебя, ибо тогда я укрошу тебя силой быка; когти мои разорвутъ тебя, крылья сбросятъ съ той высоты, на которой ты паришь теперь, а молнія звѣзды, украшающей чело мое, сотретъ тебя съ лица земли!

Оглушенный и ослѣпленный свѣтомъ, Иосѣфъ запатался и упалъ на землю, теряя сознание. Когда онъ пришелъ въ себя, факель по прежнему тускло освѣщаль подземелье, веревки лежали на землѣ; Шебна исчезъ.

Съ поникшей головой вернулся адонъ къ себѣ. Тяжело было у него на душѣ; но, по мѣрѣ того какъ спокойствіе возвращалось къ нему, въ немъ закипалъ гнѣвъ. Шебна ускользнула и стала теперь вдвойнѣ его врагомъ. Но какъ могли жрецы узнать о существованіи мага и выставить противъ него такого опаснаго и неуязвимаго врага?

Узнать это необходимо было сейчасъ же, какъ и то, гдѣ теперь скрывается старецъ. Не раздумывая долго, Иосѣфъ бросился за шкатулкой, въ которой обыкновенно держалъ свою гадальную чашу; вѣрный талисманъ все откроетъ ему. Онъ совѣщался съ нимъ теперь лишь изрѣдка, въ крайнихъ слу-

¹⁾ См. *Fr. Lenormant*; «La magie chez les Chaldéens».

чаяхъ, боясь обезсилить себя частыми напряженіями воли; но въ настоящемъ случаѣ онъ долженъ былъ знать все. Онъ торопливо вынулъ чашу и хотѣлъ было налить ее водой, какъ вдругъ вздрогнулъ, поблѣднѣлъ и глухо вскрикнулъ — волшебный камень треснулъ во всю длину.

Иосѣфъ зашатался и, какъ подкошенный, безъ чувствъ повалился на полъ.

Отъ этого потрясенія онъ оправлялся медленно, но стальная натура его была не изъ тѣхъ, что сдаются или ломаются отъ перваго удара, а съ другой стороны — мечь со стороны Шебны ничѣмъ доселѣ не проявлялась. Иосѣфъ успокоился. Гордость и сознание своего всемогущества вернули ему самоувѣренность, а масса работы и дѣла мало-по-малу изгладила изъ его памяти впечатлѣніе случившагося; въ душѣ осталась лишь смутная тревога, которая, по временамъ, навѣвала на него грусть и беспокойство. Въ эти тяжелыя минуты ему казалось, что положеніе его не прочно, что ненависть и измѣна, которыми онъ былъ повсюду окруженъ, свергнуть его съ занимаемой имъ высоты, и что въ грядущемъ ему грозитъ нищета и одиночество. Эти предчувствія, послѣ одной изъ бесѣдъ съ отцомъ, навели его на мысль, къ осуществленію которой онъ немедленно приступилъ со свойственнымъ ему жаромъ и энергіей; немалую роль играла здѣсь и страсть къ наживѣ и обогащенію, — характерная черта семитической расы, которая всегда ищетъ орудія и опоры лишь въ грубой, слѣпой силѣ капитала. Идея эта благополучно процвѣтаетъ и въ современномъ жидовствѣ, которое за золото готово продать все и потому полагаетъ, что все — къ его услугамъ съ той минуты, когда есть чѣмъ заплатить за нихъ.

Разбогатѣвшій еще въ урожайные годы и осыпанный, кромѣ того, дарами Апопи, Иосѣфъ, съ наступленіемъ голода, составилъ себѣ колоссальное состояніе; если онъ, —официально, по крайней мѣрѣ, —и вносилъ въ сокровищницу фараона значительную часть богатствъ Египта и Азіи, проходившихъ черезъ его руки, то львиную долю оставлялъ, въ то же время, и себѣ; и доля эта была не менѣе существенная, хотя и менѣе громоздкая, чѣмъ та, которую вереницы навьюченныхъ ословъ и нагруженныхъ телѣгъ свозили въ царскія сокровищницы. Правду говоря, фараонъ и самъ отчасти уполномочилъ

на это своего канцлера, но дѣло въ томъ, что Иосэфъ черезчуръ широко пользовался этимъ дозволеніемъ.

Въ страхѣ за будущее, Иосэфъ былъ всецѣло поглощенъ мыслью—скрыть въ надежномъ мѣстѣ часть своихъ богатствъ. По мнѣнію Якова, эти богатства будутъ въ бѣдѣйшей безопасности, находясь при племени, чѣмъ у него во дворцѣ, который при первомъ же народномъ возмущеніи легко могъ быть разграбленъ; а для того чтобы окончательно укрѣпить сокровища отъ злобы и ненависти египтянъ, ихъ необходимо было вывезти изъ страны и спрятать въ еще болѣе безопасномъ мѣстѣ. Чувствуя приближеніе своей кончины, патриархъ рѣшилъ, что самымъ подходящимъ мѣстомъ будетъ ихъ семейная гробница близъ Геброна, и что Иосэфъ, сопровождая тѣло отца для погребенія въ родовомъ склепѣ, будетъ имѣть полную возможность, не возбуждая подозрѣній, перевезти туда всѣ свои богатства.

Порѣшивъ на этомъ, Яковъ созвалъ своихъ сыновей, объяснилъ имъ, въ чемъ дѣло, и обязалъ ихъ страшной клятвой, подъ угрозой своего проклятія, никогда не касаться этихъ богатствъ, которыя не только были собственностью Иосэфа, но предназначались имъ же служить основаніемъ сокровищъ Израэля, какъ послѣднее средство, къ которому могли прибѣгнуть они, или же ихъ потомки, въ случаѣ крайней необходимости. Эта тайна могла быть сообщена только старшинамъ племени, и то подъ страшной клятвой. Одинъ Иосэфъ могъ распорядиться ими, а его потомки могли бы воспользоваться лишь въ томъ случаѣ, если покинуть Египетъ. Словомъ, всѣ подробности этого ограбленія земли Кеми были въ точности установлены на тайной сходкѣ, на которой всѣ братья поклялись блюсти ихъ, и клятва эта была искренняя, такъ какъ въ противоположномъ случаѣ Иосэфъ пригрозилъ, что даже послѣ своей смерти онъ, какъ призракъ, явится и уничтожитъ дерзкаго, покусившагося нарушить его волю; а его славы страшнаго колдуна — было достаточно, чтобы никто не осмѣлился его ослушаться.

Тайна этого клада, на самомъ дѣлѣ, сохранилась такъ свято, что только Мессу, и то съ согласія всѣхъ старѣйшинъ, могъ имъ воспользоваться, въ виду того, что освобожденіе израэльскаяго народа было признано за ту именно крайнюю

необходимость, которую имѣлъ въ виду великій государственный человѣкъ, положившій начало національному богатству. Кромѣ того, въ предвидѣніи какой нибудь катастрофы, Иосэфъ постановилъ, что въ случаѣ, если онъ погибнетъ насильственной смертью, оба его сына должны будутъ присоединиться къ племени, членами котораго продолжали состоять; Реубенъ былъ назначенъ ихъ опекуномъ и ему передана была большая сумма, которую онъ и долженъ былъ вручить Манассѣ и Эфраиму по достиженіи ими совершеннолѣтія.

Устройство и приведеніе въ порядокъ этихъ дѣлъ такъ поглотили Иосѣфа, что онъ не придалъ особаго значенія тому обстоятельству, которое должно было прійтись ему не по вкусу, а именно—внезапное сближеніе Хиселатъ и Армаиса. Пока тотъ былъ женихомъ, царевна держалась въ сторонѣ; но по смерти Серагъ, она снова стала частой гостею во дворцѣ адона; одновременно съ нею почти всегда бывалъ и Армаисъ. Изъ этого Иосѣфъ заключилъ, что жена его покровительствуетъ ихъ сближенію. Тогда адонъ сталъ чаще заходить въ покои жены и скоро убѣдился, что его предположенія справедливы и что бракъ Армаиса съ дочерью фараона становился вполне возможнымъ. Онъ принялся было обдумывать серьезно средства предупредить этотъ союзъ, какъ смерть Якова снова отвлекла его.

Иосѣфъ выказывалъ, и дѣйствительно переживалъ, глубокое горе. Въ отцѣ онъ терялъ единственнаго, безкорыстно любящаго его, самаго преданнаго друга. Приказавъ великолѣпно набальзамировать тѣло отца и заказавъ для него золоченый съ инкрустаціями саркофагъ, адонъ, облекшись въ трауръ, отправился во дворецъ фараона. Апопи привѣтливо встрѣтилъ его и выразилъ ему свое соболѣзнованіе. Отблагодаривъ его, Иосѣфъ палъ на колѣни.

— Я хочу, господинъ мой и благодѣтель, просить у тебя милости. Поклялся я умиравшему отцу похоронить его въ нашемъ родовомъ склепѣ на Гебронѣ; повелишь ли ты мнѣ исполнить сыновній долгъ мой? Но такъ какъ покойный былъ отцомъ человѣка, тобою возвышеннаго, благоволишь ли также повелѣть носить по немъ трауръ въ Египтѣ, а жрецамъ и савонникамъ, какъ подобаешь моему званію, сопровождать меня?

Удивленный Апопи сначала пристально взглянулъ на него,

затѣмъ выраженіе неудовольствія смѣнилось на его лицѣ хитрой усмѣшкой; не смотря на все вліяніе, оказываемое на фараона его любимцемъ, и привычку во всемъ его слушаться, претензія Іосѣфа навязывать странѣ національный трауръ по случаю смерти такого ничтожества, какимъ въ глазахъ Апопи былъ Яковъ, совершенно справедливо показалась фараону чудовищной.

— Странное у тебя желаніе! Жрецы и знать Египта сочтутъ вѣдь за вызовъ и обиду твое требованіе — оплакивать, какъ царя, простаго пастуха чужаго племени и подвергать себя утомительному пути, сопровождая его мумію. Но самому тебѣ я разрѣшаю.

Глаза Іосѣфа блеснули.

— Ты правъ, фараонъ! Отецъ мой былъ только главою пастушескаго племени, но его сынъ—первый человекъ послѣ тебя въ Египтѣ, и почести, воздаваемые памяти отца, только увеличатъ почетъ, который всѣ обязаны оказывать твоему слугѣ, равно какъ и безпрекословное повиновеніе каждому твоему приказанію. Воля твоя, повелитель, для меня законъ; но я скорѣе сложу къ ногамъ твоимъ ту власть, которой ты меня облекъ, чѣмъ соглашусь лишиться отца достойнаго почета!

Фараонъ откинулъ голову на спинку кресла и закрылъ глаза; блѣдное, худое лицо его выражало усталость.

— Дѣлай, какъ знаешь,—лѣнливо сказалъ онъ.—И если не боишься возстанія, издавай объ этомъ указъ, который, повторяю, сочтутъ за вызовъ и издѣвательство! Только предписывай трауръ и похороны отъ твоего собственнаго имени; я не здоровъ и не желаю, чтобы жрецы и сановники тревожили меня.

Хотя и взбѣшенный этимъ полусогласіемъ, Іосѣфъ не считалъ себя, однако, побѣжденнымъ и, не колеблясь, обнародовалъ указъ, налагавшій на Египетъ семидесятидневный трауръ, и объявилъ затѣмъ, что большая свита изъ писцовъ и совѣтниковъ фараона съ прочими сановниками, равно какъ и оба вѣроносеца Апопи, верховный жрецъ Таниса и цѣлый рядъ выдающихся лицъ жреческой касты должны будутъ сопровождать его на Гебронъ, чтобы тамъ почтить прахъ Якова жертвоприношеніями и религіозными церемоніями. А въ концѣ концовъ Іосѣфъ такъ ловко счумѣлъ повліять и на

Апопи, что тотъ перемѣнилъ свое рѣшеніе и во всеуслышаніе одобрилъ распоряженіе адона.

Неожиданный указъ положительно ошеломилъ египтянъ; но въ первый разъ ихъ негодованіе разразилось смѣхомъ. Обязательство носить трауръ и хоронить съ царскими почестями какого-то пастуха, къ тому же принадлежавшаго къ столь глубоко-презираемому племени, что ни одинъ египтянинъ не согласился бы сидѣть за однимъ столомъ съ нимъ, было настолько комично, что эта именно подкладка дѣла окончательно уничтожила вспыхнувшее было сперва неудовольствіе; нашлись бы, конечно, горячія головы, способныя иначе взглянуть на дѣло и съ оружіемъ въ рукахъ отвѣтить на дерзкій вызовъ, еслибы не главари національнаго движенія, поддерживавшіе сношенія съ Таа III, которые нашли неподходящимъ моментъ для возстанія и усмирили безпокойныхъ. Общественная тишина, поэтому, не была нарушена, и египетскіе сановники покорно готовились къ утомительному путешествію, котораго требовалъ отъ нихъ адонъ; зато гиксы, занимавшіе уже при Іосэфѣ первыя должности, наперерывъ старались выказать ему усердіе и безграничную преданность, почитая за особую честь сопровождать своего адона и мумію его отца.

За это время Аснатъ чувствовала себя очень нехорошо; отъ Армаиса она знала, что творилось въ душѣ соотечественниковъ, и сердцемъ раздѣляла съ ними чувство оскорбленія по поводу издѣвательства мужа. Даже Хишелатъ была возмущена снисходительностью своего отца, и нѣсколько рѣзкихъ выраженій ея выдали Армаису и Аснатъ, что царевна недовольна адономъ.

Въ это время заболѣла Ранофритъ; Аснатъ почти съ радостью ухватилась за этотъ поводъ уѣхать изъ Таниса и тотчасъ выпросила у Іосэфа разрѣшеніе съѣздить на двѣ-три недѣли къ теткѣ.

Пожаръ, вспыхнувшій въ мемфисскомъ домѣ Потифара и едва не стоившій жизни одному изъ его сыновей, вызвалъ у Ранофритъ нервное потрясеніе, и мужъ перевезъ и устроилъ ее на время въ домѣ Потифары, также прибывшаго въ Мемфисъ съ женой, накануне пріѣзда Аснатъ.

Двѣ недѣли неусыпныхъ трудовъ и бессонныхъ ночей у

постели больной въ конец истомили и Майю, и Аснать. Однажды, когда Ранофритъ заснула, Аснать, убѣдивъ мати прилечь, сама сошла въ садъ подышать свѣжимъ, ароматнымъ воздухомъ ночи. Побродивъ по саду и чувствуя себя усталой, она присѣла у самаго дома на скамью, на половину скрытую кустами жасмина, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ окна рабочей комнаты отца. Долго сидѣла она, не шевелясь и отдавшись своимъ мыслямъ, какъ вдругъ услышала, что Потифѣра, въ сопровожденіи кого-то, вошелъ въ комнату; вслѣдъ затѣмъ, огонь лампы, зажженной ея комнатѣ, озарилъ красноватымъ свѣтомъ листву и послышались голоса. Разговоръ мало интересовалъ Аснать; имени Шебны она никогда не слыхала и что ей было за дѣло, что отецъ былъ очень недоволенъ его отсутствіемъ и гнѣвался на него за то, что тотъ, ради поста и молитвы, скрылся неизвѣстно куда, какъ разъ въ то время, когда его присутствіе было необходимо. Жаждавшая тишины и уединенія, Аснать хотѣла уже уйти отъ докучнаго разговора, испугнувшего ея мечты, какъ вдругъ услышала, что отецъ ея съ гостемъ встали и въ комнатѣ послышался третій голосъ,—голосъ верховнаго жреца храма Пта, который трезвожно спросилъ:

— Увѣрены ли вы, что насъ никто не слышитъ?

— Говори безъ страха,—отвѣтилъ Потифѣра. — Рабы, по твоему желанію, удалены; жена спитъ, а Аснать сидитъ у больной.

— Въ такомъ случаѣ, я могу вамъ сообщить, что часъ освобожденія пробилъ и что смѣрдящій пѣсь, издѣвающійся надъ нами, не вернется болѣе въ Танисъ.

Аснать вскочила и съ трепетомъ стала жадно прислушаться.

Хотя жрецъ и говорилъ тихо, но возбужденное вниманіе ея улавливало каждое слово, малѣйшую подробность излагаемаго имъ плана. Молодой жрецъ-жертвоприноситель, по имени Рахотепъ, до изступленія ненавидѣвшій Іосѣфа, явился тайно къ старѣйшинамъ храма и заявилъ, что готовъ пожертвовать собой ради освобожденія страны, и въ первую удобную минуту, во время похоронныхъ жертвоприношеній, покончить съ адономъ.

— Понимаете ли вы,—закончилъ верховный жрецъ,—что

тамъ, въ землѣ Кенаанской, никто не ожидаетъ покушенія; энергія же и необычайная сила Рахотепа ручаются за успѣхъ. Пышныя похороны старой собаки будутъ такимъ образомъ послѣдней гнусностью тирана и братья его могутъ тогда же сложить эту пададь рядомъ съ его *знаменитымъ* отцомъ.

Дрожая, какъ листъ, Аснатъ безпомощно опустилась на скамью, затѣмъ тотчасъ вскочила и, какъ тѣнь, шмыгнула къ себѣ въ комнату. Упавъ тамъ на кресло, едва переводя духъ и прижимая руки къ мучительно бившемуся сердцу, она въ эту минуту переживала въ душѣ такую борьбу, какую жизнь еще ни разу не представляла ей. Совершенно невольно стала она соучастницей заговора на жизнь своего мужа, не имѣя притомъ возможности предупредить или помѣшать покушенію! Могла ли она измѣнить своей кастѣ, предавъ въ руки палача знатнѣйшихъ жрецовъ, а, можетъ быть, и отца? А между тѣмъ, съ той минуты, какъ она узнала, что Іосефъ безповоротно осужденъ на смерть, онъ сталъ ей безконечно дорогъ; всякая злоба противъ него исчезла и въ душѣ остался лишь ужасъ при одной мысли навѣки потерять его.

Проведя бессонную ночь, Аснатъ на слѣдующее утро воспользовавшись пустой присылкой отъ мужа, объявила, что Іосефъ вызываетъ ее обратно, и въ тотъ же день уѣхала въ Танисъ. Никто не замѣтилъ ея убитаго вида, кромѣ Майи, которая приписала все ея крайнему утомленію.

Разстроенный видъ Аснатъ встревожилъ и Іосефа, когда онъ, страшно обрадованный ея неожиданнымъ возвращеніемъ, пришелъ привѣтствовать жену.

— Ты больна, Аснатъ? Ты утомилась, бѣдняжка! — сказалъ онъ, нѣжно обнимая ее.

— Да, я, кажется, простудилась, — отвѣтила она, дѣлая надъ собой невѣроятныя усилія, чтобы не разрыдаться.

Адонъ послалъ за врачомъ и тотъ, найдя у Аснатъ лихорадку, предписалъ полный покой, чему Аснатъ охотно подчинилась, счастливая тѣмъ, что можетъ остаться одной. Съ ней творилось что-то непонятное, и Іосефъ не на шутку встревожился въ виду страннаго состоянія своей жены.

Насталъ, наконецъ, день отъѣзда; привлеченная великолѣпиемъ выступавшаго въ Сирію каравана, несмѣтная толпа народа, съ самой зари, запрудила всѣ улицы, прилежавшія

ко дворцу адона. Пышныя погребальныя сани, поставленныя на богатую колесницу, и сбѣнявшая саркофагъ палатка изъ расшитой кожи вызвали всеобщій восторгъ. Все уже было готово къ выступленію; выстроились въ строгомъ порядкѣ двухъ-и-четыре-колесныя повозки и колесницы жрецовъ, писцовъ фараона и прочихъ сановниковъ; за ними, подъ охраной цѣлой арміи рабовъ, шли безконечныя вереницы воловъ и верблюдовъ съ вещами и, наконецъ, въ концѣ каравана — отряды войскъ, назначенныхъ на охрану. Ждали только Іосэфа, и колесница его, запряженная парой великолѣпныхъ коней, уже стояла у главнаго входа; но адонъ все еще не появлялся.

Чась тому назадъ, Іосэфъ пошелъ проститься съ женой; Аснатъ уже встала и сидѣла у окна. Смертельная блѣдность и ея видимое лихорадочное возбужденіе въ конецъ испугали адона; онъ нѣжно обнялъ ее, умоляя беречь себя въ его отсутствіе. Аснатъ подняла голову, и та безконечная тоска, которая отразилась въ ея грустныхъ лазуревыхъ глазахъ, когда она взглянула на мужа, окончательно смутила Іосэфа; но время шло: — онъ въ послѣдній разъ простился съ ней и направился къ двери.

— Іосэфъ, — едва слышно прошептала Аснатъ, бросаясь къ нему на шею и судорожно обнимая его.

Удивленный этимъ необычнымъ порывомъ жены, всегда неприступной и сдержанной, Іосэфъ страстно прижалъ ее къ своей груди и чувство безконечнаго счастья наполнило его душу. Нагнувшись къ ней, онъ прошепталъ:

— Что съ тобой, дорогая? Можно ли такъ волноваться? — Аснатъ ничего не отвѣчала, но, какъ подкошенная, опустилась на его руки — она была безъ чувствъ. Іосэфъ снесъ жену на постель, и только когда врачъ увѣрилъ его, что Аснатъ не грозитъ никакой опасности, онъ рѣшился оставить ее, пока она не пришла еще въ себя. Съ удрученнымъ сердцемъ поцѣловалъ онъ въ послѣдній разъ ея поблѣднѣвшія уста и закрытые глаза, и вышелъ.

Нѣсколько минутъ спустя, онъ стоялъ уже въ колесницѣ и подалъ сигналъ въ выступленію; всѣ замѣтили мрачную озаченность Іосэфа, но никому и въ голову не приходило, что съ нимъ вмѣстѣ несмѣтная сокровища незамѣтно уходили изъ земли Кемі!..

VI.

Узкая долина, окруженная лѣсистыми горами, въ глубинѣ котораго возвышался Гебронъ, представляла теперь необычайный видъ; шумъ и оживленіе царили тамъ уже нѣсколько дней; у подножія холма, гдѣ былъ вырытъ погребальный гротъ, расположились станомъ всѣ пришедшіе съ тѣломъ Якова. Съ одной стороны, виднѣлись правильные ряды палатокъ египтянъ, съ громаднымъ шатромъ адона посрединѣ, у входа въ который были врыты два громадныхъ столба, украшенныхъ лентами и флагами, и поставлены часовые; по другую сторону долины, вдалекѣ отъ египтянъ, разбили свои шатры евреи.

На слѣдующій же день по своемъ прибытіи въ долину Геброна, Іосэфъ, исключительно съ помощью братьевъ, перенесъ въ склепъ мумію отца; затѣмъ, въ теченіе двухъ ночей подъ рядъ, подъ предлогомъ отправленія религиозныхъ обрядовъ своего племени, сыновья патріарха ходили въ гротъ и, безъ помѣхи, зарывали тамъ привезенныя сокровища, такъ какъ египтяне съ презрѣніемъ и отвращеніемъ держались въ сторонѣ, убѣжденные, что «нечистые» тайно приносили чело-вѣческія жертвы, конечно, дѣтей — любимѣйшихъ жертвъ ихъ кровожаднаго бога. На утро третьяго дня начались, по приказу Іосефа, похоронныя церемоніи по обряду египтянъ. Въ мрачномъ безмолвіи собрались жрецы и сановники; затѣмъ процессія, съ торжественнымъ пѣніемъ гимновъ, величественно направилась къ гроту, у входа въ который должны приноситься искупительныя жертвы. Присутствовавшій здѣсь Іосэфъ, по обыкновенію, держалъ себя гордо и безстрастно, не обращая вниманія на царившее вокругъ зловѣщее молчаніе и на едва скрываемую ненависть египтянъ.

Церемонія близилась уже къ концу, когда произошло общее смятеніе: только что закололи быка и жертвоприноситель всталъ, чтобы, — какъ думали всѣ, — разрубить трепетавшіе еще члены жертвы, какъ вдругъ, поднявъ свой окровавленный священный ножъ, онъ бросился на адона. То былъ еще молодой, громаднаго роста, чело-вѣкъ: его искаженное бѣшенствомъ лицо, его налитые кровью и горѣвшіе дикой злобой глаза были по истинѣ ужасны. Іосэфъ невольно попятился;

одинъ изъ офицеровъ его свиты, гиксъ по происхожденію, ухватилъ безумца за руку какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ наносилъ ударъ — ножъ скользнулъ и, вмѣсто удара въ грудь, нанесъ адону глубокую рану въ бедро.

Раздались крики:—«Измѣна! Убить цѣфнать-паанеахъ»!— Произошла свалка; одни бросились поддержать облитаго кровью Іосѣфа, другіе кинулись на жреца, стараясь его обезоружить; но жрецъ, благодаря геркулесовской силѣ, побѣдоносно отбивался отъ цѣлаго десятка противниковъ. Уже нѣсколько тяжело раненыхъ валялось на землѣ, какъ вдругъ преступникъ отскочилъ назадъ и съ крикомъ: «Умираю за мою страну! Рука, счастливіе моей, найдетъ дорогу къ твоему сердцу, проклятый, смердящій песь!»—вонзилъ ножъ себѣ въ грудь и повалился навзничъ. Іосѣфа отнесли въ его шатеръ и перевязали рану, которая оказалась не опасной; но сильная боль и потеря крови уложили его въ постель и болѣе чѣмъ на недѣлю задержали обратное выступленіе каравана.

Покушеніе на убійство адона возбудило въ обоихъ станахъ глубокое изумленіе; въ первый день крики и вопли стихли только къ ночи. Всѣ гиксы, возмущенные дерзостью поступка, громко обвиняли жрецовъ въ потворствѣ преступленію; но жрецы хотя и сожалѣли, разумѣется, въ глубинѣ души, что планъ Рахотепа не удался и стоилъ жизни bravому патриоту, — тѣмъ не менѣе, были спокойны: доказательствъ соучастія не было никакихъ, и ни фараонъ, ни адонъ не рискнуть возложить на цѣлую касту отвѣтственность за безумный поступокъ фанатика, дѣйствовавшего подъ впечатлѣніемъ минуты.

Какъ только силы Іосѣфа достаточно возстановились, онъ тронулся въ обратный путь. И въ долгіе часы, убаюкиваемый равномернымъ раскачиваніемъ носилокъ, подъ давленіемъ охватившаго его чувства тоски, онъ много передумалъ о своемъ прошломъ и будущемъ. Покушеніе Рахотепа представляло ему въ совершенно иномъ свѣтѣ отчаяніе Аснатъ при прощаніи съ нимъ и вообще все поведеніе ея по возвращеніи изъ Мемфиса. Такъ, стало быть, покушеніе, жертвою котораго онъ чуть было не палъ—не безумная вспышка фанатика, а глубоко и издавна задуманное преступленіе... Аснатъ знала объ этомъ... и молчала?! А все таки она любитъ его и выдала

свое чувство; сердце Иосѣфа радостно забилося при этой мысли. Цѣлыми днями раздумывалъ онъ теперь, стараясь понять сердце этой женщины, служившей по прежнему загадкой для него; эта забота заставила Иосѣфа забыть на время всю сложность и затруднительность его политическаго положенія. Съ какимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ жаждалъ онъ теперь увидѣть поскорѣе Аснатъ и прочесть въ ея лазурныхъ глазахъ, какое впечатлѣніе произведетъ на нее его возвращеніе.

Въ Танисѣ, привезенное гонцомъ, извѣстіе о покушеніи на жизнь адона надѣлало много шуму и вызвало чрезвычайно разнорѣчивыя чувства: египтяне злились и сожалѣли, что тиранъ уцѣлѣлъ; гиксы съ торжествомъ привѣтствовали спасеніе человѣка, служившаго имъ главной и единственной опорой.

Разгнѣванный Апопи, въ разговорѣ съ верховнымъ жрецомъ храма Пта, котораго и призывалъ для того, прямо объявилъ, что, въ случаѣ повторенія возмутительнаго покушенія на жизнь его канцлера, отвѣтственность падетъ на всю жреческую касту; кромѣ того, фараонъ повелѣлъ, чтобы счастливый день возвращенія адона въ столицу былъ торжественно отпразднованъ жертвоприношеніями и милостями, и послалъ гонцовъ поздравить своего любимца со счастливымъ избавленіемъ отъ грозившей опасности. На Аснатъ извѣстіе, что Иосѣфъ спасся отъ смерти, произвело потрясающее впечатлѣніе:—любовью и счастьемъ забилося ея сердце въ первую минуту, при мысли снова увидѣть его здоровымъ и невредимымъ; но затѣмъ, раздумавшись о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя это покушеніе могло имѣть для ея касты, о тѣхъ суровыхъ мѣрахъ, которыя мужъ ея не замедлитъ принять противъ жрецовъ, она пришла въ отчаяніе. Душевная тревога Аснатъ была такъ сильна, что она даже не думала о томъ ложномъ положеніи, въ какомъ очутилась она передъ мужемъ, неосторожно выдавъ ему свою прикосновенность къ дѣлу покушенія.

Роденная подъ жгучими лучами тропическаго солнца, живая и впечатлительная, Аснатъ была женщиной въ полномъ значеніи этого слова; она жаждала любви и счастья. Горько было далеко, а съ глазъ долой — изъ сердца вонъ. Между тѣмъ, красивѣйшаго и знатнѣйшаго во всемъ Египтѣ человѣка своего мужа, который при этомъ страстно любилъ ее

она, повинувась велѣніямъ касты, должна была ненавидѣть и скрывать отъ него свои чувства. Любовь, казалось бы, должна стирать и племенную ненависть, и кастовые предрасудки, но, тѣмъ не менѣе, воспитанная въ нихъ съ дѣтства, дочь Потифэры смогла противостоять этому величайшему изъ чувствъ человѣческаго сердца, хотя душа ея и разрывалась на части подъ напоромъ противорѣчивыхъ влеченій. Но никогда еще этотъ внутренній разладъ не былъ ей такъ тягостенъ и горекъ, какъ въ день вѣзда адона въ Танисъ; она чувствовала, что не въ состояніи присутствовать при встрѣчѣ, которую торжественно праздновалъ Апопи, и ограничилась тѣмъ, что послала двухъ своихъ сыновей съ наставниками.

День вѣзда Іосэфа праздновался съ царскимъ великолѣпіемъ. Съ зарей, во всѣхъ храмахъ принесены были жертвы; со скрежетомъ зубовъ жрецы падали ницъ передъ статуями боговъ, благодаря ихъ за сохраненіе драгоценной для государства жизни перваго сановника и никогда еще, можетъ быть, не тяготѣло столько проклятій надъ ненавистной головой того, кого они, по приказу фараона, чествовали официально. Затѣмъ, пышныя религиозныя процессіи жрецовъ и жрицъ вышли въ полномъ составѣ за ворота города навстрѣчу героя дня, для принесенія ему своихъ поздравленій.

Самъ Апопи—неслыханная дотождѣ вещь!—лично вышелъ навстрѣчу Іосэфа до храма Сохетъ, когда адонъ, со слезами радости и благодарности, распростерся передъ нимъ и поцѣловалъ землю, фараонъ поднялъ его, обнялъ, какъ сына, и дозволилъ ему впредь лобызать стопы свои.

Послѣ жертвоприношенія въ храмъ Сохетъ, Апопи, въ сопровожденіи своего канцлера, вернулся во дворъ, гдѣ задалъ великолѣпный пиръ, на которомъ присутствовали весь дворъ и городская знать. По возвращеніи домой, Іосэфу предстоялъ пріемъ еще цѣлаго ряда депутацій; лишь съ наступленіемъ вечера, онъ могъ удалиться во внутренніе покои и, выславъ всѣхъ, запретилъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, тревожить себя. Іосэфъ несовсѣмъ еще оправился отъ раны; волненія же цѣлаго дня окончательно истощили его силы. Блѣдный и разстроенный, улегся онъ на ложъ въ колоннадѣ, ожидая Аснатъ; должна же она прійти хоть теперь привѣтствовать его. Ея отсутствіе на утренней церем

сколько его не удивило: она не хотѣла свидѣться съ нимъ на глазахъ фараона и жрецовъ.

Но ожиданія его были напрасны; при малѣйшемъ порохѣ, онъ вскакивалъ, думая услышать легкіе шаги Аснатъ и надѣясь, что вотъ-вотъ въ тѣни колоннады покажется ея стройная фигура. Ужели она, признавая себя сообщницей жрецовъ, не осмѣливается прійти? И, безъ того, нервно возбужденнаго Іосѣфа вдругъ охватило такое отчаяніе, такое отвращеніе къ жизни, что онъ спряталъ лицо въ подушки и зарыдалъ, какъ ребенокъ. Зачѣмъ вступилъ онъ на землю Кеми; зачѣмъ судьба, издѣваясь надъ нимъ, сдѣлала его, простаго, но свободнаго пастуха—адономъ фараона Апопи? Въ зеленыхъ степяхъ земли Кенаанской, онъ не позналъ бы столько почестей, но зато не пожалъ бы столько ненависти! Весь этотъ почетъ, который окружаетъ его теперь, фальшивъ и, подъ внѣшнимъ покровомъ своимъ, таитъ презрѣніе и злобу. Еще сегодня утромъ, когда онъ съ холоднымъ равнодушіемъ выслушивалъ увѣренія жрецовъ въ преданности, когда лесть рѣкой лилась къ его ногамъ,—развѣ глаза его не искали невольно въ этой *полотняной* толпѣ или въ почетной стражѣ, привѣтствовавшей его криками, какого нибудь другаго безумца съ топоромъ или ножомъ въ рукахъ, готоваго уничтожить, какъ гадину, его—того человѣка, котораго они только что провозглашали славнѣйшимъ сыномъ Египта? Все, чѣмъ онъ упивался, было лживо и не могло найти отклика въ его сердцѣ, а собственный домъ былъ для него пустыней... Окружавшая его тишина и сознаніе своего одиночества стали ему невыносимы; въ немъ проснулась жажда снова увидѣть Аснатъ, прижать къ груди дочь Потифѣры, своего непримиримаго врага. И въ этомъ чувствѣ, въ сознаніи, что онъ любитъ и обладаетъ той самой женщиной, отецъ которой считаетъ его хуже собаки, было для него что-то упоительно-сладкое. Потомъ, ему хотѣлось услышать отъ нея самой: знала она или нѣтъ, когда разставалась съ нимъ, что онъ шелъ на вѣрную смерть? Нервная дрожь пробѣжала по тѣлу; голова горѣла, какъ въ огнѣ, въ вискахъ стучало, Іосѣфъ вскочилъ, почти бѣгомъ миновалъ длинную галерею, и вошелъ въ покои жены.

Аснатъ была одна; сидя у окна, она ужь нѣсколько часовъ боролась съ собой и старалась разобраться въ своихъ

чувствахъ. Хотѣлось ей бѣжать къ Іосѣфу, котораго, казалось, вернула ей сама могила, но что-то, для нея самой непонятное, удерживало ее отъ этого шага. Откинувшись на спинку кресла, закрывъ глаза и сжавъ руки, Аснатъ такъ углубилась въ свои мысли, что не слыхала прихода Іосѣфа и не замѣтила, что онъ нагнулся къ ней. Весь хаосъ волновавшихъ ее чувствъ такъ ясно отражался на разстроенномъ лицѣ ея, что Іосѣфъ ужаснулся. «Аснатъ!»—прошепталъ онъ со страхомъ и любовью.

Услыхавъ дорогой ей голосъ, Аснатъ вздрогнула и вскочила; затѣмъ, какъ безумная, бросилась въ объятья мужа. Минуту они стояли молча, обнявшись; потомъ, Іосѣфъ высвободился и, нагибаясь къ женѣ, засматривая ей въ глаза, повелительнымъ тономъ спросилъ:

— Аснатъ, знала ли ты, что я долженъ былъ умереть?

Она отступила, блѣднѣе смерти.

— Говори!—почти крикнулъ онъ, сжимая до боли ея руки. Но, видя ужасъ, который былъ написанъ на ея лицѣ, Іосѣфъ постарался овладѣть собой.

— Говори безъ страха! Памятью отца клянусь тебѣ, что никогда не выдамъ твоихъ словъ; но я хочу узнать, наконецъ, правду! Знала ли ты, когда разставалась со мной, что отпускаешь меня на вѣрную смерть?

Аснатъ дрожала, какъ листъ. Повинуясь властному взгляду мужа, она глухо отвѣтила:

— Да, правда,—медленно роняла она слова,—я знала, что тебѣ грозитъ смерть. Но еслибы даже подобный случай представился еще разъ, то и тогда я не посмѣлабы удержать тебя, каковы бы ни были мои личные чувства къ тебѣ. Иначе, моя память была бы предана проклятью за измѣну кастѣ!

Іосѣфъ оттолкнулъ ее и, шатаясь, прислонился къ креслу; онъ задыхался, отъ гнѣва.

Но охватившая его слабость быстро миновала.

— Я побѣдилъ судьбу, я покорю и твою касту,—сказалъ онъ.—И пусть дрожать эти убійцы! За все то зло, которое они мнѣ причинили, я придумаю имъ муки Аменти!—И, круто повернувшись, онъ вышелъ изъ комнаты.

Отъ прежней усталости не осталось и слѣда; онъ быстро

шагаль взадъ и впередь по комнатѣ. Жестокія мысли, навѣяанныя возбужденіемъ, которымъ дышало все существо Іосэфа, роились въ головѣ его. Изъ этого хаоса вставало ясно одно жгучее, упорное намѣреніе скрыть Аснатъ отъ вредоноснаго вліянія ея касты. Но гдѣ ее спрятать, такъ чтобы ни рука, ни голосъ жреца до нея не достигали? И тысячи плановъ, одинъ несбыточнѣе другаго, смѣнялись въ его разгоряченномъ воображеніи; наконецъ, утомленіе взяло свое, онъ бросился на постель и уснулъ глубокимъ сномъ.

Проснулся онъ на слѣдующій день поздно; стальная натура его уже приобрѣла свое обычное равновѣсіе. Но въ глубинѣ души скопилось много горечи послѣ пережитой накануне бури, и въ голову крѣпко засѣла мысль: во что бы то ни стало, такъ или иначе, спрятать Аснатъ; хотя этотъ, пока еще неясный, планъ былъ отодвинутъ на время болѣе неотложными дѣлами, которыхъ, за его отсутствіе, скопилось очень много. Да и политическій вопросъ значительно обострился; донесенія его тайныхъ агентовъ указывали, что глухое возбужденіе разоренныхъ въ конецъ народныхъ массъ росло день ото дня. Пока все еще было спокойно, но что-то неуловимо-тяжелое носилось въ воздухѣ, не предвѣщая ничего хорошаго. Шайки голодныхъ грабителей бродили по странѣ; вокругъ государственныхъ житницъ образовывались цѣлыя сборища, и хоть эта голытьба никакихъ враждебныхъ чувствъ не проявляла и разсѣивалась каждый разъ, когда противъ нея высылались войска, но угрозы и крики: «Долой адона! Смерть ростовщику!» слышались чаще и чаще; утверждали, наконецъ, что оборванцы, лишеныя средствъ къ существованію, массами скрывались въ храмахъ, и этотъ опасный элементъ, въ извѣстную минуту, могъ оказаться ужаснымъ орудіемъ въ рукахъ жрецовъ.

Іосэфъ, своей желѣзной рукой, еще ту же натянулъ бразды правленія. Для преслѣдованія и наказанія — палками или тюремнымъ заключеніемъ — тѣхъ несчастныхъ, которыхъ голодъ изгонялъ изъ роднаго гнѣзда, высылались повсюду патрули; отряды, охранявшіе житницы, были удвоены; тройной отрядъ стражи день и ночь охранялъ дворцы фараона и адона, и, наконецъ, возможно строгій надзоръ былъ установленъ за храмами, хотя въ этомъ отношеніи контроль былъ чрезвы-

чайно затруднителенъ, принявъ въ соображеніе громадное протяженіе священной ограды храмовъ, многочисленность ихъ населенія, а также враждебность и крайнюю щепетильность жреческой касты къ малѣйшему вмѣшательству и надзору за ея внутренней жизнью.

При такомъ положеніи вещей, опасность для Иосѣфа отъ союза Армаиса и Хишелать удвоилась, тѣмъ болѣе, что союзъ этотъ былъ близокъ къ осуществленію, судя по случайно услышанному имъ разговору Аснатъ съ братомъ, изъ котораго онъ заключилъ, что царевна и Армаисъ окончателно объяснились и что, по возвращеніи послѣдняго изъ путешествія въ Геліополь, молодая чета намѣревалась, при первомъ же удобномъ случаѣ, поговорить съ Апопи и испросить его согласія.

Иосѣфъ разсудилъ, что Армаисъ, дѣлая рѣшительный шагъ, желалъ прежде посовѣтоваться съ Потифѣрой; а можно ли заранѣе предугадать: какія выгоды извлечетъ изъ этого союза гордый верховный жрецъ? Потифѣра, во всякомъ случаѣ, могъ предложить Апопи компромиссъ, который разрѣшилъ бы всѣ затрудненія, подъ тѣмъ условіемъ, что фараонъ провозгласитъ наслѣдникомъ престола супруга своей дочери. Жрецы охотно примкнутъ къ фараону, вышедшему изъ ихъ среды, а вмѣстѣ съ этимъ исчезнутъ разомъ всѣ заговоры и всѣ заигрыванія жрецовъ съ Таа III. Ради такой цѣли, Апопи могъ легко пожертвовать и канцлеромъ, своей же креатурой, которую онъ могъ легко и уничтожить. Такимъ образомъ, Иосѣфъ будетъ искупительной жертвой, а народъ, удовлетворенный въ своей ненависти, открыто вернется къ царствующей династіи. Возможность такого случая заставила Иосѣфа содрогнуться; онъ былъ слишкомъ «государственнымъ человѣкомъ», чтобы вѣрять въ благодарность или надѣяться на вѣрность кого либо.

Въ видѣ первой предварительной мѣры, Иосѣфъ попробовалъ было выдать Хишелать за иностраннаго царевича; но фараонъ, очевидно, подъ вліяніемъ дочери, объявилъ, что не желаетъ разстаться съ нею. Тогда въ головѣ Иосѣфа проснулась мысль, внушенная ему когда-то покойнымъ отцомъ, — мысль жениться на Хишелать и самому занять тронъ, вмѣсто того чтобы позволить завладѣть имъ своему злѣйшему врагу. Чѣмъ больше обдумывалъ Иосѣфъ и перебиралъ этотъ планъ, тѣмъ болѣе онъ ему улыбался, вполне удовлетворяя и его

самолюбіе, и ненависть, и даже желаніе, преслѣдовавшее его со времени возвращенія съ Геброна—желаніе, во что бы то ни стало, скрыть отъ жрецовъ Аснатъ и спрятать ее такъ, чтобы даже тѣнь всякаго вліянія проклятой касты не могла бы ея коснуться. Рѣшеніе это скоро окончательно окрѣпло въ немъ и, со свойственными ему энергіей и живостью, онъ принялся за его исполненіе.

Прежде всего, онъ приготовилъ помѣщеніе, въ которомъ жена его должна была скрываться, чтобы, ставши затѣмъ формально свободнымъ, онъ могъ бы жениться на царевнѣ; а чтобы понудить Хиселатъ дать свое согласіе, у него въ запасѣ имѣлось рѣшительное, по его мнѣнію, средство.

Въ теченіе многихъ лѣтъ Іосэфъ возвелъ въ своемъ домѣ много различныхъ зданій и пристроекъ; не вѣря въ расположеніе къ себѣ народа, онъ придалъ большинству этихъ построекъ такой массивный характеръ, что дворецъ адона рѣзко отличался отъ общаго типа домовъ знатныхъ египтянъ, обыкновенно воздушной и легкой архитектуры, и сталъ походить скорѣе на крѣпость. Въ одной изъ этихъ пристроекъ, гдѣ, по мнѣнію народа, адонъ спряталъ отнятыя у Египта сокровища, было надѣлано нѣсколько тайниковъ и одинъ изъ нихъ сообщался коридоромъ съ небольшимъ дворомъ, обнесеннымъ высокими и крѣпкими стѣнами, откуда другой проходъ велъ къ Нилу. Первоначальное назначеніе этого тайника было—служить, въ случаѣ возстанія, убѣжищемъ Іосэфу съ семьей; изъ него, подъ покровомъ ночи, можно было по Нилу бѣжать въ Аварисъ. Въ этомъ-то тайникѣ Іосэфъ и рѣшилъ помѣстить Аснатъ. Сообщаясь потайнымъ ходомъ съ внутренними покоями адона, этотъ тайникъ имѣлъ то преимущество, что давалъ Іосэфу полную возможность посѣщать плѣнницу, не навлекая на себя подозрѣній. Приготовивъ все и выбравъ въ будущіе стражи Аснатъ глухонѣмаго идіота, вполне преданнаго ему негра, Іосэфъ выжидалъ только минуты, чтобы дѣйствовать. Самымъ удобнымъ для этого случаемъ былъ отъѣздъ Армаиса въ Геліополь—и на слѣдующій же день, какъ тотъ покинулъ Танисъ, неожиданно разразилась катастрофа, взволновавшая весь городъ. Аснатъ очепь любила по вечерамъ, а иногда и ночью, кататься по Нилу; и въ Мемфисѣ, и Танисѣ всѣмъ была знакома раскрашенная и раззолоченная

лодка, въ которой она совершала свои прогулки, обыкновенно въ сопровожденіи кормилицы и служанки.

Въ этотъ день Аснатъ ужинала съ мужемъ на своей половинѣ и жаловалась на головную боль; надѣясь, что ночная прохлада облегчитъ ее, она выѣхала въ лодкѣ... и не вернулась.

Когда Іосэфъ, работавшій до поздней ночи, пришелъ въ опочивальню и ему доложили, что супруга его еще не возвращалась съ прогулки, онъ страшно разсердился на то, какъ смѣли не доложить ему объ этомъ. Не медля подняли тревогу; Іосэфъ лично распоряжался поисками на рѣкѣ, но всѣ старанія были безплодны и лишь на слѣдующій день рыбаки нашли опрокинутую вверхъ дномъ лодку Аснатъ. Вытащили потомъ, прибитые къ берегу водой, трупы обѣихъ служанокъ и одного изъ гребцовъ, но тѣла трехъ другихъ, а съ ними вмѣстѣ и Аснатъ, исчезли безслѣдно. Чтò случилось и чѣмъ было вызвано это трагическое происшествіе, осталось тайной.

Въ то время какъ въ Танисѣ только и разговору было, что объ ужасной кончинѣ жены адона, а вопли и крики стономъ стояли во дворцѣ, Аснатъ, погруженная въ глубокой сонъ, покоилась въ подземельѣ, гдѣ ей отнынѣ суждено было жить заживо погребенной. Еще въ лодкѣ, молодая женщина впала въ забытѣе, охваченная какой-то непонятной истомой, и совершенно не помнила, чтò случилось и при какихъ обстоятельствахъ произошло крушеніе, а затѣмъ послѣдовало и ея заточеніе.

Спускалась ночь, когда Аснатъ открыла глаза и сначала долго не могла отдать себѣ отчета въ томъ, какимъ образомъ она очутилась здѣсь, въ этомъ незнакомомъ мѣстѣ. Встала она усталая, съ тяжелой головой; по мѣрѣ того, какъ она разсматривала тайникъ при свѣтѣ двухъ спускавшихся съ потолка лампъ, она все болѣе проникалась убѣжденіемъ, что она въ тюрьмѣ; убранство тайника состояло изъ постели, стола, двухъ стульевъ и шкафа. Отъ ужаса дрожь пробѣжала по тѣлу Аснатъ; она стала кричать, метаться по тайнику, какъ безумная, и биться объ стѣну головой. Въ томъ, что она находится здѣсь по милости Іосэфа, Аснатъ, почему-то, не сомнѣвалась; но съ какой цѣлью заточилъ онъ ее? Для того ли, чтобы отомстить ея роднымъ, или съ тѣмъ, чтобы

отъ нея отдѣлаться, уморивъ ее голодной смертью?.. Она схватилась обѣими руками за голову и, съ дикимъ стономъ, повалилась на полъ; на этотъ разъ она была не въ обморокъ, а въ какомъ-то оцѣпененіи, и видѣла, словно въ туманѣ, какъ отворилась массивная дверь и вошелъ старый, высокаго роста, негръ, неся чашу и амфору. Онъ поднялъ Аснатъ и, усадивъ на стулъ, знакомъ пригласилъ ее за столъ.

— Я хочу выйти вонъ отсюда! — крикнула, внѣ себя, Аснатъ.

Но негръ словно не понималъ ея; добродушно улыбаясь, онъ снялъ покрывавшее столъ полотно и указалъ на яства, состоявшія изъ холоднаго мяса и печенья; затѣмъ, негръ раскрылъ длинную корзину, въ которой оказались роскошныя женскія одѣянія и ларецъ съ драгоценностями, и отперъ шкафъ, въ которомъ помѣщался небольшой бассейнъ для омовенія, съ массой различныхъ женскихъ туалетныхъ принадлежностей. Аснатъ ничего этого не видала; убѣдившись, что ея тюремщикъ—въ довершеніе всего, глухонѣмой, она пришла въ такое отчаяніе, что все запрыгало и закружилось передъ ея глазами; она вновь потеряла сознание и соскользнула со стула на полъ. Увидавъ это, старый негръ покачалъ головой, поднялъ и отнесъ ее на постель; а затѣмъ, видимо смущенный, вышелъ.

Часъ спустя, дверь опять отворилась и вошелъ негръ, пропуская впередъ Іосѣфа, который въ безпокойствѣ бросился къ пурпуровому ложу, на которомъ блѣдная, какъ смерть, неподвижно лежала Аснатъ. Съ подавленнымъ проклятьемъ, Іосѣфъ поднялъ жену на руки, какъ ребенка, и сдѣлалъ знакъ негру; тотъ поспѣшилъ открыть маленькую дверь въ стѣнѣ, такъ хорошо скрытую, что Аснатъ и не замѣтила ея. Черезъ длинный коридоръ, адонъ вынесъ жену на маленькій дворикъ, о которомъ было говорено выше; тамъ, возлѣ небольшого, тихо журчавшаго фонтана, стояла каменная скамья, на которую Іосѣфъ сѣлъ и, поддерживая Аснатъ одною рукой, другой черпнулъ воды и смочилъ ей виски. Свѣжесть воды и чистый, благовонный воздухъ ночи вывели Аснатъ изъ забытья. Въ первое мгновеніе, открывъ глаза и видя себя въ объятіяхъ мужа, она подумала, что ей приснился дурной сонъ; но одинъ взглядъ на пустынный дворъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ

высокими стѣнами, убѣдилъ ее въ противномъ. Вырвавшись изъ рукъ Иосѣфа, она вскочила и крикнула:

— Зачѣмъ ты заперъ меня здѣсь, какъ преступницу! Я хочу знать, что значитъ это неслыханное насиліе?

Голосъ измѣнилъ ей и, задыхаясь, она схватилась за грудь. Никогда еще, казалось, она не была столь прекрасна, какъ въ этотъ моментъ отчаянія и изступленія,—такая хрупкая, точно вся прозрачная, трепещущая, съ блестящими, полными слезъ глазами, вся окутанная, словно плащомъ, волнами своихъ чудныхъ волосъ, распутившихся отъ рѣзкаго движенія. Восхищенный Иосѣфъ не могъ оторвать отъ нея глазъ.

— Мнѣ кажется, тебѣ нетрудно было бы угадать причину, вынудившую меня такъ поступить съ тобой, — сказалъ онъ, помолчавъ. — Жена, которая скрываетъ убійцъ своего мужа, становится ихъ соучастницей! А развѣ не естественно, къ тому жѣ, что я рѣшилъ, наконецъ, оградить тебя отъ проклятаго вліянія твоей касты. Ужъ здѣсь-то холодный взоръ жреца не будетъ сдерживать твоихъ порывовъ, а въ случаѣ, если ты скажешь мнѣ «люблю», память твоя не подвергнется опасности быть преданной проклятію!

— Такъ ты изъ мести заживо похоронилъ здѣсь меня и заставляешь мою семью томиться въ неизвѣстности?

— Твою семью?—презрительная улыбка мельнула на устахъ Иосѣфа. — Успокойся, я милосерднѣе къ *твоимъ*, чѣмъ они когда либо были ко мнѣ. Имъ я далъ возможность спокойно оплакивать тебя: для нихъ ты утонула въ Нилѣ.

Аснатъ ничего не отвѣтила; она не могла даже плакать. Мысль, что ее считаютъ умершей, что никто изъ близкихъ даже не подумаетъ искать ее, что она стерта, такъ сказать, съ лица земли,—эта мысль повергла ее въ такое отчаяніе, что ея сердце, казалось, не выдержитъ; глухой стонъ вырвался изъ груди Аснатъ. Иосѣфъ поспѣшилъ къ ней.

— Успокойся, Аснатъ. Иныя причины руководили мною! Я люблю тебя, и только здѣсь ты — всецѣло моя; здѣсь ни одинъ враждебный взоръ не увидитъ тебя, ни одинъ ненавистный голосъ не коснется твоего слуха; только здѣсь могу я упиваться твоей красотой и открыть тебѣ мою душу!—Онъ обнялъ Аснатъ и хотѣлъ ее поцѣловать; но прикосновеніе его

рукъ, казалось, разбудило ее. Откинувшись назадъ и отталкивая его съ ужасомъ, она глухо простонала:

— И ты смѣешь еще издѣваться надо мною, чудовище? Да, вѣдь, любовь твоя—оскорбленіе и несчастье для меня! Я ненавижу тебя, палачъ моей жизни, моего счастья, палачъ всего Египта! Если ты меня только тронешь — я задушю тебя.

Она грозно потрясла въ воздухѣ руками.

Иосѣфъ чуть-чуть поблѣднѣлъ; его страсть по прежнему дышала въ его взорѣ, котораго онъ не могъ оторвать отъ прекраснаго взволнованнаго личика жены.

— Безумная!—сказалъ онъ.—Пойми же, наконецъ, что ты—въ моей власти; ты должна смириться передо мною, а не раздражать. Ты вотъ теперь готова задушить меня своими нѣжными и слабыми ручонками, а, между тѣмъ, располагаешь орудіемъ, гораздо болѣе дѣйствительнымъ для моего порабощенія. Повторяю, Аснатъ, что я люблю тебя; настанетъ время и я верну тебѣ свободу. Со мною рядомъ ты возсядешь на тронѣ фараоновъ; но, чтобы я могъ, наконецъ, подняться на вершину власти, ты временно должна была исчезнуть. Пожелай я отъ тебя избавиться, мнѣ ничего не стоило бы убить тебя. Но этого я никогда не сдѣлаю, потому что — повторяю—люблю тебя и не могу безъ тебя жить!

Онъ оживился; вся страсть, которую онъ долго сдерживалъ и скрывалъ въ теченіе столькихъ лѣтъ, хлынула наружу. Прежде онъ тщательно избѣгалъ чѣмъ либо выказывать ее:— до такой степени онъ былъ рабомъ Аснатъ,—опасаясь, чтобы она сама, или ея родные, не употребили во зло его слабость. Но въ эту минуту, когда лишь небо да стѣны были нѣмыми свидѣтелями его порыва, онъ далъ волю своимъ чувствамъ. Столкнувшись съ этой чисто стихійной силой, существованія которой Аснатъ и не подозрѣвала, она смолкла. Безъ сопротивленія, безъ воли, безъ силъ, отдалась она объятаямъ и жгучимъ поцѣлуямъ мужа; затѣмъ, вдругъ, закрывъ лицо руками, разразилась судорожными рыданіями.

Иосѣфъ вдрогнулъ; слезы жены глубоко тронули его; онъ и не предполагалъ, какъ эта минута будетъ для него тяжела.

— Аснатъ!—прошепталъ онъ, опускаясь къ ея ногамъ:—

Клянусь Элохимомъ (онъ торжественно поднялъ руку къ небу), что верну тебѣ свободу и сдѣлаю все возможное, чтобы облегчить твое заточеніе. Скажи только—и все, чего ни пожелаешь, будетъ у тебя здѣсь; каждый вечеръ или ночь я буду проводить съ тобой. Только люби меня и вѣрь мнѣ; объ этомъ—видишь—я молю у ногъ твоихъ!

— Я сдѣлаю все, что ты хочешь, только дай мнѣ свободу,—вздрагивая, прошептала Аснатъ.

— Я исполню твое желаніе, лишь когда это будетъ возможно. Если ты меня любишь, какъ я люблю тебя, ты терпѣливо перенесешь время своего заключенія здѣсь. Около тебя я буду черпать силы, буду повѣрять тебѣ всѣ мои планы; ты, одна, чистая въ душѣ моей, будешь знать все; узнаешь минуту, когда я возьму въ руки скипетръ, и выдешь отсюда, чтобы раздѣлить тронъ мой!

Все честолюбіе, вся безпредѣльная гордость, наполнявшія душу Іосафа, блестяли въ его взорѣ, звучали въ его голосѣ, и та подавляющая сила, которою дышало все его существо, придавала красотѣ Іосафа особенное очарованіе.

На время Аснатъ была побѣждена и забыла, что у ея ногъ—ея же палачъ; она видѣла только его глаза, горѣвшіе любовью, да слышала шопотъ его звучнаго голоса, который опьянялъ ее; обхвативъ его за шею, она прижалась долгимъ поцѣлуемъ къ его устамъ,—устамъ, предательски сулившимъ ей небо и обрекавшимъ на муки!

В. Крыжановская (Рочестеръ).

(Окончаніе будетъ).

ГДѢ СПАСЕНІЕ?..

(Изъ Привислянъ).

V.

Лѣтъ пять-шесть тому назадъ, проживаль я въ Лодзи. Проходя однажды утромъ мимо квартиры знакомаго мнѣ судебного пристава, я увидалъ на дворѣ у него цѣлый ассортиментъ различнаго рода мебели. Мебель была хорошая,—какъ оказалось, одного разорившагося фабриканта,—и предназначалась для продажи съ аукціона. Я вошелъ на дворъ и увидалъ сидѣвшаго за столикомъ письмоводителя пристава и съ десятокъ стоящихъ кучкою въ сторонкѣ и о чемъ-то галдящихъ между собою жидовъ. Отъ нечего-дѣлать я началъ осматривать выставленную мебель, и мнѣ понравился, между прочимъ, небольшой письменный столикъ. Справившись у письмоводителя, я узналъ, что столикъ этотъ оцѣненъ только въ 5 рублей, а, между тѣмъ, онъ былъ совсѣмъ новенькій и въ магазинѣ за него надо было бы уплатить не менѣе 15 рублей. Я рѣшилъ купить его.

Скоро вышелъ на дворъ и самъ судебный приставъ. Я подошелъ къ нему, поздоровался и, заявивъ о своемъ намѣреніи, попросилъ: нельзя ли начать продажу именно съ этого столика, такъ какъ ожидать, пока дойдетъ до него очередь по списку, у меня не было времени.

— Начать-то я, пожалуй, начну,—улыбаясь, сказалъ приставъ,— а только вы его все таки не купите!

— Это почему?—искренне изумился я.

— А вотъ сами увидите, — какъ-то загадочно добавилъ онъ, надѣвая на себя офиціальнй знакъ и садясь на уступленное ему письмоводителемъ мѣсто.

Отъ кучки жидовъ отдѣлились трое и подошли къ столику пристава, а остальные вовсе ушли со двора, такъ что наличныхъ покупателей, кромѣ меня и этихъ трехъ жидовъ, никого не оказывалось.

Раздался громкій ударъ линейки по столу и голосъ пристава.

— Письменный столикъ полированный, подъ орѣхъ, съ сукномъ... Пять рублей... Кто больше?

— Пять копѣекъ!—надбавилъ одинъ жидъ.

— Пять копѣекъ!—какъ эхо, повторилъ другой.

— Пять копѣекъ!—выкрикнулъ и третій.

— Пять рублей пятнадцать копѣекъ... Кто больше?.. Разъ!..—стукнувъ линейкою, громко отсчиталъ приставъ.

— Семь рублей!—эффектно заявилъ я, думая поразить жидовъ и заставить ихъ отступить, увидя такого рѣшительнаго противника.

Назначивъ сразу такую сумму, я именно рассчитывалъ, что жида, надбавляющіе по пятачкамъ, не рѣшатся перешагнуть такой громадной надбавки, а—главное—мнѣ рѣшительно совѣстно было пріобрѣтать за какіе нибудь 6 рублей вещь, которая, для кого и не надо, стоила, по крайней мѣрѣ, 10.

Дѣйствительно, жида какъ-то изумленно взглянули сначала на меня, а потомъ переглянулись между собой и снова, какъ ни въ чемъ не бывало, запѣли одинъ за другимъ: пять копѣекъ!

— Семь рублей пятнадцать копѣекъ!.. Кто больше?.. — снова повторилъ приставъ, опять стукнувъ линейкою.

— Восемь рублей!—надбавилъ и я, держась крупной цифры.

Продолжилась та же исторія. Жида надбавляли пятачками, я назначалъ рубли, а приставъ, постукивая линейкою, задавалъ все одинъ и тотъ же официальный вопросъ. Цифра цѣны давно уже перешла за десять, но я рѣшилъ не уступать жидамъ и дойти до 15 рублей, такъ какъ во всякомъ случаѣ, купивъ столикъ даже и за эту цѣну, я все таки не остался бы въ убыткѣ.

— Пятнадцать рублей! — рѣшительно заявилъ я, думая, что жида ни въ какомъ уже случаѣ не рискнуть переступить этой суммы.

Тѣ, дѣйствительно, смутились и съ минуту оставались въ нерѣшительности, такъ что я готовился уже праздновать свою побѣду надъ упорнымъ израиелемъ. Вдругъ, къ моему величайшему изумленію и досадѣ, снова послышалась обычная пятикопѣечная надбавка... Я положительно взбѣсился. Ясно, что жида ни за что не хотѣли уступить мнѣ поля сраженія. Тогда я рѣшилъ или бросить еще пять рублей и поставить на своемъ, или на эти же пять рублей наказать жидовъ, т. е. идти въ цѣнѣ до 20 рублей.

— Шестнадцать рублей!

— Пять копѣекъ!

Я назначалъ рубли рѣшительно; жида, какъ мнѣ казалось, смѣло и нахально изводили меня своими пятачками.

— Деятнадцать рублей!—крикнулъ я.

— Пять копѣекъ!—какъ бы подзадоривая меня, надбавилъ одинъ изъ жидовъ.

— Деятнадцать рублей пять копѣекъ!.. Кто больше?.. Разъ... два...—раздѣльно считалъ приставъ и занесъ уже линейку для третьяго удара.

— Дв...—зайкнулся было уже я на роковой цифрѣ. Два другіе жида почему-то теперь не сдѣлали обычной надбавки. Но въ это время я нечаянно взглянулъ на пристава и въ его, устремленномъ на меня, взглядѣ прочелъ такой настоятельный совѣтъ удержаться и не надбавлять болѣе,—сказать мнѣ это на словахъ онъ, по обя-

занности службы, разумѣется, не могъ,—что невольно остановился и не договорилъ слова.

— Три! — громко стукнулъ линейкою приставъ. — Вещь за вами,—обратился онъ къ одному изъ жидовъ.

Тѣ, повидимому, никакъ не ожидали подобной развязки. Они какъ-то растерянно переглянулись между собою и загалдѣли, явно кидая на меня неприязненные взоры. Хотя мнѣ было и непріятно, что не удалось купить облюбованную вещь, однако, я былъ доволенъ, что насолилъ помѣшавшимъ мнѣ жидамъ, такъ какъ заплаченной ими за столикъ цѣны выручить сподна ни въ какомъ случаѣ не удастся. Я простился съ судебнымъ приставомъ и пошелъ со двора.

Еще въ воротахъ этого дома догналъ и остановилъ меня одинъ изъ торговавшихся со мною жидовъ.

— Что же... купите, господинъ, столикъ!—предложилъ онъ мнѣ, любезно улыбаясь.

Я подумалъ, что онъ, конечно, запроситъ за него никакъ ужъ не менѣе заплаченной имъ самимъ суммы, а потому, съ желаніемъ подразнить жида, сказалъ ему:

— Отчего же?... Только онъ, по моему мнѣнію, больше десяти рублей не стоитъ... Хотите за десять?

— Что же, извольте... Куда прикажете прислать?—не смутясь и совершенно серьезно проговорилъ жидъ къ моему величайшему изумленію, совершенно равнодушно относясь, повидимому, къ убытку.

— И зачѣмъ вамъ нужно было торговаться? Отчего не сказали вы намъ раньше, что желаете имѣть этотъ столикъ? Мы бы вамъ его тогда и за восемь рублей отдали! — сокрушенно добавилъ онъ, укоризненно глядя на меня.

Черезъ полчаса столикъ былъ уже у меня на квартирѣ, и я за него расплатился. Но все таки я рѣшительно недоумѣвалъ, какимъ образомъ и почему жидъ такъ равнодушно, повидимому, отнесся къ потерѣ, зная, что этотъ народъ вообще готовъ, какъ говорится, лучше удавиться, чѣмъ потерять или истратить непроизводительно хотя бы одну копейку. Недоумѣніе мое разрѣшилось вечеромъ того же дня.

Я пошелъ въ лѣтній театръ. Зайдя въ одинъ изъ антрактовъ въ театральнй буфетъ, я засталъ тамъ судебного пристава, пьющаго водку въ компаніи нашихъ общихъ знакомыхъ.

— А что, батенька, купили? Не говорилъ ли я вамъ?—встрѣтилъ онъ меня, протягивая руку и прожевывая кильку, кончикъ которой торчалъ еще у него изо рта.

Я поздоровался со всѣми, и приставъ, смѣясь, сталъ рассказывать компаніи о моемъ неудавшемся сегодняшнемъ дебютѣ въ роли конкуррента съ жидами.

Я рассказалъ ему, что столикъ-то все таки купилъ, и выразилъ при этомъ свое недоумѣніе по поводу равнодушія жида къ убытку.

— Убытокъ? Да какой же въ этомъ случаѣ для нихъ убытокъ?—изумился непритворно приставъ.—Вотъ вы такъ молитесь Бога, что

во-время удержались и не выговорили той суммы, идти до которой твердо рѣшились! — сочувственно обратился онъ ко мнѣ.

— Позвольте, — искренно удивился и я въ свою очередь. — Да вы откуда узнали, что я твердо рѣшился было дойти до двадцати рублей?

Приставъ расхохотался.

— Да что вы, батенька? первый годъ я что ли приставомъ-то служу? Я всякаго покупателя по первой его надбавкѣ насквозь вижу, а жида видать его еще лучше моего и на это они великіе психологи! Когда вы сразу двинули цѣлыхъ два рубля противъ оцѣнки, они уже знали навѣрное, что вы новичокъ и будете держаться все круглыхъ цифръ, какъ новички и дѣлають. До десяти рублей жидамъ не было расчета вамъ уступать, такъ какъ этихъ денегъ вещь во всякомъ случаѣ всегда стоитъ. Надбавивъ сверхъ десяти, вы ясно дали понять, что дойдете и до пятнадцати, такъ какъ новички опять таки всегда останавливаются только на такихъ круглыхъ суммахъ, которыя оканчиваются нулями или пятеркою. Вотъ на этихъ-то пятнадцати рубляхъ вы, дѣйствительно, могли забастовать и отступить... Замѣтили вы, съ какой нерѣшимостью сдѣлалъ жидъ первую надбавку сверхъ этой суммы? Еслибы вы тутъ остановились, жиды рѣшительно остались бы въ дуракахъ, такъ какъ, хотя вещь и досталась бы имъ, но сравнительно дорого, а — главное — у нихъ пропала бы возможность дать вамъ урокъ и отучить васъ на будущее время вмѣшиваться и соваться въ ту область, которую жида считаютъ всецѣло принадлежащею имъ однимъ. У нихъ, вѣдь, тоже есть своего рода амбиція... Вы перевалили за пятнадцать рублей, и они были увѣрены, что менѣе двадцати не остановитесь. Я не знаю, поняли ли вы изъ моего взгляда рѣшительный совѣтъ мой остановиться, или дѣйствовали подъ влияніемъ какого-то непостижимаго, но тѣмъ не менѣе единственно разумнаго въ этомъ случаѣ наитія, — какъ бы то ни было, жида все же остались отчасти въ дуракахъ! Но убытку, — какъ вы думаете, — они никакого не понесли. Это вы совершенно вѣрно замѣтили, что жидъ всегда удавится, если потеряетъ даромъ хоть одну копѣйку, а тутъ, — вы согласитесь сами, — они все же дали вамъ хорошій урокъ, и на будущее время не только вы сами не сунетесь уже мѣшать имъ, а и знакомымъ своимъ не посоветуете этого! Подобные торги у меня производятся чуть не ежедневно, и единственными покупателями являются всегда только эти восемь жидовъ, которыхъ вы видѣли и которые составляютъ правильную, тѣсно сплоченную, компанію. Сегодня всей мебели, по предварительной оцѣнкѣ, было на 340 рублей, а они купили ее за 368. По оцѣнкѣ столика вы можете судить о дѣйствительной стоимости и остальнаго; можете, значить, приблизительно и опредѣлить, сколько они заработали на всемъ этомъ. Такъ о какомъ же убыткѣ вы за нихъ печалуетесь?..

Что жида хорошие психологи, это я зналъ и ранѣе изъ непосредственныхъ наблюдений. Будучи всегда умственно развитѣе эксплуатируемаго ими населенія, они съ умѣньемъ и великимъ разбойничьимъ искусствомъ пользуются своимъ преимуществомъ въ этомъ

отношеніи. Самый заурядный, «пархатый» жидъ поразить васъ иногда умѣньемъ прилагать къ практикѣ своей наживы такіе, добытые наукой, выводы, съ которыми у насъ знакомы только немногіе хотя бы и изъ такъ-называемыхъ «образованныхъ читателей». Имѣете ли вы, напримѣръ, понятіе о математической «теоріи вѣроятностей», а если и имѣете, то приходило ли вамъ когда нибудь въ голову воспользоваться выводами ея для какихъ либо меркантильныхъ цѣлей? Не думаю... Теорія вѣроятностей на практикѣ прилагается у насъ только въ чисто-научныхъ изслѣдованіяхъ, какъ напримѣръ, въ предположеніяхъ относительно ежегодно повторяющихся несчастныхъ случаевъ, пожаровъ, да на выводахъ ея основаны различныя общества страхованія жизни; въ частностяхъ же большинству изъ насъ эта теорія вовсе неизвѣстна. Ну, а жида, какъ оказывается, знакомы съ ней очень хорошо и пользуются ею при самой обыденной обстановкѣ. Я разскажу сейчасъ сценку, въ которой фигурировалъ и удивилъ меня простой, лапсердачный жидъ, навѣрное нигдѣ, кромѣ хедера, не обучавшійся ¹⁾).

Это было прошлой осенью, въ концѣ октября мѣсяца. Я на пароходѣ возвращался домой изъ Варшавы. Погода была вѣтряная и дождливая. Хотя видимаго мороза и не было, но термометръ врядъ ли стоялъ выше точки замерзанія. День былъ праздничный, и на пароходѣ, противъ обыкновенія, пассажировъ набралось порядочно. Какъ и всегда, болѣе всего было жидовъ, возвращавшихся съ различными товарами и закупками по своимъ градамъ и весямъ. Впрочемъ, эта публика, изъ чувства врожденной экономіи, бѣжала преимущественно во второмъ классѣ, — на здѣшнихъ пароходахъ третьяго класса не существуетъ, — такъ что въ каютѣ перваго класса этихъ представителей разсѣянаго Богомъ племени оказалось всего два или три. Главный контингентъ тутъ составляли всего пять-шесть поляковъ-помѣщиковъ, возвращавшихся, судя по ихъ разговору, съ какихъ-то похоронъ, три нѣмца изъ Влодавска, я и русскій податной инспекторъ, бѣжавшій въ нашъ же городъ. Вся эта разношерстная публика какъ засѣла въ каюту, такъ, благодаря холодной погодѣ, изъ нея и не выходила всю дорогу. Помѣщики впятеромъ съ мѣста же засѣли въ стуколку, а жидки повытаскивали изъ мѣшковъ жареныхъ гусей и сразу же окружили себя привычной и сладостной для ихъ обонянія атмосферой. Нѣмцы сидѣли молча, пошкывая сигарами, а я разсчитывалъ завалиться спать для сокращенія времени скучнаго переѣзда, тѣмъ болѣе что въ предшествовавшую ночь поспать мнѣ удалось очень мало.

Но и теперь, къ вящей моей досадѣ, заснуть мнѣ никакъ не пришлось. Съ одной стороны, раздавались громкіе возгласы поляковъ, игравшихъ въ карты и оказавшихся весьма беспокойными

¹⁾ Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній и подозрѣній въ заимствованіи, считаю долгомъ предупредить, что описываемая ниже сценка была уже изложена мною въ фельетонѣ «Варшавскаго Дневника» за прошлый годъ. Въ виду ограниченнаго круга читателей этой газеты, я считаю возможнымъ воспроизвести ее и на страницахъ распространеннаго журнала.

игроками; съ другой—шло надоѣдливое гадленіе позавтракавшихъ жидковъ, съ увлеченіемъ обсуждавшихъ на своемъ жаргонѣ какое-то выгодное предпріятіе. Я, впрочемъ, продолжалъ лежать, отвернувшись къ стѣнкѣ, хотя о снѣ не могло уже быть и рѣчи.

Такъ доѣхали мы до первой остановки въ Бѣлянахъ, задѣвъ нѣсколько разъ днищемъ парохода песчаное дно Вислы, благодаря ея нынѣшнему осеннему мелководью. Послѣ минутной задержки на станціи, пароходъ нашъ снова тронулся. На лѣстницѣ нашей каюты послышался громкій разговоръ, очевидно, вновь сѣвшихъ пассажировъ. Дверь открылась и изъ нея показался прежде всего какой-то молодой парень, судя по типу, мастерской или фабричный рабочій. Но одѣтый чисто, по праздничному. Слѣдомъ за нимъ вошелъ пожилой уже жидъ съ довольно объемистымъ чемоданомъ. Осмотрѣвшись, оба они сѣли рядомъ на имѣвшіяся еще на лавкѣ свободныя мѣста. Жидъ поставилъ чемоданъ свой подъ лавку, у мастераго же въ рукахъ ничего не было. Усѣвшись, они продолжали начатый очевидно раньше разговоръ на польскомъ языкѣ.

— Ну, и зачѣмъ пану такая дорогая вещь?—убѣждалъ жидъ мастераго.—Панъ или самъ потеряетъ ихъ, или украдутъ у пана, а я даю хорошую цѣну.

— У насъ во Влоцлавскѣ я ихъ дороже продамъ! — упирался парень, видимо не соглашаясь на какую-то сдѣлку.

— Пхе!.. И кто тамъ дастъ такія хорошія деньги, какія даю ему я? Панъ и половины не получитъ... Ну, пусть панъ, если не вѣритъ мнѣ, покажетъ свои часы сидящимъ здѣсь господамъ:—во что она оцѣнить, ту цѣну я и дамъ. Ну, и какъ же?

Парень, видимо, находился въ нерѣшительности. Наконецъ, полѣзъ въ жилетный карманъ и вынулъ оттуда золотые часы, на которыхъ имѣлась еще таможенная пломба. Жидъ взялъ у него часы изъ рукъ, подошелъ съ ними къ играющимъ въ карты и приторно-вѣжливо обратился къ нимъ (я въ это время уже поднялся и сидѣлъ, начиная интересоваться сценою).

— Извините меня, господа, что я на минуту помѣшаю вашей игрѣ... Я вижу, всѣ вы люди образованные и знаете толкъ въ такихъ вещахъ. Вотъ будьте добры и скажите тому пану, сколько по совѣсти можно дать за такіе часы?

Господа, польщенные такимъ публичнымъ признаніемъ ихъ образованія и выборомъ въ эксперты, тотчасъ прекратили игру и старательно занялись разсматриваніемъ врученной имъ вещи. Часы переходили изъ рукъ въ руки и оказались несомнѣнно золотыми и довольно массивными. Послѣ многостороннихъ обсужденій, оцѣночная комисія, наконецъ, постановила:

— Часы хорошіе, и въ магазинѣ за нихъ надо отдать не менѣе ста рублей. Ну, а если продавать такъ, изъ рукъ, по нуждѣ, то врядъ ли кто дастъ болѣе семидесяти рублей.

— Ну, что? Не говорилъ ли я пану?—обратился торжествующій жидъ къ мастераго.—А я даю пану восемьдесятъ рублей, и панъ все еще не хочетъ мнѣ ихъ уступить. Панъ видитъ теперь, что я не хотѣлъ его обмануть и давалъ настоящую цѣну. Лучше пану безъ хлопотъ теперь же продать ихъ мнѣ, чѣмъ послѣ искать по-

купателя. Не правда ли, господа? — обратился снова жидъ къ экспертамъ.

Тѣ согласились и даже начали уговаривать парня не упускать случая. Тотъ все еще какъ будто не рѣшался и, наконецъ, махнувъ рукой, обратился къ еврею.

— Ну, нечего дѣлать... Твое счастье—давай деньги!..

Тотъ живо разстегнулъ пальто, вынулъ изъ бокового кармана туго набитый бумажникъ и началъ неторопливо отсчитывать требуемую сумму съ видимымъ сокрушеніемъ, бормоча какъ бы про себя.

— Пхе!.. Панъ говорить: счастье! Не дай богъ никому такого счастья. На этой недѣлѣ я уже третій разъ покупаю эти часы.

Начавшіе было снова игру помѣщики навострили уши, заинтересованные словами жида. Одинъ изъ нихъ обратился къ парню, пересчитывавшему деньги, полученные отъ жида, съ вопросомъ, откуда ему достались эти часы.

— Да я выигралъ ихъ у него же въ лотерею... Вонъ онъ возить ее въ чемоданѣ!—заявилъ съ довольнымъ видомъ парень.

Тогда всѣ помѣщики обратились уже къ еврею, чтобы онъ показалъ имъ эту лотерею. Жидъ, какъ будто нехотя (каковъ актеръ!) взялъ изъ-подъ лавки свой чемоданъ, поставилъ его на столъ и, отпервъ ключемъ, раскрылъ на двѣ половины. Половины эти оказались двумя скрѣпленными на шарнирахъ ящиками, наверху зеркальными стеклами, подъ которыми въ нарочно устроенныхъ бархатныхъ гнѣздахъ лежали различныя вещи. Тутъ были: золотой браслетъ, и серебряныя часы, и серебряныя ложки, и другія. Одно изъ гнѣздъ какъ разъ было пустое, и въ него еврей, поднявъ стекло, тотчасъ же водворилъ купленные имъ часы, очевидно, взятые изъ этого же гнѣзда. Потомъ онъ вынулъ изъ кармана листъ бумаги со слѣдующей таблицей на польскомъ языкѣ:

Таблица выигрышей.

№ 12—Бутылка одеколону.

» 20—

» 30—Зеркало въ серебряной рамѣ.

» 21—

» 14—Гребенка и щетка.

» 26—

» 13—Портсигаръ.

» 24—

» 7—Серебрян. часы.

» 29—

» 31—Золотое кольцо.

» 18—

» 6—Золотыя часы.

» 22—

» 33—¹/₂ дюж. серебр. стол. ложекъ.

» 15—

» 10—Коробка съ духами.

» 23—

» 32—Столовые часы съ музыкой.

» 27—

» 8—Дюж. серебр. стол. ложекъ.

» 17—

» 36—Золот. перстень съ бриллиант.

» 16—

» 9—Дамскій несесерь.

» 28—

» 30—Серебряныя часы.

» 19—

» 11—Коробка мыла.

» 25—

» 34—Золот. браслетъ.

Послѣ, пользуясь общимъ увлеченіемъ въ игръ, я изъ-за спины жиды списалъ эту табличку, а потому она и приводится буквально. Пока помѣщики разсматривали эту табличку, не понимая еще, въ чемъ дѣло, жидъ изъ кармана пальто вынулъ обыкновенный кожаный стаканъ, употребляющійся при игрѣ въ кости, и шесть обыкновенныхъ же игральныхъ костей. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали дальнѣйшихъ поясненій.

— Пусть панъ бросить теперь кости,—сказалъ жидъ, обращаясь къ одному изъ сидѣвшихъ и подавая ему кожаный стаканъ.

Тотъ бросилъ. Жидъ быстро сосчиталъ, не давая никому прослѣдить, общую сумму очковъ на всѣхъ шести выброшенныхъ костяхъ.

— Вотъ у пана вышло всего 33 очка. Теперь посмотримъ въ таблицу, что стоитъ противъ этого нумера. № 33-й— $\frac{1}{2}$ дюжины серебряныхъ чайныхъ ложекъ. Вотъ панъ сразу бы уже и выигралъ. Ну, еще разъ.

Тотъ бросилъ еще. Жидъ уже гораздо медленнѣе сталъ считать очки. Вышло 28.

— Ну, не всякій разъ счастье! Противъ этого № стоитъ черта, значитъ панъ ничего не выигрываетъ, а вотъ еслибы вышелъ рядомъ стоящій №, то панъ выигралъ бы серебряные часы.

Игра съ перваго же раза показалась до того занятной и увлекательной, что помѣщики заявили желаніе тотчасъ же попытаться счастья. Но жидъ для виду еще поломался.

— Э, нѣтъ, господа! Я играю только съ тѣми, кто меня знаетъ. Господа не знаютъ меня и, если не повезетъ счастье, будутъ думать, что я ихъ обманываю.

Его, понятно, стали увѣрять, что никто этого не подумаетъ, и только просили скорѣй объяснить дальнѣйшее условіе игры, т. е. сколько надо ему платить.

— За каждый №, т. е. за каждое бросанье костей, по 30 к.,—заявилъ жидъ, какъ бы съ сожалѣніемъ о такой дешевизнѣ.

И плата эта показалась всѣмъ невысокой, особенно принимая во вниманіе возможность выиграть за нее съ перваго же разу золотые часы или кольцо съ брилліантомъ. Но жидъ еще не торопился.

— Пусть господа осмотрятъ прежде всего кости,—не фальшивы ли онѣ? Въ настоящее время никому вѣрять нельзя, и я не хочу, чтобы у господъ оказалось хотя какое либо подозрѣніе!

Кости внимательно осмотрѣли и признали ихъ стоящими внѣ всякаго подозрѣнія. Игра началась, и столику съ раскрытымъ чемоданомъ окружила толпа вставшихъ со своихъ мѣстъ заинтересованныхъ пассажировъ.

Продолжать ли далѣе? Не прошло и двухъ часовъ времени, т. е. пока пароходъ шелъ до Вышеграда, какъ жидъ *начисто облупилъ* *злполучныхъ искателей счастья*, въ общей сложности почти на сотню рублей, не переставая во время игры притворно сожалѣть о невиданномъ несчастіи своихъ партнеровъ. Какъ и слѣдовало ожидать, громадное большинство выкидываемыхъ №№ оказывалось пустыми, и во всю игру они выиграли только нѣсколько коробокъ

духовъ и мыла! Правда, одному удалось еще захватить $\frac{1}{2}$ дюжины чайныхъ ложекъ, но всё выигрыши въ общей сложности не составили и десятой части суммы проставленныхъ денегъ. Курьезнѣе всего, что въ эту ловушку попался даже одинъ изъ жидковъ-пассажировъ, тоже проставившій рублей шесть и не выигравшій ровно ничего.

Мошенничалъ ли жидъ, державшій эту оригинальную лотерею? Ничуть не бывало! Съ его стороны тутъ не было никакого обмана, а просто онъ пользовался полнѣйшимъ незнакомствомъ публики съ математической теоріей вѣроятностей. Подозрѣваете ли вы, читатель, сколько разъ надо бросить кости, чтобы имѣть вѣроятность хоть одинъ разъ имѣть общую сумму очковъ 36 или 6, т. е. выиграть у еврея золотые часы или золотой перстень? Да ни больше, ни меньше, какъ ровно 42,356 разъ. Дѣйствительно, чтобы получить эти цифры, нужно, чтобы для перваго случая всѣ кости дали по 6 очковъ, а для втораго—по 1, что и безъ всякой математической провѣрки представляется уже рѣдкимъ случаемъ. Чаше всего будетъ выходить средняя сумма между этими цифрами и числа, рядомъ или близко около нея стоящія, т. е. повышаясь или понижаясь отъ 21; а въ таблицѣ всѣ эти нумера и поставлены именно пустыми. Таблица составлена такъ ловко, что на первый взглядъ кажется, будто на каждый проигрывающій номеръ приходится и выигрывающій, но, въ дѣйствительности, на сотню ставокъ едва ли придется и одинъ номеръ съ выигрышемъ. Кто не вѣритъ мнѣ на слово, пусть попробуетъ повѣрить это практически на любыхъ игральныхъ костяхъ.

Въ Вышегородѣ жидъ и паренъ исчезли съ парохода, чтобы ожидать, вѣроятно, слѣдующаго. Нечего и говорить, что вся первоначальная сцена съ часами разыграна была только для завлеченія публики. Никогда и никакихъ часовъ паренъ у жида не выигрывалъ, и деньги, полученные за нихъ, само собой разумѣется, вернутся въ тотъ же карманъ, чтобы быть вынутыми снова при новомъ подобномъ же случаѣ. Теперь вы вправѣ спросить меня, читатель: хорошо ли, богато ли живутъ жида? Нѣтъ, и далеко нѣтъ!..

Въ растительномъ царствѣ существуетъ одно оригинальное явленіе. Вѣроятно, всѣ видѣли грибы-опѣнки, называемые такъ потому, что растутъ они исключительно на *тляхъ* срубленныхъ деревьевъ. Они—совершенные паразиты. Часто на одномъ нѣтъ вырастаетъ ихъ нѣсколько сотенъ. Но они не всѣ одинаковы, а отличаются между собой и видомъ, и величиной. Одни изъ нихъ, успѣвшіе нитями своихъ корней оплести большую часть питающей ихъ поверхности, представляются упитанными, съ жирными мясистыми шляпками и корнями; другіе же кажутся чахлыми, болѣзненными, совершенно оставовившимися въ своемъ развитіи. Для послѣднихъ не хватаетъ уже питательныхъ соковъ, или они не успѣли захватить ихъ ранѣе, какъ сдѣлали это первые. Точно такую же картину представляетъ намъ и жидовство *во всей его массѣ*. Вглядѣвшись попристальнѣе въ жизненную обстановку отдѣльныхъ многочисленныхъ его представителей, вы скоро убѣдитесь, что

только нѣкоторые изъ нихъ являются откормленными или откармливаемыми пауками; большинство же какъ нельзя болѣе походить на издыхающихъ отъ голода вшей, за нежеланіемъ или неумѣньемъ повести жизнь иную, чѣмъ паразиты, привычки и свойства которыхъ они въ совершенствѣ представляютъ. Въ этомъ случаѣ становится рѣшительно обиднымъ за человѣчество, и невольно самъ собою является вопросъ: полно, да люди ли въ самомъ дѣлѣ эти жиды, принадлежать ли они къ зоологическому виду homo sapiens и не слѣдуетъ ли установить еще особый видъ или подъ-отрядъ «двуногихъ хищниковъ», въ который и выдѣлить жидавъ изъ остальнаго человѣчества?!

Я подѣлюсь съ вами, читатель, своими личными воспоминаніями, которыя вынесъ изъ производившейся всенародной переписи. Въ этой переписи принималъ участіе и я въ качествѣ городского счетчика. Мовши, Гершки, Хадскели, Ривки, Сурки, Райзы—до сихъ поръ звенятъ еще у меня въ ухахъ; мое верхнее платье, въ которомъ я странствовалъ, до настоящаго времени еще не вывѣтрилось и отдаетъ чеснокомъ, лукомъ и другими не поддающимися никакому химическому анализу сложными ароматами жидовскихъ гнѣздъ...

Мнѣ достался участокъ въ самой-то жидовской части города. Изъ 108 значившихся у меня по списку квартиръ не было и десятка христіанскихъ—все жида и жида! Первый день для подготовительной переписки,—суббота 18 января,—для моего и подобныхъ участковъ выбранъ былъ рѣшительно неудачно:—благодаря шабашу, прошло все утро. Въ означенный день, ровно въ 9 часовъ утра, вооружившись переписными листами и письменными принадлежностями, отправился я на работу, но въ первомъ же домѣ потерпѣлъ рѣшительное фіаско. Въ какую квартиру ни толкнусь—или заперто, или дома одѣвъ только христіанки-работницы, а жида въ синагогахъ. Чтобы не терять даромъ времени, пришлось ходить изъ дома въ домъ и разыскивать тѣхъ немногочисленныхъ представителей христіанскаго элемента, которые значились у меня по списку.

Наконецъ, часовъ около 12, я рѣшилъ, что пора приняться и за жидавъ. Первая квартира, куда я направился, принадлежала богатому жиду-домовладѣльцу, занимавшемуся еще неофициально, — какъ слышалъ я ранѣе, — «банкирскими оборотами» и продажей заграничныхъ лотерейныхъ билетовъ. Едва отворилъ я дверь, какъ меня положительно отшибъ одуряющій запахъ жидовской кухни:—вся многочисленная семья, состоявшая, какъ оказалось при повѣркѣ, изъ 18 человѣкъ, сидѣла за обѣденнымъ столомъ, обильно установленнымъ кушаньями. Обстановка, какъ и во всякомъ зажиточномъ жидовскомъ домѣ, поражала своими неожиданностями. Прекрасное—чуть не до потолка—зеркало, а на подзеркальничкѣ дешевенькая, обитая съ одного краю, тарелка, и на ней—остатки нарѣзаннаго луку съ обѣдомъ селедки... Когда я объявилъ, кто я такой, хозяинъ пригласилъ меня въ слѣдующую комнату. Это была спальня, а въ то же время, судя по обстановкѣ, и рабочій кабинетъ. Здѣсь стояли: кровать, около нея столикъ, накрытый спускавшейся до

полу ковровой салфеткой, письменный столъ у окна, возлѣ—кипа какихъ-то тюковъ на полу. Впрочемъ, тюковъ этихъ мнѣ не удалось хорошенько разсмотрѣть, такъ какъ жидъ,—едва мы только вошли,—не смотря на шабашъ, сдернулъ со столика салфетку и набросилъ ее на тюки. Тутъ же у стѣны помѣщалась и большая неогороженная касса. Я приступилъ къ опросу. Первые отвѣты давались безпрепятственно, но вотъ задалъ я жиду имѣвшійся въ листѣ вопросъ: умѣеть ли онъ читать?

— Нѣтъ!—заявилъ онъ рѣшительно.

— Какъ? Даже и по еврейски?—изумился я.

— Да, и по еврейски не умѣю!—упирался жидъ.

Хотя я и видѣлъ, что онъ рѣшительно вретъ, такъ какъ знаю, что между жидами вовсе нѣтъ неграмотныхъ, однако, въ листѣ пришлось отмѣтить его—неграмотнымъ, такъ какъ наставленіе для счетчиковъ рекомендовало вѣрить всякимъ устнымъ заявленіямъ опрашиваемыхъ. Кромѣ того, я недоумѣвалъ, зачѣмъ понадобилось жиду отрекаться отъ грамотности...

— Чѣмъ вы живете? На какія средства? — задалъ я ему послѣдній изъ форменныхъ вопросовъ.

— А пану какое дѣло до этого?

— Дѣло значитъ есть, если я спрашиваю...

— Пану вовсе незачѣмъ знать это! Я пана не спрашиваю, чѣмъ онъ занимается и на какія деньги живетъ; я тоже не хочу говорить объ этомъ,—рѣшительно заявилъ жидъ.

Меня взбѣсило это нахальное упорство.

— Перепись производится по высочайшему повелѣнію Государя Императора. Вопросъ, который я дѣлаю, помѣщенъ въ переписномъ листѣ и, слѣдовательно, отвѣчать на него вы мнѣ обязаны! — строго и внушительно объявилъ я ему, показывая переписной листъ.

Жидъ, забывши уже, что объявилъ себя неграмотнымъ, внимательно прочелъ указанное и видимо сконфузился.

— Ну, я живу доходомъ съ капитала! — объявилъ онъ, наконецъ, какъ бы выдавая какую-то тайну.

Я такъ и отмѣтилъ. У него оказались еще три взрослыхъ женатыхъ сына, живущихъ со своими семействами при немъ же. Одинъ изъ нихъ, какъ только позвалъ я его для опроса, самъ взявъ переписной листъ и внимательно прочелъ всѣ имѣвшіеся тамъ вопросы. Когда же дошла очередь до вопроса о грамотности, то, уже къ совершенному моему изумленію, и онъ заявилъ себя не умѣющимъ ни читать, ни писать, даже и по еврейски!

— Да какъ же, — не выдержалъ я, — вѣдь вы сейчасъ читали переписной листъ?

— Ну, читать-то я немного умѣю, а писать не могу вовсе! — не смутясь нисколько, вывернулся жидъ.

— Да я о письмѣ васъ вовсе и не спрашиваю — мнѣ этого и знать не требуется, а важно только, умѣете ли вы читать, и на какомъ языкѣ?

— Ну, когда такъ, то я могу читать и по русски, и по нѣмецки, и по еврейски... Значить, расписываться на листѣ мнѣ не придется?

Я успокоилъ, сказавъ, что никакой подписи отъ опрашиваемыхъ не требуется, и тутъ только догадался, зачѣмъ жиды старались врать. Они, видите ли, вообразили, что почему-то потребуется ихъ подпись и, боясь нарушить субботу, предпочли лучше нахально врать «глупому христіанину». Въ этотъ день, и въ другихъ квартирахъ всѣ жильцы поголовно оказывались неграмотными и только уже послѣ того, какъ я предупреждалъ ихъ, что никакихъ подписей не потребуется, они признавались въ грамотности на томъ или иномъ языкѣ.

Насчетъ промысловъ или занятій никакого толку добиться мнѣ тоже не удалось. Всѣ эти трое взрослыхъ и женатыхъ мужей категорически объявили, что *не занимаются ничѣмъ*, а живутъ у отца на его средства. Такъ и пришлось мнѣ ихъ, наряду съ ихними же малолѣтними дѣтьми, отмѣтить, что они «находятся при отцѣ».

Этажемъ выше на мой стукъ отворила мнѣ дверь пышно разодѣтая для шабаша довольно пожилая уже жидовка. Пальцы ея рукъ щедро унизаны были кольцами, а по груди спускалась массивная золотая цѣпочка. Квартира состояла изъ трехъ комнатъ, и въ каждой стояло по большой кровати за ситцевыми занавѣсками. Послѣ обычныхъ вопросовъ, я спросилъ жидовку, кто еще живетъ съ ней.

— Никого! Я живу совсѣмъ одна...

— Зачѣмъ же у васъ въ такомъ случаѣ столько кроватей?— спросилъ я ее, указывая на предательскихъ свидѣтелей.

Жидовка растерянно заѣрзала на стулѣ.

— Это такъ... это совсѣмъ такъ,— сконфуженно залепетала она, видимо стараясь что либо придумать.— Это кровати не мои, а однихъ моихъ знакомыхъ; у нихъ дома нѣтъ мѣста, гдѣ бы ихъ можно было поставить; такъ вотъ они и просили меня, — приподнесла мнѣ она очевидную нелѣпицу.

— Какъ? И съ перинами, и съ подушками? Значить, они и спать къ вамъ приходятъ? Въ такомъ случаѣ я приду попозже вечеромъ или рано утромъ и перепишу ихъ!— припугнулъ я нахальную выдумщицу.

Жидовка струсила и окончательно завертѣлась.

— Нѣтъ, они не ходятъ... То есть они ходятъ, но не они... Не одни и тѣ же... Видите ли, ко мнѣ приходятъ ночевать разные знакомые, которымъ дома спать иногда почему либо неудобно... Ну, и съ дамами...

Я понялъ, какого рода квартиру и для какихъ «знакомыхъ» содержала эта пышно разодѣтая дама, и болѣе уже не беспокоилъ ее своими вопросами.

Вечеромъ я натолкнулся на нѣчто совсѣмъ оригинальное. Гдѣ-то почти подъ землей, въ подвальномъ помѣщеніи, называемомъ по здѣшнему «сутереними», указали мнѣ квартиру, дверь въ которую я и отворилъ. Въ первый же моментъ меня буквально чуть не спихъ съ ногъ отвратительный запахъ жидовскаго пота и газобразныхъ выдѣлений... Въ сравнительно небольшой и низенькой комнаткѣ, на пространствѣ не болѣе двухъ десятковъ аршинъ, толлась большая толпа жидовской молодежи обоюго пола, усердно

отпѣсывавшихъ подъ звуки распѣваемаго «маюфеса». Я испугался, не придется ли ужъ мнѣ переписывать ихъ всѣхъ. Къ счастью, оказалось, что всѣ эти танцующіе—народъ пришлый, а живетъ тутъ одна старуха-жидовка, пускавшая по шабашамъ, за особую плату (двѣ копѣйки «съ морды») молодежь въ свою квартиру для танцевъ и бесѣдъ, и этой-то платой, главнымъ образомъ, она поддерживала свое существованіе. Я попалъ такимъ образомъ въ настоящій жидовскій танцклассъ. Впрочемъ, у хозяйки этого оригинальнаго учрежденія имѣлась еще особаго рода специальность, дававшая, по ея словамъ, тоже порядочный доходъ. Она ходила по особымъ приглашеніямъ въ дома богатыхъ жидовъ со специальнымъ цѣлью... «искать (конечно, паразитовъ) въ головахъ»!

На другой день, не смотря на воскресенье, я снова съ утра отправился въ странствованія. Еще выходя изъ дому, я намѣтилъ большой домъ чуть ли не съ двумя десятками имѣвшихся въ немъ отдѣльныхъ жилыхъ помѣщеній. Я началъ съ самаго низу, т. е. съ подваловъ. Съ улицы въ нихъ помѣщались жидовскія лавочки съ различными припасами. Въ одну изъ нихъ я спустился.

За прилавкомъ стоялъ самъ купецъ-хозяинъ. Весь наличный запасъ товаровъ въ лавчонкѣ состоялъ изъ небольшого, — пуда въ два,—ящика каменной соли, наложенной крупными кусками; тутъ же было нѣсколькихъ пучковъ веревокъ и связокъ мелко наколотыхъ дровъ, употребляющихся для подтопки каменнаго угля. По самой дорогой оцѣнкѣ, всего этого не было и на пять рублей. Въ глубинѣ виднѣлась дверь, очевидно, въ жилое помѣщеніе. Я заявилъ жиду о цѣли моего визита и потребовалъ, чтобы онъ велъ меня въ свою квартиру, такъ такъ въ лавчонкѣ на морозѣ писать было невозможно. Жидъ замаялся было немного, но все таки отворилъ помянутую уже мной дверь и вошелъ вслѣдъ за мною. Вся довольно большая комната была заставлена и завѣшана самыми разнообразными вещами и предметами. Болѣе всего было тутъ носильнаго платья, и мужскаго, и женскаго. Я только что успѣлся записывать обычные отвѣты, какъ въ ту же дверь изъ лавочки вошелъ молодой еще парень, повидимому, изъ мастеровыхъ и, не обративъ на меня вниманія, заговорилъ прямо съ жидомъ:

— Ну, Мошка, вотъ тебѣ деньги, подавай мой пиджакъ?

— И какія деньги? И какой пиджакъ? Я ничего не знаю!—заволновался вдругъ жидъ, подозрительно взглядывая на меня.— Приходи послѣ, теперь мнѣ некогда...

— Да нельзя мнѣ послѣ; теперь надо, а то въ костель идти не въ чемъ! — упорно настаивалъ парень и совалъ деньги въ руку жиды.

Тотъ торопливо, таясь отъ меня, зажалъ ихъ въ рукѣ, а другою снялъ съ вѣшалки какое-то одѣяніе и подаль парню. Парень сейчасъ же убрался.

— Чѣмъ занимаетесь? Чѣмъ вы живете? — оканчивалъ уже я свои вопросы жиду.

— Ну, и какъ чѣмъ? У меня есть лавочка... Я живу доходами съ торговли...

— А деньги подъ залогъ отдаете?

— И какія деньги? И подъ какой залогъ? Панъ говоритъ неправильно!

— Да вѣдь я же видѣлъ...

— Ну, и что панъ видѣлъ? Гдѣ свидѣтели? Никто ничего не видѣлъ, и панъ ничего не видалъ.. Глупый Михаль отдавалъ мнѣ въ починку свой пиджакъ—у меня сынъ портной — вотъ и взялъ теперь, заплативъ за работу деньги... Какой залогъ? Развѣ я не знаю, что теперь за залогъ сажаютъ въ тюрьму, — такъ зачѣмъ я буду это дѣлать?

Поднявшись изъ подваловъ на тротуаръ, я въ недоумѣніи остановился. Въ первомъ этажѣ надъ одною изъ дверей красовалась вывѣска, лаконически гласящая: «Шинокъ», но дверь въ него, по случаю праздничнаго утра, была заперта и я не зналъ, какъ мнѣ попасть туда. На мое счастье, подвернулся какой-то услужливый жидокъ, который черезъ коридоръ и показалъ мнѣ другой, неофициальный, входъ въ это же заведеніе.

Не смотря на раннюю пору дня, тутъ находилось уже нѣсколько посѣтителей и между ними два земскихъ стражника ¹⁾... За стойкою орудовалъ самъ жидъ-сидѣлецъ; но, узнавъ, зачѣмъ я явился, кликнулъ свою жену, а меня провелъ въ жилия комнаты, находившіяся рядомъ же съ кабакомъ. За длиннымъ, ничѣмъ не-накрытымъ столомъ, залитымъ лужами и остатками кушаній, сидѣлъ какой-то молодой жидокъ, до того чахлый и блѣдный, что страшно было смотрѣть.

— Чѣмъ онъ боленъ?—обратился я къ жиду-кабачику.

— Ну, и зачѣмъ боленъ? Ничѣмъ онъ теперь не боленъ... Ему надо только теперь больше, совсѣмъ больше кушать! Онъ осенью становился до войска (отбывалъ воинскую повинность)...

— Ну, и что же?

— Освободили совсѣмъ!.. Въ прошломъ году давали отсрочку, а теперь настоящій бѣлый билетъ имѣеть, бо онъ совсѣмъ слабый, самаго деликатнаго сложенія... Теперь ему и кушать много ужъ можно—бояться нечего. На пасху мы его женить будемъ!—самодовольно осклабась, заключилъ жидъ.

Я приступилъ къ опросу и окончилъ. Жидъ, помявшись, обратился ко мнѣ:

— А что, неужели это правда, что съ будущаго года намъ нельзя будетъ торговать водкой?

— Правда.

— А что же мы будемъ дѣлать? Должны воровать идти?

¹⁾ Кстати о стражникахъ.. Въ большинствѣ городовъ здѣшняго края эти низшіе блюстители полицейскихъ порядковъ страшно распущены и, вмѣсто назначенныхъ для нихъ постовъ на городскихъ улицахъ, предпочитаютъ проводить время по кабакамъ и подобнымъ заведеніямъ. Какъ анекдотъ, рассказываютъ, что стражники одного города, услыхавъ о введеніи здѣсь съ будущаго года правительственной винной монополіи, а слѣдовательно и объ уничтоженіи излюбленныхъ ими пріютовъ, подали по начальству петицію, прося оставить все по прежнему, наивно подкрѣпляя свою просьбу вопросомъ: а куда же мы подѣнемся?

— Зачѣмъ же воровать? Ищите себѣ другихъ занятій...

— И какихъ занятій? И какъ мы будемъ искать? И дѣвушка мой, и папенька всегда торговали водкой, и какъ же я могу приняться за другое дѣло? Впрочемъ, казна сама оставитъ скоро такое нехорошее дѣло, потому что для нея будетъ убытокъ!—проговорилъ жидъ съ убѣжденіемъ.

Я поинтересовался, какой можетъ быть убытокъ для казны, по мнѣнію жида.

— О, большущій убытокъ!.. Хлопы не будутъ пить водку. Хлопы любятъ за водкой и посидѣть, и потолковать, а въ казенной лавкѣ этого нельзя будетъ, и хлопы не станутъ ходить.

Я объяснилъ ему, что въ этомъ случаѣ для казны будетъ даже лучше, такъ какъ народъ, переставъ пропивать деньги, будетъ имѣть сбереженія и возможность исправнѣ вносить подати.

На это жидъ не нашелся ничего отвѣтить.

Въ томъ же коридорѣ имѣлся задній входъ и въ парикмахерскую, которую содержалъ жидъ-фельдшеръ. При моемъ входѣ, я засталъ у него какихъ-то трехъ деревенскихъ женщинъ, которыхъ онъ очевидно снабжалъ медикаментами. Кончивъ опросъ его, я собирался уходить, но онъ попросилъ меня зачѣмъ-то подождать и юркнулъ за перегородку. Вернулся онъ сейчасъ же, неся въ рукѣ вскрытый ящикъ съ сигарами.

— Вотъ попробуйте, господинъ! — соваль онъ мнѣ содержимое ящика.

— Я сигаръ не курю.

— Да вы только попробуйте... Это такія сигары, которыхъ вы здѣсь ни у кого и изъ нашихъ не достанете! У меня братъ живетъ въ Александровѣ и достаетъ ихъ изъ-за границы... Если сами не курите, такъ возьмите штукъ пять для знакомыхъ—я могу доставлять, сколько хотите, и по самой дешевой цѣнѣ. А, можетъ, вамъ другіе какіе заграничныя товары нужны? Я могу доставить всякіе, только скажите...

И отъ рекламированія контрабандныхъ сигаръ и отъ другихъ всякихъ товаровъ, къ великому огорченію жида, я наотрѣвъ отказался.

— А, можетъ, господину нуженъ морфій или...

Но я уже затворялъ дверь и не разслышалъ, чего еще хотѣли мнѣ предложить.

Во второмъ этажѣ помѣщалась большая сапожная мастерская. Раздавался стукъ десятка швейныхъ машинъ, а въ воздухѣ стоялъ кислый запахъ испортившагося клейстера и горѣлой кожи. Въ одной комнатѣ навалена была громадная куча всевозможной старой затоптанной обуви, и нѣсколько жидовъ съ сапожными ножами въ рукахъ орудовали надъ ней, искусно выкраивая куски, разумѣется, снова для употребленія въ дѣлѣ. Въ другой комнатѣ, на нѣсколькихъ столахъ, выкраивались подошвы изъ плотнаго картона, употребляющагося на фабрикахъ, при прокаткѣ подъ прессомъ различныхъ матерій, и который по виду такъ похожъ на настоящую кожу. Въ третьей комнатѣ я любовался уже, какъ къ этимъ картоннымъ подошвамъ наклеивался клейстеромъ уже тонкій слой настоящей кожи...

Я заинтересовался узнать, куда сбывается эта фабрика свои произведения.

— На базары и сельскія ярмарки, и здѣсь въ нѣкоторыя лавки.

Въ третьемъ этажѣ я натолкнулся на новый типъ жида-фактора, состоявшаго въ качествѣ атташэ при жидѣ же адвокатѣ. На мой вопросъ, въ чемъ состоятъ его обязанности, и сколько онъ выручаетъ, факторъ отвѣтилъ мнѣ откровенно:

— Я хожу по шинкамъ, гдѣ бываютъ крестьяне, и слушаю, не имѣтъ ли кто изъ нихъ дѣла въ судѣ или въ какомъ либо управленіи. Хлопы глупы—они думаютъ, что вездѣ нужны прошения и гербовыя марки... Тогда я говорю, что знаю самаго лучшаго адвоката, у котораго всѣ судьи бываютъ въ гостяхъ и который беретъ совсѣмъ дешево. За cadaго, кого приведу, я получаю полтинникъ...

Въ слѣдующей квартирѣ я засталъ двухъ сидѣвшихъ за столомъ безо всякаго дѣла пожилыхъ уже женщинъ-полекъ, и сидѣвшую у окна же совсѣмъ еще молоденькую дѣвушку, горько о чемъ-то плакавшую. Женщины при входѣ моемъ встали, а дѣвушка не повернула даже головы и, закрывшись передникомъ, продолжала плакать.

— Кто здѣсь живетъ?—обратился я къ женщинамъ.

— Жидъ-факторъ...

— Ну, а вы что тутъ дѣлаете? Гдѣ вы живете?

— Мы — служанки безъ мѣстъ и живемъ пока у него... Онъ поставляетъ для пановъ прислугу: кухарокъ, горничныхъ, нянекъ...

Плачь дѣвушки перешелъ въ надрывающія душу рыданія.

Я подошелъ къ ней и тронулъ ее за руку.

— О чемъ ты плачешь? Обидѣлъ что ли тебя ктонибудь? Такъ скажи, я заступлюсь—у меня и полицмейстеръ, и судьи—всѣ знакомые!—старался я успокоить и ободрить ее.

Но дѣвушка продолжала рыдать. Ничего не отвѣтили мнѣ на мой вопросъ и женщины. Наконецъ, послѣ усиленныхъ уговоровъ, дѣвушка нѣсколько успокоилась и, сквозь невольное прорвавшіяся рыданія, прерывисто сообщила:

— Жидъ обманулъ. Отъ матери изъ деревни сманилъ... Мѣсто обѣщаль достать... въ няньки... Вчера вечеромъ увелъ куда-то... къ какому-то старому пану... Я окно разбила... еле вырвалась...

— Такъ почему же ты не уйдешь опять къ матери? Далеко ли до вашей деревни?

— Мила...

— Ну, это дорога недалняя:—если захочешь, такъ сегодня еще успѣешь дойти. Одѣвайся-ка лучше!

— Жидъ спряталъ пачпортъ... Сказалъ, что войтъ меня въ козу (подъ арестъ) посадить, если я безъ пачпорта уйду...

— Глупости! Все это жидъ твой вретъ... Дома, у матери, никто и пальцемъ тебя тронуть не посмѣетъ, а вотъ жида-то такъ ужъ навѣрное заперли бы въ тюрьму, еслибы только ты могла доказать то, что говоришь! Не бойся ничего и отправляйся.

Дѣвушка отняла, наконецъ, отъ лица фартукъ и все еще съ недоумѣніемъ посмотрѣла на меня опухшими отъ слезъ глазами.

— Да одѣвайся же, дура!—энергично дернула ее за руку одна изъ женщинъ.—Ужь если русскій панъ говоритъ, значитъ правда, и бояться тебѣ нечего.

Видимо успокоившаяся отъ этихъ словъ дѣвушка поднялась и вышла въ другую комнату.

— Охъ, вотъ и меня также подвелъ одинъ жидъ пархатый... Всѣ они, кровопійцы, кровь нашу пьютъ, тѣломъ нашимъ питаются! Глупа была, молода—даже матери сказать побоялась. А теперь вотъ и мыкайся всю жизнь по чужимъ людямъ... Лучше бы за послѣднимъ... за послѣднимъ халупникомъ ¹⁾ въ деревнѣ быть, хлѣбомъ да картофелемъ питаться, а только бы имѣть свой уголь!—печально заключила женщина.

Я началъ опросы. Скоро дѣвушка вышла уже одѣтая въ какую-то шубейку и легкой ситцевый платочекъ на головѣ. Остановившись, она съ безпокойствомъ искала чего-то глазами по сторонамъ.

— Чего ты смотришь?—спросила ее одна изъ женщинъ.

— Да большой платокъ... Вчера вечеромъ я вотъ тутъ, на этотъ стулъ, его бросила.

— А его жидъ въ сундукъ заперъ; я видѣла!—заявила та же женщина.

— Ну, пусть и подавится имъ, жидъ паршивый... Сегодня не холодно, такъ не замерзну и въ этомъ!—уже весело воскликнула дѣвушка, прощаясь съ женщинами.

Я вышелъ съ нею вмѣстѣ. Къ ея счастью, почти у самыхъ воротъ дома встрѣтилась какая-то крестьянка изъ ихней же деревни, приходившая въ городъ въ костель.

— Вотъ я съ ней и дойду!—радостно заявила она, увидавъ знакомую.

Я предложилъ было ей на дорогу нѣсколько мелочи, но она упорно отказалась.

— Бери, глупая! — уговаривала ее новая товарка.—Видишь, русскій панъ добрый—пряниковъ на дорогу купишь!..

Но той, какъ видно, было не до пряниковъ. Громко чмокнувъ мою руку,—обычный способъ выраженія благодарности у польскихъ крестьянъ,—она быстро зашагала по тротуару и скоро скрылась за поворотомъ. Я пошелъ домой обѣдать и въ этотъ день на работу уже больше не выходилъ.

На другой день пришлось вернуться опять въ тотъ же домъ, такъ какъ квартиры въ немъ были переписаны еще не всѣ! Въ третьемъ же этажѣ я засталъ за работой все многочисленное семейство. Три взрослыхъ жидовъ, двѣ такихъ же жидовки и рядомъ съ ними двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, сидя за длиннымъ столикомъ, усердно... клеили папиросныя гильзы, груды которыхъ и возвышались тутъ же на столѣ. Я спросилъ, сколько платять имъ за эту работу.

¹⁾ Безземельный крестьянинъ.

— По грошу съ сотни изъ фабричной бумаги.

— И сколько же вы выручаете въ день на человѣка?

— Копѣекъ двѣнадцать-четырнадцать...

— А дѣвочка сколько?

— И она столько же... Это работа легкая и силы не надо! Платятъ только больно дешево, потому что многіе занимаются этимъ и сбиваютъ цѣну.

— Почему же вы не поищете какой нибудь другой работы, болѣе выгодной?

— Да какой же еще другой работы, когда мы ничего не умѣемъ! Прежде мы жили въ деревнѣ и скупали у крестьянъ куръ, яйца и другіе припасы, да потомъ продавали все это въ городѣ, такъ что жилось хорошо; теперь же въ деревнѣ жить нельзя и пришла совсѣмъ бѣда...

Ихъ изнуренныя лица, ветхость одежды и бѣдность жилой обстановки были, дѣйствительно, самыя убійственныя.

Пришлось взбираться еще выше, на настоящей чердакъ, подъ самую крышу. Еще поднимаясь по узенькой шатавшейся лѣсенкѣ, я, сквозь плохо сколоченныя со щелями двери, услышалъ дѣтскій плачь и какіе-то глухіе стоны. Отворивъ дверь, я невольно потянулъ ея и привязанную изнутри къ ея ручкѣ козу, какъ оказалось, единственную кормилицу семьи. Большое окно, хотя и открытое толстымъ слоемъ льда—на улицѣ было 15° мороза—пропускало достаточно свѣту и я увидалъ такую картину, передъ описаніемъ которой у меня невольно выпадаетъ изъ рукъ перо...

Первое, что бросилось мнѣ въ глаза, это—почти совсѣмъ обнаженное тѣло молодой женщины, лежащее на полу у стѣны, на кучѣ невозможнаго хлама, тряпья и обрывковъ рогожъ... Тѣло это было еще живо, о чемъ ясно говорили рѣзко выдѣлявшіеся, хотя воспаленныя и бессмысленныя, черныя глаза, да судорожно двигавшіяся руки, какъ будто старавшіяся сбросить съ тѣла что-то, его давящее и стѣсняющее... Не было сомнѣнія, что женщина боролась за жизнь въ самомъ жестокомъ припадкѣ тифа. Въ ногахъ ея копошилось что-то другое, тоже обернутое тряпьемъ и только по посинѣлой отъ холода ручонкѣ можно было догадаться, что это былъ ребенокъ. Давно нетопленая печка зіяла своимъ мрачнымъ отверстіемъ и, кажется, только увеличивала еще холодъ, который и во всемъ помещеніи былъ никакъ не менѣе 10°. Мебели рѣшительно никакой. И вотъ въ этой-то обстановкѣ, какъ бы въ насмѣшку, на стѣнахъ въ обилии были развѣшаны гирлянды яркихъ цвѣтовъ изъ папиросной бумаги, перевитыя такою же искусственною зеленью.

На полу же, у самаго окна, примостившись къ какому-то опрокинутому ящику, игравшему роль стола, сидѣлъ молодой, довольно сильный на видъ жидъ и, едва сдерживая ооченѣлыми руками ножницы, съ самымъ серьезнымъ видомъ занимался именно производствомъ этихъ искусственныхъ цвѣтовъ.

Тутъ ужъ я положительно не выдержалъ.

— Какъ же не стыдно тебѣ, такому сильному и здоровому человѣку, заниматься тѣмъ, что могутъ и сѣмѣютъ сдѣлать и дѣти! Много ли ты можешь заработать на этомъ? Ужъ если ты не умѣешь

дѣлать другой работы, то шель бы хоть въ поденщики, дрова пилиль или воду носилъ: все таки заработалъ бы больше,—обратился я къ нему съ горячимъ упрекомъ.

Жидъ хладнокровно обернулся ко мнѣ и невозмутимо проговорилъ:

— Нельзя мнѣ быть поденщикомъ и дрова пилить... У меня отецъ очень ученый человекъ былъ—раввиномъ могъ бы быть!

Я только плюнулъ.

Въ слѣдующей квартирѣ... Но не довольно ли, читатель, дальнѣйшихъ описаній? Новаго они уже не прибавятъ ничего, такъ какъ, при всемъ своемъ кажущемся разнообразіи, они совершенно однообразны и всѣ подтверждаютъ одинъ и тотъ же фактъ:—что такое положеніе дѣла невысказано, что настоятельно требуется *найти изъ него какой нибудь выходъ*, отчасти ради спасенія страждущаго населенія отъ хищничества и эксплуатаціи паразитовъ, отчасти и ради чело-вѣколюбія относительно самихъ жидовъ, закупорившихся въ своихъ безобразныхъ талмудическихъ раковинахъ и упорно избѣгающихъ всякаго производительнаго труда.

Гдѣ же этотъ желательный выходъ, и въ чемъ нужно искать спасенія при настоящихъ обстоятельствахъ? Прежде всего, въ разрушеніи несуществующаго только *de jure*, но процвѣтающаго *de facto* кагальнаго «государства въ государствѣ», держащаго на крѣпостномъ положеніи милліоны жалкихъ жидовъ, къ выгодѣ десятковъ и сотенъ другихъ жидовъ—капиталистовъ и гешефтмахеровъ.

Г. Ц—овъ.

Вечеръ.

(Изъ Сюлли Прюдома).

~~~~~

На зарѣ мы бродили съ тобой
Средь густой изумрудной сѣни...
Въ полдень шли по дорогѣ большой—
Ты на солнцѣ, я въ свѣжей тѣни.

Словно небо для насъ не одно:
На твоемъ—знойный царствуетъ день,
На моемъ—такъ безстрастно-темно...
Я люблю эту ровную тѣнь!

И лучи яркимъ блескомъ зажгли
Подъ тобой раскаленный песокъ;—
Гладь холодная сѣрой земли
У моихъ разстигается ногъ.

Сладострастныхъ пѣвцовъ голоса
На твоихъ отразились чертахъ:
Вдохновенно сияютъ глаза,
Рдѣть пурпуръ на милыхъ устахъ.

Мнѣ не надо ни звуковъ, ни сновъ...
Долгъ я отдамъ кипучей веснѣ...
Эти хоры крылатыхъ пѣвцовъ
Вызвать слезы лишь могутъ во мнѣ.

Этотъ къ жизни безмолвный призывъ,
Эти краски лазурнаго дня,
Этотъ солнца безбрежный разливъ—
И томятъ, и смущаютъ меня.

Жду я... Скоро багровый закатъ
 Обольеть бирюзовую даль...
 Въ сердцѣ тихо... желанія спать,
 И ни слезъ, ни восторговъ не жаль...

Не придѣшь ли и ты отдохнуть
 На закатѣ, въ прощальной тѣни?!
 Такъ далека еще знойный твой путь...
 Милый другъ, приходи, отдохни!..

А. Мейснеръ.

А К Т Р И С А.

(„ГОЛУБАЯ ГЕРЦОГИНЯ“).

Романъ Поля Буржэ.

VI.

Такъ прошла недѣля... Жаль, что не больше... Затѣмъ случилось происшествіе, не зависѣвшее отъ моей воли, и снова бросившее меня въ водоворотъ драмы, отъ которой я мечталъ убѣжать безъ оглядки, избавиться отъ классической роли «наперсника», втайнѣ страдающаго за себя лично.

Поглощенный моими ощущеніями и опасеніями, я совсѣмъ забылъ сдѣлать визитъ madame Бониветъ, какъ того требовало свѣтское приличіе, послѣ того какъ я былъ представленъ ей въ театрѣ. За такой проступокъ я могъ счесть себя въ опалѣ у «королевы Анны». И вдругъ получаю отъ нея раздушенную записку, съ гербомъ, нацарапанную самымъ безличнымъ бисернымъ англійскимъ почеркомъ. Она приглашала меня обѣдать. Первое мое побужденіе было отказать. Званые обѣды для меня — сущее наказанье. Вообще потребность общества, людскихъ сборищъ, во мнѣ очень слаба, а съ годами грозитъ совсѣмъ атрофироваться. Отъ приглашенія опасной королевы Анны я долженъ бы отказать еще и потому, что посѣщать ее — значить снова очутиться въ самомъ центрѣ драматической исторіи, отъ которой я съ такимъ трудомъ ограждалъ себя. Поразмысливъ обо всемъ этомъ, я написалъ Бониветъ отказъ по всѣмъ правиламъ приличія, запечаталъ письмо и наклеилъ марку. Затѣмъ мнѣ вдругъ вздумалось самому отнести письмо. Я вышелъ, сѣлъ въ фіакръ, но вмѣсто почты поѣхалъ къ Молану... Не лучше ли прежде узнать, чему я обязанъ заигры-

ванію madame Бониветъ? На что я понадобился ей? Грумъ ввелъ меня прямо въ кабинетъ «молодаго, но уже славнаго писателя». Моланъ сидѣлъ передъ письменнымъ столомъ, — родъ монументальнаго бюро, съ массой ящичковъ. По стѣнамъ стояли шкафы съ книгами, въ безукоризненномъ порядкѣ. Нигдѣ ни пылинки. Передъ другимъ окномъ — конторка для гигиеническаго писанія стоя. Въ углу столъ, заваленный словами, картами, зелеными папками съ документами; я говорю «заваленъ» въ смыслѣ массы предметовъ; порядокъ же и тутъ былъ образцовый. Вся обстановка краснорѣчиво доказывала о систематически-распредѣленныхъ занятіяхъ, чуждыхъ порывистой фантастичности большинства писателей. Украшеній никакихъ; весь кабинетъ носилъ характеръ строгой дѣловитости; здѣсь хозяинъ предавался своимъ занятіямъ не какъ вдохновенный художникъ, а какъ ремесленникъ, добросовѣстный поденщикъ, методично, регулярно, не смотря на то, что былъ «въ модѣ» и изображалъ въ своихъ твореніяхъ всѣ волненія и бури человѣческой души. Онъ и теперь сидѣлъ передъ своимъ безукоризненнымъ столомъ, съ холоднымъ, разумнымъ выраженіемъ лица; его перо методично бѣгло по бумагѣ; почеркъ его былъ характерный и красивый: каждая буква закончена; ни одинъ знакъ, ни одна точка не забыты. Боже! Неужели я, — человекъ порывистый, неряшливый, — изъ зависти сразу подмѣтилъ всѣ эти детали и глухое раздраженіе закипѣло во мнѣ? Развѣ Моланъ неправъ беречь свое литературное благосостояніе, тѣмъ или инымъ способомъ? Вѣроятно, раздраженіе мое имѣло болѣе глубокое основаніе... Меня возмущала ложь, противорѣчіе этого декоративнаго способа утилизировать свой талантъ съ внутреннимъ эгоизмомъ, съ расчетомъ самого автора, — противорѣчіе между мыслями и поступками, словомъ и дѣломъ! Еще одна черта въ Жакѣ была мнѣ до крайности противна: онъ протянулъ мнѣ руку съ присущей ему индифферентной любезностью. Передъ тѣмъ, какъ мы столкнулись съ нимъ въ клубѣ въ тотъ памятный день, — мы не видались съ нимъ около года, — а онъ заговорилъ со мной также дружески-непринужденно, точно мы провели наканунѣ цѣлый день вмѣстѣ! Разказалъ мнѣ немедленно двѣ свои интриги, точно лучшаго и преданнѣйшаго друга ему и не сыскать. А разстались — поминай, какъ звали, и не вспом-

нить до слѣдующей встрѣчи! Я пересталъ уже существовать для него. Такъ и теперь. Я пришелъ: неизмѣнное рукопожатіе. Насколько пріятнѣе для меня мрачные люди, щекотливые, вспыльчивые, съ которыми горячо поспоришь, поссоришься, которые того и гляди разовьются на васъ по самому пустому поводу,—но вы для нихъ существуете, вы реальны, живы. Для истинныхъ же эгоистовъ вы, наоборотъ,—вещь, предметъ, нѣчто въ родѣ кресла, которое они вамъ подвигаютъ со стереотипной улыбкой прівѣтливости. Для нихъ реально только ваше присутствіе въ данную минуту, пріятное или ненужное. Нѣтъ, буду вполне откровененъ... По всей вѣроятности, я равнодушно, какъ и прежде, отнесся бы къ безличной любезности Жака, еслибы его блѣдность, утомленный видъ и синева подъ глазами не навели меня на мысль, что онъ коротааетъ ночи въ «любовномъ гнѣздышкѣ», съ дѣвушкой, въ которую я былъ тайно влюбленъ. Впечатлѣніе было такъ неприятно, точно я имѣлъ какія нибудь права на Камиль Фавье! Мнѣ было такъ тяжело, и вмѣстѣ такъ хотѣлось говорить съ нимъ о ней, что я предпочелъ бы уйти, не упомянувъ ея имени. Послѣ первыхъ, равнодушныхъ прівѣтствій, я протянулъ Жаку записку м-ше Бониветъ и спросилъ:

— Это послано мнѣ, благодаря тебѣ? Кто будетъ на обѣдѣ? Надо ли мнѣ быть?

— Благодаря мнѣ? — изумился онъ, прочитавъ приглашеніе:—я тутъ непричемъ. Конечно, тебѣ надо быть. Во-первыхъ, забавно, а, во-вторыхъ, ты мнѣ окажешь услугу.

— Тебѣ?

— Да. Очень просто, — подтвердилъ онъ нетерпѣливо, словно сердясь за мою непонятливость:—неужели ты не понимаешь, что она приглашаетъ тебя, чтобы вывѣдать о моихъ отношеніяхъ съ Фавье? О незабудочка, какъ ты наивенъ! Ну, ну, попринажусь-ка, пошевели мозгами... Правда, ты съ недѣлю пропадалъ и потерялъ нить... Ты, конечно, не воображаешь, что я безъ пользы употребилъ эти дни: война моя съ королевой Анной идетъ, какъ по писанному, маневрирую на славу. Все въ томъ же духѣ: убѣждаю любопытную барыню, что страстно влюбленъ въ Камиль... Не останавливаюсь на подробностяхъ, скажу только, что я все продѣлывалъ, чтобы убѣдить ее въ этомъ, а—главное—велъ себя съ Камиллю, точно

и въ самомъ дѣлѣ влюбленный... Но королева Анна отбросила свою дурость въ сторону и стала умненько наблюдать... Малѣйшая ошибка съ моей стороны—и кончено. Игра, братецъ, ведется тонкая...

— Все таки я ничего не понимаю. Ты ухаживаешь за Анной. Это фактъ. Увѣряешь ее, что влюбленъ въ Камиль—второй фактъ. Но послѣдній уничтожаетъ первый!

— А угрызеніе совѣсти, незабудочка, забылъ? А искушеніе? Начнемъ, во-первыхъ, съ начала. Я не ухаживаю за Бониветкой, а устраиваюсь такъ, чтобы она ухаживала за мной. Былъ у тебя когда нибудь пудель? Да? Отлично. Замѣчалъ ты, какъ за обѣдомъ, пока ты уничтожаешь котлетку, глаза его слѣдятъ за твоими движеніями и въ нихъ отражается борьба долга чести съ хищническимъ инстинктомъ и прожорливостью? Ну, вотъ, точно такіе же глаза и у меня, всякій разъ, какъ королева Анна кокетливо возбуждаетъ мои хищническія наклонности. Но прошу васъ помнить, милостивый государь, что человѣкъ одаренъ силой воли, что онъ умѣетъ побороть свои инстинкты. Да-съ. Долгъ выше всего. Вотъ она струнка-то благодарная! Я рѣзко и рѣшительно ухожу отъ Анны, точно боюсь не устоять противъ соблазна... Слушай, вчера, напри-мѣръ, въ туманную сѣренькую погоду, ѣдетъ по улицамъ карета... Королева Анна отправляется въ магазинъ старинныхъ вещей и сталкивается тамъ со мной... Какой удивительный случай... Обоимъ нравятся одни и тѣ же—второе удивительное совпаденіе!.. Она предлагаетъ довести меня...

— Въ своей каретѣ?

— Развѣ въ наемной лучше? По моему, хуже. Узнай, незабудочка, что такіе прогулки въ большой модѣ въ «свѣтѣ». Бываютъ прогулки и невинныя. Бываютъ и преступныя. Поди, ищи тамъ въ кучѣ... разберись. Негодованіе твое улеглось? Я продолжаю. Вообрази насъ рядомъ, на пружинныхъ мягкихъ замшевыхъ подушкахъ, въ тѣсномъ пространствѣ, наполненномъ ароматомъ изящной женщины, надушенномъ батистомъ ея бѣлья, тонкимъ запахомъ рисовой пудры...

— Если я когда нибудь открою косметическій магазинъ,—нетерпѣливо перебилъ я его противное бахвальство,—и кому нибудь другому поручу написать вычурную рекламу...

Моя раздражительная выходка заставила Жака сердито

взглянуть на меня, но безмятежное добродушіе его одержало верхъ. Онъ пожалъ плечами и продолжалъ, избавивъ меня, впрочемъ, отъ перечня остальныхъ ароматовъ:

— Итакъ, мы съ Анной заперты въ тѣсномъ и душистомъ пространствѣ. Стекла оконъ подернулись туманомъ... Я беру ее за руку. Она не препятствуетъ. Жму ручку,—получаю отвѣтъ такимъ же путемъ... Обнимаю за талію... Она напрягается, какъ бы съ намѣреніемъ вырваться, а въ сущности чтобы подзадорить меня. Повертываетъ лицо ко мнѣ съ напускнымъ негодованіемъ,—а глаза впиваются въ меня и говорятъ другое. Я притягиваю ее къ себѣ. Губы мои ищутъ ея губъ... Она борется и вдругъ, вмѣсто желаннаго насилія, я грубо отталкиваю ее и начинаю безумно твердить: «нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... Это безчестно... я не могу... не долженъ измѣнять ей»!.. — т. е. именно то, что твердятъ въ подобныя минуты женщины,—останавливаю карету и спасаюсь бѣгствомъ!.. Имѣя въ уголкѣ Парижа «гнѣздышко»,—гдѣ ждетъ хорошенка-кая актриса, и такъ пылко обниметъ васъ при свиданіи, — какъ пріятно позволять себѣ такую утонченную игру!.. А что Анна вдалась въ обманъ, — это очень естественно. Чувствовать себя желанной и избѣгаемой—есть отъ чего подогрѣть нервы женщинѣ развращенной и холодной, тщеславной и жадной до новыхъ ощущеній!..

— Значить, — если я тебя хорошо понялъ, — моя роль завтра должна заключаться въ томъ, чтобы я лгалъ въ направленіи, указанномъ тобой? Въ такомъ случаѣ, я не поѣду къ madame Бониветъ. На такую пакость я не пойду.

— Пакость—немного рѣзко. Почему же это, незабудочка?—спросилъ, смѣясь, Жакъ.

— Потому что не хочу помогать этой грязной интригѣ!—сказалъ я, окончательно разсердившись за его неумѣстную веселость. — Пусть m-me Бониветъ украшаетъ лобъ своего мужа или не украшаетъ,—плевать я на это хочу, точно также какъ и на хитросплетенія вашей мерзостной возни. Но когда ненарокомъ я встрѣчаю въ жизни истинное чувство, я съ благоговѣніемъ преклоняюсь и грязью въ него не брошу. Такое чувство питаетъ къ тебѣ Камиль Фавье. Она была откровенна со мной въ тотъ вечеръ, когда я провожалъ ее домой, а ты пошелъ ужинать къ своей мерзавкѣ. Видѣлъ я ее и на слѣ-

дующій день, послѣ полученія твоей грубой записки. Она чиста и искренна, какъ золото, эта дѣвушка. Любитъ тебя всѣмъ сердцемъ! Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ,—не стану я тебѣ помогать обманывать ее, тѣмъ болѣе, что отчаяніе можетъ довести ее до ужаснаго шага...

Я несся на всѣхъ парусахъ. Горячо разсказаль, со всѣмъ краснорѣчіемъ, на какое я способенъ, какъ Камиль страдаетъ, что онъ такое для нея, какой идеаль воплотила она въ немъ, какіе соблазны приходятъ ей въ голову съ горя и, наконецъ, какую отвѣтственность онъ беретъ на себя, толкая ее на дорогу разврата своимъ поведеніемъ. Словомъ, весь пылъ моей собственной любви къ «голубой герцогинѣ» я вложилъ въ защитительную рѣчь, которую произнесъ съ цѣлью сохранить ей сердце Жака... И въ то же время я жестоко ревноваль ее! Горькая аномалія чувствъ, которую, по счастью, не распозналъ Жакъ, не смотря на весь свой умъ. Въ моей пылкости онъ увидалъ только неисправимую наивность, надъ которой безжалостно издѣвался, и сказаль скорѣе снисходительнымъ, нежели насмѣшливымъ тономъ:

— Я это предвидѣль. Ваши души слились. Воображаю, что она тебѣ молола, когда вы парили вмѣстѣ въ облакахъ! Э, дружище, ты думаешь, я не вижу, что она меня любитъ, наша «голубая герцогиня»? Знаю также, что до меня никакихъ шалостей за ней не водилось. Но такъ какъ она первая кинулась мнѣ на шею и знала, на что идетъ,—то, съ твоего позволенія, совѣсть моя спокойна, и отвѣтственности за собой я не признаю, тѣмъ болѣе, что я отъ нея не скрываль, что у меня нѣтъ любви къ ней, а есть только мимолетный капризъ. У меня своя «честь» съ женщинами, не во гнѣвъ тебѣ будь сказано. Она состоитъ въ томъ, что я ихъ не ввожу въ заблужденіе насчетъ истинныхъ цѣлей моего ухаживанія. Отъ нихъ зависитъ — принять со всѣми послѣдствіями или нѣтъ. Это, во-первыхъ... Теперь, если Камиль подчасъ соблазняется мыслью о роскоши,—что я нахожу весьма естественнымъ,—то эта мысль ничего не имѣетъ общаго съ ея погибшимъ идеаломъ. Она сама утѣшаетъ себя этимъ предлогомъ — тоже весьма естественно... Камиль похожа на молодыхъ дѣвушекъ, которыя соглашаются на бракъ по расчету и увѣряютъ себя, что онѣ разочарованы первой любовью и вслѣдствіе этого

продаютъ себя. Это—во-вторыхъ... Эхъ, чортъ возьми! Да пусть она беретъ богатаго любовника, который дастъ ей и платья отъ Ворта, и брилліанты, и отель, и лошадей; скажи ей, что я ничего противъ этого не имѣю! Пусть беретъ сегодня, завтра, когда захочетъ,—и увѣряю тебя, что совѣсть моя останется такой же спокойной, какъ послѣ закуриванія вотъ этой папирасы! Меня это даже позабавить. Посмотрю, какъ она развернется въ новой обстановкѣ... со своимъ Турнадомъ или Фигономъ... Не прочь буду, пожалуй, вспомнить съ ней старину при случаѣ... Это въ третьихъ... А пока—прими приглашеніе madame де-Бониветъ. Хорошо пообѣдаешь, — этимъ пренебрегать не слѣдуетъ,—а затѣмъ всѣми силами затормози мою «павостную», какъ ты выражаешься, игру. Въ любви, какъ въ шахматахъ, чѣмъ труднѣе, тѣмъ интереснѣе!.. Впрочемъ, я совершенный дуракъ, если допустилъ хоть на минуту, что ты не пойдешь къ королевѣ Аннѣ. Пойдешь, братъ, непременно пойдешь. Но глазамъ вижу...

— Пылкое воображеніе психолога! — смущенно проговорилъ я, чувствуя, что онъ правъ, что рѣшимость моя ослабѣла въ его присутствіи.

— Не воображеніе, а увѣренность! Глаза у тебя невинные, — все выдаютъ. И потомъ, развѣ ты сталъ бы слушать меня съ такимъ вниманіемъ, еслибъ вся эта, возмущающая тебя, исторія не возбуждала твоего интереса? Ты такъ увлеченъ нами, что скорѣе выдумалъ бы насъ трехъ, т. е. меня, королеву Анну и Камиль, чѣмъ отказался бы отъ наперсничества. Я въ тотъ разъ тебѣ сказалъ: ты рожденъ быть наперсникомъ и зрителемъ. Ты въ своей роли. И я, и Камиль избрали тебя въ повѣренные нашихъ сердечныхъ дѣлъ. Очередь за Бониветой... Такъ и будетъ. Будешь, будешь и ея наперсникомъ, не скорби. Выслушаешь и повѣришь, по-вѣришь!—съ насмѣшливымъ удареніемъ повторилъ онъ и заключилъ такъ: — и это будетъ тебѣ наказаніемъ за педантизмъ. Да, кстати, что же портретъ «голубой герцогини»? Когда начнешь?

Надо полагать, что этотъ сатана былъ правъ, увѣряя меня, что я увлекся его игрой. Вся эта исторія притягивала меня, какъ магнетизмъ. Я написалъ на его же письменномъ столѣ, его перомъ и на его бумагѣ, благодарственный отвѣтъ коро-

левѣ Аннѣ, вмѣсто предполагаемаго отказа. Это во-первыхъ! — какъ говорилъ Жакъ, загибая выхолонный палецъ и сверкая кольцами. Но сдѣлалъ хуже: согласился писать портретъ Камили Фавье, не смотря на терзавшую меня ревность; не идеальной и фантастической Камили моихъ сантиментальныхъ грезъ, а настоящей, теперешней актрисы, любовницы Жака Молана, его «мимолетнаго каприза»! Первый сеансъ назначень былъ на послѣзавтра, т. е. на слѣдующій день послѣ обѣда у madame Бониветь.

Эти двѣ слабости начали мучить меня ужъ на лѣстницѣ Жака; но не настолько, чтобы я вернулся и взялъ назадъ письмо къ Бониветь, которое онъ взялся передать. Slѣдующіе затѣмъ часы я провелъ въ страшномъ волненіи. Страсть моя вспыхнула съ новой силой, и на этотъ разъ не было у меня ни надежды, ни силы бороться. Наканунѣ обѣда у m-me Бониветь, я провелъ весь вечеръ въ нѣмомъ, бесполезномъ созерцаніи эскиза головки идеальной Камили. На другой день — та же исторія! Наконецъ, я простился съ нимъ, — вѣрнѣе сказать, съ моей мечтой — и окончательно запряталъ его, повернувъ лицомъ къ стѣнѣ. Фантастическая Камиль уступить мѣсто настоящей, реальной, которая придетъ позировать; послѣдняя не менѣе привлекательна и трогательна, но она не моя! Послѣ этого я вернулся къ дѣйствительности, воплощенной на этотъ разъ въ поджидавшій меня у подъѣзда фіакръ, въ которомъ я, подъ проливнымъ дождемъ, и поѣхалъ на званый обѣдъ къ Бониветь. Чтѣ скажетъ Камиль, когда узнаетъ, что я обѣдалъ у ея свѣтской соперницы? А Жакъ, конечно, скажетъ ей при мнѣ же, хотя бы для того, чтобы сконфузить меня. И затѣмъ приглашаетъ меня королева Анна? Ея милости подозрительны... Впрочемъ, развѣ я знаю ее? Знаю только, что она мнѣ антипатична и что Жакъ рассказываетъ скверныя вещи на ея счетъ. Но Жакъ ошибся, и весьма грубо, въ Камили Фавье; можетъ ошибаться и въ той. А вдругъ, — думалъ я, — кокетка попалась въ сѣти и сама влюбилась въ Жака? Бываютъ такіа происшествія.

Но тутъ же я самъ посмѣялся надъ своимъ предположеніемъ. «Невѣроятно! — возражалъ я: — стоитъ вспомнить металлическій блескъ ея глазъ, тонкія губы, острый профиль, гордую сухость ея фізіономіи. А впрочемъ»...

Съ такими противорѣчивыми мыслями подъѣхалъ я къ отелю Бониветь. Я не причисляю себя къ завистливымъ и надутымъ плебеямъ, тѣмъ не менѣе одного вида роскошнаго дворца и мысли, что я на извозчикѣ пріѣхалъ въ качествѣ гостя на званый обѣдъ — было достаточно, чтобы отвлечь меня отъ выѣздовъ. Объ остальномъ ужъ не говорю. А остальное тоже чего нибудь да стоило и портило мнѣ кровь раздраженіемъ. Отель Бониветь являлъ невозможную пародію на всѣ стили: деревянная лѣстница а l'anglaise, сѣни gennaissance, и т. д. А лакеи? Въ два ряда, шпалерами, въ ливреяхъ, — олицетвореніе нѣмой дерзости, — какъ перенести все это, не раздражаясь до разлитія желчи? А мебель? Безвкусное нагроможденіе въ перемежку дорогихъ, цѣнныхъ и моветонныхъ вещей, излишекъ во всемъ, мѣщанскій блескъ. Словомъ, когда я вошелъ въ гостинную-будуаръ, гдѣ принимала хозяйка, — я былъ раздраженъ до крайности и безусловно преданъ отсутствующей моей симпатіи, — пылкой, любящей, нѣжной актрисѣ-художницѣ! Во сколько разъ предпочтительнѣе казалась мнѣ ея скромная квартирка въ улицѣ Барульеръ!

Между тѣмъ, ея богатая соперница полулежала на кушеткѣ, въ позѣ жестокой m-me Рекамье на портретѣ Давида, — покровительницы всѣхъ холодныхъ кокетокъ. На королевѣ Аннѣ надѣто было, — какъ увѣряютъ дамы, — «простенькое платье», которое, разумѣется, шито самымъ геніальнымъ художникомъ по части женскихъ туалетовъ. Матерія — толстый черный фая, верхъ корсажа и рукава — кружевные; на груди и спинѣ кираса изъ черныхъ бусъ; поясъ изъ такихъ же бусъ начинался на бедрахъ и шель внизъ, расширяясь и облекая ихъ, по фасону кушаковъ на средневѣковыхъ статуяхъ королевъ, и двумя длинными концами подхватывалъ юбку съ боку. Сквозь кружево сквозила бѣлизна шеи и рукъ; въ ушахъ ввинчены двѣ огромныя бирюзы; на каждой рукѣ по гладкой золотой змѣѣ — вотъ и всѣ украшенія соблазнительницы Жака. Въ золотистыхъ волосахъ — ничего: они сами по себѣ служили украшеніемъ и отливали дорогимъ металломъ. Она обмахивается громадными вѣеромъ, чернымъ какъ и ея костюмъ, — только съ графской короной изъ розъ. Вѣроятно, это было маленькое усиліе вступить въ родство съ настоящими потомками графовъ де-Бониветь... Потомъ я узналъ курьезную исторію: говорить,

что на какой-то благотворительный базаръ королева Анна явилась съ гербомъ и короной на каретѣ, и подъ титуломъ графини... Вслѣдствіе этого, настоящій графъ написалъ ей высококомѣрно-дерзкое письмо, прося не навязываться ему въ родство, а знать свое мѣсто... Отъ этой неудачной попытки, будто, остались кое-гдѣ гербъ да короны... Уцѣлѣла таковая и на вѣрѣ...

Подлѣ хозяйки, на низенькомъ пуфѣ, сидѣлъ Сентеръ, «загонщикъ»; Пьеръ де-Бониветъ грѣлъ у камина ноги, разговаривая съ моимъ бывшимъ профессоромъ—Миро. Послѣдній удивился при моемъ появленіи, даже не удержался отъ недовольной гримасы. Бѣдный, старый учитель! Напрасно вообразилъ онъ, что я могу быть ему соперникомъ въ погонѣ за тысячными портретами! Но онъ, не смотря на свою ремесленную карьеру «дамскаго портретиста», — въ сущности хорошій человѣкъ и добрякъ. Громаднаго роста, здоровый и моложавый, благодаря моціону и гимнастикѣ, съ широчайшими плечами, какъ у носильщика тяжестей, съ тонкимъ, чувственнымъ и хитрымъ профилемъ, à la Франсуа I,—Миро въ душѣ великодушенъ и простъ. Неудовольствіе его длилось секунду; онъ дружески протянулъ мнѣ руку и пробасилъ привѣтливо, хотя и черезчуръ покровительственно:

— А! вы знакомы съ моимъ ученикомъ, madame Бониветъ? У него хорошія, очень хорошія способности... Только недостаетъ увѣренности въ себѣ, апломба...

— Зато у другихъ его слишкомъ много — презрительно оборвала его хозяйка и бросила ему недружелюбный взглядъ, — такимъ образомъ поддерживается равновѣсіе.

Миро опѣшилъ, а я подумалъ: «Она не въ духѣ; даже невѣжлива... Конечно, Миро черезчуръ много воображаетъ о себѣ... Но все же онъ рѣдкій талантъ и дѣлаетъ ей честь, посѣщая ея салонъ... Какая злючка!.. А Пьеръ что-то очень озабоченъ, хоть и старается скрыть это... Недаромъ я предостерегалъ Жака: не таковскій онъ мужъ, чтобы не призадуматься... Я бы, впрочемъ, не довѣрился ни мужу, ни женѣ. Эти блондинки съ холодными глазами способны на все, также какъ и мускулистые сангвиники въ родѣ Пьера. Увидимъ, какъ будетъ лавировать Жакъ... Господи! Подумать только, что онъ могъ быть счастливъ со своей Камиллю... Какъ склоненъ человѣкъ самъ запутывать свою жизнь!

Эти ясныя, отчетливыя мысли не мѣшали мнѣ наблюдать за всѣмъ, что творилось кругомъ; такая способность раздвигаться всегда совпадала у меня съ нервной возбужденностью. Приѣхаль графъ Абель Мозэ съ женой; разговоръ сдѣлался оживленнѣе. Графъ—это типъ современнаго «финансиста», зарабатывающаго утромъ, чтобы пользоваться свѣтскими развлечениями — вечеромъ. Удивительное дѣло! Не смотря на рѣзко выраженный жидовскій типъ, Абель не противенъ. Лицо у него такое страстное, энергичное. Онъ добился извѣстнаго положенія въ обществѣ и продолжаетъ неуклонно идти вверхъ по лѣстницѣ,—дѣятельный, живой, пылкій. А жена его—красавица, въ полномъ смыслѣ слова. Типъ библейской строгой красоты,—настоящая Юдиѣ: глаза огненные, черты лица благородныя. Я, какъ солдаты Олоферна, готовъ воскликнуть: «Развѣ можно ненавидѣть евреевъ, когда у нихъ такія женщины!»

Пять минутъ спустя, въ гостинную впорхнула хорошенькая мадамъ Эторель; за ней мужъ, и, «разумѣется»,—какъ подчеркиваетъ мнѣ на ухо Мирѣ, — вслѣдъ за ними Крусэ. Затѣмъ появился Мишель, атлетъ и силачъ, упражненія котораго въ фехтовальной залѣ я не разъ видѣлъ; потомъ баронъ Дефоржъ, старикъ шестидесяти лѣтъ, но съ такими лукавыми молодыми глазками! Красный цвѣтъ лица выдавалъ его пристрастіе къ обжорству и пьянству, но пьянству утонченному,—словомъ къ излишествамъ въ этомъ отношеніи. И вотъ затрещалъ вездѣ разговоръ; съ дѣланнмъ воодушевленіемъ и напускнымъ интересомъ говорили о погодѣ, спрашивали о здоровьѣ, справлялись о времяпровожденіи, слегка пробовали злословить, — и какой непробудной скукой повѣяло на меня отъ этихъ разговоровъ! До сихъ поръ звучать у меня въ ушахъ нѣкоторыя фразы:

— Вы мало дѣлаете моціону! — увѣрялъ Дефоржъ графа Мозэ, который опрометчиво сказалъ, что чувствуетъ тяжесть послѣ ѣды,—пищевареніе въ ногахъ, вотъ что твердитъ мнѣ докторъ Нуаро...

— А время гдѣ занять?—возражалъ финансистъ.

— Замѣните ходьбу массажемъ! — предложилъ баронъ.— Я пришлю къ вамъ Нуаро. Массажъ—это экстрактъ моціона, пилюля...

— Вы не купили ту пару канделябровъ? — спрашивалъ Крусе у Этореля. — Три тысячи франковъ, да вѣдь это даромъ!

— Новые приемы Санъ-Жюбо, — ораторствовалъ свѣтскій атлетъ Мишель, — я усвоилъ ихъ въ совершенствѣ. Какъ по маслу идетъ у меня!

— Вы не были сегодня на каткѣ, дорогая Анна, — протяжно говорила библейская м-ше Мозэ хозяйкѣ; — жаль, что вы не пользуетесь дивными морозами. Удивительная зима! Не больше двухъ такихъ бываетъ въ сто лѣтъ. Я васъ искала...

— И я также! — игриво вмѣшалась м-ше Эторель: — ты бы отъ души посмѣялась. Представь, эта старая madame Гюртрель бѣгала по льду за юнымъ Лiorаномъ... Вся красная, потная, полинялая... а онъ благополучно спасался отъ нея съ Мабелью Адраганъ.

— Вамъ смѣшно, mesdames, — произнесъ Сентеръ, — а мнѣ ее жалко.

— Преклоненіе передъ упорной любовью. Знаемъ мы эту пѣсню! — сказала Анна и рѣзко засмѣялась. Смѣхъ ея производилъ на меня впечатлѣніе визга грифеля по аспидной доскѣ.

Она, очевидно, была въ нервномъ состояніи, причину котораго я понималъ, когда двери столовой распахнулись, а Жака Молана все не было. Скоро я долженъ былъ узнать какъ предлогъ, такъ и настоящую причину его отсутствія.

За столомъ, по поводу серебра и цвѣтовъ, разговоръ коснулся современнаго вкуса, театровъ, обстановки пьесъ. Всѣ присутствующіе хоромъ стали восхвалять талантъ покойнаго декоратора Перена для постановки современныхъ свѣтскихъ комедій и драмъ. Коснулись теперешнихъ пьесъ; кто-то упомянулъ о «голубой герцогинѣ» и, кажется, Машаль воскликнулъ:

— Ее кончили давать. По крайней мѣрѣ, на афишѣ стоитъ что-то другое. Не знаетъ ли кто: почему?

— Потому что Брессорэ заболѣлъ, — отвѣчалъ Мозэ: — и играть не можетъ. Такъ говорили въ клубѣ. А пьеса вся выѣзжаетъ на его плечахъ... Онъ — единственная сила этого театра.

Такое странное, пристрастное мнѣніе говорилось, конечно, въ угоду хозяйкѣ, которая не скрывала своей антипатіи къ молодой артисткѣ, исполнявшей роль «голубой герцогини».

— Болѣзнь Брессора, надо полагать, заразительная! — небрежно замѣтилъ Пьеръ Бониветъ. — Ужь не заболѣлъ ли Жакъ Моланъ, что его нѣтъ здѣсь сегодня? Въ послѣднюю минуту прислалъ сказать, что несовѣмъ здоровъ...

Произнося послѣднюю фразу, онъ взглянулъ на жену, но та даже не удостоила слушать, а продолжала разговаривать съ Миро, сидѣвшимъ подлѣ нея. Ни ея звонкій голосъ, ни свѣтлые жесткіе глаза не выдали ея волненія; но злая улыбка еще сильнѣе обнажила верхніе зубы и десны, и ноздри едва примѣтно затрепетали. Еле уловимые признаки эти могли быть подмѣчены лишь портретистомъ или ревнивцемъ; но я по нимъ понялъ настоящую причину ея дурнаго расположенія духа. Во то же мгновеніе я поймалъ на себѣ пытливый, инквизиторскій взглядъ Пьера Бонивета и мнѣ сразу стало ясно: во-первыхъ, что мужъ подмѣтилъ кое-что во флиртѣ своей жены съ Моланомъ; во-вторыхъ, что Моланъ воспользовался отмѣной своей пьесы, чтобы возбудить ревность Анны и дать ей понять, что свободный вечеръ Камили Фавье онъ не потерялъ даромъ; а, въ третьихъ, что эта хитрость Жака уколола въ самое чувствительное мѣсто самолюбія Анны. Эти три замѣчанія, которыя я сдѣлалъ мысленно, заинтерасовали меня настолько, что я пересталъ скучать. Какія важныя послѣдствія могли выйти изъ всего этого!

Я началъ усиленно слѣдить за четою Бониветъ. Кромѣ того, я боялся, какъ бы они не вздумали допытывать меня, — каждый съ своей стороны, — и насторожился, чтобы не выдать товарища ни ей, ни ему... особенно ему. Надутая жила на его красномъ лбу, зеленые глаза, такъ легко, должно быть, наливающіеся кровью, рыжіе волосы на его рукахъ, — всѣ эти признаки звѣрства продолжали пугать меня за участь Жака. Кровавая расправа должна быть ему также свойственной, какъ мнѣ — болѣзненная робость, какъ Жаку — побѣдоносное фатовство.

Въ теченіе вечера, я убѣдился, что наблюденія мои были вѣрны. Только что мы вышли изъ-за стола, какъ Машоль взялъ меня подъ руку и сказалъ:

— Вы очень дружны съ Жакомъ Моланомъ?

— Мы товарищи, однокашники...—уклончиво отвѣчалъ я.

— Предупредите его, что Сентеръ видѣлъ его, идя сюда...

Значить, *здѣсь* уже извѣстно, что его насморекъ или ми-
грень — вымышленный предлогъ. Конечно, это не имѣетъ
серьезнаго значенія, но съ Анной надо держать ухо востро.

Я не имѣлъ времени подробно разспросить добряка-атлета,
который съ наивной значительностью произносилъ: «здѣсь» и
последнюю свою фразу сопровождалъ улыбкой, также дол-
женствовавшей имѣть много значенія. Къ намъ подошелъ хо-
зяинъ, держа въ одной рукѣ ящикъ съ сигарами, въ другой—
съ папиросами. Я взялъ папиросу, тогда какъ гладиаторъ вы-
бралъ здоровенную сигару и, подойдя къ столу, налилъ себѣ
рюмку коньяку.

— А вамъ, monsieur Лакруа, не угодно ли чашку кофе?
Нѣтъ? Такъ рюмку коньяку или ликеру?—предложилъ Пьеръ
Бониветъ.

— Ни ликеру, ни коньяку, — сказалъ я и съ улыбкой при-
бавилъ:—желудокъ и нервы у меня не геркулесовскіе...

— Нѣтъ надобности обладать сложеніемъ Машоля, чтобы
любить выпить!—возразилъ Пьеръ:—вотъ бы ужъ другъ вашъ,
Моланъ...—Онъ пристально глядѣлъ на меня, произнося это
имя.—Кстати: вы не знаете, чтѣ съ нимъ?

— Право, не знаю. Переутомленіе. Работаетъ еще усерд-
нѣе, чѣмъ пьетъ...

— И еще усерднѣе любить свою Фавье!—подхватилъ онъ,
не спуская съ меня пронизывающаго взгляда.

— И еще усерднѣе любить свою Фавье — повторилъ я
равнодушно.

— Давно эта исторія продолжается?—спросилъ онъ послѣ
минутнаго колебанія.

— Съ постановки «голубой герцогини». Медовый мѣсяць.

— Такъ что сегодняшнее нездоровье—только предлогъ?..
Она не играетъ, вечеромъ?..—настаивалъ онъ, не формулируя
всей своей мысли.

Сердце мое болѣзненно сжалось, но я пожалъ плечами и
отвѣчалъ:

— Навѣрно не знаю, но это весьма вѣроятно. Онъ хо-
четъ провести свободный вечеръ съ ней.

Я видѣлъ, какъ при этихъ словахъ морщины на лбу ревнивца разгладились. Очевидно, предлогъ отсутствія Молана показался, ему подозрительнымъ; жена не въ духѣ, нервничаетъ, почему? Можетъ быть, онъ подумалъ, что она повздорила съ Жакомъ (размолвки часто предательски выдають близкія отношенія!) и, считая меня повѣреннымъ тайнъ пріятеля, изоцрялся разобрать: искрененъ ли я въ отвѣтахъ. Какъ всѣ ревнивцы, онъ впадалъ одинаково легко и въ подозрѣнія, и въ успокоительную увѣренность; поэтому хорошее расположение духа вернулось къ нему и онъ весело обратился къ входившему барону Дефоржу:

— Ну, Фредерикъ, довольны вы были обѣдомъ?

— Я позволилъ себѣ позвать вашего повара, похвалилъ его за трубочки и сдѣлалъ замѣчаніе насчетъ пирога изъ гусиныхъ печенокъ! — серьезно отвѣтилъ баронъ. — Въ слѣдующій разъ увидите и будете судить, правильно ли было мое замѣчаніе... О, Люсьенъ—мастеръ своего дѣла, я всегда говорилъ это... Но молодѣе еще...

— Сформируется!—примирительно сказалъ Пьеръ, подмигивая мнѣ на барона:—съ такимъ учителемъ, какъ вы...

— Седьмой выходитъ изъ моихъ рукъ!—съ гордостью заявилъ Дефоржъ:—съ тѣхъ поръ какъ я понялъ, что значить «покушать». Седьмой, слышите!.. Я рекомендую ихъ въ знакомые дома, а ихъ портятъ излишними похвалами. Повара, все равно что и другіе артисты: тщеславіе убиваетъ ихъ талантъ... Они возносятся и теряютъ вдохновеніе!

Я выскользнулъ изъ курительной комнаты, послѣ философскихъ разсужденій барона, который предусмотрительно ставитъ хорошихъ поваровъ къ знакомымъ, гдѣ часто обѣдаетъ. Я рассчитывалъ взять шляпу, посидѣть для приличія съ дамами и, при появленіи остальныхъ мужчинъ или новыхъ гостей, благополучно убраться восвояси. Въ гостинной находились только двѣ обѣдавшія дамы и Сентеръ. Малочисленность публики подавала мнѣ надежду, что вопросъ со стороны хозяйки минуетъ меня. Но я, видно, мало зналъ эту своевольную капризницу; она отлично понимала, что при мужѣ разговаривать со мной—неудобно.

Не успѣлъ я войти, какъ она поднялась съ дивана, гдѣ сидѣла рядомъ съ м-ше Эторель, напротивъ м-ше Мозэ, съ

неизмѣннымъ Сентеромъ въ ногахъ, — хранителемъ ея вѣра. Анна прямо пошла ко мнѣ, и, увлекая меня въ сосѣдную комнату, усадила тамъ на диванъ около себя.

— Здѣсь мы потолкуемъ на свободѣ! — безапелляціонно заявила она и сейчасъ же приступила къ дѣлу: — портретъ актрисы Фавье подвигается?

Многія красивыя и избалованныя женщины усваиваютъ манеру говорить съ вами, точно вы ихъ подчиненный, обязанный или забавлять ихъ, или доставлять имъ свѣдѣнія. Со мной такіе пріемы не берутъ; всякій разъ, какъ я наталкиваюсь на такой глупый деспотизмъ свѣтской куклы, меня одолеваетъ желаніе наговорить ей кучу неприятностей. Жакъ, безъ сомнѣнія, рассчитывалъ на эту особенность моего характера, чтобы лучше сыграть мою роль и подзадорить королеву Анну.

— Портретъ m-me Фавье? Я еще не начиналъ его.

— Ага! Моланъ раздумалъ... Должно быть, запретилъ ей... Вы влюблены въ хорошенькую актрису, monsieur Лакруа, признайтесь?

— Я? Нисколько.

— Похоже было на то... И мнѣ казалось, что Жакъ Моланъ васъ немножко ревнуетъ.

— Всѣ влюбленные болѣе или менѣе ревнивы! — сказала я, повинуваясь желанію уязвить ее, и прибавилъ: — Напрасно! Камиль Фавье любитъ его всѣмъ сердцемъ; а сердце у нея нѣжное...

— Очень жаль: это гибель для таланта! — сухо замѣтила m-me Бониветъ, сдвигая брови. Я понялъ, что попалъ метко.

— Позвольте не согласиться съ вами, сударыня! — возразилъ я: — mademoiselle Фавье — мало того, что красавица, она — гениальная артистка, чувствительна и умна.

— По ея игрѣ невозможно догадаться о такихъ достоинствахъ... По крайней мѣрѣ, на мой взглядъ. Но если это правда, тогда еще хуже... Счастье никогда не вдохновляло писателей. Но на этотъ счетъ я спокойна. Романъ не можетъ долго продолжаться... Эта Фавье измѣнитъ Молану ради какого нибудь лицедѣя, и тогда...

— До васъ дошли невѣрныя свѣдѣнія объ этой артисткѣ, — горячо вступился я: — она — олицетворенное благородство, горда, неспособна на низость...

— Что не мѣшаетъ ей жить на содержаніи у Молана! — прервала она: — говорятъ, онъ отдаетъ ей даже всѣ свои авторскія права!

— На содержаніи? У Молана? Нѣтъ, сударыня, опять таки это ошибка. Стоить ей захотѣть — и милліоны упадутъ къ ея ногамъ. Она отказалась отъ отеля, брилліантовъ, лошадей и туалетовъ, а отдалась безъ всякаго расчета, по влеченію своего сердца. Она любитъ Жака самой пылкой, безкорыстной любовью.

— Жалѣю ее въ такомъ случаѣ, — ядовито сказала Анна: — недорого же стоитъ вашъ другъ!

— Да, это мой другъ, — задорно произнесъ я: — и я настолько оригиналенъ, что защищаю моихъ друзей!..

— Иногда на нихъ, по этой причинѣ, сильнѣе нападаютъ — съ еще большимъ ехидствомъ замѣтила она и лицо ея выразило столько злобы, что моя антипатія превратилась въ ненависть и на ея дерзость я отвѣтилъ не меньшей:

— Въ вашемъ свѣтѣ, сударыня, быть можетъ, и такъ. Но у насъ по другому: мы люди порядочные.

Она посмотрѣла мнѣ прямо въ глаза, когда я выпалилъ эту дерзость, и на лицѣ ея отразилось скорѣе удивленіе, чѣмъ гнѣвъ. Одна изъ существенныхъ чертъ безсердечныхъ кокетокъ, — это уваженіе къ мужчинѣ, не боящемуся противорѣчить имъ. Она улыбнулась почти привѣтливо:

— Моланъ недаромъ говорилъ мнѣ, что вы чудакъ! Но вѣдь и я чудака. Мы можемъ отлично сойтись!..

И вотъ произошелъ внезапный переворотъ въ ея настроеніи, и чуткая кокетка совершенно измѣнила свое обращеніе со мной. Она стала разспрашивать о моихъ путешествіяхъ: сказала, что сама была въ Италіи. Вѣроятно, она тамъ встрѣтила какого нибудь художника, который служилъ ей въ качествѣ путевода, внушалъ ей взгляды на искусство, которые она сдумала понять и удержать, и знала, въ какихъ случаяхъ сказать то или другое. Такъ, она, напримѣръ, говоря о Рафаэлѣ, выразила мысль, что онъ нелогично изображалъ своихъ мадоннъ, — лишалъ ихъ христіанскаго духа, дѣлая слишкомъ красивыми и здоровыми, что несовмѣстно съ христіанскимъ понятіемъ. И она говорила съ такимъ убѣжденіемъ, что я не удивился, замѣтивъ, какъ внимательно вслуши-

вался въ ея слова подошедшій къ намъ Сентеръ. Ревнивецъ этотъ не устоялъ передъ искушеніемъ подслушать, о чемъ мы бесѣдуемъ, и такъ какъ королева Анна, противъ обыкновенія, обращалась съ нимъ лучше, чѣмъ съ собакой, то онъ выказалъ, по отношенію ко мнѣ, почти любезность. Положимъ, у него была задняя мысль, которая своей наивной хитростью придавала этому вечеру развязку водевиля: онъ непремѣнно пожелалъ проводить меня, когда я собрался уходить; напрасно я отговаривалъ его,—мы все таки вышли вмѣстѣ.

Мы проходили по Елисейскимъ полямъ, когда онъ началъ мнѣ пѣть хвалебные гимны королевѣ Аннѣ, а, проходя мимо Гастина, онъ небрежно спросилъ:

— Вы хорошо стрѣляете?

— Совсѣмъ не умѣю.

— Бониветъ удивительный стрѣлокъ. У-ди-ви-тельный!— повторилъ онъ значительно: — когда нибудь взгляните на его стрѣлбу, любопытно... Онъ на пари стрѣляетъ пуля въ пулю... Говорю вамъ: просто невѣроятно!

Сообщивъ мнѣ эту удивительную новость, онъ распростился со мной и пошелъ своей дорогой.

VII.

— Ага! И стрѣлба Пьера Бонивета приподнесена тебѣ въ назиданіе. Все, какъ полагается!—хохоталъ Жакъ на слѣдующій день:—превосходно... И осель этотъ значительно смотрѣлъ тебѣ въ глаза, желая дать понять, что если ты осмѣлишься ухаживать за Анной, то одна изъ удивительныхъ пуль будетъ всажена въ твою голову вмѣсто картонной цѣли. Со мной онъ сдѣлалъ еще лучше: повелъ меня въ тирь смотрѣть на плоды этихъ подвиговъ. Виситъ картонный листъ съ кругами, и надпись: десять выстрѣловъ господина Бонивета, пуля въ пулю. Другой листъ: девять штукъ, и т. д. А случись настоящая дуэль, — непогрѣшимая рука Бонивета не попадетъ въ лобъ противника. Въ большинствѣ случаевъ такъ и бываетъ.

Такъ рассуждалъ Жакъ Моланъ, продолжая играть со мной роль просвѣтителя и знатока людей и жизни, пока мы съ нимъ вдвоемъ кончали завтракъ. Онъ самъ, противъ обыкновенія, пришелъ ко мнѣ, какъ только кончилъ урокъ писанья въ че-

тыре страницы, и попросилъ неизбежныхъ ящъ въ смятку и котлету. Такое нетерпѣніе узнать результаты вчерашняго обѣда доказало мнѣ, что онъ интересуется затѣянной игрой съ королевой Анной. Принялъ я его не особенно радушно.

— Ты меня заманилъ въ ловушку; другъ любезный! — сказалъ я: — заставилъ принять непріятное приглашеніе, а самъ отказался.

— Согласись, что возня забавная! — возразилъ онъ такъ простодушно и весело, что я не могъ дольше сердиться на него. Тогда онъ распросилъ у меня все, до малѣйшихъ подробностей, и отъ души смѣялся надъ заключительнымъ предостереженіемъ Сентера. Затѣмъ спросилъ еще:

— Не замѣтилъ ты чего нибудь серьезнаго? Ты наблюдателень... То есть вы, живописцы, понимаете вкривь и вкось, а глядѣть-то умѣете,—это ваша специальность. Что нибудь есть въ отношеніяхъ, напимѣръ, Машоля съ королевой Анной?

— Постой, онъ предупредилъ меня, что Сентеръ встрѣтилъ тебя. И при этомъ Машоль такъ странно смотрѣлъ и улыбался. Что это тебя интересуетъ? Не ухаживаетъ ли и онъ за ней?

— Теперь ужъ нѣтъ... Но думаю, что если было у нея уклоненіе, такъ это съ Машолемъ...

— Съ Машолемъ? — я такъ и подскочилъ на мѣстѣ:—съ Машолемъ? Этимъ гигантомъ, который вѣчно пьянъ, съ этой фехтовальной машиной съ желѣзными мускулами? Анна, хоть и противна на мой вкусъ, но все таки красивая, изящная женщина. Невозможно... Да и ты самъ увѣренъ былъ въ ея строгости...

— Ахъ, невинная ты незабудочка! — съ сожалѣніемъ покачалъ онъ головой: — или тебѣ неизвѣстно, что женщина — идеальная, мадонна, сирена, ангель — непремѣнно и неукоснительно чувствуетъ влеченіе къ самому грубому мужчине?.. Какъ бы то ни было, но толковали объ этомъ немало, и Анна знаетъ, что эти толки мнѣ извѣстны. Я ей намекалъ. Слѣдовательно, вчерашнее присутствіе Машоля долженствовало подѣйствовать на меня также, какъ мое отсутствіе подѣйствовало на Анну. Какъ видишь, я предупредилъ нападеніе и побѣда за мной... Во всякомъ случаѣ, — голосъ Жака зазвенѣлъ почти съ ненавистью, — одно изъ двухъ: или у нея были уже похождения, и

тогда она мерзавка. Глупъ я буду, если не воспользуюсь въ свою очередь. Или она чиста, но жестокая кокетка; въ такомъ случаѣ посмотримъ, какъ-то она меня проведеть.

— Даромъ теряешь время!—замѣтилъ я:—вчера я наблюдалъ за ней; ты признаешь, что зрѣніе у живописцевъ очень развито—ну, такъ я скажу тебѣ:—у твоей Анны нѣтъ никакого темперамента. Ледь, мраморъ. Отсутствие бюста, бока покатые, кожа гладкая, безъ пушка, губы тонкія, нижняя корочка верхней, ноздри жесткія и сухія, голосъ металлическій,—всѣ признаки безчувственности. Пари держу, что у нея и вкуса нѣтъ: ей все равно, что ни ѣсть, что ни пить. Одна голова дѣйствуетъ и работаетъ за всѣ другіе органы.

— Кстати, холодныя женщины—всѣ пуританки! Значить ты ихъ мало знаешь. Онѣ берутъ, а не отдаются. Когда требуется привязать къ себѣ человѣка, онѣ не поскупятся на свою особу. Собственно факта для нихъ не существуетъ. Знаютъ онѣ также, что обладаніе привязываетъ однихъ мужчинъ, а другихъ охлаждаетъ. Вся штука въ томъ, чтобы убѣдить ихъ, что ты изъ числа первыхъ,—хотя это и неправда. Затѣмъ холодныя женщины зачастую — неутомимыя искательницы ощущеній, и тогда!.. Насчетъ Анны я еще несовсѣмъ увѣренъ, къ какой категоріи она принадлежитъ. Она—сфинксъ. Но этого сфинкса я покорю, не будь я Жакъ Моланъ. А такъ какъ ты мнѣ помогаешь, то и тебѣ будетъ награда. Не станешь упрекать меня обѣдомъ у Бониветъ. Долгъ платежемъ красенъ. Который часъ?.. Половина втораго... Приготовься встрѣтить, минутъ черезъ десять, mademoiselle Камиль Фавье, собственной особой. Она явится къ тебѣ, съ почтенной родительницей, переговорить насчетъ портрета. Милъ я? Я даже не сказалъ ей, гдѣ ты вчера обѣдалъ. Это тоже чего нибудь да стоитъ

Не успѣлъ онъ шутовски предупредить меня объ этомъ посѣщеніи, какъ человѣкъ пришелъ доложить, что двѣ дамы дожидаются въ мастерской. Сердце мое готово было выпрыгнуть изъ груди! Даже теперъ, при воспоминаніи о той минутѣ, оно бьется сильнѣе, и я словно опять вижу и мать, и дочь при яркомъ свѣтѣ январскаго дня. Madame Фавье, спокойная и улыбающаяся, какъ всегда, переводитъ свои безмятежные глаза съ картины на картину. Сейчасъ она подробно разузнаётъ у меня, во сколько обходится мнѣ каждая картина,

сколько я за нее беру,—точно дѣло идетъ о платьѣ или какомъ нибудь украшеніи.

Камиль сидитъ противъ «аллегоріи весны» — копию, которую я съ такой любовью писалъ во Флоренціи. Въ стройныхъ, хрупкихъ танцовщицахъ великаго Сандро, съ такой неподражаемой граціей склоняющихъ свои бѣлокурыя головки, — «голубая герцогиня» могла признать сестеръ. Но она не смотритъ на нихъ, а задумалась... Я знаю, о чемъ она мечтаетъ!.. Вчера она не играла, провела вечеръ съ Жакомъ, благодаря потворству любезной кузины, покровительницѣ ихъ тайнаго романа... Какъ больно мнѣ видѣть слѣды утомленія на ея лицѣ и въ нѣжныхъ голубыхъ глазкахъ, въ которыхъ отражается все несомнѣнное счастье. А беспощадный Жакъ, войдя въ мастерскую, сейчасъ же находитъ всѣ фотографическіе портреты Камили, — какое счастье, что мой эскизъ хорошо припрятанъ отъ его непрошеннаго любопытства! — и лукаво обращается къ ней:

— Видите, mademoiselle, хотя Винцентъ и не былъ больше въ театрѣ, какъ обѣщаль вамъ, — но васъ онъ не забылъ...

— Я приготовлялся писать портретъ mademoiselle Фавье, — смущенно оправдывался я, пожимая ея протянутую ручку: — самъ Ленбахъ не пренебрегаетъ изученіемъ фотографическихъ карточекъ...

— Да кто же съ тобой спорить? — насмѣшливо спросилъ Моланъ.

— Ахъ, вы неудачно выбрали! — вмѣшалась мать, взглянувъ въ свою очередь на карточки и указывая на ту, которая вдохновляла меня для фантастическаго портрета: — видишь, Камиль, магазины, не смотря на наше запрещеніе, продолжаютъ торговать этими старинными карточками... Вѣдь она вовсе тутъ не похожа. Сами посудите, monsieur Лакруа!..

— Это снято три года тому назадъ, — замѣтила Камиль, — онъ тогда не зналъ меня.

Она взяла карточку, внимательно посмотрѣла на нее и, держа въ уровень со своимъ лицомъ, наивно спросила меня:

— Много я измѣнилась съ тѣхъ поръ?..

Милая «голубая герцогиня»! Искренно влюбленная въ самаго безсердечнаго изъ писателей, волею иронической судьбы попавшая на подмостки, въ самую непригодную обстановку

для нѣжной любви, брошенная въ самую неподходящую атмосферу для чувствительной души, — скажи, бѣдная, подозрѣвала ли ты, какъ страдало мое сердце, когда я смотрѣлъ на твое поблѣднѣвшее отъ избытка страсти личико, рядомъ съ изображеніемъ той невинной дѣвочки, о которой я мечталъ цѣлую недѣлю, которую могъ бы я любить, какъ дорогую невѣсту? Конечно, ты и не подозрѣвала, что я чувствовалъ въ эту минуту... Ты, такая добрая, не стала бы намѣренно мучить меня. Да и вообще не назначила бы непрерывную цѣпь дней для сеансовъ, которые завтра же должны были начаться и составляли для меня, въ нѣкоторомъ родѣ, пытку!.. А, можетъ быть, отчасти и подозрѣвала? Твоя улыбка была такъ печальна, точно ты меня пожалѣла. Не поняла ли ты, что чувство мое къ тебѣ слишкомъ сильно, внезапно и преданно, чтобы оно могло объясняться простой товарищеской дружбой! Вѣрнѣе всего, что ты это поняла. Но ты женщина... а любовь эгоистична. Тебѣ нуженъ былъ человекъ, который выслушивалъ бы твою тайную повѣсть, поддерживалъ бы въ часы несчастій и тревогъ, утѣшалъ бы въ горѣ, ободрялъ въ сомнѣніи. А кто могъ лучше меня исполнить эту роль? Съ началомъ твоихъ посѣщеній, послѣднее спокойствіе мое было потеряно, надежда излѣчиться отъ любви исчезла; но у меня недостаетъ духу укорять тебя. Какъ бы то ни было, но, благодаря тебѣ, я чувствовалъ, слѣдовательно жилъ, а это можетъ сказать не всякій. Настанетъ день, когда — почему знать? — я благословлю тебя, вспоминая, сколько слезъ я пролилъ ради тебя, горькихъ слезъ безнадежной любви! Ты ихъ не видала, но еслибъ и видѣла, то не повѣрила бы имъ, чтобы не лишить себя права посвящать меня въ свои душевныя бури, раскаты которыхъ, какъ эхо, отдавались во мнѣ...

Если я поддамся этимъ впечатлѣніямъ, то наполню цѣлыя страницы стонами и никогда не дойду до самой трагедіи или — вѣрнѣе траги-комедіи, въ которой я игралъ роль древняго хора, невидимаго свидѣтеля катастрофъ, оплакивающаго бѣдствія, но не имѣющаго возможности помочь имъ, предотвратить ихъ.

Прибѣгну къ единственному средству отдалиться отъ собственныхъ ощущеній, — начну перечислять подробности поочередно, сухо излагать факты. Итакъ: первый сеансъ былъ на-

значенъ на завтра. Камиль явилась въ этотъ разъ уже одна, безъ матери. Такъ продолжалось и все время, всѣ четыре недѣли, въ которыя мнѣ не удалось заняться исключительно художественной стороною дѣла,—такъ я былъ заинтересованъ, поглощенъ участіемъ къ моей модели, повѣрявшей мнѣ всѣ свои тайны. Камиль все равно, что вела со мной вслухъ свой дневникъ или исповѣдывалась мнѣ: всѣ происшествія, всякое слово или движеніе, имѣвшее отношеніе къ ея роману, передавались мнѣ ею съ горячимъ одушевленіемъ, радостью или горечью, съ блаженствомъ или бѣшенствомъ, смотря по обстоятельствамъ. Въ воспоминаніи у меня такая масса подробностей, что прежде надо разобратъся, привести ихъ въ порядокъ. Все это похоже на перепутанный шолковый мотокъ, который безъ терпѣнія не разматается. Постараюсь подраздѣлить свои впечатлѣнія на стадіи. Поразмысливъ, я нахожу, что можно раздѣлить ихъ на три послѣдовательныя группы; въ это время драма, въ которую замѣшаны были Камиль, Жакъ и Анна Бониветъ, шла быстрыми шагами къ реальной страшной развязкѣ... Какъ могъ я сосредоточить мое вниманіе на портретѣ? Еслибъ я былъ величайшимъ артистомъ, а не любителемъ, всегда неувѣреннымъ въ себѣ, чѣмъ-то въ родѣ Гамлета въ живописи,—то и тогда я не могъ бы создать ничего цѣльнаго при такихъ условіяхъ. Передо мной сидѣла не одна женщина,—Камиль воплощала въ себѣ послѣдовательно три разныхъ существа. Каждую изъ этихъ женщинъ я вызываю въ своемъ воспоминаніи, ясно вижу передъ собой и выслушиваю ея сообщенія. Первая говоритъ о своихъ радостяхъ, довольна, счастлива, сіяетъ; вторая горюетъ; третья ревнуетъ, доходя до бѣшенства. И до сихъ поръ я не знаю, съ которой изъ трехъ больше страдалъ, тѣмъ болѣе что считалъ своей обязанностью молчать, но постоянно невольно думалъ объ ужасной Аннѣ Бониветъ, подозрѣвая козни этой зловредной кокетки. Радости, печали и негодованіе бѣдной Камилы Фавье происходили отъ капризовъ и каверзъ ея злой свѣтской соперницы... Въ эти четыре недѣли я позналъ всю горечь ненормальныхъ чувствъ, не имѣя храбрости ни принести себя въ жертву, ни дѣйствовать эгоистично, напроломъ, не заботясь о послѣдствіяхъ. И, не смотря ни на что,—я готовъ бы снова пережить эти минуты!..

Опять я вдаюся въ элегію... Какъ это глупо! Къ фактамъ... къ фактамъ!.. Первый періодъ—восторговъ и счастья, длился недолго. Начался онъ съ четвертаго сеанса появленіемъ возбужденной Камили, съ охабкой свѣжихъ розъ въ рукахъ. Тутъ были всевозможныя розы — палевыя, блѣдно-розовыя, темно-красныя, ярко-алыя. Мы намѣревались выбрать одну изъ нихъ, чтобы видѣть, какой эффектъ произведетъ поза со всѣми аксессуарами. Мнѣ хотѣлось написать портретъ восхитительной актрисы, въ полной гармоніи голубыхъ оттѣнковъ, въ костюмѣ «голубой герцогини»—во весь ростъ, съ розой въ рукѣ. Сзади тяжелая, голубая драпировка; платье изъ голубаго газа, на шеѣ голубая бархатка, руки въ длинныхъ голубыхъ митенькахъ; атласныя туфли и чулки того же цвѣта. Одной рукой она должна была держать розу...

— Эмблема моей молодости, которую я отдала Жаку!—восторженно сказала Камиль, когда мы окончательно выбрали розу.—Ахъ, другъ мой, еслибы вы знали, какъ я теперь счастлива!..

— Нехорошія мысли не приходятъ вамъ больше въ голову?—спросилъ я.

— Вы не забыли?—смутилась она и засмѣялась.—Да, я ихъ отогнала отъ себя. Турнаду запретила входить въ мою уборную... попросту, переругалась съ нимъ... А знаете, чему я еще безмѣрно рада? Не вижу больше этой отвратительной женщины—понимаете?—этой Бониветъ. Она перестала ѣздить въ театръ. На дняхъ Жакъ долженъ былъ обѣдать у нея — и отказался. При мнѣ написалъ записку... Брессорэ заболѣлъ и не могъ играть; пришлось перемѣнить пьесу. Вечеръ у меня оказался свободнымъ. Мнѣ ужасно хотѣлось выпросить у него этотъ вечеръ, но я не рѣшалась. Онъ самъ предложилъ. И съ тѣхъ поръ каждый день какое нибудь новое доказательство его нѣжности... Сейчасъ зайдетъ сюда за мной; мы завтракаемъ вмѣстѣ... Ахъ, какъ я его люблю, какъ горжусь моей любовью!..

Что отвѣчать на такія изліянія? Пусть она упивается своей иллюзіей, какъ въ эту минуту упивалась запахомъ розъ, щурясь отъ блаженства и раздувая подвижныя ноздри. Что мнѣ оставалось дѣлать? Молчаливо страдать, раздумывая о сложной и чувственной натурѣ Молана, полной утонченнаго расчета и

обаянія! Должно быть, онъ нѣженъ съ *этой*,—думалъ я,—потому что золь на *ту*... Бѣдная дѣвушка, не подозрѣвая, пользуется жестокостями соперницы. Могла ли хорошенькая влюбленная актриса подозрѣвать, что въ ея объятіяхъ Жакъ думаетъ о другой женщинѣ? Возбуждается воображеніемъ и выказываетъ ей небывалую нѣжность... Но я, разумѣется, молчалъ. Чтобы размѣшить ее и самому не заплакать, я рассказывалъ ей исторію одной настоящей герцогини XVIII вѣка, которая хотѣла подарить свой миньютюрный портретъ возлюбленному, отправлявшемуся на войну. Она являлась къ художнику съ такимъ блѣднымъ и измученнымъ лицомъ, вслѣдствіе безсонныхъ ночей и безумныхъ прощаній, что портретистъ отказался писать ея портретъ, если она не сдѣлается благоразумнѣе.

— Если такъ,—воскликнула герцогиня, бросаясь на шею своему возлюбленному,—жизнь слишкомъ коротка, чтобы писать портреты.

— Ахъ, какъ это вѣрно!—обрадовалась въ свою очередь Камиль, бросаясь къ Жаку, который въ эту минуту входилъ въ мастерскую:—дорогой мой Жакъ, какой глубокой смыслъ этого анекдота!

Какъ сейчасъ вижу ея головку, склонившуюся на плечо хитраго Жака, который снисходительно, почти умиленно отвѣчалъ на ея ласки,—потому что я присутствовалъ тутъ, при неудержимомъ проявленіи страсти обожавшей его актрисы. Вотъ апофеозъ перваго періода, подъ названіемъ: «Камиль счастлива»!

Девизъ втораго періода: «Камиль печальна». Онъ продолжался дольше перваго. Сцена съ розами отошла въ область воспоминаній. Анекдотъ про герцогиню XVIII вѣка неумѣстенъ и звучалъ бы горькой ироніей. Наступилъ двѣнадцатый сеансъ. Я замѣтилъ, что выраженіе лица моей модели за послѣдніе дни измѣнилось, но не смѣлъ спросить о причинѣ; нѣжныя или грубыя отношенія Жака были мнѣ одинаково неприятны. Камиль должна была прійти къ половинѣ одиннадцатаго, а не пробило еще десяти. Я занимался перелистываніемъ альбома со снимками флорентинскихъ художниковъ, но не могъ вполнѣ отдаться этому занятію, какъ было иногда въ мрачные дни. Мысли мои отказывались сосредоточиться на

любимомъ искусствѣ. «Отчего она грустна за послѣдніе дни?—думалось мнѣ:—глупый Жакъ, должно быть, снова принялся за свою глупую игру съ глупѣйшей Бониветкой!»

Отвѣтъ на мои мысленные вопросы принесъ мнѣ самъ Жакъ. Съ перваго сеанса, мнѣ не пришлось остаться съ нимъ съ глазу на глазъ. Я и теперь вовсе не ждалъ его появленія, зная его неизмѣнный принципъ о четырехъ страницахъ писанья. Поэтому я искренно изумился, услыхавъ его голосъ. По моему лицу онъ вѣрно понялъ, что я удивленъ, и предупредилъ всякіе вопросы.

— Ну, да, это я! Не ждалъ? Успокойся: я не затѣмъ пришелъ, чтобы извѣстить тебя о самоубійствѣ Камилы, посредствомъ угара изъ печки новой системы Шуберскаго, или ловкаго прыжка въ Сену, — вслѣдствіе моихъ жестокостей... Кстати, портретъ-то выходитъ очень недурно. Ты сдѣлалъ успѣхи, большіе успѣхи... Но дѣло не въ томъ. Къ тебѣ явится скоро Камиль и ты сообщишь ей, между прочимъ, что я обѣдалъ вчера съ тобой, здѣсь, и что мы разошлись во второмъ часу ночи.

— Опять прекрасная мысль вмѣшивать меня въ твои лживыя продѣлки!—съ негодованіемъ вскричалъ я:—кажется, я сказалъ тебѣ, что эта роль мнѣ не нравится...

— Знаю,—перебилъ онъ тономъ полуизвиненія,—понимаю твои деликатности и, какъ видишь, все это время оставлялъ тебя въ покоѣ... *E pur se muove!*.. А все таки тамъ движется, вертится, катится,—словомъ, дѣло идетъ своимъ чередомъ, и еслибъ ты чуть-чуть помогъ мнѣ, не быть бы Пьеру Бонивету безъ головного украшенія! Извини за эту глупую шутку во вкусъ покойнаго Поль де-Кока. Но, на сей разъ, рѣчь не обо мнѣ, а о твоей пріятельницѣ по слянію душъ... Избавь Камиль отъ лишняго горя. Замѣтилъ ли ты, что она эти дни груститъ?

— И виною несомнѣнно ты.

— О, великій психологъ!—иронически воскликнулъ Жакъ.— Психологія вышла изъ моды, любезный другъ. Но отбросимъ эпиграммы. Она придетъ въ десять часовъ и, если застанетъ меня здѣсь,—все погибло. Слушай же. Во-первыхъ она опять напала на слѣдъ моего флирта съ королевой Анной, — которой ты, между прочимъ, второй разъ забываешь сдѣлать ви-

зить. Дай-ка твои визитныя карточки; я брошу ихъ въ вазу, когда буду тамъ. А такъ какъ флиртъ близокъ, очень близокъ къ развязкѣ... то Камиль очень, очень ревнуетъ. Словомъ, комедія пошла навыворотъ, съ Анной... Помнишь рѣшительный ударъ съ обѣдомъ? Вчера, часа въ четыре, получаю разомъ два письма. Одно отъ Анны съ увѣдомленіемъ... Впрочемъ, ты способенъ подпрыгнуть до потолка отъ негодованія. Въ сущности ты вѣдь наивенъ и вѣришь еще въ женскую добродѣтель... Анна писала мнѣ, что ея мужъ уѣхалъ въ провинцію къ больному родственнику и звала обѣдать и провести съ ней вечеръ. Другое письмо было отъ Камилы; та тоже увѣдомляла, что мать ея уѣхала въ провинцію къ больному родственнику и тоже звала обѣдать и вернуться вмѣстѣ изъ театра. Картина!

— И ты, разумѣется, предпочелъ madame Бониветъ, а Камилы сказалъ, что обѣдаешь со мной? — съ отвращеніемъ догадался я.

— Ничего ровно не сказалъ. Я подумалъ, что пусть лучше письмо пришло ко мнѣ, когда меня ужъ не было дома. Могъ же я выйти, въ самомъ дѣлѣ, и не возвращаться до ночи? Она скоро придетъ. Не проговорись, что я былъ у тебя сегодня. А такъ, къ слову, скажи, что вчера собирались у тебя друзья, между ними и я. Она тебѣ вѣритъ. Возвратясь къ себѣ, она находитъ городскую депешу отъ меня, подтверждающую твои слова, съ сожалѣніемъ, что письмо ея пришло вчера слишкомъ поздно. И дѣло въ шляпѣ. Развѣ вотъ только это животное, Сентеръ... Провалиться бы ему ко всѣмъ чертямъ, загонщику проклятому... Церберъ, хуже законнаго!

— Да этоть-то что дѣлаешь въ вашей кашѣ?

— Онъ? Да вѣдь онъ платонически влюбленъ въ королеву Анну, что не мѣшаетъ ему ревновать, точно право имѣющему. Меня, разумѣется, онъ терпѣть не можетъ, шпионить за мной, подкарауливаетъ... Выдумалъ соединиться съ Камилею... Попросилъ меня—какова смѣлость!—какъ ни въ чемъ не бывало, представить его и, вотъ ужъ разъ пять, шесть, какъ я застаю его въ уборной у нея. Она не говорила тебѣ объ немъ? Нѣтъ... Онъ способенъ былъ сообщить ей, что мужъ Бониветъ уѣзжаетъ изъ Парижа. Камиль взбудоражится и можетъ помѣшать моимъ планамъ... Между тѣмъ, королева Анна

рѣшилась, наконецъ, признать себя побѣжденной... Не скандализируйся! Только еще идутъ переговоры о мѣстѣ свиданія. Преступленіе еще въ проэктѣ. Боже, четверть одиннадцатаго! Удираю. Напиши мнѣ сегодня словечко...

— А урокъ въ четыре страницы?—спросилъ я, прощаясь съ нимъ.

— Сегодня я далъ себѣ отпускъ. Новая комедія кончена, на десять дней дается отдыхъ фантазіи.. И въ этомъ мнѣ удача: какъ разъ къ отдыху подоспѣла развязка интрижки съ королевой Анной...

Онъ правъ. Во всемъ ему удача,—не успѣлъ онъ убѣжать, какъ черезъ пять минутъ вошла ко мнѣ Камиль. Чудо, что онъ не столкнулся съ ней на лѣстницѣ! Обыкновенно бѣдненька приходила послѣ половины одиннадцатаго; въ этотъ же день она явилась раньше.

Взглянувъ ей въ лицо, я понялъ, что она находится въ періодъ сильнѣйшаго горя. Синіе круги у глазъ свидѣтельствовали о мучительной бессонницѣ; губы были сухи, какъ въ лихорадкѣ,—куда дѣвалась ихъ влажная свѣжесть! Потемнѣвшіе зрачки горѣли мрачнымъ огнемъ, щеки поблѣднѣли, пальцы судорожно комкали носовой платокъ. Какой контрастъ съ побѣдоносной улыбкой, освѣщавшей нѣсколько минутъ тому назадъ красивое лицо ея жестокаго возлюбленнаго! Тотъ и знать не хочетъ объ ея горѣ и объ ней-то забылъ думать. Въ это утро я вполне понялъ, какъ можно лгать изъ сожалѣнія къ кому нибудь.

Только что Камиль сняла шляпу и накидку, какъ я принялся дружески журить ее.

— Врядъ ли вы годитесь сегодня для модели, голубая герцогиня!—шутить я.—Вижу, что не избытокъ счастья утомилъ ваши черты, а, вѣроятно, воображаемое горе... Жизнь коротка и, право, не стоитъ выскивать себѣ несчастій. Вы плакали, признавайтесь?

— Нѣтъ...—уклончиво отвѣчала она:—не спала ночь, это правда... Даже не ложилась...

— Пожалуюсь Жаку. Пусть хорошенько побранитъ васъ. Честное слово...

— Какъ!—брови ея гнѣвно сдвинулись:—очень онъ заботится обо мнѣ, вашъ Жакъ. Нужна я ему!

— Опять вы несправедливы,— началъ я, между тѣмъ какъ сердце мое болѣзненно жалось отъ угрызеній совѣсти:— жалъ, что вы не слышали, что онъ говорилъ о васъ вчера вечеромъ, послѣ обѣда...

— Вчера вечеромъ?— вострепнулась она:— вы видѣли его вчера вечеромъ?

— Онъ обѣдалъ у меня и мы разстались въ невозможный часъ: болтали далеко за полночь.

— Это вѣрно?— оживилась она, складывая руки точно на молитвѣ,— повторите!.. Я вамъ повѣрю... Но не лгите, ради бога. Это было бы такъ ужасно!..

Я смотрѣлъ на нее съ явнымъ смущеніемъ, которое она приняла за оскорбленное удивленіе, и, схвативъ мои руки, страстно продолжала:

— Не обижайтесь... Я знаю, что вы неспособны обманывать меня.. вы мнѣ другъ. Сейчасъ мнѣ сообщили, будто Бониветъ — мужъ этой ужасной женщины — уѣхалъ. Тогда я... вбила себѣ въ голову, что они воспользуются его отсутствіемъ, т. е. Жакъ и она, и условятся провести вечеръ вмѣстѣ... Я солгала мамѣ, выдумала причину быть свободной и написала Жаку, прося его подарить мнѣ вечеръ. Я наказана. Онъ мнѣ и не отвѣтилъ. О, повторяю, что я—безумная, что онъ былъ у васъ вчера, а не у нея, не съ ней... Господи! Дайте мнѣ поплакать. Слезы облегчаютъ!.. Боже мой! Ахъ, благодарю... Онъ провелъ вечеръ не съ ней... не съ ней!

Произнося эту безсвязную рѣчь, каждое слово которой колело мою совѣсть, какъ острымъ ножомъ, Камиль истерически рыдала. Слезы градомъ текли по ея измученному личику, и она нервно вытирала ихъ скомканнымъ носовымъ платочкомъ. Я упрекалъ себя за обманъ, но вернуться назадъ было уже немислимо, и девяносто девять изъ мужчинъ на моемъ мѣстѣ поступили бы точно также. Все таки я сознавалъ, что скрывать правду въ виду такой искренней привязанности — преступленіе, и терзался; я нарушилъ права любящаго сердца, требующаго прежде всего истины. Улыбки благодарности, которыми сквозь слезы награждала меня бѣдная актриса, казались мнѣ просто невыносимыми. Но можно ли надолго обмануть ясновидѣніе ревнивой женщины? Можно лишь усыпить ея подозрѣнія на время, съ помощью лжи и искаженія фак-

товъ. Но что такое факты? Для любви и факты не имѣютъ значенія! Камиль чуяла измѣну въ окружающемъ ее воздухѣ, и иллюзія должна была быстро смѣниться новыми подозрѣніями. Тогда ошупью начинаютъ искать доказательствъ и всегда находятъ ихъ, часто благодаря слѣпой случайности, что бываетъ еще тяжелѣе, такъ какъ никто этой случайности не предвидѣлъ и друзья не имѣли возможности смягчить ударъ кратковременнымъ обманомъ.

Впрочемъ, положи руку на сердце, говорю: еслибы можно было вернуть прошлое, я предпочелъ бы, — рискуя заслужить отъ самого себя названіе палача, — сказать Камиле всю правду, нежели лгать изъ жалости. Къ чему привела эта ложь? Къ безпощадному трагизму третьяго періода, когда все открылось — и обманъ сдѣлался невозможнымъ!..

VIII.

Прошло три недѣли; портретъ подвергся такимъ помаркамъ, ретушамъ, измѣненіямъ, что не только не подвинулся впередъ, но даже уходилъ назадъ. Вѣрный признакъ, что художественная работа не будетъ окончена, — это когда старанія не улучшаютъ, а дѣлаютъ ее хуже. Истинныя произведенія искусства удаются безъ усилій, почти независимо отъ нашего старанія.

Сеансы наши сдѣлались не такъ регулярными, какъ вначалѣ; Камиль репетировала комедію, которая должна была вскорѣ замѣнить «Голубую герцогиню»; подъ предлогомъ то усталости, то репетиціи, она часто манкировала; да и отношенія наши какъ будто измѣнились. Прежде, бывало, она ощущала потребность подѣлиться со мной впечатлѣніями счастья или печали, порадоваться со мною или погоревать, — а теперь ее (такъ мнѣ казалось) пугала возможность остаться со мной съ глазу на глазъ. Она въ большинствѣ случаевъ приходила съ кѣмъ нибудь, — то съ матерью, то съ кузиной, то съ пріятельницей. Только лицо ея выдавало переживаемыя страданія, да изъ трехъ короткихъ разговоровъ съ Жакомъ я зналъ, какія причины дѣлали несчастной бѣдную «голубую герцогиню».

— Не говори мнѣ о ней! — съ сухой злостью сказалъ мнѣ

разъ Жакъ: — я буду несправедливъ къ ней... Въ сущности она меня любить... Но, Боже! Какой характеръ... какой адскій характеръ!

— Ага! Она продолжаетъ прикидываться передъ тобой возвышенной женщиной, которую не поняли, — раздражительно смѣялся онъ во второй разъ: — сливайте ваши души, ради бога, и оставьте меня въ покоѣ!

А въ третій разъ онъ безцеремонно крикнулъ:

— Послушай, если ты такъ сочувствуешь ей, то я тебѣ дамъ порученіе... Если она желаетъ, чтобы я пересталъ ей кланяться при встрѣчѣ, то пусть придерживается своей системы... Вѣрнѣе дороги къ этому трудно найти. Ахъ! кабы она не нужна мнѣ была для слѣдующей пьесы, съ какимъ наслажденіемъ я послалъ бы ее къ чорту!..

Озлобленіе, насмѣшка, бѣшенство, — вотъ какія чувства внушала бѣдная Камиль своему обожаемому Жаку! Я пересталъ увѣщевать его, видя, что это бесполезно, и страшно боясь услышать отъ него роковое признаніе: «Побѣда. Королева Анна — моя!» Было ли то слѣдствіемъ щепетильности, въ которой упрекалъ меня Жакъ, или я продолжалъ вѣрить въ женскую добродѣтель? Нѣтъ, не то. Я не щепетилень и не наивень. А есть во мнѣ избытокъ деликатности, душевной застѣнчивости, которую коробитъ отъ нѣкоторыхъ циничныхъ признаній. Между кокетствомъ и паденіемъ — тоже, по моему, цѣлая пропасть. Кромѣ того, послѣ подобнаго признанія, мнѣ бы стало невыносимо обманывать Камиль, дѣлать видъ, что не вѣрю въ измѣну Жака. Я отлично понималъ, что степень страданій несчастной актрисы зависитъ отъ степени интимности Жака къ мадамѣ Бониветъ. Тѣмъ не менѣ исторія эта продолжала интересоваться и мучить меня, и я постоянно думалъ о ней. Не могъ я предвидѣть, какимъ ужаснымъ образомъ суждено мнѣ было узнать всю правду.

Насталъ вечеръ февральскаго дня; Камиль пропустила уже три сеанса и ни словечка не написала. Я провелъ нѣсколько часовъ въ маленькой библіотекѣ, рядомъ съ мастерской, и углубился въ чтеніе книгъ, ничего не имѣвшихъ общаго съ моимъ искусствомъ. Положимъ, я не столько читалъ, сколько мечталъ надъ раскрытой книгой, сидя передъ потухающимъ каминномъ и машинально помѣшивая, время отъ времени, щип-

нами въ тлѣющихъ угольяхъ. Лампа, принесенная слугой, освѣщала половину комнаты. Я думалъ, что мнѣ слѣдовало бы пойти навѣстить Камиль—узнать, не больна ли она. Какъ бы избытокъ моей деликатности она не приняла за равнодушіе?.. И я въ мечтахъ вызывалъ милый образъ, говорилъ о моей любви, утѣшалъ... Въ самый разгаръ моихъ мечтаній, меня вернуло къ дѣйствительности появленіе... кого же? — именно героини моихъ грезъ! Слуга, которому я не велѣлъ никого принимать, смущенно пришелъ доложить мнѣ, что м-лле Фавье желаетъ меня видѣть.

— Она одна?—спросилъ я.

— Одна, сударь. Доложу вамъ, баринъ,—прибавилъ слуга жившій у насъ въ домѣ еще при покойномъ отцѣ моемъ и потому позволявшій себѣ нѣкоторыя вольности въ обращеніи со мной, — доложу вамъ, баринъ, что м-лле Фавье, должно быть, въ большомъ горѣ. Она блѣдна, какъ смерть, говоритъ не своимъ голосомъ, совсѣмъ убита... Точно задыхается. Жалость смотрѣть! Такая молоденькая да хорошенькая!..

— Попроси ее войти. Только не принимай больше никого.

— Даже если придетъ господинъ Моланъ?

— Даже если онъ придетъ.

Добрякъ значительно улыбнулся, давая понять, что онъ догадался о моихъ чувствахъ; но я не успѣлъ разобрать степени прозорливости стараго слуги, какъ Камиль уже вошла въ мастерскую и стояла передо мной, какъ воплощенное отчаяніе, близкое къ помѣшательству. Я усадилъ ее.

— Что съ вами?—спрашиваю.

Она дѣлаетъ знакъ, что говорить не въ состояніи, прижимаетъ руку къ груди и закрываетъ глаза,—точно внутренняя боль такъ сильна, что перенести ее нѣтъ возможности. Съ минуту я думалъ, что она не переживетъ, — лицо ея было блѣдно, какъ у мертвеца, и подергивалось конвульсіями. Но вотъ вѣки ея поднялись—глаза сухи и горятъ зловѣщимъ огнемъ. Миловидное личико неузнаваемо,—такъ дико его выраженіе. Хриплымъ, глухимъ голосомъ, точно кто нибудь сдавилъ ей горло, и растерянно прижимая руки ко лбу, она наконецъ, заговорила.

— Есть Богъ!.. Я застала васъ дома... Еслибъ не застала,

съ ума бы сошла. Дайте руку... Мнѣ надо убѣдиться, что я не брежу... что вы тутъ... другъ мой. Какъ тяжело!..

— Другъ, вѣрный вашъ другъ! — успокоительно подтвердилъ я, — готовый помочь вамъ, выслушать васъ, разсѣять ваши химерическія тревоги...

— Не говорите такъ!—прервала она меня, отшатываясь почти съ ненавистью,—или я подумаю, что вы лжете заодно съ ними... Ахъ, нѣтъ! Онъ и васъ обманываетъ. Вы вѣрите ему,—и я вѣрила. Ему стыдно было бы показаться передъ вами такимъ, какъ онъ есть, — вы честный человекъ!.. Слушайте...—она схватила меня за руку и нагнулась близко къ моему лицу, такъ что я чувствовалъ на щекѣ ея горячее дыханіе,—знаете, откуда я сейчасъ? Я, признанная любовница Жака Молана?.. Изъ той самой комнаты, гдѣ у него было назначено свиданіе съ madame Бониветь... гдѣ постель въ безпорядкѣ и не успѣла остыть. Ахъ, ужасъ, ужасъ!..

— Невозможно!..—бормоталъ я, самъ не зная, что говорю, сбитый съ толку и ея сообщеніемъ, и тономъ: — васъ ввело въ заблужденіе какое нибудь анонимное письмо... случайное сходство.

— Молчите!—безумно прошептала она и ногти ея впились въ мою руку: — вотъ ужъ недѣля, какъ я больше не сомнѣваюсь въ ихъ близости... Онъ вдругъ сдѣлался подозрительно-нѣженъ со мной... Но обмануть меня трудно. Онъ хотѣлъ усыпить мои подозрѣнія... Въ глазахъ его появилось выраженіе, котораго прежде не было... Мнѣ хотѣлось вырвать его глаза, посмотреть, что за этимъ взглядомъ скрывается... О, какъ я изучила его лицо! Каждое движеніе, все, все говорило мнѣ объ измѣнѣ. Свиданія наши становились все рѣже и рѣже. У него всегда находился предлогъ отложить ихъ... Гадко, ципично то, что я вамъ рассказываю, но я говорю правду. Я всегда была правдива съ вами. Я, я—слышите—упрашивала его, а онъ отказывался, отговаривался, откладывалъ со дня на день... Какого еще искать другаго доказательства? И все таки я поколебалась въ своей увѣренности... Представьте, что на дняхъ пріѣзжаетъ ко мнѣ ея мужъ... да, да, у нея хватило нахальства прислать своего мужа!—пріѣзжаетъ и просить меня принять участіе въ литературномъ вечерѣ, который они затѣяли... въ будущій понедѣльникъ...

— И я приглашенъ на этотъ вечеръ! — вспомнилъ я вдругъ. — Теперь я понимаю... Это изъ-за васъ...

— Конечно, меня тамъ не будетъ! — съ бѣшенствомъ прибавила она: — а вѣрнѣе всего, что и вечеръ-то не состоится... — Гнѣвъ ея все возрасталъ. — Подумайте, какая я дура! Когда этотъ идиотъ прѣхалъ ко мнѣ съ Сентеромъ и попросилъ участвовать, я отвѣтила «да»... Дѣло происходило въ присутствіи Жака; онъ даже бровью не повелъ... Всѣ мои подозрѣнія исчезли: нѣтъ, думаю, такое лицемѣріе невысказано! Кокетничаетъ съ нимъ она, гадкая, и ничего больше. До окончательной подлости они не дойдутъ... Такъ бы я и осталась въ невѣдѣніи, дура-дураой...

Она остановилась, задыхаясь отъ непосильнаго волненія, руки ея дрожали, глаза закрывались.

— А теперь? — спросилъ я.

— Теперь? — она дико захохотала: — теперь знаю, что они дошли до подлости... и на все способны оба. Но онъ хуже ея... Она — свѣтская развратница, Жакъ для нея не первый... Но онъ, онъ!.. Издѣваться надъ моимъ чувствомъ, обманывать меня... Ахъ, какой низкій человѣкъ... Какой мерзавецъ! Я съ ума сойду... Слушайте, слушайте... Сегодня, въ два часа, назначена была репетиція новой комедіи Дорсена. Онъ вздумалъ передѣлать одно дѣйствіе — и репетицію отмѣнили. Я узнала объ этомъ въ театрѣ. Такимъ образомъ очутилась я въ два часа на улицѣ Chaussée d'Antin, не зная, какъ убить время. Вспомнила о нѣкоторыхъ покушкахъ въ этомъ кварталѣ. «Зайду» — думаю себѣ. Какъ вдругъ какой-то прохожій наступаетъ мнѣ на подолъ платья и обрываетъ половину оборки... Вотъ смотрите... — она показала мнѣ разорванное мѣсто на юбкѣ. — Это случилось близко отъ угла Новой улицы... — При этихъ словахъ, Камиль подозрительно взглянула на меня, точно уголь Новой улицы имѣлъ особое значеніе и она хотѣла вывѣдать, знаю ли я. Но я ничего не понялъ и на лицѣ ея выразилось изумленіе.

— Вы не знаете, что находится на углу Новой улицы? Я думала, Жакъ вамъ все рассказываетъ... Тамъ у него секретная квартира... гдѣ мы съ нимъ видѣлись... Когда мы съ нимъ сошлись, я предпочла бы видѣться у него, чтобы вся привычная обстановка, всѣ вещи напоминали ему меня!.. Но

онъ не захотѣлъ. Теперь понимаю почему,—онъ ужъ и тогда предвидѣлъ разрывъ! Но я вѣрила ему слѣпо; слово его было для меня закономъ. Онъ увѣрилъ меня, что квартирка въ Новой улицѣ устроена имъ специально для меня, меблирована его прежней мебелью, изъ тѣхъ помѣщений, гдѣ онъ писалъ свои первыя книги... Ахъ, какъ я была глупа! Дура, дура! Но какая гадость—лгать бѣдной дѣвушкѣ, которая отдаетъ вамъ все свое сердце, всю свою жизнь, и сочла бы преступленіемъ сомнѣваться въ словахъ возлюбленнаго! Какъ мало труда и доблести обмануть довѣрчивую, влюбленную дѣвушку!

— Но увѣрены ли вы, что онъ измѣнилъ вамъ?

— Увѣрена ли я?.. И вы увѣрены! — пылко произнесла бѣдная Камиль.— Попробуйте заступиться за него, когда все узнаете... Итакъ, совсѣмъ близко отъ Новой улицы, стою я съ оборваннымъ платьемъ. Надо вамъ замѣтить, что я,—опять таки по глупости,—принесла въ квартирку массу моихъ собственныхъ вещицъ. Иголки, нитки... Вѣдь я мечтала, что это убѣжище будетъ нашимъ уютнымъ гнѣздышкомъ, что я стану тутъ работать, а Жакъ, около меня, будетъ трудиться надъ какой нибудь драмой... что я буду ему въ родѣ любимой жены!.. И вотъ приходитъ мнѣ на умъ зайти въ квартирку и зашить платье... Я требую вашего полного довѣрія. Клянусь вамъ, что въ ту минуту мнѣ и въ голову не приходило шпионить и подсматривать!

— Я вамъ вѣрю,—отвѣтилъ я и, желая избавить ее отъ сообщенія тяжелыхъ подробностей, прибавилъ:—вы вошли и увидали все въ безпорядкѣ?

— Ахъ, хуже того!—Камиль съ минуту помолчала, какъ бы собираясь съ силами.—Расположеніе квартиры должно бы давно навести меня на мысль, что не меня одну принимаетъ тутъ Жакъ. Домъ выходитъ на двѣ улицы; квартира помѣщается въ корпусѣ, очень отдаленномъ отъ комнаты привратника, такъ что весьма легко пройти по лѣстницѣ незамѣченной. Къ чему бы такія таинственныя предосторожности, еслибъ дѣло шло только обо мнѣ! Я свободна. Пусть видятъ меня всѣ, кромѣ мамы... Кромѣ того, иронически-почтительное обращеніе привратника съ Жакомъ доказало бы всякой другой на мое мѣстѣ, что квартира служить уже много лѣтъ одному нанимателю. Теперь мнѣ все такъ ясно... Я даже не могу

себѣ представить, какъ могла я обманываться... Но я путаюсь, мысли мѣшаются. Гдѣ, бишь, я остановилась? Да... хочу зашить платье... Ключа у меня не было. Не смотря на мои просьбы, Жакъ никогда не соглашался дать его мнѣ. А это, опять, развѣ естественно? Но мнѣ было извѣстно, что въ комнатѣ привратника всегда имѣется ключъ для уборки комнатъ. Въ прихожей квартиры есть задвижка, такъ что Жакъ обыкновенно отпиралъ своимъ ключемъ, изнутри же мы задвигали задвижку и были спокойны, что никто насъ не потревожитъ; ключъ, висѣвшій на гвоздикѣ у привратника, только и служилъ его женѣ для уборки комнатъ. Безъ этихъ подробностей, вы не поймете, что со мной произошло. На этотъ разъ я, значить, иду взять второй ключъ. Въ комнатѣ привратника никого не было—и привратникъ, и жена его куда-то отлучились. Смотрю: нашъ ключъ на гвоздикѣ, по обыкновенію; беру его со спокойной совѣстью, даже радуясь, что меня никто не увидитъ. Опять повторяю, клянусь вамъ: я была въ полной увѣренности, что квартира пуста и остается пустой внѣ нашихъ свиданій... Я и понятія не имѣла о томъ, что ожидало меня впереди!.. Вхожу, какъ ни въ чемъ не бывало, и грустно, грустно дѣлается у меня на душѣ! Вы поймете. Вотъ ужъ двѣ недѣли, какъ мы не сходились здѣсь съ Жакомъ. Окна заперты. Гостинная въ порядкѣ, спальня тоже. Все смотритъ такъ сиротливо, необитаемо... для меня. Отворила ящикъ комода—нѣтъ моихъ принадлежностей для шитья! Удивилась я, но—думаю,—жена привратника вытирала ящики и, вѣроятно, по ошибкѣ, положила мои вещи въ другое мѣсто. За спальней есть еще маленькая комнатка, служившая намъ нерѣдко столовой. Иду посмотреть, не туда ли попала моя рабочая шкатулка,—такъ и есть! Стоитъ себѣ на буфетѣ. Я усѣлась зашивать свою оборку, снявъ юбку для удобства. Вдругъ слышу—отворяется дверь въ передней... Я немножко удивилась,—ключъ я вынула, но на задвижку не заперлась, — кто бы это могъ быть? Не Жакъ ли, думаю? Онъ увѣрялъ меня (и я вѣрила!) что ему случается приходиться въ наше гнѣздышко, набираться вдохновенія, работать здѣсь... Но я не успѣла остановиться на этой отрадной мысли... Слышу другой голосъ, ненавистный, женскій,—а вмѣстѣ и голосъ Жака.

— Вы узнали голосъ madame Бониветъ? — спросилъ я,

такъ какъ Камиль замолчала. Оба мы были ввволнованы. Она утвердительно кивнула головой и продолжала молчать. Сцена, на которую она напала въ «любовномъ гнѣздышкѣ» Жака, поразила меня ужасомъ. Наконецъ, она съ усиленіемъ продолжала:

— Не могу выразить вамъ, что произошло во мнѣ, когда я услышала, какъ м-ше Бониветъ громко смѣялась и говорила Жаку «ты». Меня точно ножомъ ударили въ самое чувствительное мѣсто и я задрожала... Мнѣ хотѣлось выскочить, броситься къ нимъ, прогнать ихъ, осыпать оскорбленіями... Но я не могла двинуться съ мѣста. Какъ парализованная, сидѣла я на стулѣ и не шевелилась. Жизнь остановилась во мнѣ... Я только слышала и слушала. Я думала, надѣялась, что не останусь жива, — умру, не сходя съ мѣста!.. И вотъ, однако, жива. Знаете почему? Сидя въ узенькой столовой, не шевелясь и переживъ первый ужасъ непередаваемыхъ ощущеній, — знаете ли вы, что я начала испытывать съ каждой минутой все сильнѣе и сильнѣе? Отвращеніе, гадливость до тошноты! Можетъ быть, еслибы разговоръ ихъ доходилъ цѣлкомъ до моего слуха, я бы опомнилась и не удержалась отъ мщенія; но до меня долетали лишь отдѣльные слова, а воображеніе рисовало такія сцены, что, право, страданіе заглушалось отвращеніемъ. Самый фактъ былъ въ моихъ глазахъ низокъ, гнусенъ, нечистоплотенъ. Ахъ, особенно одна фраза!.. Я почувствовала презрѣніе къ Жаку и вмѣстѣ съ тѣмъ,—противорѣчіе человѣческаго сердца!—боялась войти, чтобы онъ не вообразилъ, что я шпионила за нимъ. Последнее чувство побѣдило всѣ остальные и я просидѣла неподвижно, застывъ въ одной позѣ, съ добрый часъ времени... Они ушли. Тогда я встала и вошла въ спальню. Одѣяло откинута, постель и подушки смяты. Ахъ!..

Камиль вскрикнула и безумнымъ жестомъ надавила пальцами свои закрытые глаза, точно желая ослѣпнуть, стереть съ сѣтчатой оболочки всю гнусность, отразившуюся на ней...

— Винцентъ! — кричала она, какъ потерянная: — единственный другъ мой, спасите меня. Не покидайте... Голова моя готова лопнуть. Я съ ума схожу... О, какое омерзение!.. Любовь моя замарана, втоптана въ грязь...

Она вдругъ выпрямилась, бросилась ко мнѣ на грудь и я

едва успѣлъ поддержать ее. Она упала безъ чувствъ ко мнѣ на руки. Обморокъ и послѣдовавшіе за нимъ потоки слезъ, вѣроятно, спасли разсудокъ несчастной женщины. Она вернулась къ жизни, но... и къ полному сознанію своего горя. Самъ потрясенный до глубины души, я не находилъ ни слова утѣшенія. Да и какое утѣшеніе въ настоящемъ непоправимомъ горѣ? Какія слова будутъ у мѣста?

Камиль первая заговорила:

— Я знаю, что вы меня очень любите, — начала она, слясь изобразить на своемъ лицѣ улыбку, — и жалѣете... Не мѣшайте мнѣ плакать... Мнѣ кажется, что слезы не допустятъ меня до безумія... Дайте мнѣ одно обѣщаніе... честное слово — исполнить мою просьбу.

— Вы вѣрите въ мою дружбу; слѣдовательно, знаете, что я исполню все, что вы прикажете...

— Этого мнѣ недостаточно! — сказала она значительно: — дайте мнѣ честное слово.

— Даю! — произнесъ я, отбрасывая въ сторону всякую осторожность при видѣ ея милыхъ заплаканныхъ глазокъ, въ которыхъ свѣтилась такая страстная мольба.

— Спасибо! — она пожала мнѣ руку. — Я хочу быть увѣренной, что вы ни слова не скажете Жаку изъ того, что я вамъ передала...

— Можете быть увѣрены, — не скажу. Но вы сами не терпите...

— Я? Ничего ему не скажу... Не хочу, чтобы онъ подумалъ, что я шпионила за нимъ. Просто я разойдусь съ нимъ, не объясняя причины. Любовь моя убита омерзениемъ. Стоить припомнить все, что я слышала и видѣла...

Она содрогнулась всѣмъ тѣломъ и изъ глубины ея оскорбленнаго чувства вырвалось:

— Фи!..

Въ эту минуту, дѣйствительно, омерзение было въ ней сильнѣе любви...

Когда Камиль ушла, къ жалости моей примѣшалась тревога. Долженъ ли я сдержать слово, данное ей? Не обязанъ ли я переговорить съ Моланомъ? Я хорошо зналъ, насколько можно вѣрить въ намѣренія людей, когда ихъ страсти и ревность возбуждены до послѣдней степени. Возможно ли, чтобы

Камиль, присутствовавшая, такъ сказать, при измѣнѣ любовника, удовольствовалась молчаливымъ разрывомъ и не попробовала отомстить?

Безспорно, она выказала необычайную гордость и силу воли, не допустивъ себя выйти изъ сосѣдней комнаты, не надѣлавъ—по женски—скандала. Но все таки она женщина, и рано или поздно инстинктъ возьметъ верхъ надъ разсудкомъ и самообладаніемъ. Чтѣ если, въ минуту новаго взрыва бѣшеной ревности и горя, она напишетъ всю правду обманутому мужу Бониветъ? Неизвѣстно, чтѣ окажется сильнѣе,—чувство собственнаго достоинства или жажда мести! Въ моментъ воспоминаніи промелькнулъ взглядъ, брошенный за обѣдомъ на жену Пьеромъ Бониветомъ.

Какимъ образомъ эта сухая, черствая, насмѣшливая эгоистка, это олицетворенное властолюбіе и тщеславіе,—словомъ, королева Анна,—рѣшилась на такой шагъ, оправдываемый только избыткомъ страсти? Я склоненъ думать, что любопытство узнать подробности происшествія подсказывало мнѣ желаніе навѣстить Жака. Мнѣ стало до очевидности казаться, что я обязанъ такъ или иначе предупредить его противъ грозящей опасности, посоветовать ему быть насторожѣ. Однако, я удержался. Разъ слово дано—конецъ; надо его держать.

Это правило прошло черезъ всю мою жизнь и я никогда не преступалъ его, не допускалъ подтасовокъ въ дѣлахъ совѣсти. Въ данномъ случаѣ, какъ это мнѣ ни было тяжело, я запретилъ себѣ ходить къ Жаку, чтобы какънибудь не нарушить даннаго Камили слова. На третій день онъ самъ пришелъ ко мнѣ, не подозрѣвая, что я задыхался отъ тяжелой тайны. Наканунѣ онъ былъ въ театрѣ, заходилъ въ уборную Камили, но видѣлъ ее на одну минуту: съ ней была мать. Присутствіе матери удивило его; кромѣ того, онъ подмѣтилъ въ глазахъ и въ игрѣ Камили болѣзненную возбужденность. Какъ и всегда, при нечистой совѣсти, этихъ наблюденій было достаточно, чтобы встревожить его. Онъ и зашелъ ко мнѣ, быть можетъ, смутно надѣясь встрѣтиться съ Камилью, а также вывѣдать кое-что отъ меня. Шутки его насчетъ моей вѣчной роли «наперсника» оказывались вѣрными.

— Я посоветовалъ madame Бониветъ послать тебѣ приглашеніе на литературный вечеръ, — началъ онъ издали,—

ты пойдешь? Хочешь, побѣдаемъ вмѣстѣ въ «кабакъ» въ этотъ день? Потомъ вмѣстѣ отправимся. Камиль сообщала тебѣ, что она что-то прочтетъ тамъ?..

— Да и я нахожу эту потѣху некрасивой.

— Идея не моя,—засмѣялся Жакъ.—Хоть я и не боюсь осложненій, однако, избѣгаю лишннихъ. Достаточно и неизбѣжныхъ... Нѣтъ! Сентеръ съ Бониветомъ изобрѣли этотъ вечеръ и другъ съ другомъ совѣтовались. Имъ ужасно хочется узнать, каковъ будетъ отгѣнокъ моего ухаживанія за королевой Анной. Они рѣшили, что если она ненавидитъ Камиль, значитъ выдастъ себя, какъ соперницу. Слѣдовательно, и актриса считаетъ ее за врага. Усвоилъ? Значитъ, m-me Бониветъ не пожелаетъ ее пригласить, а Камиль откажется участвовать. Я тоже, по ихъ мнѣнью, скажу: «нѣтъ», чтобы избѣгнуть столкновенія между двумя женщинами. А я взялъ, да и отпустилъ: «да»! Камиль тоже сказала: «да». Королева Анна отвѣтила: «да». Инквизиторы сначала изумились до столбняка, затѣмъ пришли въ телячій восторгъ. О, они великіе наблюдатели, тонкіе психологи, въ родѣ Ларшэ и Дорсена. Ну, что рассказываетъ тебѣ Камиль? Мнѣ давно не удавалось видѣться съ ней... Портретъ подвигается?

— Самъ можешь посудить! — отвѣтилъ я, обрадовавшись случаю уклониться отъ его вопроса, и повернулъ къ нему высокій холстъ, на которомъ нѣжно выдѣлялась «голубая герцогиня», протягивающая розу... свою молодость и любовь—ему, едва удостоившему взглядомъ портретъ. Да и вообще, развѣ онъ когда нибудь обратилъ вниманіе на работу товарища? На этотъ разъ онъ, по крайней мѣрѣ, имѣлъ оправданіе въ критическомъ положеніи между двухъ огней, такъ что ему было не до портрета.

Я, по обыкновенію, не обидѣлся, когда онъ, скользнувъ взоромъ по картинѣ, небрежно спросилъ:

— Души по прежнему сливаются?.. Тѣмъ лучше... А скажи, продолжаетъ ли она ревновать меня къ m-me Бониветъ?

— Мы мало объ этомъ говорили,—отвѣчалъ я, вспыхнувъ отъ стыда за свою ложь.

— Ну, и слава богу. Ревность была бы не къ мѣсту. Я долженъ сказать тебѣ, что въ концѣ концовъ мы съ королевой Анной, по обоюдному соглашенію, сложили оружіе. Не

стѣить игра свѣчь... То есть, вѣрнѣе, между нами установился вооруженный миръ. Силы равныя; когти одинаково остры. Намъ другъ друга не соблазнить. Лучше добрыя товарищескія отношенія. Я ихъ предпочитаю: меньше заботь...

Произнося эту рѣчь, Жакъ съ легкимъ колебаніемъ посматривалъ на меня, точно желая убѣдиться, вѣрю ли я ему; я не слишкомъ сконфузился, но не могъ скрыть своего изумленія передъ его апломбомъ въ новой комедіи. Онъ приписалъ, вѣроятно, мое изумленіе неожиданному повороту въ его отношеніяхъ къ королевѣ Аннѣ.

Теперь, оглядываясь назадъ, я понимаю, что его скрытность имѣла въ основаніи не одну осторожность. Конечно, было и это отчасти. Но, главнымъ образомъ, онъ спекулировалъ моею честностью, надѣясь, что я ему повѣрю и энергичнѣе заступлюсь за него передъ Камиллю, которая не на шутку начинала беспокоить его своею ревностью. Въ его внезапной скромности, послѣ такихъ циничныхъ подробностей вначалѣ, было также особаго рода тщеславіе. Я нерѣдко подмѣчалъ въ мужчинахъ, которыхъ женщины называютъ «болтливыми», подобную аномалію. Онъ расскажетъ пріятелю безъ зазрѣнія совѣсти, даже съ прикрасами, всѣ предварительныя ухаживанія за женщиной, про которую, по настоящему, не смѣлъ бы заикнуться. Затѣмъ, убѣдись, что пріятель повѣрилъ и ждетъ извѣстной развязки, — онъ начинаетъ энергично отвергать самый послѣдній фактъ, но такъ, что компрометируетъ женщину окончателно. Это послѣднее умалчиванье оправдываетъ его въ собственномъ мнѣніи. Тщеславіе—только въ другой формѣ.

Вслѣдъ за этимъ свиданіемъ, событія полетѣли съ неудержимой быстротой катастрофы, гдѣ ужъ неумѣстны становятся разсужденія, недомолвки, намеки...

IX.

Во всякой исповѣди женщины найдется непременно что нибудь недосказанное. Такъ было и въ разсказѣ Камилли Фавье. Сообщая мнѣ, со страстнымъ краснорѣчіемъ обманутой любовницы, открытіе, которое она сдѣлала въ квартирѣ на Новой улицѣ, она умолчала объ одномъ важномъ обстоятельстве. Въ то время какъ она увѣряла меня, что намѣрена

разойтись съ Жакомъ безъ объясненій, въ душѣ ея уже былъ составленъ планъ мести. Позже она мнѣ созналась въ этомъ, прибавивъ, что боялась моихъ совѣтовъ и отговариваній. Между фразами, долетѣвшими до ея слуха черезъ тонкую перегородку, раздѣлявшую спальню отъ столовой, она запомнила одну, которой суждено было имѣть самыя важныя послѣдствія. Это было ни болѣе, ни менѣе, какъ день и часъ новаго свиданія... Madame Бониветь, которую я считалъ холодной, безчувственной развратницей, — что въ послѣдствіи подтвердилъ мнѣ самъ Моланъ, — подобно всѣмъ такимъ женщинамъ, искала сильныхъ ощущеній. При каждой новой интригѣ, такія особы надѣются найти, наконецъ, то таинственное блаженство любви, котораго онѣ не испытали, но слышали о немъ много. Я узналъ потомъ, что, не смотря на опасность, — а, можетъ быть, именно вслѣдствіе пикантности опаснаго положенія, — Анна сама назначала Жаку частыя свиданія въ его секретной квартирѣ. Всякій разъ свиданіе рисковало кончиться трагически. Камиль нечаянно узнала про ихъ отношенія во вторникъ, а въ слѣдующую пятницу преступная жена общалась снова свидѣться съ Жакомъ. Въ изступленномъ умѣ блѣдой актрисы немедленно созрѣлъ планъ: подстеречь соперницу у самаго подъѣзда и тутъ же, на улицѣ, выразить ей все свое презрѣніе, всю ненависть, — словомъ сдѣлать самый обыденный шумный скандалъ. Представляя себѣ, какъ надменная madame Бониветь будетъ дрожать отъ страха, точно воровка, пойманная на мѣстѣ преступленія, Камиль заранѣе чувствовала себя удовлетворенной. Но месть не должна была этимъ ограничиться. Отвратительное, неслыханное нахальство, — съ которымъ Жакъ и Бониветка пригласили ее участвовать на вечерѣ, — послужить актрисѣ страшнымъ орудіемъ противъ соперницы. Осторожность и боязнь возбудить подозрѣнія мужа не дозволять Аннѣ отмѣнить вечеръ, не смотря ни на что. И Камиль приметъ въ немъ участіе! Увидитъ съ эстрады блѣдное лицо женщины, отнявшей у нея любовника, прочтеть на этомъ лицѣ признаки страха и ужаса передъ возможностью новаго скандала... въ своемъ собственномъ домѣ на этотъ разъ. Положеніе Жака тоже будетъ незавидное... Пусть! Камиль ухнется ихъ мучительной тревогой, отомститъ за свои страданія, насытитъ свою ненависть... Три дня, отдѣ-

лявшіе ее отъ новаго свиданія, показались ей нескончаемыми. Ко мнѣ она ни разу не зашла въ этотъ промежутокъ; напротивъ всячески избѣгала меня, боясь, какъ бы я не разстроилъ ея плановъ. Потомъ она мнѣ рассказывала, что ночь съ четверга на пятницу провела точно сумашедшая, и когда отправилась подстергать соперницу на углу Новой улицы, то не спала и не ѣла сѣтомъ въ теченіе тридцати шести часовъ!

Свиданіе назначено было въ четыре часа; въ половинѣ четвертаго она уже стояла на тротуарѣ противъ дома, закутанная въ длинную ротонду, съ густымъ вуалемъ на лицѣ. На углу улицъ Клиши и Новой находится извощичья биржа; и вотъ Камиль начала ходить взадъ и впередъ по тротуару, не теряя изъ виду роковаго подѣзда, на углу улицы Клиши, однообразно поворачивая назадъ. Большіе часы на биржѣ указывали ей время, приближавшее ее къ желанной мести.

Безъ двадцати четыре... Еще подождать двадцать минутъ, можетъ быть, меньше того. Безъ десяти... Осталось десять минутъ. Четыре часа... Они опоздали. Десять минутъ пятаго... Никого нѣтъ... Стрѣлка дошла до двадцати — ни Жака, ни madame Бониветъ и въ поминѣ нѣтъ. Чтѣ бы это могло значить? У модной свѣтской женщины свободное время на счету... И вдругъ страшная мысль охватила возбужденный мозгъ Камилы: не отмѣнили ли они свиданіе? не назначили ли его на какойнибудь другой день и часъ? Вѣдь они постоянно видятся въ свѣтѣ и сто разъ имѣли возможность переговорить. А можетъ быть и другое. Не замѣтилъ ли привратникъ, какъ, въ прошлый разъ, Камиль вѣшала ключъ на мѣсто? Хотя въ кануркѣ никого не было тогда, но почему знать? Онъ могъ предупредить Жака! Половина пятаго. Все никого. Камиль пришла, наконецъ, къ заключенію, что караулить дольше нечего; моросиль пронизывающій февральскій дождь и она дрожала, какъ въ лихорадкѣ. Бросивъ еще разъ безнадежный взглядъ на темныя окна квартиры, она собиралась уйти, какъ вдругъ ея вниманіе привлекъ стоявшій противъ биржи фіакръ: изъ окна его высунулась голова, одинъ видъ которой потрясъ все ея существо и на минуту лишилъ способности разсуждать. Въ сѣдокѣ фіакра, подозрительно осматривавшемъ улицу, она узнала Пьера Бонивета. Да, это несомнѣнно мужъ Анны, слѣдовательно злѣйшій врагъ Жака Молана. За полу-опущенной што-

рой фіакра скрывается не смѣшной супругъ, котораго кокетка-жена приводитъ въ отчаяніе, но успокоиваетъ и водить за нось,—а убійца, подстерегающій соперника для кровавой расправы, примитивный звѣрь, который всегда скрывается въ «культурномъ человѣкѣ» и молчитъ до поры, до времени,—но когда пора наступить, нѣтъ этому звѣрю удержу и онъ «всячески» постоять за свою собственность. Бобровый воротникъ Пьера поднять и еще рельефнѣе оттѣняетъ огненную бороду; рука, поддерживающая штору, такъ, кажется, и готова схватить за горло, отомстить за поруганную честь... Пришла такая минута, когда культурный человѣкъ ступевывается и уступаетъ мѣсто дикарю; Пьеръ забылъ думать, что онъ въ Парижѣ, и поступить такъ, какъ будто кругомъ дремучіе лѣса, населенные полу-гориллами, которые убиваютъ другъ друга изъ-за обладанія самкой. Атавизмъ сказался; ревность перенесла Пьера за три тысячи лѣтъ назадъ, когда вмѣсто столицы Франціи шли дебри лѣсовъ, гдѣ люди въ звѣриныхъ шкурахъ дѣйствовали каменными топорами, и первобытная борьба за существованіе свела личную жизнь индивидуума на уровень не стоящихъ вниманія пустяковъ. Какимъ способомъ удалось ревнивому мужу провѣдать, въ какомъ мѣстѣ происходятъ свиданія Анны съ Жакомъ? Ни Камиль, ни я, ни самъ Жакъ—никогда этого не узнали. Анонимное письмо? Весьма возможно. У Жака Молана была масса завистниковъ, а у madame Бониветъ—завистницъ, не считая поклонниковъ, болѣе или менѣе оставшихся съ носомъ. Можетъ быть, Пьеръ просто прибѣгнулъ къ классическому выслѣживанію, всегда успѣшно приводящему къ цѣли? Вѣрно одно, что привратника допрашивали; но этотъ послѣдній, подкупленный извѣстностью Молана, даровыми билетами въ театръ и давностью жильца въ домѣ,—не выдалъ его. Какъ бы то ни было, но оскорбленный мужъ рѣшилъ самъ собственными глазами убѣдиться въ подозрѣваемой измѣнѣ и заставить соперника дорого заплатить за свою удачу. Вѣроятно, онъ, со своей стороны, также замѣтилъ Камиль, но, разумѣется, не узналъ ея,—какъ послѣ оказалось. Да и какъ было узнать изящную артистку въ этой темной фигурѣ въ безформенной ротондѣ, съ поднятымъ воротникомъ и густымъ вуалемъ? Бониветъ скорѣе всего приняла ее,—если его голова способна была въ эту минуту ду-

мать о постороннемъ,—за уличную искательницу приключеній, поджидающую возможности поужинать, и не остановилъ на ней своего вниманія. Но Камиль... — о, какая великодушная натура! Какая жалость, что она попала въ слишкомъ развращенныя руки, въ особенно тяжкія условія жизни! Камиль, узнавъ Бонивета, забыла все: свое личное униженіе и горе, бѣшеную ревность, жажду мести, свое поруганное чувство,— и одна лишь мысль замѣнила все это: Жаку грозитъ смертельная опасность, надо спасти его!.. Не вечеромъ, не завтра, а сейчасъ, сію минуту, иначе будетъ поздно. Недавно ей казалось несомнѣннымъ, что преступная чета отложила свиданіе... Теперь новая мысль озарила ея умъ: а что, если Жакъ и его сообщница подѣдутъ къ пяти часамъ, на глазахъ подстерегающаго мужа? При этомъ предположеніи, въ сердце Камилы словно вонзилось раскаленное желѣзо и,—какъ это часто бываетъ, когда опасность грозитъ любимому существу,—предположеніе перешло въ увѣренность. Въ эту минуту, можетъ быть, Жакъ собирается... на дорогѣ... Потребность остановить его, не допустить, овладѣла ею съ такой силой, что она, какъ безумная, бросилась почти бѣгомъ по улицѣ Клиши, не смѣя нанять фіакръ по близости Бонивета, боясь, чтобъ онъ не узналъ ея. Отбѣжавъ довольно далеко, она сѣла въ первый попавшійся фіакръ и велѣла вести себя въ квартиру Жака, въ улицѣ Делабордъ. Но вдругъ новое предположеніе осѣнило ее съ такой ужасающей правдоподобностью, что она тутъ же, въ фіакрѣ, схватилась за голову и чуть не упала въ обморокъ. Что, если Жакъ и Анна сошлись въ квартирѣ ранѣе условленнаго часа и теперь находятся тамъ, не подозрѣвая, что предупрежденный мужъ подкарауливаетъ ихъ на углу? Камиль съ такой ясностью представила себѣ подобное положеніе вещей, что перестала различать дѣйствительность отъ фантазіи. Увѣренные въ своей безопасности, «преступники» безопасно выдутъ на улицу подъ руку, а Бониветъ кинется на нихъ... Затѣмъ неизвѣстность... или немедленное убійство, или дуэль!.. Несчастливая Камиль всплеснула руками и заметалась. Фіакръ уже двинулся по направленію къ улицѣ Делабордъ. Что дѣлать? На что рѣшиться?

Въ такія минуты, нельзя не признать внутренняго ясно-видѣнія сильно чувствующихъ людей; оно руководитъ ими

вѣрнѣ всякаго расчета и логическаго разсужденія. Или правъ Жакъ, увѣряя, что судьба нѣкоторыхъ избранниковъ ограждена особенно счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ, что случай покровительствуетъ имъ, независимо отъ нихъ самихъ? Такъ или иначе, но Камиль наугадъ выбрала вѣрный путь для своей цѣли. Когда извозчикъ заворачивалъ за уголъ Троицкой площади, она велѣла ему вернуться и везти ее въ Новую улицу. Почему? Она и сама не знала. Тамъ она вышла, заплатила кучеру и съ пламенной энергіей выполнила смѣлый и великодушный планъ, въ ту же минуту сложившійся въ ея пылкой головкѣ. Карета Бонивета все продолжала стоять на томъ же мѣстѣ. Камиль взглянула на окна: нѣтъ больше сомнѣній! Сквозь ставни виднѣется полоса свѣта... Огонь зажгли... Кто нибудь тамъ есть!

Она храбро вошла въ подъездъ и прямо обратилась къ привратнику, сидѣвшему на этотъ разъ въ своей ложѣ. Тотъ смущенно поклонился ей.

— Увѣряю васъ, сударыня, — отвѣтилъ онъ на ея настойчивый вопросъ: — господинъ Моланъ не приходилъ.

— А я вамъ говорю, что онъ тутъ, съ дамой, — горячо возразила актриса, — свѣтъ виденъ изъ окошекъ. Несчастный! — воскликнула она вдругъ съ отчаяніемъ: — вы всю жизнь будете раскаиваться, что обманули меня въ такую минуту... Слушайте... — она энергично схватила его за руку и потащила къ крыльцу: — глядите, видите карету на углу противъ биржи? Въ ней сидитъ мужъ той дамы и подстерегаетъ. Если хотите дожидаться кровопролитія, не пускайте меня въ квартиру предупредить ихъ... Господи! Чего вы боитесь? Обыщите меня, если думаете, что я имѣю намѣреніе повредить имъ!.. Любовникъ мой измѣнилъ мнѣ, я знаю... Но я его люблю, слышите: люблю — и хочу спасти его! Неужели вы не понимаете, что я не лгу?..

Подчиняясь противъ воли такой страстной настойчивости, привратникъ поглядѣлъ на карету, изъ которой въ эту минуту — опять покровительство случая! — высунулся Бониветь. Тогда привратникъ воскликнулъ:

— Узнаю его! Это тотъ самый господинъ, который приходилъ допрашивать меня третьяго дня: кто живетъ въ домѣ, и что, и какъ?.. Нѣтъ ли тутъ квартиры господина Молана?

Я отвѣтилъ, что нѣтъ, а онъ вынулъ кошелекъ. «За кого, говорю, вы меня принимаете»? Такъ и выпроводилъ его. Пойдите-ка, я вотъ пойду, спрошу его: что онъ въ сыщики что ль записался, слѣдить за домами?..

— И онъ отвѣтитъ вамъ, что улица общая, и будетъ правъ! — сказала Камиль, къ которой, въ виду неминуемой опасности, вернулось все присутствіе духа и необходимое хладнокровіе. Любовь ли тутъ дѣйствовала? Или примѣшивалось бессознательное воспоминаніе о драматическихъ положеніяхъ въ театрѣ? Нельзя отрицать, что привычное ремесло подчиняетъ наши дѣйствія усвоеннымъ приемамъ, помимо нашей воли. Она должна во что бы то ни стало уломать упрямого привратника и, дѣйствительно, нашла для этого нужныя слова.

— Вы не можете помѣшать ему сидѣть въ каретѣ, — разумительно продолжала она, — а только внушите ему подозрѣніе, что отъ него что-то хотять скрыть... Онъ живо пойметъ, что именно. Если онъ караулитъ, значитъ его предупредили. Помогите мнѣ лучше спасти вашего жильца, хотите? Ну, такъ слушайте меня!

— Вы правы, барышня, — согласился привратникъ, мѣняя тонъ: — если я его обругаю, онъ догадается, гдѣ раки зимуютъ... Жена — его! Извѣстное дѣло, не хочется отдавать ее. Я думалъ было предупредить monsieur Молана, когда онъ подымался сегодня по лѣстницѣ... Да онъ съ дамой былъ...

— Я берусь его предупредить... Ступайте, наймите извозчика, и велите ему ждать у подъѣзда... А я буду дѣйствовать. Клянусь вамъ, что я его спасу!

Камиль бросилась вверхъ по лѣстницѣ, въ то время какъ привратникъ пошелъ за фіакромъ. Онъ до смерти боялся, что скандалъ разразится въ охраняемомъ имъ домѣ. Ужь если кровопролитія не миновать, такъ пусть всѣ дѣйствующія лица убираются изъ дома по добру, по здорову... Вотъ вслѣдствіе какихъ соображеній онъ счелъ за лучшее повиноваться Камиле, какъ будто она была сама домовладѣлица, — мѣрило почести въ глазахъ парижскихъ привратниковъ.

Когда смѣлая дѣвушка дошла до знакомой двери, минутная слабость овладѣла ею. Сколько разъ эта дверь гостеприимно отворялась передъ нею! Поруганная любовь ея воз-

мутилась передъ предстоящимъ самоотверженіемъ... Увы! Не одного Жака спасетъ она... Образъ соперницы съ ужасающей ясностью предсталъ передъ нею, словно дразнилъ ее своимъ надменнымъ видомъ и презрительнымъ взглядомъ безпощадныхъ глазъ... А мечь такъ близка, возможна, внезапна и такъ безлична!.. Стоить только предоставить событія ихъ естественному ходу.

Когда, въ послѣдствіи, бѣдняжка подробно рассказывала мнѣ всѣ происшествія этого дня,—она не старалась выказывать себя лучше, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ... Она созналась мнѣ, что искушеніе было такъ сильно, что она принуждена была дѣйствовать порывисто, быстро, чтобы отрѣзать себѣ путь къ отступленію. И вотъ принялась она неистово звонить въ парадную дверь; она мысленно представляла себѣ, какъ *ты* будешь удивлены; затѣмъ разсмѣются, вообразивъ, что кто нибудь ошибся дверью, наконецъ не на шутку встревожатся, переглянутся. Жакъ успокоиваетъ ее и встаетъ... Боже, какъ хочется Камили крикнуть ему: «скорѣй, скорѣй!» И, бросивъ звонокъ, она начала стучать кулакомъ въ дверь. Прислушалась. Ей показалось,—до того чувства ея были напряжены,—что за дверями послышался легкій трескъ паркета подъ осторожными ногами; но дверь осталась запертой. Тогда Камиль прижала губы къ щели и заговорила:

— Это я, Жакъ... я, Камиль. Отопрись... Умоляю тебя. Дѣло идетъ о твоей жизни... Отопрись... Пьеръ Бониветъ на улицѣ, противъ дома.

Молчаніе. Она снова прислушалась, подумала: не послышался ли ей шумъ шаговъ. Потомъ опять принялась звонить, постепенно приходя въ отчаяніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, боясь возбудить вниманіе какого нибудь сосѣда.

— Жакъ, Жакъ! — твердила она: — отопри дверь. Пьеръ Бониветъ подстерегаетъ тебя внизу.

Все нѣтъ отвѣта. Новая мысль пришла ей въ голову; она поспѣшно сбѣжала по лѣстницѣ, къ привратнику, навывшему уже фіакръ и съ наивнымъ эгоизмомъ ворчавшему вслухъ:

— Вотъ что значитъ быть слишкомъ добрымъ. Случится бѣда — я останусь въ отвѣтѣ... меня прогоняютъ... Гдѣ искать новаго мѣста? Къ кому обратиться?..

— Дайте мнѣ лоскутъ бумаги и карандашъ, — попросила Камиль, — да взгляните: тутъ ли шпионъ...

— Все тутъ, куда ему дѣваться? — ворчалъ привратникъ и, видя, что Камиль, написавъ нѣсколько словъ, сложила старательно записочку, прибавилъ: — понимаю! Вы хотите подсунуть записку подъ дверь... Ну, этимъ не выкуришь барыню изъ квартиры! Не лучше ли мнѣ пойти схватиться со шпиономъ? Выругать его всякими словами? Онъ не стерпитъ, отвѣтитъ тѣмъ же, — насъ поведутъ въ полицію, а тѣмъ временемъ птичка-то и выпорхнетъ... Скандаль-то и минуетъ насъ.

— Способъ тоже недурной, — сказала Камиль и невольно улыбнулась при мысли о руготнѣ на улицѣ грубаго привратника съ Пьеромъ Бониветомъ: — но мой способъ лучше и скандала тоже не будетъ.

Она опять взбѣжала по лѣстницѣ и, по прежнему учащенно позвонивъ въ квартиру, подсунула записку подъ дверь. Въ запискѣ стояло: «Жакъ, я хочу спасти тебя. Вѣрь мнѣ, любовь моя выше твоей измѣны. Хочу спасти тебя. Пойми, Б***. внизу, въ каретѣ, караулить васъ! Отвори дверь... посмотри въ окно, и убѣдись, что карета стоитъ на углу, противъ биржи. Клянусь, я васъ спасу»!..

Записку эту я взялъ у Жака и сохраняю ее, какъ документъ, свидѣтельствующій о самоотверженной нѣжности бѣдной актрисы. Не могу перечитывать ее безъ слезъ. Камиль рѣшила, что надо же когда нибудь Жаку выйти изъ квартиры; онъ и замѣтитъ бумажку, отворяя дверь; а она, Камиль, прижмется въ уголокъ на лѣстницѣ и станетъ ждать его. Съ какимъ замираніемъ сердца замѣтила она почти немедленное исчезновеніе своей записочки! Даже услышала шелестъ бумаги, затѣмъ стукъ отворяемаго окна. Жакъ хотѣлъ самъ убѣдиться въ правдивости сообщенія, неполнѣ довѣряя честности обманутой любовницы. Хотя Камиль и сама указала ему на этотъ способъ провѣрить ея слова, однако, недовѣріе Жака больно укололо ея сердце. Но ей некогда было долго думать объ этомъ униженіи: дверь наконецъ отворилась, и Камиль вошла въ переднюю, возбужденная смѣсью разнообразныхъ чувствъ — экзальтаціей жертвы, презрѣнія, близкаго къ ненависти; передъ ней стоялъ Жакъ съ потеряннымъ взоромъ, оправляя дрожащей рукой свой костюмъ, надѣтый кое-какъ.

— Ну, — началъ онъ шопотомъ, — что случилось? Помни, если ты врешь и ворвалась сюда, чтобы устроить мнѣ скандалъ...

— Молчи, несчастный! — громко и отчетливо произнесла она: — еслибъ таково было мое намѣреніе, то я устроила бы тебѣ скандалъ въ прошлый разъ, во вторникъ, въ три часа, когда вы съ ней были тутъ... Да, я сидѣла вонъ тамъ, въ столовой, и все слышала... Понялъ?.. Все? И не вышла... выпустила васъ... Но дѣло не въ томъ. Мужъ этой женщины ждетъ васъ въ каретѣ... Ты вѣдь смотрѣлъ въ окно, видѣлъ фіакръ? Я не хочу, чтобы онъ убилъ тебя, не смотря на твою измѣну... Вотъ зачѣмъ я вошла сюда.

Моланъ съ недоумѣніемъ оглядывалъ странную дѣвушку. Не смотря на подозрительность, — слѣдствіе его лжи и обмановъ, — онъ почувствовалъ правду въ словахъ Камилы. Первое движеніе его было храброе. Онъ — эгоистъ, лицемеръ, комедіантъ, но безусловно не трусъ. Бывали у него поединки изъ-за грязныхъ статей, направленныхъ завистниками противъ его чести. Въ данную минуту — почему знать? — быть можетъ, онъ подумалъ о драматизмѣ положенія, которое, конечно, проникнетъ въ газеты... Надо же выказать себя героемъ и заслужить одобреніе публики... Позже онъ сказалъ мнѣ такую фразу: «Эхъ, жаль, что дуэль сорвалась! Какая бы громкая реклама была для меня!» — Но я не берусь утверждать, что онъ, говоря это, не позировалъ по усвоенной привычкѣ. Какъ разобрать искренность у подобныхъ людей? Они старательно скрываютъ рѣдкіе порывы страстей, которымъ случайно лишь поддались. Такъ или иначе, но убѣдившись, что Камилъ говоритъ правду, Жакъ выпрямился, поправилъ свой туалетъ и снялъ съ вѣшалки шляпу.

— Я вамъ вѣрю. Благодарю васъ! — громко сказалъ онъ. — Теперь я знаю, что мнѣ остается дѣлать.

— Ты хочешь выйти? — испуганно воскликнула Камилъ, продолжая говорить ему «ты», не смотря на его официальный тонъ, указывавшій, что м-ше Бониветъ слышитъ ихъ: — ты самъ рвешься на кровавую развязку? Развѣ это спасетъ *васъ*, что ты побѣжишь спрашивать отчета у ея мужа... въ чемъ?.. По какому праву онъ сидитъ въ фіакрѣ? Но вѣдь этимъ ты погубишь твою любовницу. А этого ты не долженъ дѣлать. Бо-

ниветъ, вѣрно, слѣдилъ за тобой... Видѣлъ, что вошла сюда женщина. Требуется, чтобы ты вышелъ изъ дому съ женщиной, чтобы вы сѣли съ ней въ фіакръ... Онъ бросится слѣдомъ... Этимъ временемъ свободы воспользуется она, и улизнетъ изъ дому... А ты сейчасъ выдешь со мной. Извожикъ готовъ и стоитъ у подъѣзда. Мы сядемъ... Молчи, не спорь. Я все обдумала... Бониветъ увидитъ и поѣдетъ за нами. Онъ вообразить, что ты съ ней, а вмѣсто нея окажусь я, — ты будешь спасень!

Она, точно въ забытѣ, на минуту сжала Молана въ своихъ объятіяхъ; но вдругъ, опомнившись, рѣзко оттолкнула его и сказала:

— Мы, приблизительно, одного роста съ нею. Поди, спроси ея верхнюю одежду. Она надѣнетъ мою ротонду и уйдетъ отсюда нѣсколько минутъ спустя, убѣдившись, что мужъ ея уѣхалъ вслѣдъ за нами... Ступай, простись съ ней.. только бы она не вздумала благодарить меня. Если я увижу ее, то не знаю, смогу ли...—Камиль сняла ротонду, Жакъ безмолвно взял ее. Иная жертва женщины такъ великолѣпна въ своей простотѣ, что мужчина ошеломленъ, уничтоженъ. Ему остается принять жертву и стыдиться. Впрочемъ, колебанію не было мѣста: дѣйствительность стояла за плечами, грозная, неумолимая. Моланъ вошелъ въ гостинную, а Камиль осталась въ передней, безсильно прислонившись къ стѣнѣ. «У меня словно ножъ былъ въ сердцѣ!»—говорила она мнѣ потомъ,—«и вмѣстѣ съ тѣмъ я испытывала сладкое чувство блаженства, сознавая, что раздавлю соперницу своимъ поступкомъ. А его... ужась!..—его я снова любила. Никогда, можетъ быть, такъ сильно не любила, какъ въ эту минуту. Я поняла восторгъ мученической смерти за спасеніе любимаго человѣка!... И ко всему этому примѣшивалась дикая, безумная ненависть къ мерзкой женщинѣ, — потребность сейчасъ бѣжать въ спальню, разорвать на ней бѣлье, бить ее, царапать ногтями. Господи! Что я пережила!»..

Пока совершалась изумительная жертва въ банальной обстановкѣ нежилой квартиры, на дворѣ совсѣмъ смерклось. Отдаленный гулъ улицы смутно долеталъ до передней, гдѣ стояла актриса; изъ сосѣдней комнаты явственно слышенъ былъ шопотъ двухъ голосовъ: то сговаривались и разсуждали двое

сообщниковъ, которые спасались, благодаря великодушію Камилли. Наконецъ, дверь изъ комнаты открылась, показался опять Жакъ, со шляпой на головѣ, съ поднятымъ мѣховымъ воротникомъ пальто. Онъ держалъ въ рукѣ барашковую кофточку m-me Бониветъ, въ которую Камилль, не безъ отвращенія, облеклась. Въ бюстѣ она оказалась ей немного широкой. «Формы ея роскошнѣе моихъ, не смотря на кажущуюся худобу!»—говорила мнѣ потомъ Камилль, подаваясь чисто женской слабости къ мелочамъ, даже въ критическіе моменты жизни, и съ сожалѣніемъ вздыхала.

— Идите!—сказалъ Жакъ, когда переодѣванье окончилось. Послѣдняя искра недовѣрія блеснула въ его глазахъ и погасла.

Пока онъ приказывалъ привратнику привести другаго извозчика, какъ только они уѣдутъ, Камилль старательно укутала лицо двойнымъ вуалемъ и, влѣзая въ карету, нарочно прикрывала еще его муфтой, которую показала Жаку, когда онъ усѣлся рядомъ.

— Муфта моя плюшевая,—пошутила она, рассчитывая, что хладнокровіе ея успокоительно подѣйствуетъ на его нервы,— не очень-то подходитъ къ дорогой жакетѣ! Но будетъ далеко и темень; онъ не замѣтитъ. Посмотри черезъ заднее окошечко, ѣдетъ за нами его фіакръ?

— Ёдетъ,—отвѣчалъ Жакъ.

— Ты спасенъ!—сказала она, пожала ему руку съ горькой страстностью и залилась слезами. Рыданіями облегчала она свои измученные нервы, до послѣдней степени натянутые совершившимися событіями. А Жакъ не находилъ нужныхъ словъ, чтобы выразить свою благодарность и, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, поступилъ такъ, какъ бывало послѣ споровъ и столкновеній,—хотѣлъ обнять ее за талію и привлечь къ себѣ для поцѣлуя. Движеніе это разомъ отрезвило ее и вернуло къ бѣшеной ревности; она оттолкнула его съ ненавистью:

— Никогда! Ни за-что!

— Бѣдная моя Мика... — началъ онъ, называя ее нѣжнымъ уменьшительнымъ именемъ, изобрѣтеннымъ въ дни счастья.

— Не смѣйте звать меня такъ! — запальчиво крикнула она:—та женщина умерла, вы ее убили...

— Нѣтъ, ты' меня любишь, — съ увѣренностью произнесъ Жакъ: — безумно любишь, если рѣшилась на такой подвигъ!

Она ничего не отвѣтила.

Повинуясь указаніямъ, фіакръ катился, по направленію С. Жерменскаго предмѣстья, къ бульвару Инвалидовъ. Доѣхавъ до улицы Бабилонъ, — сѣдоки все время молчали, — Камиль снова спросила:

— Ёдутъ за нами?

Жакъ отвѣтилъ:

— Ёдутъ.

Въ упорномъ преслѣдованіи оскорбленнаго мужа такъ ясно сказывалось твердое намѣреніе отомстить, сокрушить, — что Жакъ и Камиль ощущали невольный страхъ; такое ощущеніе было у нея, когда она узнала Пьера Бонивета, поджидающаго на углу улицы; у Жака—когда неистовый звонъ у парадной двери вырвалъ его изъ объятій возлюбленной. Повѣритъ ли Пьеръ ихъ хитрости? Почему онъ не настигаетъ ихъ? Или несовсѣмъ увѣренъ? Или предпочитаетъ, чтобы они остановились, и тогда желаетъ накрыть ихъ, потребовать объясненій у Жака?

У церкви Сень-Франсуа-Ксавье, Камиль постучала кулакомъ въ окно кучеру.

— Вотъ гдѣ удобно будетъ остановиться, — сказала она. — Вы увидите, что и та карета остановится и выдетъ изъ нея Бониветь... Бросится къ намъ. Будьте хладнокровны. Я выду первая. Если онъ спроситъ васъ: почему мы такъ скрываемся?—скажите про маму...

Произошла сцена, до того быстрая, что дѣйствующія лица позже спрашивали себя, не во снѣ ли они все это видѣли и чтó ощущали: впечатлѣніе трагизма или комизма?.. Въ жизни все такъ—отъ смѣшнаго до великаго одинъ шагъ.

Въ ту минуту какъ Камиль выскочила на тротуаръ около церковной паперти, передъ нею выросъ Пьеръ Бониветь, схватилъ ее въ изступленіи за руку и тотчасъ же узналъ.

— Mademoiselle Фавье!!—произнесъ онъ въ полномъ изумленіи и, опѣшивъ, разинулъ ротъ.. Камиль, притворяясь перепуганной, прижалась къ Молану, успѣвшему въ свою очередь выйти изъ экипажа, и также, съ напускнымъ недоумѣніемъ

вглядывавшемуся въ мужчину, который имѣлъ дерзость схватить его даму за руку.

— Ба, да это вы, monsieur де-Бониветь? — воскликнулъ онъ довольно натурально, хотя голосъ его слегка дрожалъ.

— Боже мой... Mademoiselle...—забормоталъ мужъ королевы Анны, послѣ минутнаго молчанія, показавшагося двумъ остальнымъ вѣчностью:—простите, ради бога! Вы могли признать меня за полоумнаго... Мнѣ показалось... я принялъ васъ за другую даму...—Онъ перевелъ духъ и въ его тонѣ задрожала внезапная, безмѣрная радость: — ревнивецъ удостовѣрился, что подозрѣнія его невѣрны!—Да, представьте, я принялъ васъ за подругу одного изъ моихъ пріятелей... А Молана—за того самаго пріятеля... Извините, прошу васъ. Съ ней я хотѣлъ пошутить, напугать ее... Но съ вами,—особой, которую я уважаю, — шутка была бы неумѣстна, непозволительна... непростительна!

— И отъ души прощена,—безпечно засмѣялась Камиль и прибавила съ такимъ присутвіемъ духа и находчивостью, точно будто играла роль въ какой нибудь комедіи, а не стояла лицомъ къ лицу съ настоящей опасностью: — Я живу тутъ, по близости... Попросила дорогаго учителя проводить меня послѣ репетиціи и мучилась мыслью, что онъ принужденъ будетъ идти домой пѣшкомъ... Теперь все само собой устроилось: извозчика я оставлю себѣ, а васъ попрошу довести monsieur Молана до его жилища. Вотъ какой удачный случай! Сама же я зайду на минутку въ церковь... Васъ это не удивляетъ, monsieur де-Бониветь? Хотя я и лицедейка, но осталась въ душѣ вѣрующей мѣщаночкой. До свиданія, господа!

Она граціозно нагнула головку, подарила обоимъ мужчинъ обворожительнымъ взглядомъ и вспорхнула на паперть.

— Тайна! Ради старухи-матери, которая умерла бы съ горя...

— Понимаю, понимаю. Шалунъ вы отчаянный!..—подхватилъ Бониветь, радостно смѣясь. На душѣ у него было, вѣроятно, такъ хорошо послѣ свалившейся страшной тяжести. Онъ съ восторгомъ поцѣловалъ бы любовника своей жены, — котораго цѣлый день замышлялъ убить,—игриво толкнулъ его

въ свою карету, всю загрязненную брызгами колесъ отъ неистовой погони по Парижу, и развязно продолжалъ:—Куда васъ прикажете подкинуть?.. Знаете, ваша m-lle Фавье прелестна, какія благородныя манеры! Какъ мило и находчиво объяснила она свою прогулку съ вами... Ничего не спрашиваю у васъ, не беспокойтесь. Сказано: тайна! Еще разъ извинюсь передъ ней, когда она явится къ намъ на вечеръ декламировать... Да и вы за меня извинитесь. Сходство! Надо же вѣдь, право... какъ нарочно. Сумерки, такъ легко ошибиться...

X.

Волненія, испытанныя актрисой во время драматическихъ событій этого дня, которыя она счумѣла направить къ водевильной развязкѣ, были такъ сильны, что, войдя въ церковь, она была близка къ обмороку. Давъ время мужчинамъ отѣхать, она съ трудомъ спустилась съ паперти и велѣла кучеру везти себя въ улицу Барульеръ. Дома она принуждена была лечь въ постель: ее била нервная лихорадка.

Вслѣдствіе этого, не отъ нея первой услышалъ я подробный отчетъ о знаменательныхъ происшествіяхъ дня, въ которыхъ Камиль играла такую великодушную, симпатичную роль. Благородное сердце билось въ ея груди; нѣжныя, ясныя глаза дѣйствительно служили зеркаломъ души; въ хрупкой оболочкѣ ея помѣщались возвышенныя чувства. Впрочемъ, еслибы она и не слегла въ постель, сомнѣваюсь, чтобы она пришла на другой же день ко мнѣ, съ цѣлю сообщить все происшедшее, точно похвастаться своимъ подвигомъ. Люди, способные поступать такъ, какъ она поступила, не кичатся этимъ. Моланъ первый рассказалъ мнѣ невѣроятныя событія этого дня,—то есть тѣ, которыя произошли на его глазахъ; впоследствии Камиль дополнила ихъ сама. Хитрый Жакъ имѣлъ двѣ причины посвятить меня въ подробности этой исторіи, въ которой онъ, благодаря современной морали, игралъ интересную роль мужчины, обожаемаго—до паденія съ нимъ одной изъ самыхъ модныхъ свѣтскихъ красавицъ и до принесенія на его алтарь такой неслыханной жертвы самой хорошенькой актрисой Парижа. Первая причина—вѣчное его тщеславіе, вторая—разсчетъ. Онъ боялся, что «голубая герцогиня» не согласится

на вторую жертву, такъ сказать, вытекавшую изъ первой: надо было заставить ее декламировать на вечерѣ у соперницы. Онъ разсуждалъ логично: подозрѣнія мужа были очень серьезны, если онъ рѣшился провѣрить ихъ шпионствомъ, — доказательства ихъ ошибочности должны быть вѣскія.

— Пока Бониветъ не увидитъ обѣихъ женщинъ вмѣстѣ, — сказалъ Жакъ въ заключеніе, — подозрѣнія эти грозятъ воскреснуть отъ самой пустой причины. Это, какъ апоплексическій ударъ: отъ перваго можно оправиться, отъ втораго — нѣтъ средствъ...

Теоретически онъ былъ правъ, что и говорить. Но въ то время, какъ онъ мнѣ доказывалъ необходимость свести двухъ соперницъ ради вящаго доказательства невинности королевы Анны и его самого, — я не могъ прійти въ себя отъ подробностей выслушаннаго разсказа. «Несчастныя!» — воскликнулъ я, представляя себѣ положеніе обѣихъ женщинъ: одну въ передней, другую — перепуганную звонками и грозной бѣдой. Со стороны Жака, разумѣется, было ужасной не деликатностью посвятить меня въ эту исторію; ему пришлось начать со слѣдующей фразы: «Прежде всего я долженъ тебѣ сказать, что madame Бониветъ не устояла противъ желанія принадлежать мнѣ»... Но мнѣ ли было изумляться его цинизму? Когда онъ кончилъ разсказъ, я съ искреннимъ негодованіемъ сказалъ:

— И тебѣ хочется, чтобы послѣ всего, что произошло, Камиль приняла участіе на вечерѣ у этой барыни?

— Такъ надо! — возразилъ онъ настойчиво: — я на тебя разсчитываю, чтобы уговорить ее.

— На меня? Да ты окончательно съ ума спятилъ!

— Ничуть. Дѣло такъ просто. Слушая тебя, Камиль только и будетъ думать объ опасности, которая виситъ надо мной и, конечно, согласится. Тогда какъ при видѣ меня, — еслибы я самъ пошелъ просить ее, — она непременно вспомнитъ объ измѣнѣ и отвѣтитъ мнѣ отказомъ. Все это азбука ревности, другъ любезный.

— А если она и мнѣ откажетъ? Ты, повидимому, воображаешь, что она нисколько на тебя не сердится...

— Безъ сомнѣнія, нисколько! — побѣдоносная улыбка зазѣбилась на его красивыхъ губахъ: — повѣрь, что я знаю чело-вѣческое сердце. На томъ стоимъ!.. Напротивъ: никогда еще

она меня такъ сильно не любила, потому что я никогда не заставлялъ ее такъ сильно страдать...

— А если она не расскажетъ мнѣ всѣхъ этихъ происшествій,—какъ же начну я разговоръ?

— Расскажетъ. Въ противномъ случаѣ, самъ начни. Принайся ей, что я, въ порывѣ восторга и раскаянія, посвятилъ тебя во все. Это не ложь; вчера въ фіакрѣ, посматривая уголкомъ глазъ на Камиль, экзальтированную, готовую умереть за меня,—я дорого далъ бы, чтобы платить ей такой же любовью. И—объясняй, какъ хочешь,—я думалъ только о другой... Былъ я сегодня у нея, у моей королевы... Какая женщина, другъ мой! Какъ опасность вдохновляетъ ее: просто героиня! Я засталъ ее съ мужемъ послѣ завтрака; Пьеръ дружески поболталъ съ нами, а затѣмъ вышелъ, — доказательство, что недоувѣріе его немножко усыплено. Притворяться этотъ колоссъ не умѣетъ. За послѣднее время онъ еле подавалъ мнѣ руку. На этотъ разъ мы не злоупотребляли его снисхожденіемъ и, побывъ вдвоемъ минутъ двадцать, разстались. Предосторожность была не лишняя,—на лѣстницѣ я съ нимъ встрѣтился; онъ возвращался, чтобы убѣдиться, долго ли я просижу у его жены. Анна успѣла сообщить мнѣ кое-что самое нужное. Ты вотъ восхищаешься смѣлостью Камилы? Но что это въ сравненіи съ геройскимъ самообладаніемъ мадамъ Бониветъ! Прими въ соображеніе, что она, великосвѣтская дама, рисковала своимъ положеніемъ, ставила на карту самую жизнь, честь, будущность,—словомъ, все, что составляетъ суть, смыслъ ея существованія... Знаешь, куда она поѣхала первымъ дѣломъ, какъ только сѣла на извозчика? Къ мѣховщику, ни болѣе, ни менѣе, и купила барашковую жакетку, по возможности похожую на свою. Денегъ у нея съ собой не было, а адреса давать она не хотѣла. Пришла ей мысль обратиться къ своему ювелиру... Она заняла у него нужную сумму, подъ тѣмъ предлогомъ, что забыла кошелекъ, вернулась къ мѣховщику, заплатила за жакетку и пѣшкомъ прошла до Луврскаго магазина, гдѣ велѣла фіакру ждать себя. Даже извозчику неизвѣстенъ ея визитъ къ мѣховщику, такъ какъ она сошла у подъѣзда однихъ знакомыхъ, а ему приказала ѣхать къ Лувру и ожидать ее тамъ. Предусмотрительность по истинѣ классическая, сознайся! Умѣетъ прятать концы въ воду. Къ себѣ она вернулась въ

жакеткѣ, какъ и уѣхала... Повѣришь ли, эти правдивыя подробности тронули меня до глубины души. Съ какимъ страхомъ, должно быть, бѣгала она отъ мѣховщика къ ювелиру и обратно! Затѣмъ оставалось только немножко солгать своей камеристкѣ,—что жакетеку, молъ,—такая досада!—перемѣнили у портнаго или у знакомыхъ... Неприятная ошибка и больше ничего. Но каждая ничтожная ложь послужить лишнимъ орудіемъ въ рукахъ мужа, если онъ вздумаетъ наводить справки... По счастью, Пьеръ не унижается до спрашиванья прислуги. Эта щепетильность и спасла насъ на этотъ разъ. Онъ послалъ, вѣрно, выслѣдить меня, а не жену; а я, какъ нарочно, имѣлъ неосторожность войти вмѣстѣ съ ней въ домъ, на Новой улицѣ... И такъ удачно выкрутиться! Нѣтъ, знаешь, мое постоянное счастье начинаетъ мени пугать,—прибавилъ серьезно Жакъ Моланъ и, помолчавъ съ минуту, продолжалъ:—Однако, вчерашняя исторія несовсѣмъ успокоила ревность Бониветъ. Недаромъ онъ вернулся черезъ двадцать минутъ, пока я сидѣлъ съ ней. Если Камиль откажется отъ вечера, ревность воскреснетъ съ новой силой...

— Но въ виду его подозрительности и того обстоятельства, что адресъ твоей квартиры ему извѣстенъ, вамъ не особенно легко будетъ устраивать свиданія на будущее время...

— Вотъ въ силу этой-то опасности, королева Анна и не пропуститъ ни одного свиданія!—съ самоувѣреннымъ смѣхомъ сказалъ Жакъ:—она любопытна, вѣчно скучаетъ; банальная интрига со мной доставила ей, наконецъ, возможность дрожать отъ страха. Она принадлежитъ къ школѣ божественнаго маркиза... Впрочемъ, для тебя, незабудочки, это темныя дѣла, невѣдомый языкъ. Оставимъ... Что касается до адреса моего «любовнаго гнѣздышка», — то это ничего не значить. Бониветъ видѣлъ, что я имѣлъ тамъ свиданіе съ Камилъ. Никогда ему и въ голову не придетъ, что я приглашу туда же другую...

— Значить, ты не боишься?

— Боюсь. Вѣрнѣе, боялся вчера, когда звонили въ набать у дверей и стучали кулаками... Какъ тутъ не испугаться? Но—повторяю тебѣ—неизмѣнное счастье начинаетъ не на шутку меня тревожить. Глупо вѣрить въ дурной глазъ, а ничего не подѣлаешь...

— Одно несомнѣнно, — сказалъ я, — что Камиль — единственная въ Парижѣ женщина, способная на такое самоотверженіе. Еслибы у тебя было сердце, ты бы всю остальную жизнь провела у ея ногъ, чтобы вымолить прощеніе за твою гадость.

— Незабудочка! Невинная забудочка! — съ пафосомъ воскликнулъ онъ: — неужели ты и въ самомъ дѣлѣ не понимаешь, что она обожаетъ меня, потому что чувствуетъ, что я ее не люблю? И — какъ тебѣ сказать? — это не отъ меня зависитъ: тянетъ меня къ *той*, а не къ *этой*. Не блестящее объясненіе причины любви, сознаюсь... Твой пріятель Дорсенъ, — который съ такимъ остервененіемъ копается въ душѣ своихъ героевъ, доказывая: почему, зачѣмъ, отчего, для чего, на что? — не удовольствовался бы моимъ объясненіемъ. Но я не психологъ, не аналитикъ, — а говорю тебѣ то, что есть.

— А! Онъ все вамъ рассказалъ? — иронически воскликнула Камиль, когда мы увидались съ нею на слѣдующій день. Я запиской предупредилъ ее о моемъ визитѣ и засталъ въ знакомой уже мнѣ гостинной. Дѣвушка была блѣдна, имѣла измученный видъ и, среди нагроможденной мебели въ сѣрыхъ чехлахъ, навела на мысль о скоромъ отъѣздѣ. — Похвастался также деликатностью своей мерзавки? Какъ же! Она вздумала отблагодарить меня. Вотъ полюбуйтесь...

Камиль показала мнѣ кожаный футляръ, съ буквами «К. Ф.», — который уже минутъ пять нервно вертѣла въ рукахъ. Я открылъ его и увидалъ массивный золотой браслетъ съ брилліантами, блестящими на темномъ бархатѣ. Работа ювелира не имѣла тутъ цѣны; въ глаза била стоимость солидной вещи, равнявшейся чеку или свертку лудировъ. Посмотрѣлъ я на подарокъ, затѣмъ на Камиль. Въ моемъ взглядѣ, вѣроятно, отразилось негодование за грубость такого вознагражденія, — точно служанкѣ!

— Да, — продолжала съ горечью актриса, — да, да... Подарокъ этотъ я получила въ тотъ же вечеръ, вмѣстѣ съ моей рогондой... Медаль за спасеніе! Ха, ха, ха!.. О, я сумѣю научить ее деликатности, эту развратную куклу.

— Достаточно будетъ, если вы отошлете ей подарокъ назадъ, черезъ Молана, — посовѣтовалъ я. — Всякая сцена будетъ

неумѣстна и недостойна васъ. Вы играете прекрасную роль въ этой исторіи, такъ не портите ея.

— Нѣтъ,—гордо возразила она,—никакой сцены между нами быть не можетъ. Я не допущу этого. Я отправлюсь къ ювелиру, продамъ браслетъ и вырученную сумму пожертвую для приходскихъ бѣдняковъ. Вслѣдъ затѣмъ мадамѣ Бониветъ получить свою жакетку, съ приложеніемъ: квитанціи ювелира и расписки приходскаго священника, гласящей: «Получено для бѣдныхъ (столько-то) отъ госпожи Бониветъ». Грязная исторія будетъ такимъ образомъ хоть кому нибудь полезна—одинъ бѣднакъ купить дровъ, другой—хлѣба...

— А если мужъ увидитъ посылнаго?..

— Ну, ужъ пусть вывертывается, какъ знаетъ! — проговорила Камиль съ жестокой ноткой въ голосѣ, и голубые глаза ея потемнѣли:—неужели вы думаете, что я пальцемъ пошевелила бы ради нея третьяго дня? По неволѣ пришлось ее спасти, чтобы не погибъ Жакъ... Ахъ, этотъ Жакъ! Онъ даже не зашелъ спросить сегодня о моемъ здоровьѣ. Зналъ же, что я не могла играть два вечера подъ рядъ... что отъ волненія я дѣлаюсь больна. Все это ему извѣстно!..

Она помолчала и, вдругъ взявъ мою руку, задумчиво прибавила:

— Винцентъ, другъ мой, не любите никогда! Глупо жить сердцемъ въ этомъ жестокомъ свѣтѣ... Ни записочки, ни карточки, хоть изъ приличія, относительно заболѣвшей знакомой!..

— Вы несправедливы, дорогая Камиль,—сказалъ я:—онъ просто боится встрѣтиться съ вами. Это вполне естественно. Онъ сознаётъ свою вину и просилъ меня узнать о вашемъ здоровьѣ...

— Нѣтъ... о, нѣтъ!—она печально покачала головой:—онъ и къ вамъ приходилъ, потому что, должно быть, ему нужно что нибудь отъ васъ... Говорите прямо, что?.. Я давно вамъ сказала: вы не умѣете лгать и притворяться... Господи! Какое бы это было счастье полюбить васъ, не только какъ друга, а иначе!.. Ну, признавайтесь же: Жакъ далъ вамъ порученіе?..

— Да!—отвѣтилъ я, послѣ минутнаго колебанія. Какое прямодушное, благородное созданіе эта дѣвушка! Лукавить

съ ней просто грѣхъ, стыдъ. Я ей прямо передалъ желаніе Жака. Мнѣ было ужасно жаль ея: требованіе Молана жестоко, хоть и логично. Слезы текли изъ голубыхъ глазъ бѣдной актрисы.

— Итакъ,—сказала она съ безнадежной улыбкой, выразившей столько любви вмѣстѣ съ презрѣніемъ: — вотъ объ чемъ онъ думаетъ. Еще спасать эту женщину! Онъ находитъ, что я недостаточно принесла себя въ жертву... Впрочемъ, это логично. Разъ дѣлаютъ то, чтѣ я сдѣлала, надо идти до конца... Буду на вечерѣ!..

Гнѣвная складка легла между ея бровями, глаза омрачились, губы рѣшительно сжежились.

— Хорошо, Винцентъ, я буду... Вы исполнили порученіе. Благодарю васъ. Не легко вамъ было выговорить его желаніе. Но вы должны быть со мной откровенны. Обѣщайте мнѣ также въ точности передать господину Молану мой отвѣтъ: я буду декламировать на вечерѣ у м-ше Бониветъ, какъ было условлено раньше,—да, буду; и никто не распознаетъ того, чтѣ я чувствую. Но съ однимъ условіемъ... — не забудьте!—и если онъ не исполнитъ моего условія, то пусть бережется, такъ и скажите. Я запрещаю ему отнынѣ писать мнѣ, говорить со мной... На вечерѣ онъ мнѣ поклонится, чтобы не возбудить ничьего подозрѣнія... Это будетъ въ послѣдній разъ. Я его больше не знаю. Своимъ послѣднимъ требованіемъ онъ убилъ себя въ моихъ глазахъ... Можетъ быть, я и умру съ горя... но съ нимъ все кончено!

Она говорила глухимъ голосомъ и при послѣднихъ словахъ сдѣлала жестъ, какъ бы разрывая невидимый контрактъ. Вѣки ея опустились, черты лица исказились, какъ отъ непосильнаго физическаго страданія... Но это продолжалось съ минутой; затѣмъ она принудила себя привѣтливо улыбнуться, встала и сказала съ нѣжной мольбой:

— А теперь оставьте меня, другъ мой. Не приходите, пока я не позову. Потомъ, со временемъ, кончимъ портретъ. Я васъ очень люблю... уважаю... Искренно, дружески люблю... Но...—голосъ ея прервался:—но я должна забыть, чтобы попробовать жить, не смотря ни на что...

Бѣлокурая головка ея гордо встряхнулась, худенькія плечики смѣло вздернулись къверху и артистка заключила уже гораздо бодрѣе:

— Очень жалѣть меня не стоитъ. Искусство не измѣнило мнѣ...

Я зналъ, что Камилъ Фавье никогда не солжетъ и что ей можно вѣрить, когда она общается что нибудь съ такой серьезностью, почти торжественностью. Какъ всѣ люди, придающіе большое значеніемъ своимъ чувствамъ, она щепетильно исполняла словесные договоры, считая ихъ священными. Понимая все это, я твердо настаивалъ на томъ, чтобы Жакъ безусловно принялъ ея приказаніе и самъ въ точности исполнилъ ея желаніе: не ходилъ къ ней и не подавалъ признаковъ жизни. Иныя нравственныя болѣзни, подобно физическимъ недугамъ, требуютъ вокругъ себя темноты, тишины, спокойствія, отсутствія жизни.

Однако, не смотря на мою вѣру въ Камилъ, я съ несомнѣннымъ спокойнымъ духомъ отправился, нѣсколько дней спустя, на литературный вечеръ къ madame Бониветъ. Я зналъ, что «голубая герцогиня» настолько уже оправилась, что могла играть на сценѣ въ театрѣ. Разъ я даже рискнулъ изъ закрытой ложи бенуара посмотрѣть на ея игру; съ истиннымъ облегченіемъ убѣдился я, что артистка играла, какъ и до катастрофы. Я заключилъ изъ этого, что она вся предалась своему искусству, какъ она мнѣ говорила, поглощена сценой,— мечтой ея юности,—и надѣялся, что эта привязанность излѣчитъ ее отъ другой, истерзавшей ея бѣдное сердце.

Но, пока мы съ Жакомъ ѣхали въ наемной каретѣ изъ клуба,—гдѣ вмѣстѣ пообѣдали,— въ отель Бониветъ, довѣріе мое къ благоразумію Камилы смѣнялось какимъ-то тревожнымъ предчувствіемъ. Товарищъ мой, со свойственнымъ ему оптимизмомъ и апломбомъ, повидимому, даже радовался предстоящему фальшивому положенію и чувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ.

— Интересно знать,—говорилъ онъ оживленно,—что она выбрала для угощенія свѣтской публики... Хотѣла съ Брессорѣ представить главную сцену изъ «Голубой герцогини», затѣмъ нѣсколько монологовъ и подражаній... Ты еще за ней не зналъ этого? Въ Камилы, какъ и во всѣхъ актерахъ, много обезьяньяго.

— Обезьяньяго? Только этого недоставало! Твоя свѣтская публика неподражаема. Схватить талантливаго артиста и не

успокоится, пока не унижить его дарованія до степени шутовства... Ей все игрушки. Попадется ей въ руки живописецъ, какъ Миро—на него сыплются заказы тошнотворныхъ, пошлыхъ портретовъ, годныхъ на бонбоньерки!.. Писатель—давай имъ слащавую поэзію, мелодрамы, жиденскую прозу. Музыкантъ—сочиняй немедленно романсъ для барышень! Отыщется актриса, съ талантомъ, съ огнемъ—гримасничай передъ ними, передразнивай другихъ. Фи! Глупцы... баранье стадо... Боже! И зачѣмъ мы ѣдемъ къ этимъ болванамъ?..

— Неужели было бы лучше слушать жалобы Ифигеніи или Эсѳири въ десяти шагахъ отъ буфета со страсбургскими пирогами, сэндвичами, оршадомъ, лимонадомъ и замороженнымъ шампанскимъ? Вѣдь это былъ бы вопіющій анахронизмъ. Ты такъ неподобенъ, честное слово! Еслибы тебѣ доступно было чувство изящной ироніи,—безъ которой жизнь такъ прѣсна,—то ты восхищался бы такимъ пикантнымъ стеченіемъ обстоятельствъ: моя хорошенькая «голубая герцогиня» спасла честь, а, можетъ быть, и жизнь моей божественной королевѣ Аннѣ; а теперь онѣ очутятся другъ передъ другомъ при официальной обстановкѣ, съ нѣкоторой перестановкой ампула;—одна въ роли свѣтской львицы, окруженной подданными, съ ореоломъ недосыгаемости на гордомъ челѣ, а другая—ломается на эстрадѣ для потѣхи ея скучающаго двора. А я между ними, какъ яблоко раздора. Прелесть! Для полноты впечатлѣнія, я страшно жалѣю, что не имѣлъ съ ними обѣими любовнаго свиданія въ одинъ и тотъ же день. Повѣришь ли, со времени всѣхъ этихъ драматическихъ исторій, я снова чувствую влеченіе къ Камили! И снова взялъ бы ее... Да не хочется испортить ея красивой роли... Я говорю о ея желаніи разорвать со мной. Чрезвычайно эффектный исходъ обрѣла она, надо правду сказать. Чтò ни говори, а съумѣть красиво разойтись съ любовникомъ не такъ легко, какъ кажется... Двѣ цѣли достигнуты: меня она освободила отъ надобвшихъ мнѣ узъ, а по себѣ оставила поэтическое воспоминаніе. Идеально закончила любовную интрижку!

— Ты бы хоть постыдился вслухъ выражать такія мысли!—перебилъ я, возмущенный его безсердечіемъ, хотя понималъ, что онъ нарочно преувеличиваетъ, чтобъ возмущать меня и вызвать на «наивное» негодованіе. Но самая идея шутить

такими вещами сердила меня и я продолжалъ:— Или у тебя и на самомъ дѣлѣ совсѣмъ нѣтъ сердца, а вмѣсто него пузырькъ съ чернилами? Такая безграничная любовь, рѣдкое самоотверженіе, столько страданія—внушаютъ тебѣ не желаніе плакать, а изрекать остроумные афоризмы!

— Не копайся въ чужой душѣ и никогда не суди о чувствахъ ближняго, — со внезапной серьезностью, составлявшей такой рѣзкій контрастъ съ его обычнымъ насмѣшливымъ тономъ, сказалъ онъ. Можетъ быть, въ самомъ потаенномъ уголкѣ сердца, — испорченнаго соціальнымъ тщеславіемъ, комерческими расчетами и литературной амбиціей, — хранилъ онъ крошечный запасъ нѣжныхъ чувствъ, слишкомъ незначительный, чтобы дойти до экзальтированной страсти, но все таки не лишенный нѣкоторой жизненности и чувствительности? Не дотронулся ли я до этого тайника его эгоистической природы? Или Жакъ принадлежитъ къ категоріи тѣхъ сложныхъ натуръ, которыя только и способны страдать отъ сознанія, что онѣ лишены дара сильно чувствовать и любить? Всѣ эти предположенія не лишены основанія и не исключаютъ одно другаго. Натура Жака Молана, дѣйствительно, очень сложная сама по себѣ, а затѣмъ трудно бываетъ опредѣлить, гдѣ у него кончается искренность и начинается поза?.. Такимъ образомъ, можно хоть отчасти объяснить подобную аномалію: почему талантливый писатель, обладающій несомнѣннымъ даромъ непогрѣшимо и изумительно вѣрно читать въ сердцѣ своихъ героевъ, выводитъ ихъ на бумагѣ или на сценѣ правдивыми, живыми, способными перечувствовать всю гамму людскихъ страстей съ малѣйшими оттѣнками, — почему онъ самъ оказывается черствѣйшимъ эгоистомъ и любить опозлито своими эпиграммами и насмѣшками самыя священныя чувства, не затрудняясь для краснаго словца отдать на посмѣшище самыя благородныя движенія человѣческой души? Почему его умъ нестерпимо развращенъ и до гадости материалистически направленъ? Чтобы выразать мысли и чувства на бумагѣ, — надо же списывать ихъ съ природы. Мой бѣдный Клодъ, въ жизни такой мечтатель и неудачникъ, увѣрялъ, что для писателя «натура—это онъ самъ, его сердце»!.. Но вотъ ужь, кажется, это невѣрно, непримѣнимо къ Жаку Молану!.. Никогда еще вопіющее разногласіе между произведеніями моего товарища и его лич-

ностью не поражаю меня съ такой вопіющею наглядностью какъ въ каретѣ, которая везла насъ въ отель Бониветъ, а мы разсуждали о Камили Фавье. Послѣ его странной фразы, произнесенной такимъ серьезнымъ тономъ, наступило молчаніе. Онъ первый прервалъ его, отвѣчая на свою мысль, которую внушили ему мои упреки.

— Признаться сказать, я не одобряю этого вечера. Излишнее осложненіе... Не знаю, что бродить въ головѣ Пьера, но онъ очень ласковъ съ женой и любезенъ со мною. Когда я былъ у нихъ, то засталъ ихъ за трогательнымъ занятіемъ: они общими силами выбирали парюру изъ цѣлой коллекціи присланныхъ ювелиромъ. Примѣрные супружескія нѣжности!.. Вообрази себѣ сцену: Анна надѣваетъ жемчужное ожерелье передъ зеркаломъ, а мужъ показываетъ мнѣ другое и спрашиваетъ... меня-то: — «Какое, по вашему мнѣнію, лучше»? Пикантность сцены, очевидно, нравилась королевѣ Аннѣ. Глаза ея блестяли, какъ два брилліанта... Какой цѣной купила она! доврчивое расположеніе мужа?

И Жакъ прибавилъ съ насмѣшливой горечью:

— Не знаю, убѣжденъ ли онъ въ искренности ея любви...

— Но отъ ея милости не отказывается! — подхватилъ я. — Скажи откровенно, Жакъ: послѣ этой сцены и правильно введеннаго тобой заключенія, неужели тебѣ не захотѣлось схватить шляпу и бѣжать безъ оглядки?

— О, забудочка! Удѣлъ твой — неисправимая невинность! По просту сказать, тебѣ недостаетъ развитія! — затянулъ Жакъ старую пѣсню: — узнай, простота моя, что нѣтъ выше наслажденія, — жестокаго, остраго наслажденія, — какъ обладать женщиной, которую презираешь и ненавидишь... Вотъ чѣмъ удержитъ меня королева Анна, быть можетъ, надолго, также какъ я держу ее возможностью ощущать смертельный страхъ... Мы ужь видѣлись съ ней въ моей квартиркѣ на Новой улицѣ, — послѣ всего, что произошло... Вѣришь или нѣтъ? Страхъ, ужасъ, презрѣніе, ненависть, — это тотъ же настой шпанскихъ мухъ!..

— Безуміе... безуміе! Вы съ ней искушаете судьбу.

— Пожалуй, что и такъ, — согласился онъ, пожимая плечами. — Но для того, чтобы писать, надо жить... Сюжетецъ вышелъ хорошенькій; я имъ воспользуюсь!..

Съ этой фразой мы и подъѣхали къ отелю Бониветъ. Длинный хвостъ экипажей медленно подвигался къ подъѣзду; много пустыхъ каретъ стояло уже на улицѣ. Приѣмъ гостей носилъ офиціальнй характеръ и отличался отъ того обѣда, на которомъ я присутствовалъ, гораздо большей торжественностью. Жакъ точно поклялся показаться мнѣ въ этотъ день во всемъ разнообразіи своего характера. Когда мы поднимались по роскошной лѣстницѣ, уставленной мраморными бюстами, экзотическими растеніями, устланной великолѣпными коврами, онъ нагнулся ко мнѣ и совершенно неожиданно выказалъ себя мелочнымъ, тщеславнымъ мальчишкой.

— Сознайся,—сказалъ онъ,—что моя любовница живетъ недурно!

И я убѣжденъ, что въ эту минуту Жакъ Моланъ чувствовалъ нѣкоторую гордость челоѵѣка, причастнаго къ такому великолѣпію. Нѣтъ сомнѣнія, что люстра, блестящая миллиономъ огней, освѣщала какой нибудь темный уголокъ его тщеславной души; что гордость побѣды щекотала его самолюбіе, и онъ мысленно говорилъ себѣ: «я—любovníкъ»! Я такъ хорошо изучилъ его, что навѣрно не клеветчу, а передаю точно его мысли и ощущенія. Это личное фатовство происходило у него отъ крайняго эгоизма, отъ колоссальнаго самомнѣнія; съ одной стороны — великій артистъ, съ другой — заносчивый школьникъ. Ахъ, еслибъ только этотъ смѣшной недостатокъ омрачалъ его внутреннее содержаніе! Съ какимъ снисхожденіемъ отнесся бы я къ его слабости!..

Отвѣтить ему было некогда. Въ обширной стеклянной галереѣ, въ концѣ которой возвышалась маленькая эстрада, мы разошлись съ нимъ въ разныя стороны. Электрическія лампы съ матовыми колпаками заливали бѣловатымъ свѣтомъ громадное помѣщеніе; съ полсотни женщинъ въ пышныхъ нарядахъ и большое количество мужчинъ сидѣли на разставленныхъ рядами стульяхъ; мужчины — всѣ во фракахъ, женщины съ обнаженными плечами сверкали драгоценными камнями и блестящими отливами роскошныхъ тканей. Вѣеры колыхались, лица оживлялись; черные, голубые, сѣрые, зеленые глаза горѣли, слышался гулъ перекрестныхъ вопросовъ и отвѣтовъ. Королева Анна, — къ которой я пробирался, — была вся въ бѣломъ, величественная, холодная и безукоризненная; по истинѣ

она напоминала коронованную особу, окруженную своимъ дворомъ. Подходя къ ней, я только и думалъ объ опасности, которой она избѣгла, благодаря великодушію актрисы. Но въ безстрастныхъ глазахъ ея и на мраморномъ лицѣ ничего нельзя было прочесть, кромѣ безличнаго свѣтскаго радушія; также и на фѣзіономіи Пьера Бонивета ревность не оставила никакихъ слѣдовъ. Въ первый и единственный разъ въ жизни случилось мнѣ быть на свѣтскомъ вечерѣ и знать навѣрно, какая интрига скрывается подъ прикрытіемъ любезныхъ отношеній. Обыкновенно подпольныя исторіи прекрасныхъ дамъ съ прекрасными кавалерами подозрѣваются на основаніи толковъ и сплетенъ. Тотъ—съ такой-то, та—съ этимъ... Подозрѣніе это обыкновенно въ «свѣтѣ» бываетъ равносильно увѣренности, но положительныхъ, осязаемыхъ картинъ въ умѣ не вызываетъ. Никто не знаетъ адреса квартиры, гдѣ они назначаютъ свиданія; никому неизвѣстно, при какихъ обстоятельствахъ они отправляются на эти свиданія и какъ возвращаются. Есть мѣсто сомнѣнію. Я же, — вѣжливо раскланиваясь съ хозяйкой дома, пока она дарила меня стереотипной улыбкой прѣвѣлности, — съ беспощадной отчетливостью видѣлъ ея надменную голову на подушкѣ, видѣлъ искаженныя страхомъ холодныя черты лица, когда удары посыпались въ дверь и звонокъ трещалъ, какъ на пожаръ. Контрастъ былъ такъ громаденъ, что я впервые постигъ притягательную силу этой высшей комедіи жизни, этого условнаго маскарада, двойственнаго существованія лицемѣрныхъ героинь и героевъ; понять, какое нездоровое любопытство возбуждаетъ эта среда въ воображеніи инаго слабаго человѣка и почему, погрузившись разъ въ безнравственную пучину этой жизни, не находятъ уже ни малѣйшей пикантности ни въ какой другой. Ложь, безпредѣльная опасность, вѣчный страхъ—это своего рода опьяненіе, блажество борьбы среди пустой, безцвѣтной жизни великосвѣтскихъ манкеновъ, обязанныхъ ходить размѣренными шагами, говорить внушенныя рѣчи, дѣлать строгоусловныя движенія, улыбаться по заказу, приходиться въ экстазъ отъ пустяковъ, а при серьезныхъ и драматическихъ случаяхъ сохранять благообразный нейтралитетъ и презрительную холодность. Да, ложь, подпольныя интриги, обманъ—являются потребностью, подобіемъ жизни въ этой мертвой

средѣ, непреодолимымъ магнитомъ для этихъ замаринованныхъ людей!

Разумѣется, къ разряду лживыхъ словъ можно отнести и слѣдующую фразу madame Бониветъ, произнесенную ею со снисходительной улыбкой послѣ нашего краткаго и лишеннаго всякаго интереса разговора:

— Тутъ есть одна особа, — сказала она, — которая не проститъ мнѣ, если я долго задержу васъ!.. — кончикъ вѣера указалъ мнѣ мѣсто, гдѣ стояла Камиль Фавье, къ которой въ эту минуту подходилъ Жакъ Моланъ: — идите, поздоровайтесь съ ней. А другу вашему Молану скажите, что у меня есть къ нему маленькое порученіе, пока не забыла...

Я готовился удивиться апломбу этой женщины, холодной и развращенной, кокетливой и эгоистичной, отъ бездѣлья любопытной до порочности. Но такой наглой фразы — и кому же? мнѣ, знавшему все дѣло! — я даже отъ нея не ожидалъ. Не смотря на мое твердое желаніе казаться безстрастнымъ, должно быть, я не могъ не выразить изумленія на моей фізіономіи. Ея полузакрытые глаза инквизиторски пронизали меня насквозь. Вѣроятно, она полагала, что объ ея интригѣ съ Моланомъ я лишь смутно догадываюсь и по наивности не умѣю скрывать своихъ подозрѣній. Проницательность ея взгляда смѣнилась снисходительной ироніей, а я отошелъ, чтобы исполнить ея приказаніе, — правда, только отчасти. Она, вѣроятно, рассчитывала, мѣряя всѣхъ людей на свою мѣрку, что я съ восторгомъ передамъ ея приглашеніе Жаку, въ присутствіи Камили, чтобы еще больше поссорить ихъ и поставить Жака въ непріятное положеніе. Но она должна была убѣдиться, что не всякій способенъ на такія шутки. Я подошелъ къ артисткѣ, и ни слова не проронилъ о данномъ мнѣ порученіи. Жакъ обмѣнивался съ ней самыми банальными привѣтствіями и, завидѣвъ меня, обрадовался.

— Ты тоже хочешь затесаться въ уголокъ богемы? — громко произнесъ онъ: — не мудрено, вѣдь и ты намъ сродни.

— Не хвастайся! — возразилъ я въ его тонѣ, подъ видомъ насмѣшки, намекая на правду: — ты давно выбылъ изъ нашей среды, свѣтскій левъ!

— Не ругайся, — отшучивался онъ. — Однако, бѣгу. Не слишкомъ злословьте про меня... А ты, другъ мой, не завла-

дѣвай mademoiselle Камилью. Ей не мѣшаетъ пококетничать направо и налево, для бѣльшаго успѣха у мужчинъ. О женщинахъ что ужъ и толковать! Дѣло ея пропащее; не можетъ же она, въ угоду имъ, перемѣнить свои глаза, ротъ, не быть типомъ головокъ Берна Джонса, какъ ты, живописецъ, увѣряешь! Да и слава богу, что не можетъ...

Эти комплименты по отношенію къ Камиле были непреложной истиной. Вторичный, капризный порывъ его къ оскорбленной имъ дѣвушкѣ сказывался въ его красивыхъ плотоядныхъ глазахъ, и онъ навѣрно искренно восхищался ею въ эту минуту. Камиль склонила бѣлокурую головку и слабо улыбнулась, отдавая этимъ дань приличію; я же, знавшій каждое движеніе ея выразительнаго лица, понималъ, что она страдаетъ и возмущена легкомысленнымъ тономъ Молана. Пальцы ея нервно сжали вѣрвь, которымъ она обмахивалась машинально. Мы стояли съ ней въ сторонкѣ, словно отверженные; я смотрѣлъ на нее съ нескрываемымъ волненіемъ; но наше уединеніе продолжалось недолго. Я замѣтилъ, что Сентеръ пробирался въ нашу сторону съ молодымъ человѣкомъ, пожелавшимъ быть представленнымъ молодой актрисѣ. Мы только и успѣли обмѣняться съ ней нѣсколькими фразами.

— А, вы тутъ. Спасибо, что явились!.. — сказала она тоскливо, и прибавила:— не покидайте меня весь вечеръ, если хоть немного любите!..

— Вамъ нездоровится?—спросилъ я.

— Я слишкомъ понадѣялась на мои силы...— отвѣтила она.— Я чувствовала себя доброй до той минуты, когда меня представили ужасной женщиной и я услышала ея голосъ... О, этотъ голосъ!.. Потомъ вошелъ Жакъ... Я съ трудомъ сдерживаюсь... Смотрите... Онъ идетъ къ ней... они разговариваютъ... остались въ сторонѣ, одни... Ступайте сейчасъ, скажите, чтобы онъ не слишкомъ рвалъ мнѣ сердце. Не могу больше, не могу!

Послѣднія фразы она произнесла задыхаясь, и стараясь все таки улыбнуться, чтобы не привлечь вниманія постороннихъ; но улыбка вышла похожая на нервную судорогу. Какъ была красива бѣдная Камиль въ этотъ вечеръ! Пережитое страданіе придавало столько осмысленности и силы ея нѣжному лицу. Костюмъ строгій, ни единого драгоценнаго украшенія;

она выдѣлялась среди остальныхъ женщинъ въ роскошныхъ нарядахъ своимъ строгимъ, трагическимъ видомъ. Я не успѣлъ ничего отвѣтить, потому что домашній загонщикъ уже подвдидъ молодаго челоуѣка и произносилъ приличныя случаю фразы.

— Mademoiselle, позвольте представить вамъ друга моего, Роланда де-Бревъ, страстнаго поклонника вашего несравненнаго дарованія...

— Чѣмъ восхитите вы насъ сегодня? — спросилъ юноша актрису: — слушать васъ въ обществѣ удастся не всякому, — у madame Бониветъ явится много завистницъ...

— Нечему завидовать! — рѣзко отчеканила Камиль и, удерживаясь отъ напрашивавшихся на языкъ дерзостей, мягче продолжала: — я скажу сцену изъ «Голубой герцогини», вдвоемъ съ Брессорэ, затѣмъ еще три, четыре отрывка, — по вдохновенію. Но скоро начнется, — я вижу: вошелъ Брессорэ. Сегодня онъ игралъ въ новой пьесѣ... Ему удалось вырваться изъ театра раньше, чѣмъ его ждали. Какое счастье!

— Счастье для насъ, — любезно произнесъ молодой челоуѣкъ, — мы услышимъ васъ раньше...

— Я не про то, — насмѣшливо поправила Камиль, — радуюсь, что уѣду и лягу спать раньше!..

И она дерзко повернулась спиной къ юношѣ, изумленному ея неожиданной выходкой, и отвѣчала въ томъ же родѣ Фигону, который подоспѣлъ съ другой стороны и началъ изощряться въ любезностяхъ. Грубость ея поведенія и отвѣтовъ, вовсе несвойственная ея обычной привѣтливости и добротѣ, доказывала, что она съ трудомъ владѣетъ собой. Какой взрывъ можетъ произойти, если madame Бониветъ не удержится отъ кокетливаго обращенія съ Жакомъ! Такъ думалъ я, глядя на хозяйку, точно съ умысломъ удвоившую фамиллярность въ обращеніи съ Жакомъ. Опасенія мои перешли въ страхъ, когда я вдругъ догадался, что жестокая женщина, не простившая Камиле свою жалкую роль спасенной преступницы, задумала въ этотъ вечеръ не столько усыпить подозрѣнія ревниваго мужа, сколько довести до отчаянія ненавистную соперницу!.. Ревность Пьера она съумѣетъ успокоить иными средствами; ей не въ первый разъ... Но Анна не такова, чтобы забыть свое унизительное положеніе въ квартирѣ любовника и пре-

зрительно-дерзкое отношеніе Камили къ ея подарку... Квитанція приходскаго священника требуетъ въ ея глазахъ мести, помимо всего остальнаго... И вотъ она рѣшила съ утонченной злостью показать актрисѣ ея настоящее мѣсто—наемной лицедѣйки, обязанной потѣшать публику; терзать ее всѣми муками безсильной ревности, а затѣмъ...—затѣмъ, вѣроятно, милостиво простить ее и на слѣдующій день забыть о ея существованіи, также какъ и о существованіи отбитаго у нея любовника. Жакъ навѣрно пересталъ ее интересовать, какъ новинка и какъ чужая собственность. Вскорѣ она на дѣлѣ показала, что предположенія мои были вѣрны, а выводы логичны. Самонадѣянный товарищъ мой напрасно тѣшилъ себя надеждой, что привязалъ ее къ себѣ надолго, научилъ любить. Не смотря на опасность свиданій, на вѣчный страхъ попасться,—безчувственная Анна вышла изъ этого приключенія такой же холодной статуей, какъ и была. Поиски за сильными ощущеніями могли съ успѣхомъ продолжаться на будущее время и, вѣроятно, съ тѣми же результатами. Не ей суждено, надо думать, превратиться изъ кокетки въ рабу, способную сложить оружіе у ногъ мужчины, который сумѣетъ привязать ее! Тѣмъ не менѣе, въ этотъ вечеръ, она держала себя такъ, какъ будто любила Молана. Наслажденіе муками соперницы замѣняло для нея наслажденія любви, которыя были ей недоступны.

Всѣ эти соображенія приходили мнѣ на умъ, пока я пробирался къ тому мѣсту, гдѣ стояла Анна, оживленно разговаривая и смѣясь съ Жакомъ. Подвигался я въ толпѣ гостей медленно, перекидываясь по дорогѣ банальными фразами, то съ Машолемъ, то съ Миро, а дальше съ самимъ Бониветомъ.

— Васъ что-то давно не видно въ тирѣ! San Giobbe отличался!..—сообщилъ мнѣ первый.

— Вы скрыли отъ меня, что пишете портретъ хорошенькой Камили Фавье?—упрекнулъ второй:—нехорошо обманывать стараго учителя!..

— Какую картину готовите на выставку, monsieur Лакруа?—освѣдомился третій.

Я по привычкѣ отвѣчалъ такими же поверхностными, ничего незначащими фразами, оглушенный, раздраженный, чувствуя всю фальшь и ложь окружающей атмосферы, и спѣша добраться до Жака, чтобы помѣшать ему довести дѣло до

скандала, — уговорить его не сидѣть возлѣ Анны, хоть во время представленія. Я, можетъ быть, и достигъ бы цѣли, еслибы проникательная хозяйка, — вѣроятно, угадавъ, что я иду съ порученіемъ отъ ея врага и въ точности стремлюсь исполнить его, — не обратилась ко мнѣ, когда я поровнялся съ ними.

— Monsieur Лакруа, — насмѣшливо сказала она, — позвольте представить васъ одной дамѣ, которая основательно изучила школу итальянскихъ художниковъ; — помните, мы толковали съ вами о ней... вы горячій поклонникъ этой школы!..

— Какъ? — воскликнула дама, къ которой я волей-неволей былъ на время прикованъ, — вы почитатель идеалистовъ? О, какъ вы правы! Въ наше грубое реальное время, это такая рѣдкость. Чистое искусство! Возвышенные, благородные сюжеты...

И пошла, и пошла, такъ что я слова вставить не могъ, еслибъ и хотѣлъ. Однако, я выждалъ таки удобный моментъ и рѣзко объявилъ болтунѣ, что хозяйка посмѣялась надо мной, что я вовсе не поклонникъ итальянскихъ мастеровъ-идеалистовъ. Я увѣрилъ ее, что въ реализмѣ вижу одно спасеніе искусства. Я выказалъ себя вторымъ Курбэ, который, какъ извѣстно, въ поклоненіи реализму дошелъ до такого абсурда, что спросилъ у автора «Ессе Номо»: — Какой такой Христосъ? Развѣ вы были съ нимъ знакомы? — а про другую картину сказалъ: — Такъ это ангелы, эти господа, прогуливающиеся нагишемъ, съ перьями на спинѣ? — Я клеветалъ на себя со страшной яростью, потому что не зналъ, какъ отвязаться отъ моей идеальной дамы, и видѣлъ, что хозяйка попросила артистовъ начинать. Первыми должны были выступить Камиль и Брессорэ; Анна усѣлась въ первый рядъ, посадила Молана подлѣ себя и громко сказала:

— Автору подобаешь всякая честь!

Что произошло потомъ, — вспомнить не могу безъ волненія. Столько времени прошло, а сердце мое, даже при воспоминаніи, сильнѣе бьется и мнѣ дѣлается жутко.

Сцена съ Брессорэ прошла своимъ чередомъ, послѣ того какъ публика заняла свои мѣста, и все утихло. Діалогъ артистовъ смутно припоминается мнѣ среди сдержанныхъ аплодисментовъ благовоспитанныхъ зрителей, не смѣющихъ никогда терять чувства мѣры, даже въ ободреніи. Только по лицу, голосу и движеніямъ Камилы я видѣлъ, что она вѣд себя.

Хозяйка ликовала, намѣренно нагибалась къ Молану, шепталась съ нимъ и аплодировала артисткѣ, точно желая показать ей, что никакой талантъ ей, Аннѣ, не опасенъ. Я предчувствовалъ, что Камиль сдѣлаетъ какую нибудь выходку, отмститъ за это поддразниванье.

Когда діалогъ былъ конченъ, артистку попросили сказать что нибудь самостоятельно. Сколько страстной печали вложила она въ декламацию стиховъ Ренэ Винци о мотылькѣ и розѣ! Затѣмъ съ такимъ же успѣхомъ сказала сонетъ Клода Ларшэ: «Я лишь одно звено въ тщеславной цѣпи твоихъ побѣдъ»...

Еще нѣсколько вещицъ произнесла она, вкладывая въ нихъ столько силы, ума, чувства, тонкихъ оттѣнковъ... Безподобная артистка! И вдругъ неожиданно перешла къ удивительному подражанію—въ голосѣ, манерахъ, интонаціяхъ—извѣстнымъ всему міру артисткамъ. Жюлія Бартетъ — въ Антигонѣ, Режанъ — въ Жермини Ласертѣ, Жэнь Гедингъ — въ Сафо—появились передъ нами, какъ живыя... Объявивъ выходъ Сарры Бернаръ, Камиль неподражаемо начала сцену изъ «Адриенны Лекуврёръ»... Я весь похолодѣлъ. Героиня этой пьесы,—актриса, какъ и Камиль,—на литературномъ вечерѣ оскорбляетъ свою соперницу и любовника, въ прочувствованныхъ, страстныхъ выраженіяхъ...

На лицѣ Камилы я прочелъ непреклонную рѣшимость и, дѣйствительно, она начала, глядя прямо на Жака, и вначалѣ превосходно копируя Сарру Бернаръ: «Ты не слышалъ стонъ моего бѣднаго сердца, не видѣлъ моихъ слезъ»... Но, вслѣдъ затѣмъ, личныя ощущенія всецѣло овладѣли ею, — подражаніе было забыто; она продолжала монологъ уже отъ себя и, наконецъ, порывисто двинулась на самый край эстрады и, указывая рукой на Анну, сидѣвшую въ пяти шагахъ отъ нея, страстно проговорила извѣстныя обличительныя слова Адриенны: «Я знаю мои пороки и не принадлежу къ числу тѣхъ безстыдныхъ развратницъ, которыя высоко держатъ преступную голову и имѣютъ дерзость прямо смотрѣть въ глаза честнымъ людямъ»!

XI.

Не разъ приходилось мнѣ видѣть на сценѣ «Адриенну Лекуврёръ» послѣ того вечера, на которомъ Камиль выкинула

разсказанную мной безумную выходку. Я всегда замѣчалъ, что публика съ сердечнымъ замираніемъ слѣдитъ за этой потрясающей сценой, и самъ вполне понимаю, почему (какъ сказано въ либретто пьесы) «всѣ придворные кавалеры и дамы въ ужасѣ и смятеніи вскакиваютъ съ мѣста», когда ревнивая Адриенна обличительнымъ жестомъ указываетъ на принцессу и произноситъ оскорбительныя слова своей роли. Конечно, придворные знали кое-что и поняли намѣреніе и смыслъ поступка Адриенны. Когда моя бѣдная Камиль Фавье вошла въ роль и, вмѣсто принцессы, произнося дерзкія слова, указала на Анну Бониветъ—сердце у меня упало и я ждалъ тѣхъ же послѣдствій, какъ и въ театрѣ. Вѣдь всѣ присутствовавшіе на вечерѣ, безъ сомнѣнія, видѣли эту драму, восхищались Саррой Бернаръ, понимали смыслъ этой потрясающей сцены... Но никто,—кромѣ заинтересованныхъ лицъ,—не выказалъ ровно ничего, кромѣ одобренія молодой актрисѣ! Ея намѣреніе, ея намекъ—остались непонятыми... Она сама, словно пораженная тѣмъ, что ничего не вышло изъ ея смѣлости, машинально продолжала конецъ монолога, также механически подражая голосу Сарры, точно 'во снѣ: «Умремъ. Смерть избавитъ отъ столькихъ страданій! Неужели такое несчастье перестать жить»?..

Она умолкла. Со всѣхъ сторонъ раздался лестный шопотъ, сдержанные: «браво! браво!»—съ приличнымъ восхищеннымъ изумленіемъ, какъ было бы, еслибъ передъ глазами этой публики гимнастъ выкинулъ необычайно сложный *tour de force*.

«Какая правдивость передачи! — слышалось въ рядахъ:— какое безукоризненное подражаніе! Закрывъ глаза, поклянешься, что слышишь Сарру Бернаръ. Сколько таланта выпало на долю этой молоденькой артистки... Необычайное дарованіе!» Madame Бониветъ, начавшая первой аплодировать, величественно встала и съ улыбкой, самая любезность которой была пощечиной соперницѣ, подошла къ ошеломленной актрисѣ:

— Прелестно, *mademoiselle!*—громко сказала она:—великолѣпно!.. Я вамъ очень, очень благодарна... Не правда ли, Моланъ, какъ это было хорошо? Предложите *mademoiselle* Фавье прохладиться чѣмъ нибудь въ буфетѣ...

Конечно, я не грѣшу симпатіей къ смѣлой женщинѣ, которая утонченной пыткой ревности довела бѣдняжку Камиль до такого неожиданнаго нападенія. Но, по справедливости, я дол-

женъ сознаться, что она была неподражаема, когда съ такимъ хладнокровіемъ отпарировала ударъ и уничтожила мечь соперницы. Я, съ своего мѣста, отчетливо слышалъ ея любезныя фразы—и ни малѣйшей дрожи въ голосѣ или фальши въ интонаціи! Снисходительная хозяйка хвалить и благодарить приглашенную актрису—и только. Кругомъ слышался гулъ голо-совъ, отодвигаемыхъ стульевъ, а голосъ Анны, безъ всякой натяжки, покрылъ этотъ шумъ, и каждое слово прозвенѣло, какъ металлическій ударъ. Я видѣлъ потерянный взглядъ Камили, устремленный на хозяйку, а затѣмъ она покорно, точно лунатикъ, взяла Жака подъ руку и направилась съ нимъ къ буфету. Бѣдная Камиль совсѣмъ лишилась возможности отвѣчать, чувствовать, думать. Недоумѣніе ея граничило со столбнякомъ — и въ эту минуту она безпрекословно повиновалась бы всякому приказанію. Ощущенія ея можно сравнить съ тѣмъ, что почувствовалъ бы убійца, еслибъ выстрѣлилъ въ намѣченную жертву въ упоръ и увидалъ бы къ своему ужасу, что пуля сплюснулась, но отскочила отъ лба, невредимо для противника. Въ ту минуту, конечно, ни ей, ни мнѣ не до того было, чтобы убѣдиться лишній разъ въ существенномъ различіи между дѣйствительной жизнью и жизнью, изображаемой въ театрѣ. Она переживала страшный нервный кризисъ, выразившійся сначала безотвѣтнымъ ошеломленіемъ, а затѣмъ, сразу смѣнившійся судорожнымъ смѣхомъ. Я подошелъ было близко къ тому мѣсту, гдѣ она стояла съ Жакомъ, окруженная мужчинами, и хохотала въ отвѣтъ на ихъ комплименты; но мнѣ стало невыносимо больно слушать ея смѣхъ и я направился обратно къ залѣ, прямо навстрѣчу Пьеру Бонивету. Видъ этого субъекта не могъ повліять успокоительно: жилы на его лбу надулись, круглые глаза горѣли бѣшенствомъ; онъ приближался къ той чертѣ, когда человѣкъ перестаетъ владѣть собой. Онъ понималъ намекъ Камили и теперь еле сдерживался, дѣлая надъ собой страшное усиліе, чтобы казаться внимательнымъ къ рѣчамъ перепуганнаго Сентера. Послѣдній тоже не обманулся насчетъ истиннаго смысла монолога актрисы и старался многословіемъ усыпить ревность Пьера и отвлечь грозную бѣду отъ любимой имъ женщины. Бониветъ, немного дрожащей рукой, крутилъ усы; а другую руку держалъ за жилетомъ; я готовъ былъ поклясться, что ногтями онъ впился себѣ въ грудь... Его

поза, жесты, лицо—все это для меня, наблюдательнаго портретиста, несомѣнно указывало на ужасную нравственную бурю. И не на меня одного производил онъ такое впечатлѣніе: внезапно мужчины разступились вокругъ насъ, чтобы дать дорогу хозяйкѣ дома, направлявшейся прямо къ мужу. Равнодушно-любезная улыбка, сразившая актрису и разрушившая ея месть, смѣнилась на лицѣ Анны другаго рода выраженіемъ: откуда взялась нѣжность въ выраженіи ея надменнаго лица! Съ какимъ яснымъ челомъ подошла она къ ревнивому звѣрю, какъ ласково и интимно съумѣла улыбнуться, томно глядя ему прямо въ глаза, — отвѣчая невозмутимымъ спокойствіемъ невинности на его подозрѣнія. Нѣтъ, у этой женщины чистая совѣсть: ей не въ чемъ упрекнуть себя!..

Опять нельзя было не изумиться ея силѣ, чутью, ловкости, изворотливости... Она поняла, что мужу въ этотъ моментъ необходимо видѣть ее возлѣ себя, оцутить ея присутствіе, слышать ея голосъ, убѣдиться въ ея спокойствіи; поняла, что этимъ она хоть на время поработитъ, укротитъ его; и вотъ она подошла... и какъ подошла! Безукоризненная, величественная, любящая, невинная. Артистка! Какъ безопасно обмахивалась она вѣеромъ, тихими, плавными движеніями, такъ что золотистыя кудри ея едва колыхались; ласковая улыбка не сходила съ губъ; глаза пристально впились въ зрачки укрощаемаго ревнивца... и—о чудо! — лицо Пьера преобразилось, жилы на лбу исчезли, глаза потеряли звѣрское выраженіе...

Я убѣдился—съ облегченнымъ сердцемъ!—что гроза миновала, а Брессорэ въ это время оживленно говорилъ мнѣ на ухо:

— Какова волшебница? А? Что за женщина! Королева! Скажите, другъ мой Лакруа: вы вѣдь пріятель Фавье?—дайте же ей понять, что поведеніе ея зазорно и компрометируетъ всѣхъ насъ! Подумайте: насъ радушно принимаютъ въ обществѣ, какъ равныхъ—замѣтите!—а она только что приревновала своего Молана и разыгрываетъ роль Адриенны Лекуврѣръ?.. Не говорите! намѣреніе было ясно. У меня по спинѣ мурашки побѣжали... Ничего изъ этого, по счастью, не вышло, но вѣдь могло и выйти!.. Тогда что? Куда бы я дѣвался со стыда? Публика-то, конечно, дальше носу ничего не увидала, но мужъ и жена отлично поняли, не безпокойтесь... Двери этого дома

отнынѣ для насъ закрыты. Будетъ съ нихъ литературныхъ вечеровъ съ участіемъ артистовъ, да-съ! Поставьте себя на ихъ мѣсто... Нѣтъ, нѣтъ! Такихъ вещей нельзя себѣ позволять. У меня тоже бывали столкновѣнія, — не говорю, — но по благородному, а не «по актерски»!..

Комическія жалобы стараго лицедея, боявшагося потерять положеніе въ «свѣтѣ», внесли долю шутовскаго элемента въ трагическую исторію этого вечера. При одномъ воспоминаніи, мнѣ дѣлается смѣшно. Разумѣется, я постарался убѣдить Брессорэ, что онъ ошибается, но не тутъ-то было. Онъ — травленный волкъ. У него было столько интрижекъ и любовныхъ похожденій въ прошломъ, что изнанка жизни для него — открытая книга. Глазъ у него безошибочно вѣрный, какъ у великаго дипломата, и обмануть его мудрено. Онъ недовѣрчиво покачалъ головой и отвѣчалъ мнѣ вульгарнымъ слогомъ, собственнымъ закулисной жизни и такъ рѣзко противорѣчившимъ его упрекамъ актрисѣ въ неумѣннѣ держать себя «благородно»:

— Я малый простой, душечка Лакруа, и охотно притворюсь, что вѣрю всему, чтѣ мнѣ болтаютъ... только бы не разогорчить собесѣдника! Но ужь въ чемъ другомъ, а въ этомъ и не суйтесь разубѣждать меня. Или ужь я поглупѣлъ отъ старости? Чортъ побери это бабѣ, съ ихъ любовью и ревностью!

Разговаривая съ Брессорэ, мы незамѣтно очутились у дверей залы, выходящихъ на лѣстницу. Я подумалъ, что Камиль должна скоро уѣхать, и счелъ за лучшее подождать ее на улицѣ, чтобы удобнѣе переговорить съ ней на досугѣ. Если не примѣшаются къ дѣлу особенно неблагоприятныя обстоятельства, я былъ убѣжденъ, что королева Анна съумѣетъ выйти сухой изъ воды. А откуда могутъ явиться неблагоприятныя обстоятельства? Конечно, не отъ Жака. Въ его самообладаніи я былъ слишкомъ хорошо увѣренъ. Онъ себя не выдастъ. Камиль — сама убита. Последняя вспышка прогорѣла — и вся злоба потухла. Сентеръ и Брессорэ — тоже не проболтаются о томъ, что поняли, въ чемъ суть: первый, не смотря на свою карикатурность, преданъ былъ Аннѣ, какъ собака; а второй ни за что не выдетъ изъ своей роли «благовоспитаннаго» артиста. Я одинъ, своей нервной возбужденностью, могъ выдать себя, и, поспѣшно выскользнувъ на лѣстницу, спустился

и надѣлъ уже пальто, какъ вдругъ Моланъ схватилъ меня за руку и прерывающимся голосомъ произнесъ:

— Мы поѣдемъ вмѣстѣ. Я хочу переговорить съ тобой...

— Я не буду ждать...

— Я готовъ...—онъ одѣлся и мы вышли на улицу. Тутъ онъ опять сжалъ мнѣ руку до боли и гнѣвно началъ:

— Слышалъ? Видѣлъ, какую гадость придумала мерзкая лицедѣйка?..

— Видѣлъ, что она хотѣла отомстить,—возразилъ я.—Вы и стоили этого, откровенно говоря... Но, разъ что месть не удалась, никто не понялъ ея намѣренія...

— Никто? А сама Анна? Или ты ее принимаешь за индюшку?.. А ея мужъ? Думаешь, что онъ ничего не понялъ? Дуракъ онъ, что ли?.. Послѣ того какъ Камиль видѣла, на что толкнула его ревность, послѣ опасности, которой я подвергался,—выкинуть такую штуку? Да это низость, гадость!.. Но я ей покажу, какъ надо мной смѣяться!.. Я ее научу знать свое мѣсто...

Бѣшенство его возрастало. Произнося послѣднія угрозы, онъ повернулся лицомъ къ отелю Бониветъ; я схватилъ его за руку.

— Надѣюсь, что ты не намѣренъ вернуться и устроить ей тамъ скандалъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Жакъ,—но я знаю ея извозчика, который всегда возитъ ее по вечерамъ... Я же его и нанималъ для нея и разъ навсегда условился въ цѣнѣ. Я всегда былъ такъ добръ къ ней!.. Остановлю ея фіакръ... Сейчасъ же отдѣлаю ее, какъ слѣдуетъ.

— Уймись!—сказалъ я, становясь передъ нимъ и не вышая голоса. Кругомъ торчали на козлахъ любопытные кучера и прислушивались къ разговору.

— Непремѣнно, непременно!—внѣ себя повторялъ онъ, и въ эту самую минуту швейцаръ громко закричалъ: «экипажъ mademoiselle Фавье»!

Моланъ нервно захохоталъ.

— Умоляю тебя—обратился я къ бѣсновавшемуся Жаку:—если не жалѣешь Камилы, то подумай хоть о madame Бониветъ!

— Ты правъ — отвѣтилъ онъ, подумавъ съ минуту: — я

удержусь. Но мнѣ надо говорить съ ней... надо... Я сяду вмѣстѣ съ ней въ карету, вотъ и все.

— Если она еще позволить!

— Она?—Жакъ презрительно пожалъ плечами:—увидишь.— Наемная карета отдѣлилась отъ длинной вереницы экипажей и подъѣхала къ подъѣзду отеля. Я съ ужасомъ ожидалъ, что будетъ, и рѣшился отстаивать Камилъ всѣми средствами. Наконецъ, вижу: отъѣхала карета и въ окнѣ обрисовывается женская фигура съ высокимъ воротникомъ накидки. То была Камилъ. Жакъ позвалъ кучера, который узналъ его и остановилъ было лошадь. Но въ тотъ же моментъ, актриса высунулась изъ окна и крикнула:

— Въ улицу Линкольнъ, 23! Слышите? Я вамъ плачу, а не этотъ господинъ.

И, обратившись ко мнѣ, она повелительно продолжала:

— Винцентъ, если вы допустите этого господина войти въ мою карету, я позову полицію!

Два полицейскихъ стояли неподалеку отъ насъ; громкій разговоръ привлекалъ ужъ вниманіе сидѣвшихъ на козлахъ кучеровъ. Жакъ пришелъ нѣсколько въ себя и не посмѣлъ отворить дверцу кареты, за ручку которой вначалѣ такъ самоувѣренно схватился. Онъ отступилъ и карета проѣхала: Камилъ еще разъ рѣшительно крикнула:

— Въ улицу Линкольнъ, 23,—скорѣе!

— Ну?—сказала я Жаку послѣ нѣкотораго молчанія, видя что онъ неподвижно стоитъ на тротуарѣ.

— Ну? Догадалась, что ее ожидаетъ, и удрала! — грубо отвѣтилъ онъ. — Не безпокойся: отложено, но не потеряно. Я свое наверстаю. Улица Линкольнъ? Куда ее понесло? № 22?.. 23?..

— Такъ, вѣрно, дала адресъ наобумъ... Чтобы возбудить твою ревность... чтобы ты вообразилъ, что у нея свиданіе съ кѣмъ нибудь. На углу скажетъ кучеру другой адресъ...

— Мы можемъ поѣхать и удостовѣриться,—сказалъ онъ:— а если она ужъ обзавелась любовникомъ да позволила себѣ сыграть со мной такую гнусную штуку,—согласись, что она отмѣнная мерзавка...

— Нѣтъ! Несчастливая дѣвушка, которой ты слишкомъ помыкалъ и довелъ ее до безумнаго отчаянія... Если она и взяла

любовника, то что же это докажет? Именно безпредѣльное отчаяніе, когда все кругомъ рушится, и просвѣта не видно кругомъ! Такой поступокъ часто бываетъ равносильнъ самоубійству, только она на это не пойдетъ... я ручаюсь. Она слишкомъ горда.

Обмѣниваясь этими словами, мы сѣли на извожика и, въ свою очередь, катили по направленію къ Линкольнской улицѣ. Сердце мое болѣзненно сжималось при мысли, что жестокость и измѣна Молана могли толкнуть Камиль на непоправимый шагъ. Я съ содроганіемъ вспоминалъ ея слова въ первый разъ, какъ я былъ у нея съ визитомъ, о соблазнительной роскоши, которая окружала бы ее, — стоитъ ей захотѣть, и т. д. Какъ во снѣ прислушивался я къ философствованію Жака, который оставался вѣрнымъ своей привычкѣ отвлеченно разглагольствовать, не смотря ни на что, или не желалъ показать мнѣ своей тревоги. Легкомысленные донъ-жуаны большею частью не могутъ примириться съ мыслью, что мѣсто ихъ занято, хотя бы они первые измѣнили своимъ возлюбленнымъ. Еще менѣе допускаютъ они возможность, чтобы кто нибудь осмѣлился понять ихъ скрытую досаду. Такъ и Жакъ — съ личной почвы быстро перешелъ на отвлеченныя разсужденія, какъ будто внутренній міръ его нисколько не потревоженъ. Въ этомъ состоитъ особый даръ спекулятивныхъ натуръ: — онѣ философствуютъ почти механически, не смотря ни на какіе жизненные толчки. Я полагаю, что Моланъ будетъ диктовать романъ въ часы своей агоніи, право!..

— Я обязанъ ей любопытнымъ открытіемъ, — нѣтъ худа безъ добра... — оживленно толковалъ онъ, пока мы гнались за Камиллю въ Линкольнскую улицу, — ты вѣришь въ способность писателей раздваиваться? Переживать личныя ощущенія и, въ то же время, объективно относиться къ происходящему? Знаешь, объ чемъ я думалъ въ ту минуту, какъ эта дрянь подходила къ краю эстрады и указала рукой на Анну? Тотчасъ же я убѣдился, что эффектъ не достигнуть, сорвался... Почему въ театрѣ эта сцена всегда потрясаетъ зрителей? Все дѣло въ условности сценическихъ законовъ. Понялъ? Слѣди за моей мыслью. Для того чтобы въ реальной жизни такая сцена имѣла ожидаемый результатъ, необходимо, чтобы всѣ зрители были посвящены въ изнанку жизни дан-

ныхъ героевъ, съ точностью знали бы, въ какихъ отноше-
 нияхъ они состоятъ другъ къ другу. Кому самая драма неизвѣстна, тому и вечерній эпизодъ остался непонятенъ. Въ театрѣ же полагается непременно, что всѣ дѣйствующія лица знаютъ самую подкладку драмы, также какъ и публика... Слѣдишь за моей мыслью?.. Вотъ черта, граница между голой дѣйствительностью и сценической. По счастью, — прибавилъ онъ, весело засмѣявшись, и довольный своей теоріей, — по счастью, это такъ! Хорошо также, что глупая «голубая герцогиня» не знаетъ курса эстетики. Она вела себя, какъ недальновидные коммунисты. Я тогда былъ здѣсь и помню нашъ всеобщій страхъ и ужасъ. Всѣ погреба наполнены были порохомъ, — они и пустили электрическую искру... только — дураки! — забыли или, скорѣе, не догадались изолировать проволоку. Весь запасъ электричества сдѣлалъ то же, что и намъ всѣмъ суждено — ушелъ обратно въ землю, — *et in pulverem reverteris...* Но пусть это случится какъ можно позже и не отъ руки Пьера Бонивета!

Смѣсь метафизическихъ тонкостей и дѣланнаго юмора исчезла, когда мы въѣхали въ Линкольнскую улицу...

Жакъ высунулся изъ окна фіакра съ поспѣшностью, не совѣмъ подходившей къ его напускной неуязвимости, и поглядѣлъ по сторонамъ, нѣтъ ли гдѣ экипажа. Два фонаря неподвижно стояли невдалекѣ; подѣхавъ ближе, мы узнали наемную карету Камилы, стоящую у дома подъ роковымъ 23-мъ №. Карета оказалась пустой, кучеръ слѣзъ съ козелъ, чтобы закурить трубку у фонаря, и на вопросъ Жака (съ золотымъ въ придачу) отвѣчалъ:

— Барыня велѣла мнѣ уѣзжать, не дожидаясь ея.

Волненіе Жака было очевидно; но мое—еще сильнѣе.

Мы съ минуту смотрѣли другъ на друга.

— Узнаемъ!—сказалъ, наконецъ, Моланъ и велѣлъ нашему извозчику везти насъ въ ближайшій кафе: — справимся въ адресной книгѣ Ботэна, а если у него не найдемъ, то въ клубѣ посмотримъ «Весь Парижъ». Доищемся, у кого просить утѣшеній mademoiselle Фавье. Согласись, что она быстро утѣшилась! Я же предполагаю, что утѣшеніе состоялось раньше, чѣмъ огорченія изъ-за меня... Да, да, не заступайся. Для мужскаго самолюбія это не особенно лестно, но—повѣрь!—всякій

разъ, какъ мы упрекаемъ себя въ измѣнѣ, съ увѣренностью можно сказать, что женщина уже успѣла обмануть насъ...

Говоря послѣднюю фразу, Жакъ, не дожидаясь полной остановки фіакра, отворилъ дверцу, выскочилъ на тротуаръ и вбѣжалъ въ кофейню. Я послѣдовалъ за нимъ. Моланъ прямо направился къ конторкѣ, — кассирша куда-то отлучилась, а мальчикъ-слуга крѣпко спалъ въ углу, — схватилъ адресную книгу Ботэна и началъ перелистывать ее дрожащей рукой.

— Смотри!—онъ указалъ мнѣ слѣдующія двѣ строчки:

«Линкольнская улица, 23. Луи-Эрнестъ Турнадъ». — Не правъ я былъ? — Онъ неестественно захохоталъ, захопнулъ справочную книжку, презрительно толкнулъ ее на прежнее мѣсто и прибавилъ раздраженнымъ тономъ: — Согласись все таки, что я стоилъ лучшаго!..

— Ни съ чѣмъ не соглашусь, прежде чѣмъ не узнаю навѣрное!—отвѣтилъ я, смущенный и потрясенный сдѣланнымъ открытіемъ до такой степени, что весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Узнаешь навѣрное? — рѣзко переспросилъ Моланъ:— а теперь не навѣрное? Чего жъ тебѣ еще надо? Желаетъ видѣть ихъ на супружескомъ ложѣ, что ли? И тогда бы сомнѣвался, впрочемъ!.. Но я не принадлежу къ разряду возвышенныхъ душъ; я знаю навѣрное, что актриса Фавье находится въ сожительствѣ съ Турнадомъ и повторяю тебѣ: ея сегодняшнее поведеніе на вечерѣ не заслуживаетъ никакого снисхожденія... И я отомщу ей. Прощай!..

Мы разстались и я не пробовалъ ни успокоить, ни удержать его. На сердцѣ у меня былъ тяжелый камень. Я никогда не испытывалъ того чувства ревности, которое, говорятъ, знакомо большинству людей: — тоскливаго, лихорадочнаго безпокойства, основаннаго на подозрѣніи, и т. п. Я всегда любилъ и вѣрилъ. Кажется, женщины должны бы цѣнить такихъ людей и постыдиться обманывать ихъ. По собственному опыту, я убѣдился, однако, въ противномъ.

Не смотря на это, я все таки остался довѣрчивымъ и если мнѣ суждено еще разъ полюбить, — то навѣрно буду обмануть...

Что дѣлать? Если я не испытывалъ ревности, основанной

на подозрѣніи, то зато не избавленъ былъ отъ ужаснаго состоянія, когда любящій человѣкъ долженъ покориться очевидности и знаетъ навѣрно, что ему измѣнили... Такого рода страданія въ изобиліи выпадали на мою долю... И вотъ нѣчто подобное ощущалъ я и теперь, когда прочелъ, что 23-й номеръ дома принадлежитъ Турнаду. Напрасно увѣрялъ я Молана, что не убѣжденъ въ измѣнѣ Камилы: конечно, это были только слова, сердце же мое говорило иное.

Я пошелъ домой пѣшкомъ, въ надеждѣ утомить свои нервы и усыпить мысли, безпощадно терзавшія меня.

Но, разумѣется, это не помогло: я продолжалъ переживать всѣ мученія приговореннаго къ смерти человѣка, переносился воображеніемъ въ домъ подъ № 23, въ Линкольнской улицѣ; видѣлъ передъ собой красное расплывшееся лицо богача, купившаго модную актрису и добившагося таки своего... До этой минуты я и не подозрѣвалъ, какъ сильно любилъ Камилъ!

Но что значать наши физическія и нравственные страданія для безпощадной природы? То же, что содроганія насѣкомаго, попавшаго въ печь локомотива.

Ночью мучили меня кошмары, одинъ страшнѣй другого. Не успѣлъ я проснуться на слѣдующее утро, какъ мною овладѣла новая необычайная мысль: а что, если визитъ къ Турнаду не привелъ ни къ чему непоправимому, неизгладимому? Развѣ не случается, что женщина съ отчаянія или изъ мести ѣдетъ за свиданіе, но въ рѣшительную минуту возмущается и уходитъ?

Хватаясь за эту надежду, какъ утопающій за соломенку, я поспѣшно всталъ, — было восемь часовъ, — и чуть не бѣгомъ пустился въ улицу Барульеръ. Около ложи привратника, въ домѣ, гдѣ жила Камилъ съ матерью, я встрѣтился съ ихъ старой служанкой. Увидя меня, старуха, — нянчившая Камилъ и любившая ее безгранично, — бросилась ко мнѣ и, безъ церемоніи, затащила меня въ пустую комнату привратника.

— Ахъ, *monsieur* Лакруа! — со слезами воскликнула она: — вы пришли къ *mademoiselle* Камилъ?

— Она дома? — тревожно отозвался я и тотчасъ же по лицу старухи понялъ, что ея нѣтъ. Служанка принялась разспрашивать меня.

— Послушайте, добрый monsieur Лакруа, — она съ мольбой сложила свои заскоруженныя отъ работы руки: — если вамъ извѣстно, гдѣ она, заклиная васъ именемъ вашей матери, ступайте приведите ее!.. Съ той минуты, какъ извозчикъ завезъ вчера ея записочку, что она ночевать не вернется, — бѣдная барыня моя просто съ ума сошла отъ горя!.. То есть, вотъ какъ: — хуже, чѣмъ когда покойный баринъ пустилъ себѣ пулю въ лобъ!.. Плачетъ и причитаетъ: «Не хочу ее больше видѣть, не хочу, не хочу... Прогоню, если вернется!» Это она такъ говорить, а, конечно, все простить. Только бы вернулась наша дочка! И что съ ней приключилось? Всегда была умницей, кроткой, послушной, — съ мужчинами строга... Мы съ барыней такъ рѣшили, что наша Камиль сдѣлаетъ хорошую партію, на манеръ той пѣвицы, что вышла за маркиза... Нѣтъ! Ума не приложу. Что съ ней? Скажите — вы добрый — что вы знаете?.. Я ужъ выдумала какую-то исторію, чтобы заткнуть рты сплетницамъ. Не увидала бы насъ привратница... Пусть бы только вернулась: все пойдетъ по прежнему!..

— Увы! — отвѣчалъ я горестно, отказавшись войти къ огорченной madame Фавье: — я знаю не болѣе васъ. Видите, я самъ зашелъ узнать о здоровьѣ mademoiselle Камиль...

— Она... не у васъ? — подозрительно спросила старуха, понижая голосъ: — нѣтъ, нѣтъ, этого быть не можетъ! Ни у васъ, ни у господина Молана, ни у Фонберто, — вы слишкомъ честные люди. Дитя мое бѣдное, дѣвочка моя, что съ тобой? Гдѣ ты?

Старуха забыла свои недавнія предосторожности, громко стонала и охала, а, наконецъ, разрыдалась. Я успокоивалъ ее, какъ могъ, обѣщая найти дѣвушку и передать ей, въ какое горе повергла она свою мать.

— Пусть вернется... пусть только вернется! — сквозь слезы твердила огорченная служанка и прибавила, неподражаемая въ своей преданности: — Если ей скучно, я прищу ей развлеченій... Только дома! Лишь бы не покидала насъ...

Итакъ, все кончено, надѣяться больше не на что.

Не смотря на обѣщаніе, данное сторой служанкѣ, я твердо рѣшился не видѣть больше Камиль, а поѣхать путешествовать — въ Испанію или въ Италію. Слуга мой былъ немало удивленъ, когда я приказалъ ему немедленно укладываться

для дальней дороги, а самъ принялся убирать этюды и эскизы въ мастерской; затѣмъ погрузился въ изученіе путеводителя. Такимъ образомъ, я насильственно оторвалъ себя отъ назойливой, сверлящей мысли о паденіи Камили.

Вдругъ, часу во второмъ, вошелъ ко мнѣ Жакъ Моланъ, и я снова очутился въ водоворотѣ пережитыхъ несчастій.

Не онъ ли виновникъ всѣхъ бѣдствій, отъ которыхъ я пострадалъ? Я почувствовалъ что-то близкое къ ненависти, когда дотронулся до руки, услышалъ его голосъ и увидаль, какъ онъ нервно кусаетъ нижнюю губу своими бѣлыми хищными зубами. Желчь во мнѣ такъ и закипѣла.

— Что, за новостями пришелъ?—грубо спросилъ я его:— по твоей милости, бѣдная Камиль погибла! Велъ ты себя грязно, недостойно. Сегодня я узналъ, что она ночью не возвратилась домой. Мы знаемъ, гдѣ она была. Вотъ плоды твоего эгоизма. За это тебѣ воздастся, если есть какая нибудь справедливость на свѣтѣ. Ты сдѣлалъ преступленіе, — слышишь, преступленіе! Игралъ для своей потѣхи сердцемъ неиспорченной, чистой дѣвушки...

— Оставь меня въ покоѣ, — огрызнулся Жакъ и пожалъ плечами. — Разъ дѣвушка обзавелась первымъ любовникомъ, возьметъ и втораго, и третьяго, и остальныхъ. Еслибы Камиль была порядочной дѣвушкой, она бы сказала мнѣ, когда я началъ за ней ухаживать: «Угодно вамъ жениться на мнѣ? Нѣтъ? Въ такомъ случаѣ, прощайте!».. Она этого не сказала—тѣмъ хуже для нея... А въ концѣ концовъ, если я виноватъ въ чемъ либо передъ ней, — то она все свое наверстала, и мы квиты. Гадость за гадость,—вчерашняя выходка стоитъ всѣхъ моихъ.

— Ага! Вчерашняя ея выходка... Вотъ чѣмъ ты стараешься усыпить твою совѣсть, вмѣсто того чтобы плакать горючими слезами, сознавая, что ты нравственный убійца... Вчерашняя выходка! Подумаешь: нивѣсть, что она сдѣлала! Какая бѣда вышла изъ этого? Какъ можешь ты сравнить ничтожную неприятность съ гибелью всей будущности, съ бѣдной душой, которую ты непоправимо загрязнилъ?.. Что случилось съ вами, ея палачами? Прогналъ Бониветъ свою жену? Прислалъ къ тебѣ секундантовъ? Пять минутъ неприятной неловкости,—которые ты вполне заслужилъ, — могутъ ли срав-

ниться съ беспросвѣтнымъ отчаяніемъ любившей тебя дѣвушки, толкнутой тобою на путь порока?.. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!..

— Какой пылъ, творецъ мой, — съ иронической улыбкой замѣтилъ Жакъ: — сколько краснорѣчія! Мы нашли нужнымъ говорить другъ другу горькія истины? Что жъ, пожалуй... Ты злишься, что не возымѣлъ достаточно храбрости, чтобы предложить себя на мѣсто Турнада, — вотъ она правда-то!.. Не оправдывайся, не вывертывайся. Я знаю, что говорю, любезнѣйшій... Колкости между нами неумѣстны, а лучше давай-ка говорить о другомъ? Идетъ?

Онъ помолчалъ и прибавилъ:

— Я на тебя не въ претензіи и докажу это тѣмъ, что попрошу твоей услуги... Отгадай, откуда я сейчасъ?

— Разумѣется, отъ этой пакостницы, madame Бониветъ.. Откуда же больше! — сказалъ я. Я рѣшилъ кончить съ нимъ разговоръ ссорой и потому намѣренно употреблялъ скверные эпитеты, упоминая объ его возлюбленной. Раздраженіе мое смѣнилось полнымъ изумленіемъ, когда онъ злобно произнесъ слѣдующее:

— Отъ этой пакостницы, совершенно вѣрно. Ты ее очень ненавидишь? Находишь, что подло съ моей стороны пожертвовать ради нея Камиллю?.. Ну, такъ я скажу тебѣ, что пришелъ просить твоего содѣйствія, чтобы хорошенько отомстить ей. Удивленъ?..

— Согласись, что есть чему удивиться, — отвѣтилъ я: — вчера вечеромъ ты проклиналъ Камиль изъ-за этой барыни... Сейчасъ даже говорилъ, что выходка Камилли и такая, и сякая, все изъ-за Бониветки...

— Это не мѣшаетъ мнѣ оставаться при томъ же мнѣніи насчетъ выходки актрисы... — прервалъ онъ съ живостью и опять помолчалъ. Я видѣлъ, что въ немъ происходила борьба противорѣчивыхъ чувствъ. Высказаться передо мной откровенно, — значило слишкомъ унижить свою гордость. Съ другой стороны, та же гордость побуждала его скорѣе отомстить Аннѣ, и онъ крѣпко рассчитывалъ на мою помощь. Избалованный человѣкъ этотъ получилъ слишкомъ чувствительный и неожиданный ударъ, и не могъ сразу опомниться, найти точку равновѣсія, которой онъ такъ гордился. Обида

пересилила остальные соображенія и онъ началъ рѣзкимъ тономъ:

— Гадость, именно гадость сдѣлала мнѣ вчера твоя невинная голубка. Я отчасти радъ этому: — извѣстная правота, вслѣдствіе этого, на моей сторонѣ. Слушай... — Жакъ нервно стиснулъ мою руку. — Сегодня, послѣ завтрака, я отправился къ madame Бониветъ. На душѣ у меня было несовсѣмъ спокойно: хоть и знаешь, что женщины, какъ кошки, всегда безвредно падаютъ на лапки и безъ промаху проведутъ и выведутъ влюбленнаго въ нихъ мужа — понимаешь? — а все таки, по слабости, опасаясь за нихъ. Глупо!.. Я боялся: не сдѣлалъ бы Пьеръ сцену женѣ, вслѣдствіе вчерашняго поведенія Камили... Насталъ, братецъ, твой чередъ восхищаться моей глупой наивностью и признать, что у меня сантиментальнѣйшее сердце... Разъ послушался его голоса, — и какой богатѣйшій результатъ получился!.. Порадуйся... Ну-съ, прихожу я. Принимаютъ меня въ полутемной гостиной... Сама лежитъ на кушеткѣ, на головѣ облачко кружевъ, изящный капотъ облегаетъ станъ. Идеальное видѣніе; воздушна, неуловима и соблазнительна... *Mise en scène* устроена для вящаго очарованія любовника, предназначеннаго къ отставкѣ. Ты слушай, слушай!.. «У васъ мигрень»? — спрашиваю. — Немудрено! — раздается шипѣніе и глаза впиваются въ меня, — трудно передать съ какимъ выраженіемъ. И злобы, и ненависти, и яду, и холоду — всего въ нихъ было: — И у васъ хватило наглости, — продолжаетъ она шипѣть, — явиться сюда послѣ того, что произошло вчера?.. — Я — вѣришь ли? — такъ опѣшилъ отъ подобнаго приема, что не нашелся и отвѣчать. Она дѣлала меня отвѣтственнымъ за дерзость, полученную отъ актрисы.

— Находчивая шельма! — засмѣялся я невольно, глядя на обиженную фигуру моего побѣдоноснаго товарища. Положительно онъ спасовалъ передъ утонченной женской злостью и имѣлъ видъ мокрой курицы. — А тебѣ все таки по дѣломъ!

— Да слушай же, — съ еще бѣльшей раздражительностью продолжалъ онъ: — будемъ острить потомъ — и я первый. Я вообразилъ, что затронулъ эту ледяную душу за самое чувствительное мѣсто... и опростоволочился, какъ дуракъ!.. Чего-чего не наговорила она мнѣ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ!

И что я отлично зналъ заранѣе, чему подвергалъ ее, допуская Камиль участвовать на ея вечерѣ; что тщеславіе мое прыгало отъ восторга столкнуть двухъ любовницъ носомъ къ носу; и что она, Анна, приняла актрису, какъ настоящую даму, а меня, какъ челоуѣка ея круга,—и что мы вели себя, какъ послѣдніе хамы... То есть она выразилась еще хуже: Камиль вела себя, какъ ярмарочная плясунья, а я—какъ литераторъ... А? хорошо? Что мы, будто, «были даже въ заговорѣ», но что это намъ даромъ не пройдетъ,—ни ей, ни мнѣ! Что я въ послѣдній разъ переступаю порогъ ея дома, что она переговорила съ мужемъ—такъ-таки и осмѣлилась сказать!—объяснила ему ревность презрѣнной лицедѣйки, основанную на моемъ лживомъ хвастовствѣ; что я извѣстенъ за безсовѣстнаго клеветника... Слышалъ бы ты, какимъ голосомъ она говорила: — Первой местию моей будетъ то, что я отошлю васъ обратно къ ней... Она, кажется, васъ любить — пусть полюбуется, какъ вы страдаете изъ-за меня. А вы будете страдать, — это ужъ я вамъ пророчу!.. — И она смѣялась, скаля зубы, какъ волкъ, а я,—Жакъ Молянъ, котораго ты нѣсколько знаешь, — стоялъ передъ ней и молчалъ въ ужасѣ отъ такой душевной черноты, адской злобы, невиданной жестокости... Еслибъ я захотѣлъ порисоваться передъ тобой, то сказалъ бы, что изучалъ ее... Но нѣтъ, — до того ли мнѣ было? Меня словно хватилъ столбнякъ или параличъ... Теперь я, конечно, понимаю, что нечему было такъ изумляться... Но въ ту минуту я лишился способности мыслить... И въ самый разгаръ такого интереснаго положенія входитъ Пьеръ де-Бониветъ и воцаряется краснорѣчивое молчаніе въ полумрачной гостинной... Клянусь тебѣ, одно мгновеніе, мнѣ страстно хотѣлось крикнуть этому ослу: «пойми, дуракъ, что я былъ любовникомъ твоей жены!» Это непременно облегчило бы меня... Вышла бы дуэль... Ну, что жъ, не всегда тебя убьютъ, а идолъ-то былъ бы опозоренъ и я отомщенъ... Но что дѣлать? предрасудокъ все велитъ снести, только не выдавать женщину, очастливившую васъ своими милостями, хотя бы она заслуживала самага крѣпкаго наказанія. Я и промолчалъ... и побѣжалъ къ тебѣ!

— Но какое побужденіе руководило ею?—воскликнулъ я, настолько изумленный разсказомъ, что забылъ посмѣяться надъ

пораженіемъ гордаго пѣтуха, умѣвшаго обыкновенно такъ заносчиво нести свою голову и горланить о своихъ побѣдахъ.

Теперь Жакъ рассказывалъ, задыхаясь, запинаясь, словами, какія приходили первыми на умъ, безъ послѣдовательности и расчета на эффектъ, безъ позы; онъ напомнилъ мнѣ раненаго звѣря, который воетъ и визжитъ отъ боли. — Да, интересно бы знать—повторилъ я: — какое побужденіе руководило ею? Она тебѣ отдалась. Слѣдовательно, дорожила тобой, чортъ ее возьми!

— Она поклялась отбить меня у актрисы; это я всегда понималъ. Достигла своей цѣли — и всякій интересъ ко мнѣ пропалъ. Это естественно. Оскорбленное самолюбіе ускорило конецъ. На одну минуту я олицетворилъ въ ея глазахъ Камиль и она излила на меня всю желчь, которая была въ запасѣ противъ соперницы. Опять естественно! Ей представилось средство соединить все разомъ: окончательно успокоить подозрѣнія мужа, не на шутку взбудораженныя, дать исходъ своей злобѣ, которая и такъ-то кипитъ въ ней, а тутъ еще явился поводъ... Разрывъ вышелъ невѣроятный... Но не меня повертываютъ такъ безцеремонно носомъ къ двери, шалишь! Она у меня попляшетъ... Ты мнѣ поможешь скрутить ее, какъ слѣдуетъ...

— Я? какимъ образомъ?

— Сейчасъ же отправишься къ Камиле. Не ужасайся: именно къ ней. Сегодня первое представленіе во Французскомъ театрѣ. У меня ложа. Я хочу быть съ ней вдвоемъ въ ложѣ, понялъ? Мерзавка Бониветка увидитъ, что мы помирились и счастливы, и ея самолюбіе будетъ чувствительно задѣто. Это ея единственное больное мѣсто. Злая деревянная баба! Ага! Она увѣрена, что я вышелъ отъ нея въ безумномъ горѣ, съ разбитымъ сердцемъ, несчастный, обливаясь слезами. Ну, такъ пусть убѣдится своими глазами, что между мной и Камилею она вотъ и настолько не имѣла значенія... — онъ отшвырнулъ спичку, которою только что зажегъ папиросу,—и пусть весь вѣкъ казнится сознаниемъ: онъ, молъ, обладалъ мною. Да, этого не смоешь и не забудешь, какъ ни злишься! Было — и все тутъ; съ этимъ клеймомъ и останется навѣкъ богатая кукла. Одно это можетъ служить утѣшеніемъ мужчинѣ: несмываемое пятно!..

Взрывъ злобныхъ чувствъ исказилъ красивое и надменное лицо моднаго романиста: оно стало неузнаваемымъ! Передо мной стояло олицетвореніе теоріи моего бѣднаго Клода Ларшэ, утверждавшаго, что лишь на взаимной ненависти основаны отношенія между полами, если въ нихъ не входитъ ничего, кромѣ физическаго влеченія самца къ самкѣ. Припомнивъ эту теорію, я не былъ въ состояніи жалѣть Жака, хотя болѣе несчастливымъ, чѣмъ въ эту минуту, онъ не могъ быть. Между прочимъ, я понималъ ясно совершенную бесполезность услуги, которой просилъ отъ меня отставленный любовникъ «королевы Анны». Характеръ этой женщины обрисовался достаточно ярко: Жакъ, не смотря на всю свою испорченность, на этотъ разъ сыгралъ роль мышонка въ когтяхъ опытной кошки. Безпощадная кокетка, неспособная на истинное чувство, позабавилась тѣмъ, что разрушила счастье молодой актрисы. Въ сердцѣ Молана она, разумѣется, читала, какъ въ открытой книгѣ, и, когда онъ ей прискучилъ, безцеремонно вышвырнула его за дверь. Заставлять другихъ страдать—было единственнымъ, доступнымъ ей, блаженствомъ. А онъ, — посвященный во всѣ дебри тонкаго разврата и кичившійся этимъ знаніемъ и своей неуязвимостью, — съ ногами и руками попался въ ловушку. Теперь онъ бѣсновался съ пѣной у рта и метался въ безсильной злобѣ противъ деспотизма скукающей и отъ бездѣлья развлекающей развратницы, оказавшейся на практикѣ посильнѣе его. У него не было отъ нея ни записочки, ни портрета, ни малѣйшаго оружія въ рукахъ. О, она была опытна. Не Молану съ ней тягаться! Ужъ одно это заставило бы меня отказать ему въ просимой услугѣ, но были и другія причины. Снова пользоваться несчастной Камиллю для мстительныхъ цѣлей Жака, сдѣлавшаго ей столько зла, — казалось мнѣ послѣдней низостью. Такъ я ему и объявилъ.

— Къ тому же ты, кажется, забываешь, въ какія отношенія поставилъ себя съ Камиллю...—прибавилъ я.

— Какъ?—воскликнулъ онъ и произнесъ фразу, пропитанную такимъ невѣроятнымъ эгоизмомъ, что я даже отъ него не ожидалъ ничего подобнаго: — но вѣдь я ей прощаю на первый разъ приключеніе съ Турнадомъ!!

— А она? Она-то, можетъ быть, и не проститъ тебѣ его...

— Э, полно! — возразилъ онъ спокойно: — тебѣ стоитъ

пойти къ ней и попросить для меня десять минут свиданія, вотъ здѣсь. Увидишь, послѣдуетъ ли отказъ. Ну, пожалуйста, сдѣлай это для меня... и для нея!

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! — отрѣзалъ я, окончательно возмущенный. Онъ вздернулъ плечами и взялъ шляпу.

— Ну, я самъ пойду въ такомъ случаѣ.

— Куда же именно?

— Къ ней.

— Къ Турнаду?

— Къ Турнаду... Посчитаюсь съ нимъ, если на то пошло.

Это уговорить мои нервы. Кстати, это дойдетъ до Бониветки и докажетъ ей, что я продолжаю любить Камиль... Впрочемъ, я почти увѣренъ, что найду у себя письмо отъ нея... Будетъ сама вымаливать свиданія... Удивляюсь даже, что утромъ письма не было.

Прежній Жакъ Моланъ возродился изъ пепла. Вернулся былой апломбъ, отыскалась сбитая было спесь и посрамленная самонадѣянность. Съ тѣмъ вмѣстѣ авторитетъ его въ моихъ глазахъ пошатнулся... Такъ ли же будетъ относительно Камилы? Неужели она снова поддастся обаянію его власти, позабудетъ пережитое горе и униженіе? Ниже этого мудрено будетъ пасть.

Такія соображенія и догадки, послѣ ухода Жака, повергли меня въ удручающее уныніе и я твердо рѣшился ни подъ какимъ видомъ не откладывать своего отъѣзда, вычеркнуть изъ памяти Молана и Камиль, не слышать о нихъ ничего больше. Оставшееся время до вечера я употребилъ на необходимыя закупки, взявъ спальные билеты въ конторѣ и завернулъ къ двумъ-тремъ родственникамъ, съ которыми сохранилъ отношенія.

Часовъ въ шесть, когда я сѣлся за столъ, закусить на дорогу, къ дому подъѣхалъ экипажъ. Позвонили у моей двери и я услышалъ голосъ... самой Камилы Фавье!

— Вы уѣзжаете? — спросила она, когда я вышелъ принять ее въ мастерской: — сундуки ваши уложены?

— Да... Хочу проѣхать въ Италію...

Она не поднимала вуаля, точно стыдилась показать мнѣ свое лицо.

— Когда?

— Черезъ полтора часа, если поѣздъ не опоздаетъ! — съ напускной развязностью пояснилъ я, взглянувъ на часы, тикавшіе на каминѣ. Мы помолчали. Камиль пригорюнилась и сказала:

— Тѣмъ хуже. Я хотѣла навязать вамъ порученіе къ Жаку...

— Какое?—сердце мое тревожно забилося, однако, я прибавилъ: — если могу быть вамъ полезенъ, охотно отложу отъѣздъ...

— Нѣтъ... не стѣдить. Лучше будетъ, если и васъ я перестану видѣть. Я хотѣла вернуть его письмо... смотрите, какой адресъ...

Я прочелъ на конвертѣ: «Линкольнская улица, отель Турнадъ».

— Я хотѣла, — голосъ ея дрогнулъ, — просить его не писать мнѣ больше, не искать свиданій со мною нигдѣ... Я уже не свободна...

Опять тягостное молчаніе. Она встала и протянула мнѣ руку.

— Я пошлю письмо по почтѣ. Такъ, пожалуй, и лучше... Прощайте, Винцентъ, счастливаго пути... Несовсѣмъ забывайте меня... и не судите слишкомъ строго... Поцѣлуйте по братски... богъ знаетъ, когда увидимся!..

Я приложился къ ея щекѣ — она была мокрая отъ слезъ. Больше не сказано между нами ни слова. Разлука была печальна, прощаніе — безнадежно.

ХІІ.

Осталось мнѣ передать ужасный, по своей горькой, реальной ироніи, эпилогъ моего разсказа. Прошло слишкомъ два года, а рана моего сердца все еще не затянулась. Она порой открывается, и жжетъ, и горитъ, какъ новая... При одномъ воспоминаніи о смоченной слезами щекѣ Камили, — я снова переживаю прежнія мученія!..

Четыре мѣсяца спустя послѣ моего отъѣзда, я случайно прочелъ во французской газетѣ слѣдующія извѣстія: — что у Камили Фавье явилась соперница на драматическія роли, въ лицѣ Берты Виньо; что Жакъ Моланъ выпустилъ въ печать собраніе своихъ драматическихъ произведеній, съ предисло-

віємъ; и, наконецъ, что лошадь господина Турнада «Панпильонъ» — взяла какой-то призь на какихъ-то скачкахъ. Въ «свѣтскихъ откликахъ», сообщалось также, что на «пятичасовомъ чаѣ» (five o'clock) у господина Сентера особенно выдавались туалеты mesdames: X***, Z*** и де-Бониветь... Изъ этихъ извѣстій, исключавшихъ всякіе выдающіеся жизненные перевороты и бури, я убѣдился, что въ томъ муравейникѣ все идетъ по старому...

На самое короткое время я возвращался разъ въ Парижъ, съ тѣмъ чтобы уѣхать надолго въ Палестину. Ни Жака, ни Камиль я не видалъ въ этотъ прїѣздъ, но слышалъ, что изъ нея вышла первоклассная артистка, а онъ — женился. Разумѣется, «пристроился» благоразумно, расчетливо, убоясь одиночества холостой старости. Жена была однихъ съ нимъ лѣтъ, вдова, богата и бездѣтна. Когда надоѣсть «писаніе» — можно будетъ и бросить его...

Но вотъ пришло время, и я вернулся совсѣмъ въ Парижъ. Мнѣ казалось, что мы такъ основательно порвали всякія отношенія съ Жакомъ Моланомъ, что я искренно изумился, увидавъ его у себя въ одно прекрасное утро.

Онъ слегка — о, весьма незначительно! — постарѣлъ, но глаза не утратили насмѣшливаго выраженія, губы улыбаются по прежнему, и онъ былъ по прежнему «красавецъ-мужчина». Еслибы мы видѣлись съ нимъ вчера, онъ съ такой же веселой и безличной прївѣтливостью протянулъ бы мнѣ руку.

— Я радъ тебя видѣть. Приходи обѣдать къ намъ, познакомлю тебя съ женой. Счастье не измѣнило мнѣ въ супружеской лотереѣ... Я увѣренъ, что моя жена и тебѣ понравится. Она знаетъ, что мы съ тобой товарищи и прїатели... Да, да... Что же за важность, что давно не видались? Это не вредитъ дружбѣ. Какъ поживалъ, дружище, съ тѣхъ поръ какъ мы разстались... два года тому назадъ. Два года! Долгонько. Я слышалъ, ты былъ на Востокѣ. Мнѣ сообщилъ каирскій консулъ Лоренсъ. Видишь, я не терялъ тебя изъ виду...

Я отвѣчалъ неохотно и односложно. Такія внезапныя любезности всегда смущаютъ меня.

— Скажи, ты не видался съ Камиллю Фавье?

— Я? — я весь вспыхнулъ, чувствуя на себѣ его насмѣшливо-снисходительный взглядъ: — нѣтъ, не видался... А что?..

— Ахъ, незабудочка!.. — веселый смѣхъ обнажилъ два ряда его ослѣпительныхъ зубовъ, не пострадавшихъ отъ приближающагося сорокалѣтняго возраста: — какъ родился незабудочкой, такъ и умрешь ею!

— Не понимаю...—нетерпѣливо сказала я.

— Какъ?.. Она тебѣ нравилась; ты — ей. Послѣ Турнада у нея были: Филиппъ де-Вардъ, Машоль, Роланъ де-Бревъ, и пр., и пр.—всѣхъ не перечесть. Подъ конецъ — герцогъ де-Лотрекъ, который тратитъ на нее болѣе двухсотъ тысячъ франковъ въ годъ. А ты и не попыталъ счастья?.. Въ книгѣ судебъ написано, что вы будете не иначе видѣться, какъ подь моимъ покровительствомъ. Помнишь наше послѣднее свиданіе, когда я просилъ тебя взять одно порученіе къ ней? Такъ и теперь: возмись исполнить порученіе, только въ другомъ родѣ. Откажешь и на сей разъ?

— Смотря по тому, какое порученіе! — шутливо возразилъ я.

— Порученіе чисто литературнаго свойства. Не то, чтобы я боялся возбудить ревность жены, — мы вѣдь не влюбленные... Мы просто товарищи; она такъ умна, что уклоненіямъ моимъ не придаетъ значенія... Но я не охотникъ возвращаться къ старому... что прошло, то прошло. Словомъ, вотъ въ чемъ дѣло: ты помнишь исторію съ Анной Бониветъ и ревность Камили?

— Съ «королевой Анной»? Не къ ней ли прикажешь также отъѣхать? Это было бы верхомъ великолѣпія!..

— Нѣтъ, съ этой барыней все кончено. Знаешь, она овдовѣла и черезъ двѣ недѣли выходитъ замужъ за настоящаго де-Кандала! Нечего теперь бояться основательныхъ претензій родовитыхъ однофамильцевъ, — сама причислится къ «сливкамъ». Опять скажу, что мнѣ везетъ во всемъ: она удалилась отъ того кружка, въ которомъ я вращаюсь, — и я избавлюсь отъ возможности встрѣтить ее въ обществѣ... Злючка! Больно кусалась, бестія, и въ меня мимоходомъ зубы запустила, хоть я и увлекся было ей не на шутку. Все такъ интересно обставилось: ревность Камили, ея самопожертвованіе, выходка на литературномъ вечерѣ, — цѣлая драма... Я ее цѣликомъ взялъ изъ жизни... Современная Адриенна Лекуврѣръ. Прочелъ свою пьесу Фонберто; онъ говоритъ, что лучшаго я еще не сочинялъ! Увидятъ, что сто тысячъ франковъ дохода не изсушили та-

ланта Жака Молана. Только это будетъ моею лебединою пѣснью. Я поклялся больше не писать. Сорокъ лѣтъ — писательскій вѣкъ. Испишешься, заврешься, начнешь повторяться — переживешь свою славу. Надо умѣть бросить перо во-время. Я мечтаю о концѣ жизни въ родѣ Шекспира или Россини... въ миньютюрѣ. Будетъ съ меня двадцати томовъ!.. Въ послѣдній разъ не вытерпѣлъ; сюжетъ самъ напрашивался въ пьесу... Въ послѣдній, повторяю тебѣ...

— Какъ? Сюжетомъ драмы ты выбралъ эту исторію? — воскликнулъ я изумленный:— а что скажетъ madame Бониветъ?

— Что у меня нѣтъ таланта. Мнѣнія свѣтскихъ женщинъ неподражаемы: посѣщаете вы ихъ салонъ—вы гений! Перестали посѣщать—бездарность; слушать ваши пьесы не стоитъ: брошенные деньги на ложу. А я плевать хочу на мнѣнія всякихъ Бониветокъ. Надо полагать, что этотъ типъ размножается и процвѣтаетъ: моя жена подозрѣваетъ, что я списалъ съ натуры одну изъ нѣсколькихъ ея знакомыхъ... Значить, «королева Анна» не единственная въ своемъ родѣ!

— А Камиль? Развѣ тебѣ не пришло въ голову, перенося на сцену ея настоящій печальный романъ, что ей это можетъ не понравиться?

— Вотъ въ томъ-то и загвоздка, другъ мой! — сказала Жакъ, озабоченно качая головой:—она въ пьесѣ, какъ живая... всѣ ея чувства, мысли, поступки взяты цѣликомъ изъ ея прошлаго... Никто, кромѣ нея, не сыграетъ мнѣ этой роли. А я не вижу съ ней... въ томъ-то и загвоздка! Она ничего не забываетъ, эта странная дѣвушка. Говорятъ, отзывалась обо мнѣ недавно съ горечью... Написать ей—пожалуй, письма не вскрыетъ. Лучше черезъ кого нибудь предложить ей роль... Подумалъ было отрядить Фонберто... но мы съ нимъ «на холодахъ» со времени моей женитьбы. Онъ сказалъ, что я продаю себя. Глупость кака!.. Да, кстати, онъ и съ Камилею въ ссорѣ изъ-за какой-то рецензіи. О! она теперь «великая артистка»... Вотъ я и пришелъ къ тебѣ, съ просьбой исполнить это щекотливое порученіе...

— Я? Я долженъ его исполнить? Ты хочешь, чтобы я съ твоею драмой явился къ ней, выпросилъ у нея прощенія за то, что ты посмѣлъ описать ее, и, кромѣ того, попросилъ сыграть саму себя на сценѣ??.. Посмотри-ка на меня попря-

мѣ: въ умѣ ли ты? Кажется, на сумашедшаго не похожъ, а предлагаешь мнѣ такую несообразность!

— Боже мой! — сказалъ онъ съ той самой улыбкой, съ какой бывало, смѣялся надъ моею наивностью, — да ты просто поѣзжай и передай ей нашъ разговоръ слово въ слово. Даже прибавь, что ты возмущенъ предложеніемъ до глубины чувствительной души... Ругни меня, какъ слѣдуетъ, — позволяю! Словомъ, выгороди себя почище. Сходить же къ ней тебѣ и такъ бы не грѣхъ: вы съ ней были пріятелями, сліяніе душъ шло, какъ по маслу... А теперь, вдругъ, и знать не хочешь? Чего проще: «Ахъ, моль, сколько воды утекло!.. Такъ и такъ... Погода, моль, сегодня не дурна. Вчера дождь былъ. Жака Молана видѣлъ... Представьте, этотъ наглець осмѣлился и т. д., и т. д.». Остальное ужъ предоставь ей обсудить и рѣшить...

Подчинялся ли я по прежнему странному вліянію Жака, или втайнѣ хотѣлось мнѣ поглядѣть, что стало съ «голубой герцогиней», или, наконецъ, толкнуло меня любопытство узнать: какой отвѣтъ дастъ она на невѣроятное предложеніе Молана, — только порученіе я рѣшился исполнить. Пошелъ къ Камили, знаменитой своимъ талантомъ, шикомъ туалетовъ и выѣздовъ, безумными тратами и безшабашной жизнью... Увидаль ее, эту женщину, которую когда-то идеально любилъ... увидаль среди блестящей роскоши, такъ рѣзко отличавшейся отъ скромной обстановки въ улицѣ Барульеръ... Живетъ она въ собственномъ отелѣ, въ улицѣ Вилле, въ кварталѣ модныхъ артистовъ... Да, полно, она ли это? Та ли это Камиль, убитая горемъ и стыдомъ, такъ дружески подставившая мнѣ мокрую щечку для поцѣлуя передъ разлукой?! Меня встрѣтила оживленная, самоувѣренная, красивая женщина; но красота ея, — безспорная, какъ и прежде, — отзывалась теперь чѣмъ-то вызывающимъ, соблазнительнымъ, нахальнымъ... Ни облака застѣнчивости, ни румянца смущенія при видѣ меня, свидѣтеля ея первыхъ шаговъ на пути разврата. Она спокойно закурила папироску и принялась выпускать дымъ изо рта и тонкихъ ноздрей, вперивъ въ меня красивые большіе глаза, нѣсколько увеличенные искуснымъ карандашемъ... Голубой капотъ, весь расшитый серебромъ, заодно облегалъ ея стройныя возмужавшія формы. Началъ я смущенно, издалека... Коснулся моихъ путешествій, работъ, возвращенія на родину и, наконецъ, со

стѣсненнымъ сердцемъ выложилъ истинную цѣль моего визита.

— Экая каналья, — засмѣялась она, намекая на Жака: — безпутный малый! Но талантъ, чтѣ и говорить... Если роль хорошенькая, пусть пришлетъ мнѣ свою драму или самъ принесетъ. Вы читали? Самъ онъ доволенъ? Я, въ настоящую минуту, нуждаюсь въ эффектной роли. Мы съ нимъ вдвоемъ надѣлаемъ шуму... Онъ пишетъ такъ нѣжно, а я такъ божественно передаю его мысли...

И ни малѣйшаго негодованія, ни тѣни того, чтѣ такъ больно рѣзнуло меня по сердцу, когда я узналъ, что сюжетъ взятъ Жакомъ цѣликомъ изъ жизни самой Камили! Бранное слово по его адресу, — но... почти равносильное вульгарной ласкѣ ея кружка. Она заранее смаковала эффектную роль, улыбалась своему несомнѣнному успѣху — также какъ улыбался авторъ удачному сюжету своей новой драмы.

И въ эту минуту я понялъ, почему мнѣ не быть великимъ артистомъ. Для нихъ — самое важное дѣло, такъ сказать, ихъ инстинктъ, — это проявить, выразить талантъ, дарованный имъ природой. Свое жизненное, личное, все для нихъ ничтожно — и любовь, и ненависть, и радость, и горе. Все это лишь почва для культивированія таланта. Ради удачнаго словца на сценѣ или значительной фразы въ романѣ, — эти художники продадутъ отца, мать, друга, дѣтей, свои лучшія воспоминанія! Таковъ былъ всегда и Жакъ Молянъ, такую сдѣлалась Камиль Фавье, когда ея сердце разбилось и она стала исключительно талантливой актрисой...

А я... я провожу жизнь въ томъ, что чувствую, глубоко, болѣзненно, всѣмъ сердцемъ, чувствую то, чтѣ они только божественно выражаютъ: — онъ чернилами на бумагѣ, она — жестиами и неподражаемой интонаціей на сценѣ! Эти хищныя души питаются тѣмъ, чтѣ меня изводитъ и сжигаетъ...

Неужели артистическая натура не способна соединить, вмѣстить въ себѣ оба добра: чувствовать и передавать? Прекрасная роль... Эффектная драма!..

О, Боже! Пусть лучше останусь я, въ такомъ случаѣ, неизвѣстной посредственностью среди художниковъ. Впрочемъ, выборъ не отъ насъ зависитъ...

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ.

Наступаючіе пушкинскіе дни.—Характеръ празднества.—Всероссійскій памятникъ Пушкину.—Разнообразіе пушкинской музы и ея всемірная отзывчивость.—В. А. Крыловъ о сборѣ пожертвованій на памятникъ.—Газеты о чествованіи памяти поэта.—Предполагающіяся чествованія въ провинціи.—Какъ собираются праздновать пушкинскій день въ Севастополь и Ригѣ?—Рѣчь о Медниси въ назиданіе ряжскимъ бюргерамъ.—Отзывъ племянницы Евроніи Ивановны (бывшей прислуги нашего поэта) о Пушкинѣ.—Пушкинская читальня, содержащая таболенскимъ сельскимъ обществомъ.—Деревня по описанію бывшаго земскаго начальника А. Новикова.—Волѣзненность русскаго крестьянина.—Антигигіеническая обстановка деревенской жизни.—«Культурная» роль солдата въ деревнѣ.—Положеніе сельской школы и сельскаго учителя.—Г. Евренновъ объ оскуденіи деревни.—Хлѣбозапасные деревенскіе магазины.—Какъ «Новости» хотять спасти русскую деревню?—Что нужно сдѣлать для поднятія у насъ деревни.—Деревня прежде и теперь.—Культурная роль земства.—Отрадные факты.—Чѣмъ занимается наша періодическая пресса?—Незамѣтные герои.—Юбилей законоучителя о. Теодора (Леонова).—Просвѣтительная дѣятельность г-жи Скоробогатовой.—Встрѣча евреями епископа уманскаго Сергія.—Въ чемъ состоитъ *юдофобство* «Наблюдателя»?—Максъ Нордау... объ эксплуатаціи христіанами жидовъ.—Хищническій характеръ жидовской дѣятельности.—Взглядъ талмуда на это.—Жиды-рыбнпромышленники.—Бѣлье платочки и фуражки съ кокардами.—Провинціальныя донъ-жуаны.—Бабыя работа.—«Полувѣрцы» въ псковскомъ уѣздѣ.—Молебствіе по случаю... нерѣшенныхъ дѣлъ.—Симпатичное пожертвованіе.

Черезъ полтора мѣсяца русскій народъ будетъ праздновать столѣтіе рожденія своего гениальнаго поэта А. С. Пушкина. Говорить о значеніи Пушкина для русскаго народа—не приходится: это великое имя извѣстно уже всякому грамотному русскому, а сила его творчества и слѣды его генія чувствуются повсюду.

Приближающіеся «пушкинскіе дни» породили уже цѣлую литературу по вопросу о томъ, какъ наиболее достойно чествовать память великаго поэта. Всѣмъ еще памятенъ тотъ подъемъ духа нашей интеллигенціи во время «пушкинскихъ дней», когда Москва праздновала (въ іюнѣ 1880 г.) открытіе памятника своему лучшему

геніальному сыну. Но между тогдашними и теперешними празднествами есть громадная разница: тогда былъ праздникъ русской интеллигенціи, русскаго образованнаго общества; Пушкинъ тогда былъ недоступенъ массѣ, — отчасти по дороговизнѣ его сочиненій, а отчасти и по неразвитости нашего народа. Теперь обстоятельства рѣзко измѣнились: сочиненія Пушкина сдѣлались народнымъ достояніемъ, разошлись въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ и проникли во всѣ уголки обширной Россіи. Предстоящій пушкинскій праздникъ явится уже по истинѣ великимъ всенароднымъ торжествомъ для всей необъятной Россіи — «отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды».

Всѣ органы нашей печати полны многочисленными сообщениями о приготовленіяхъ, которыя дѣлаются у насъ къ этому дню повсюду, не только въ столицахъ, а и во многихъ глухихъ закоулкахъ нашего отечества. Организованы десятки комисій для выработки программы чествованій. Да и не удивительно, что великаго поэта собираются чествовать вездѣ. Самое направленіе музы Пушкина, — кроткой, любвеобильной, проповѣдывавшей «любви и правды чистыя ученья», пробуждавшей «чувства добрыя» и «милость къ падшимъ», — дѣлаетъ нашего поэта особенно дорогимъ сердцу каждаго просвѣщеннаго и непросвѣщеннаго жителя нашей родины.

По инициативѣ «Новаго Времени», открыта подписка на сооруженіе въ Петербургѣ памятника А. С. Пушкину. Эту свою инициативу г. Суворинъ мотивируетъ такъ:

«Пушкину необходимъ всероссійскій памятникъ въ Петербургѣ, въ лучшемъ русскомъ городѣ, въ столицѣ русскаго царства, въ средоточіи русскаго просвѣщенія. Кому не близко этотъ геніальный человекъ? Черная раса, смѣшавшаяся съ бѣлой русской расой, произвела русскаго генія. Онъ родился 26-го мая 1799 года, и живетъ во всѣхъ насъ теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь. Прежде даже, чѣмъ выучились мы читать, мы уже слышимъ гармоническую рѣчь Пушкина въ его сказкахъ. Черезъ Пушкина прошли мы всѣ, начиная съ русскаго царя, великихъ князей, министровъ, генераловъ, митрополитовъ, архіереевъ и кончая грамотнымъ врестьяниномъ. Постѣ молитвъ Богу, мы тотчасъ твердили Пушкина, и поэтическая рѣчь его залегала въ нашъ мозгъ. Если исключить годы зеленой и легкомысленной юности, когда муза Пушкина пошаливала, онъ во все остальное время не оскорбилъ ни одного искренняго русскаго вѣрованія и отозвался на всѣ струны русскаго сердца».

Вся Россія, всѣ живущіе въ Россіи должны откликнуться на призывъ соорудить достойный памятникъ великому поэту, давшему намъ чудный языкъ, великолѣпный въ своей гордой простотѣ и ясности. Онъ воспѣлъ русскій народъ въ его преданіяхъ и бытѣ; онъ призывалъ къ нему любовь и уваженіе, онъ далъ образцы всему разнообразію словесности: лирикѣ, драмѣ, роману, сатирѣ,

критикѣ, журнализму. По словамъ Достоевскаго, характернѣйшая черта художественнаго гения Пушкина—это «способность всемірной отзывчивости и полнѣйшаго перевоплощенія въ гени чужихъ націй, перевоплощенія, почти совершеннаго». Пушкинъ говорилъ (съ Мицкевичемъ)

...О временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся!

Самъ поэтъ какъ бы предчувствовалъ, какъ отнесутся къ его «божественнымъ глаголамъ» многочисленные инородцы, населяющіе его отечество. Припомнимъ его пророческіе стихи:

«Слухъ прійдетъ обо мнѣ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикій
Тунгусъ, и другъ степей, калмыкъ»...

«Онъ не забылъ народностей,—говоритъ г. Суворинъ,—которыя вошли въ составъ русскаго царства. Между его героями и героинями есть, кромѣ великоруссовъ, малороссы, татары, грузины, черкесы, поляки, финны, цыгане. И во всѣхъ этихъ народностяхъ онъ находилъ человѣческія черты и образъ «человѣка» звалъ всѣхъ къ единенію. Онъ творилъ свои произведенія, какъ всероссійскій поэтъ, поэтъ духовнаго объединенія. Какъ государя, собиратели Руси, дѣйствовавшіе политическимъ умомъ и опытомъ, воздвигавшіе престолъ всея Руси, онъ собиралъ Русь чудесными произведеніями своего гения, онъ создавалъ памятникъ не себѣ только, къ которому «не заростетъ народная тропа», но памятникъ русскому духу, русскому языку, русской культурѣ. Онъ воздвигнулъ такой высокій, такой сіяющій престолъ русскаго словеснаго творчества, что онъ виденъ со всѣхъ концовъ Руси, и ласкающій блескъ его свѣтитъ и ребенку, и юношѣ, и взрослому».

Все это даетъ полное основаніе предполагать, что идея о все-народномъ памятникѣ будетъ поддержана всѣми слоями русскаго общества и всѣми народами и народностями, населяющими необъятную Русь.

Въ томъ же «Новомъ Времени» г. Викторъ Крыловъ, въ статьѣ «Памятникъ Пушкину», высказываетъ полную увѣренность, что деньги на памятникъ будутъ собраны.

„Тысяча людей ежедневно тратятъ тысячи рублей на удовольствія: на театръ, на утонченный обѣдъ и т. п.; неужели не найдутъ они лишняго рубля на Пушкина? Неужели Россія такъ мала, такъ бѣдна или такъ слабо сознаетъ свое нравственное достоинство, что ея порывы направляются только моднымъ увлеченіемъ?“

Безъ духовной жизни нѣтъ жизни человѣческой; литература есть одно изъ высшихъ проявленій духовной жизни; гениальные представители литературы—это поборники нашего права на человѣческое существованіе. За тысячу лѣтъ жизни нашего отечества у насъ не было литературнаго таланта выше Пушкина:—памятникъ Пушкину есть памятникъ тысячелѣтій духовной

жизни Россіи. Неужели мы сами о себѣ такъ мало думаемъ, что даже не соберемъ поставить памятникъ поэту въ столицѣ, которая движеть и вѣнчаетъ всю жизнь нашего отечества?

Я никогда не повѣрю, чтобы русскій человѣкъ неохотно развязывалъ свой кошелекъ на общерусское дѣло чествованія Пушкина. Изъ двухъ пороковъ: расточительности и скарелности, — русская натура скорѣе склонна къ первому. А, между тѣмъ, мы видимъ необычайное явленіе: три мѣсяца только осталось до юбилейнаго дня, ежедневно толкують о немъ во всѣхъ газетахъ, а общія пожертвованія до того малы, что и говорить о нихъ не хочется».

А помочь этому, по мнѣнію г. Крылова, можно было бы очень просто: не слѣдуетъ только дробить силъ.

„Всего было бы лучше учредить для этого особый комитетъ изъ представителей правительства, литературы, художества въ столицѣ, — и въ этомъ комитетѣ сосредоточить и собранныя суммы, и распредѣленіе ихъ. Я убѣжденъ, что среди ста слишкомъ милліоновъ жителей найдется много людей, которые сочтутъ за честь и за счастье чувствовать себя участниками въ такомъ великомъ всероссійскомъ дѣлѣ.

Вредить дѣлу сбора то же отсутствіе энергическихъ предпринимателей, которые бы немножко посвятили себя этому. Иной охотно бы раскошелится, но надо къ нему прійти за деньгами; на этомъ основана посылка на домъ къ благотворителямъ сборщиковъ для полученія членскихъ взносов. Мы слышали, что при сборѣ на памятникъ Мицкевичу даже барышни собирали съ кавалеровъ деньги на памятникъ. Въ любомъ служебномъ или общественномъ мѣстѣ всегда могли бы найтись люди похлопотливѣе, которые занялись бы этимъ дѣломъ. Вѣдь важно не то, чтобы сумма пожертвованія была велика, а то, чтобы всѣ жертвовали. Тѣмъ грошей рождаетъ тысячи рублей.

У насъ много ложнаго стыда. Какъ пожертвовать на Пушкина двугривенный или даже хоть рубль? — лучше ничего не дать, — развѣ это не нѣпо? Съ другой стороны, какъ идти направо, налѣво, просить у каждаго двугривенные и рубли? пожалуй, наглотаешься тутъ и насмѣшекъ, и неприятныхъ замѣчаній; лучше не ввязываться и успокоиться на томъ, что-де съ нашимъ инертнымъ обществомъ ничего не подѣлаешь, не повернешь его.

Отбросимъ этотъ ложный стыдъ, господа! Закончимъ наше столѣтіе сознаніемъ нашего роста, всеобщимъ проявленіемъ уваженія къ великому представителю русскаго литературнаго творчества. Вспомнимъ, что это одно изъ наилучшихъ проявленій тысячелѣтней жизни нашего отечества; въ редакціяхъ, въ присутственныхъ мѣстахъ, въ учебныхъ заведеніяхъ, въ казармахъ, — вездѣ соберешь хоть понемногу, — общая цифра будетъ велика“.

Конечно, мы не обольщаемъ себя надеждою, что деньги будутъ собраны въ три мѣсяца. Мы слишкомъ поздно взялись за подписку на памятникъ. Но чествованіе великаго поэта не пострадаетъ отъ того, что не въ маѣ будетъ открытъ ему памятникъ.

По вопросу о чествованіи памяти поэта, г. В. Авсѣенко въ «Петербургской Газетѣ» высказываетъ небезынтересныя соображенія:

«Намъ кажется, однако, что въ громадной задачѣ — почтить и увѣковѣчить память поэта всѣми находящимися въ распоряженіи родной страны силами, — мѣстные вопросы имѣють второстепенное

значение. Центр задачи—въ созданіи чего нибудь общаго, большаго, отвѣчающаго представленію о Пушкинѣ, какъ о величайшемъ поэтѣ стомилліоннаго народа. Существуютъ уже идеи, соразмѣрныя этой задачѣ. Первая изъ нихъ—величественный памятникъ Пушкину въ Петербургѣ. Этотъ памятникъ такъ необходимъ, можно сказать, такъ неизбѣженъ, что раньше или позже, но онъ несомнѣнно будетъ поставленъ. Было бы только обидно уступить честь созданія его другимъ поколѣніямъ, которымъ, быть можетъ, и безъ того суждено создать много прекраснаго для пользы и славы родины.

«Вторая идея — академія изящной словесности, пушкинская академія. Это тоже былъ бы чудесный памятникъ тому, кто по справедливости считается творцомъ русской словесности.

«И, наконецъ, третья и самая грандіозная идея—пантеонъ великихъ людей, созданіемъ котораго, между прочимъ, разрѣшенъ былъ бы и вопросъ о томъ, гдѣ покоиться праху Пушкина. Какъ это, въ сущности, просто, и вмѣстѣ какъ величаво! Для страны, гордящейся своимъ величіемъ, своей силой, имѣть общую почетную усыпальницу для своихъ великихъ людей—почти обязательно. Если мы еще очень далеки отъ осуществленія этой прекрасной идеи, то уже одно возникновеніе ея, пріуроченное къ памяти поэта, бросаетъ блескъ на предстоящіе пушкинскіе дни»...

Насколько провинція отзывчиво относится къ чествованію памяти А. Пушкина, это можно видѣть изъ слѣдующаго факта, передаемаго «Крымскимъ Вѣстникомъ». По окончаніи засѣданія севастопольской думы, гласные хотѣли было уже расходиться по домамъ, какъ вдругъ встаетъ гласный Башевскій и проситъ слова.

— Я хочу въ заключеніе внести,—говоритъ г. Башевскій,—предложеніе, которое, надѣюсь, встрѣтитъ въ васъ сочувствіе. Всѣмъ извѣстно, что приближается 26 мая, день празднованія 100-лѣтняго юбилея со дня рожденія великаго поэта Пушкина. Вамъ приходилось, конечно, читать, какія приготовленія дѣлаютъ къ этому дню русскіе города. Петербургская дума проэктировала чтенія, постановила соорудить памятникъ и купить дорогой домъ, гдѣ скончался Пушкинъ. То же самое и въ Москвѣ: дума рѣшила разсыпать и купить домъ, гдѣ родился поэтъ. Въ Псковѣ предприняли подписку на благотворительныя учрежденія имени Пушкина. Многие другіе города,—въ томъ числѣ Одесса, Симферополь, Ялта,—собираются праздновать такъ или иначе знаменательный день. Кромѣ русскихъ городовъ, какъ вы знаете, желаютъ праздновать этотъ день и соплеменные намъ славянскія государства,—славяне Австріи, Сербіи, Черногоріи, Болгаріи и др.; было бы непростительно, господа, остаться намъ въ сторонѣ отъ этого. Не мнѣ излагать здѣсь, что сдѣлалъ Пушкинъ и каково его значеніе. Кто не знаетъ его произведеній? Его читали всѣ—отъ получившихъ высшее образованіе въ университетѣ до простаго грамотнаго человѣка. До появленія Пушкина, русскій языкъ былъ настолько не обработанъ, непоэтиченъ, что русскіе предпочитали излагать свои мысли устно и письменно на французскомъ

языкъ, а русский языкъ оставили для простаго народа, для мужика. А послѣ Пушкина вдругъ увидѣли, насколько богатъ и прекрасенъ русский языкъ; съ Пушкина считается новый періодъ; послѣ него создалась богатѣйшая наша литература. Онъ такъ обработалъ, опоэтизировалъ нашъ языкъ, что русскія литературныя произведенія сравнялись съ лучшими иностранными произведеніями, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже превзошли ихъ. Нашъ языкъ сдѣлался общеславянскимъ языкомъ. Вы спросите: какъ отпраздновать? по какой программѣ? Конечно, нужно выбрать комисію для выработки программы чествованія памяти поэта. Надо же и намъ, господа, показать, что мы не только базарными дѣлами занимаемся, но что и намъ доступны высшія заботы. Для избранной комисіи будетъ готовый матеріалъ изъ программъ другихъ городовъ. Думаю, что въ данномъ случаѣ умѣстны будутъ: литургія, затѣмъ устройство чтеній, спектакля и т. п. У насъ нарождается новый солидный кружокъ для устройства народныхъ лекцій—такъ къ нему и можно будетъ обратиться за содѣйствіемъ. Можно будетъ приобрести дешевыя изданія Пушкина для раздачи. Однимъ словомъ, программу можно будетъ выработать соответственную. Будетъ стыдно намъ пройти молчаніемъ столь великій для Россіи день.

Предложеніе г. Башевскаго принимается очень сочувственно.

Но не вездѣ такъ сочувственно относятся къ памяти великаго нашего поэта. Комисія, составленная въ Ригѣ для организаци чествованія А. С. Пушкина, совершенно неожиданно встрѣтила серьезную оппозицію со стороны рижскихъ нѣмцевъ. Комисія полагала увѣковѣчить память поэта названіемъ одной изъ улицъ города именемъ пушкінской и выстроить на городской землѣ домъ его имени, въ которомъ учредить народную аудиторію и бібліотеку съ читальней. Но рижская городская управа,—по словамъ «Рижскаго Вѣстника»,—не присоединилась къ мнѣнію комисіи ни по одному изъ означенныхъ предложеній. Она полагаетъ, что «чествованіе знаменитыхъ людей—дѣло частное (!) и дѣлается по частной инициативѣ, а потому инициаторамъ подобаешь-де самимъ изыскивать средства для подобнаго рода чествованія памяти заслуживающихъ того лицъ».

Выпавшъ такую колоссальную нелѣпость, рижская управа предложила:

1) назвать часть Яковлевской улицы, между Николаевской и Елизаветинской, бульваромъ Пушкина; 2) учредить десять стипендій въ городской гимназіи имени Пушкина, по 50 руб. каждая, а всего въ 500 руб. ежегоднаго расхода и предоставить ихъ лицамъ христіанскаго вѣроисповѣданія всѣхъ сословій.

Рижская дума молча приняла это предложеніе управы. Но представитель православнаго духовнаго вѣдомства, о. Меднисъ, не вытерпѣлъ и попросилъ слова. Получивъ его, онъ и говоритъ въ назиданіе рижскимъ бюргерамъ:

«Я не могу согласиться съ мнѣніемъ управы, что чествованіе:

памяти великихъ людей не относится къ обязанностямъ общественныхъ управленій. Не могу согласиться и съ тѣмъ, что нѣтъ надобности въ учрежденіи специально народной аудиторіи. Граждане города—его плательщики, а если среди нихъ есть потребность чествовать то или другое лицо, то едва ли есть основаніе отказывать имъ въ удовлетвореніи этой потребности. Чествованіе великихъ людей обязательно и для городскихъ управленій, какъ и для частныхъ лицъ. А Пушкинъ былъ великій человѣкъ, на произведеніяхъ котораго воспитывалось не одно поколѣніе, и Рига, какъ одинъ изъ самыхъ большихъ городовъ, не можетъ отказаться отъ чествованія памяти величайшаго поэта въ день столѣтней годовщины со дня его рожденія, когда этотъ день будетъ праздновать каждый захолустный городокъ Россіи. А. С. Пушкинъ имѣетъ такое же значеніе для молодаго поколѣнія здѣшняго края, какое онъ имѣетъ въ центральныхъ губерніяхъ Россіи».

Но гласъ о. Медниса остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. «Рижскій Вѣстникъ» замѣчаетъ по адресу безтактныхъ бюргеровъ:

«Ссылка на недостатокъ средствъ сдѣлана неудачно, ибо пушкинская комісія рассчитывала получить отъ города на сооруженіе народнаго дома тысячъ 10—15, а вѣдь на учрежденіе десяти стипендій также потребуется 12—13 тыс. рублей, считая изъ 4 проц. Слѣдовательно, не въ деньгахъ тутъ сила, а въ томъ, что городское управленіе не желаетъ оказывать матеріальное содѣйствіе вышеозначеннымъ русскимъ просвѣтительнымъ учрежденіямъ, что уже и прежде было имъ въ достаточной степени засвидѣтельствовано отказомъ выдать вспомошествованіе народнымъ чтеніямъ».

Въ живыхъ мало осталось современниковъ Пушкина. Корреспонденту «Курьера» г. Апешову удалось навѣстить Ѳевронью Ивановну Вилянову, бывшую въ услуженіи у нашего поэта. Мы позволимъ себѣ привести отзывъ о поэтѣ не самой Ѳевроньи Ивановны, а ея племянницы.

«Какъ только зашла рѣчь о Пушкинѣ, — пишетъ корреспондентъ, — моя собесѣдница сразу преобразилась. Преобразилось лицо, тонъ ея рѣчи, манеры. Казалось, что она мгновенно разсталась съ этимъ практическимъ міромъ, который ей такъ близокъ и въ пониманіи котораго она обнаружила столько здраваго смысла, и перенеслась въ какую-то особенную сферу, таинственную и волнующую ее, — сферу чудесъ, легендъ и свободной фантазіи. Добродушная простая женщина начала говорить съ оттънкомъ важности въ голосѣ, съ чувствомъ яснаго сознанія своего высокаго достоинства, своего превосходства надъ другими. Чисто русская народная рѣчь смѣнилась полугородскимъ жаргономъ, съ примѣсью интеллигентныхъ «наслоеній».

— Александръ Сергѣевичъ часто бывалъ у Виляновыхъ, — начала свой

разказъ племянница современницы Пушкина.—Мой дѣдушка, отецъ тетушки Ѳевронья, былъ богатый. И Александръ Сергѣевичъ любилъ прїѣзжать къ нему и пить медъ, шипучій, какъ шампанское. Ѳевронья Ивановна красивой была, наряжалась тогда въ атласныя платья. Дѣдушка не жалѣлъ денегъ для нея,—на одно платье пошло 50 аршинъ атласу. И ходила Ѳевронья Ивановна въ такихъ платьяхъ въ домъ къ Сергѣю Львовичу (отцу А. С. Пушкина) и была она у нихъ принята. Ей дѣлали много предложеній и все благородные люди: и купцы, и генералы. Александръ Сергѣевичъ смѣялся надъ этимъ и говорилъ: «Я опишу все въ стихахъ, какъ къ тебѣ свататься ѣздять». Прїѣзжалъ онъ въ Болдино для сочинительства: гдѣ бы онъ ни былъ, въ лѣсу или гдѣ въ другомъ мѣстѣ, все стихи сочинялъ. Разъ Ѳевронья Ивановна съ теткой ягоды въ лѣсу собирала, Александръ Сергѣевичъ слѣдомъ все шелъ да шелъ, да ягоды-то понемножку всѣ и съѣлъ. И Ѳевронья Ивановна вернулась съ пустымъ коробомъ. Шутникъ онъ былъ, пресвѣслый!

Изъ сосѣдней комнаты вышла нестарая еще дѣвушка, которая оказалась младшей племянницей Ѳевронья Ивановны. И у нея «замѣтны были та же черта, тотъ же форсированный тонъ, та же особенная, какая-то набожная приподнятость и благоговѣніе, когда ея мысль возвращалась къ далекому прошлому, туманному и неясному, сотканному изъ семейныхъ преданій и быльицъ. Нашъ разговоръ не оставлялъ никакого сомнѣнія въ томъ, что сюда, въ этотъ тихій домикъ и въ души его обателательницъ, проникла и властно воцарилась волшебная сказка, пришедшая изъ дали шестидесятилѣтія, подвергаясь метаморфозамъ, видоизмѣнившаяся, какъ народное сказаніе,—этотъ лепетъ проснувшейся мысли. Все, что я слышала здѣсь, носило печать какой-то безформенной грезы. Первичная основа ея, вѣроятно, была правдивой. Но и перспектива, и всеуничтожающее время, и вліяніе окружающихъ, и посѣщеніе интеллигентными людьми,—все это сложилось въ пеструю калейдоскопическую картину прошлаго, безпрестанно мѣнявшую составлявшіе ее элементы...

— Дѣдушка Иванъ Степановичъ оставилъ послѣ себя большой капиталъ. Его освободилъ Александръ Сергѣевичъ изъ крѣпостныхъ. Это сама Ѳевронья Ивановна разскажетъ. А какъ дѣдушка померъ, бабушка перѣехала въ Арзамасъ, купила себѣ домъ. И въ этомъ домѣ мы жавемъ уже 50 лѣтъ. Въ Болдинѣ мы ни разу не бывали, Ѳевронья Ивановна до сихъ поръ плачетъ и говоритъ: «лучше бы я тамъ жила, построила бы на своей землѣ домъ»... О Пушкинѣ Ѳевронья Ивановна многое забыла, но вспоминаетъ его часто. Ѳевронья Ивановна сама замужъ ни за что не хотѣла идти и намъ, племянницамъ, не велѣла. Родныхъ у насъ много, и о всѣхъ заботилась Ѳевронья Ивановна. Воспитала она насъ—всѣхъ было 5, да 12 дѣтей другаго брата. Всѣ ея братья померли.

Младшая племянница, на одинъ изъ моихъ вопросовъ, возобновила разговоръ о первомъ знакомствѣ своей тетки съ Пушкинымъ, и на этотъ разъ я уже услышала другой вариантъ.

— Пушкинъ странный былъ, чудакъ какой-то. По цѣлымъ днямъ пропадалъ въ лѣсу. Присядетъ на пенекъ и стихи пишетъ. Шелъ это онъ разъ селомъ и вдругъ увидѣлъ Ѳевронью Ивановну. И былъ пораженъ ея красотой. Очень ему хотѣлось познакомиться съ красоткой, да конфузился онъ. А камердинеръ ему говоритъ: «вы бы, Александръ Сергѣевичъ, на пчельникъ сходили, медку отвѣдали». Онъ и пошелъ, не зная, кого онъ тамъ увидитъ. Подходить, а въ дверяхъ, въ атласномъ платьѣ, стоитъ Ѳевронья Ива-

новна и на серебряномъ подносѣ держитъ ковшь меду. Тутъ-то и познакомились. А скоро пришла телеграмма, и Александръ Сергѣевичъ уѣхалъ... И деньги онъ бралъ у отца займа.

Я очень долго разспрашивалъ, конечно, въ самой корректной формѣ, объ отношеніяхъ между Ѳевроньей Ивановной и Пушкинымъ; но, кромѣ легенды о знакомствѣ, измѣнявшихся на моихъ же глазахъ, я не услышалъ ничего новаго. Сестры нѣсколько разъ возвращались къ одному и тому же, повторяли только что рассказанное, неожиданно для меня комбинируя/рассказъ на новый ладъ и внося въ него новыя подробности, совершенно фантастичныя.

Наконецъ, старшая сестра встала и, уходя въ сосѣднюю комнату, проговорила:

— Ѳевронья Ивановна, должно быть, уже одѣлась. Я посмотрю. Она сейчасъ выдетъ къ вамъ.

Мы остались съ младшей сестрой, и она мнѣ рассказывала новую легенду.

— Любилъ царь Пушкина, жить безъ него не могъ. Вотъ разъ царь и говоритъ: «скажи, Пушкинъ, стихи». «Не могу, говоритъ Пушкинъ, разсердись». «Да говори,—проситъ царь,—не разсердись; что ни скажешь, прощу». Пушкинъ возьми да и скажи... Разсердился царь, заковалъ его въ кандалы, и послалъ на Кавказъ. И сдѣлался Пушкинъ кавказскимъ плѣнникомъ. А прекрасная черкешенка распяла дѣти и отпустила его на волю. Вотъ онъ и написалъ «Кавказскаго плѣнника». У насъ и картина была...

Я постарался подробнѣе разспросить про мнеческую картину.

— Какъ же! самъ Пушкинъ нарисовалъ эту картину и стихи на ней собственноручно написалъ... Да дѣти, мои племянники, разорвали ее...

— Нѣтъ ли у васъ книгъ какихъ нибудь,—спросилъ я,—или пишемъ?

— Нѣтъ ничего и не помню, чтобы были. Объ этомъ уже многіе спрашивали. Пріѣзжали изъ Москвы и допытывались, не осталось ли что послѣ Пушкина. Ничего нѣтъ у насъ. Одна была картина, да и ту разорвали мальчишки...

Я спросилъ о здоровьѣ Ѳевроньи Ивановны.

— Плоха тетушка. Да и что жь? вѣдь скоро 90 лѣтъ ей будетъ. Два года тому назадъ ослѣпла и ничего не видитъ. Очень она слаба у насъ. Спать день-то весь. И забывается, совсѣмъ забывается, говоритъ несурзное, бормочетъ, ничего не понимаетъ, умомъ совсѣмъ больная. День проживетъ,—и слава богу!

Къ стыду нашему, русскій народъ еще мало знаетъ Пушкина, своего величайшаго поэта. Самъ поэтъ любилъ народъ, воспѣвалъ его, черпалъ изъ сокровищницы народнаго языка и народной мудрости матеріалъ для своего творчества. Русская интеллигенція виновата въ томъ, что народъ не знаетъ Пушкина: мы точно ничего не сдѣлали для распространенія среди народа пушкинскихъ произведеній. У насъ есть одна только «Пушкинская читальня», содержащая Таболенскимъ сельскимъ обществомъ, но и та находится въ плачевномъ состояніи. Г. Яблоновскій сообщаетъ о ней слѣдующее:

Я былъ въ этой читальнѣ и не могу сказать, чтобы она произвела на меня особенно благопріятное впечатлѣніе: не то, чтобы не видно было тру-

довъ мѣстной интеллигенціи (чего другаго, а труда положено было много), но читальня эта страдаетъ общимъ недостаткомъ крестьянскихъ читателей: мизернымъ количествомъ книгъ, указанныхъ въ народномъ каталогѣ. Среди небольшой чистенькой комнатки, на кругломъ столѣ я замѣтилъ, между прочимъ, слѣдующія изданія: «Чудесныя исцѣленія отъ Святогорскихъ иконъ Божіей Матери» (составилъ нынѣшній игуменъ мѣстнаго монастыря), далѣе «Нива», «Русскій Паломникъ», «Вокругъ Свѣта» и еще нѣсколько аналогичныхъ изданій. У стѣны въ небольшомъ шкафу заключена вся остальная пушкинская бібліотека. Книгъ въ этомъ шкафу такъ мало, что, пожалуй, у каждаго изъ насъ, частныхъ людей, ихъ больше, да и немногія имѣющіяся, благодаря *ограничительному каталогу* (охъ, ужъ этотъ каталогъ, куда не сразу попали даже басни Крылова!) не могли быть подобраны для крестьянъ; Шиллеръ, Гёте, немножко Диккенса, немножко Теккерея, далѣе Пушкинъ, немножко Тургенева, немножко Григоровича. И это въ Пушкинской бібліотекѣ, гдѣ виситъ портретъ поэта, стоитъ его бюстъ и даже имѣется толстая книга, гдѣ расписываются почетные посѣтители этой достопримѣчательности! Кстати о книгѣ посѣтителей. Я перелистывалъ ее, желая знать, кто здѣсь побывалъ, но ничего, особеннаго не нашелъ: началъ книгу преосвященный Августинъ, а закончили два земскихъ начальника, въ срединѣ же особенно знаменитыхъ именъ не имѣется, если не считать сотрудника «Петербургскаго Листка» г. Пер—ева...

Построенная иждивеніемъ крестьянъ, Пушкинская читальня-бібліотека и содержится на ихъ же счетъ. Средствъ, разумѣется, очень мало и нѣтъ возможности даже нанять, хоть плохенькаго, завѣдывающаго читальней. Въ настоящее время роль эту добровольно и, конечно, безвозмездно взяли на себя нѣсколько человекъ изъ мѣстной интеллигенціи и по очереди дежурятъ въ читальнѣ.

Коснувшись поддержки со стороны дворянства, въ которой нуждаются читальня и богадѣльня имени Пушкина, г. Яблоновскій продолжаетъ:

«Было бы чрезвычайно печально, еслибы псковское дворянство не приняло всѣхъ мѣръ къ тому, чтобы сдѣлать участниками предстоящаго торжества и крестьянъ. По слухамъ, среди дворянъ-псковичей эта послѣдняя мысль не считается общепризнанной, по крайней мѣрѣ, мнѣ передавали за достовѣрный фактъ, что въ ихъ средѣ имѣются такіе «раритеты», которые *относятся вполне отрицательно* къ участию крестьянъ въ пушкинскомъ торжествѣ.—«Пушкинъ,—разсуждаютъ они,—былъ дворянинъ, а потому и торжество въ честь его должно быть дворянскимъ, и мужики здѣсь рѣшительно непричемъ». Но къ чести псковскаго дворянства надо сказать, что такія попытки «дворянизации» Пушкина представляютъ собой мнѣніе непросвѣщеннаго меньшинства; большинство же понимаетъ весь комизмъ этого взгляда».

Впрочемъ, и при несчастной жизни своей, не дотянувшейся и до 40-лѣтняго возраста, Пушкинъ подвергался не разъ и еще бѣдшимъ недоразумѣніямъ и преслѣдованіямъ со стороны разныхъ

«благодѣтелей», въ родѣ цензора Тимковскаго и шефа жандармовъ Бенкендорфа, ненавидѣвшихъ въ немъ его умственную и нравственную независимость, его гордый, самостоятельный характеръ. Вспомнимъ его горько-проническую жалобу:

Бывало, что ни напишу,
 Ото всего «не Русью пахнетъ»;
 О чемъ цензуру ни прошу,—
 Ото всего Тимковскій ахнетъ!

Вспомнимъ и еще болѣе рѣзкое восклицаніе, вырвавшееся изъ глубины души поэта послѣ разныхъ мелкихъ и крупныхъ преслѣдованій: «Дернулъ меня чортъ родиться въ Россіи съ умомъ и талантомъ». Только одинъ Николай Павловичъ стоялъ крѣпко за своего любимца, но и государя хотѣли вооружить противъ Пушкина «рабы» и «льстецы», по энергическому выраженію самого поэта...

Всенародный памятникъ геніальному Пушкину — и именно памятникъ, воздвигнутый въ Петербургѣ, рядомъ съ бронзовымъ Петромъ Великимъ, воспѣтымъ въ «Мѣдномъ Всадникѣ»,—будетъ и данью народнаго раскаянія передъ памятью преждевременно погибшаго поэта?..

Нужно думать, что праздникъ 26 мая соединить подъ одною кровлею всѣхъ—и дворянство, и духовенство, и купечество, и крестьянство. Пушкинъ одинаково для всѣхъ дорогъ. Нашъ великій поэтъ по происхожденію—дворянинъ. Но не изъ однихъ дворянскихъ элементовъ, не изъ дворянскаго только духа онъ черпалъ матеріалъ для своего творчества, для созиданія могучаго русскаго языка. Русскій народный духъ, которымъ дышать его произведенія, почерпнуть великимъ поэтомъ изъ народной жизни; русскій языкъ — могучій пушкинскій языкъ—опять таки почерпнуть имъ изъ народнаго языка, говорить на которомъ часть тогдашняго дворянства даже стыдилась.

Земскій начальникъ козловскаго уѣзда, г. Новиковъ, въ «Спб. Вѣдомостяхъ» помѣстилъ цѣлый рядъ весьма цѣнныхъ статей для характеристики современнаго состоянія нашей деревни. Статьи эти важны потому, что онѣ являются если не исключительными, то весьма рѣдкими, по тому знакомству съ деревенскимъ бытомъ и жизнью, которымъ обладаетъ почтенный авторъ. О деревнѣ у насъ много писали, но во всѣхъ этихъ писаніяхъ проглядываетъ одинъ, общій всѣмъ, существенный недостатокъ; слишкомъ поверхностное знакомство съ деревнею и съ русскимъ мужикомъ. «Народническая» литература распинается за мужика, рисуетъ его въ болѣе свѣтлыхъ краскахъ, а анти-народническая клеймитъ его. Г. Нови-

ковъ чуждъ крайностей и чуждъ потому, что онъ, какъ житель провинціи, хорошо знаетъ русскаго мужика и русскую деревню.

О русскомъ мужикѣ у насъ сложилось мнѣніе, что онъ будто бы страшно выносливъ и терпѣливъ, а мужицкое брюхо даже топоръ свободно переварить. Г. Новиковъ отвергаетъ это распространенное мнѣніе о всевыносливости русскаго человѣка. Въ дѣйствительности же болѣзненность русскаго народа превосходить всякія ожиданія. Женщины, напримѣръ, почти всѣ страдаютъ отъ женскихъ болѣзней. Да и какъ не болѣть крестьянину при условіяхъ его быта? Вотъ квалификація крестьянскаго здоровья:

Одинъ изъ укоренившихся предрассудковъ о нашемъ народѣ состоитъ въ томъ, что онъ необыкновенно здоровъ и силенъ. Между тѣмъ, если походить по дворамъ, то рѣдкую семью найдешь здоровой. То же впечатлѣніе выносишь изъ рекрутскаго набора. Что же касается женщинъ, то больны всѣ,—за рѣдкими исключеніями. Сравните партію русскихъ рабочихъ и партію нѣмецкихъ рабочихъ,—и разница поразитъ васъ. Тѣ — свѣжіе, краснощекіе; наши — блѣдные, испятые...

Предрассудокъ, о которомъ я говорилъ, происходитъ отъ удивительной выносливости мужика: работать онъ перестаетъ только тогда, когда ноги его буквально не держатъ, — а то всякую почти болѣзнь онъ выноситъ на ногахъ, и притомъ въ работѣ. Я — не докторъ, но наблюдалъ такіе случаи: заявляетъ, напримѣръ, мужикъ, что боленъ, голова болитъ. Ставишь термометръ: 41 градусъ. Спрашиваешь: «давно жаръ»? «Съ недѣлю, ваше благородіе,—да ужъ не въ ногу становится». Оказывается, что онъ на ногахъ съ косою въ рукахъ, переноситъ тифъ. Вотъ та лѣнь, въ которой упрекаютъ этого многострадальнаго героя!

Крестьянинъ живетъ въ самой анти-гигіенической обстановкѣ. Его изба — большею частью, семиаршинная изъ тонкаго лѣса, плохо подбитая, со щелями въ палецъ, пропускающими снѣгъ и морозъ, отъ которыхъ укрываются, обваливая избу навозомъ. Окно въ двѣ четверти ширины и въ три четверти вышины об одной рамѣ (вторая, вѣдь, не по средствамъ!). Потолокъ рукой достанетъ всякій, а высокій человѣкъ чуть головой не задѣнетъ. Теперь еще половина избъ топится по черному, — а видалъ ли всякій деревенскій житель, что это значить? Это значить, что утромъ, когда топятъ, въ верхней половинѣ избы стоятъ непроглядный дымъ, выходящій въ щели или въ особое отверстіе, или, большею частью, въ открываемую для того дверь. Обитатели ложатся въ это время или садятся на полъ, чтобы не наглотаться дыму. Холодъ несетъ въ дверь двадцатиградусный. Кончилась топка, все закрывается, — а въ избѣ становится жарко, какъ въ банѣ. Къ утру вода часто опять замерзаетъ. Отъ дыма потолокъ и стѣны покрыты чернымъ налетомъ, висающимъ иногда въ видѣ сосулекъ. Тутъ живетъ семья душъ въ восемь: и старикъ со старухой, и

сынъ женатый, и дѣвка, и ребятишки. Тутъ ѣдятъ, спятъ на соломѣ,—тутъ бабы родятъ, прядутъ и ткутъ,—тутъ ребятамъ надо уроки готовить, — тутъ теленокъ, ягнята, иногда поросята, куры. Тутъ вонь невыносимая, тутъ свѣтъ отъ коптилки, т. е. лампы безъ стекла, а то и вовсе нѣтъ свѣта; когда не на что купить керосину. Приходить на умъ ужасная иронія какого-то заграничнаго писателя, удивлявшагося выносливости нашего скота, который переноситъ жизнь въ крестьянской избѣ! Горько, больно думать объ этомъ; стыдно становится жить въ богатыхъ покояхъ и ругать лакея, если въ комнатѣ меньше 14 или больше 16 градусовъ. «Какая медицина поможетъ при этихъ условіяхъ?»—спрашиваетъ авторъ.—На все одинъ отвѣтъ: средствъ нѣтъ. А когда и есть, то тутъ же полное и невѣжественное отрицаніе всякихъ самыхъ азбучныхъ истинъ гигіены».

Г. Новиковъ крайне скептически относится къ той «культурѣ», которую будто бы вносятъ въ крестьянскую среду возвращающіеся солдаты. Въ этомъ случаѣ онъ сходится съ Платономъ Каратаевымъ гр. Л. Н. Толстаго, который говоритъ, что «солдаты—мужикъ порченый».

Если посмотрѣть, изъ кого берутся старшины, урядники, лучшіе старосты, то окажется, что они всѣ—изъ военныхъ, притомъ не изъ рядовыхъ, а изъ унтеръ-офицеровъ, фельдфебелей и т. п. Спросите любаго изъ нихъ, грамотнымъ ли онъ пошелъ на службу, и въ большинствѣ случаевъ услышите, что онъ пошелъ грамотнымъ, а на службѣ только усовершенствовался. Рѣдко тамъ выучивается солдатъ, поступающій на службу неграмотнымъ. Большинство возвращающихся рядовыхъ, нѣсколько времени покрасовавшись въ мундирѣ, черезъ два-три года снова оумаживаются до такой степени, что часто и не узнаешь въ нихъ солдатъ. Поэтому замѣтное развитіе во многихъ служившихъ отнюдь не должно быть приписано исключительно военной службѣ. Лучшими выходятъ тѣ, которые поступали таковыми. Солдаты, вернувшіеся со службы, поражаетъ своимъ презрѣніемъ къ остальнымъ крестьянамъ. Это—весьма несимпатичная черта этихъ людей. Въ рѣдкихъ случаяхъ солдатъ, вернувшись, живетъ мирно съ отцомъ и братьями; большею частью, онъ отдѣляется, если тѣ не соглашаются признать его фактическимъ хозяиномъ.

Не лучше и ихъ семейная жизнь въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Ужаснѣйшій обычай въ крестьянствѣ женить своихъ дѣтей до поступленія на службу. — обычай, происходящій отъ необходимости имѣть лишнюю работницу, — является источникомъ большихъ несчастій. Солдатки, въ громадномъ большинствѣ слу-

чаевъ, ведутъ жизнь страшно распутную. Понятно, что мужъ ея, вернувшись, сейчасъ же узнаетъ про это и начинаетъ жену наказывать, т. е. бить. Еще хуже бываетъ, если онъ находитъ притѣвленныхъ ею за это время дѣтей. Тогда семейное счастье разрушено навѣкъ.

Печально относится г. Новиковъ и къ сельской школѣ, и къ сельскому учителю.

«Будемъ надѣяться, что продолжительность курса мало-по-малу увеличится и дойдетъ до нужныхъ пяти лѣтъ; что поднимется уровень учащихся въ этихъ школахъ и, опять-таки, что найдутся нужныя средства. Нельзя не одобрить, что будущіе разсадники свѣта открываются по селамъ, гдѣ притомъ находится лучшій матеріалъ для будущихъ учителей народа.

«Два слова объ учительницахъ. Учительница въ настоящій гнусный вѣкъ приданого рѣдко выходитъ замужъ; на улучшеніе ея положенія надежды нѣтъ. Поэтому она прочнѣе учителя, вѣчно стремящагося куда нибудь уйти: или въ дьяконы, или на желѣзную дорогу, или въ «монополию». Учителя удерживаетъ, главнымъ образомъ, право не идти въ солдаты. Дѣти выходятъ добрѣе, мягче, сердечнѣе изъ той школы, гдѣ есть учительницы. А не это ли главная современная задача русской школы? Къ сожалѣнію, учительницы мало успѣваютъ по ариметикѣ (это—явленіе общее, также какъ и то, что дѣвочки по ариметикѣ хуже учатся, чѣмъ мальчики) и по пѣнію. Учить пѣть онѣ, конечно, могли бы, какъ и учителя, но ихъ удерживаетъ робость, конфузливость. Къ тому жѣ, въ церкви завѣдывать хоромъ онѣ стѣсняются. Не будь этого важнаго недостатка, думаю, что въ большинствѣ случаевъ учительницы вытѣснили бы изъ народной школы учителей. Говорю это къ тому, что очень жалко, что въ большинствѣ спеціально-педагогическія заведенія—мужскія».

Другой авторъ г. Евреинновъ, въ тѣхъ же «Спб. Вѣдомостяхъ», въ своихъ статьяхъ объ администраціи, полиціи и населеніи, приходитъ также къ печальному выводу относительно современнаго состоянія русской деревни.

«Мѣстная жизнь, оскуденіемъ деревни и рядомъ голодовокъ послѣднихъ лѣтъ, вопіетъ о своемъ коренномъ переустройствѣ и согласованіи ея со всѣми органами управленія въ одно стройное цѣлое. *Реформъ, реформъ молить современная деревня!* Безъ этихъ насущныхъ реформъ, даже немедленное уничтоженіе протекціонистской политики не выведетъ сельскаго хозяйства изъ того заколдованнаго круга бѣдствій, въ который оно нынѣ повергнуто всѣмъ неустройствомъ мѣстной жизни. А вѣдь усиленная протек-

ціонистская политика послѣдняго 12-ти лѣтїя, по признанію самаго г. министра финансовъ въ рѣчи, сказанной имъ въ хлѣбной комисіи, ложится тяжелымъ бременемъ на сельское хозяйство и на скудные достатки деревни, чѣмъ, конечно, усугубляетъ оскуденіе села и его жителей? Безъ коренныхъ реформъ деревенскаго правопорядка,—повторяю,—всякая мѣра восполненія будетъ паллятивной, и даже такое серьезное мѣропріятіе, какъ прекращеніе сразу протекціонизма, не выведетъ деревни на путь обновленія, сытости и кой-какого достатка. Вотъ почему вопросъ: какъ помочь деревнѣ и сельскому хозяйству, такъ сложенъ; вотъ почему одной мѣрой, однимъ словомъ отвѣтить на него нельзя. Пора, давно пора взяться за разрѣшеніе этого вопроса: медлить болѣе нельзя! Еще есть время остановить бѣдствіе и вывести земледѣльца изъ бѣды. Зачѣмъ же медлить?»

Далѣе онъ говоритъ, что для всякаго, знающаго хорошо тѣ условія, при которыхъ живетъ деревенскій людъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что населеніе впадаетъ въ полную безпомощность во время неурожая.

Положеніе печальное, и самопомощи трудно ожидать. Даже тѣ хлѣбозапасные магазины, которые, по нашему «городскому» мнѣнію, должны выручать крестьянъ во время голодовокъ, въ дѣйствительности оказываются мало полезными. Къ несчастію, это—«примитивное и нынѣ совершенно отжившее учрежденіе находится у семи нянекъ подъ наблюденіемъ. Выдаетъ сперва сельскій сходъ, затѣмъ уѣздная земская управа, губернская земская управа. Не потому ли магазины по большей части пусты или засыпаны такимъ хлѣбомъ, который чаще всего никуда не годенъ? Но это установленіе — лишь кажущаяся помощь крестьянской общинѣ, такъ какъ, во-первыхъ, она обходится ей крайне дорого и вовсе не служитъ поддержкой заудалымъ сочленамъ. Едва получится разрѣшеніе выдать хлѣбъ изъ хлѣбозапаснаго магазина, какъ немедленно его разбираютъ всѣ поголовно, кто его засыпалъ, такъ какъ при совершенно неразвитой общественности всякій стремится захватить свой пай, не дѣлясь съ неимущимъ. На практикѣ хлѣбозапасные магазины совершенно не отвѣчаютъ своей цѣли, никому ни въ чемъ не помогаютъ, а лишь ложатся еще большимъ бременемъ на безъ того обремененную крестьянскую общину. Отсутствіе идеи взаимопомощи настолько ярко въ современной общинѣ, что во многихъ селахъ болѣе состоятельные ея члены хранятъ свои пай въ запасныхъ магазинахъ въ особыхъ ледникахъ, не смѣшивая ихъ въ общей кучѣ».

Такимъ образомъ, и хлѣбозапасные магазины не приносятъ

крестьянину пользы и даже не спасают его от голодовок и недо-
стачи съмянъ для посѣва.

Авторъ приходитъ къ заключенію, что необходимо реорганизо-
вать самую крестьянскую общину, необходимо *вдохнуть въ нее*
тотъ живой духъ самостоятельной дѣятельности, которая вы-
двигаетъ на арену лучшихъ людей и даетъ смыслъ всякой обще-
ственности.

Впрочемъ, не всѣ такъ разсуждаютъ, какъ г. Евреиновъ. «Но-
вости» тоже задаются вопросомъ: какъ спасти русскую деревню
отъ всевозможныхъ бѣдствій, а русскаго мужика отъ голодовки?
Эти вопросы онѣ рѣшаютъ съ удивительнымъ легкомысліемъ и съ
какою-то ожесточенною (жидовскою) безшабашностью. Развязность
тона и безцеремонность сужденій прямо поразительны.

«Уничтожьте категорически—восклицаютъ «Новости»—прикрѣ-
пощеніе крестьянъ къ землѣ, семьѣ и общинѣ, и крестьяне сами
живо разберутся въ своихъ экономическихъ невзгодахъ, найдутъ
своему труду болѣе выгодное примѣненіе и избавятъ себя отъ ни-
щеты и разоренія, а государство освободятъ отъ бѣдствій: еже-
годно лишаться миллионовъ производительныхъ работниковъ, да
еще прокармливать ихъ на казенный счетъ (!!). Сойдетъ самъ со-
бой со сцены и вопросъ о крестьянскомъ малоземельѣ. Лишній на
землѣ трудъ уйдетъ въ другія области работы, и крестьянскіе на-
дѣлы быстро поднимутся до тѣхъ размѣровъ, при которыхъ воз-
можно использовать весь свободный трудъ владѣльца — крестьян-
ской земледѣльческой семьи. Прекратится лихорадочное стремленіе
къ распашкѣ все новыхъ угодій, къ найму земель безъ всякаго
расчета на выгодность этихъ начинаній, единственно въ силу того,
что у крестьянина остается отъ обработки его малаго надѣла ги-
бель свободнаго труда, который ему некуда дѣвать и который,
въ стремленіи выбиться изъ нужды, онъ радъ затратить хоть за
грошъ и хотя бы подъ страхомъ понести убытокъ».

Боже, какъ легко рѣшаются, съ точки зрѣнія еврейскаго ка-
гала, вопросы о русской деревнѣ, о русскомъ мужикѣ! Какъ легко
избавить Россію отъ голодовокъ! И почему это до сихъ поръ русскіе
государственные люди не обратились къ г. Нотовичу и его друзьямъ-
раввинамъ съ просьбою прійти—и спасти Россію? Право, жаль.

Нѣтъ, лучше, господа, занимайтесь вы *своимъ* жидовскимъ дѣ-
ломъ, заботьтесь о своихъ сородичахъ, ратуйте за Дрейфуса, а о
русскомъ мужикѣ перестаньте толковать. Если же хотите говорить
о мужикѣ, то бросьте эту безшабашность, эту развязность, ко-
торая дѣлу не поможетъ, а только вызываетъ отвратительное чув-
ство у читателя.

Невольно напрашивается вопросъ: что же нужно сдѣлать, чтобы возбудить, поднять духовныя силы стоимилліоннаго русскаго народа? Кто долженъ заняться этой великой культурной работой? Эта великая и, притомъ, страшно тяжелая работа выпала, послѣ крушенія дореформеннаго строя, всецѣло на долю земства. Результаты земской работы выяснились чрезвычайно быстро.

«Вотъ что съ перваго раза бросается въ глаза,—говоритъ въ 1875 году авторъ «Десятилѣтія русскаго земства»,—когда мы, съ помощью земской литературы, познакоимся съ деревнею земскаго періода. Тамъ, гдѣ восемь лѣтъ назадъ не было ни одной школы, гдѣ съ цѣлою сельскомъ обществомъ не находилось ни одного грамотнаго человека, и гдѣ при рукоприкладствѣ на распискахъ, на денежныхъ и другихъ актахъ дѣлались буквально «рукоприкладства», т. е. обмакивался въ чернила палецъ или два и прикладывался къ бумагѣ, дѣлая на ней чернильное пятно,—на подобіе слѣдовъ мастодонта или ихтиозавра, сохранившихся въ первобытныхъ пластахъ земной коры,—тамъ, гдѣ на сотни верстъ въ окружности крестьяне не находили грамотника «изъ своихъ», который прочелъ бы имъ только что полученное «положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости», — тамъ крестьянскіе ребятишки, родившіеся передъ самою волею или же послѣ воли, не только свободно читаютъ крестьянское земское «положеніе», но и бойко расписываются на бумагахъ за своихъ безграмотныхъ отцовъ и дѣдовъ; охотно читаютъ «Родное Слово» Ушинскаго, народныя изданія барона Корфа, Толстаго и другихъ учителей народа, посѣщаютъ ремесленныя школы; какъ вода сквозь плотину, просачиваются, такъ сказать, въ гимназіи, а отцы, еще не забывшіе барщину, нерѣдко гадяты на сходкахъ, чтобы всѣхъ ребятъ учить поголовно, обязательно».

Къ такимъ выводамъ возможно было прійти чрезъ 8 лѣтъ послѣ отмены крѣпостнаго права и введенія земскихъ учрежденій. Теперь результаты, конечно, еще лучше. Достаточно сказать, что, по отчетамъ 1855 г., всѣхъ школъ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ было 2,782 съ 139,320 учащимися, а въ удѣльныхъ — 204 школы съ 7,477 учащимися. Теперь же, на основаніи официальныхъ данныхъ, въ 34 земскихъ губерніяхъ числится 20,041 школа съ 1.529,186 учащимися!

Вотъ что сдѣлало земство для удовлетворенія духовныхъ нуждъ народа.

Но земство сдѣлало еще болѣе въ дѣлѣ охраненія народнаго здравія. До земства, народной медицины вовсе не было. Сельское населеніе лѣчилося у знахарей и знахарокъ. Земство дало народу и больницы, и докторовъ. Такъ, по отчету медицинскаго д-та за 1890 г., врачебною помощью въ теченіе года въ больницахъ и внѣ больницъ пользовалось 21.133,947 больныхъ, или, въ среднемъ, на губернію—535,544 больныхъ, а на долю не-земскихъ губерній было 2.925,423 больныхъ, т. е., въ среднемъ, на одну губ. — 182,838 больныхъ. Въ земскихъ губерніяхъ, въ настоящее время, нерѣдко

встрѣтить уже селенія со школою и больницею. Земство работаетъ, и дай богъ, чтобы оно еще успѣшнѣе работало.

Отрадные факты... Но какъ рѣдко приходится отмѣчать ихъ! Просматривая провинціальную прессу, приходится наблюдать только отрицательныя стороны жизни; видишь только грустныя явленія и тяжелыя сцены. «Плохо! пижутъ изъ провинціи», не помню, сказалъ кто-то. Но теперь еще хуже стало... Въ провинціи какъ будто бы жизнь замерла и не дѣйствуетъ. Какъ радъ бываешь, когда изрѣдка встрѣтишь отрадный фактъ, пріятное сообщеніе. Но отрадные факты, повторяю, рѣдки, и зато тѣмъ они пріятнѣе, тѣмъ они дороже. На душѣ становится легко. И эти рѣдкіе отрадные факты тѣмъ ярче свѣтять на сумрачномъ, темномъ фонѣ провинціальной жизни, что, во 1-хъ, ихъ въ жизни мало, а, во 2-хъ, они слишкомъ рѣдко попадаютъ на столбцахъ провинціальныхъ газетъ. Мы больше любимъ заниматься *политикой*: Дрейфусъ, Эстергази—вотъ чѣмъ переполнены столбцы нашихъ газетъ. Какое дѣло нашему провинціальному читателю до всей этой жидовской своры, забравшей, благодаря пресловутой «равноправности», всю Францію въ свои цѣпки и алчныя руки! А, между тѣмъ, читателю ежедневно приподносится вся эта жидовская исторія, темная, какъ глубокая осенняя ночь, въ которой не только наши провинціальные литераторы ничего не видятъ и ничего не понимаютъ, но даже и сами французы—обились съ толку. Вся эта «дрейфусиада» понятна только жидамъ, они—творцы ея, они же и мастера въ мутной водѣ ловить рыбу... Какой нибудь «Чухломскій Вѣстникъ» вдругъ раздражается цѣлой филиппикой противъ Франціи и горой стоитъ за Дрейфуса! Для чего онъ изо дня въ день, какъ дятель, долбитъ по одному мѣсту: *Дрейфусъ не виновенъ! Дрейфусъ не виновенъ!*? Положимъ, этимъ долбленіемъ по одному мѣсту занимаются по преимуществу отпрыски того же древа, къ которому принадлежитъ и пресловутый обитатель Чортова острова. Жиды хозяйничаютъ въ нашей проссѣ,—вотъ чѣмъ и можно только объяснить позорное поведеніе всѣхъ этихъ «Чухломскихъ Вѣстниковъ».

Если же мы политикой не занимаемся, то ужасно любимъ отыскивать отрицательныя и темныя стороны нашей жизни. И этому дѣлу мы любимъ предаваться, во-1-хъ, потому, что имѣемъ большую склонность къ самооплеванию и самобичеванію; во 2-хъ, на отрицательныхъ фактахъ можно поиграть въ *гражданскія чувства*, къ чему мы особенно склонны, а, въ-3-хъ, отрицательныя явленія всегда подъ рукою.

А есть въ провинціи и хорошія явленія, и хорошіе добрые

люди. Но это люди—мелкіе и незамѣтные. Они дѣлаютъ маленькое дѣло и дѣлаютъ его тихо, безъ шуму, безъ рекламы. Не нужно забывать, что великое бываетъ и въ маломъ.

Недавно,—пишетъ корреспондентъ «Орловскаго Вѣстника»,—мнѣ пришлось проѣздомъ быть въ с. Дросковѣ. За неимѣніемъ въ селѣ подходящихъ знакомыхъ, я остановился ночевать на постояломъ дворѣ. Разговорились съ хозяиномъ.

«Скоро мы будемъ въ Дросковѣ празднать праздновать»,—сказалъ, между прочимъ, мой словоохотливый и, кстати молвить, довольно таки развитой хозяинъ.

«Какой праздникъ?»—спрашиваю.

«А вотъ 16-го мая с. г. будемъ чтить 25-лѣтній юбилей законоучительской дѣятельности нашего дорогаго батюшки о. Θεодора (Леонова). Вы, вѣдь, знаете, что въ Дросковѣ есть образцовое 2-классное училище министерства народнаго просвѣщенія, а законоучителемъ этого училища состоитъ нашъ о. Θεодоръ. За 25-лѣтній періодъ времени любимый нашъ пастырь, о. Θεодоръ, научилъ многія сотни дѣтей не только чтенію и письму, но и всему добруму и хорошему; кромѣ того, болѣе 50 мальчиковъ онъ подготовилъ для поступленія въ учительскую семинарію, которые теперь съ честью проходятъ должности учителей. Его ежедневные уроки по закону божію производятъ до того сильное и глубокое впечатлѣніе на дѣтишекъ, что они никогда ихъ не забываютъ, да нельзя и забыть. Помню, какъ-то въ прошломъ году, я зашелъ въ училище по дѣлу; шелъ урокъ закона божія; батюшка объяснялъ 8-ю заповѣдь—«не укради». И что же вы думаете? Я цѣлый часъ простоялъ въ передней, слушая объясненія о. Θεодора, да и еще бы простоялъ подъ рядъ нѣсколько часовъ, лишь бы только батюшка говорилъ, но урокъ кончился. Плавная, задушевная рѣчь его такъ и лилась, такъ и падала на душу и сердце. А какіе разительные примѣры, подтверждающіе грѣховность и наказуемость за воровство, онъ приводилъ изъ библіи и обыденной жизни!.. Диву я дался. Ребятишка, затаявъ дыханіе, съ разинутыми ртами такъ и впилсъ глазами въ своего любимаго наставника. Ну, скажите на милость, можно ли забыть такіа наставленія? Скажу по истинной совѣсти, еслибы не стыдъ, я самъ бы ходилъ каждый день въ училище о. Θεодора: есть, вѣдь, кого и что послушать. Вотъ за такіе-то уроки по закону божію бывшые питомцы о. Θεодора, а съ ними и родители ихъ, какъ намъ извѣстно, хотятъ почтить своего добраго пастыря и учителя въ юбилейный день скрепнымъ торжествомъ. Да это будетъ достойно и праведно! Такъ закончилъ свою рѣчь мой собесѣдникъ. При этомъ онъ добавилъ, что хотятъ почтить о. Θεодора на память поднесеніемъ или наперснаго креста, или цѣнной трости».

Это маленький, незамѣтный труженикъ. Но онъ совершаетъ великое дѣло. Есть и другіе такіе же труженики; но, къ сожалѣнію, они не попадаютъ на столбцы провинціальной прессы.

А вотъ и другой фактъ рѣдкаго безкорыстнаго служенія народу и дѣлу просвѣщенія.

«Въ декабрѣ, въ Петербургъ прибыла народная учительница Н. П. Скоробогатова, пожилая уже женщина—лѣтъ 50. Происходя изъ богатой купеческой семьи г. Богучара, г-жа Скоробогатова, по окончаніи гимназическаго курса, *еще молодой двужиной*, все-

цѣло отдалась просвѣтительной дѣятельности. При этомъ она долго не остается на одномъ какомъ либо мѣстѣ: пробывъ известное время въ деревнѣ и обучивъ часть дѣтвора грамотѣ, она прощалась съ привязавшимся къ ней населеніемъ, увязывала свой скромный багажъ въ мѣшокъ и по образу пѣшаго хожденія отправлялась въ другія селенія. Такимъ образомъ, за 30 лѣтъ своей дѣятельности она успѣла побывать во многихъ наиболѣе глухихъ уголкахъ Россіи, внося въ нихъ свѣтъ, знанія, и сдѣлала, въ общемъ, пѣшкомъ до 20,000 верстъ. Десять лѣтъ тому назадъ, послѣ смерти отца, *она получила наследство въ 60,000 руб., которое пожертвовала на цѣли народнаго просвѣщенія.* Высокаго роста, мужественная, съ открытымъ энергическимъ лицомъ—она съ перваго же взгляда производитъ на каждого симпатичное впечатлѣніе. Въ послѣднее время она учительствовала въ новгородской губерніи, откуда пѣшкомъ добралась до Петербурга. Въ столицѣ она въ первый разъ, но большой шумный городъ мало интересуется ее. Изъ Петербурга г-жа Скоробогатова идетъ на Вытегру и посѣтитъ архангельскую и вологодскую губерніи. Не смотря на свой сравнительно пожилой возрастъ, она отличается завиднымъ здоровьемъ и легко проходитъ въ день по 25 — 30 верстъ. Въ настоящее время, по словамъ газетъ, ею подготовляются къ печати интересныя воспоминанія, охватывающія весь періодъ ея кочевой жизни. Въ эти воспоминанія войдетъ также и переписка съ нѣкоторыми изъ выдающихся писателей-народниковъ».

Какъ рѣдко приходится нашей печати отмѣчать такіе отрадные факты! Дѣла этихъ маленькихъ героевъ и незамѣтныхъ труженниковъ, искренно и свято преданныхъ своему дѣлу, теряются и тонуть въ морѣ отрицательныхъ явленій, известіями о которыхъ переполнены газетные столбцы...

Но вотъ и еще отрадный фактъ, — только изъ другой области.

Въ «Спб. Дух. Вѣстникѣ» передаютъ слѣдующій знаменательный и назидательный фактъ:

При посѣщеніи преосвященнымъ Сергіемъ, епископомъ уманскимъ, селенія Новая Гребля, уманскаго уѣзда, по выходѣ изъ церкви къ экипажу, евреи—мужчины, женщины и дѣти, около 40 человекъ,—поднесли ему хлѣбъ-соль. Одиъ изъ евреевъ произнесъ слѣдующее привѣтствіе: «Просимъ васъ, божій избранникъ и молитвенникъ о всемъ мірѣ, примите отъ насъ, евреевъ, хлѣбъ-соль, какъ выраженіе нашего глубокаго уваженія къ вашей священной особѣ. Когда-то евреи были великимъ народомъ передъ Богомъ и среди другихъ народовъ, и изъ него вышли величайшіе цари, пророки и святые архіереи, а теперь, по волѣ божьей, мы разбѣяны по всему міру и изъ рода нашего нѣтъ ни царей, ни судей, ни святителей! Но мы, живя подъ властью православнаго русскаго царя, научились любить его, молиться

за него и исполнять его священныя велѣнія, — научились уважать поставленныхъ имъ православныхъ начальниковъ. Еще просимъ, принявъ отъ насъ сей хлѣбъ-соль, помолитесь о всѣхъ насъ и благословите всѣхъ насъ своимъ святительствомъ». Принявъ подносимые хлѣбъ-соль, преосвященный обратился къ подносившимъ со слѣдующими словами: «Великій народъ вашъ ожидалъ пришествія мессіи, ииѣя у себя пророчество о немъ, но, когда пришелъ Мессія,—не признавъ его, не видя въ Немъ земнаго царя. Мессія пришелъ, и вы можете увѣрится въ этомъ, читая пророчества, которыя сохраняются у васъ, какъ и у насъ, и которыя ясно живописуютъ Его. Апостолъ Павелъ, который былъ изъ рода вашего, который самъ о себѣ говоритъ, что онъ «иудей изъ иудеевъ», сказалъ, что донинѣ, когда вы, иудей, читаете книги закона и пророковъ, то на сердцахъ вашихъ лежитъ покрывало, которое снимается Христомъ-Спасителемъ нашимъ. *Молю, да будетъ снято это покрывало съ сердецъ вашихъ*; тогда и вы, и мы—были бы у Мессіи-Христа едино». По свидѣтельству мѣстнаго священника, его односельчане-евреи проявили свою полную симпатію къ православному священнику, постоянно приходятъ за совѣтами, а иногда даже и для третейскаго суда; при встрѣчѣ со священникомъ цѣлуютъ у него руку».

Да, это, дѣйствительно, отрадный фактъ! Но какъ жаль, что подобныя факты такъ исключительно—рѣдко встрѣчаются. Насъ обвиняютъ, что мы «травимъ евреевъ»... Нѣтъ, мы ведемъ борьбу не съ еврействомъ, а съ жидовскимъ талмудизмомъ,—съ тѣмъ талмудизмомъ, который уклонился отъ принциповъ и идей «ветхаго завета», для котораго нравственнымъ идеаломъ служить челоуѣко-ненавистнической кодексъ, проповѣдующій непримиримую вражду ко всѣмъ не-евреямъ. «Наблюдатель», въ теченіе 18 лѣтъ, борется неустанно съ этими жидами, ведетъ войну противъ жидовства, захватившаго въ свои руки и торговлю, и банки, и прессу, и политическую жизнь. Мы боремся съ тѣмъ гнетомъ и растлѣніемъ, которые всюду вносятъ съ собою жиды. Для насъ жиды страшень не тѣмъ только, что онъ держитъ въ своихъ рукахъ капиталы,—этотъ *perquis* *regim* современной жизни,—а страшень особенно тѣмъ растлѣніемъ, которымъ онъ заражаетъ все окружающее, всѣхъ приходящихъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Мы ведемъ и будемъ вести борьбу противъ того жида, который въ своихъ дѣйствіяхъ руководится талмудомъ. А послѣдній не только предписываетъ обманывать, обкрадывать и развращать христіанъ, но еще за всѣ подобныя дѣла обѣщаетъ награду въ будущемъ. Вотъ что страшно для насъ, цивилизованныхъ христіанъ, и вотъ противъ чего мы ведемъ борьбу! Не наша вина, что еврей сдѣлался жидомъ-талмудистомъ. Намъ могутъ возразить: зачѣмъ мы обобщаемъ всѣхъ евреевъ въ жидовство? Да развѣ можно не обобщать? Мы и рады бы не обобщать... но что подѣлаешь, если еврейство почти все поголовно сдѣлалось жидовствомъ, въ самомъ гнусномъ смыслѣ этого слова?

Мы первые всегда готовы отмѣтить отрадные факты, какъ выше-

приведенный нами. Но если этихъ фактовъ почти нѣтъ на лицо? не выдумывать же ихъ!

Христіанина, магометанина, буддиста и пр., облагороживаетъ культура, возвышаетъ образованіе. Жиду же образованіе даетъ только лишніе шансы къ эксплуатаціи презрѣнныхъ «гоевъ». Жидъ останется всегда жидомъ. Жидовство присуще какъ самому заскоружлому, такъ и самому образованному жиду... Въ «Восходѣ» помѣщенъ переводъ занимательныхъ разсужденій Макса Нордау... на тему объ эксплуатаціи—къмъ вы думаете? — презрѣнными «гоями»-арійцами честныхъ семитовъ. Оказывается, что мы, христіане, всегда и вездѣ эксплуатируемъ *честныхъ* жидковъ. Бѣдный жидъ! Онъ вынужденъ, по Максу Нордау, сдавать двойную работу за полцѣны.

Въ какихъ случаяхъ обращаются къ еврею-посреднику? Тогда, когда его знаютъ за человѣка болѣе усерднаго, ловкаго, вѣрнаго, способнаго и дѣятельнаго, чѣмъ его конкурентъ-«аріецъ». Чтобы пріобрѣсти и удержать кліентовъ, еврей-промышленникъ и еврей-купецъ должны дешевле продать и отпустить лучший товаръ, нежели сосѣдъ «аріецъ». Почему нѣтъ еврейскаго Felix Potin (крупнаго торговаго дома въ Парижѣ), еврейской г-жи Voiscisault (основательницы знаменитаго Bon marché)? Развѣ еврейскій умъ такъ ограниченъ, что не можетъ воспринять смѣлыхъ идей парижскихъ предпринимателей? Этого никто серьезно не подумаетъ. Но чтобы достигнуть успѣха этихъ предпринимателей, евреи должны были бы предоставить кліентамъ значительно больше выгоды, чѣмъ не всегда возможно; при одинаковыхъ же условіяхъ, покупатель отправляется въ арійскіе торговые дома и отворачивается отъ фирмъ Когана, Леви и Блохъ.

Двойная работа за полцѣны! А если ктонибудь даетъ въ четыре раза болѣе, чѣмъ самъ получаетъ, значить его сугубо эксплуатируютъ? Интересная мѣрка для опредѣленія, когда начинается эксплуатація,—мѣрка, даваемая евреемъ же.

Для кого же подобное положеніе вещей является выгоднымъ? Единственно для арійскаго общества: оно пользуется *трудомъ еврея за неприлично низкую цѣну* (!). Оно примѣняетъ въ отношеніи евреевъ систему изгнанія седьмаго пота, sweating system. Арійцы спокойно пользуются тѣмъ, что евреи всегда и всюду вынуждены уступать свою работу на одну четверть дешевле ея дѣйствительной цѣны, и въ то же время называютъ эксплуататоромъ того—и это кажется имъ чрезвычайно остроумнымъ и курьезнымъ—кто имъ все отдаетъ и взамѣнъ почти ничего не получаетъ.

«Эксплуатируютъ исключительно еврея» — такъ заканчиваетъ свои премилыя разсужденія Максъ Нордау. Бѣдный, гонимый израиль! Но если жидъ работаетъ дешевле христіанина, то вѣдь зато и работа его несравненно хуже. Ротшильды, Вавельберги—все это бѣдные, угнетенные еврейчики. Если эти банкиры, работающая вдвое дешевле христіанъ, нажили такія колоссальныя состоянія, то какими бы они обладали чудовищными капиталами, еслибы подняли вдвое цѣну за свой трудъ!

Жидъ страшень намъ тѣмъ, что за какой бы промыселъ онъ ни ухватился, онъ всюду внесетъ развратъ, растлѣніе и хищничество. Для него, какъ для космополита, не интересна будущность страны, гдѣ онъ живетъ; его не трогаетъ судьба народа, среди котораго онъ нашель себѣ пріютъ. Страна для него интересна лишь постольку, поскольку она даетъ ему матеріалъ для его гешефтмахерскихъ продѣлокъ, а судьбы христіанскаго народа опять таки интересуютъ его съ этой же чисто хищнической точки зрѣнія: можно хорошо обдѣлывать свои дѣла и дѣлишки, значить хороша страна и хорошъ народъ; плохо, — значить, бѣдный жидъ угнетенъ, неравноправенъ. Обездолить страну, расхитить ея богатства (какъ расхищали жиды богатства древняго Египта), растлѣть и развратить народъ — это первая задача жиды, это цѣль его жизни, и за это талмудъ обѣщаетъ ему награду. Христіанинъ также можетъ заниматься хищничествомъ, разграбленіемъ страны и развращеніемъ народа, но это ненормальное явленіе находитъ себѣ осужденіе въ нравственномъ кодексѣ христіанской морали: въ будущемъ христіанину обѣщается за такіе подвиги строгое наказаніе. По талмуду же всякое хищничество, всякое растлѣніе, направленное жидомъ противъ христіанина, не только оправдывается, но и ставится въ великую заслугу. Вотъ въ чемъ громадная разница!

Повторяемъ, куда бы жидъ ни проникъ, онъ вноситъ всюду свое хищничество. Жидъ занялся рыбной ловлей, но... рыбный промыселъ въ его рукахъ превратился въ какой-то разбой: онъ травитъ рыбу ядомъ, бьетъ ее динамитомъ.

П. В. Сулковскій сообщаетъ въ «Вѣстникѣ Рыбной промышленности» о возмутительномъ способѣ ловить рыбу, отравляя ея кукельваномъ:

Разваренный кукельванъ смѣшивается съ хлѣбомъ и творогомъ или растертымъ горохомъ и чечевицей; изъ такого мѣсива готовится «травля», которую рыба поѣдаетъ съ жадностью и гибнетъ массами. Ничтожное лишь количество ея попадаетъ въ руки «травильщиковъ», большая же часть отравленной рыбы или уносится теченіемъ, или ложится на дно рѣки, гдѣ и остается, пока не загниетъ и, распухая, смердящая, не всплыветъ на поверхность воды.

Травля рыбы кукельваномъ практикуется, въ настоящее время, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ на Днѣпрѣ и его притокахъ—Сожи и Припяти; въ особенности же на рѣкѣ Случь, гдѣ травильщиками оказываются исключительно евреи. По Днѣпру же и Сожи травятъ рыбу мѣстные крестьяне и, — что всего замѣчательнѣе, — почти всѣ поголовно занимаются этимъ «дѣломъ», причемъ травля, начиная съ мая, длится до замерзанія рѣки: большинство крестьянъ, бросивъ всякую хозяйственную часть, занимаются только травлей рыбы; нѣтъ того дня, нѣтъ того мѣста по Днѣпру и Сожи, чтобы травля не велась безостановочно, притомъ совершенно открыто, безбоязненно. Весь свой «уловъ» травильщики сбываютъ купцу-еврею, который

громкими количествами отправляет отравленную рыбу преимущественно въ Гомель.

Нельзя, конечно, не согласиться съ авторомъ приводимаго сообщенія, что если въ непродолжительномъ времени не будутъ приняты строжайшія мѣры противъ этого преступнаго способа «ловли» рыбы, послѣдняя совсѣмъ изведется, какъ въ Днѣпрѣ, такъ и въ его притокахъ, доказательствомъ чему можетъ служить рѣка Случь, которая лѣтъ десять назадъ кишела рыбой, а въ настоящее время, вслѣдствіе постоянной травли, стала совершенно мертвою, начиная отъ своего устья до города Слуцка.

Да, наконецъ, вѣдь этотъ возмутительный способъ «добычи» грозитъ тяжкими послѣдствіями народному здровью: нельзя же рыбу, отравленную такимъ ядомъ, какъ кукельванъ, считать безвредной пищей. И все это продѣлывается въ культурной странѣ, и продѣлывается открыто, безнаказанно, словно такъ оно и быть должно...

Нужно ли говорить о томъ, что столь «прибыльный» способъ «лова» рыбы, — если ему своевременно не будетъ положенъ конецъ, — можетъ разжечь аппетиты и у другихъ предприимчивыхъ хищниковъ...

Въ нашемъ цивилизованномъ и полудивицилизованномъ обществѣ весьма часто встрѣчаются крайне печальныя исторіи, о которыхъ мы рѣдко говоримъ и вспоминаемъ. Пожалуй, на минутку и возмутимся, наговоримъ кучу «жалкихъ» словъ, а потомъ... опять забудемъ. Исторіи эти очень грустныя и очень обыкновенныя, и совершаются онѣ на любовной подкладкѣ. Обыкновенныя эти исторіи кажутся лишь тѣмъ, до кого онѣ не относятся, а для тѣхъ, кого онѣ близко касаются—это страшныя и тяжелыя событія. Разыгрываются драмы, о которыхъ мы узнаемъ изъ полицейскихъ вѣдомостей: что такой-то X. или Z. покончили съ собою, и причина—неизвѣстна.

«Женщина, пришедшая ко мнѣ,—говоритъ г. Яблоновскій въ «Южномъ Краѣ»,—безъ слезъ, безъ аффектаціи, тихимъ и ровнымъ голосомъ разсказала, какъ ея дочь полюбила одного изъ тѣхъ молодыхъ Юдеѣ, которые называютъ себя чиновниками, хотя чиновъ никакихъ не получаютъ, а корпятъ весь свой вѣкъ въ какой нибудь канцеляріи и переписываютъ отношенія, доношенія и предписанія. Среди этихъ невзрачныхъ на видъ молодыхъ «человѣковъ», забытыхъ и трепещущихъ, есть, однако, удивительныя донъ-жуаны. Улицы Москалевки, Ивановки, Занковки, Холодной горы и прочихъ предмѣстій Харькова прекрасно знаютъ, какъ неравнодушны бѣленькіе платочки къ фуражкамъ съ кокардами. Пройдите въ тихимъ вечеромъ по одной изъ этихъ улицъ, удаленныхъ отъ центра города, гдѣ и деревьевъ много, и воздухъ уже какъ будто другой, а нравы населенія такъ и совсѣмъ другіе; пройдите по этимъ улицамъ и вы сразу увидите, что улицы, точно также какъ и города, имѣютъ свои нравы и обычаи.

На Сумской улицѣ процвѣтаетъ легкій флиртъ, въ которомъ принимаетъ участіе и такъ называемая средняя интеллигенція, и учащаяся молодежь. Это нашъ Невскій проспектъ. Тутъ и штатскіе всёхъ видовъ, начиная отъ цилиндра и кончая скромной фуражкой; тутъ и студентъ, «перепрусившій» свою форму до такой степени, что въ его фигурѣ не осталось ни единой круглой линіи, точно онъ вырубленъ изъ дерева; тутъ и офицеръ... впрочемъ, теперь офицеры рѣшительно пасуютъ передъ опрусившимися студентами; тутъ и милыя барышни въ формахъ и безъ формъ, стройныя, затанутыя, чинныя. И на всемъ лежитъ отпечатокъ тѣхъ неувольнимыхъ настроеній, намековъ на желаніе—всего того, что стало намъ такъ понятно въ англійской формулировкѣ: «флиртъ».

Не то на Екатеринославской улицѣ. Если Сумскую я сравню съ Невскимъ проспектомъ, то Екатеринославская ближе всего напоминаетъ московскій Тверской бульваръ; здѣсь, на каждомъ шагу, вы встрѣчаете «безпокойную ласковость взгляда и поддѣльную краску ланитъ»; два-три квартала этой улицы представляютъ собою находящееся подъ открытымъ небомъ увеселительное заведеніе, настоящее названіе котораго я изъ скромности опускаю.

Сумская улица—это, такъ сказать, просто эротическая улица г. Харькова. Здѣсь процвѣтаетъ флиртъ, и этимъ дѣломъ занимаются офицеры, штатскіе въ цилиндрахъ и студенты, «опрусившіеся» настолько, что представляютъ изъ себя фигуру, вырубленную изъ дерева... Но авторъ переноситъ насъ на окраины города и знакомитъ съ донъ-жуанами Москалевки, Ивановки и Зайковки. Эти окраины и вѣдшимъ видомъ, и всѣмъ складомъ жизненныхъ условій напоминаютъ деревню.

Здѣсь процвѣтаетъ—говоритъ авторъ—нѣчто среднее тому, что мы видѣли на Сумской улицѣ, но, если хотите, выше качествомъ. Тамъ культурная публика фальсифицируетъ чувство и доставляетъ себѣ въ минуты отдыха легкое, слегка возбуждающее развлеченіе; здѣсь сильное, непосредственное, недисциплинированное чувство находитъ себѣ отраду въ свиданіяхъ гдѣ нибудь на скамеечкѣ въ условленный часъ. Проходя вечеромъ по этимъ улицамъ, вы не разъ встрѣтите бѣлый платочекъ со здоровыми румяными щеками, ожидающійся у воротъ своего милаго. Безцеремонный ловеласъ, рѣшающійся подойти къ платочку съ цѣлью раздѣлить его одиночество, всегда получитъ рѣзкій и нельзя сказать, чтобы очень деликатный отпоръ; и по дѣломъ: платочекъ вовсе не изъ тѣхъ, которые готовы «соотвѣтствовать» каждому встрѣчному,—и, чтобы заслужить его расположеніе, необходимо... я не умѣю въ точности объяснить вамъ, что именно необходимо для этого:—эту тайну лучше всего знаютъ молоденькіе прикащики съ легкомысленнымъ взоромъ, съ задорно торчащими усиками, съ тросточкой и при цѣпочкѣ, да еще канцелярскіе чиновники, имѣющіе, какъ уже сказано выше, для платочковъ нѣчто неотразимое. У платочковъ чувство не сдерживается никакой рефлексіей, а потому сильно и непосредственно; противъ него безсилны всякія увѣщанія и даже болѣе радикальныя средства со стороны родныхъ. (См. пѣсню: «Ой за того Петруся била меня матуся»).

Вотъ показала изъ переулка форменная фуражка съ кокардой, и томившійся ожиданіемъ платочекъ быстро и радостно устремляется къ ней и, по крайней мѣрѣ, одна сторона наслаждается свѣтлымъ счастьемъ...

Такимъ счастьемъ наслаждалась я юная, восемнадцатилѣтняя дочь той женщины, которая ко мнѣ пришла. Ее тоже сгубила фуражка съ кокардой. Носитель фуражки былъ по рангу едва ли не самымъ скромнымъ изъ всѣхъ когда либо носившихъ этотъ головной уборъ, но онъ твердо помнилъ, что отъ платочка его отдѣляетъ цѣлая пропасть. Мы, такъ легко относящіяся къ романамъ платочковъ, не вѣримъ искренности и глубины ихъ чувствъ, а фактовъ такъ много... Вотъ, напримѣръ, эта юная дѣвушка, отравившаяся, кажется, нашатырнымъ спиртомъ, была уже передъ этимъ вынута изъ петли и вытащена изъ рѣчки, но, два раза бывшая около нея, смерть не испугала ея и... въ газетахъ появилось краткое извѣщеніе о мелкомъ происшествіи, причины котораго неизвѣстны.

Выслушавъ я скорбный разсказъ матери и сталъ ее уговаривать: зачѣмъ ей печатать эту грустную исторію?.. Оказывается, что у матери есть на это причины: во-первыхъ, она хочетъ, чтобы «ему» больно было, а, во вторыхъ, чтобы другія, «такія же глупыя, знали». Врядъ ли этотъ случай удержитъ, однако, отъ погубели хотя одинъ платочекъ, врядъ ли и «ему» станетъ больно, но я не захотѣлъ отказывать матери...

Мать безвременно погибшей молодой дѣвушки чрезъ печать хочетъ предупредить другіе «бѣлые платочки», чтобы они не поддавались искушеніямъ фуражекъ съ кокардами, и хочетъ сдѣлать ему, — этому виновнику смерти ея дочери, — «больно». Желаніе матери, — этой доброй и честной женщины, — похвально и заслуживаетъ симпатій, но оно непрактично: преждевременная смерть ея дочери не удержитъ «бѣлыхъ платочковъ» отъ увлеченія кокардами, а «ихъ», — этихъ виновниковъ гибели бѣлыхъ платочковъ, — не усобѣдитъ и не пройметъ ихъ жестокихъ сердецъ!..

На страницахъ «Сельскаго Вѣстника» возгорѣлась крайне интересная полемика. Дѣло въ томъ, что въ этомъ журналѣ недавно была помѣщена статья крестьянина Андрея Котова, въ которой онъ доказывалъ, что работа женщинъ, дѣвицъ и подростковъ въ зимнее время приноситъ *мало пользы, а скорѣе — вредъ сельскому хозяйству*. На эту статью возражаетъ молодая дѣвушка, крестьянка малоархангельской волости, орловской губ., Вѣра Чеснокова. Обидѣвшись подобнымъ отзывомъ Котова о малополезности женской зимней работы, Чеснокова пишетъ:

«Я дѣвушка 20 лѣтъ и занимаюсь пряжей, тканьемъ, шитьемъ, вязаньемъ, вышиваньемъ, и, кромѣ того, ткю узорчатые скатерти, полотенца и проч., а потому чуть ли не въ совершенствѣ знаю это дѣло. Котовъ пишетъ, что отъ этой работы происходитъ ущербъ сельскому хозяйству; — это не правда; вѣдь пишетъ же онъ, что прядь начинаютъ съ того времени, какъ выткутъ сукно, — значить, и эта работа лежитъ на обязанности женщинъ. Кромѣ того, кто же приготовляетъ мѣшки для хлѣба, кто работаетъ веретя для постлики на телегахъ при перевозкѣ съ поля зерна, кто готовитъ скатерти, полотенца, рубашки, портки, въ которыхъ ходитъ весь крестьянскій людъ? Женщина, все женщина... Если все это покупать, то гдѣ же

братъ денегъ на покупку, а вѣдь фабричная матерія во много разъ дороже домашней. За что же Котовъ порицаетъ—говорить далѣе Чеснокова—работу женщинъ, дѣвушекъ и подростковъ, если онѣ не только ухаживаютъ за домомъ, за скотомъ, топятъ печь, варятъ обѣдъ, но обуваютъ и одѣваютъ».

Г-жа Чеснокова ярко рисуешь ту незамѣтную «бабью работу», которую деревенская женщина продѣлываетъ зимою. Правда, работа мала, незамѣтна, но нужно помнить, что и крестьянское-то хозяйство слишкомъ мало и незамѣтно. Справедливо называлъ Некрасовъ русскую женщину:

*Многострадальнаго русскаго племени
Всеянослящая мать!*

На Руси еще много медвѣжьихъ уголковъ, куда не только просвѣщеніе не проникло, но и христіанство, не смотря на многовѣковую давность его насажденія, не успѣло еще окрѣпнуть въ сердцахъ своихъ послѣдователей. Въ «Виржевыхъ Вѣдомостяхъ» г. Забытый рассказываетъ о «полувѣрцахъ», живущихъ въ сѣверо-западномъ углу псковскаго уѣзда. «Полувѣрцами» прозвало ихъ окрестное русское населеніе за то, что они, будучи по имени православными, на дѣлѣ продолжаютъ оставаться тѣми же язычниками, какими были ихъ предки до просвѣщенія страны преподобнымъ Корнилиемъ Печерскимъ.

Хотя полувѣрцы считаются по вѣроисповѣдавію православными, однако, по своимъ взглядамъ они мало отличаются отъ какихъ нибудь азіатскихъ язычниковъ. Прежде всего, посѣщая православную церковь, они въ большинствѣ, — а женщины почти поголовно, — не понимаютъ языка, на которомъ совершается богослуженіе. Во время богослуженія въ полувѣрческихъ погостахъ, народу въ церкви бываетъ много, особенно женщинъ; всѣ онѣ разряжены и увѣшаны медальонами и крестами; при каждомъ движеніи полувѣрческой франтихи, на груди ея звенятъ многочисленныя украшенія. Бѣольшая часть полувѣрковъ мирно разговариваютъ полушопотомъ, не обращая вниманія на церковное чтеніе и пѣніе. Отъ разговора въ церкви слышится гулъ, соперничающій со слабымъ голосомъ псаломщика. Нѣкоторыя старухи, пристроившись въ уголку, расположились совсѣмъ по домашнему; сами сидя на полу, ведутъ оживленные разговоры, а около нихъ играютъ малыя дѣти.

Въ домашнемъ обиходѣ полувѣрца сохранились нѣкоторые обычаи прямо языческаго характера: въ день св. Параскевы, именуемой въ русскомъ народѣ Пятницею, въ погостѣ Верхоустинскомъ женщины-полувѣрки приносятъ масло, яйца, мясо и т. п. Припасы предназначаются мѣстному причту, но полувѣрки сначала подно-

сять свои приношенія къ образу св. Параскевы со словами: «Ашка, Ашка, на—барашка»!

Браки у полувѣрцевъ хотя и совершаются въ церкви, но брачное сожителство начинается не со дня церковнаго бракосочетанія, которое — кстати сказать — происходитъ безъ всякой торжественности, а послѣ совершенія, въ теченіе трехъ дней, народныхъ обычаевъ. Повѣнчавшись въ церкви въ присутствіи лишь однихъ требуемыхъ закономъ свидѣтелей, молодые расходятся по прежнимъ своимъ домамъ нерѣдко на нѣсколько дней. Исполненіе свадебныхъ обычаевъ наступаетъ обыкновенно въ концѣ недѣли—въ пятницу—съ такимъ расчетомъ, чтобы одинъ (изъ трехъ) прогульный день падалъ на воскресенье.

Г. Забытый затрогиваетъ интересный вопросъ: какъ ассимилировать этотъ крошечный народецъ не русскаго происхожденія съ русскимъ населеніемъ? Однимъ изъ такихъ средствъ авторъ считаетъ школу, именно школу для дѣвочекъ.

Школы для нихъ были бы лучшимъ средствомъ для приобщенія полувѣрцевъ къ великой семьѣ русскаго народа. Женщина вездѣ, у всѣхъ народовъ, по самой своей роли, скрытой отъ постороннихъ вліяній, является хранительницей племенной старины и особенности. Уже одно то, что въ настоящее время очень рѣдко можно встрѣтить полувѣрческую женщину, говорящую по русски, доказываетъ, что въ ней по преимуществу кроется сила полувѣрческой особенности. Дѣти никогда не усвоятъ русскаго языка и русскаго духа, пока мать не будетъ говорить съ ними по русски.

Но, можетъ быть, скажутъ: зачѣмъ обрусеніе? Зачѣмъ стараться сдѣлать полувѣрцевъ русскими? Дѣло въ томъ, что полувѣрцы не въ силахъ отстоять свою особенность противъ надвигающихся волнъ:—съ запада—эстонской, а съ востока — русской. Они должны рано или поздно слиться съ той или другой волной. И справедливость, и интересы Россіи требуютъ, чтобы это была волна русская, хотя—*risum teneatis amice!*—на Руси до сихъ поръ еще нужно *доказывать* право государственнаго языка...

Починъ въ дѣлѣ просвѣщенія «полувѣрцевъ» должно бы взять на себя духовное вѣдомство. Не слѣдуетъ дожидаться, пока за это дѣло возьмутся нѣмецкіе пасторы, которые живутъ въ сосѣдствѣ съ этими *забытыми* людьми.

Еще много на святой Руси, другъ Гораціо, страннаго и удивительнаго, чего и «не снилось не только мудрецамъ», но и простымъ смертнымъ. «Олонецкія Губ. Вѣд.», напр., приводятъ крайне любопытный документъ, въ которомъ сообщается о совершенномъ въ

олонецкомъ губернскомъ правленіи (въ старину, еще не столь глубокою) благодарственнымъ молебствіи, по распоряженію губернатора, ради... *уменьшенія нерпышенныхъ дѣлъ.*

По случаю уменьшенія по сему правленію дѣлъ, почти не остающихся уже въ нерѣшеніи, такъ что не только каждый мѣсяць, но и каждая недѣля сама себя очищаетъ,—его превосходительство считаетъ первымъ долгомъ, за таковой примѣрный успѣхъ, воздать благодареніе Господу Богу. А чтобъ сіе могло быть совершено на самомъ мѣстѣ ежедневной, постоянной дѣятельности нашей и въ совокупномъ присутствіи его превосходительства сотрудниковъ, то его превосходительство предлагаетъ отправить молебствіе въ самомъ правленіи. Между тѣмъ, какъ олонецкое губернскае правленіе, чрезъ примѣрную дѣятельность, достигло возможности посвящать (чего доселѣ, за множествомъ дѣлъ, нельзя было сдѣлать) свободный часъ (по предписанію устава благочинія, статьи 55 и указа 1724, генваря 20) для чтенія законовъ, то его превосходительство предлагаетъ таковое чтеніе открыть первоначально тотчасъ послѣ молебствія. Преосвященнѣйшій владыка, пастыръ олонецкой епархіи, соизволяетъ быть лично при нашемъ моленіи и не откажется, уповательно, благословить начинаніе наше въ чтеніи отечественныхъ законовъ. Но, чтобъ сіе все могло исполниться безъ помѣшательства обыкновенному теченію занятій по службѣ, его превосходительство предлагаетъ произвести вышеописанное по закончаніи доклада, въ послѣдній день предъ наступленіемъ вакаціи для сырой седмицы, т. е. въ четвертокъ; по сему случаю предлагаетъ: пригласить въ правленіе г. губернскаго прокурора, какъ по его званію, такъ и потому, что содѣйствіе его воспособляло намъ въ доведеніи дѣлъ правленія до настоящаго положенія. Г. секретарю Ларіонову изготвить къ прочтенію гг. канцелярскимъ чиновникамъ статьи и указы, приличные случаю. А какъ совѣтникъ Глинка, по убѣжденію его превосходительства, занялся составленіемъ «вступленія къ чтенію законовъ въ олонецкомъ губернскомъ правленіи», то предлагаетъ пригласить и его къ прочтенію составленнаго имъ. Г. же экзекутору, майору Укладову, давъ, по поводу сего, надлежащія наставленія, рекомендовать, дабы всѣ канцелярскіе чиновники были, по возможности, въ надлежащей формѣ. Вслѣдствіе сего, въ 13 день февраля сего мѣсяца, по закончаніи обыкновенныхъ занятій по службѣ въ губернскомъ правленіи, въ присутствіи духовенства и свѣтскихъ особъ, отпѣтъ молебенъ протоіереемъ Петропавловскаго кафедральнаго собора Іосифомъ Ярославлевымъ. Послѣ чего, по вышеозначенному предложенію, приступлено «къ чтенію законовъ въ свободный отъ службы часъ».

У насъ бывають молебствія по случаю бездождія и засухи, противъ глада, труса и пр., но по случаю нерѣшенныхъ дѣлъ — это, кажется, единственный примѣръ. Впрочемъ, можетъ быть, и въ концѣ XIX столѣтія онъ былъ бы дѣйствителенъ... для нѣкоторыхъ чиновныхъ канцелярій, куда въ концѣ прошлаго года поступали бумаги съ просьбою ускорить отвѣтомъ на отношеніе отъ такого-то числа 1882 года!! Бѣдная провинціальная канцелярія ждала 17 лѣтъ и, наконецъ, рѣшилась побезпокоить столичную канцелярію своею просьбою ускорить отвѣтомъ. Фактъ.

Симпатичное пожертвованіе недавно сдѣлано было однимъ дворяниномъ-землевлдѣльцемъ бѣлгородскаго уѣзда курской губ.

«Нынѣшней зимой,—читаемъ въ «Курскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ»,—умеръ одинъ изъ дворянъ-землевлдѣльцевъ нашего уѣзда, П. В. Ребининъ, который, по духовному завѣщанію, все свое благопріобрѣтенное имущество, заключающееся въ 156 дес. земли съ постройками и лѣсомъ, живымъ и мертвымъ инвентаремъ, съ большимъ запасомъ хлѣба и всею домашнею обстановкой—передалъ въ собственность дворянъ бѣлгородскаго уѣзда, съ тѣмъ чтобы доходы съ сего имѣнія, а въ случаѣ продажи его—проценты съ капитала, могущаго быть вырученнымъ отъ этой операціи, шли на содержаніе бѣдныхъ сиротъ, потомственныхъ дворянъ бѣлгородскаго уѣзда, причемъ право распредѣленія такого пособія, по волѣ завѣщателя, предоставлено курскому дворянскому депутатскому собранію. Не смотря на то, что свое распоряженіе указаннымъ имуществомъ П. В. Ребининъ выразилъ точно и ясно въ духовномъ завѣщаніи, совершенномъ нотаріальнымъ порядкомъ, покойный жертвователь еще особымъ письмомъ, писаннымъ незадолго до кончины, просилъ мѣстнаго уѣзднаго предводителя дворянства, чтобы предсмертная воля его была исполнена въ точности. Надо сказать, что оставленное имъ имѣніе вполнѣ благоустроено и находится въ плодороднѣйшей части бѣлгородскаго уѣзда — въ предѣлахъ муромской волости; входящей въ районъ дѣятельности нашихъ свеко-сахарныхъ заводовъ, въ виду чего стоимость завѣщаннаго имущества можетъ быть опредѣлена въ сумму не менѣе 20,000 руб.

Нельзя не преклониться съ чувствомъ благоговѣйной признательности передъ памятью благороднаго и щедраго жертвователя. Но даръ этотъ,—кромѣ своей, такъ сказать, рыночной стоимости,—имѣеть еще другую, не переложимую ни на какія деньги, — это то, что покойный Петръ Васильевичъ принесъ въ даръ бѣднымъ дворянскимъ сиротамъ *все* свое имущество, пріобрѣтенное *исключительно личнымъ многолѣтнимъ тяжкимъ и упорнымъ трудомъ*, а такой даръ, конечно, въ нравственномъ отношеніи стоитъ неизмѣримо выше тѣхъ многихъ «крупныхъ» пожертвованій на дѣла благотворительности, которыя даются отъ «избытка» въ виду полученія «миндалей» и крестовъ. Испытавъ на самомъ себѣ, въ дни дѣтства и юности, всю прелесть положенія «бѣднаго сироты-дворянина», покойный П. В. лучше многихъ другихъ предвидѣлъ, какое значеніе будетъ имѣть его помощь для тѣхъ однословцевъ, которые съ благодарностью будутъ пользоваться его средствами.

Примѣръ, достойный глубокой благодарности и подражанія!

Страхъ.

Боишься жить, боишься вѣрить.
Боишься дружбы и любви,—
И долженъ жалко лицемѣрить,
Гася волненіе въ крови,
Порывы сердца подавляя,
Въ душѣ лелѣя пустоту,
Желанье счастья отгоняя,
Какъ безразсудную мечту.
И нѣтъ надежды въ скорбной мысли
Больнаго робкаго уха,
А впереди—глухая тьма,
И тучи хмурыя нависли...
Въ безцвѣтной жизни чуешь прахъ
Сухаго, медленнаго тлѣнья,
И только страхъ, тоскливый страхъ,
Тревожить дни оцѣпененья!

Г. Арищенко.

ИЗЪ МОЕГО ПРОШЛАГО.

(Литературныя и общественныя воспоминанія).

II.

Переѣздъ въ Тамбовъ.—Служба моего отца въ Приказѣ общественнаго призрѣнія и въ Тюремномъ комитетѣ.—Дружескія отношенія къ двумъ губернаторамъ.—Сближеніе съ Ѡ. П. Корниловымъ.—Губернская чиновная аристократія.—Оставленіе службы въ Приказѣ общественнаго призрѣнія.—Выборъ въ начальники Балашовской дружины Саратовскаго ополченія.—Взгляды моего отца на «служебный долгъ» и «дворянскую честь».— Столкновеніе этихъ взглядовъ съ купеческимъ міровоззрѣніемъ пятидесятихъ годовъ.—Тамбовскіе «Китъ-Китычи» и ихъ идеалы.—Уваженіе моего отца къ литературѣ и высшему образованію.—Заботы о моемъ домашнемъ воспитаніи.—Мои гувернеры и гувернантки, и подготовка къ 4-му классу гимназіи.—Сочувствіе моего отца къ преобразованіямъ Александра II-го.—Освобожденіе крестьянъ на высшій душевой надѣлъ и дворовые люди, оставшіеся жить въ нашемъ домѣ до конца своихъ дней.—Городская реформа и дѣятельное участіе въ ней моего отца, въ качествѣ «гласнаго».

Когда меня, на девятомъ году возраста, «съ большимъ береженіемъ» доставили изъ деревни къ отцу для дальнѣйшаго воспитанія (педагогическіе труды семинариста, конечно, не могли удовлетворить самыхъ невзыскательныхъ требованій)—городъ Тамбовъ представлялъ еще собой, въ полной мѣрѣ, провинціальное захолустье, откуда «хоть три года скачи, ни до какого государства не доскачешь». Лермонтовъ недаромъ шутилъ о немъ въ своей «Казначейшѣ»:

Тамбовъ на картѣ генеральной

Кружкомъ означенъ не всегда;

Онъ прежде городъ былъ опальный...

И хотя онъ же прибавлялъ къ этой юмористической характеристикѣ, что Тамбовъ, въ его время, нѣсколько поправился и могъ уже похвастать двумя-тремя «прямыми улицами», фонарями и будками, при которыхъ состояли уже—форменно отдававшіе «честь» офицерамъ — сермяжные будочники; но, и въ дни моего жительства, этихъ «прямыхъ улицъ» не за-

мощали пѣликомъ булыжникомъ, а только одна половина Большой улицы, идущей мимо Казанскаго монастыря, да половина Дворянской были утыканы камнями разной величины, по которымъ предпочитали, однако, не ѣздить, чтобы, — говоря словами Гоголя, — «не откусить преобольно собственными зубами кончикъ собственнаго же языка». Экипажи спасались на нихъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда, во время весенней и осенней распутицы, на немощеной сторонѣ улицы приходилось буквально тонуть въ грязи...

Въ Тамбовъ переѣхалъ я уже въ то время, когда начальникъ губерніи А. А. Корниловъ былъ переведенъ сенаторомъ въ Петербургъ, а на мѣстномъ горизонтѣ появилась уже новая звѣзда — П. А. Булгаковъ, о которомъ неизвѣстный стихотворецъ выражался такъ:

Тамбова бравый охранитель,
Нашъ губернаторъ удалой...

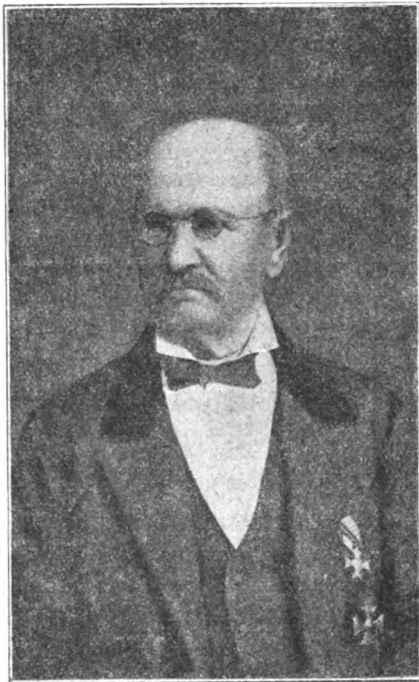
Эпитетъ «удалой» былъ, вѣроятно, приданъ Петру Алексѣевичу за его замѣчательную энергію по части внѣшняго благоустройства города и упорядоченія въ немъ чиновничьихъ правовъ, не отличавшихся особенной чистотою. Взятчичества, процвѣтавшаго въ дореформенную эпоху, новый губернаторъ не выносилъ и относился къ нему суровѣ своего, болѣе мягко-сердечнаго, предшественника. Такъ какъ наблюденіе губернатора простиралось въ то время на всѣ вѣдомства безъ исключенія, то зоркій глазъ П. А. Булгакова не оставлялъ безъ вниманія ни одного казеннаго «присутствія» и — по словамъ моего отца — его сильно побаивались не только такъ называемые «приказные», но и чиновники высшаго ранга. При Булгаковѣ была сильно «подтянута» городская и уѣздная полиція; Сквозники-Дмухановскіе просто трепетали передъ грознымъ губернаторомъ и, — выражаясь языкомъ Щедрина, — «слабѣли желудкомъ». Внѣшній видъ Тамбова тоже при немъ измѣнился къ лучшему: на тамбовскихъ улицахъ стали возвышаться красивые каменные дома, появились мостовыя, хоть какія нибудь, а заведенія Приказа общественнаго призрѣнія, — ютившіяся прежде въ тѣсномъ зданіи, уступленномъ потомъ подъ казармы мѣстнаго гарнизона, — переведены въ огромные четырехъ-этажные «корпуса» за чертою города, выстроенные подрядчикомъ Герасимовымъ. Эти корпуса красуются и до сихъ поръ на томъ же мѣстѣ, съ переходомъ ихъ отъ упраздненнаго Приказа общественнаго призрѣнія въ вѣдѣніе тамбовскаго губернскаго земства. П. А. Булгаковъ «исправилъ» также, къ пользѣ города, русло рѣки Цны, подведя его къ самому Тамбову, въ видѣ «Ерика», съ помощью искусственныхъ плотинъ. Въ этихъ гидротехническихъ сооруженіяхъ и мой отецъ принималъ участіе, облакаясь въ охотничьи сапоги и осматривая вмѣстѣ

съ губернаторомъ тѣ низины подъ самыми заведеніями Приказа, по которымъ приходилось прокладывать новое рѣчное русло.

Я совершенно не зналъ жизни моего отца въ старомъ зданіи Приказа общественнаго призрѣнія; плохо помню и жизнь въ отдѣльномъ корпусѣ новыхъ зданій, предназначенномъ собственно для служащихъ (смотрителя, врачей и священника) и съ болѣею ясностью представляю себѣ только пребываніе наше въ бывшемъ домѣ помѣщика Хрущева, внѣ казенныхъ зданій Приказа—въ домѣ-особнякѣ, съ принадлежавшими къ нему службами и садомъ, доходившимъ до рѣчки Студенца. Этотъ домъ былъ приобрѣтенъ специально для «главнаго надзирателя всѣхъ богоугодныхъ заведеній Приказа общественнаго призрѣнія», — должность котораго была создана моему отцу П. А. Булгаковымъ, причемъ его повысили въ чиновной іерархіи и подчинили ему смотрителя, врачей, аптекаря, надзирателей и надзирательницъ. Помню, что отецъ носилъ еще званіе попечителя больницы и директора тамбовскаго тюремнаго комитета, а его должности былъ «присвоенъ» мундиръ министерства внутреннихъ дѣлъ, съ расшитымъ золотомъ воротникомъ. Въ домѣ Хрущева три большія парадныя комнаты выходили окнами въ садъ, а три другія комнаты (въ томъ числѣ и наша дѣтская), отдѣленные коридоромъ, обращены были окнами на большой свѣтлый дворъ. Простора и чистаго воздуха въ этой виллѣ своего рода было болѣе чѣмъ достаточно, да, кромѣ того, въ двухъ шагахъ отъ насъ, пролегалъ длинный бульваръ, разбитый передъ богоугодными заведеніями, по дорогѣ къ такъ называемому «архіерейскому хутору». По этой дорогѣ, и въ экипажѣ, и пѣшкомъ, мы съ братомъ нерѣдко попадали и въ гостепріимный хуторъ съ его прекраснымъ садомъ, пользуясь разрѣшеніемъ преосвященнаго Николая (бывшаго ректора петербургской духовной академіи), весьма расположеннаго къ моему отцу. Какъ большой любитель садоводства, мой отецъ завелъ при богоугодныхъ заведеніяхъ,— по болѣею части, на свой счетъ, — оранжереи, теплицы и парники, которые и остались въ пользу Приказа, по оставленіи имъ должности главнаго надзирателя. Его совѣтами пользовался и преосвященный Николай, при культивированіи своего сада и цвѣтниковъ. Помню, что изъ этихъ оранжерей и теплицъ не только мы пользовались цвѣтами, ягодами и плодами, но ихъ хватало и на подарки добрымъ знакомымъ моего отца, помимо нуждъ больницы и аптеки. «Ученый садовникъ» получалъ особую дополнительную плату отъ щедротъ моего отца.

Кругъ знакомыхъ у насъ былъ весьма обширенъ, и въ дни новогоднихъ и пасхальныхъ визитовъ, уже практиковавшихся въ губернскихъ городахъ, я видѣлъ цѣлыя кучи визитныхъ

карточекъ, принадлежавшихъ «знатнымъ особамъ» Тамбова, начиная съ губернатора и губернскаго предводителя дворянства, и кончая богатыми помѣщиками, проживавшими въ городѣ. Губернатора А. А. Корнилова и его родственника

П. Ф. Пятковскій.

† 1882 г.

Ө. П. Корнилова (непремѣннаго члена Приказа общественаго призрѣнія) я совсѣмъ не помню въ Тамбовѣ; но преданіе объ нихъ долго и съ благодарностью сохранялось въ нашемъ семействѣ. Александръ Алексѣевичъ былъ въ свое время однимъ изъ образованнѣйшихъ и гуманнѣйшихъ администраторовъ, совсѣмъ не подходившихъ къ типу зауряднаго

«помпадура»; а Федоръ Петровичъ вполне раздѣлялъ съ моимъ отцомъ его любовь къ литературѣ и благоговѣнное преклоненіе передъ гениемъ Пушкина, памятью котораго еще полны были стѣны Александровскаго Царскосельскаго Лицея, гдѣ получилъ и Ѳ. П. Корниловъ свое образование и воспитаніе. Мой старшій братъ Павелъ былъ «заочнымъ» крестникомъ Федора Петровича, и послѣдній не только протезировалъ ему въ Москвѣ, во время его кратковременнаго студенчества, но и поселилъ на нѣсколько мѣсяцевъ, вмѣстѣ съ крѣпостнымъ слугою Филатомъ, въ своей казенной квартирѣ, въ домѣ московскаго военнаго генераль-губернатора Закревскаго. Этотъ же Филатъ Степановъ Крухтановъ настолько умѣлъ понравиться Ѳ. П. Корнилову, что тотъ, по отъѣздѣ моего брата изъ Москвы, оставилъ Филата своимъ камердинеромъ и держалъ до тѣхъ поръ, пока тотъ, увлекшись по-своему крестьянскимъ освобожденіемъ, не отпраздновалъ его горьчайшимъ пьянствомъ и не явился потомъ «въ опоркахъ» въ Тамбовъ... Въ 60-хъ годахъ, когда Ѳ. П. управлялъ дѣлами Комитета Министровъ, онъ предлагалъ выхлопотать моему отцу открывавшуюся вакансію вице-губернатора въ Архангельскѣ.

Отношенія моего отца къ замѣстителю А. А. Корнилова, Петру Алексѣевичу Булгакову, были не менѣе, если еще не болѣе близкими, и П. А., живя уже въ полу-отставкѣ въ Тамбовѣ, когда я гостилъ у отца, любилъ видаться съ нимъ и проводить цѣлые вечера. На службѣ въ Государственномъ Совѣтѣ, работая въ его архивѣ, я узналъ изъ формулярнаго списка П. А. Булгакова, что онъ назначенъ былъ тамбовскимъ губернаторомъ прямо съ должности помощника статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта, а до того времени служилъ по военному министерству. Вѣроятно, по воспоминанію о военномъ министерствѣ, П. А., и будучи тамбовскимъ губернаторомъ, носилъ какую-то особую, импровизированную имъ, военную форму—однобортный кафтанъ со стоячимъ краснымъ воротникомъ и нашитой на лѣвомъ борту станиславской звѣздой. Изъ Тамбова П. А. былъ переведенъ тѣмъ же званіемъ въ Калугу, но пробылъ тамъ недолго и занялъ въ Петербургѣ должность генераль-провіантмейстера, съ назначеніемъ, одновременно, въ статсъ-секретари императора Александра II-го. Но на этомъ карьера П. А. Булгакова круто оборвалась; слышалъ я въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, что причиною этой опалы явился какой-то неосторожный тостъ, провозглашенный Петромъ Алексѣевичемъ при освобожденіи крестьянъ, на полуофициальномъ обѣдѣ, но въ какомъ смыслѣ и съ какою цѣлью провозглашенъ былъ этотъ тостъ («за Пугачева») я не могъ удовлетворительно выяснитъ себѣ, если не приписать всего этого простому обѣденному эксцессу. Во всякомъ случаѣ

этому тосту нельзя было приписывать характеръ какого-то укоризненного сопоставленія, такъ какъ въ бытность свою и тамбовскимъ, и—особенно—калужскимъ губернаторомъ П. А. Булгаковъ отнюдь не мирволилъ крѣпостникамъ и далеко не считался врагомъ облегченія участи крестьянства. Тѣмъ не менѣе, враги его быстро возвышенія воспользовались этимъ «инцидентомъ», чтобы сунуть ему палку въ колесо, — и добились своей цѣли... Еще въ Тамбовѣ онъ былъ, что называется, на ножахъ съ губернскимъ предводителемъ дворянства, Юріемъ Николаевичемъ Голицынымъ, пользовавшимся покровительствомъ своей бабушки, статсъ-дамы Т. Б. Потемкиной, и борьба съ нимъ шла по большей части изъ-за своеволия, которое позволяли себѣ, въ отношеніи крѣпостныхъ крестьянъ, менѣе культурные помѣщики. Самъ Ю. Н. вовсе не принадлежалъ къ числу гуманныхъ помѣщиковъ и занимался гораздо болѣе своею капеллою, чѣмъ благоустройствомъ своихъ имѣній. Въ музыкѣ онъ зналъ толкъ и держалъ въ образцовомъ порядкѣ свою капеллу (въ дѣтствѣ я слыхалъ эту знаменитую капеллу въ церкви богоугодныхъ заведеній, гдѣ кн. Голицынъ лично дирижировалъ ею), но чего стоила эта музыкальная педагогика его злосчастнымъ крѣпостнымъ маэстро — объ этомъ свидѣтельствовали ихъ частые побѣги отъ несноснаго житья и жестокой дресировки. Я слыхалъ отъ отца, что въ борьбѣ съ предводителемъ-музыкантомъ П. А. Булгаковъ вынужденъ былъ прибѣгать къ конфиденціальнымъ письмамъ въ собственныя руки министра внутреннихъ дѣлъ. Впослѣдствіи, — какъ извѣстно изъ воспоминаній А. И. Герцена, — князь Ю. Н. Голицынъ разыгрывалъ за границей роль будирующаго эмигранта и даже счелъ долгомъ лично познакомиться съ издателемъ «Колокола». Герценъ весьма забавно описалъ и странствующаго музыканта, и сопутствовавшаго ему живаго крокодила, а въ личной бесѣдѣ со мной, въ 1868 г., прибавлялъ къ этому описанію и еще нѣсколько смѣхотворныхъ штриховъ... Въ своей кратковременной службѣ по провіантскому департаменту П. А. Булгаковъ задумывалъ какія-то широкія преобразованія, къ сохраненію интересовъ казны, но въ чемъ состояли эти проекты и что препятствовало ихъ практическому выполненію, — объ этомъ я не имѣю никакихъ точныхъ свѣдѣній.

Я сказалъ уже, что губернская чиновная аристократія почти вся посѣщала домъ моего отца, вмѣстѣ съ богатыми тамбовскими помѣщиками. Но въ то глухое время, которое переживала Россія послѣ 1848 года, до севастопольской войны, главною притягательною силою для гостей служили, конечно, не политическіе и литературные разговоры, считавшіеся даже признакомъ «неблагонамѣренности», а по просту карточные столы и хорошіе ужины. Въ «палкахъ», банкѣ и штосѣ мой

отецъ сначала былъ очень счастливъ, но потомъ фортуна стала измѣнять ему, и онъ перешелъ мало-по-малу на «комерческія» игры. Къ характеристикѣ дореформеннаго чиновничества мнѣ не придется прибавить ничего интереснаго на тамбовскихъ его образчикахъ: какъ и вездѣ, получая мало казеннаго жалованья, чиновники добавляли его несовсѣмъ «доброхотными» даяніями, и эта статья служебныхъ «доходовъ» играла немалую роль въ ихъ домашнемъ бюджетѣ. Изобличать ихъ въ этомъ было очень трудно, тѣмъ болѣе, что законъ каралъ одинаково и «лихоимца», и «лиходателя»; такъ что послѣдній, заявляя о полученной съ него взяткѣ, самъ подвергался дѣйствию извѣстной пословицы: «доносчику — первый кнутъ». А лихоимецъ только посмѣивался надъ его же простотою. Я слышалъ, что для изобличенія одного такого лихоимца *en flagrant délit* лиходатель пустился на энергичное средство: переписалъ нумера кредитокъ, которыя онъ намѣревался вручить взяточнику, заявилъ о нихъ жандармскому полковнику, а тотъ, послѣдовавъ за лиходателемъ, обнаружилъ лихоимство путемъ немедленнаго обыска у виновнаго. Не знаю, насколько достовѣренъ этотъ рассказъ, но и такую остроумную ловушку можно было устроить только при помощи носителя «голубаго мундира», а подобной помощи, конечно, не могъ же ожидать всякій пострадавшій. Да и законъ о лиходательствѣ могъ быть обойденъ только экстреннымъ путемъ; во всѣхъ же другихъ случаяхъ онъ неустанно бодрствовалъ надъ охраною интересовъ... лихоимца.

Изъ тамбовской губернской аристократіи моя память сохранила имена: предсѣдателя казенной палаты В. П. Бурнашева (личнаго протекѣ министра Вронченки), — большаго любителя «флирта», имѣвшаго кучу побочныхъ дѣтей, — и предсѣдателя только что учрежденной палаты государственныхъ имуществъ А. Я. Мейснера, — человѣка весьма образованнаго и даже пописывавшаго смолоду стишки. Послѣдній находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ моимъ отцомъ, и подъ его начальствомъ служилъ, по лѣсному корпусу, двоюродный братъ отца, полковникъ Х. К. Смолдовскій, бывшій впоследствии тамбовскимъ губернскимъ лѣсничимъ.

Учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ подъ главенствомъ П. Д. Киселева, — находившагося въ близкихъ отношеніяхъ къ нѣкоторымъ декабристамъ, — считалось въ свое время предвѣстіемъ освобожденія крестьянъ и нѣкоторой угрозой крѣпостническому міру; поэтому къ чиновникамъ этого вѣдомства относились въ провинціальномъ обществѣ, съ одной стороны, какъ къ опаснымъ новаторамъ и либераламъ, а съ другой — съ завистью, по поводу назначенныхъ имъ, сравнительно высокихъ, окладовъ жалованья. Предсѣдатель палаты получилъ

3000 р. с. жалованья въ то время, когда счетъ деньгамъ велся еще на ассигнаціи, и мой отецъ, напр., черезъ руки котораго проходили десятки и сотни тысячъ, получалъ, — правда, при казенной квартирѣ, отопленія, освѣщенія и, отчасти, казенной прислугѣ, — что-то около 1500—2000 р. ассигнаціями. Вслѣдствіе этой ограниченности штатнаго жалованья, мой отецъ, не смотря на любезныя предложенія высшаго губернскаго начальства, предпочиталъ денежныя награды, такъ называемыя, «почетнымъ», хотя все таки, безъ собственныхъ средствъ, ни жалованья, ни награды не хватило бы на обезпеченную семейную жизнь. Казеннымъ же деньгамъ мой отецъ велъ такой строгій учетъ, что всегда представлялъ значительную «экономію», подвергаясь даже замѣчаніямъ со стороны нѣкоторыхъ чиновниковъ приказа, что этой экономіи «никто отъ него не требуетъ», и все отпускаемое казною сносится долой со счетовъ...

Мое домашнее воспоминаніе въ Тамбовѣ до поступленія въ гимназію, велось при помощи гувернеровъ и учителей, и — стоить подчеркнуть — изъ него были совершенно исключены всякія тѣлесныя наказанія. Въ этомъ отношеніи отецъ не только щадилъ мое дѣтское самолюбіе, но даже старался развивать его, полагая, что «человѣкъ безъ самолюбія не можетъ имѣть ни чести, ни совѣсти». Поэтому въ дѣтствѣ я никогда не видалъ розогъ и не испытывалъ ни толчковъ, ни щипковъ, ни наказанія голодомъ. Мой отецъ, и безъ этихъ «педагогическихъ воздѣйствій», умѣлъ поддерживать уваженіе къ себѣ и къ своимъ приказаніямъ.

А. П. Побѣдоносцевъ былъ студентомъ университета (кажется, московскаго) и я съ раннихъ лѣтъ смотрѣлъ на университетъ, какъ на желанное святилище высшаго образованія. Представлялись отцу случаи — помѣстить насъ обоихъ съ братомъ и въ военные корпуса, и въ Училище правовѣдѣнія, но онъ твердо направлялъ насъ къ университетскимъ стѣнамъ. Изъ русскихъ учителей я помню П. И. Каменскаго (впослѣдствіи дѣлопроизводитель тамбовскаго губернскаго правленія), который главнымъ образомъ и приготавливалъ меня прямо къ 4-му классу гимназіи. Первымъ гувернеромъ я помню Реттэ, который, впрочемъ, занимался больше съ моимъ старшимъ братомъ и, вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Тамбовъ, перешелъ въ домъ П. А. Булгакова; за нимъ появился москѣ Дойсъ, чистокровный парижанинъ, недолго пробывшій у насъ приходящимъ учителемъ французскаго языка а затѣмъ, до самаго отъѣзда за границу, водворившійся у губернскаго предводителя дворянства Ліона, богатаго владѣльца фабричнаго села Бондари. Съ этимъ Дойсомъ я встрѣтился случайно въ Парижѣ, въ 1863 году, когда онъ былъ уже домовладѣльцемъ въ Пасси. Метеоромъ пролетѣло у насъ гувернерство нѣкоего Кюри, именовавшаго себя

швейцарцемъ изъ французской части Швейцаріи, — человѣка весьма грубаго, неотесаннаго, и обладавшаго пресквернымъ выговоромъ. По своей грубости и неотесанности, онъ учинилъ надъ кѣмъ-то изъ насъ, его воспитанниковъ (въ то время въ нашемъ домѣ жилъ и воспитывался М. П. Ремезовъ), физическое насиліе, и мы трое, соединившись съ прислугой, торжественно изгнали его изъ дому, такъ что онъ, съ ручнымъ саквояжемъ, еле спасся бѣгствомъ черезъ нашъ садъ. Отецъ мой, помнится, ѣздилъ въ то время въ Одессу — получать наслѣдство послѣ своего старшаго брата, батальоннаго командира Николая Тимофеевича, застрѣливавшагося въ припадкѣ горячки, почти наканунѣ служебнаго повышенія, — и наша домашняя расправа произошла во время его отсутствія. Впрочемъ, вернувшись, и онъ остался недоволенъ поведеніемъ Кюри, такъ какъ самъ не прибѣгалъ, при нашемъ воспитаніи, къ физическимъ карамъ.

Одесса, во время этой поѣздки, представляла еще собой порто-франко и мой отецъ, кромѣ наслѣдства отъ дяди, еще привезъ съ собой цѣлые тюки иностранныхъ товаровъ. Сопровождавшій же его Филать съ особенной жадностью накинудся въ приморскомъ городѣ на дешевый виноградъ и апельсины, которые пожиралъ, какъ огурцы.

Но больше всѣхъ гувернеровъ оставила во мнѣ добрую память графиня (виконтесса) Минюти, французская эмигрантка, оставившая свое отечество послѣ паденія монархіи Луи-Филиппа. Какимъ образомъ попала она въ Тамбовъ, я хорошенько не помню, но она давала уроки французскаго языка въ «лучшихъ домахъ» (въ томъ числѣ и въ губернаторскомъ) и отличалась прекраснымъ знаніемъ французской литературы. Отъ нея я узналъ впервые имена французскихъ классиковъ и познакомился, въ избранныхъ отрывкахъ, съ ихъ произведеніями; она же съ большимъ чувствомъ декламировала стихотвореніе Андрэ Шенье: «*La jeune captive*» и познакомила насъ съ печальною участію симпатичнаго поэта, сложившаго свою голову на гильотинѣ. Къ «ужасамъ» первой французской революціи и къ преслѣдованію французской аристократіи она относилась, конечно, отрицательно, — хотя и признавала недостатки «старога режима», — а имя Марата произносила чуть не съ содроганіемъ. Она знакомила насъ и съ нѣкоторыми историческими произведеніями, и особенно любила рассказы Тьері: «Изъ исторіи Меровинговъ». Видя то вниманіе, съ которымъ я выслушивалъ эти рассказы, и отвѣчая на мои вопросы, *me de Minuty* любезно пророчила во мнѣ «*un fameux historien*». Увлечшись тамбовскимъ аптекаремъ Б—омъ, Минюти имѣла отъ него дочку, которую не выбросила на улицу, а воспитывала при себѣ и потомъ перевезла въ Москву, гдѣ съ нею

и встрѣчался мой старшій братъ, бывая у своей прежней учительницы.

Изъ заведеній Приказа общественнаго призрѣнія, находившихся подъ главнымъ начальствомъ моего отца, немало вниманія удѣлялъ онъ «Сиротскому дому», изъ воспитанниковъ котораго В. А. Лысогорскій, пройдя тамбовскую гимназію и московскій университетъ, окончилъ свою служебную карьеру томскимъ губернаторомъ, въ чинѣ тайнаго совѣтника. Это былъ, въ свое время, одинъ изъ лучшихъ и честнѣйшихъ сибирскихъ губернаторовъ, вообще падкихъ до наживы и злоупотреблявшихъ своею—почти дискреціонною—властью. По рекомендаціи моего отца, онъ пользовался протекціею Ѳ. П. Корнилова, а въ бытность свою въ Тамбовѣ навѣщалъ насъ въ хрущовскомъ домѣ.

Какъ попечитель больницы, мой отецъ зорко наблюдалъ за удовлетвореніемъ всѣхъ ея нуждъ, и при немъ началъ свою медицинскую службу докторъ Икавитцъ, прославившійся впоследствии, какъ хирургъ и акушеръ, операціей «цезарскаго сѣченія». Это былъ высокій, худой мужчина въ золотыхъ очкахъ, и его фигура особенно запечатлѣлась въ моей памяти послѣ одного домашняго случая. Нашъ кучеръ Ерофей, отличавшійся необыкновенною, почти геркулесовскою силою, вздумалъ конкуррировать съ молодымъ породистымъ жеребцомъ и хотѣлъ непременно притянуть его къ себѣ на уздѣ, какъ тотъ ни брыкался и ни пятился. Жеребецъ оказался, однако, сильнѣе кучера, у котораго отъ крайней натуги выскочила грыжа. Понадобилась хирургическая помощь, чтобы «вправить» кишку — и вотъ мой отецъ, вдвоемъ съ Икавитцемъ, всю ночь не отходили отъ теплой ванны, въ которой сидѣлъ и стоналъ бѣдный Ерофей. Докторъ буквально обливался потомъ, но вправилъ таки грыжу, и Ерофей отдѣлался только тѣмъ, что носилъ нѣкоторое время бандажъ. Естественно, что, наученный горькимъ опытомъ, онъ воздерживался уже потомъ отъ борьбы со здоровенными рысаками и благополучно прожилъ у насъ нѣсколько лѣтъ и по освобожденіи крестьянъ.

Въ тюремномъ комитетѣ мой отецъ былъ также однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ, внимательно слѣдя за содержаніемъ и продовольствіемъ обитателей «острога»; а въ кругу своего вѣдомства — въ рабочемъ и смиренномъ домахъ — также точно заботился не только о физическомъ, но и о нравственномъ удовлетвореніи заключенныхъ. Отъ него я услышалъ и первое слово состраданія къ этимъ, на половину обрѣтымъ, головамъ, и оно залегло въ мою память гораздо раньше того времени, когда судьба привела меня поработать пятнадцать лѣтъ, въ качествѣ предсѣдателя попечительства надъ Приютомъ арестантскихъ мальчиковъ имени императора Александра I-го, и десять лѣтъ — въ званіи члена, а затѣмъ и предсѣдателя Высо-

чайше утвержденного Попечительства надъ исправительною тюрьмою. Что касается до «смирительнаго дома», куда владѣльцы крѣпостныхъ душъ имѣли права сажать «на усмирёніе» своихъ подвластныхъ, то мой отецъ, не стѣсняясь, осуждалъ безобразный произволъ, часто доводившій совершенно невинныхъ людей, по одному барскому произволу, до положенія арестантовъ.

Оставилъ службу мой отецъ въ началѣ пятидесятихъ годовъ съ назначеніемъ новаго губернатора, К. К. Данзаса, съ которымъ онъ совершенно не сошелся во взглядахъ на свои обязанности. Г. Данзасъ былъ больше театраль, чѣмъ администраторъ, и для пріобрѣтенія его благосклонности нужны были особенные пути, которыми не привыкъ ходить мой покойный отецъ, а переучиваться ему было уже поздно... На театральномъ горизонтѣ заблестѣла звезда какой-то г-жи М—кой, по протекціи которой можно было добиться многого. вмѣстѣ съ уходомъ моего отца, упразднена была и созданная для него должность главнаго надзирателя; преобладающее же вліяніе получилъ непремѣнный членъ Приказа.

Вскорѣ по оставленіи отцомъ должности главнаго надзирателя, для него наступила новая почетная дѣятельность. По выбору саратовскаго дворянства, онъ былъ назначенъ, съ переименованіемъ въ военный чинъ, командиромъ балашовской дружины, подъ главнымъ начальствомъ генераль лейтенанта графа Граббе, и усердно занялся формировкою и обученіемъ своей дружины, которой, впрочемъ, не пришлось выступить въ походъ, по случаю заключенія севастопольскаго мира, положившаго такую рѣзкую границу между дореформенной и пореформенной Россіей. Уже по возвращеніи изъ Балашова, мой отецъ получилъ собственноручное письмо генерала Граббе, въ которомъ отдавалась справедливость его трудамъ. Видимымъ знакомъ этой службы у отца сохранялись его ополченскій крестъ и штабъ-офицерскій мундиръ, покуда не исчезли безслѣдно, вмѣстѣ съ другими его вещами и письмами, по вандальскому распоряженію неожиданно выскочившаго «наслѣдника» второй жены моего отца, — нѣкоего Николая Шкарина, котораго моя мачиха не пускала къ себѣ на глаза чуть ли не тридцать лѣтъ. Отецъ мой умеръ десятью годами раньше своей второй жены (въ январѣ 1882 г.), а такъ какъ онъ самъ жилъ въ ея домѣ (на Долгой улицѣ), то, за отсутствіемъ завѣщанія, — котораго Елена Максимовна не могла совершить, пораженная прогрессивнымъ параличемъ (ни одинъ нотаріусъ уже не соглашался засвидѣтельствовать ея неразборчивую подпись), — названный наслѣдникъ, со своими любезными «сродственниками», распорядился, не взирая на протестъ другаго сонаслѣдника, своего дяди М. М. Шкарина, продать, вмѣстѣ

съ вещами своей тетки, и все движимое имущество моего отца, которое нетрудно было отличить отъ имущества его жены! Объ открытіи этого наслѣдства (въ 1891 г.) я даже не былъ извѣщенъ,—хотя тамбовской юстиціи и полиціи, начиная съ губернатора и прокурора, очень хорошо былъ извѣстенъ адресъ редакціи «Наблюдателя»,—и я до сихъ поръ не могу себѣ уяснить, какимъ образомъ г. *Николаю Шкарину*, удалось, въ присутствіи другаго сонаслѣдника, не изъявлявшаго на то согласія, «подуванить» въ свою пользу наслѣдство моего отца? Изъ сохраняющейся у меня описи наслѣдственнаго имущества видно, что если Елена Максимовна могла носить женскія платья, салопы и серьги, то ей ни въ какомъ случаѣ не пристали бы, ни по ея росту, ни по ея полу, ополченскій мундиръ, мужская снотовая шуба и золотые перстни съ инициалами ея мужа... Въ общую наслѣдственную массу попалъ и письменный столъ моего отца, гдѣ хранились: его формуляръ о службѣ, письма *Ө. П. Корнилова* (по большей части, за время его пребыванія при *Закревскомъ* въ Москвѣ), *А. П. Побѣдоносцева*, графа *Граббе* и пр. Все это пошло, благодаря г. *Шкарину*, къ тамбовскимъ жидамъ на толкучку, и я тщетно уже разыскивалъ эти вещи въ 1895 г., въ проѣздѣ мой изъ Петербурга на югъ Россіи.

Я упомянулъ о второй женитьбѣ моего отца на *Еленѣ Максимовнѣ*,—дочери бывшаго воронежскаго откупщика *М. Ө. Шкарина*,—и теперь прибавлю еще нѣсколько словъ. Отецъ мой совсѣмъ не получилъ за нею тѣхъ «золотыхъ горъ», о которыхъ въ свое время рассказывали въ Тамбовѣ, и все приданое ограничилось только носильными вещами да небольшимъ деревяннымъ домомъ, купленнымъ у г. *фонъ-Бергена* за 10,000 р. ассигнаціями. Въ этотъ домъ мы и переселились изъ наемной квартиры на берегу Студенца. По смерти своей, *Максимъ Өеодоровичъ Шкаринъ* отказалъ дочери еще 10,000 р. серебромъ, но этотъ капиталъ былъ израсходованъ до послѣдней копейки самой *Еленой Максимовной*, а на содержаніе дома шли средства, получаемыя отцомъ съ имѣнья. Въ этомъ имѣньѣ отецъ хозяйничалъ самолично и, при этихъ заботахъ, оно стало давать порядочный доходъ. Ежегодно, бывало, къ началу весеннихъ работъ, мой отецъ отправлялся въ просторной бричкѣ, на своихъ лошадяхъ, въ село *Сестренки*, въ сопровожденіи крѣпостнаго повара *Моисея* (оставшагося у насъ и по освобожденіи, до самой своей смерти) и жилъ тамъ до глубокой осени.

Съ нашею мачихою (какъ это постоянно бываетъ во всѣхъ почти семьяхъ) мы съ братомъ какъ-то сразу не сошлись,—особенно старшій братъ,—и такія же непріязненные отношенія установились и между нашею дворнею. Впослѣдствіи, когда

я, уже окончивъ курсъ въ петербургскомъ университетѣ, прїѣзжалъ погостить въ Тамбовъ, а братъ мой жилъ въ другомъ мѣстѣ, отношенія мои къ Еленѣ Максимовнѣ значительно улучшились, подъ вліяніемъ отца, къ которому она была сильно привязана и сходство съ которымъ находила во мнѣ. Тѣмъ не менѣе ея семья, — состоявшая изъ отца, матери, двухъ братьевъ и двухъ племянниковъ, — плохо сходилась съ моимъ отцомъ, благодаря коренному различію въ своихъ воззрѣніяхъ. Отецъ понималъ и честь, и свой служебный долгъ съ точки зрѣнія хорошаго культурнаго дворянства, а купеческая среда того времени, — безпристрастно изображенная въ «темномъ царствѣ» Островскаго, — отличалась полной умственной и нравственной косностью, и для нея значеніе «капитала», толстой суммы, набитой какими бы то ни было средствами, перевѣшивало всякія убѣжденія и чувство собственнаго достоинства. Доходы по службѣ считались въ этой средѣ необходимымъ дополненіемъ къ казенному жалованью, и простакомъ считали того, кто отрицалъ эти доходы во имя какихъ-то отвлеченныхъ принциповъ и къ чьимъ рукамъ не прилипали казенныя кредитки... Тогдашнее купечество, завидуя дворянству въ его общественныхъ правахъ, вовсе не осуждало *по существу* крѣпостнаго права, а, напротивъ, стремилось воспользоваться, насколько то было возможно, исключительными дворянскими привилегіями, — путемъ образованія, службы или выдачи своихъ дочерей въ замужство за дворянъ. Такъ напр., одинъ изъ сыновей М. Ѳ. Шкарина былъ даже отданъ въ университетъ (хотя и не кончилъ курса), а другой, Иванъ Максимовичъ, пользуясь протекціей Я. И. Ростовцева, вышелъ въ дворяне по военной службѣ и владѣлъ крѣпостными крестьянами въ козловскомъ уѣздѣ тамбовской губерніи. Впрочемъ, это былъ человѣкъ добрѣйшей души, и крестьяне не только не жаловались на него, но даже злоупотребляли его мягкосердечіемъ. Его крѣпостными была наполнена и дворня отца, а одна изъ нихъ, Ѳедосья Евсѣевна, приближенная своей барыни, перешла съ Еленою Максимовною въ нашъ домъ, гдѣ и умерла, уже отпущенная на волю. Самъ Максимъ Ѳеодоровичъ былъ, по тогдашнему выраженію, «любителемъ просвѣщенія», читалъ съ особенной охотой медицинскія книги и даже изобрѣлъ свой собственный антихолерный «элексиръ», за который и получилъ золотую медаль. Отецъ мой никогда не рѣшался, однако, принимать эту спецію внутрь (до такой степени «жестокъ» былъ ея составъ), но допускалъ его, какъ наружное средство, для растиранія, въ случаяхъ разстройства желудка.

Съ наступленіемъ царствованія Александра II-го, когда зашла рѣчь о коренныхъ внутреннихъ преобразованіяхъ, мой отецъ не только не встрѣтилъ ихъ съ брюзжаніемъ и протек-

стомъ, но, напротивъ, необыкновенно оживился духомъ и благословлялъ рѣшимость молодого императора. На самодержавную власть онъ смотрѣлъ вообще съ большимъ традиціоннымъ почтеніемъ, въ особенности же въ тѣхъ случаяхъ, когда она твердо и энергически становилась во главѣ умственнаго движенія народа. Передъ самымъ освобожденіемъ крестьянъ, мой отецъ много способствовалъ уничтоженію «черезполоснаго владѣнія» въ Балашовскомъ уѣздѣ и, пожертвовавъ чуть ли не сотнею десятинъ земли, добился таки размежеванія имѣній къ одному участку, что много облегчило крестьянскую эмансипацію. Когда я печаталъ въ своемъ журналѣ разсказъ г. Мачтета: «Его часъ насталъ» (*Наблюдатель* 1886 г. № 1), гдѣ выведенъ возвращенный декабристъ, съ восторгомъ дождавшійся освобожденія крестьянъ, я невольно припоминалъ нравственное состояніе моего отца при первомъ извѣстіи о предполагаемой реформѣ. Своихъ крестьянъ онъ не подбивалъ—подобно другимъ помѣщикамъ—на такъ называемый нищенскій надѣлъ (даровые «три четвертка» подъ усадьбу) или на сбавку максимальнаго надѣла, но отрѣзалъ имъ полностью по 4^{1/2} десятины на душу, такъ что наши большесемейные крестьяне обратились въ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ. При этой операціи, отдавая крестьянамъ землю по казенной оцѣнкѣ (30 руб. сер., за десятину), онъ свою сверх-надѣльную дачу продалъ по 100 руб., потерявъ такимъ образомъ на каждой десятинѣ отданной земли по 70 руб.

По введеніи городской реформы, мой отецъ состоялъ «гласнымъ» тамбовской думы въ теченіе нѣсколькихъ избирательныхъ сроковъ и принималъ дѣятельное участіе въ дебатахъ по самымъ важнымъ городскимъ вопросамъ. За это мѣстная черная сотня прозвала его «господиномъ съ морозцемъ». Особенно волновался мой отецъ при прокладкѣ «половинчатой» мостовой по Долгой улицѣ, находя ее не въ мѣру дорогой и непрактичной, по мягкости мостоваго камня.

А. Пятковскій.

(Продолженіе будетъ).

Мечта.

Гдѣ-то и когда-то—
Не припомню я,
По волнамъ блаженства
Жизнь плыла моя.
Небеса играли
Радугой лучей;
Дни смѣнялись днями,
Не было ночей.
Чудные напѣвы
Волновали грудь,
Яркими цвѣтами
Быль усыпанъ путь.
Пѣлъ о счастьѣ вѣчномъ
Гдѣ-то скрытый хоръ;
Въ душу проникалъ мнѣ
Чей-то свѣтлый взоръ,
И звучало нѣжно:
Я твоя, твоя!..
Гдѣ-то и когда-то,—
Не припомню я.

Р.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Вліяніе циркуляра 12 августа объ уменьшеніи вооруженій.—«Добрыя услуги» и третейскій миръ.—Банкеты и паломничества друзей мира.—Циркулярная депеша отъ 11 марта 1899 г.—Приглашеніе на конференцію въ Гаагу.—Внутреннія волненія во Франціи.—Избраніе Лубэ.—Стремленіе національной партіи во Франціи къ усиленію центральной власти.—Арестъ Деруледа.—Коренной недостатокъ парламентскаго режима.—«Арифметическое большинство» и его вліяніе на президента республики.—Безвластіе французскаго президента.—Президенты, бѣгущіе со своего поста.—Выгодное положеніе президента Сѣв.-Американскихъ Штатовъ сравнительно съ безвластіемъ президента французской республики.—Гибельная роль «дрейфусіады».—Развивающійся антисемитизмъ во Франціи и Австріи.—Итальянскія авантюры въ Китаѣ.—Борьба норвежцевъ со шведами.

Прошло восемь мѣсяцевъ съ того времени, какъ нашъ государь обратился ко всѣмъ европейскимъ державамъ съ проектомъ ограниченія вооруженій. Не только лѣтописи русской исторіи, но и всего міра не имѣютъ такого великаго дипломатическаго акта, который былъ бы проникнутъ такой глубокой искренностью и такимъ безошаднымъ обнаженіемъ «правды о милитаризмѣ». Ежедневныя увеличенія арміи и флота, новыя смертоносныя изобрѣтенія и перевооруженія поглощаютъ всѣ матеріальныя и духовныя приобрѣтенія человѣческаго гевія. Милитаризмъ, какъ тысячеголовая гидра, ежеминутно требуетъ новыхъ жертвъ,—какъ хроническая эпидемія, онъ подтачиваетъ существованіе цѣлыхъ народовъ, грозя имъ вырожденіемъ. Наканунѣ XX столѣтія, вакханалія милитаризма достигла крайнихъ предѣловъ искусства; народы, кажется, уже готовы задохнуться подъ тяжестью той брони, которую они добровольно напялили на себя. И вотъ, наконецъ, раздалось вѣское и громкое слово русскаго государя, приглашающее народы трезвиться, сбросить съ себя цѣпи вооруженнаго рабства и сплотиться въ истинно-мирномъ христіанскомъ союзѣ.

Вся европейская печать, все европейское общество, — начиная отъ

крестьянъ и кончая аристократами и правителями государствъ,—восторженно привѣтствовали проектъ сокращенія вооруженій, предложенный русскимъ императоромъ, вида въ этомъ актѣ символъ новой эры, наступающей въ международныхъ сношеніяхъ. Съ высоты русскаго престола раздался голосъ истины, призывающій народы къ миру, къ процвѣтанію и братскому единенію.—Защитники мира нашли высокую поддержку въ могущественнѣйшемъ государѣ Европы. Они приобрѣтаютъ теперь изумительную силу; они нашли себѣ высокаго покровителя.

Конечно, нельзя ожидать, чтобы сейчасъ же наступили осязательныя послѣдствія обнародованія русскимъ царемъ этого акта. Въ печати проскальзывала тѣнь сомнѣнія. Но тутъ важенъ путь, намѣченный этимъ актомъ, и притомъ прямой, справедливый и легко осуществимый — это ограниченіе вооруженій, «добрыя услуги» и «третейскій судъ» (Циркуляръ 30 декабря 1898 года). Если только ограничиться однимъ сокращеніемъ вооруженій, и то народы вздохнуть свободно, и въ ихъ карманахъ останутся сотни милліоновъ рублей, или эти милліоны пойдутъ на болѣе производительныя потребности. Что же касается двухъ другихъ средствъ предупрежденія войны—«добрыхъ услугъ» и «третейскаго суда»,—то они не только вполне осуществимы, но практиковались и ранѣе.

Первое изъ этихъ средствъ («добрыя услуги») было рекомендовано всѣмъ государствамъ еще парижскимъ конгрессомъ 1856 года (протоколъ засѣданія 14 апрѣля 1856 г.). Но въ чемъ состоятъ «добрыя услуги», конгрессъ не объяснилъ. Государство, предлагающее свои добрыя услуги для прекращенія конфликта, не принимаетъ активнаго участія въ дѣлѣ умиротворенія, а служитъ скорѣе въ роли посредника. Было бы желательно, чтобы на конференціи понятіе о «добрыхъ услугахъ» было точно опредѣлено. Быть можетъ, полная безформенность понятія о добрыхъ услугахъ помѣшала европейскимъ правительствамъ, послѣ 1856 года, прибѣгать къ этому средству? Въ 1870 году англійское правительство предложило Франціи и Пруссіи свои добрыя услуги, — но французское правительство отклонило это предложеніе...

Что касается втораго средства, то за это столѣтіе насчитывается около 50 случаевъ примѣненія третейскаго суда. Не говоря о частныхъ обществахъ мира, съ успѣхомъ пропагандирующихъ свои взгляды, сами европейскіе парламенты за послѣднія двадцать пять лѣтъ одинъ за другимъ стали высказываться въ пользу третейскаго суда, какъ одного изъ лучшихъ средствъ къ предотвращенію войнъ. Особенно много парламентскихъ постановленій въ пользу третейскаго суда приходится на 1873—74 года.

Типичнымъ примѣромъ третейскаго суда служитъ англо-венецуэльское спорное дѣло о гвианской территоріи. Но, однако, здѣсь еще нельзя усматривать панацею противъ всякихъ войнъ.

Третейскій судъ можетъ быть весьма хорошимъ средствомъ для примиренія двухъ враждующихъ государствъ, если предметъ спора поддается точному опредѣленію,—напримѣръ, если дѣло идетъ о спорной территоріи или о денежной суммѣ. Но, къ сожалѣнію, далеко не всё жизненные интересы, часто раздѣляющіе государства и ставящіе ихъ во взаимно-враждебныя отношенія, могутъ быть сведены къ юридическимъ формуламъ и разрѣшены судебнымъ порядкомъ. Напримѣръ, войны, возникающія изъ стремленія государствъ къ преобладанію, уже никакъ не могутъ быть остановлены никакимъ третейскимъ судомъ. Никакой третейскій судъ не могъ бы остановить ни Наполеона, ни Бисмарка передъ войной 1870 года...

Европейское общество, вообще, энергично взялось за пропаганду идеи мира, предложенной нашимъ государемъ. Въ Англии и во Франціи устраиваются банкеты за банкетомъ сторонниками мира и международного третейскаго суда; организуется паломничество мира, представители котораго собираются объѣхать всё большіе европейскіе города, съ цѣлью пропагандировать ограниченіе вооруженій и водвореніе всеобщаго мира. Недавно данъ въ Парижѣ такой банкетъ.

Предсѣдательствовалъ на немъ Фредерикъ Пасси. Присутствовали представители всѣхъ французскихъ обществъ мира. Въ числѣ присутствовавшихъ находилась княгиня Вишневецкая, президентъ лиги женщинъ для международного разоруженія, а также извѣстный журналистъ Стюль. За десертомъ княгиня произнесла рѣчь, въ которой разъяснила роль женщинъ въ дѣлѣ пропаганды справедливости и мира. «Наша лига,— сказала княгиня,— насчитываетъ уже теперь 250,000 женщинъ (изъ нихъ 70 тысячъ вѣмокъ), которыя всё исполнены убѣжденія, что война имѣетъ одинаково роковыя послѣдствія какъ для побѣдителей, такъ и для побѣжденных». Свою рѣчь она закончила такъ:

«Вотъ какимъ образомъ состоялись договоры о дружбѣ между женщинами Франціи, Англии, Германіи, Давіи, Швеціи, Норвегіи и Америки. Призывы наши къ миру, и согласію встрѣтили мощный отголосокъ за нашими предѣлами. Ряды наши изо дня въ день пополняются, притомъ, тысячами новыхъ членовъ. Только женщины, стоя внѣ политическихъ, религіозныхъ и племенныхъ вопросовъ, въ состояніи свободно и сердечно заключать подобные союзы. Дипломатія, конечно, ставитъ ихъ ни во что; но они оказываютъ, быть можетъ, долговѣчнѣе многихъ политическихъ договоровъ. Эти союзы дружбы породили во всѣхъ женскихъ сердцахъ миролюбивое движеніе. Съ искреннею радостью могу вамъ сообщить только что полученное мною извѣстіе, что въ одной только Швеціи, благодаря стараніямъ вице-предсѣдателя нашей лиги, г-жи Фанни Петерсонъ, къ лиги присоединилось еще 230,000 женщинъ. Мы обрабатываемъ преимущественно нравственную почву и на этой-то почвѣ возродятся

въ одинъ прекрасный день всё труженныи въ пользу мира, чтобы познать результаты нашихъ усилій на зарѣ благодатной эры—эры общаго мира и согласія».

Произнесъ также длинную рѣчь Стэдъ, который, между прочимъ, сказалъ:

«Будучи журналистомъ, я долженъ признаться, что англійская печать поступила весьма скверно и несправедливо по отношенію къ Франціи, а, какъ англичанинъ, я обязанъ заявить, что изъ-за этого мнѣ приходится краснѣть передъ вами. Я полагаю, что Англіи слѣдовало бы питать къ Франціи вѣчную благодарность, такъ какъ она обязана ей своимъ величіемъ. Жанна д'Аркъ, прогнавъ англичанъ изъ Франціи, оказала имъ громадную услугу, такъ какъ это заставило ихъ вступить именно на тотъ путь, который привелъ Англію къ ея нынѣшнему блистательному положенію. Быть можетъ, уже не далеко тотъ день, когда англійскій король преклонитъ колѣни въ Руанѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ погибла на кострѣ Дѣва Орлеанская. Канаду открыли и населили французы, равно какъ и Индію, гдѣ у нихъ остается теперь только Пондишери. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Англія совершила крупное преступленіе, объявивъ войну Франціи, которая только что провозгласила свободу и безсмертные законы человѣчества. Мы гордимся нашимъ флотомъ, а, между тѣмъ, наше первое военное судно было скопировано съ захваченнаго въ плѣнъ французскаго судна и нашъ первый броненосецъ былъ построенъ по образцу французскихъ броненосцевъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что Англія должна быть благодарна Франціи и тщательно поддерживать съ нею дружескія отношенія».

Вернувшись затѣмъ къ цѣли банкета, Стэдъ сказалъ:

«Наше паломничество мира прибудетъ въ будущемъ мѣсяцѣ въ Парижъ, гдѣ къ нему присоединятся французскіе делегаты. Я знаю, что вы не можете во Франціи сдѣлать того, что сдѣлано нами въ Англіи, но я увѣренъ въ томъ, что вы сдѣлаете все, что будете въ состояніи сдѣлать».

Такое сочувственное отношеніе европейскіхъ народовъ къ великому почину нашего государя не могло не порадовать его. Поэтому, въ виду полученныхъ изъ всѣхъ странъ свѣта многочисленныхъ телеграммъ и письменныхъ заявленій искренней благодарности Его Величеству по поводу принятаго имъ великодушнаго почина въ дѣлѣ упроченія всеобщаго мира, государю императору благоугодно было Высочайше повелѣть министру внутреннихъ дѣлъ отправить всѣмъ представителямъ Россіи за границу слѣдующую циркулярную депешу отъ 11 марта 1899 года:

«Со времени обнаруженія циркулярнаго сообщенія отъ 12 августа минувшаго года, государю императору были представлены изъ разныхъ странъ свѣта безчисленные выраженія благодарности по поводу велико-

душнаго почина, принятаго на Себя Его Величествомъ, въ видахъ облегченія тягостей, созданныхъ современными вооруженіями, и уроченія всеобщаго мира.

«Его Императорскому Величеству были особенно пріятны таковыя выраженія сочувствія, свидѣтельствующія, въ какой степени идея мира, имѣющая въ основѣ своей матеріальное и духовное благосостояніе народовъ, находитъ себѣ горячій откликъ во всѣхъ странахъ свѣта. Вслѣдствіе сего, государю императору благоугодно было Высочайше повелѣть мнѣ передать, черезъ ваше посредство, свою искреннюю признательность всѣмъ тѣмъ лицамъ или учрежденіямъ, кои изъ страны, гдѣ вы аккредитованы, обратились къ Его Величеству, въ адресахъ, письмахъ, телеграммахъ или инымъ способомъ, съ выраженіемъ своихъ чувствъ по поводу предпринятаго, возвышеннаго и человѣколюбиваго, дѣла.

«Государь Императоръ съ удовольствіемъ усматриваетъ въ единодушномъ сочувствіи, сказавшемся одновременно съ выраженнымъ всѣми правительсвами согласіемъ на конференцію въ Гаагѣ, — новый залогъ успѣха стараній, направленныхъ къ развитію въ общественномъ сознаніи и жизни всѣхъ государствъ плодотворнаго начала всеобщаго мира».

25 марта (6 апрѣля), чрезъ посредство нидерландской дипломатіи, разослано официальное приглашеніе на конференцію, которая имѣетъ состояться въ Гаагѣ. Въ основу переговоровъ будетъ положена вторая нота русскаго правительства. Приглашеніе послано 19-ти европейскимъ государствамъ, Соединеннымъ Штатамъ, Сіаму, Персіи, Китаю и Японіи.

Теперь наступаетъ высоко интересное и знаменательное время. Въ горячемъ сочувствіи всѣхъ націй образованнаго міра нельзя сомнѣваться; остается только правительствамъ присоединиться къ благому и великодушному почину русскаго императора. Россія явится въ Гаагѣ не только опирающеюся на глубокое сочувствіе русскаго народа; но и другіе европейскіе народы окажутъ ей искреннюю и сердечную поддержку.

Второю нотою русскаго правительства вопросъ поставленъ не о «разоруженіи», — какъ говорили и думали многіе энтузіасты всеобщаго мира, — а объ изысканіи средствъ положить, хотя бы временно, предѣлъ постоянно увеличивающимся непроизводительнымъ расходамъ на арміи и флоты. Конечно, полное разоруженіе и установленіе всеобщаго мира — это пока мечта.

Предстоящее въ Гаагѣ международное совѣщаніе кончится, вѣроятно, не скоро. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, Европа будетъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдить за ходомъ работъ конференціи. Каковы бы ни были результаты, — даже отрицательные, — этихъ совѣщаній; хотя

бы даже конференція окончилась неудачно, — все таки изъ политической исторіи конца нынѣшняго вѣка нельзя будетъ вычеркнуть высоко гуманнѣйшій актъ 12 августа 1898 г., идея и починъ котораго принадлежать русскому императору. Этотъ актъ — этотъ великій починъ русскаго монарха — не пройдетъ безслѣдно въ исторіи цивилизаціи и культуры. Онъ оставитъ глубокой и неизгладимый слѣдъ не только въ исторіи уходящаго въ Лету XIX вѣка, но слѣды его будутъ еще чувствоваться и въ XX столѣтіи.

Внутреннія волненія во Франціи продолжаются. Французскій народъ вотъ уже почти 3 года вышелъ изъ спокойной, ровной жизни, и, какъ море въ непогоду, бушуетъ, волнуется и не хочетъ войти въ берега. Со смертью Феликса Фора, — уважаемаго главы государства, — благодаря личному обаянію котораго волнующееся море не выходило изъ береговъ, насталъ другой моментъ во внутренней и внѣшней жизни французскаго народа. Теперь трудно предсказать, какъ пойдутъ внутреннія дѣла Франціи и какія могутъ возникнуть въ ней политическія комбинаціи. Впрочемъ, въ недалекомъ будущемъ туманъ, окутывающій политическій горизонтъ Франціи, разсѣется и исчезнетъ. И теперь уже на горизонтѣ замѣтны новыя теченія, которыя, при Феликсѣ Форѣ, были едва замѣтны и сдерживались, благодаря личнымъ его достоинствамъ и той популярности, которой онъ пользовался во всѣхъ слояхъ французскаго общества.

Новый французскій президентъ г. Лубэ, избранный на постъ главы государства 483 голосами изъ 824 вотировавшихъ, не пользуется особою популярностью среди французскаго народа. Избраніе его въ президенты Третьей Республики нельзя назвать блестящимъ, хотя нельзя не признать, что число голосовъ, поданныхъ въ его пользу, служить доказательствомъ, что г. Лубэ вправдѣ расчитывать на поддержку палаты.

Любопытно сравнить итоги избраній предшественниковъ г. Лубэ.

Феликсъ Форъ, 17 января 1895 г., при вторичной баллотировкѣ, получилъ 430 голосовъ противъ 361 голоса, поданнаго за г. Бриссона. Казиміръ Перье, 16-го января 1895 г., получилъ 451 голосъ противъ 193 голосовъ, поданныхъ за г. Бриссона, и противъ 97 голосовъ, поданныхъ за г. Дююи. Сади-Карно, 3-го декабря 1887 г., при вторичной баллотировкѣ, получилъ въ свою пользу изъ 827 голосовъ — 616, благодаря дѣятельной поддержкѣ Ферри, который убѣдилъ своихъ сторонниковъ вотировать въ пользу Карно, чѣмъ и достигъ объединенія республиканскихъ группъ. Гриви, 31-го января 1879 г., былъ избранъ президентомъ республики 563 голосами изъ 613. Такимъ образомъ, оказывается, что изъ предшественниковъ г. Лубэ, избравшихся на основаніи конституціонныхъ законовъ 1875, 1884 и 1885 гг., только Карно и Гриви получили больше голосовъ, чѣмъ г. Лубэ. Г. Лубэ получилъ 53 голосами больше, чѣмъ Феликсъ Форъ, и 32 голосами больше, чѣмъ Ка-

зимиръ Перье. У г. Лубэ не было такого опаснаго конкуррента, какого имѣлъ Феликсъ Форъ въ лицѣ г. Бриссона, получившаго при первой баллотировкѣ 344 голоса. Нельзя не отмѣтить также, что г. Лубэ былъ избранъ сразу, тогда какъ Сади-Карно и Феликсъ Форъ при первой баллотировкѣ не имѣли на своей сторонѣ абсолютнаго большинства голосовъ. При первой баллотировкѣ, Феликсъ Форъ получилъ всего 246 голосовъ, т. е. на 98 голосовъ меньше Бриссона, и лишь на 61 голосъ больше Вальдека Руссо.

Но хотя г. Лубэ и получилъ больше голосовъ, чѣмъ Феликсъ Форъ и Казимиръ Перье, онъ сразу же встрѣтилъ сильную оппозицію и въ народѣ, и во многихъ органахъ французской прессы. Возгласы: «долой Лубэ»! «долой Панаму»! раздавались усиленно и на конгрессѣ, и въ толпѣ, при его отъѣздѣ изъ Версальскаго замка, и при въѣздѣ въ Парижъ, послѣ избранія въ президенты. Возбужденіе толпы было сильное. Въ улицѣ Воуале нѣсколько сотъ человекъ, плохо одѣтыхъ, но имѣвшихъ во главѣ нѣсколькихъ лицъ въ щегольскихъ пальто и шляпахъ, сопровождали бѣгомъ экипажъ и не переставали кричать: «Отставка, отставка! долой Лубэ»! Часть стоявшей на тротуарахъ публики кланялась новому президенту республики; другая же, напротивъ, встрѣчала его свистками и криками: «Отставка! да здравствуетъ армія»! По общему мнѣнію, виваты въ честь войска преобладали. На площади Согласія г-на Лубэ встрѣтили буквально адскимъ шумомъ, оглушительными свистками и кликами: «Да здравствуетъ армія». Когда же новый президентъ выѣзжалъ изъ Елисейскаго дворца, гдѣ пробылъ у г-жи Форъ всего 10 минутъ, то какой-то господинъ, съ угрожающимъ жестомъ и крикомъ: «долой Лубэ»! бросился на президента, но подскакавшіе драгуны схватили его и передали подослѣвшимъ городовымъ. Предъ военнымъ собраніемъ тоже произошли шумныя манифестаціи противъ г. Лубэ.

Такимъ образомъ, первые шаги выступленія г. Лубэ въ качествѣ президента Третьей Республики были покрыты не розами и лиліями, а колючими шипами. Положимъ, нѣтъ розы безъ шиповъ... но, во всякомъ случаѣ, для г. Лубэ было бы пріятнѣе имѣть ихъ вмѣсто пучковъ крапивы.

Возникаетъ вопросъ: почему же г. Лубэ не пользуется симпатіями у французскаго народа, въ правители котораго онъ былъ избранъ если не преобладающимъ, то во всякомъ случаѣ значительнымъ большинствомъ представителей того же народа? Новаго французскаго президента обвиняютъ въ принадлежности къ «Панамѣ» и, не безъ основанія, называютъ его дрейфусаромъ. Принадлежность его къ «Панамѣ» выразилась въ томъ, что онъ, *въ силу какихъ-то соображеній*, далъ возможность бѣжать Рейнауку. Враги г. Лубэ, не останавливаясь на однѣхъ уличныхъ манифестаціяхъ, перенесли полемику и на столбцы газетъ. Г. Дрюмонъ пишетъ

въ «Libre Pagine» «если я васъ оклеветалъ, г. Лубэ, то это вамъ трудно будетъ доказать. Для этого вамъ достаточно потребовать, чтобы я былъ преданъ ассизному суду, гдѣ въ такомъ случаѣ будутъ выслушаны показанія Кенэ-де-Борепера, Дюкюи и даже вашего коллеги Валле, рапортъ котораго такъ васъ компрометируетъ. Я энергично боролся съ Казимиромъ Перье, но долженъ замѣтить, что, какъ только выразили сомнѣнїе въ его честности, онъ тотчасъ же возбудилъ судебное преслѣдованіе противъ г. Жеро Ришара. Хватитъ ли у васъ мужества поступить точно также? Я въ этомъ сомнѣваюсь». Будущее покажетъ, правъ ли былъ Дрюмонъ.

Особенно возсталъ противъ г. Лубэ Дерулэдъ, вождь лиги патриотовъ. Авторъ «Пѣсни солдата» громко произнесъ при избраніи г. Лубэ:

«Что касается меня, то я поѣхалъ въ Версаль лишь для того, чтобы протестовать противъ такого назначенія и заявить, что въ голосованіи участвовать не буду. Я не признаю главою государства этого *ставленника парламентаріевъ*, назначеннаго помимо воли народа. Не намъ, членамъ парламента, надлежитъ назначать того, кто призванъ править Франціею, а вамъ, французамъ, и самой Франціи. Да здравствуетъ *все-народная республика!* Долой республику парламентаріевъ!»

Эти слова Дерулэда произвели среди депутатовъ страшный шумъ. Всѣ они вскочили со своихъ мѣстъ. Среди этой бури, фигура вождя лиги патриотовъ выражала вызовъ. Ставъ въ профиль къ собранію, Дерулэдъ бросаетъ Лубэ: «Ну, а вы, г. Лубэ, vous n'êtes qu'un panamiste». Со скамей крайней лѣвой срываются депутаты, съ г. Карно во главѣ, и, перепрыгивая чрезъ люкитры, бѣгутъ къ трибунѣ. Пристава окружаютъ Дерулэда и хотятъ его схватить. «Отрицаете ли вы то, что сегодня написалъ о васъ Кенэ-де-Бореперь?» — кричитъ Дерулэдъ. «Je n'ai rien à vous répondre», отвѣчаетъ Лубэ..., «Тогда я имѣю полное право такъ называть васъ. Вы—панамистъ, панамистъ, панамистъ!»—кричитъ вождь лиги патриотовъ.

Но этими манифестациями Дерулэдъ не ограничился. Онъ рѣшился произвести болѣе крупную демонстрацію противъ г. Лубэ и въ честь французской арміи. Вотъ что берлинская «Vossische Zeitung» передаетъ объ этой оригинальной демонстраціи.

Около часу дня, на Національной площади, появились 15 членовъ лиги патриотовъ со своими вождями: Дерулэдомъ, Габеромъ и Лази во главѣ. Необычайное появленіе группы людей на площади, обыкновенно совершенно пустой, обратило вниманіе жителей, которые тотчасъ же высыпали на улицу и обружили лигѣровъ. Послѣдніе стали кричать: «Смерть жидамъ и измѣнникамъ!» и въ скоромъ времени на площади собралось около 2000 человекъ. Около шести часовъ на площади собралась, возвращаясь съ кладбища, пѣхотная бригада подъ командой ге-

нерала Рожэ. Деруладъ подскочилъ къ Рожэ и сказалъ: «Генераль, не возвращайтесь въ казарму! народъ слѣдуетъ за вами. Спасите Францію!» Генераль ничего не отвѣчалъ и поѣхалъ дальше. Но лигёры соединились съ рядами войскъ и обнимали солдатъ, предлагали имъ сигары, украшали ихъ ружья цвѣтами и непрерывно твердили имъ: «Вы спасители! Освободите насъ отъ измѣнниковъ. Пойдемте на Блисейскій дворецъ, и мы прогонимъ панамистовъ!» Нѣкоторые офицеры гнали крикуновъ, и солдаты спокойно продолжали путь, тѣснѣе смыкая ряды. Но Деруладъ не уступалъ и продолжалъ слѣдовать за войсками вплоть до казармъ, куда проникъ вмѣстѣ съ солдатами. За нимъ слѣдовали Марсель Габеръ и три или четыре лигёра. Когда Деруладъ прибылъ во дворъ казармъ, генераль Рожэ приказалъ ему немедленно уйти, такъ какъ въ противномъ случаѣ его придется арестовать. «Арестуйте меня, но я не уйду!»—возразилъ Деруладъ. Тогда Рожэ приказалъ унтеръ-офицерамъ силой прогнать лигёровъ и запереть ворота казармъ. Но въ это время Деруладъ и Габеръ очутились уже въ офицерской залѣ, послѣ чего генераль Рожэ немедленно по телефону сообщилъ о происшедшемъ парижскому губернатору и полицейскому префекту. Префектъ Бланъ отнесся шутливо къ инциденту и на вопросъ Рожэ, чтó дѣлать съ арестованными, сказалъ: «Оставьте ихъ въ казармѣ, пока имъ не надобѣсть; а затѣмъ они сами разойдутся по домамъ». Дюпон посмотрѣлъ на дѣло гораздо серьезнѣе, приказалъ учредить надъ арестованными строгій надзоръ и немедленно сообщилъ о происшедшемъ государственному прокурору. Когда о событіяхъ въ казармѣ Нельи стало извѣстно на бульварахъ, католическіе и роялистскіе союзы стали проявлять безумную радость. Они устремились на бульвары и кричали: «Долой Лубэ! Да здравствуетъ войско! Да здравствуетъ король!» Полиція арестовала многихъ изъ нихъ. Среди арестованныхъ находился какой-то субъектъ, который особенно рьяно кричалъ: «Долой панамистовъ!» Оказалось, что это сынъ Шарля Лессепа, Фердинандъ.

Многія наши газеты,—особенно жидовскія,—видятъ въ этомъ поступкѣ Дерулада не простой протестъ вождя лиги патриотовъ и его единомышленниковъ противъ личности новаго президента, а вообще протестъ противъ республиканскаго парламентаризма и парламентаріевъ; видятъ стремленія Дерулада—произвести государственный переворотъ въ интересахъ монархизма (?). Но подобное мнѣніе болѣе чѣмъ странно. Произвести государственный переворотъ безъ подготовки, безъ серьезной организаціи,—подобная идея можетъ прийти въ голову только сумашедшему человѣку, не понимающему самыхъ очевидныхъ вещей и не видящему далѣе своего носа. Дерулада же едва ли кто рѣшится причислить къ этой категоріи. Неужели можно серьезно говорить о томъ, что творецъ «Пѣсни солдата» добивался, съ кучкою собравшейся уличной толпы, совершить

государственный переворот? Правда, онъ хотѣлъ завербовать на свою сторону солдатъ, которымъ онъ кричалъ: «Вы спасители! Освободите насъ отъ измѣнниковъ. Поидемте съ нами въ Елисейскій дворецъ, и мы прогонимъ панамистовъ!» Но развѣ же онъ могъ думать, что пѣхотная бригада генерала Рожэ,—еслибы она и увлеклась рѣчами Деруладэ,—могла бы произвести государственный переворотъ? Нѣтъ, въ этомъ поступкѣ вождя лиги патриотовъ нужно видѣть только попытку произвести демонстрацію *противъ личности новаго президента, какъ панамиста и дрейфусиста*. Деруладэ, ратующій за родину и ея интересы, будучи всегда противъ панамистовъ и дрейфусистовъ, не могъ помириться съ мыслью, что одинъ изъ этихъ панамистовъ и дрейфусистовъ станетъ во главѣ Франціи. Онъ опасался за судьбу своей родины, боялся за тѣ идеи, за которыя онъ такъ упорно борется. Можно думать, что онъ ратовалъ за полный плебисцитъ при избраніи президента республики и былъ противъ современнаго способа избранія главы государства. Вѣдь и нельзя, на самомъ дѣлѣ,—не будучи нисколько ни бонапартистомъ, ни анархистомъ,—не согласиться, что тѣ 812 голосовъ, которые были допущены къ вотированію и дали въ пользу г. Лубэ 483 голоса, составляютъ слишкомъ ничтожную величину въ сравненіи съ тѣми 40 мил. французевъ, для которыхъ избирается новый президентъ. И самъ Деруладэ заявилъ шефу полиціи, что онъ пробрался въ казарму, чтобы поднять войска и повести ихъ въ Елисейскій дворецъ. Онъ хотѣлъ побудить солдатъ «замѣнить нѣкоторыхъ недостойныхъ лицъ честными, энергичными, преданными отечеству людьми». вмѣстѣ съ тѣмъ Деруладэ категорически настаивалъ, что у него не было сообщниковъ, что никакого «заговора» не существовало. За исключеніемъ Габера, никто изъ лигеровъ не зналъ о его планѣ. Генералъ Рожэ также не думаетъ, что Деруладэ хотѣлъ произвести государственный переворотъ.

«Petit Bleu» помѣстилъ у себя бесѣду съ генераломъ Рожэ. Когда сотрудникъ газеты сказалъ ему, что Деруладэ пытался поднять возстаніе, генералъ заявилъ: «Ахъ, оставьте, революцію нельзя сдѣлать съ одной бригадой и съ такимъ генераломъ, какъ я. Для этого нужны болѣе высокопоставленные лица. Я думаю, что этотъ несчастный Деруладэ немного помѣшанъ». Генералъ говоритъ, что онъ не слышалъ предложенія ѣхать въ Елисейскій дворецъ, и велѣлъ арестовать Деруладэ, потому что онъ не хотѣлъ оставить казарму.

Вообще во Франціи преобладаетъ мнѣніе, что, не смотря на желаніе президента лиги патриотовъ вызвать сенсаціонный и громкій процессъ, дѣло врядъ ли приметъ такой оборотъ. Существуетъ убѣжденіе, что собственно *заговора*, дѣйствительно грозившаго безопасности государства, не существовало. Многіе склонны къ предположенію, что Деруладэ поступилъ подъ вліяніемъ внезапнаго увлеченія. Вѣдь еслибы даже ге-

нераль Рожэ двинулся на Елисейскій дворець, онъ нашель бы тамъ только вдову Фора съ дочерью и, слѣдовательно, никакого переворота произвести не могъ. Враждебныя Деруладу газеты утверждаютъ, правда, что наканунѣ похоронъ Фора онъ обѣдалъ у г-жи Юнгъ, вдовы бывшаго издателя «Revue Bleue», вмѣстѣ съ генераломъ Рожэ, но и это вѣдь нельзя считать доказательствомъ «заговора».

Намъ кажется, что на попытку Дерулада нужно смотрѣть, какъ на стремленіе вождя лиги патріотовъ къ усиленію центральной власти, значительно подорванной и распатанной. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, президентъ третьей французской республики? Это глава государства, выбранный большинствомъ голосовъ палаты депутатовъ. Въ его избраніи участвуетъ не весь народъ, а только крошечная часть, преслѣдующая свои интересы и виды. Заранѣ трудно сказать, кто будетъ избранъ въ президенты республики, такъ какъ его избраніе не зависитъ ни отъ его личныхъ качествъ, ни отъ воли народа, а отъ воли тѣхъ политическихъ партій, которыя въ данный моментъ играютъ «первую скрипку» и представляютъ изъ себя то «арифметическое большинство», которое необходимо для избранія главы государства. Избранный этимъ арифметическимъ большинствомъ президентъ является въ ихъ рукахъ послушнымъ орудіемъ; въ противномъ случаѣ, — еслибы онъ вздумалъ освободиться отъ ихъ вліянія, — на слѣдующихъ выборахъ онъ не получитъ необходимаго для него арифметическаго большинства голосовъ. Президентъ республики во Франціи почти лишень дѣйствительной власти: ему предназначена преимущественно представительная, декоративная сторона и нѣкоторое общее вліяніе на ходъ дѣлъ. Ему принадлежитъ санкція законовъ, но право это оказывается чисто фиктивнымъ: права veto онъ лишень. Правда, президентъ назначаетъ министровъ, но послѣдніе ответственны предъ парламентомъ и свергаются его рѣшеніями; слѣдовательно, президентъ стѣсненъ въ ихъ выборѣ. Даже каждое представленіе президента должно быть контрастировано соотвѣтствующимъ министромъ. Такое безвластіе и безволіе главы государства не только вредно въ интересахъ народа, но тяготитъ самихъ президентовъ и связываетъ имъ руки. Потому не удивительно, что одинъ французскій президентъ спѣшилъ выйти въ отставку (Казимиръ Перье), Карно и Феликсъ Форъ также тяготились своимъ положеніемъ и, по всей вѣроятности, тоже вышли бы въ отставку, еслибы преждевременная смерть не лишила ихъ этой возможности.

Если мы перенесемъ къ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, то увидимъ, что тамъ положеніе президента совершенно другое, чѣмъ во Франціи. Въ Соединенныхъ Штатахъ министры политически ответственны только предъ президентомъ, назначаются и смѣщаются имъ по его собственному усмотрѣнію; въ силу этого вся исполнительная власть сосредоточена въ его рукахъ и даже контроль за нею изъять

изъ рукъ парламента. Такія прерогативы президентской власти полезны и для народа, и для самого президента: въ теченіе четырехъ лѣтъ высшая власть находится въ твердыхъ рукахъ и не подлежитъ никакому воздѣйствію со стороны парламента и министровъ.

Только благодаря этому безволю и безвластію президентовъ третьей французской республики, и могла разыгратъся постыдная трагикомедія, извѣстная подъ именемъ «дрейфусіады». Дрейфусары добиваются не оправданія Дрейфуса: имъ нужно *ослабить, унижить Францію, опорозорить ея армію*. И они вполнѣ добились этого. Соглашеніе съ Англіею по африканскимъ дѣламъ, подписанное на дняхъ въ Лондонѣ, довершаетъ то, что было начато въ Фашодѣ: Англія беретъ себѣ все, что хочетъ, все выгодное и полезное. Франція отказалась отъ Нила, отъ Баръ-эль-Газана, которые были уже у нея въ рукахъ. Въ награду англичане великодушно предоставили французамъ безпредѣльныя песчаныя африканскія пустыни,—пустыни, которыя еще пока никому не принадлежать и которыя французамъ еще надо завоевать.

Какъ случилось, что Франція оказалась такою уступчивою? понять нетрудно. Вѣдь теперь французская пресса и французскій народъ заняты очень *серьезнымъ дѣломъ*—Дрейфуса. Имъ не до внѣшней политики! Даже внутреннія дѣла и тѣ откладываются. Теперь уже начало апрѣля, а во Франціи еще не утверждена смѣта государственныхъ доходовъ и расходовъ на нынѣшній годъ! Французы, занявшись «дрейфусіадой», не стоющей выдѣннаго яйца, забыли и про внутреннюю, и про внѣшнюю политику. А устроителямъ «дрейфусіады» то и надо, чтобы легче ловить рыбу въ мутной водѣ...

Но, слава богу, наконецъ-то и во Франціи,—гдѣ евреямъ дана полная «равноправность»,—общество начинаетъ понимать, что жидь-талмудистъ, какими бы правами его ни надѣлить, останется жидомъ, т. е. врагомъ того народа, среди котораго онъ нашель пріютъ и гостепримство. Выраженія:—«французы монсеева въроисповѣданія», «поляки мойжешовѣго вызнанія»—это пустой звукъ. Жидь-космополитъ; для него нѣтъ отечества; даже въ Иерусалимъ, въ свое прежнее отечество, онъ не особенно охотно идетъ. Временнымъ, можетъ быть, даже любимымъ, мѣсто-пребываніемъ для нихъ является та страна, которая широко отерываетъ свои двери и ставитъ мало препятствій для ихъ хищнической и эксплуататорской дѣятельности. Но разъ жида выжали соки изъ страны, развратили и разорили ея жителей, они преспокойно бросаютъ страну, отправляются въ другое мѣсто, въ другую часть свѣта, и тамъ раскидываютъ свои хищническія сѣти и заявляютъ себя патриотами. Во Франціи антисемитизмъ вѣрннеть и поднимаетъ голову. Правда, для него борьба съ жидовствомъ крайне тяжела. Но важно начало; дорогâ и первая попытка положить конецъ вліянію жидовства.

Вопросъ объ антисемитизмѣ былъ поставленъ во французской палатѣ депутатовъ предъ рождественскими праздниками. Глава французскихъ антисемитовъ, г. Дрюмонъ, въ качествѣ депутата за Алжирію, потребовалъ у правительства объясненій по поводу временнаго удаленія отъ должности молодаго мэра этого города, антисемита Макса Режиса, который вслѣдствіе этой дисциплинарной мѣры подалъ въ отставку. Г. Дрюмонъ указалъ палатѣ депутатовъ, что у алжирскихъ французовъ антипатіи къ евреямъ все болѣе и болѣе возрастаютъ, что никакія мѣры строгости не въ состояніи остановить въ Алжирѣ антисемитскаго движенія, и требовалъ, чтобы палата назначила слѣдственную комисію для выясненія причинъ этого движенія.

Въ возникшія по этому вопросу пренія вмѣшался съ большимъ азартомъ социалистъ Руанэ. Онъ началъ увѣрять, что «антисемиты—реакціонеры» (это жида-то либералы!!), что они заимствовали свои взгляды у Германіи, и что въ Алжирѣ антисемитское движеніе имѣетъ источникомъ «политическія разногласія»!

Антисемитскій депутатъ г. Фирменъ Форъ, возражая г. Руанэ, заявилъ, что сами алжирскіе евреи вызвали своими вымогательствами возникшее противъ нихъ движеніе, *злоупотребляя* тѣми пресловутыми «правами французскаго гражданства», которыя закрѣпилъ за ними въ 1870 г., въ ущербъ туземнымъ семитамъ-мусульманамъ, ихъ соплеменникамъ и единавѣрецъ-талмудистъ, адвокатъ Кремьё.

Любопытно, какъ Дююи оправдывалъ удаленіе отъ должности Режиса. Вина послѣдняго состояла, по словамъ Дююи, въ томъ, что онъ не «сумѣлъ» (?) въ качествѣ мэра города Алжира, обезпечить порядокъ, признавъ, что «евреи—не правы».

Палата была на сторонѣ Дююи и одобрила его мнѣніе большинствомъ головъ.

Мало этого, палата постановила расклеить въ Алжирѣ рѣчи г. главы кабинета.

Дрюмонъ и его единомышленники такимъ образомъ потерпѣли, на первый разъ, фіаско.

Но энергическій Дрюмонъ не палъ духомъ. Онъ намѣренъ поднять въ парламентѣ вопросъ о восстановленіи въ Алжирѣ порядка вещей, существовавшаго до 1870 г., по которому тамошніе еврей-талмудисты, наравнѣ съ туземными мусульманами, не пользовались гражданской полноправностью, которую доставилъ имъ ихъ единомышленникъ Кремьё въ самый разгаръ замѣшательства и затрудненій, вызванныхъ во Франціи седанскимъ погромомъ и паденіемъ второй имперіи. Если правительство откажется поддержать этотъ проектъ, то онъ намѣренъ внести другой, а именно: уравненіе въ правахъ туземнаго населенія съ евреями. Еще до Дрюмона французская печать открыто говорила объ

опасности, представляемой гражданскою полноправностью алжирских евреевъ, ненавидимыхъ и презираемыхъ тамошними мусульманами. Обычная тактика евреевъ: пользоваться удобнымъ моментомъ и ловить въ мутной водѣ рыбу: послѣ седанскаго погрома, растерявшаяся Франція представляла для нихъ удобный моментъ выторговать что либо въ свою пользу,—и Кремль легко достигъ желаемого.

Не смотря на чрезвычайъ голословныя увѣренія Дюпюи, что во Франціи антисемитизмъ — только «секта», а не партія, ряды антисемитовъ день ото дня увеличиваются; особенно увеличила ихъ численность антипатриотическая агитація дрейфусистовъ. Антисемиты теперь уже появляются въ палатѣ депутатовъ, какъ отдѣльная группа, рѣшившая отстаивать безопасность страны противъ жидовскаго натиска, а также и честь французской арміи, которую иноплеменные наглецы прямо таки предають поруганію.

Антисемитизмъ и во всей Европѣ все болѣе и болѣе укрѣпляется и расширяетъ кругъ своихъ послѣдователей. Всѣ начинаютъ понимать, что талмудическое жидовство—есть громадное скопище людей, со своими особыми идеалами, со своими безнравственными принципами и стремленіями, прямо враждебными не только христіанской, но и всякой человѣческой этикѣ, и что оно не можетъ быть долѣе терпимо въ гражданскомъ обществѣ. Жиды-талмудисты—это позорное пятно въ человѣческой культурѣ, это болѣзненный наростъ на человѣческомъ организмѣ, съ которымъ приходится бороться, чтобы онъ не заразилъ, какъ гангрена, всего организма.

Антисемитизмъ поднимаетъ голову и въ жидовствующей Австріи. Но тамъ для него борьба крайне тяжела, и ему пришлось вступить въ союзъ съ клерикалами. За поддержку въ своей борьбѣ съ жидами антисемиты обѣщали клерикаламъ предоставить въ ихъ распоряженіе народныя школы и ассигновать изъ средствъ общинъ значительныя суммы на постройку церквей. Они исполнили свое слово: открыли походъ противъ либеральнаго режима школы, преслѣдуютъ свободномыслящихъ учителей и ассигновываютъ десятки тысячъ гульденовъ на постройку церквей. Вѣнскій муниципалитетъ считалъ себя полновластнымъ господиномъ и ассигновалъ миліонъ гульденовъ для постройки въ Вѣнѣ католическихъ церквей; этимъ вѣнская община хотѣла увѣковѣчить пятидесятилѣтній юбилей правленія императора. Незадолго передъ тѣмъ муниципалитетъ назначилъ 30 тыс. для постройки церкви въ предмѣстьѣ Вѣны. Но депутатъ Брунеръ, членъ демократической партіи, протестовалъ противъ этого постановленія муниципалитета, и защитникъ его, профессоръ Зингеръ, подалъ верховному суду жалобу. Послѣдній рѣшилъ, что муниципалитетъ не имѣетъ права назначать изъ общинныхъ средствъ ту или другую сумму для постройки церквей. Верховный судъ руководился въ

этомъ случаѣ слѣдующими мотивами: по конституціи, въ Австріи ни одна религія не пользуется правами государственной; всѣ религіозныя культы имѣютъ одинаковыя права. По закону 1867 г., церковныя общины отдѣлены отъ государства и отъ гражданской общины, и онѣ должны изъ собственныхъ средствъ заботиться о религіозныхъ потребностяхъ своихъ членовъ. Гражданская община неправѣ назначать пособія той или другой религіозной общинѣ для церковныхъ дѣлъ. Рѣшеніе верховнаго суда сильно подѣйствовало на антисемитовъ. Но они не падаютъ духомъ, а бодро идутъ въ начатой ими борьбѣ противъ жидовства, которое во много разъ вреднѣе даже и іезуитскаго католицизма.

Антисемитизмъ проникъ и въ Америку, въ эту свободолюбивую страну; русскихъ жидковъ, являющихся туда съ гешефтмахерскими цѣлями, перестали уже туда пускать, а въ Нью-Йоркѣ для нихъ отведенъ особый кварталъ, изъ боязни, чтобы они и физически, и нравственно не заразили жителей этого города.

За послѣднее время заграничная печать усердно занимается итальянскими притязаніями въ Китаѣ. Неудачи, постигнувшія итальянскіе замыслы въ Эритреѣ, не отбили у Италіи охоты попытать счастья въ Азіи. Она предъявила китайскому правительству о своемъ желаніи имѣть протекторатъ надъ китайской провинціей съ населеніемъ въ 12 мил. жителей. Недуренъ аппетитъ у итальянцевъ! Нечего, конечно, и говорить, что подобное желаніе встрѣтило рѣзкій отпоръ со стороны Тцунгъ-ли-Ямена. Китайское правительство отвергло подобное несуразное требованіе. Не смотря на неудачу перваго шага, итальянское правительство вѣрить, что оно рано или поздно добьется исполненія своихъ притязаній. Въ Вѣнѣ не скрываютъ, что за спиною Италіи стоятъ Англія и Германія, готовыя поддержать притязанія итальянцевъ своимъ могущественнымъ авторитетомъ. Одна изъ римскихъ газетъ, между прочимъ, пишетъ:

«Въ консульствѣ упорно говорятъ, что Италіи помогаетъ Англія. Это весьма возможно. Не надо забывать только, что помощь Англія всегда стѣбитъ очень дорого, а потому нашему правительству необходимо серьезно одуматься и остановиться теперь, а не продолжать опасную авантюру, которая можетъ закончиться крупнымъ скандаломъ».

Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ газеты, что колониальная политика Италіи слишкомъ дорого обошлась ей въ Африкѣ, чтобы еще рисковать попытать счастья въ Азіи. Лучше въ-время одуматься и выйти изъ затруднительнаго положенія, въ которое поставилъ итальянцевъ Баневаро, вносящій въ свою политику немало увлеченія и готовый, ради удовлетворенія личнаго самолюбія, рисковать благомъ своего государства.

Каковы бы ни были обѣщанія Англіи, можно быть увѣреннымъ, что она не пожертвуетъ ради Италіи ни однимъ своимъ солдатомъ. Еслибъ даже попытка итальянскаго правительства и увѣнчалась успѣхомъ, то во всякомъ случаѣ для страны, разоренной недавно войной съ Абиссиніей, новое приобрѣтеніе ляжетъ тяжелымъ бременемъ. Италія отправила уже въ китайскія воды эскадру, которой поручено «образумить» Китай. Но почему же Италія, прежде чѣмъ предъявить къ китайскому правительству требованія на уступку ей бухты Санмуна и прилегающей къ ней территоріи, не озаботилась впередъ обезпечить себѣ успѣхъ?

Нужно думать, что Италія, страдающая и безъ того безденежемъ, не безъ основанія пустилась въ китайскую авантюру. Получить ли она со временемъ выгоды отъ этого предпріятія—трудно сказать, но что оно чревато теперь финансовыми жертвами, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. По всей вѣроятности, на эту авантюру Италію подбила Англія, которая, можетъ быть, уже совершила съ ней договоръ о переуступкѣ ей порта, острововъ, территорій и концессій, еще не полученныхъ отъ Китая. Судя по отзывамъ англійской печати, Англіи пріятно было бы имѣть своимъ сосѣдомъ въ Китаѣ дружественную Италію. Но Италія скоро еще разъ убѣдилась въ коварной дружбѣ Альбіона. Какъ только Тцунгъ-ли-Ямень категорически отказалъ Италіи въ ея требованіяхъ, Англія заплѣла совершенно другую пѣсню.

Въ мюнхенскую «Allgemeine Zeitung» пишутъ изъ Рима: «Англія, обнадеживая первоначально итальянское правительство, даетъ затѣмъ задній ходъ, и это было до такой степени ясно, что должно только удивляться тому, какъ итальянцы не поняли этого и руководствовались совѣтами, посылаемыми съ береговъ Темзы. Въ настоящее время въ Римѣ, повидимому, догадались, какую роль Англія заставила Италію разыграть въ вопросѣ о Санмунской бухтѣ, а потому здѣшнее правительство вступило въ переговоры съ петербургскимъ кабинетомъ. Полагаютъ, что Италія будетъ въ состояніи сдѣлать въ Петербургѣ такія предложенія, которыя расположатъ Россію отнестись доброжелательно къ предстоящимъ дѣйствіямъ Италіи въ Китаѣ».

Англія, замѣтивъ, что нѣсколько одобрительныхъ ея словъ ведутъ слишкомъ далеко, пошла назадъ и заявила, что готова содѣйствовать Италіи, но исключительно на дипломатической почвѣ. Англичане дали понять, что ихъ правительство вовсе не желаетъ, чтобы Италія показывала на дальнемъ Востокѣ свою морскую силу, и что если она не исполнитъ англійскихъ предначертаній, то англійскій кабинетъ не ручается за дальнѣйшія послѣдствія. Эти слова обдали итальянскихъ дипломатовъ довольно сильнымъ холодомъ.

Въ то время, какъ финляндскіе политики усердно занимаются сочиненіемъ особаго «государственнаго права», для того чтобы рѣзче прове-

сти черту, отдѣляющую Финляндію отъ Россіи, которая, будто бы, ихъ «угнетаетъ», нѣкоторые норвежцы помышляютъ о переходѣ подъ русскую власть, какъ о высшемъ для себя благѣ. Этотъ фактъ показываетъ, насколько въ дѣйствительности горестна и тяжела судьба финляндцевъ подъ русскимъ владычествомъ! Норвежцы желаютъ даже войны между Россіей и Швеціей, такъ какъ въ этомъ случаѣ Швеція была бы немедленно уничтожена, и ихъ месть дождалась бы своего осуществленія. Объ этомъ говорилъ одинъ норвежець сотруднику «Московскихъ Вѣдомостей» г. Пореамо.

«Съ русскими мы драться не будемъ. Попросимъ только нѣсколько привилегій относительно рыбной торговли и будемъ жить спокойно подъ могущественнымъ скипетромъ русскаго монарха. Вообразите себѣ, какое счастье было бы для насъ норвежцевъ! Быть подданными такой сильной имперіи, какъ Россія, имѣть возможность свободно торговать по всему русскому государству и въ то же время имѣть въ своихъ рукахъ всѣ внѣшніе порты этого государства къ Сѣверному морю по норвежскимъ берегамъ! Это настоящая благодать для дѣятельнаго торговаго народа, каковъ норвежскій. Впрочемъ, Россія должна захватить Скандинавскій полуостровъ. Какъ она требуетъ выхода изъ Чернаго моря, точно также она не можетъ оставаться постоянно запертою въ Балтійскомъ морѣ. Съ другой же стороны, мы освободились бы такимъ образомъ отъ тяжелаго чужаго ига, которое приноситъ наши коммерческіе интересы въ жертву шведскимъ пустымъ амбиціямъ».

Комментаріи излишни.

НОВЫЯ КНИГИ.

К. Скальковскій. Въ театральномъ мірѣ. Наблюденія, воспоминанія и разсужденія. Спб. 1899 г.

Предъ нами—очень интересная книга, касающаяся храма Мельпомены, жрецовъ ея и посѣтителей этого храма. Книга эта интересна для насъ по двумъ причинамъ: во-1-хъ, по своему содержанію, а, во-2-хъ, потому, что авторъ ея—бывшій директоръ горнаго департамента. Написана книга очень живо, какъ и вообще все, что выходитъ изъ-подъ пера этого автора. Театръ и театральнй міръ въ совершенствѣ извѣстны ему да и не удивительно, что онъ прекрасно знаетъ эти сферы. «Я видѣлъ,—говоритъ онъ,—подъ рядъ 14 разъ «Belle Hélène», и 146 разъ «Ковья Горбунка». За это своего рода «Азовское сидѣніе» авторъ вправѣ считать себя театраломъ. «Я видѣлъ казенные театры въ ихъ апогеѣ,—продолжаетъ онъ,—видѣлъ ихъ паденіе: при мнѣ перестраивался

Маринскій театръ и развалился Большой, переимѣнилось семь директоровъ, большинство ихъ, выражаясь словами Котошихина, назначены «не по уму, а по великой породѣ, потому ничему не учены»; я немало воевалъ противъ нихъ, а всего написалъ о театрѣ не менѣ тысячи статей и рецензій. Слышалъ я «Belle Hélène» по армянски, на самомъ неблагозвучномъ языкѣ въ свѣтѣ, и «Lucrèce Borgdia» по новогречески. причемъ Дженоаро въ самыхъ трагическихъ мѣстахъ философски ковырялъ въ носу; поглядѣлъ я сценическія представленія въ четырехъ частяхъ свѣта и поднесъ не менѣ сотни цвѣточныхъ корзинокъ». Вотъ какъ авторъ рекомендуетъ себя читателю. Приведенныя нами выдержки свидѣлствуютъ уже о томъ, что г. Скальковскій долженъ хорошо знать театръ и театральнй міръ, театральные нравы и театральнй воздухъ, такъ какъ онъ началъ жить и дышать этою атмосферою съ восьми лѣтъ. Меня возили въ ложу еще дитятею, а въ первый разъ я сидѣлъ въ креслѣ 8-ми лѣтъ за 75 коп. и видѣлъ какую-то «Eleonore», а затѣмъ «Barbiere». Последняя пьеса произвела на меня необыкновенное впечатлѣніе; я такъ хотѣлъ въ сценѣ притворнаго опьяненія Альмавивы, что меня чуть не вывели изъ театра». Слѣдовательно, чуть не съ пеленокъ почтенный авторъ сталъ увлекаться театромъ, и это увлеченіе не отстало даже теперь, когда онъ, вѣроятно, готовится перешагнуть уже «грань» жизненнаго пути. Жаль, что авторъ не прибавляетъ, — увлекается ли онъ и теперь такъ театромъ, что «его чуть не выводятъ» оттуда, или онъ немножко поостылъ...

Авторъ разбираемой книги — другъ и пріятель всѣхъ артистовъ и особенно танцовщицъ. Какъ близкій человекъ къ этимъ прекраснымъ артисткамъ, онъ приводитъ массу характерныхъ фактовъ. Какъ другъ балерины Цукки, онъ близко зналъ ее. «Восхитительная» и «божественная» (Цукки) грызла ногти и чесала свои исключенныя космы волосъ прямо пятерней. Въ концѣ концовъ она ходила въ «Бинь-Грусть» (въ Новой Деревнѣ) въ оборванной бѣличьей шубѣ. «Страшно скупая, Цукки жила на дачѣ скромно и, не имѣя даже мыла, умывала руки выжатыми лимонами. Когда я подарилъ ей кусокъ мыла, — повѣствуетъ авторъ, — она ниткою разрѣзала его на три части и сказала: одинъ—мнѣ, другой—брату Витторіо, третій—сестрѣ Констанціи. Прогрессъ еще пошелъ далѣе, и чрезъ нѣсколько дней она взяла у меня коробочку зубнаго порошка, отсыпала немного въ бумажку и спрятала въ карманъ». Не любо—не слушай... Цукки была малограмотна, попивала можжевелевую водку и была страшно суевѣрна. Авторъ приводитъ много анекдотовъ о своеобразномъ понятіи итальянскихъ танцовщицъ о невинности. Одинъ знакомый его ухаживалъ за двумя танцовщицами-сестрами. Ему болѣе нравилась младшая. «Я вижу, вамъ нравится моя сестра Джиджи, — сказала старшая изъ нихъ Христина. — Если хотите, она можетъ устроить

съ вами *combinazione*: у нея еще остаются свободными вторникъ и пятница; остальные дни у нея всё заняты, но такъ какъ она дѣвушка «невинная», то она сама вамъ этого не рѣшается сказать».

У каждой итальянской танцовщицы есть непременно *мамаша*. О степени образованія мамашъ итальянскихъ танцовщицъ можно судить по слѣдующему подлинному анекдоту. Лѣтомъ 1885 г. было небольшое наводненіе въ Петербургѣ, залившее острова. Видя это, маменька итальянской балерины Риччо, танцовавшей въ «Кинь-Грусти», рассказывала на другой день, какъ По выступила изъ береговъ. Она никогда не выѣзжала изъ Турина, лежащаго на По, и думала, что всё города въ свѣтѣ лежатъ на рѣкѣ По. «Я ее поправилъ, сказавъ, что здѣсь не По, а Nèva. — Ахъ, да, Nìlo, Nìlo, я и забыла, — сказала она, хорошенько не разслышавъ».

У итальянскихъ балеринъ такое изобиліе матерей, что одинъ изъ импрессаріо въ отчаяніи вывѣсилъ за кулисами объявленіе, гласившее, что танцовщицамъ воспрещается «имѣть болѣе одной матери». Всѣ эти тамап курили сигары и пили коньякъ. Наши же меценаты должны были угождать имъ, иначе не попасть къ дочкѣ, не заручившись благосклонностью мамаша. Одинъ пріятель г. Скальковскаго повезъ Бессоне, пріѣхавшую къ намъ въ Петербургъ, въ октябрѣ, въ легкой накидкѣ, къ Лелянову и велѣлъ показать бѣличью шубку.

— Эта будетъ для моей мамы, — сказала она, — а мнѣ покажите собою и хорошую. — Въ результатѣ скупой балетоманъ заплатилъ за двѣ шубы.

Къ этимъ-то женщинамъ, — въ большинствѣ случаевъ малограмотнымъ, скупымъ, хищнымъ и прозорливымъ, какъ акулы, — лѣзетъ петербуржецъ, даритъ имъ деньги, шубы, брилліанты. Если понятно увлеченіе этими балеринами на сценѣ, то далеко не понятно увлеченіе ими въ ихъ домашней, совсѣмъ ужъ непривлекательной, обстановкѣ.

Всѣ эти російскіе балетоманы и російскіе театральные меценаты возбуждаютъ въ читателѣ тяжелое чувство. Тратятъ они безцѣльно, зря, громадные деньги на пріѣзжихъ балеринъ. Искусство здѣсь непричемъ, — потому что ни одинъ изъ этихъ меценатовъ гроша мѣднаго не пожертвовалъ для настоящаго искусства.

Прочитавши эту книгу, мы пришли къ грустному заключенію: искусство — вѣчто святое, возвышенное, облагороживающее, повидимому, — у нашихъ театраловъ и меценатовъ пользуется не особымъ почетомъ; для нихъ важнѣе служители и служительницы храма Мельпомены. Ранѣе мы сказали, что эта книга интересна для насъ, какъ по содержанію, такъ и по тому, что авторъ ея — бывший директоръ горнаго департамента. А это интересно для насъ вотъ почему. Еще Добролюбовъ, кажется, сказалъ, что у насъ въ Россіи все шиворотъ на выворотъ: на козлахъ сидитъ

извозчикъ; поговоришь съ нимъ, и окажется, что ему нужно сидѣть не на козлахъ, а на университетской кафедрѣ, а сидящему за университетской кафедрой приличнѣе было бы сидѣть на козлахъ. Г. Скальковскій много писалъ, но публикѣ онъ извѣстенъ не по своимъ специальнымъ (горнымъ и экономическимъ) сочиненіямъ, а болѣе всего по произведеніямъ, касающимся театра, жрицъ Терпсихоры и французскихъ кокотокъ. Его сочиненія:—«Въ Парижѣ», «Танцы и балетъ» — пользуются большимъ успѣхомъ. Мы не сомнѣваемся, что и разсматриваемая нами книга будетъ имѣть своего рода успѣхъ. Не по ошибкѣ ли былъ г. Скальковскій директоромъ горнаго департамента: больше пользы онъ принесъ бы, можетъ быть, еслибъ былъ директоромъ театра.

Впрочемъ, балетомъ увлекался не одинъ г. Скальковскій. Бывшій директоръ горнаго института, знаменитый минералогъ, академикъ Кашкаровъ былъ тоже усерднымъ поклонникомъ Цукки. «Сидя около меня,—говоритъ г. Скальковскій,—онъ постоянно сочинялъ экспромты, въ родѣ слѣдующихъ:

«Чтобы избавиться отъ скуки
«Совѣтскихъ» преній, мой совѣтъ:
Отправиться скорѣй въ балетъ—
Тамъ восхитительная Цукки!»

Впрочемъ, между горнымъ вѣдомствомъ и Терпсихорою есть точка соприкосновенія: балерины, вѣдь, очень и очень любятъ «ископаемые» — брилліанты и золото...

Ж. Губеръ. Іезуиты. Ихъ исторія, ученіе, организація и практическая дѣятельность въ сферѣ общественной жизни, политики и религіи. Переводъ *В. Н. Писаревой*.

Личность Лойолы, основателя іезуитскаго ордена, производитъ странное впечатлѣніе на людей нашего времени: онъ принадлежитъ къ міру, идеѣ и чувства котораго мы понимаемъ лишь съ трудомъ. Мы не можемъ сочувствовать его узкимъ религіознымъ вѣрованіямъ, его фанатическому мистицизму и болѣзненной мечтательности, указывающимъ на патологическое состояніе его души. Однако, мы признаемъ его человекомъ необыкновеннымъ. Исторія сохранила намъ цѣлый рядъ правилъ Игнатія Лойолы. Онъ требуетъ отъ своихъ послѣдователей «возлюбить римскую церковь такъ, чтобы считать чернымъ бѣлое по ея приказанію, хотя бы они были убѣждены въ противномъ». Безусловную покорность онъ считалъ выше всѣхъ подвиговъ и внушалъ своимъ послѣдователямъ слѣдующее: «Еслибы Богъ далъ тебѣ въ повелители животное, лишенное разума, ты долженъ былъ бы, не колеблясь, подчиниться ему, потому что такъ угодно Богу». Лойола, а особенно его послѣдователи, создали цѣлый рядъ принциповъ, съ которыми человѣчество ни теперь, ни ранѣе не могло мириться. Главный принципъ іезуитизма—«цѣль оправдываетъ

«средства» (принципъ и жидовскаго талмуда) всегда глубоко возмущалъ всѣхъ христіанъ. Іезуиты, гдѣ бы они появлялись, всегда образовывали «государство въ государствахъ»; они являлись всегда самостоятельными, пренебрегая интересами той страны, гдѣ жили. Они искажали и извратили древнюю вѣру, портили чистоту нравственнаго ученія; они распространяли самыя глупыя и нелѣпыя суевѣрія; устраивали мятежи противъ королевской власти. За всѣ эти продѣлки они жестоко заплатились: ихъ отовсюду изгнали. Парижскій парламентъ въ 1767 г. рѣшилъ изгнать всѣхъ іезуитовъ въ теченіе двухъ недѣль. Провинціальныя парламенты послѣдовали примѣру парижскаго. Къ концу XVIII ст. ихъ почти совсѣмъ выжили изъ Европы.

Іезуитскій орденъ, по своей организаціи и по главнымъ своимъ принципамъ, напоминаетъ намъ жидовскую организацію. У іезуитовъ—«цѣль оправдываетъ всѣ средства», у жидовъ—«всѣ средства хороши»—для порабощенія христіанина; іезуиты всегда составляли *status in statu*, жида—тоже; іезуиты развращали умы и нравы общества, среди котораго они жили; жида также дѣлаютъ это въ совершенствѣ. Но разница между той и другой организаціей все таки большая: іезуитъ дѣлалъ это во имя христіанскаго Бога, во имя папы и католичества, во имя, наконецъ, спасенія человѣческихъ душъ; жидъ же дѣлаетъ это единственно изъ принципа порабощенія и угнетенія христіанина, или жажды къ наживѣ, къ хищенію, во имя непримиримой вражды къ христіанскому государству. Въ организаціи іезуитскаго ордена много дикаго, нелѣпаго и фанатичнаго; но люди, создавшіе принципы іезуитизма, въ большинствѣ случаевъ сами глубоко и искренно вѣрили въ святость и непогрѣшимость этихъ принциповъ. Іезуиты—люди искренно заблуждающіеся. Жидовская же организація—сознательно-хищническая и лишенная всякихъ убѣжденій. Іезуиты причинили человѣчеству много зла, но много и хорошаго. Они проповѣдывали слово Божіе среди язычниковъ, обращали цѣлыя племена въ христіанство. Жида же талмудисты принесли христіанамъ только одно зло: ограбили ихъ, развратили и поработили насколько возможно.

Интересно отношеніе христіанскаго общества къ іезуитамъ и къ жидамъ. Съ первыми европейскіе народы быстро расправились, выгнавъ ихъ изъ своей среды; со вторыми же не только нельзя расправиться, но даже писать противъ нихъ нельзя, такъ какъ у нихъ есть масса тупоумныхъ или продажныхъ защитниковъ среди христіанскаго же общества! Жида сильны своимъ капиталомъ и своею сплоченностью.

Объ іезуитахъ существуетъ громадная литература на всѣхъ европейскихъ языкахъ, за исключеніемъ русскаго. Появленіе книги Ж. Губера восполняетъ этотъ недостатокъ. Какого либо новаго освѣщенія іезуитизма авторъ не даетъ намъ, но зато сжатая форма изложенія, умѣнье ориентироваться въ самыхъ трудныхъ вопросахъ—много помогаютъ читателю основательно

п ознакомиться съ орденомъ Лойолы. Не помѣшало бы принятыя за такой же трудъ для точнаго ознакомленія насъ съ *настоящими* (а немаскированными) цѣлями и вождѣніями талмудическаго жидовства. Впрочемъ, «Наблюдатель», за 17 лѣтъ своего изданія, достаточно потрудился на этомъ поприщѣ, и злобствующимъ противъ него жидамъ осталось только одно средство—*замалчивать* его статьи, т. е. прятать отъ глазъ публики, такъ какъ опровергать неопровержимую правду совершенно невозможно... даже и для жидовъ.

Д-ръ Жакъ Бертильонъ. Вымираніе французскаго народа (Finis Galliae). Пер. *Θ. Латернера.* С.-Петербургъ. 1899 г.

Вопросъ о «вымираніи» французскаго народа—не новый вопросъ: онъ уже имѣетъ за собою 30-лѣтнюю давность. Въ 1867 г. знаменитый Брокъ представилъ парижской медицинской академіи табличку, въ которой населеніе различныхъ странъ распредѣлялось по возрастамъ. На этой табличкѣ видно было, что въ то время какъ въ Пруссіи молодежи до 20 лѣтъ было на каждую тысячу обывателей 474,0, во Франціи—361,2. Брокъ указывалъ на малое, сравнительно, количество дѣтей во Франціи, какъ на блестящее доказательство ея процвѣтанія, такъ какъ дѣти—непроизводительный элементъ населенія. Такой выводъ встрѣченъ былъ тогда медицинской академіей съ энтузіазмомъ. Одинъ только Léon le Fort, скромный редакторъ маленькой газеты, нарушилъ общій восторгъ неумѣстнымъ восклицаніемъ: «да откуда же вы возьмете въ слѣдствіи взрослыхъ, если у васъ такъ мало дѣтей»?! На это восклицаніе ему отвѣтили тогда, что онъ, какъ не докторъ, ничего въ этомъ дѣлѣ не понимаетъ.

Но не прошло и 25 лѣтъ, какъ тому же самому Léon le Fort было предложено той же самой медицинской академіей выяснитъ безотрадное положеніе Франціи, обусловленное малымъ приростомъ населенія, и проэктировать мѣры, необходимыя для устраненія грозящей опасности. Различные демографы не переставали съ тѣхъ поръ предъявлять факты все болѣе и болѣе печальнаго свойства, такъ что еще въ 1887 г. академія назначила особую комисію для изслѣдованія причинъ остановки прироста населенія, но комисія эта не пришла ни къ какимъ результатамъ. Въ началѣ 90-хъ годовъ Lagneau, одинъ изъ членовъ неудавшейся комисіи, вновь поднялъ этотъ вопросъ и предложилъ цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ поднятію рождаемости и уменьшенію смертности во Франціи.

Лежащая передъ нами брошюрка Жака Бертильона слишкомъ поверхностно рассматриваетъ вопросъ о вымираніи французскаго народа.

Въ настоящее время Франція занимаетъ въ цивилизованномъ мірѣ гораздо меньшее пространство, чѣмъ она занимала 200 лѣтъ тому назадъ. Въ 1700 г. во Франціи было 10 мил. жителей, въ Великобрита-

ни—8-10 мил. и въ Германской имперіи—19 мил. Народонаселеніе Франціи составляло 40 % населенія всѣхъ европейскихъ великихъ державъ. Въ 1789 г. народонаселеніе ея уже составляетъ 27 %, а къ 1890—всего только 12 % населенія европейскихъ великихъ державъ.

Количество ежегодныхъ рожденій все уменьшается и уменьшается. Съ начала XIX стол. рождаемость понижается прогрессивно. Въ 1810 г. на 1,000 жителей приходилось 33 рожденія, въ 1830 г.—31, въ 1850 г.—27, въ 1870 г.—26, а въ 1895 г.—21,6 рожденій! Пониженіе рождаемости замѣчается во всѣхъ департаментахъ безъ исключенія. Для того чтобы Франція сохранила то мѣсто, которое она теперь занимаетъ, надо, чтобы рождаемость въ ней дошла до 38 человекъ на 1,000. Такъ какъ всего во Франціи 38 $\frac{1}{2}$ мил. жителей, значитъ ей необходимо имѣть 1.464,000 рожденій, т. е. на 630,000 больше, чѣмъ теперь.

Главной причиной вымирания французовъ является упадокъ семейныхъ нравовъ въ силу денежныхъ соображеній. Каждый отецъ знаетъ, что на воспитаніе ребенка необходимы деньги, что затѣмъ каждому ребенку надо будетъ отдѣлить его часть. Такимъ образомъ, каждый изъ его дѣтей, если ихъ будетъ много, получить, весьма мало, между тѣмъ, если у него только одинъ ребенокъ, онъ получитъ по смерти отца все состояніе цѣликомъ. Человекъ, обременяющій себя многочисленной семьей, не только беретъ на себя непосильную тяжесть, но и дѣтей своихъ обременяетъ этой тяжестью. Желая избѣжать двойнаго зла, французъ старается предотвратить отъ своихъ дѣтей это зло, поэтому и предпочитаетъ имѣть какъ можно менѣе потомства. Это одна изъ главныхъ причинъ. Есть и другія причины, но мы не будемъ на нихъ останавливаться.

Нельзя не согласиться съ авторомъ, что «нація обязана оказывать ребенку всевозможное покровительство и помощь; она обязана окружать его нѣжными попеченіями. Въ немъ лежитъ будущность отечества; поэтому умное общество не должно отступать ни передъ какою жертвой, чтобы облегчить ему пропитаніе и образованіе. Въ немъ лежитъ будущность отечества»...

«На всѣхъ насъ — говоритъ авторъ — лежитъ опредѣленный долгъ; мириться съ гибелью Франціи и гнусно и подло... Наша благородная нація не можетъ погибнуть: въ ней слишкомъ много зачатковъ для жизни».

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА:

Рѣчь-программа министра финансовъ.—Россія есть по преимуществу земледѣльская страна.—Отношеніе земледѣлія къ торговлѣ и промышленности.—Роль и значеніе покровительственныхъ пошлинъ.—Излишнія претензіи фабрикантовъ.—Новый законъ, разочаровавшій евреевъ.—Любопытное рѣшеніе сената, не согласующееся съ основнымъ закономъ о приобрѣтеніи дворянства евреями.—Потуги финляндцевъ.—Газета «Кіевлянинъ» о студенческихъ беспорядкахъ.—Правительственное сообщеніе о томъ же предметѣ.—Роль «кіевского союзаго совѣта». — Вождедѣнія демонстрантовъ.—«Гдѣ зарыта собака»? — Талмудисты, мечтающіе — предписывать законы христіанскимъ, правительствамъ, съ сохраненіемъ, въ то же время, своихъ дикихъ и звѣрскихъ ученій.—Финалъ процесса Бѣлякевича.—Мнимыя гоненія на католицизмъ и дѣйствительныя гоненія, идущія со стороны самого католицизма.—Фанатизмъ иезуитовъ и жидовъ.

Наши государственные дѣятели крайне рѣдко выступаютъ въ качествѣ ораторовъ по общественнымъ и государственнымъ вопросамъ. Поэтому русское общество всегда съ охотою и любовью прислушивается къ такимъ рѣчамъ. Оно и понятно: сужденія и взгляды государственныхъ дѣятелей, высказываемые публично, имѣютъ всегда особый интересъ, какъ своего рода программы будущаго въ той или другой государственной сферѣ. Весьма знаменательна въ этомъ отношеніи рѣчь министра финансовъ С. Ю. Витте, произнесенная имъ въ заключительномъ засѣданіи комисіи по упорядоченію хлѣбной торговли. Закрывая 1-го марта эту комисію, г. министръ финансовъ съ замѣчательной ясностью и опредѣленностью формулировалъ экономическую программу, которой онъ намѣренъ твердо держаться въ будущемъ. Рѣчь С. Ю. Витте — не просто рѣчь, а рѣчь-программа, которая по своей широтѣ оставляетъ желать только немногаго. Она обнимаетъ всѣ стороны нашей промышленной жизни, выясняетъ всѣ спорные вопросы, которые нерѣдко приводили общество въ смущеніе, а нашихъ экономистовъ—ставили въ недоразумѣніе. Эта же рѣчь рѣшаетъ всякіе поводы къ спорамъ—по крайней мѣрѣ въ принципѣ—между представителями деревни и финансовымъ вѣдомствомъ. Поводы эти теперь можно считать устраненными.

Г. министръ громко признаетъ, что «нѣтъ на Руси *болѣе важнаго экономическаго вопроса*, какъ именно вопросъ о коренномъ улучшеніи хозяйственнаго быта нашего сельскаго населенія въ широкомъ значеніи этого слова. Это—вопросъ всего нашего житья-бытья; въ немъ растворяются всѣ другіе. Отъ него, какъ отъ цен-

тральнаго фокуса, и должно исходить освѣщеніе всѣхъ мѣропріятій на пользу хозяйственнаго развитія Россіи, на пользу всей народной производительности. Поставивъ себѣ, такимъ образомъ, цѣль, къ которой правительству слѣдуетъ стремиться, г. министръ съ такою же откровенною ясностью указываетъ и на пути къ ея достиженію. По его мнѣнію, такихъ путей, главнымъ образомъ, два: 1) упорядоченіе гражданскихъ отношеній среди жителей деревни, другими словами—*коренной пересмотръ крестьянскихъ положеній*, и 2) *открытіе болѣе широкаго примѣненія труда русскаго чело-вѣка*, у котораго до сихъ поръ незанятаго времени оставался такой огромный непродуцируемый избытокъ. Г. министромъ вѣрно подмѣчены именно эти двѣ слабыя стороны въ экономической жизни русскаго народа: слабая производительность его труда и неурядицы въ гражданскихъ отношеніяхъ,—въ силу неясности и неопредѣленности правовыхъ нормъ, которыми пользуется нашъ крестьянинъ,—были всегда тѣмъ тормозомъ, который держалъ на весьма низкомъ уровнѣ благосостояніе русскаго крестьянина.

Жизненный узелъ нашего хозяйства, — говоритъ авторитетный ораторъ,—по моему мнѣнію, не въ условіяхъ международнаго хлѣбнаго рынка, богатаго соперничествомъ и случайностями, и не здѣсь надо искать его развязки. Этотъ «узелъ» намъ надо развязать *у себя дома*, т. е. создать и обезпечить *у себя же* широкій и постоянный внутренний спросъ какъ на произведенія земли, такъ и на предложеніе труда. Достигнуть же этого невозможно безъ широкаго развитія перерабатывающей «промышленности». Г. министръ вполне сознаётъ, что земледѣліе, на какой бы высотѣ оно ни стояло, не можетъ удовлетворить всѣхъ потребностей и нуждъ государства. Государству нужны не одни продукты земледѣлія; ему нужны капиталы. Земледѣліе никогда не можетъ стать такимъ интенсивнымъ хозяйствомъ, какъ фабрика или заводъ. Поэтому земледѣліе играетъ второстепенную роль въ экономической жизни страны.

«Исторія показываетъ, что исключительно земледѣльческія страны, при полной политической независимости и даже при международномъ могуществѣ, въ хозяйственномъ отношеніи обречены играть роль колоній—данницъ по отношенію къ богатымъ промышленнымъ странамъ, являющимся какъ бы метрополями. Въ такой земледѣльческой странѣ ни развитіе интенсивнаго хозяйства, ни накопленіе капиталовъ не возможно. Широкому размаху предпріимчивости здѣсь нѣтъ мѣста. Технические знанія находятъ у насъ слабое примѣненіе и,—какъ показываетъ нашъ собственный опытъ,—даже самое обезпеченіе народа насущнымъ хлѣбомъ становится въ зависимости отъ многообразныхъ случайностей, повторяющихся периодически то тамъ, то здѣсь, и съ которыми не можетъ справиться наше сельское населеніе. Отсутствіе своевременной тучи на небѣ или, наоборотъ, обиліе несвоевременныхъ тучъ — нынѣ являются главными опредѣлителями сельскаго благосостоянія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и *размѣра жертвъ со стороны казны* для возстановленія нарушеннаго равновѣсія, хотя бы въ самыхъ скромныхъ предѣлахъ чело-вѣческаго существованія».

«Я убѣжденъ,—продолжаетъ министръ,— что *лучшее и самое*

действительное покровительство сельскому хозяйству заключается въ покровительствѣ тому, что должно служить ему экономической основой. Основа же эта—обезпеченный внутренний сбытъ для сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и обезпеченный заработокъ для труда, не находящаго себѣ приложенія къ землѣ».

Руководитель нашей финансовой системы видитъ лучшее средство къ борьбѣ съ нищетой деревни—въ расширеніи ея заработковъ, въ широкомъ взаимодействіи обѣихъ отраслей нашей промышленности, обрабатывающей и производящей. Онъ не видитъ въ принципѣ никакого антагонизма между производствомъ сырья и его переработкой. До сихъ же поръ у насъ дѣло шло какъ разъ наоборотъ: наша финансовая система удѣляла все свое вниманіе *обрабатывающей*, а не *производящей* промышленности; наша финансовая политика до сихъ поръ работала на пользу фабрики, а не земледѣля.

«Вотъ уже тридцать лѣтъ — говорятъ «Биржевыя Вѣдомости», — какъ русская таможенная политика носить на себѣ рѣзкую печать усиленнаго покровительства обрабатывающей промышленности. Таможенный тарифъ 1868—69 года былъ послѣднимъ, который внесъ нѣкоторое уменьшеніе въ пошлинахъ и ослабленіе ихъ покровительственнаго значенія. Затѣмъ, съ середины семидесятыхъ годовъ, быстро, почти ежегодно, иногда скачками, по разнымъ поводамъ и мотивамъ, не всегда даже достаточно обоснованнымъ, *тарифъ нашъ идетъ въ гору*. Въ 1877 году, при пониженномъ курсѣ нашего бумажнаго рубля, тарифъ для всѣхъ товаровъ сразу повысился почти на цѣлыхъ 40%, благодаря установленію такъ называемой *золотой пошлины*, или взиманію таможенныхъ сборовъ въ золотой валютѣ; въ 1880 г. всѣ пошлины, опять таки безъ различія, увеличились на 10% въ силу отмѣны солянаго налога, и въ томъ же году уничтоженъ также и беспошлинный ввозъ чугуна и желѣза, и повышено обложеніе разныхъ металлическихъ издѣлій. Въ 1881, 1882, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 г.г. идутъ crescendo дальнѣйшія увеличенія тарифа: въ 1890 г. опять таки всѣ пошлины увеличены на 20%, вслѣдствіе, на этотъ разъ, повышенія курса нашего многострадальнаго рубля. Совершенно разные причины вызвали такимъ образомъ одинаковыя послѣдствія, всякій разъ способствуя одному — все большому и большому поднятію нашего тарифа!! Наконецъ, 1 іюля 1891 г., тарифъ нашъ достигъ, повидимому, своего апогея; отличаясь крайнимъ покровительственнымъ характеромъ, онъ повысилъ ставки для многихъ товаровъ и, какъ извѣстно, остановивъ своей почти запретительной высотой ввозъ многихъ товаровъ изъ-за границы, едва не вызвалъ въ сосѣдней Германіи промышленный кризисъ и подалъ начало знаменитой таможенной войнѣ... Къ счастью, какъ для насъ, такъ и для всей Европы, эта «мирная война», благодаря стараніямъ нынѣшняго министерства, окончилась благополучно торговымъ договоромъ съ Германіей 5 марта 1894 года, который впервые уменьшилъ довольно значительно (отъ 10 до 65%) около ста двадцати ставокъ въ нашемъ таможенномъ тарифѣ, но зато создалъ для обѣихъ странъ новый *modus vivendi* и возможность дальнѣйшаго экономического преуспѣянія. Однимъ словомъ, протекціонныя стремленія у насъ, достигшія въ 1891 году своей наибольшей высоты, получили серьезный урокъ, и началась,—какъ это всегда бываетъ,—реакція въ обратную сторону, вышшимъ выраженіемъ которой, между прочимъ, и служить нынѣ, по нашему убѣжде-

нію, знаменательная рѣчь г. министра финансовъ... Въ 1869 году, по официальнымъ свѣдѣніямъ, среднее процентное отношеніе нашихъ таможенныхъ пошлинъ къ цѣнности товара составляло отъ 5% до 31%, а въ 1896 г.— отъ 26% до 72%, т. е. не смотря даже на сказанное уменьшеніе въ силу русско-германскаго договора, тарифъ нашъ выросъ отъ *двухъ* до *пяти* слишкомъ разъ противъ своего прежняго размѣра 27 лѣтъ тому назадъ»!!!

Г. министр, признавая земледѣліе за *основную отрасль народной производительности*, говоритъ однако, что страны, исключительно земледѣльческія, осуждены на данничество иностранцамъ. Само наше земледѣліе будетъ процвѣтать тогда лишь, когда найдетъ себѣ дома широкій сбытъ. Что же нужно для этого? По его мнѣнію, необходимо всячески расширять нашу обрабатывающую промышленность, хотя бы и пришлось съ этою цѣлью,—въ виду косности нашихъ предпринимателей и недостатка у насъ капиталовъ,—искусственно поддерживать фабрики ввозными пошлинами и поощрять притивъ къ намъ иностранныхъ капиталовъ. «Съ общенациональной, государственной точки зрѣнія, покровительственная система имѣть своей конечной цѣлью—*освобожденіе народного хозяйства изъ-подъ зависимости отъ чужаго труда и чужаго рынка, и поднятіе страны на уровень самодовлѣющей хозяйственной единицы*. Какъ и всякое средство, протекціонизмъ долженъ имѣть лишь временное значеніе, впредь до достиженія той конечной цѣли, ради которой и былъ онъ выдвинутъ. Прямая логика его заключается въ *самоупраздненіи*. Съ созданіемъ крѣпкой національной промышленности, съ народженіемъ дѣятельной внутренней конкуренціи должна наступить его естественная кончина.

Нужно ли удивляться, что для *многихъ заинтересованныхъ лицъ* было бы желательнѣе *обратить это временное средство въ постоянную цѣль* и возможно дольше пользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ. Тѣмъ, кто удобно усѣлся за «богатымъ столомъ», конечно, желательно отдалить наступленіе худшихъ для нихъ временъ,—но лучшихъ для всей страны. Вотъ почему можетъ возбуждать недовольствіе притокъ изъ-за границы конкурирующаго промышленнаго капитала, съ неизбѣжными спутниками его—удешевленіемъ цѣнъ и пониженіемъ промышленныхъ прибылей. Иногда эти своекорыстные интересы выступаютъ подъ обманчивымъ «патріотическимъ» покровомъ: говорятъ о «расхищеніи естественныхъ богатствъ нашей земли», о «порабощеніи населенія иноземцами» и т. п.

Насколько твердо обходится странѣ иностранные капиталы, г. министръ отлично понимаетъ и не скрываетъ отъ публики.

Но онъ, не безъ основанія, находитъ, что какъ бы дорого ни обходился намъ иностранный капиталъ, все таки лучше помириться на время съ дороговизною фабрикатовъ, дабы ограничить заграничный ввозъ и расширить домашній рынокъ. Лучше заплатить дороже иностранцу за помещенные у насъ капиталы, чѣмъ за привозимый чужой товаръ.

Иностранные капиталы, въ концѣ концовъ, освободятъ насъ отъ ввоза иностранныхъ товаровъ, становясь конкурентами заграничныхъ производителей. Иностранный капиталъ въ то же время усиливаетъ русское производство, ведетъ его къ удешевленію и по-

могаетъ нашей промышленности освободиться въ будущемъ отъ протекціонизма.

«Покровительственная система—по мнѣнію министра—имѣетъ значеніе школы для нашей юной промышленности. Уже и теперь, благодаря охранительной системѣ, достигнуты крупныя результаты: многія отрасли промышленности сдѣлали огромныя успѣхи, и они у всѣхъ на виду. Но это далось намъ недаромъ. Мы проходимъ черезъ дорогую школу. Покровительственная система ложится тяжелою почти на всѣ классы населенія. Русскому человѣку обходится дороже все, огражденное пошлиной. Это главный укоръ противъ протекціонизма, и укоръ вполне справедливый. Но именно потому и надо стремиться возможно скорѣе пройти періодъ этой школьной выучки и быстрѣе придвинуться къ цѣли. А для этого необходимо самое широкое привлеченіе капиталовъ въ промышленность. Къ сожалѣнію, своихъ свободныхъ капиталовъ у насъ недостаточно: земледѣіе ихъ тоже не даетъ. Капиталы, лежащіе кое-гдѣ подъ спудомъ, не смотря на легкую возможность полученія большихъ прибылей, остаются въ неподвижности и извлечь ихъ на свѣтъ божій скоро не удастся. Приходится широко пользоваться обильными и дешевыми иностранными капиталами. Этимъ путемъ сокращается тяжелый періодъ пребыванія въ школѣ, да и сама «школа» улучшается до болѣе высокаго уровня техническихъ знаній, болѣе широкаго промышленнаго размаха, болѣе дѣятельнаго соперничества. Въ такой школѣ нельзя дремать,—приходится работать и работать».

До сихъ поръ наши промышленные классы привыкли къ одному только лозунгу: «Пошлинь дай, пошлинь дай—и успѣха ожидай!» Пошлины являлись единственной дѣлительной помощью противъ всякихъ неудобствъ и непріятностей промышленнаго дѣла. Нашъ промышленникъ, подъ охраною покровительственныхъ пошлинъ, преспокойно наживалъ «божескіе» проценты и менѣе всего думалъ о развитіи и усовершенствованіи технической стороны своего предпріятія.

Рѣчь министра приносить съ собою «новое слово», которое должно подѣйствовать отрезвляющимъ образомъ на нашихъ промышленниковъ: указывая на значеніе обрабатывающей промышленности для процвѣтанія земледѣлія, рѣчь г. министра въ то же время даетъ промышленникамъ первое предостереженіе, напоминающая имъ, что покровительственная система имѣетъ временный характеръ, и что рано или поздно она должна сама себя упразднить. Система эта является не болѣе, какъ школой для насъ русскихъ и притомъ школой крайне дорогой. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ оратора, что приливъ къ намъ иностранныхъ капиталовъ, по возможности, ускоритъ прохожденіе курса въ этой школѣ. Иностранцы, переселяясь къ намъ со своими капиталами и знаніемъ, способствуютъ созданію внутренней конкуренціи, которая съ одной стороны будитъ нашихъ промышленниковъ, вызывая ихъ соревнованіе, а съ другой, конечно, удешевляетъ цѣны товаровъ для ихъ потребителей. Насколько справедливо указанное мнѣніе о всей важности значенія внутренней конкуренціи при покровитель-

ственной системѣ, это блистательно иллюстрируется недавно опубликованнымъ въ англійскихъ газетахъ изслѣдованіемъ нѣкого Вильямсона по данному вопросу. Желая выяснить, на кого падаетъ всякое возвышеніе или ростъ таможенныхъ пошлинъ при возможности существованія внутренней конкуренціи, Вильямсонъ обратился въ 1896 и 1897 гг. къ 531 экспортной фирмѣ разнообразныхъ промышленныхъ отраслей съ вопросомъ о личномъ опытѣ и мнѣніи въ этомъ отношеніи. На это онъ получилъ почти единодушные отвѣты (отъ 530 фирмъ), что *при условіи возможности внутренняго производства*—пошлины несутся, хотя отчасти, иностранцемъ-импортеромъ, и слѣдовательно, когда возможность эта почему либо (напр., по случаю прекращенія прилива капитала изъ-за границы) задерживается, тогда только импортеру удается всю пошлину цѣликомъ переложить на туземцевъ...

«Конечно,—говорить г. министръ—эту помощь иностранныхъ капиталовъ приходится оплачивать не дешевой цѣной, но именно это и порождаетъ стремительный приливъ ихъ и ускоряетъ достиженіе конечной цѣли. Съ другой стороны, простая ариметика показываетъ всю предпочтительность привоза иностранныхъ капиталовъ по сравненію съ привозомъ иностранныхъ издѣлій. Не можетъ быть вопроса, что выгоднѣе для страны: ввозить ли ежегодно чужой товаръ на сотни милліоновъ рублей, цѣликомъ уходящихъ за границу, или ввезти единожды капиталъ — это смертоносное для ввоза орудіе — и при помощи его организовать производство у себя дома, получая, въ худшемъ случаѣ, 90 проц. стоимости товара въ свою пользу. Повторяю: протекционизмъ требуетъ для осуществленія своихъ цѣлей широкаго притока капитала въ промышленность, и этому надлежитъ всемирно содѣйствовать. Конечно, этимъ не исчерпываются всѣ мѣры, необходимыя для скорѣйшаго достиженія цѣлей покровительственной системы. Необходимо прійти на помощь технической школой, *устраненіемъ стѣсненій промышленной инициативы, улучшеніемъ положенія труда*... Заботиться обо всемъ этомъ входитъ въ обязанность министерства финансовъ, и мы стараемся посылно выполнить ихъ. По этому пути мы идемъ съ полнымъ убѣжденіемъ и твердо вѣримъ, что онъ ведетъ къ прочному развитію всѣхъ производительныхъ силъ нашей страны — и на первомъ мѣстѣ къ обезпеченію *деревенской Россіи*». Но техническое образованіе, — добавимъ мы отъ себя,—не можетъ развиваться въ странѣ, гдѣ большинство народа безграмотно, а положеніе труда не можетъ улучшиться, опять таки благодаря невѣжеству народа. Отсюда самый простой выводъ: *нужно позаботиться о поднятіи и дальнѣйшемъ распространеніи общаго образованія русскаго народа*. Въ образованіи народа лежитъ наше спасеніе отъ многихъ золъ.

Громко высказавъ, что «нѣтъ на Руси болѣе важнаго экономическаго вопроса, какъ именно вопросъ о коренномъ улучшеніи хозяйственнаго быта нашего сельскаго населенія въ широкомъ значеніи этого слова», г. министръ, однако, отклоняетъ, несовсѣмъ справедливо, отъ своего вѣдомства прямое участіе въ организаціи *сельско-хозяйственнаго кредита*, находя, что государственный банкъ

предназначенъ лишь къ учету торговыхъ векселей (?) и такая тяжеловѣсная (?) операція, какъ выдача ссудъ подъ варранты, несомѣнно обременила бы его.

Конечно, не дѣло банка выдавать варранты, что слѣдуетъ предоставить элеваторамъ и другимъ складочнымъ мѣстамъ. Но неизбежно является вопросъ: почему же банкъ не могъ бы учитывать эти варранты, какъ всякій иной торговый документъ, и затѣмъ выданную сумму вносить въ свой активъ по счету съ корреспондентами?! Почему варранты предоставляютъ меньшее обезпеченіе, чѣмъ—нерѣдко дутые—векселя, которые нашъ государственный банкъ охотно и постоянно учитываетъ, хотя они представляютъ собою не тратты, а лишь долговныя обязательства? Г. министръ указываетъ, что выдавать ссуды подъ варранты—это дѣло частныхъ банковъ. Но едва ли удобно ставить весь сельско-хозяйственный кредитъ нашъ въ зависимость отъ усмотрѣнія «частныхъ (жидовскихъ) банковъ», вся дѣятельность, которыхъ направлена въ сторону обирания и биржевой спекуляціи?!

Рѣчь г. министра финансовъ отличается, впрочемъ, замѣчательною ясностью. Большихъ недоразумѣній и кривотолкованій не можетъ явиться. Онъ говоритъ только то, что хочетъ сказать и откровенно формулируетъ свои пожеланія. Рѣчь-программа отмѣчена энергіею и ясностью мысли. Тѣмъ не менѣе, «Новое Время» справедливо замѣчаетъ:

«Къ сожалѣнію, въ этой програмѣ много *недоговореннаго*. Она представляетъ собою какъ бы только основную силуэтъ будущей дѣятельности правительства,—силуэтъ, недоразвившейся до полной ея картины. Протекціонизмъ—лишь временное средство, а не руководящій принципъ въ политикѣ. Онъ содержитъ, такъ сказать, противодіе противъ самого себя. Что можетъ быть върѣвѣ этого? Но какъ разъ потому, что въ вопросѣ о таможенныхъ пошлинахъ все сводится къ цѣлесообразности отдѣльныхъ ставокъ, можно, *придерживаясь временно покровительственной системы, сократить уже теперь нѣкоторыя изъ этихъ ставокъ,—именно столь пагубныя для земледѣля пошлины на чугунъ и сельско-хозяйственныя машины*. Сознавая вполне важность обрабатывающей промышленности для развитія народнаго труда, нельзя, однако, *дѣлать себѣ иллюзіи насчетъ значенія крупныхъ фабрикъ* для нашего девяностомилліоннаго сельскаго населенія. Еслибы даже число этихъ фабрикъ и занятыхъ ими рабочихъ удвоилось, *трехмилліонное фабричное населеніе мало измѣнитъ условія нашей внутренней хлѣбной торговли* и, конечно, не создастъ того мѣстнаго рынка для сбыта нашего зерна, о которомъ говоритъ г. министръ. Если въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ,—главнымъ образомъ подстоличныхъ, а также въ западномъ краѣ и въ южномъ металлургическомъ районѣ, — открывается рядъ новыхъ заводовъ и мануфактуръ, — отъ этого мало будетъ пользы чисто земледѣльческому населенію средняго и юго-восточнаго чернозема. *Ни хозяйство его не поднимется, ни лишннихъ заработковъ у него не будетъ*. Для того чтобы его благосостояніе упрочилось, чтобы оно было обезпечено отъ голода, нужны, прежде всего, три условія, о которыхъ г. министръ не упомянулъ. Необходимо, во-первыхъ, *улучшеніе техническихъ пріемовъ хозяйства, что невозможно безъ широкаго примѣненія кредита и образованія*. Немыслимо оно и при теперешнемъ уровнѣ хлѣбныхъ цѣнъ при сколько нибудь сносномъ урожаѣ, могу-

щихъ снова понизиться до безусловно убыточнаго уровня, подъ давленіемъ конкуренціи степнаго хлѣба. Не упомянулъ г. министръ, во-вторыхъ, и о *реорганизации продовольственнаго дѣла*, которая могла бы повести къ образованію прочныхъ запасовъ зерна, призванныхъ навсегда изгнать изъ нашего быта самое слово *голодь*. Въ третьихъ, наконецъ, для обезпеченія земледѣльческому населенію заработковъ, — этого вѣрнѣшаго предохранителя отъ нужды, — необходимо, чтобы промышленныя занятія были у этого населенія подъ рукою, чтобы, другими словами, *обрабатывающее производство было децентрализовано*. А это значить вотъ что: всѣ усилія правительства — и путемъ открытія ремесленныхъ классовъ, и въ видѣ казенныхъ заказовъ, и посредствомъ доступнаго мелкаго кредита — всѣ эти усилія должны быть направлены къ развитію *не крупной сконцентрированной промышленности, а сравнительно мелкихъ, но зато повсюду разсыпанныхъ производствъ*. Работаящая не на вырвзъ, а на потребленіе роднаго небогатаго народа, Россія предназначена къ широкому распространенію тѣхъ видовъ промышленности, которые могутъ обходиться безъ дорога стоящаго оборудованія и грандіозныхъ капиталовъ и дешевизной своихъ фабрикатовъ обязаны скромности требованій мелкаго производителя, — этому вѣрному средству въ борьбѣ его съ массовымъ производствомъ и съ акціонерными капиталами.

Рѣчь г. министра Финансовъ заключаетъ въ себѣ и косвенный отвѣтъ на извѣстное ходатайство московскаго купечества о *недопущеніи въ Россію иностранныхъ капиталовъ*. Недавно газета «Кіевлянинъ», не безъ остроумія, указала, что интересенъ вопросъ: кто собственно вызываетъ теперь къ правительству для огражденія отъ иностранныхъ капиталовъ.

«Здѣсь—говорить Кіевлянинъ — мы соприкасаемся уже съ комическимъ элементомъ этой серьезной исторіи. Въ Москвѣ столпами русскаго биржеваго общества оказываются: Кнопъ, Вогау, Циндель, Листъ, Гужонъ, Эмиль Липгардтъ, Брокеръ, Келлеръ и др., «чисто-русскіе люди», имя же имъ легионъ. Спрашивается: когда всѣ эти—нынѣ «коренные»—москвичи явились въ Россію изъ-за границы и заводили промышленныя предпріятія, существовала ли для нашего отечества опасность отъ нашествія иноплеменныхъ, или не существовала? Почему, когда переселились въ Россію Вогау и Циндель, это было вполнѣ нормальнымъ явленіемъ, а когда нынѣ переселяются съ такими же капиталами и для однородныхъ цѣлей какіе нибудь Карлъ и Мейеръ, то Вогау и Циндель считаютъ своимъ «патріотическимъ» долгомъ протестовать противъ этого «завоеванія» Россіи иностранцами. Не потому ли, что Карлъ примѣшиваетъ къ жирному пирогу Вогау, а Мейеръ грозитъ нарушить промышленный покой Цинделя?»

Мы не отрицаемъ того, что развитіе обрабатывающей промышленности у насъ идетъ быстрыми шагами, и прогресса въ немъ больше, чѣмъ въ земледѣліи. Но, во-1-хъ, этотъ прогрессъ созданъ искусственно на деньги русскаго народа; а, во-2-хъ, нельзя же думать и мечтать о томъ, чтобы всѣ 85% русскаго народа взялись за обрабатывающую промышленность. Для этого недоставало бы ни фабрикъ, ни заводовъ, и не нашлось бы покупателей для произведеній этихъ фабрикъ. Добывающая и обрабатывающая промышленность должны у насъ идти параллельно, должны нести одинаковыя тягости. Теперь же, пока, — на сторонѣ обрабатывающей промышленности находятся всѣ выгоды и преимущества, а на сторонѣ добы-

вающей—однѣ лишь невыгоды и тяготы. Вторая промышленность—любимая дѣтище нашей финансовой политики, за которымъ ухаживаютъ, лелеяютъ его, поддерживаютъ всячески, а первая—пасынокъ, почти предоставленный самому себѣ, своей инициативѣ. Вторая имѣетъ больше выгодъ, неся меньше тяготы; а первая чахнетъ и еле влечитъ свое существованіе. Но это не мѣшаетъ ей нести на своихъ плечахъ большія тяготы и повинности. За что такая милость къ обрабатывающей промышленности и такая немилость къ добывающей?!

Наши ограничительные законы о евреяхъ допускаютъ цѣлый рядъ льготныхъ изъятій, пользуясь которыми евреи преспокойно водворяются тамъ, гдѣ имъ угодно, захватываютъ въ свои руки торговлю, занимаются любимымъ своимъ дѣломъ—ростовщичествомъ,—овладѣваютъ свободными профессіями. Журналисты, адвокаты, доктора, музыканты на всевозможныхъ инструментахъ, пѣвцы и пѣвицы—все это «талантливыя» жидки. Въдѣ они на всѣ руки мастера! Законъ даетъ «льготы», съ одной стороны, самымъ сильнымъ еврейскимъ элементамъ, людямъ богатымъ (купцы первой гильдіи) и болѣе образованнымъ (окончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ), а съ другой—ремесленникамъ, т. е. людямъ, добывающимъ средства производительнымъ трудомъ, прикащикамъ и прислугѣ у евреевъ первой гильдіи. Но всѣ эти «ремесленники», всѣ эти «прикащики», вся эта «домашняя прислуга», въ большинствѣ случаевъ, занимаются ростовщичествомъ, факторствомъ, комисіонерствомъ и др. занятіями, только прикрываясь ширмою ремесленника, прикащика и прислуги. Особенно сильно жиды забрали въ свои руки «сердце Россіи» — Москву. Последняя совершенно ожиждовѣла. Пробовали очищать ее отъ жидовскаго элемента, но это принесло мало пользы. У жидовъ оставались крупныя лазейки, чтобы остаться въ Москвѣ: это возможность пріобрѣсти право постоянного жительства въ Москвѣ выборкою купеческихъ документовъ по первой гильдіи, или проживать въ качествѣ прислуги и прикащиковъ у крупныхъ еврейскихъ тузовъ. Жиды-купцы первой гильдіи, приписавшись къ московскому купечеству, содержатъ около себя *цѣлая армія* жидовъ-комисіонеровъ, агентовъ и т. п., въ качествѣ, якобы, своихъ служащихъ. Наплывъ последнихъ все усиливается. «Вольныя профессіи»—въ томъ числѣ и пресса—захватываются жидами. Особенно страшно для русскаго народа и для русскаго государства ожиждовленіе русскаго прессы. Жидь-литераторъ вліяетъ на общественное мнѣніе страны,—конечно, вліяетъ развращающимъ и растлвляющимъ образомъ,—разрушаетъ установившіяся взгляды русскаго народа на всѣ житейскія и общественныя явленія, приодноситъ доврчивой руской публикѣ, подъ именемъ «последняго слова» науки, какую нибудь жидовскую чепуху. Жидь-литераторъ страшенъ еще тѣмъ, что онъ пишетъ подъ псевдонимомъ и ищремѣнно русскимъ—Петрова, Григорьева, Никитина и пр. Подъ прикрытіемъ своей *русской* фамиліи, онъ говоритъ съ жидовской точки зрѣнія о явленіяхъ нашей общественной жизни. Публика, не зная, кто скрывается подъ этимъ псевдонимомъ, думаетъ, что это

говорить русскій человекъ и по ошибкѣ невольно вѣрить ему. На самомъ же дѣлѣ это говорить чистокровный жидъ. Если мы находимъ нужнымъ требовать отъ жидовъ, чтобы они на своихъ выѣскахъ прописывали полностью свою фамилію, а также имя и отчество, то почему мы не требуемъ того же отъ жидовъ-литераторовъ? Купецъ-жидъ обираетъ только наши карманы, а литераторъ-жидъ развращаетъ наши политическіе и общественные взгляды. Последнее несравненно страшнѣе.

Наконецъ, правительство нашло нужнымъ прекратить наплывъ евреевъ въ русскіе города. По Москвѣ, и по московской губерніи вообще, состоялось важное постановленіе комитета министровъ, на дняхъ опубликованное: «*о воспрещеніи на будущее время евреямъ причисляться къ московскому купеческому обществу*». Постановленіе это представляеть несомнѣнный интересъ и притомъ не для одной только Москвы; поэтому мы его перепечатаемъ цѣликомъ.

Комитетъ министровъ, выслушавъ представленіе г. министра внутреннихъ дѣлъ: о воспрещеніи на будущее время евреямъ причисляться къ московскому купеческому обществу, постановилъ, въ видѣ временной мѣры, впредь до пересмотра дѣйствующихъ о евреяхъ узаконеній:

1) означеннымъ въ п. 1 ст. 12. уст. о пасп., евреямъ-купцамъ первой гильдіи предоставляется водворяться на постоянное жительство и выбирать промысловыя и сословныя купеческія свидѣтельства, дающія право на званіе купцовъ первой гильдіи (Отд. IV Высочайше утв., 8-го іюня 1898 г., мнѣнія Госуд. Сов.) по городу Москвѣ и городамъ московской губерніи *не иначе, какъ съ особаго, каждаго разъ, разрѣшенія министра финансовъ, по соглашенію съ московскимъ генералъ-губернаторомъ*;

2) лицамъ, получившимъ указанное въ предшедшемъ (1) пунктѣ разрѣшеніе, предоставляется проживать въ гор. Москвѣ съ ихъ семействами, въ составѣ жонъ, несовершеннолѣтнихъ сыновей и незамужнихъ дочерей; прикащиковъ же и домашнюю прислугу изъ евреевъ имѣть при себѣ на основаніяхъ, указанныхъ въ п. 1 ст. 12 уст. о пасп.;

3) еврей-купцы 1-й гильдіи, по истеченіи десяти лѣтъ со времени приписки ихъ къ гор. Москвѣ и городамъ московской губерніи, пользуются правомъ постоянного жительства въ сихъ городахъ *лишь при условіи дальнѣйшей выборки указаннымъ въ п. 1 свидѣтельствъ*;

4) еврей-купцы 1-й гильдіи *не допускаются къ участию въ избирательныхъ собраніяхъ* и въ собраніяхъ выборныхъ купеческаго сословія, а также къ занятію должностей сословнаго управленія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не платятъ мѣстныхъ сословныхъ сборовъ, и

5) указанныя выше въ п.п. 1 — 4 ограниченія не распространяются на евреевъ-купцовъ 1-й гильдіи и членовъ ихъ семействъ, уже приписанныхъ, ко дню обнародованія настоящихъ правилъ, къ купечеству гор. Москвы и городовъ московской губерніи.

Государь Императоръ, 22-го января 1899 года, положеніе комитета Высочайше утвердить соизволилъ.

Законъ 22 января несомнѣнно произведетъ пріятное впечатлѣніе въ русскомъ обществѣ.

Недавно «Новое Время» затронуло весьма интересный вопрос. Къ газетѣ обратились съ вопросомъ: могутъ ли евреи прибрѣтать потомственное дворянство?

«Правительствующій сенатъ—говоритъ газета—сдѣлалъ на дняхъ разъясненіе по вопросу о правѣ лицъ іудейскаго исповѣданія на прибрѣтеніе потомственнаго дворянства. Сенатское разъясненіе состоялось по жалобѣ на дѣйствія смоленскаго дворянскаго депутатскаго собранія, отказавшаго колл. сов. Гринкруту во внесеніи его въ дворянскую родословную книгу. Сенатъ разъяснилъ, что законъ «не предоставляетъ депутатскимъ собраніямъ права отклонять ходатайства просителей о внесеніи въ родословную книгу по причинамъ не формальнаго свойства» и что «въ отношеніи прибрѣтенія потомственнаго дворянства и проистекающаго отсюда права на внесеніе въ дворянскую родословную книгу *никакихъ ограничительныхъ для евреевъ постановленій въ законахъ о состояніи не содержится*». Преклоняясь передъ разъясненіемъ сената, нельзя, однако, не указать, что въ законахъ о состояніи есть 1,106 статья, въ которой, послѣ перечисленія разныхъ случаевъ, когда дворянскія депутатскія собранія не должны вносить въ родословныя книги, сказано: «равнымъ образомъ депутатскія собранія *не должны вносить въ родословныя книги евреевъ, принявшихъ христіанскую вѣру, хотя бы они представили доказательства, что предки ихъ приняли оную до 1764 г.*». Вопросъ, стало быть, заключается въ томъ собственно: сохраняеть ли силу ст. 1,106 и нынѣ? Этотъ вопросъ, затронутый газетою, крайне интересенъ. Неужели жидаы и въ російское дворянство надѣются проскользнуть «фуксомъ»?!

Финляндцы заняты въ настоящее время очень «серьезнымъ» дѣломъ: они *травятъ* нѣкоего Матвѣя Куррика, редактора рабочей газеты «Tuomies». Походъ противъ Куррика очень жестокой и... не умный: на столбцахъ всѣхъ финляндскихъ газетъ раздается площадная брань по адресу этого редактора; инсинуаціями, плоскими карикатурами хотять заставить *замолчать* этого дѣятеля. Пріемъ чисто жидовскій. Недаромъ жидаы покровительствуютъ финляндскому сепаратизму и просятъ въ «независимое» финляндское государство. Студенты гельсингфорскаго университета исключили Куррика изъ своего ферейна!

Въ чемъ же заключается вина этого редактора рабочей газеты? Вина его, съ точки зрѣнія финляндскаго сепаратизма, прямо ужасна: «во дни всеобщаго единодушія, во дни усерднаго отправления въ Петербургъ всевозможныхъ сенатскихъ и сеймовыхъ петицій и ходатайствъ», онъ позволилъ себѣ возвысить голосъ и критически отнестись ко всему этому. Онъ говорилъ, что всеподданнѣйшій адресъ не есть дѣло народное, а дѣло *господское*, точно также, какъ и сеймъ не являетъ изъ себя представителей народа въ строгомъ смыслѣ слова, а переполненъ господами и защищаетъ только *господскіе интересы*. Г. Куррикъ—одинъ изъ всѣхъ финляндцевъ—рѣшился возвысить свой голосъ и сказать правду въ глаза своимъ согражданамъ.

„Молва приписываетъ Куррику—говорить „Свѣтъ“—и его единомышленникамъ организацію контръ-подписки, въ пику и протестъ знаменитому адресу пятьсотъ тысячъ мужскихъ и женскихъ гражданъ всякаго пола и возраста. Газеты рассказываютъ, что адресъ этотъ циркулируетъ въ большой тайнѣ, что организаторы похваляются, будто собрали уже болѣе двадцати тысячъ подписей и даже рассчитываютъ превзойти числомъ подписей предыдущій „обманный“ адресъ; что текстъ новаго адреса ниспровергаетъ все, что сказано въ первоначальномъ, и что, наконецъ, агитаторы этого дѣла намѣрены направить его чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ. Извѣстіе это комментируется передающими его газетами въ самыхъ ироническихъ, желчныхъ и даже бранныхъ выраженіяхъ, старающихся всячески заклеймить это по истинѣ, какъ они говорятъ, „ядовитое дѣло“! Новый этотъ адресъ, по слухамъ, теперь достигъ уже до пятидесяти тысячъ подписей, причеиъ въ числѣ подписывающихся уже не видно такихъ „гражданъ“, за которыхъ рукоприкладствовать должны по неволѣ чуть не кормилицы, родители,—словомъ, другіе взрослые члены той же семьи“.

Финскій народъ всегда былъ вѣренъ своимъ монархамъ. И трудно предположить, чтобы онъ имѣлъ что либо общее съ тою агитаціею, которую ведутъ теперь финляндскіе «господа», по выраженію Куррика. Противодѣйствіе введенію въ законную силу манифеста 3 февраля принадлежитъ исключительно меньшинству.

Финляндцы гордятся свободою мнѣній и полнѣйшею гласностью. Газеты всегда ратовали противъ налагаемыхъ на нихъ цензурныхъ стѣсненій, взывали къ справедливости, указывали на гнетъ «свободнаго слова» и пр. Но трудно согласиться со всѣми этими мнѣніями о свободѣ слова и печати, когда финны же стараются зажать ротъ честному журналисту. Неужели это и называется свободой слова?!

Неужели же нужно отнести къ «свободѣ мнѣній» и полнѣйшей гласности травлю г. Мессароша гельсингфорскими патріотами?! Г. Мессароша, корреспондента «Московскихъ Вѣдомостей», травила не чернь, а самозванная «интеллигенція». Сначала ему грозили по телефону, потомъ добились выселенія его изъ меблированныхъ комнатъ, гдѣ онъ жилъ. Гельсингфорскіе патріоты пригрозили содержательницѣ меблированныхъ комнатъ, г-жѣ Мазеръ, что, если она не откажетъ Мессарошу отъ квартиры, то: а) сыну ея, состоящему гдѣ-то на службѣ, будетъ отказано отъ мѣста, б) всѣ жильцы ея немедленно выѣдутъ, что двое, дѣйствительно, и исполнили, в) если ей будетъ недостаточно этого, то сама она будетъ выслана изъ предѣловъ Финляндіи (надо замѣтить, что г-жа Мазеръ—финляндская гражданка, хотя по происхожденію нѣмка). Подъ вліяніемъ такого «терроризированія» (опять таки чисто жидовскій приемъ!) г-жа Мазеръ стала просить г. Мессароша о выѣздѣ, и на заявленный отказъ въ этомъ требованіи, основанный на взносѣ впередъ мѣсячной платы, объявила, что: 1) комната не будетъ отапливаться, 2) освѣщенія не будетъ отпускатся, 3) уборка и прислуживаніе не будутъ производиться. Наконецъ, 9 марта, г-жа Мазеръ, подъ страхомъ непрестанныхъ угрозъ, а также подъ давленіемъ упомянутаго уже выѣзда двухъ жильцовъ, просила настоятельно г. Мессароша выѣхать, *дабы не подвергать ее крупнымъ*

непріятностямъ, соглашаясь при этомъ на возвратъ квартирной платы.

Послѣ выѣзда г. Мессароша изъ меблированныхъ комнатъ, всѣ газеты на другой день оповѣстили своихъ читателей объ этомъ радостномъ для нихъ событіи, подъ рубрикою: «Перелетная птица». Мытарства русскаго корреспондента этимъ не окончились: его всюду и вездѣ продолжали бойкотировать. Вотъ тебѣ и просвѣщенная страна со свободою мнѣній и гласностью! Ну, а что, еслибы русскія гостинницы и меблированныя комнаты изгоняли въ Петербургъ прѣзжихъ финляндскихъ «депутатовъ»? Понравилось ли бы имъ это?

Русское общество почтительно прислушивается къ мнѣніямъ, исходящимъ отъ Верховной власти. Оно и понятно: лишь одинъ только русскій Царь можетъ сказать вѣское слово, чтобы положить конецъ всѣмъ нашимъ домашнимъ спорамъ и недоразумѣніямъ. Пожертвованіемъ одного милліона рублей въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая былъ рѣшенъ, въ положительномъ смыслѣ, вопросъ о существованіи *голода* въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ. Высочайшимъ манифестомъ, отъ 3 февраля, былъ положенъ конецъ разговорамъ о томъ: составляетъ ли Финляндія часть русской имперіи, или это есть самостоятельное государство? Назначеніе бывшего военнаго министра генераль-адъютанта П. С. Ванновскаго для разслѣдованія обстоятельствъ и причинъ безпорядковъ въ с.-петербургскомъ университетѣ было встрѣчено всѣмъ русскимъ обществомъ съ чувствомъ живѣйшей радости и успокоенія. Общество было глубоко увѣрено, что это печальное событіе, благодаря особенному вниманію къ нему государя, получитъ всестороннее разслѣдованіе.

По счастью, *русскому* обществу недолго приходилось бродить въ потемкахъ и оставаться въ недоумѣніи по поводу все дивившихся и длившихся «студенческихъ безпорядковъ». Появившееся въ № 73 «Правительственнаго Вѣстника» официальное сообщеніе кладетъ конецъ всѣмъ этимъ недоумѣніямъ и кривотолкамъ.

8-го минувшаго февраля въ с.-петербургскомъ университетѣ возникли безпорядки, выразившіеся въ сокращеніи студентами посѣщенія лекцій до удовлетворенія предъявленныхъ ими учебному начальству требованій. Къ этому движенію, изъ чувства товарищества, примкнули студенты и нѣкоторыхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній столицы и имперіи. Въ виду непрекращавшаго движенія, 20-го февраля послѣдовало высочайшее повелѣніе о возложеніи на генераль-адъютанта Ванновскаго изслѣдованія причинъ и обстоятельствъ, возникшихъ въ С.-Петербургѣ съ 8-го того же февраля студенческихъ безпорядковъ. Встрѣченное съ глубокимъ сочувствіемъ и почтеніемъ тою частью учащейся молодежи, которая примкнула къ движенію для поддержки товарищей, высочайшее повелѣніе оказало вліяніе на прекращеніе волненія. Такое же успокоеніе было достигнуто и въ с.-петербургскомъ университетѣ, но затѣмъ, благодаря нѣкоторымъ побочнымъ причинамъ, а также подстрекательству со стороны студентовъ кіевскаго университета, данъ новый толчокъ къ возобновленію безпорядковъ, принявшихъ болѣе рѣзкую форму и характеръ сравнительно съ предыдущими. Тайная студенческая организація университета св. Владиміра, присвоившая себѣ названіе «кіевскаго союзнаго совѣта», въ воззваніи отъ 3-го марта, разосланномъ въ другіе университеты, выразила порицаніе с.-петербургскимъ студентамъ за пре-

крашеніе забастовки, безъ соображенія съ положеніемъ дѣлъ въ другихъ университетахъ и не выждавъ исполненія начальствомъ предъявленныхъ студентами требованій.

Воззваніе это распространилось между студентами университета около 12-го марта, одновременно съ сообщеніемъ изъ московскаго университета о ходѣ мѣстныхъ волненій. Подъ вліяніемъ этихъ воззваній, многіе студенты стали склоняться къ мнѣнію о необходимости собрать сходку въ университетѣ съ цѣлю обсудить вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли, въ виду положенія дѣлъ въ Кіевѣ и Москвѣ, вновь возбудить вопросъ о возобновленіи «обструкціи». Сходка эта состоялась 16 го марта въ актовомъ залѣ, куда силою вошли до 1,000 студентовъ и куда прибылъ также находившійся въ С.-Петербургѣ делегатъ кіевскаго университета, обратившійся къ собравшимся съ просьбою поддержать кіевскихъ товарищей и ихъ требованіе о возвращеніи высланныхъ студентовъ. Большинство присутствовавшихъ на сходкѣ высказалось за закрытіе университета и продолженіе обструкціи.

Въ виду указанныхъ беспорядковъ, 17-го марта сдѣлано было распоряженіе объ увольненіи изъ университета всѣхъ студентовъ, при условіи допущенія черезъ извѣстный срокъ, по усмотрѣнію министра народнаго просвѣщенія, новаго приема по прошеніямъ. Эту же мѣру предположено примѣнять затѣмъ ко всякому учебному заведенію, въ коемъ обычный порядокъ занятій будетъ нарушенъ.

Въ прочихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ имперіи волненіе, возникшее для поддержки петербургскихъ товарищей, подѣ вліяніемъ разосланныхъ писемъ и отправленныхъ делегатовъ, выразилось въ нижеслѣдующемъ.

Москва. Волненія среди студентовъ московскаго университета и другихъ мѣстныхъ высшихъ учебныхъ заведеній возникли съ половины февраля по полученіи свѣдѣній о петербургскихъ беспорядкахъ, но, благодаря своевременно принятымъ со стороны учебнаго начальства и администраціи мѣрамъ, въ теченіе цѣлаго мѣсяца могли быть удержаны въ предѣлахъ, допуская лишь возможность для благоразумной части студенчества посѣщать лекціи и продолжать учебныя занятія въ университетѣ.

При самомъ началѣ движенія, изъ среды студенчества выдѣлились наиболѣе горячія головы, старавшіяся усилить беспорядки и волновать громадное большинство студентовъ, державшихъ себя спокойно. На дѣятельность этихъ лицъ было обращено вниманіе какъ университетскаго начальства, такъ и со стороны полиціи.

Принимая во вниманіе, что возникшее броженіе не имѣло никакихъ мѣстныхъ поводовъ и возникло на почвѣ товарищеской поддержки, и пользуясь приближеніемъ Масляной недѣли, а также полагая, что волненіе уляжется само собой ко времени возобновленія учебныхъ занятій,—было рѣшено, до наступленія поста, временно удалить въ мѣста жительства родныхъ, изъ числа вышеозначенныхъ лицъ, 222 человѣка административнымъ порядкомъ, а правленіе университета, съ своей стороны, исключило 2-хъ и уволило 162-хъ студентовъ университета, предполагая ходатайствовать предъ министромъ народнаго просвѣщенія о возвращеніи таковыхъ по восстановленіи академическаго порядка. Во исполненіе сего, съ 1-го же числа марта сдѣлано было распоряженіе о возвращеніи въ Москву удаленныхъ по распоряженію администраціи студентовъ, за исключеніемъ лишь 16-ти, наиболѣе виновныхъ въ агитаціи, коимъ пребываніе въ Москвѣ воспрещено въ теченіе года на основаніи положенія объ охранѣ.

Лишившись значительнаго числа единомышленниковъ, часть студенчества, стоявшая за продолженіе беспорядковъ, тѣмъ не менѣе продолжала всѣми способами поддерживать волненія между учащеюся молодежью, не останавливаясь даже передъ угрозами физическаго воздѣйствія ¹⁾ въ отношенія посѣщающихъ лекціи товарищей, фамиліи коихъ, независимо сего, опубликованы были ими для общаго свѣдѣнія.

Вышущенное по этому поводу 20-го февраля отъ имени «группы борьбы противъ университетскаго режима» воззваніе, съ обращеніемъ къ товарищамъ, указывая, что, изъ-за посѣщенія отдѣльными лицами лекцій, университетъ «не закрытъ», предъявляло нижеслѣдующее требованіе: «Въ виду

¹⁾ Чему и было нѣсколько примѣровъ.

того, что наши дѣла безконечно велики по сравненію съ низкими побужденіями этихъ отщепенцевъ, въ виду того, наконецъ, что было бы глумленіемъ надъ здравымъ смысломъ прилагать къ поведенію этихъ вредныхъ для среды существъ принципъ свободы «взглядовъ» и «убѣжденій», мы просимъ товарищей о принятіи по отношенію къ нимъ слѣдующихъ мѣръ: установивъ ихъ личность, мы предлагаемъ подвергнуть ихъ физическому воздѣйствію, считая при этомъ допустимыми всѣ формы и всѣ степени, въ виду указанной уже вредности этихъ антиобщественныхъ элементовъ. Желательно только сдѣлать это съ минимумомъ риска и жертвъ: безъ свидѣтелей, съ малымъ числомъ участниковъ и т. п., что будетъ виднѣе взявшимися за это дѣло».

Броженіе находило для себя пищу въ тѣхъ прокламаціяхъ и воззваніяхъ, которыя издаваемы были стоявшимъ во главѣ движенія «исполнительнымъ комитетомъ», а также присылались въ Москву изъ другихъ университетскихъ городовъ. Особенно вредно въ этомъ отношеніи вліяніе имѣли: воззваніе «кіевского союзнаго совѣта объединенныхъ землячествъ и организацій», отъ 12-го февраля, и появившаяся въ Москвѣ прокламація: «Къ учащейся молодежи», отъ имени «союза социалистовъ-революціонеровъ».

2-го марта лекціи въ университетѣ продолжались, за исключеніемъ лекціи профессора Соколовскаго, въ аудиторіи коего студенты, числомъ до 150 человекъ, стали шумѣть и кричать, а затѣмъ толпою удалились. Въ анатомическомъ театрѣ состоялась сходка при участіи болѣе 400 студентовъ, признавшая необходимымъ требовать: 1) возвращенія высланныхъ товарищей и 2) устраненія на будущее время высылки безъ суда и слѣдствія по дѣламъ академическаго характера.

17-го марта занятія въ университетѣ прекращены до 22-го; всѣ студенты признаны уволенными съ предоставленіемъ права подачи прошеній объ обратномъ приемѣ, зависящемъ отъ усмотрѣнія учебнаго начальства.

Благодаря агитаціи, университетское начальство вынуждено было съ особой осторожностью отнестись къ обратному приему студентовъ; изъ общаго числа (4,407) прошенія объ обратномъ приемѣ подали 4,129; изъ нихъ принято 3,318 и отказано въ приемѣ 774, изъ коихъ—404, приемъ коихъ обратно въ московскій университетъ не желателенъ, и 370, кои могутъ быть приняты обратно въ университетъ въ будущемъ году. Кромѣ того, отказано въ приемѣ 37 студентамъ, о коихъ имѣлись неблагопріятныя полицейскія свѣдѣнія.

Непринятые студенты удаляются постепенно изъ Москвы въ мѣста родины, за исключеніемъ постоянныхъ московскихъ жителей, отданныхъ на попеченіе родственникамъ.

Кіевъ. Въ кіевскій университетѣ броженіе среди студентовъ возникло еще въ ноябрѣ прошлаго года, сначала на почвѣ чисто-національныхъ интересовъ, въ виду выраженнаго нѣкоторыми студентами, преимущественно поляками и евреями, желанія послать въ Варшаву ко дню открытія памятника польскому поэту Мицкевичу, адресъ отъ имени студентовъ кіевского университета всѣхъ національностей, съ восхваленіемъ политической дѣятельности названнаго писателя и съ порицаніемъ постановки памятника въ Вильнѣ графу Муравьеву. Вопросъ о посылкѣ такого адреса возбудилъ протестъ среди русскихъ студентовъ, и движеніе это, сопровождавшееся цѣлымъ рядомъ демонстративныхъ выходовъ со стороны польско-еврейской части студентовъ, привело къ открытому столкновенію представителей обѣихъ партій. Въ декабрѣ мѣсяцѣ положеніе дѣлъ въ университетѣ обострилось настолько, что учебное начальство оказалось вынужденнымъ исключить изъ университета 9 человекъ главныхъ зачинщиковъ беспорядковъ, а учебныя занятія прекратить до наступленія обычнаго срока передъ рождественскими каникулами. Во время этихъ волнений тайная организація, существующая среди студентовъ университета св. Владимира подъ именемъ «кіевского союзнаго совѣта объединенныхъ землячествъ и организацій», выпустила нѣсколько воззваній противоправительственнаго характера, направленныхъ къ порицанію памяти графа Муравьева и къ восхваленію революціонной дѣятельности Мицкевича.

Съ началомъ учебныхъ занятій, въ январѣ текущаго года, волненіе среди кіевской учащейся молодежи нѣсколько поулеглось, но внутренней порядкомъ установилась еще неполнѣ. Такъ, 25-го января въ университетѣ, человекъ около 100 студентовъ провозвели манифестацію въ одной изъ аудиторій, а

12-го февраля, еще до получения подробныхъ свѣдѣній о петербургскихъ событіяхъ, кievскій союзный совѣтъ выпустилъ воззваніе съ призывомъ къ упорной борьбѣ за свободу личности.

Такимъ образомъ, призывъ с.-петербургскаго студенчества къ участию въ поднятѣмъ имъ движеніи нашелъ въ гор. Кіевѣ вполне благоприятную почву и живой откликъ среди студентовъ университета, и проявился въ здѣ въ иной формѣ, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ имперіи. 16-го февраля, по полученіи свѣдѣній изъ С.-Петербурга о возникшемъ студенческомъ движеніи и его причинахъ, «союзный совѣтъ» особымъ воззваніемъ пригласилъ товарищей на сходку 17-го февраля, которая и состоялась въ зданіи университета, при участіи около 1,000 человекъ студентовъ; присутствовавшіе рѣшили присоединиться къ требованіямъ петербургскихъ товарищей и до удовлетворенія ихъ требованій отказаться отъ посѣщенія лекцій. Постановленіе сходки было прочитано ректору университета, пришедшему на сходку, и затѣмъ собравшіеся разошлись по домамъ, а человекъ около 80 студентовъ остались въ зданіи университета и, переходя изъ одной аудитории въ другую, гдѣ происходило чтеніе лекцій, заявляли профессорамъ о принятѣмъ сходкою рѣшеніи, послѣ чего лекціи прекратились.

18-го февраля и въ последующіе дни студенты университета продолжали агитацию и не допускали чтенія лекцій. не останавливаясь даже передъ мѣрами открытаго насилія по отношенію многихъ товарищей, не желавшихъ примкнуть къ ихъ движенію. Участіе въ движеніи принимали, главнымъ образомъ, студенты первыхъ двухъ курсовъ университета, старшіе же ихъ товарищи менѣе поддавались подстрекательству агитаторовъ.

Волненіе въ гор. Кіевѣ не прекратилось и по воспослѣдованіи Высочайшаго повелѣнія 20-го февраля. «Союзный совѣтъ», игравшій все время роль главнаго органа агитации, подстрекалъ товарищей въ издаваемыхъ имъ бюллетеняхъ и воззваніяхъ къ продолженію забастовки и указывалъ на солидарность, проявленную студентами всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній имперіи.

6-го марта около 200 человекъ студентовъ, проникнувъ въ одну изъ университетскихъ аудиторій, занялись обсужденіемъ вопроса о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій, причемъ среди нихъ появилось новое воззваніе «союзнаго совѣта», съ призывомъ на сходку 8-го марта.

Съ открытіемъ университета, спокойно прошли только 3 первыя лекціи, но затѣмъ, послѣ перерыва, студенты потребовали прекращенія занятій, врывались въ аудиторіи, препятствовали чтенію лекцій и, наконецъ, выбивъ дверь въ самую обширную изъ аудиторій, собрали многочисленную сходку, на которой, послѣ долгихъ и бурныхъ споровъ, большинство пришло къ заключенію продолжать забастовку до тѣхъ поръ, пока не будутъ возвращены высланные товарищи.

Въ противовѣсъ рѣшенію этой сходки, «группа націоналистовъ», стоявшая за водвореніе въ университетѣ порядка и начало лекцій, собралась также въ числѣ около 200 человекъ, въ отдѣльномъ помѣщеніи. Результаты ихъ переговоровъ выразились въ появившихся вслѣдъ затѣмъ воззваніяхъ этой группы отъ 8-го и 11-го марта, гдѣ подвергается рѣшительной критикѣ дѣятельность «союзнаго совѣта» и партіи забастовщиковъ, и доказывается, что разъ студенты с.-петербургскаго университета, непосредственно заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, отказались отъ дальнѣйшей забастовки, то странно кievскому университету выступать въ защиту чужихъ интересовъ болѣе ревностно, чѣмъ сами потерпѣвшіе.

9-го марта въ зданіи университета произошли особенно бурные беспорядки, перешедшіе въ открытое столкновеніе представителей двухъ партій студенчества за и противъ забастовки.

Вслѣдствіе сего, 10-го марта въ зданіи университета вывѣшено объявленіе слѣдующаго содержанія: «По распоряженію министра народнаго просвѣщенія всѣ студенты университета св. Владимира признаются уволившимися. Желающіе вновь поступить въ университетъ и продолжать слушаніе лекцій, подають о томъ прошеніе г. ректору. Обратный приемъ будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія университетскаго начальства».

Одесса. Подъ влияніемъ полученныхъ въ Одессѣ, — черезъ посредство прибывшаго, 19-го февраля, изъ Кіева делегата, — извѣстій о волненіяхъ среди

студентов с.-петербургскаго университета, 20-го февраля въ университетѣ состоялась сходка студентовъ, человекъ до 300; явившійся на сходку инспекторъ вынужденъ былъ удалиться, а явившемуся вслѣдъ затѣмъ ректору студенты заявили, что они присоединяются къ требованіямъ своихъ товарищей с.-петербургскаго университета и прекращаютъ посѣщеніе лекцій, покуда эти требованія не будутъ удовлетворены. На сходкѣ распространялась гектографированная прокламація, кievскаго изданія, приглашавшая новороссійскій университетъ послѣдовать примѣру с.-петербургскаго и кievскаго университетовъ и прекратить посѣщеніе лекцій.

22-го февраля было издано на гектографѣ воззваніе, въ которомъ излагалось рѣшеніе, принятое 20-го числа, и на сходкѣ, бывшей въ этотъ же день, на которой участвовало всего около 150 человекъ, рѣшено продолжать не ходить на лекціи и препятствовать посѣщать лекціи другимъ.¹

23 го февраля, вновь состоялась сходка, на которую прибылъ ректоръ и, указавъ на незаконность дѣйствій студентовъ и на состоявшееся, 20-го февраля, высочайшее повелѣніе о назначеніи генералъ-адъютанта Ванновскаго для производства разслѣдованія о причинахъ волненій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы, добавилъ, что большаго удовлетворенія не можетъ быть. Рѣчь ректора была выслушана студентами въ молчаніи, и 24-го февраля, хотя лекціи не посѣщались, но броженіе между студентами, подъ вліяніемъ сказаннаго ректоромъ наканунѣ, стало замѣтно ослабѣвать, и число противниковъ забастовки стало увеличиваться.

Подобнаго же рода движенія произошли и въ университетахъ: варшавскомъ, томскомъ, юрьевскомъ (дерптскомъ) и казанскомъ.

Процессъ ковенскаго ксендза Александра Бѣлякевича, надѣлавшаго много шума своимъ жестокимъ обращеніемъ съ паствою, особенно съ женщинами, оконченъ 10 минувшаго февраля. Масса публики желала попасть на засѣданіе, но зала была открыта только для избранныхъ.

«Предъ входомъ въ залу засѣданія,—читаемъ въ одной газетѣ,—зараженъ былъ вывѣшенъ аншлагъ о томъ, что дѣло это — имѣетъ быть заслушано при закрытыхъ дверяхъ». Дѣйствительно, никого изъ посторонней публики и представителей печати въ залу допущено не было, но, тѣмъ не менѣе, она была переполнена—внизу и на хорахъ—«избранными», состоящими изъ лицъ судебного вѣдомства и присяжной адвокатуры. Ксендзъ Бѣлякевичъ—довольно высокаго роста брюнетъ, съ грубоватыми чертами лица и неуклюжею манерою держать себя; говоритъ онъ весьма тихо и нескладно. Вначалѣ онъ былъ видимо взволнованъ, но затѣмъ понемногу свылся съ необычной ему обстановкой. Во время перерывовъ засѣданія, въ обширномъ коридорѣ втораго этажа, шелъ громкій, оживленный разговоръ по поводу показанія свидѣтелей, объясненій подсудимаго и дѣйствій суда вообще, но всѣ эти сообщенія, какъ личныя мнѣнія, переданы въ печати быть не могутъ. Одно не погрѣшитъ противъ истины,—это удивленіе предъ аксессуарами, находящимися въ числѣ вещественныхъ доказательствъ: веревкою, способною удержать черкаскаго быка (!) внушительною палкой, съ расщепленнымъ нижнимъ концомъ и фигурой головы чорта, при помощи которыхъ Бѣлякевичъ отправлялъ пастырскія обязанности всевозможныхъ внутреннихъ прихожанамъ, исправляя и направляя ихъ къ чистотѣ сохранения католицизма. Засѣданіе, окончившееся лишь 10 февраля, происходило подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя суда А. М. Бобріщева-Пушкина. Обвинялъ товарищъ прокурора В. П. Носовичъ, защитниками подсудимаго выступили присяжные повѣренные В. Д. Спасовичъ и С. А. Андреевскій, превзошедшій, по убѣжденію всѣхъ присутствовавшихъ, при произнесеніи имъ рѣчи, самого себя. Свидѣтелей было вызвано 38 человекъ (большинство — крестьяне). Присяжные засѣдателя удалили для совѣщанія въ три съ половиною часа дня и вывели свой вердиктъ въ половинѣ шестаго часа. Онъ былъ оглашенъ также при закрытыхъ дверяхъ. Признанный виновнымъ въ самовольномъ лишеніи свободы, соединенномъ съ истязаніями въ восьми случаяхъ, — причѣмъ въ пяти слу-

чаяхъ ему дано снисхожденіе,—ксендзъ Бѣлякевичъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и привилегій и къ ссылкѣ на житье въ иркутскую губернію, съ воспрещеніемъ всякой отлучки изъ мѣста, назначеннаго для жительства, въ теченіе двухъ лѣтъ и выѣзда въ другія губерніи и области Сибири въ теченіе восьми лѣтъ. Изъ вещественныхъ доказательствъ, планы и фотографическіе снимки постановлено оставить при дѣлѣ, остальное — уничтожить. Судебныя по дѣлу издержки возложить на обвиненнаго Бѣлякевича, а при несостоятельности его—принять на счетъ казны».

Процессъ оконченъ, и виновный понесъ заслуженную кару. Для насъ интересенъ теперь одинъ вопросъ: еслибы Бѣлякевичъ былъ не *католическій*, а *православный* священникъ,—взялись ли бы его защищать такія «свѣтила адвокатуры», какъ гг. Спасовичъ и Андреевскій, «превзошедшій самого себя»? Они защищали его, конечно, бесплатно, такъ какъ едва ли подсудимый имѣлъ возможность заплатить обычный для нихъ гонораръ. Наконецъ, какой бы гвалтъ подняла наша quasi-либеральная живодствующая пресса, еслибы Бѣлякевичъ оказался православнымъ священникомъ! Сколько шуму бываетъ, когда православный священникъ окажется повиннымъ только въ томъ, что взял лишній рубль за свадьбу! И вдругъ, въ процессѣ Бѣлякевича, наши «Сыны израильскіе» почему-то не извергли грома и молній... Странно.

Впрочемъ, все это «странно» съ общечеловѣческой точки зрѣнія, со спеціально же католической—вполнѣ объяснимо. Католицизмъ у насъ, изволите ли видѣть, находится, будто бы, въ положеніи «гонимаго», хотя въ Варшавѣ, напр., православные епископы не всегда получаютъ разрѣшеніе совершить публично процессію водосвятія, дабы «не оскорблять религиозныхъ чувствъ католиковъ», хотя при общихъ молитвахъ, передъ началомъ ученія, въ Сѣверо-западномъ краѣ католики-гимназисты становятся спиною къ православнымъ иконамъ, нисколько не «оскорбляя» этимъ религиозныхъ чувствъ русскихъ учениковъ и пр., и пр. Въ качествѣ «гонимаго», католицизму разрѣшается и самому производить гоненія (также точно, какъ и «гонимому» жидовству): католическіе патеры могутъ, напр., съ чистою совѣстью заниматься казнями вѣрныхъ католиковъ, а жида могутъ даже налагать «херемы» (проклятія) и на злосчастныхъ христіанъ, — лишая ихъ огня и воды, съ дозволенія или вслѣдствіе попустительства русскихъ властей. Очевидно, что въ Привислянѣ, какъ и въ Сѣверо-западномъ краѣ *два* фанатизма (иезуитско-католическій и жидовскій) могутъ дѣйствовать на полномъ просторѣ, уживаясь, вопреки пословицѣ, какъ два медвѣдя въ одной берлогѣ, а недозволительно только—православію и русской національности проявлять свои права на существованіе...

Крайній—фанатическій—католицизмъ и челоѣконенавистническій талмудизмъ,—дѣйствующіе на почвѣ общаго имъ принципа: «всѣ средства (до тѣлеснаго истязанія включительно) хороши для достиженія цѣли»,—подаютъ другъ другу руки, конечно, до поры, до времени.

Но полякамъ,—конечно, не якобы «моисеева закона»,—слѣдуетъ помнить, что эти два фанатизма погубили ихъ родину, лишивъ ее самостоятельнаго политическаго существованія, и что ни о какомъ «возрожденіи» ихъ отечества не можетъ быть и рѣчи при господствѣ этихъ темныхъ и лукавыхъ силъ...

Ф О Н О Г Р А Ф Ъ.

(Фельетонъ «Наблюателя»).

И СМѢХЪ, И ГОРЕ.

(Литературныя и общественныя замѣтки).

Херемъ, налагаемый на русскія періодическія изданія и на русскихъ людей, неугодныхъ кагалу.—Средства къ ожиждовленію русской прессы: запугиваніе и лишеніе кредита.—Бойкотированіе русскихъ издателей.—Имѣеть ли что нибудь общее еврейская тенденція съ «прогрессомъ», «свободою» и «культурою»?—Упраздненіе всякаго другаго націонализма, кромѣ жидовскаго, и всякой другой религіи, кромѣ талмудизма.—Изувѣръ мрачныхъ временъ подъ маскою «свободнаго мыслителя».—Требованія отъ журналиста, принявшаго нравственное «обрѣзаніе».—Измѣна правительству и измѣна народу.—Необходимость государственнаго кредита для національной печати.—Современный парламентскій режимъ, какъ наиболѣе удобный путь для еврейскихъ захватовъ.—Расшатываніе сильной государственной власти.—Подкопы и подкупы.—Жиды, «считающіе безъ хозяина».—Новый законъ о первогильдейныхъ купцахъ-евреяхъ.—Сохраненіе прежняго взгляда на зловредность талмудизма.—«Прямолинейность» и вліяніе въ еврейскомъ вопросѣ.—Выходка «Южнаго Края».—Малороссы, идущіе, въ честь Шевченки, подъ жидовское ярмо.—Quousque tandem?

I.

Въ предъидущей книгѣ «Наблюателя», въ статьѣ одного старожила сѣверо-западнаго края («Гдѣ спасеніе?»), приводится подлинный фактъ, имѣющій, однако, для мало знакомыхъ съ дѣломъ людей весь характеръ неправдоподобнаго анекдота. Вѣроятно ли, въ самомъ дѣлѣ, чтобы на окраинѣ русскаго государства, наиболѣе нуждающейся въ твердой и независимой національной прессѣ, *херему* (т. е. проклятію) и изгнанію изъ общественнаго обращенія подвергались тѣ именно органы русской печати, которые не мирволятъ инородческимъ притязаніямъ и, служа національному самосознанію, неуклонно проводятъ идею

государственнаго единства и господства государственнаго языка? Статочное ли дѣло, чтобы, помимо русской правительственной цензуры, на глазахъ у нашихъ властей, практиковалась особая *жидовская цензура*, одобряющая или не одобряющая русское изданіе, смотря потому: угодно ли оно кагалу и принимаетъ ли присягу на безпрекословную вѣрность ему? Да, *невпроятно, но вѣрно!!* Мы должны громогласно подтвердить это всѣмъ лицамъ, обращающимся къ намъ съ запросами по поводу диковиннаго факта. Нашъ журналъ, дѣйствительно, подвергнуть «большущему херему», подъ угрозой лишенія огня и воды всякаго супротивнаго еврея, который будетъ держать его въ своемъ жилищѣ,—подвергнуть херему въ то самое время, когда другія жидовскія и жидовствующія изданія награждаются (какъ это намъ достовѣрно извѣстно) *обязательною* подпискою по еврейскимъ «хедерамъ», гдѣ ихъ не читаютъ, но акуратно платятъ за нихъ подписныя деньги. Въ связи съ этимъ мы должны припомнить и другіе однородные факты, сообщаемые намъ изъ другихъ мѣстъ, куда только проникла (а куда не проникла она?) еврейская проказа со всѣми ея специфическими качествами. Мы говоримъ объ изытіи изъ обращенія въ читальнѣ «Одесскаго Листка» тѣхъ книгъ «Наблюдателя», гдѣ не гладятъ жидовъ по головкѣ; о нагломъ заявленіи «якобы-русскими» читателями земской херсонской библіотеки ихъ нежеланія выписывать нашъ журналъ; о систематическомъ отказѣ жидовскихъ книжныхъ магазиновъ принимать подписку на «Наблюдатель»; о массѣ настойчиво пускаемыхъ сплетенъ насчетъ непрочности нашего изданія и въ коммерческомъ, и въ цензурномъ смыслѣ; о кучѣ подметныхъ писемъ (еврей рѣдко имѣетъ мужество обнаруживать свою змѣиную голову), чуть не ежедневно получаемыхъ редакціею съ угрозами сжить насъ со свѣту (одно изъ такихъ писемъ мы напечатали въ свое время въ «Гласности») и пр., и пр. Сопоставляя всѣ эти факты, невольно хватаешься за голову и спрашиваешь себя: да, полно, въ русскомъ ли государствѣ живемъ мы, подъ охраною русскихъ законовъ, или надъ нами уже простерлась сѣнь жидовскаго царства съ обязательнымъ для всѣхъ талмудомъ, съ лапсердаками, цацею-мацею, миквою, пантофлями и цыцѣлами? Конечно, «страшенъ сонъ да милостивъ Богъ»; но и жидовская наглость въ послѣднее время закусила удила и просто не знаетъ себя удержу!.. Херемъ, налагаемый на періодическія изданія,—по свидѣтельству г. Ц—ова,—налагается и на всѣхъ русскихъ людей, осмѣливающихся въ Сѣверо-западномъ краю конкуррировать, въ какомъ бы то ни было отношеніи, съ деспотическимъ кагаломъ.

Мы говорили уже не разъ, что евреи давно усвоили себѣ тактику, завѣщанную ихъ соплеменникомъ Мозе Монтефіоре—

закабалать постепенно на служеніе кагалу всю европейскую прессу. Кому неизвѣстно теперь, какую гнусную служебную роль, подъ гнетомъ «Всемірно-израильскаго союза» (точнѣе: «всемірнаго кагала»), разыгрываетъ эта пресса въ дѣлѣ Дрейфуса, затѣянномъ для опозоренія французской арміи и для подчиненія всего государственнаго порядка жидовской гегемоніи? Такую же подлую роль разыгрывала подкупленная часть французской печати и въ знаменитомъ «панамскомъ дѣлѣ», для прикрытія миллионныхъ грабежей еврейскаго синдиката.

При своей слабой внутренней силѣ, при междоусобицахъ, еще болѣе умаляющихъ вліяніе національнаго направленія, при полномъ отсутствіи не-жидовскаго кредита, при совершенномъ игнорированіи ея государственнымъ банкомъ, — наша пресса еще скорѣе могла быть забрана въ лапы іудеями. Еще четверть вѣка тому назадъ, прозорливый Э. М. Достоевскій предостерегалъ русскую журналистику отъ быстро возрастающаго въ ней жидовскаго нашествія. Съ тѣхъ поръ обстоятельства двинулись далеко впередъ въ этомъ направленіи: не только провозглашаются «херемы» противъ изданій національнаго характера, но практикуется въ полной мѣрѣ и ирландское (или финское) «бойкотированіе» противъ неугодныхъ кагалу редакторовъ, съ цѣлью нарушить всякій порядокъ и причинить всевозможные убытки и безпокойство въ ихъ конторахъ, типографіяхъ и даже въ домашней жизни. Покойный М. П. Озмидовъ испилъ до дна эту чашу въ Одессѣ, — вплоть до разрушенія своего крѣпкаго здоровья и потери состоянія вмѣстѣ съ жизнью... Полиція и юстиція не хотятъ принять противъ этого безобразія никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ. Въ типографіи, въ конторы и въ собственныя квартиры ненавистныхъ редакторовъ и издателей подсылаются русскіе негодяи, — даже съ хорошими залогами, выдаваемыми имъ «на подержаніе» кагаломъ, — чтобы только надѣлать скандалъ, подорвать подписку, напакостить въ домашней жизни, окружить редактора хорошо оплаченными шпионами. Иногда такіе мерзавцы, прогнанные изъ редакціи и конторы, немедленно получаютъ хорошія мѣста въ жидовскихъ вертепахъ, не нуждаясь, конечно, ни въ какой другой рекомендаціи, кромѣ того, что они хорошо исполнили возложенное на нихъ іудино порученіе... Невозможно даже уловить всѣхъ ходовъ, которыми двигаются противъ васъ, — и на виду, и подъ поломъ, — мириады ползучихъ гадинъ, и только намеки на это можно найти въ книгѣ г. Литвина: «Среди евреевъ», въ драмѣ г. Крылова: «Сынъ израиля» («Историческій Вѣстникъ» нынѣшняго года, № 1) и въ печатающейся у насъ статьѣ: «Гдѣ спасеніе», изъ которой видно, что въ Сѣверо-западномъ краѣ ни чиновникамъ, ни частнымъ людямъ дохнуть нельзя отъ жидовскаго сонмища.

Любопытно, что для овладѣнія русской печатью представители мракобѣсія, рутины, человѣконенавистничества и депотизма, — квинтъ-эссенція которыхъ заключается въ талмудѣ и шулханъ-арухѣ, — пробирались въ нее подъ маскою поклонниковъ «свободы», и «культуры»... Злѣе этой мистификаціи трудно чтонибудь и придумать!! Талмудъ, — въ которомъ всякій не-жидъ («акумъ» или «гой») ставится *ниже собаки и осла* въ зоологической лѣстницѣ, а женщина, даже еврейская, признается существомъ нечистымъ и безправнымъ ¹⁾, — этотъ самый талмудъ выдается за послѣднее слово гуманности, а тяжкій полу-религіозный, полу-экономическій гнетъ, подъ которымъ раввины и банкиры держатъ подвластное имъ «быдло», сохраняется подъ фирмой «либерализма» высшей марки. Само собой разумѣется, что, проповѣдуя космополитизмъ по отношенію ко всѣмъ другимъ національностямъ, жида остаются упорнѣйшими націоналистами... только безъ отечества; а, кощунствуя и издѣваясь надъ всѣми другими религіями, выгораживаютъ изъ нихъ свой драгоценный талмудизмъ и вѣрують въ своего раввина гораздо больше, чѣмъ въ Бога («не Богъ благословляетъ раввина, — по талмуду, — а раввинъ — Бога»). Мы часто слышимъ, что не всѣ-де евреи исповѣдуютъ талмудическое мракобѣсіе, что между ними есть-де просвѣщенные люди, отрѣшившіеся отъ своей племенной гордыни и готовые ассимилироваться съ гражданами той страны, гдѣ они живутъ. Ахъ, еслибы ихъ устами да медъ пить, еслибы, дѣйствительно, такая ассимиляція обратилась изъ пустыхъ словъ, выпускаемыхъ для отвода глазъ, въ живую и крѣпкую дѣйствительность! Тогда еврейскій вопросъ устранился бы самъ собою и мы имѣли бы честныхъ русскихъ гражданъ семитическаго происхожденія, какъ имѣемъ ихъ въ лицѣ караимовъ, уже давно получившихъ у насъ, благодаря ходатайству графа Н. П. Игнатьева, всѣ права гражданства. Но караимы — дѣйствительные послѣдователи *библейскаго моисеева ученія* — порицаютъ гнусный талмудъ съ неменьшимъ негодованіемъ, чѣмъ сами христіане, категорически отказываясь принимать жидовъ въ свое общество, не смотря на всяческое пролазничество талмудистовъ, съ цѣлью совершенно разрушить этимъ путемъ «черту еврейской осѣдлости». На чтѣ ужъ «просвѣщенный» человѣкъ былъ талмудистъ Кремьё, бывший французской министръ юстиціи, членъ временнаго правительства обороны, —

¹⁾ Это постановленіе приводится и въ книгѣ г. Переферковича: «Талмудъ», безъ всякаго ослабленія или перетолкованія его варварскаго смысла. Что же касается до гонимыхъ «акумовъ» и «гоевъ», то авторъ книги продолжаетъ морочить публику, утверждая, что подъ ними слѣдуетъ разумѣть только... «звѣдопоклонниковъ», хотя самъ отлично знаетъ, что этихъ звѣдопоклонниковъ можно найти, въ наши дни, развѣ только въ бюрократическомъ мірѣ.

но вѣдь онъ-то именно и явился учредителемъ и кодификаторомъ пресловутаго «Всемирно-израильскаго союза», въ статутѣ котораго прямо говорится, что «всемирный израильянине» *обязанъ всегда оставаться израильяниномъ*, не смотря на принятую имъ «показную національность», что талмудъ, со всѣми своими челоѣконенавистническими постановленіями, всегда будетъ для него «книгой живота», *неразрывно связанной съ его національностью*. «Просвѣщенный» Кремль и севаль въ одну каторжную (для большинства евреевъ) цѣпуру—жидовскую національность съ канибальской псевдо-религіей, направленной совсѣмъ не къ религіознымъ, а къ чисто житейскимъ цѣлямъ!

II.

Русскій журналистъ, попавшій въ кабалу къ жидовскому кагалу, по большей части, не можетъ даже сослаться на какое бы то ни было,—хотя бы и самое дикое,—«убѣжденіе». Никакихъ убѣжденій отъ него и не спрашиваютъ, а прямехонько приказываютъ, чтобы онъ, за извѣстный, довольно жирный, гоноرارъ, *не смѣлъ* сообщать въ газетѣ или журналѣ «компрометирующихъ» еврейство фактовъ; *не смѣлъ* разсуждать о еврейскомъ вѣроученіи съ дѣйствительно-прогрессивной и независимой точки зрѣнія, а, въ крайнемъ случаѣ, молчалъ бы и дѣлалъ видъ, что это ученіе согласно съ «последнимъ словомъ» прогресса; *не смѣлъ* бы говорить правду о панамскомъ дѣлѣ, о дрейфусіадѣ и тому подобныхъ еврейскихъ затѣяхъ и, наконецъ, всяческими способами—прямо или косвенно—проповѣдывалъ бы всѣ прелести удобнаго для жидовъ современнаго парламентаризма, съ полной атрофіей центральной государственной власти, съ господствомъ буржуазнаго капитализма и, возведенныхъ въ обычный порядокъ, «избирательныхъ» подкуповъ. А извѣстно, что гдѣ подкупъ, тамъ и жидъ, гдѣ жидъ—тамъ и подкупъ. Также точно и шпіонство (какъ, напр., въ дѣлѣ Дрейфуса) всегда служило для жида наследственной, прирожденной, профессіей.

Независимый же русскій журналистъ, не желающій подчиняться указкѣ кагала, отказывающійся налагать на свои уста персть молчанія именно тогда, когда въ его честномъ, неподкупномъ словѣ чувствуется настоящая потребность,—такой журналистъ естественно является для жидовства опаснѣйшимъ врагомъ, которому нужно заткнуть ротъ, если нельзя устранить его съ дороги ни подкупомъ, ни запугиваніемъ.

Съ первыхъ дней своего существованія, «Наблюдатель»

заявлялъ именно такую позицію въ отношеніи жидовскаго кагала, который уже возмнилъ было себя единственнымъ рѣшителемъ русскихъ судебъ, помимо нашего правительства и народа, а всѣ явленія государственной и общественной жизни стали обсуждаться съ точки зрѣнія еврейскаго гешефта и еврейской гегемоніи. Понятно, что на нашъ журналъ и устремилась вся сосредоточенная злоба предателей русскаго народа, — а не одного правительства, — умѣющихъ по временамъ надѣвать на себя маску его радѣтелей и защитниковъ. На сѣверо-западной и юго-западной окраинахъ русской земли, на него прямо наложенъ херемъ, а въ другихъ мѣстахъ, гдѣ еврей не успѣлъ еще забрать такой силы, но уже присосался къ якобы-русскимъ редакціямъ, херемъ превратился въ систематическое *замалчиваніе* нашего изданія. Что же такое, какъ не херемъ, въ приспособительной формѣ, это упорное молчаніе о «Наблюдателѣ» со стороны нѣкоторыхъ петербургскихъ, московскихъ и провинціальныхъ газетъ и журналовъ? Въ «Новостяхъ», напр., съ перваго же года изданія «Наблюдателя», онъ былъ вычеркнутъ кагаломъ изъ списка обозрѣваемыхъ въ газетѣ ежемѣсячныхъ журналовъ, и покойный В. В. Чуйко (еще до появленія въ «Наблюдателѣ» *преступныхъ* статей профессора Леонтовича: «Что намъ дѣлать съ еврейскимъ вопросомъ»?) успѣлъ поговорить о немъ съ большою похвалою лишь по выходѣ первой книги ¹⁾. Затѣмъ наступило, предписанное кагаломъ, гробовое молчаніе, отъ котораго, впрочемъ, мы мало пострадали. Въ «Русскихъ (?) Вѣдомостяхъ», въ «Русской (?) Мысли», — не смотря на существованіе въ нихъ отдѣла журнальнаго обозрѣнія, — давно держатся такой же точно тактики, охотно отводя мѣсто всѣмъ юдофильскимъ изданіямъ, совершенно ничтожнымъ и не имѣющимъ никакого вѣса въ не-жидовской публикѣ. А, между тѣмъ, за 17 лѣтъ своего изданія «Наблюдатель» помѣщалъ на своихъ страницахъ беллетристическія произведенія и ученые труды такихъ авторовъ, которые, появляясь въ другихъ изданіяхъ, всегда вызывали сочувственную аттестацію у нашихъ «молчальниковъ». Неужели же это была простая случайность, а не умысленная стачка, декретированная жидовскимъ правительствомъ?! Охотно вѣ-

¹⁾ В. В. Чуйко, до конца своихъ дней, былъ постояннымъ сотрудникомъ нашего журнала (см. «Указатель» стр. 20), а въ послѣдніе три года велъ — послѣ В. Р. Зотова — «Политическую хронику», гдѣ справедливо отзывался о еврейскихъ подвигахъ въ западной Европѣ. Но такого рода отзывы онъ не имѣлъ бы никакой возможности печатать въ «Новостяхъ», которая, однако, успѣла ему гимнъ по смерти... Раввинская цензура препятствовала!! Такую же участь испытывалъ въ кагальной газетѣ и покойный В. О. Михневичъ, высказавшійся по еврейскому вопросу только въ нашемъ журналѣ (№ 2, 1882 года).

римъ, что изъ сотрудниковъ кто нибудь могъ помѣстить у насъ и менѣе удачную работу, но чтобы *ни одна строка* профессоръ: Сергѣевича, Андреевскаго, Кистяковскаго, П. Ковалевскаго, Азаревича, Даневскаго и др., а также гг. Вас. И. Немировича-Данченки, Шеллера, Ясинскаго, Стахѣва, Карновича, В. П. Безобразова и пр. не удостоились, *по справедливости*, вниманія не въ мѣру «строгихъ» рецензентовъ,—такой благоглупости не повѣрять, конечно, и сущій младенецъ въ журнальномъ дѣлѣ... Подкладка была тутъ совершенно другая..

Не довольствуясь замалчиваньемъ въ печати и бойкотированьемъ въ нашихъ домашнихъ дѣлахъ, жидовскій кагалъ выдвинулъ противъ насъ и самую опасную свою баттарею. Известно, что финансовыя пружины давно уже находятся въ еврейскихъ рукахъ, которыя весьма умѣло распоряжаются ими, приходя своевременно на помощь къ *своимъ* издателямъ, усердно защищающимъ кагалные интересы. Ихъ щедрости, въ этомъ отношеніи, нѣтъ предѣла, и нужно было имѣть феноменальную бездарность редакціи «Сѣвернаго Вѣстника», — открыто защищавшаго «еврейскій патріотизмъ», — чтобы не умѣть вести своего дѣла даже съ полуторастотысячнымъ кредитомъ (кстати, объ его кончинѣ «Новости» своевременно пролили слезу умиленія: одного поля ягоды!).

До какой степени зло іудаизма распространилось по всему лицу земли русской и загадило собой чуть не всѣ печатныя станки, — это видно даже при бѣгломъ взглядѣ на многіе газетныя листки, издающіеся въ разныхъ углахъ Россіи. Казалось бы, какое дѣло Саратову, Самарѣ, Новочеркаску и прочимъ городамъ до всѣхъ перипетій непомѣрно раздутаго дрейфусовскаго процесса и, вообще, до жалобъ и стоновъ якобы «гонимаго» племени, «задыхающагося въ чертѣ осѣдлости» (это на пространствѣ-го 27 губерній, равныхъ по величинѣ цѣлой Австріи) и опустошившихъ ее, какъ саранча?! Тѣмъ не менѣе, и въ Самарѣ, и въ Саратовѣ, и даже въ Иркутскѣ нашлись газетѣнки, оплакивающія крокодиловыми слезами «бѣдствія» евреевъ и готовые отдать имъ на съѣденіе всю внутреннюю Россію, съ сохранившимся въ ней остаткомъ «варварства» — крестьянскою общиною, мѣшающей превратить великорусскаго земледѣльца въ безземельнаго батрака или въ изможденнаго фабричнаго. И съ какою яростью нападали эти листки на нашу «Гласность», какъ безцеремонно обвиняли ее въ «религіозной нетерпимости», «обскурантизмѣ» и пр.!! Очевидно, у этихъ людей и стыдъ, и совѣсть «пошли на смарку» за тридцать жидовскихъ сребренниковъ. Словомъ, «черта жидовской осѣдлости» давно уже не существуетъ для нашей прессы, и ея неопредѣленное, шаткое положеніе покуда пришлось на руку только жидамъ, которые лучше приспособлены къ *торговлѣ контро-*

бандой и умѣютъ устраивать для этой торговли наиболѣе выгодныя условія...

Намъ хорошо извѣстно, что, при нынѣшнемъ положеніи нашей кредитной системы, жидовскимъ изданіямъ открыта самая широкая поддержка, за «благонадежнѣйшими поручительствами»; изданія же національнаго направленія находятся на положеніи изгоевъ, которымъ уже нѣтъ и мѣста въ родной землѣ... Чтобы не ходить далеко за примѣрами, мы скажемъ, что когда редакціи «Наблюдателя» понадобилось, въ концѣ прошлаго года, учесть два ничтожныхъ векселя въ томъ банкѣ, гдѣ редакціонныхъ денегъ перебивало за двадцать лѣтъ издательства, на двухъ счетахъ («текущемъ» и on call), нѣсколько сотъ тысячъ рублей, — что дало крупный доходъ банку на одной разницѣ между процентами, имъ платимыми и получаемыми, — то учтенъ былъ только одинъ вексель, да и то за поручительствомъ «члена» банка не жидовскаго происхожденія («дай Богъ ему здоровья и генеральскій чинъ!»). Конечно, сомнѣній въ кредитоспособности редакціи не было никакихъ, и принятый вексель былъ оплаченъ въ свое время, не доводя до протеста, также какъ и другіе векселя, учтенные въ наиболѣе солидныхъ банкахъ, — и свою роль здѣсь сыграло только ненавистное «направленіе» нашихъ изданій. Въ виду такого безвыходнаго положенія національной прессы, — которую жида просто травятъ всякими легальными и нелегальными способами, — вопросъ объ оказаніи ей *кредита изъ государственнаго банка*, еще не связаннаго жидовскими путами и могущаго стоять на высотѣ своей государственной задачи, является вопросомъ насущнымъ и неотложнымъ, если хотятъ, чтобы на Руси осталась національная печать... хотя бы «только на сѣмена». Вѣдь и то уже словами: «национальность» и «национальное направленіе» жидовская пресса, сберегающая национальность лишь для себя, ругается, какъ презрительными кличками!!

III.

Мы сказали уже, что «страшенъ сонъ да милостивъ Богъ» — и евреи еще слишкомъ рано торжествуютъ свою «побѣду и одолѣніе» надъ всею русскою землею. Во-первыхъ, сильная, исторически-сложившаяся у насъ, самодержавная власть стоитъ крѣпко, безъ всякой «порухи», и продажный парламентаризмъ не даетъ у насъ возможности «выкрикнутьъ», по арифметическому большинству голосовъ, уничтоженіе черты еврейской осѣдлости и полноправіе талмудизма, — т. е. смертный приговоръ всей массѣ русскаго народа; во-вторыхъ, нельзя же и всю печать,

не смотря на видимыя къ тому приспособленія, предать цѣликомъ въ іудейскія руки. Жиды, по своей традиціонной логикѣ и извращенной талмудомъ нравственности, воображаютъ, что всѣхъ на свѣтѣ можно или *подкупить*, или *запугать*; но они напрасно торопятся прилагать къ намъ и свою тусную воровскую логику, и свою волчью этику. Державинъ, правда, рассказываетъ въ своихъ «Запискахъ», что его смѣщеніе съ должности генераль-прокурора, какъ ненавистнаго жидамъ государственнаго человѣка, *стоило кагалу миллионъ рублей* (это Державинъ провинился, сказавъ, что для правильнаго разрѣшенія еврейскаго вопроса нужно «взяться за всѣхъ жидовъ разомъ»); но вѣдь то были далекія времена, когда, не сообразуясь съ нуждами и желаніями народа, можно было навязать ему даже бироновщину и аракчеевщину, и когда продажность нѣкоторыхъ сановниковъ была ограждена высотой ихъ положенія. Но уже Николай Павловичъ твердо стоялъ на точкѣ зрѣнія Елизаветы Петровны: «отъ враговъ Христова имени не желаю интересной прибыли», и какъ ни соблазняли его трезвый умъ финансовыми выгодами отъ жидовской равноправности, онъ не предалъ евреямъ, ради денежныхъ барышей, благополучія Россіи. При Александрѣ II-омъ, къ несчастію, подъ шумъ обновленія дореформенной Россіи, насъ обманули насчетъ зловредности талмудизма, давъ евреямъ нѣкоторыя права, которыя до сихъ поръ солоно отзываются *sur la peau humaine*; но незабвенный творецъ національной политики, Александръ III, опять повернулъ руль въ надлежащую сторону, сообразно съ интересами своего любимаго народа.

Недавнее постановленіе комитета министровъ, — о которомъ говорится во внутреннемъ обзорѣ этой же книги журнала, — показываетъ, что наше правительство вовсе не намѣрено *расширять* права талмудистовъ, а, напротивъ, суживаетъ ихъ, т. е. держится прежняго взгляда на *зловредность* этого антигосударственнаго и антиобщественнаго ученія. Московскіе первогильдейные купцы лишаются права, заплативъ гильдейскія — въ сущности «плѣвыя» — пошлины, тащить за собою изъ черты осѣдлости десятки и сотни прожорливыхъ ртовъ, способныхъ добывать себѣ пищу только путемъ эксплуатаціи чужаго труда. Кромѣ того, и сами эти первостатейные купцы-жиды лишаются прямого вліянія на общественные выборы, и даже дальнѣйшее ихъ водвореніе въ Москвѣ допускается только *въ видѣ исключенія*, по согласію г. министра внутреннихъ дѣлъ съ августѣйшимъ генераль-губернаторомъ. Не слѣдуетъ забывать при этомъ, что, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Москвѣ уже было произведено генеральное очищеніе ея отъ жидовскаго элемента, и, стало быть, новый приливъ его будетъ ограниченъ до предѣловъ возможности...

Словомъ, вѣрные своей нахальной привычкѣ *compter sans le hôte*, жида напрасно поторопились обойтись безъ Хозяина русской земли...

Мы хотѣли было кончить фельетонъ, какъ намъ попался на глаза № «Южнаго Края» (отъ 27 марта), въ которомъ редакция «Наблюдателя» обвиняется, ни много, ни мало, въ томъ, что, печатая романъ: «Желѣзный канцлеръ древняго Египта», она «подкапывается подъ ветхій завѣтъ» (!) и порочить репутацію такихъ «свѣточей человѣчества», какъ прекрасный Иосифъ. На эту нелѣпую выходку мы можемъ сказать только, что харьковская газета совершенно напрасно *канонизируетъ* личность Иосифа, дѣлая ее запретной для романическаго изображенія: вѣдь Иосифъ (или, точнѣе, Иосэфъ) — не патріархъ, не святой — и романисту отнюдь не возбраняется представлять его личность въ тѣхъ чертахъ, которыя издавна уже были свойственны цѣлому племени. Г-жа Крыжановская не отрицаетъ дарованій и очаровательности Иосѣфа, но не упускаетъ изъ виду его самоиѣнія и властолюбія, засвидѣтельствонныхъ и библией; да къ тому же и историческій фактъ ограбленія Египта подтверждается достоверными источниками.

Что же касается до упрека, сдѣланнаго намъ «Южнымъ Краемъ», въ *прямолинейности* нашего направленія по еврейскому вопросу, то какъ согласовать его съ тѣмъ увѣреніемъ, что будто бы мы «не выдерживаемъ нашего направленія и садимся между двумя стульями»? Смѣемъ увѣрить почтенную газету, что наша послѣдовательность въ этомъ вопросѣ *выдержана до конца*; что мы не «виляемъ хвостомъ» ни въ ту, ни въ другую сторону, а сидимъ крѣпко на своемъ собственномъ мѣстѣ, не покушаясь ни на сѣдалище «Южнаго Края»; ни на стулья «Гражданина» или «Новостей».

Къ слову о жидахъ, нельзя не отмѣтить курьезнаго эпизода, происшедшаго въ только что открывшемся малороссійскомъ «обществѣ изданія общепользныхъ и дешевыхъ книгъ», въ память поэта Шевченки. Предсѣдатель этого общества г. Оедоровскій, открывая первое засѣданіе, заявилъ, что «цѣлью общества будетъ прежде всего — *отпоръ еврейскому захвату малороссійскихъ губерній и развращенію* евреями ихъ населенія». Казалось бы, истиннымъ друзьямъ Малороссіи и ея симпатичнаго народа нельзя не сочувствовать этой благой цѣли, такъ какъ жидовское наводненіе, еще съ временъ владычества Польши, губительно тяготѣетъ надъ нравственной жизнью и экономическимъ бытомъ всего края. Но, къ удивленію нашему, нашлись «толерантные украинцы» съ Д. Л. Мордовцевымъ во главѣ, которые вступились за честь «гонимаго племени» и *протестовали* противъ заявленія почтеннаго предсѣдателя общества. Вотъ ужъ, точно, своя своихъ не познаша!

Тарась Бульба,—передъ тѣмъ какъ застрѣлить собственно-ручно своего сына за измѣну народу,—сказалъ ему съ горькой ироніей: «Ну, что, сынку, помогли тебѣ твои ляхи?!» Съ еще болѣе горькой ироніей можно будетъ, со временемъ, спросить новооткрывшееся общество: *«помогли ли тебѣ твои жиды?»*

Ефимъ Простосердовъ.

Подарокъ.

Шаловливая Анета
Мнѣ шепнула съ видомъ чиннымъ:
— Поль, скажи-ка по секрету,
Что даришь мнѣ къ именинамъ?
Мужъ исполнить аккуратно
Объщанье. Мнѣ въ томъ что же?
Твой подарокъ мнѣ, понятно,
И милѣе, и дороже!—
И, обнявъ плутовку жарко,
Ей отвѣтилъ я на это:
— Милый другъ, не жди подарка
Дорогаго отъ поэта.
Пусть за пламень глазокъ милыхъ
Цѣлый міръ готовъ отдать я,—
Подарить тебѣ не въ силахъ
Ни брильянтовъ я, ни платя.
Мой досугъ волнуютъ грѣзы,
Силь въ груди кипитъ избытокъ;
Я далекъ отъ пошлой прозы —
И... отъ пестренкихъ кредитокъ.
Но, объ этомъ не горюя,
Живъ одной твоей любовью,
Всѣ стихи тебѣ дарю я,
Что изъ сердца льются съ кровью!—
И нахмурилась Анета,
Ставъ мрачнѣе грозной тучи:
— Всѣ стихи?.. Къ чему жъ мнѣ это?
Гонораръ—гораздо лучше!—

Хмурый Бардъ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1899 г.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ

ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ЛАВЕТУ

„НАРОДЪ“

(Третій годъ изданія).

Газета посвящаетъ себя разработкѣ вопросовъ государственной, общественной и ховяйственной жизни русскаго народа.

Въ газетѣ, между прочимъ, отводится много мѣста вопросамъ **ВОЕННЫМЪ**, вопросамъ желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи, вопросамъ церковнымъ и вопросамъ касающимся жизни провинціи.

Газета удѣляетъ также много мѣста вопросамъ воздухоплаванія, за послѣдніе годы все болѣе и болѣе интересующаго публику. Сотрудникомъ по этому отдѣлу состоитъ извѣстный русскій воздухоплаватель **А. М. Кованько**, не принимающій болѣе участія ни въ одномъ изъ ежедневныхъ изданій.

Сообщеніямъ изъ провинціи широко раскрыты страницы газеты, такъ какъ она сознаетъ важную роль, какую все болѣе и болѣе занимаетъ провинція въ жизни Русскаго Государства. Всякое сообщеніе, идущее отъ мѣстныхъ освѣдомленныхъ лицъ, касающееся жизни городовъ, земствъ, вопросовъ сельско-хозяйственныхъ, торгово-промышленныхъ и т. п., съ благодарностью принимается газетою, если оно проникнуто духомъ общей пользы, а не личныхъ счетовъ. Для болѣе яркаго освѣщенія провинціальной жизни въ газетѣ существуетъ особый отдѣлъ подъ заглавіемъ «Провинціальный фельетонъ», въ которомъ свѣдѣнія, полученныя отъ корреспондентовъ и почерпнутыя изъ провинціальныхъ газетъ, разрабатываются сотрудниками, близко знакомыми съ провинціальной жизнью и специально для этой работы приглашенными.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

Въ Россіи,	На 1 годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
повсемѣстно, съ перес. и до- ставкой.	10 р.	5 р.	— р. 2 р. 50 к.	1 р. — к.
За границу,				
въ государ. почтоваго союза.	14 >	7 >	50 >	3 > 75 > 1 > 50 >

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, въ Главной Конторѣ газеты, Б. Морская, 36. Въ МОСКВѢ: въ конторѣ биржеваго маклера **И. Ю. Шульца** (старый Гостинный дворъ) и въ главномъ газетномъ агентствѣ **К. Н. Александровой** (на Тверской, противъ канцеляріи Генералъ-Губернатора). Гг. провинціальные подписчики благоволятъ обращаться въ Главную Контору газеты въ С.-Петербургъ.

Редакторъ **Н. Я. Стечкинъ.**

Издатель **А. П. Малышнскій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВОЕ ИЗДАНИЕ
П. П. СОЙКИНА
ТАЛМУДЪ.

Полный перевод текста, сдѣланный ориенталистомъ Н. Переферковичемъ и снабженный объяснительными примѣчаніями переводчика и наглядными чертежами.

Всякій образованный человекъ, вѣроятно, слышалъ про Талмудъ, но мало кто, дѣйствительно, знаетъ, что содержится въ этой таинственной восточной книгѣ, написанной крайне темнымъ и не всѣмъ доступнымъ языкомъ и составляющей цѣлое тысячелѣтне тысячамъ лицъ. Одни говорятъ, что это самая беззастѣнливая книга въ мірѣ, а другіе называютъ ее не иначе, какъ «наше святое Талмудъ». Полный переводъ Талмуда даетъ возможность судить, какое изъ этихъ мнѣній правильнѣе. *Переводчикъ стоитъ на строго научной почвѣ и не стремится полегчить или религиознаго вліянія.* Особенность перевода заключается въ томъ, что весь матеріалъ расположенъ въ порядкѣ Мишны, основного ядра Талмуда, такъ что каждый вопросъ, затронутый въ книгѣ, проходитъ передъ глазами читателя всесторонне разсмотрѣннымъ талмудическими авторитетами. Легкій языкъ, обильныя примѣчанія и разъясненія переводчика-ориенталиста, наглядные чертежи; наконецъ, различныя прифеты для болѣе и менѣе важнаго—все это облегчаетъ пониманіе текста, способствуя быстрому проникновенію даже совсѣмъ неподготовленнаго читателя въ чуждый строй восточной мысли.

Все изданіе „Мишны и Тосефты“ будетъ состоять изъ 6 томовъ, объемомъ каждый отъ 25 — 30 листовъ большаго формата, и будетъ раздѣлено на 12 книгъ.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна каждого тома 2 р. 50 к., съ перес. 3 руб. Вышелъ т. I (кн. 1 и 2), т. II (кн. 1) печатается.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на все изданіе Талмуда въ 6 томахъ (12 книгъ) 12 руб.

Допускается разсрочка (исключительно у издателя) на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 4 р. и по выходѣ въ свѣтъ каждого тома по 2 руб., впрѣдѣ до полной уплаты подписной цѣны.

Имѣются въ продажѣ слѣдующіе труды Н. Переферковича:

ТАЛМУДЪ, ЕГО ИСТОРИЯ И СОДЕРЖАНІЕ.

Часть первая — Мишна. Спб. 97. Цѣна въ кол. пер. 1 р. 50 к.

ЧТО ТАКОЕ ШУЛХАНЪ-АРУХЪ?

(Къ освѣщенію еврейскаго вопроса). Спб. 1898. Цѣна 1 р. 30 к.

Съ требованіями обращаться въ Книжный Складъ П. П. Сойкина, С.-Петербургъ, Стремянная, № 12.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

издаваемый въ Москвѣ подъ редакцію М. М. КАТКОВА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ.

Годовое изданіе «Русскаго Вѣстника», состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книгъ, въ 1899 году будетъ стоить въ Москвѣ безъ доставки 15 р. 50 к., съ доставкою на домъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ 16 р., съ пересылкою во все мѣста Россіи 17 р. а за границу 19 р.

Принимается также подписка, только черезъ контору журнала, на 6 мѣсяцевъ 8 р. 50 к., на 3 мѣсяца 4 р. 25 к. и на 1 мѣсяць 1 р. 50 к. съ пересылкою и доставкою.

Адресъ конторы и редакціи: Москва, Малая Дмитровка 29.

СОДЕРЖАНІЕ № 4-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА:

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

	СТРАН.
I. Чужая душа—потемки. (Изъ записокъ Инакова). Н. Ѳ. Бажина.	7
II. Валтасаръ. (Изъ «Книги пѣсенъ», Г. Гейне). Стихотвореніе К. В. Иванова.	60
III. Обь условіяхъ торговли виноградными винами въ Россіи и о мѣрахъ къ развитію этой торговли. Я. Л.	62
IV. Изъ дневника. Стихотвореніе Л. Афанасьева	70
V. Бѣглый. (Дорожный эскизъ). Бахмача.	71
VI. Наши судебные порядки перель судомъ присяжнаго засѣ- дателя. Д. Орлова.	92
VII. Весенній лучъ. Стихотвореніе С. Киснемскаго	112
VIII. Желѣзный кавцлеръ древняго Египта. Романъ въ 2-хъ частяхъ, В. И. Крыжановской (Рочестеръ)	113
IX. Гдѣ спасеніе? (Изъ Привислиня). Г. П. Ц—ова. (Оконч.)	189
X. Вечеръ. (Изъ Сюлли Прюдома). Стихотвореніе А. Мейснера.	208
XI. Актриса. («Голубая герцогиня»). Романъ Поля Буржэ. (Оконч.)	210
XII. Провинціальная жизнь. Р.	307
XIII. Страхъ. Стихотвореніе Г. Арищенки.	337
XIV. Изъ моего прошлаго. (Литературныя и общественныя вос- поминанія). А. П. Пятковскаго.	338
XV. Мечта. Стихотвореніе Р.	352

Современное обозрѣніе.

XVI. Политическая хроника	1
XVII. Новая книги.	17
XVIII. Наши внутреннія дѣла	24
XIX. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). 1) «И смѣхъ, и горе». (Литературныя и общественныя замѣтки). Ефима Простосердова.	42
2) Стихотвореніе Хмураго Барда	53
XX. Объявленія	1—2

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почто-вое мѣсто*, куда можно было бы точно направлять книги журнала. Въ противномъ случаѣ, Редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не олучается подписчикомъ, Редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія идущей книги*, такъ какъ Газетная Экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. При жалобѣ должно быть приложено удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книга, дѣйствительно, не доставлена по адресу. Жалобы должны присылаться *непосредственно* въ Главную Контору. Утраченный не по винѣ редакціи экземпляръ высылается вторично подписчику за 1 руб. 25 коп. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо присылать *старый печатный адресъ* или же его номеръ и, при каждомъ заявленіи, прилагать *пять семикоптеевыхъ почтовыхъ марокъ* за напечатаніе новаго адреса. Перемѣна адреса должна быть получена въ Главной Конторѣ *не позже 20-го числа* каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу. 4) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный, уплачивается 2 руб.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—1 р. Перемѣны адресовъ общаются исключительно въ Главную Контору Редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ Редакцію, благоволятъ прилагать почтовые марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко переписанными*. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока, — если не будутъ потребованы обратно, — уничтожаются. *Статьи менѣе 200 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются*. По поводу доставляемыхъ стихотвореній, Редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей иногородныхъ, должны быть приложены почтовые марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказной бандеролью. Рукописи, доставленные безъ опредѣленія *точныхъ* условій гонорара, считаются бесплатными или оплачиваются по усмотрѣнію Редакціи (съ платою по листу или за всю рукопись). Рукописи должны быть присылаемы въ Редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами* и *бандеролями*. Рукописи, принятые *безъ указанія срока помѣщенія*, печатаются *исключительно* по назначенію Редакціи. По усмотрѣнію Редакціи, рукописи подвергаются сокращенію и измѣненію. Статьи неизвѣстныхъ Редакціи авторовъ, за которыя гонораръ не былъ потребованъ *въ теченіе полугода со времени напечатанія*, признаются бесплатными. Гонораръ за статьи, раздѣленные на нѣсколько книгъ, разсчитывается по окончаніи печатанія. 7) Контора открыта: съ 1-го октября по 1-е мая — отъ 12 до 4 часовъ пополудни, въ остальное же время года — до 3 час., *кромя праздничныхъ и воскресныхъ дней*. Приемъ въ Редакцію — *по четвергамъ, отъ часу до двухъ*. 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются съ платою: за страницу—25 руб., за $\frac{1}{2}$ стр.—13 руб., и за $\frac{1}{4}$ стр.—7 р. 9) Конторы газетъ и журналовъ, печатающихъ наши публикаціи, приглашаются доставлять свои счета въ Редакцію *не позже полугода со дня напечатанія*: иначе теряется возможность контроля надъ правильностью уплаты. 10) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только одинъ разъ въ мѣсяцъ: 25-го числа, отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ пополудни*. Если это число приходится на праздникъ или воскресенье, то

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА, НА 1899 г. НА ЛИТЕР.-ПОЛИТИЧ. ЖУРНАЛЪ

ГОДЪ XVIII. „НАБЛЮДАТЕЛЬ“ ГОДЪ XVIII.

Вступивъ въ осмнадцатый годъ своего существованія, журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей, въ томъ же *прогрессивно-національномъ* направленіи.

«НАБЛЮДАТЕЛЬ» выходитъ ежемѣсячно, безъ предварительной цензуры, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ.

Въ 1896 г., для подписчиковъ нѣкоторыхъ категорій, была сдѣлана скидка въ размѣрѣ 2 руб. съ годовой платы. Въ слѣдующемъ же году редакція нашла возможнымъ сбавить подписную цѣну для всѣхъ подписчиковъ безъ различія и приложить иллюстраціи.

Годовая цѣна: 12 руб. съ доставкою въ С.-Петербургъ и пересылкою иногороднымъ; за границу—14 р. **За полгода:** 6 руб. съ доставкою и пересылкою въ Россіи; за границу—7 р. **За три мѣсяца:** 3 руб. съ доставкою и пересылкою въ Россіи; за границу—4 руб. **За одинъ мѣсяць:** 1 р. съ перес. въ Россіи; за границу—1 р. 50 к. Гг. служащимъ разсрочка (мѣсячная и по третямъ) за поручительствомъ казначеевъ. Книгопродавцамъ уступка—50 коп. съ годов. экз. При подпискѣ полугодовой, уступки не полагается.

Въ вышедшихъ книгахъ журнала за прошлый годъ (№№ 1—12) помѣщены портреты министровъ: *А. С. Ермолова*, *Н. В. Муравьева*, *С. Ю. Витте*, бывшего военнаго министра *П. С. Ванновскаго*, генераль-адъютанта гр. *Н. П. Игнатьева* и почетнаго опекуна *И. П. Корнилова*.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Пушкинская ул., близъ Невскаго просп., № 14), въ конторѣ «Новаго Времени» и во всѣхъ извѣстныхъ книжн. магазинахъ (Вольфа, Цинзерлинга, Риккера, Стасюлевича и др.); въ *Москвѣ*—въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи), въ книжн. магазинѣ Карбасникова (Моховая, противъ университета) и въ отдѣленіи конторы «Новаго Времени»; въ *Одессѣ*—въ книжныхъ магазинахъ Распопова и «Нов. Времени»; въ *Кіевѣ*—въ кн. магазинахъ Оглоблина, Изаиковскаго и Литова; въ *Харьковѣ* и *Саратовѣ*—въ кн. магазинахъ «Нов. Времени».

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала на почту только передъ лицами, подписавшимися въ Главной Конторѣ.

Возобновленіе газеты «ГЛАСНОСТЬ» отлагается. Подписчики, не пришедшіе до 1-го апрѣля своихъ отвѣтовъ на запросъ редакціи, получаютъ журналъ «НАБЛЮДАТЕЛЬ», со скидкою 2 р. съ годовой платы.

Редакторъ-Издатель А. П. ПЯТКОВСКІЙ.

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY ORGANIZED 1891

AP

50

N33

v. 18

no. 4

1899

**Stanford University Libraries
Stanford, California**

Return this book on or before date due.

